

Первые издания книги «Институциональные матрицы и развитие России» вышли в 2000 и 2001 гг. С тех пор и до настоящего времени издание 2001 г. продолжает оставаться одним из самых востребованных для российских обществоведов. По данным научной электронной библиотеки ELIBRARY.RU в 2013 г. эта книга занимала 1-е место среди отечественных книг по числу цитирований среди социологов и 3-е место – среди экономистов страны. В большинстве университетов России теория институциональных матриц включена в программы по социологии, политологии и институциональной экономике. Нынешнее издание, в котором уточнены важнейшие теоретические положения, представлен новый эмпирический материал и проанализированы сделанные автором прогнозы, подтвердившиеся на практике, является наиболее полным изложением теории институциональных матриц, или X-Y-теории С. Г. Кирдиной.

Earlier editions of Institutional Matrices and Development in Russia first appeared in 2000 and 2001. And, the 2001 edition still benefits from brisk demand by Russian social scientists and their university students. According to data from the Scientific Electronic Library ELIBRARY.RU, the 2001 edition registers as the book most frequently cited by Russian sociologists, and as the third most frequently cited book by economists in 2013. At a host of universities throughout Russia, institutional matrices theory is currently included in the curricula in sociology, political science, and institutional economics. This new edition offers some improvements; by clarifying key theoretical points, offering new empirical data, and juxtaposing the author's forecasts to empirical evidence. This new edition is more comprehensive and better designed in order that the reader might readily access and quickly comprehend the X&Y-theory advanced by Svetlana Kirdina.

С.Г. Кирдина
Svetlana Kirdina

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И РАЗВИТИЕ РОССИИ

С.Г. Кирдина

С.Г. Кирдина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И РАЗВИТИЕ РОССИИ

Введение в X-Y-теорию

**INSTITUTIONAL MATRICES
AND DEVELOPMENT IN RUSSIA**
AN INTRODUCTION TO X&Y THEORY

Svetlana Kirdina

С.Г. Кирдина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И РАЗВИТИЕ РОССИИ

Введение в X-Y-теорию

Издание 3–е, переработанное, расширенное и иллюстрированное

Нестор–История
Санкт–Петербург
2014

УДК 000
ББК 000
К00

*Настоящее издание выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 11-02-00088*

Рецензенты:
М.А. Кузьмина, В.И. Маевский

Кирдина С.Г.

К00 Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. — СПб. : Нестор-История, 2014. — 468 с.

ISBN 978-5-4469-0000-0

В 3-м издании книги (первые в 2000 и 2001 гг.) представлена новая расширенная версия теории институциональных матриц, или X-Y-теории. Уточнены ее основные положения, приведены новые доказательства роли доминирующих институциональных матриц в формировании тенденций социально-экономического развития государств, показана сохраняющаяся биполярность мира. Продемонстрировано усиление роли стран с доминированием X-матрицы (Россия, страны Азии и Латинской Америки) относительно стран с доминированием Y-матрицы (Европа, Северная Америка, Австралия) в складывающемся глобальном порядке. В подтверждение эвристичности теории анализируются сделанные ранее прогнозы институциональной динамики современного российского общества, подтвердившиеся на практике.

Книга представляет интерес для социологов, экономистов, культурологов, политологов, историков и философов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей..

**УДК 000
ББК 000**

Издание 2000 г. получило 3-ю премию на Первом конкурсе монографий, организованном Российским обществом социологов в 2000 г.

Издание 2001 г. было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 00-06-87092.

ISBN 978-5-4469-0000-0

© С.Г. Кирдина, 2014
© Издательство «Нестор-История»,
2014

Моим юным учителям
Мише, Кате и Ленусе
посвящаю эту книгу

Краткое оглавление

Предисловие к третьему изданию	8
Благодарности	11
Предисловие ко второму изданию	13
Предисловие к первому изданию	16
Введение: зачем нужна еще одна теория?	20

Часть первая. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

<i>Глава 1.</i> Исходные постулаты теории институциональных матриц, или X-Y-теории.	33
<i>Глава 2.</i> Понятие институциональной матрицы	66
<i>Глава 3.</i> Коммунальная и некоммунальная материально-технологическая среда	79
<i>Глава 4.</i> Два древнейших государства — две институциональные матрицы.	89

Часть вторая. ДВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ — ДВА КОМПЛЕКСА ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

<i>Глава 5.</i> Редистрибутивные и рыночные экономики, или X- и Y-экономики.	99
<i>Глава 6.</i> Унитарные и федеративные политические системы.	136
<i>Глава 7.</i> Коммунитарные и индивидуалистские идеологии.	184

Часть третья. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

<i>Глава 8.</i> Устойчивость институциональных матриц и революции	215
<i>Глава 9.</i> Логика институциональных изменений	243
<i>Глава 10.</i> Теория институциональных матриц о прошлом, настоящем и будущем России	269
<i>Глава 11.</i> Динамика современного мира в зеркале теории институциональных матриц, или X-Y-теории.	306
<i>Глава 12.</i> Дискуссия	334

Заключение	356
«Дерево понятий» теории институциональных матриц, или X-Y-теории	359
Терминологический словарь теории институциональных матриц, или X-Y-теории.	360
Литература	382
Краткое содержание книги	423
Summary in English	444
Content in English	465

Оглавление

Предисловие к третьему изданию	8
Благодарности	11
Предисловие ко второму изданию	13
Предисловие к первому изданию	16
Введение: зачем нужна еще одна теория?	20

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Глава 1. Исходные постулаты теории институциональных матриц, или X-Y-теории.	33
1.1. Научный контекст создания: предшественники и исследовательское поле.	34
1.2. Материалистический (объективистский) подход	42
1.3. Разграничение «базовых институтов» и институциональных форм	51
1.4. Системный взгляд на общество: экономика, политика и идеология	60
Глава 2. Понятие институциональной матрицы	66
2.1. Определение институциональной матрицы.	66
2.2. Два типа институциональных матриц: X- и Y-матрицы.	70
2.3. Свойства институциональных матриц и комплементарные институты	73
Глава 3. Коммунальная и некоммунальная материально-технологическая среда	79
3.1. Роль материально-технологической среды: история вопроса.	79
3.2. Коммунальность/некоммунальность как общественное свойство материально-технологической среды	83
Глава 4. Два древнейших государства — две институциональные матрицы	89
4.1. Условия хозяйствования в древнем Египте и Месопотамии.	89
4.2. Политика и идеология в древнем Египте и Месопотамии	94

Часть вторая

ДВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ — ДВА КОМПЛЕКСА ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Глава 5.	Редистрибутивные и рыночные экономики, или X- и Y-экономики	99
5.1.	О двух типах экономик	99
new! 5.2.	Базовые институты редистрибутивных X-экономик	106
new! 5.3.	Базовые институты рыночных Y-экономик	123
5.4.	Взаимодействие доминантных и комплементарных экономических институтов	128
Глава 6.	Унитарные и федеративные политические системы	136
6.1.	О политических институтах	137
6.2.	Базовые институты унитарного политического устройства X-матрицы	142
6.3.	Базовые институты федеративного политического устройства Y-матрицы	166
6.4.	Взаимодействие доминантных и комплементарных политических институтов	175
Глава 7.	Коммунитарные и индивидуалистские идеологии	184
7.1.	Понятие идеологии	185
new! 7.2.	Базовые институты коммунитарной идеологии X-матрицы	191
new! 7.3.	Базовые институты индивидуалистской идеологии Y-матрицы	200
7.4.	Взаимодействие доминантных и комплементарных идеологических институтов	208

Часть третья

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Глава 8.	Устойчивость институциональных матриц и революции	215
new! 8.1.	Path dependence, возрастающая отдача и неуязвимость институциональных матриц	215
8.2.	Революции как свидетельство устойчивости институциональных матриц	224
new! 8.3.	X-матрица земельной собственности в России: иллюстративное приложение	231
Глава 9.	Логика институциональных изменений	243
9.1.	Институциональные изменения как развитие институциональных форм	244
9.2.	Источники институциональных изменений	254
9.3.	Поиск институционального баланса и пределы преобразований	260

Глава 10. Теория институциональных матриц о прошлом, настоящем и будущем России	269
10.1. Коммунальность материально-технологической среды России	269
10.2. Реконструкция некоторых периодов российской истории	280
new! 10.3. Институциональные преобразования в постсоветской России: сбывшиеся прогнозы.	286
NEW! Глава 11. Динамика современного мира в зеркале теории институциональных матриц, или X-Y-теории	306
11.1. Глобальные институциональные циклы и устойчивость биполярности	306
11.2. Современные государства в поисках институционального баланса	318
NEW! Глава 12. Дискуссия	334
12.1. FAQ: ответы на часто задаваемые вопросы	335
12.2. Проблемы приложения теории институциональных матриц и освоения «методологического институционализма»	346
Заключение	356
«Дерево понятий» теории институциональных матриц, или X-Y-теории	359
Терминологический словарь теории институциональных матриц, или X-Y-теории	360
Литература	382
Краткое содержание книги	423
Summary in English	444
Content in English	465

Предисловие к третьему изданию

Прошло более десяти после предыдущего, второго издания этой книги, а дискуссии вокруг поднятых в ней вопросов не прекращаются. С одной стороны, кем-то положения теории институциональных матриц, или X-Y-теории, как ее стали называть, приняты, используются как методологическая основа исследований и даже включаются в программы учебных курсов. С другой стороны, сохраняется жесткая критика в отношении теории институциональных матриц.

При этом, как ни покажется парадоксальным, сторонники теории порой разочаровывают автора не меньше, чем оппоненты. Когда читаешь о том, как трактуются положения теории институциональных матриц теми, кто «за», и теми, кто «против», видишь, что интерпретации порой сильно отличаются от авторского замысла. Я связываю это с недостаточной доказательностью ряда положений и издержками изложения и отношу на свой счет. В коммуникации *главное — не сказать, а быть услышанной!* Это уже общепризнанно в нынешнюю «информационную эпоху» (М. Кастельс). Попытка еще раз донести свои идеи с помощью новых аргументов и в обновленной форме — одна из причин выхода в свет нынешнего издания.

Вторая причина связана с развитием самой идеи, поскольку в прошедшие годы работа над ней — как теоретическая, так и в плане приложений, — не прекращалась. Лишь интуитивно намеченные в первых изданиях общеполитологические и парадигмальные подходы к анализу общества, реализованные в теории институциональных матриц, получили, хочется верить, свое развитие и уточнение. Общество рассматривается как сложная саморазвивающаяся система, отличающаяся наличием «особых

информационных структур, фиксирующих важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти структуры выступают в функции программ поведения системы» (Степин, 2011). Одной из разновидностей таких структур выступают взаимосвязанные институты главных общественных сфер — экономики, политики и идеологии. Такие устойчивые системы взаимосвязанных институтов, обеспечивающие целостность общества, и определяются здесь как институциональные матрицы.

Оппоненты порой забавно «обличают» автора замеченными фактами коррекции некоторых основополагающих понятий в ходе продолжающихся исследований. Им представляется, что это говорит о слабости теории и «вызывает вопрос относительно валидности как самой теории, так и методики ее построения» (Бессонова, 2007, с. 30). Но разве может теория не развиваться? Методологи науки, характеризуя процесс научного поиска, так говорят об этом: «надо различать «твердое ядро» теории, положения, имеющие статус ее фундаментальных допущений, базовых предпосылок, и адаптацию, уточнение проявлений этих положений в реальной эмпирической практике. В ходе этой работы происходят конкретизации; те модификации, которые менее точно отражают существо положений, могут быть отброшены, в то время как другие, более точно воспроизводящие содержание исследуемых феноменов, «берутся на вооружение». Все это и означает творческую разработку теоретических гипотез» (Шлиссер, 2003, с. 64).

Образно, но весьма точно о законах познания писал великий китайский философ Лао-цзы: «проводниками могут быть пути, но не неизменные тропинки; можно определять имена, но не постоянные ярлыки» (*Вэн-цзы*, с. 29). На мой взгляд, при разработке теории институциональных матриц продолжается следование выбранному «пути» научного поиска, а уточнение и развитие понятий происходит при сохранении ее фундаментальных предпосылок и концептуальной основы. Структура институциональных матриц проходит «проверку временем» и в целом подтверждается, при этом отдельные образующие их институты получили более точные, на мой взгляд, определения.

За прошедшие годы уточненные понятия и положения теории институциональных матриц были опубликованы в ряде статей в России и за рубежом. Однако, несмотря на огромную роль таких публикаций, как научная статья, особенно в уважаемых журналах, монографии и книги в социальных науках сохраняют свое значение. Поэтому обновления теории институциональных матриц собраны здесь «под одной обложкой». Для удобства читателя существенно (не текстуально) обновленные главы и параграфы помечены в Содержании значком *new!*, а вновь написанные главы и параграфы — знаком *NEW!*

Третья причина переиздания монографии в переработанном и расширенном варианте связана с ее практической направленностью. С самого начала основной целью моих теоретических исследований было искреннее желание способствовать пониманию того, как развивается наша страна, в которой мы живем, и это нашло отражение и в названии, и в структуре книги. Когда-то, заканчивая школу, я решила поступать на экономический факультет потому, что верила — именно благодаря эко-

номистам, обществоведам мы сможем построить лучшее общество. Тогда в СССР, в далекие 1970-е годы мой папа говорил, «что если бы все планы в стране выполнялись, то у нас уже был бы коммунизм». «А кто помогает политикам в составлении планов, — думала я тогда, — конечно, ученые!». Много позже, став взрослой, я поняла, что связь теории и практики не так однозначна. Но стремление развивать теорию не ради ее самой, но для того, чтобы лучше понимать, объяснять и прогнозировать развитие того общества, в котором живешь, осталось неизменным. Прошедшее время дало возможность вернуться к сделанным когда-то на основе теории прогнозам и проверить их. То, что они реализуются, доказывает: теория институциональных матриц стоит того, чтобы ею заниматься!

Это издание отличается от предыдущих также значительным количеством изображений — картинок, графиков и схем. Великий «пророк из Торонто» Маршалл Маклюен (Маклюен, 2003) писал, что в современную эпоху образное мышление все более становится условием коммуникативного обмена. Огромная роль передачи смыслов путем изображений, характерная для дописьменной эпохи, снова возвращается в нынешней «глобальной деревне», где представители разноязыкой Земли напрямую общаются при помощи электронных систем мультимедиа. Положение о роли изображения в коммуникации развивается и в работах его сына Эрика Маклюена с коллегами, например, в недавно опубликованном электронном издании «The Human Equation», или «Человеческие уравнения» (McLuhan, Constantineau, 2011). Картинки могут точнее передать содержание информации, чем слова. Неслучайно разнообразные *смайлики* так широко используются сегодня в электронной переписке все большего числа людей, вместо устных докладов распространены наглядные презентации с обилием графического материала, а публикации по визуализации мышления — лидеры на рынке бизнес-литературы. Удачный визуальный образ может передать суть явления или процесса без лишних слов. Именно к этому мы стремились в настоящем издании, добавив в него полезные и нескучные, хочется надеяться, изображения. Также стал более разнообразным стиль изложения: книга сочетает как «методичное», ухоженное письмо, так и единичные наблюдения или афористические высказывания.

Тем не менее, книга не закончена, потому что «пока книга не прочитана, она не завершена». Как говорили до нас мудрые, книгу пишут двое — писатель и читатель. Так что я передаю эту книгу вам, уважаемые читатели.

Август, 2011 — июль, 2013
Москва

Светлана КИРДИНА

Благодарности

Первые слова признательности я адресую многим знакомым и незнакомым коллегам, которые согласились с полезностью теории институциональных матриц и применяют ее в своей работе, они поддерживают мое стремление работать дальше и выражаться яснее.

Также я благодарю критиков теории институциональных матриц. Необходимость подготовки третьего издания книги «Институциональные матрицы и развитие России» — в том числе и их заслуга. Чем ядовитее и резче были аргументы «против», тем веселее (после того как я приходила в себя) мне работалось над своим любимым предметом.

Уважаемые исследователи, которые иногда применяли положения теории институциональных матриц таким удивительным образом, что хотелось забыть свою фамилию и авторство — вас я также благодарю за то, что стимулировали мою работу над очередным переизданием книги.

Кроме анонимных благодарностей, не могу не назвать имена тех, кто — вольно или невольно, помог мне увидеть новые горизонты в своей работе.

Прежде всего, это коллеги из Института экономики Российской академии наук, где я сейчас работаю. Я признательна сотрудникам Центра методологии экономических исследований — его руководителю **Олегу Игоревичу Ананьину** и главному научному сотруднику **Юлию Яковлевичу Ольсевичу** — в этом центре в 2002 году началась моя работа в институте. Сейчас я тружусь в Центре эволюционной экономики под руководством **Владимира Ивановича Маевского**, которого я благодарю за терпение при ответах на мои многочисленные вопросы и постоянную поддерж-

ку. Лаборанту нашего центра **Андрею Игоревичу Волынскому** я признательна за помощь в техническом оформлении этой книги.

«Зеленый свет» моей работе в Институте экономики РАН дали заведующий сектором **Сергей Анатольевич Андриюшин**, бывший директор института **Леонид Иванович Абалкин**, ушедший от нас в 2011 г., заместители директора **Дмитрий Евгеньевич Сорокин** и **Александр Яковлевич Рубинштейн** — спасибо им, что они поверили в мои возможности!

Молодой исследователь из Канады **Грегори Сандстром** помог мне сформировать более глобальный взгляд, и я надеюсь, что следы его влияния помогли сделать эту книгу более современной и актуальной.

Особую благодарность я выражаю всем своим соавторам. Наиболее важной была совместная работа с **Юрием Иосифовичем Александровым**, **Андреем Владимировичем Верниковым**, **Людмилой Ивановной Кондрашовой** и **Александром Александровичем Рубинштейном**. Осваивая с ними новые для себя области, я увереннее двигаюсь дальше по избранному пути.

Наконец (*last but not least*) я благодарю российских и зарубежных коллег-институционалистов, прежде всего, сотрудников Центрального экономико-математического института РАН заместителя директора **Георгия Борисовича Клейнера**, заведующего лабораторией **Виктора Мееровича Полтеровича**, заведующего сектором **Баграта Айковича Ерзнкяна**, а также многих других, в кругу которых я постоянно обсуждаю результаты работы и обогащаюсь их мудростью. Спасибо всем вам!

Благодарю также своих друзей за веру и поддержку моей работы, хотя они и не всегда идейно согласны с моими подходами. Ваши имена «написаны в моем сердце», как говорили те, кому хочется подражать.

Высказанные ранее благодарности в Предисловиях к предыдущим изданиям книги также остаются неизменными.

Предисловие ко второму изданию

С момента выхода в свет первого издания книги «Институциональные матрицы и развитие России» прошел год. Мир шагнул в новое тысячелетие, а наша страна переживает, возможно, поворотный пункт своей истории, начав после хаоса явное движение к восстановлению своего внутреннего благополучия и упрочению пошатнувшихся международных позиций. В ходе этого движения более выпуклыми и очевидными стали те результаты социального реформирования России, которые прогнозировались на страницах предыдущего издания, что практически подтверждает основные теоретические выкладки. В течение этого года мною были подготовлены и опубликованы несколько статей в различных журналах, научных монографиях и сборниках по основным и прикладным аспектам теории институциональных матриц. Теория институциональных матриц и ее приложения были представлены на семинарах и конференциях в России и за рубежом, она стала частью социологических курсов в ряде учебных заведений гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Барнаула и др.

Следствием этого стало заинтересованное и критическое обсуждение предложенной концепции в научной и вузовской среде. В немалой степени этому способствовало присуждение книге «Институциональные матрицы и развитие России» третьей премии на первом конкурсе научных монографий по социологии, проведенном Российским обществом социологов. Результаты конкурса были представлены и обсуждены на I-м Всероссийском социологическом конгрессе в Санкт-Петербурге в сентябре 2000 г., собравшем более тысячи участников из России, стран СНГ и зарубежных государств. Интенсивности этих дискуссий во многом способствовала поддержка президента Российского общества

социологов доктора философских наук **Валерия Андреевича Мансурова**, за что я ему искренне благодарна.

В ходе прошедших обсуждений было высказано немало важных замечаний, поставлены вопросы, которые требовали более развернутых и аргументированных ответов, чем были даны в первом издании книги. Дискуссия способствовала также уточнению ряда положений теории институциональных матриц. Процесс этот, как показывает исторический опыт, бесконечен, но, тем не менее, мне представляется возможным в относительно законченной форме представить новые результаты очередного этапа исследований в области теории институциональных матриц. Этому в немалой степени способствовала позиция Российского Фонда Фундаментальных Исследований, поддержавшего своим грантом издание этой книги.

По сравнению с первым изданием в книгу внесены следующие изменения и дополнения. Во-первых, большее место отводится рассмотрению теории институциональных матриц в проблемном поле современной социологии, дается авторская оценка и позиция по ряду важных, как мне представляется, теоретических и методологических вопросов и проблем, обсуждаемых обществоведами на нынешнем рубеже веков и тысячелетий. Выделяются и анализируются критерии, которым должны удовлетворять макросоциологические гипотезы и теории. Элементы теоретической дискуссии, добавленные в книгу, в значительной степени спровоцированы эрудицией и заинтересованным отношением к моим работам **Марии Владимировны Павенковой**, ассистента кафедры социологии управления Санкт-Петербургского государственного университета, которая в ходе нашей переписки поставила ряд важных вопросов, потребовавших ответов.

Во-вторых, по сравнению с первым изданием, уточнено содержание некоторых базовых институтов, а также четче определены введенные категории. При сохранении общей структуры и наименования подавляющего числа понятий, они получают дополнительную «расшифровку». На мой взгляд, в нынешнем виде категориальная система теории более соответствует требованиям научности и объективности, она в меньшей степени активизирует у читателя множественные смысловые ряды, имеющие к содержанию понятий лишь косвенное отношение. Так, понятие восточных и западных институциональных матриц, использованное в предыдущей работе, вызывало, несмотря на соответствующие разъяснения на страницах книги, постоянные аналогии с цивилизационно-культурологической оппозицией Восток-Запад. В настоящее время более адекватным представляется апробированное за год в ряде статей и выступлений наименование двух типов институциональных матриц как X и Y-матрицы (или восточные и западные), и именно так они определяются в настоящей книге. Существенно уточнена также структура базовых экономических и идеологических институтов, представленных в пятой и седьмой главах.

В-третьих, дан более подробный анализ и приведены дополнительные данные, раскрывающие и иллюстрирующие специфику связей между базовыми институтами в каждой из институциональных матриц. Критические и глубокие замечания **Татьяны Ивановны Заславской**, **Земфиры Ивановны Калугиной**, **Николая Ивановича Лапина** и **Кристины Мэнике-Джонджоши** направили мое внимание

на осмысление интеграции институтов, основанной, с одной стороны, на сходстве, подобии, идентичности их природы, и, с другой стороны, на их дифференциации и дополняющем характере.

В результате переработки и дополнения книги уточнены и более подробно представлены исходные положения теории институциональных матриц, скорректирована система понятий, расширена эмпирическая и источниковая база теории. Одновременно, несмотря на названные изменения и дополнения, удалось сохранить структуру работы и логику представления материала, произошло лишь некоторое увеличение объема книги. Это позволяет легко соотносить изменения, внесенные в настоящее издание, с текстом предыдущей книги.

Наконец, по сравнению с первым изданием, существенно расширена библиография приведенных работ. Дискуссии показали, что в сходных направлениях работали и работают многие авторы, ссылки на труды которых позволяют шире представить фронт исследований по рассматриваемой проблематике и глубже аргументировать некоторые авторские положения.

Второе издание позволило также исправить ряд досадных неточностей, сошедшихся в первом издании книги. За это, как и за помощь в организации материала и квалифицированные консультации по улучшению текста, я искренне благодарна редактору книги **Валентине Юльевне Юхлиной**. Благодаря заинтересованной и внимательной работе **Бориса Петровича Гургуцы** изменена структура и улучшено качество рисунков и иллюстраций. Хочется надеяться, что все это облегчит путь книги к читателю.

Публикуя эту важную для себя работу в более проработанном, по сравнению с первым изданием, виде, считаю возможным посвятить ее своим родителям, таким непохожим друг на друга — моей матери **Анисимовой Любови Михайловне**, память о которой всегда поддерживает мой дух, и моему отцу **Кирдину Георгию Павловичу**, не устающему принимать мир таким, каков он есть, чему и я стараюсь у него научиться.

*Февраль, 2001
Новосибирск — Москва*

Светлана КИРДИНА

Предисловие к первому изданию

Прогресс наук заключается в познании ими все более глубинных и существенных свойств изучаемых объектов, свойств скрытых, но определяющих основные законы функционирования реального мира. Химия уже давно исследует молекулярное строение вещества, физика вплотную занимается изучением атомного ядра, в недрах биологии успешно развивается генетика, изучающая гены — материальные носители наследственности живых организмов.

Общественные науки также ставят перед собой задачу проникнуть в законы устройства обществ, выделить в меняющемся социальном мире неизменные основы, определяющие пути и характер исторического развития. Одним из средств для решения этой задачи может послужить теория институциональных матриц, опыт разработки которой представлен в настоящей книге.

Современное состояние общественных наук рядом методологов характеризуется как предпарадигмальное. Оно означает, что возникла объективная необходимость смены исследовательских парадигм, обновления известных постулатов, формирования новых общетеоретических рамок для объяснения происходящих социальных процессов. Почему предсказанные К. Марксом революции происходили не в западных, как он предполагал, государствах, а в России, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии? Почему, несмотря на глобализацию мирового развития, экономические и социальные формы, заимствуемые теми или иными государствами из опыта других стран, порой не реализуются или приобретают противоположное содержание? Почему так различны процессы реформирования на постсоветском пространстве, и то, что легко внедряется в странах Восточной Европы, не реализуется

в России? Что определяет тип общества и направленность его исторической эволюции и где пределы институциональных преобразований?

На эти и другие вопросы не дают удовлетворительных ответов классические социологические теории. Общественная практика бросает вызов ученым и требует новых теоретических гипотез, новых понятий и категорий, в которых могут быть описаны и поняты происходящие социальные процессы.

На наш взгляд, назрела необходимость более углубленного исследования природы обществ, выявления его исходных, «матричных» структур, латентно определяющих многообразие и направленность процессов, происходящих «на поверхности» социальной жизни. Предлагаемая и развиваемая автором теория институциональных матриц служит именно этой цели. Согласно этой концепции, институциональные матрицы представляют собой первичные, исходные социальные формы, складывающиеся при возникновении государств. Институциональные матрицы инвариантны, сохраняют свою природу и определяют характер исторической эволюции государства.

Если деятельность социальных субъектов в обществе — стихийно или сознательно — учитывает характер его исходной институциональной матрицы, то развитие страны осуществляется быстрее. Если же социум пытается организовать свою общественную жизнь, не соразмеряясь с природой присущей обществу институциональной матрицы — неизбежны социальные потрясения, нестабильность, отставание от более развитых государств. В социальной жизни законы институциональных матриц действуют аналогично закону всемирного тяготения в физическом мире. Если использовать знание закона — можно подняться к звездам, если же пренебрегать им, то неизбежны падения.

На данном этапе предлагаемая вниманию читателей разрабатываемая теория институциональных матриц представляет собой по сути макросоциологическую гипотезу, обсуждение которой только начинается в среде научной общественности. Автором продолжают исследования по углублению содержания понятий и законов теории институциональных матриц, верификации основных положений теории историческими данными, а также материалами о ходе современных трансформационных процессов в различных странах. Оправдаются ли авторские претензии на то, что разрабатываемая концепция действительно станет «развитой формой научного знания, дающей целостное представление о закономерностях развития социальных структур», т.е. полноценной и признанной социологической теорией? Это зависит и от результатов предстоящего автору многолетнего труда, и от апробации полученных выводов в среде коллег. Осознание роли научного обсуждения и критики концепций для развития последних является одним из главных стимулов опубликования первых полученных автором результатов в области изучения институциональных матриц.

Теоретическая гипотеза о сущности институциональных матриц возникла в результате осмысления истории развития древних и современных государств, прежде всего России. Исходным толчком для ее разработки послужили некоторые положения институциональной теории хозяйственного развития России, предложенной современным представителем Новосибирской экономико-социологической школы Ольгой

Э. Бессоновой. Следующим шагом в разработке теории институциональных матриц явилось переосмысление идей Татьяны И. Заславской о социально-региональной структуре российского общества, а также эмпирических результатов, полученных в ходе многолетних статистических и социологических исследований в этой области. Наконец, важное значение для формирования авторского представления о структуре институциональных матриц имело тщательное изучение трудов Александра С. Ахиезера, разрабатывающего социокультурную теорию динамики российского общества.

Важными вехами послужили также идеи, изложенные в классических трудах Адама Смита и Карла Маркса и в современных работах американских неoinституционалистов, прежде всего Карла Поланьи и Дугласа Норта.

Для понимания своеобразия политических и государственных структур разных стран большое значение имело для автора знакомство с работами представителей российской государственной исторической школы, прежде всего В. Безобразова, М. Владимирского-Буданова, А. Градовского, В. Ключевского, П. Мрочка-Дроздовского и др.

Учитывая труды указанных и многих других исследователей, работа, тем не менее, отражает собственные социально-философские размышления автора о путях развития обществ и опирается на выводы самостоятельных историко-социологических исследований, проведенных в 1996–1999 гг.

Итак, эта книга о том, что пути эволюции стран определяются типом институциональной матрицы, которая складывается в процессе формирования государства и обусловлена спецификой материально-технологической среды в ареале его возникновения. Что же такое институциональная матрица? Имеется ли их бесконечное множество, и каждое государство характеризуется уникальной матрицей? Или все их многообразие сводится к ограниченному числу? Как взаимодействуют государства с разным типом институциональных матриц? Каково авторское видение истории и будущего развития российского общества в рамках представленной концепции? Попытка ответить на эти вопросы предпринята на страницах книги, которая предлагается вниманию уважаемых читателей.

Заключая это краткое введение, считаю необходимым представить читателям тех лиц, которые в той или иной форме содействовали моим научным изысканиям в области институциональных матриц.

В первую очередь хочу выразить признательность и уважение моему учителю и педагогу, руководителю моих научных исследований еще со студенческих лет **Татьяне Ивановне Заславской**, действительному члену Российской Академии наук. Именно она впервые увлекла меня процессом познания общества и показала живой пример высочайшего уровня исследований. Под ее руководством в 1980-х годах были выполнены работы по изучению социально-региональной структуры нашего общества, в которых я принимала участие.

В 1992–1996 гг. мне посчастливилось тесно работать с **Ольгой Эрнестовной Бессоновой**, кандидатом (ныне доктором) социологических наук. Долгие и интереснейшие дискуссии, которые были органической частью нашего рабочего процесса, послужили в дальнейшем становлению ряда гипотез, изложенных в настоящей работе.

Я благодарна своему научному коллективу — отделу социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, известному ныне как Новосибирская экономико-социологическая школа. Высота научной планки, заданная в отделе, всех нас стимулирует на тщательную и глубокую работу. Особенно я признательна нынешнему руководителю отдела, доктору социологических наук **Земфире Ивановне Калугиной**, поверившей в мои возможности и «благословившей» меня на работу, результатом которой стала эта книга.

Профессор Владимир Александрович Ядов, директор Института социологии РАН, в ходе наших редких, но удивительно содержательных встреч, сделал ряд неопценных замечаний, которые акцентировали мое внимание на некоторых критических моментах излагаемой концепции. Его безупречный «социологический слух» очень помог мне в работе над этой книгой, о чем он сам, может быть, и не догадывается.

Я также искренне признательна членам своей семьи, мужу **Михаилу Протопопову** и дочери **Марии Крапчан**, за их постоянную поддержку, веру и любовь.

Март, 2000
Новосибирск — Москва

Светлана КИРДИНА

Теория — это когда все известно, но ничего не работает. Практика — это когда все работает, но никто не знает почему. Мы же объединяем теорию и практику: ничего не работает... и никто не знает почему!

А. Эйнштейн

Введение: зачем нужна еще одна теория?

Это популярное высказывание великого физика и философа подходит не только для технической сферы, но и для описания общественной жизни — зачастую именно здесь расхождения теории, вернее, многочисленных теорий, и наблюдаемой практики бывают наиболее очевидными. Возможно, именно поэтому попытки теоретизирования среди экономистов, социологов и их коллег-обществоведов не прекращаются. Для России, плохо вписывающейся в «прокрустово ложе» ряда современных социологических и экономических концепций, это тем более актуально.

Потребность в теоретизировании имеет и внутренние причины. Российский историк В. О. Ключевский писал более 100 лет назад: «человеческий дух тяготеет хаотическим разнообразием воспринимаемых им впечатлений, скучает непрерывно льющим их потоком; ... нам хочется уложить их в какое-либо русло, нами самими очерченное, дать им направление, нами указанное. Этого мы достигаем посредством обобщения конкретных явлений. Обобщение бывает двоякое. Кто эти мелочные, разбитые или разорванные явления объединяет отвлеченной мыслью, сводя их в цельное мирозерцание, про того мы говорим, что он философствует. У кого житейские впечатления охватываются воображением или чувством, складываясь в стройное здание образов или в цельное жизненное настроение, того мы называем поэтом» (Ключевский, 1904–1910, т. 2, с. 238).

Те, кого Ключевский называет философами — это ученые-теоретики, пытающиеся потоки неструктурированных фактов обобщить в «цельное мирозерцание». Для этого они применяют соответствующие научные средства. Вместо образов, используемых

поэтами, исследователи оперируют системами понятий, логическая взаимосвязь которых эстетически сродни гармонии поэтических рифм или художественных пропорций. Истинный ученый и истинный художник одинаково стремятся к красоте, толкового описания которой нет ни в одном Толковом словаре. Именно красота, на мой взгляд, — подлинный критерий того, действительно ли удалось создать достойную теорию или художественный шедевр. Разложить эту красоту на внутренние составляющие почти невозможно ни в науке, ни в искусстве. Тем не менее, человечество постоянно предпринимает попытки «проверить алгеброй гармонию». В науке, о которой здесь идет речь, это выражается формулировкой требований, ограничений, критериев, которым должна соответствовать прекрасная, т. е. подлинно научная теория.

В самом общем виде теория — это логическая дедуктивная схема с явными и формально установленными аксиоматическими посылками, выводы из которых должно соответствовать эмпирически верифицируемым высказываниям о фактах. Построение теорий, как отмечал американский социолог российского происхождения Питирим Сорокин, опирается на эмпирические, рационалистические и интуитивные методы (Сорокин, 1992 (1928), с. 131). Это означает, что теории невозможны без анализа эмпирических данных, без логических средств упорядочивания бесконечного множества явлений в систему, а также без интуиции и вдохновения, возникающих непостижимым и сокровенным образом. Если все эти моменты присутствуют в социальной теории, то, по убеждению П. Сорокина, они увеличивают наше знание об обществе не только благодаря своим открытиям, но и своим заблуждениям (там же, с. 194), и поэтому, полагал великий социолог, теории следует считать несомненными достижениями.

Представленная в книге теория институциональных матриц, или X-Y-теория, имеет социологическое происхождение. В то же время рискну предположить, что и для других отраслей обществоведения, в том числе и для экономических наук, она может быть полезной. «В наше время нет ни одной сколько-нибудь научной работы по вопросам общественных наук, которые так или иначе не предпосылали бы в виде фундамента той или иной социологической теории» (Сорокин, 1912, с. 2770), писал наш соотечественник более века назад, и это представляется справедливым по сей день. Действительно, если «поскрестить» экономические или политологические доктрины, можно увидеть, что их авторы опираются на определенные представления об обществе, имеют в голове свою «социологическую картину мира», даже если не отдают себе в этом отчета.

Аксиоматические предпосылки, с которых начинается любая теория, в социологии, как и других общественных науках, порой явно не представлены, хотя именно здесь они чрезвычайно важны. На мой взгляд, в социологии это необходимо еще и потому, что здесь, в науке относительно молодой (в сравнении науками точными и естественными), еще не сложилась общепринятая система аксиом, т. е. однозначно определяемых общих понятий, покрывающих основное проблемное поле социологических феноменов. По-разному понимаются даже такие основополагающие социологические категории, как социальная структура,

институты, социетальный тип общества. Со временем единая система социологических понятий в социологии, несомненно, сложится. Без этого ей трудно будет занять достойное место в системе фундаментальных наук, а грозит быть лишь хранилищем эмпирических данных и сборников-эссе о социальной жизни разных времен и народов, написанных грамотными и не чуждыми философствования людьми. К настоящему же времени становление общесоциологической аксиоматики, особенно под влиянием глобализации современного мира — активно продолжающийся процесс.

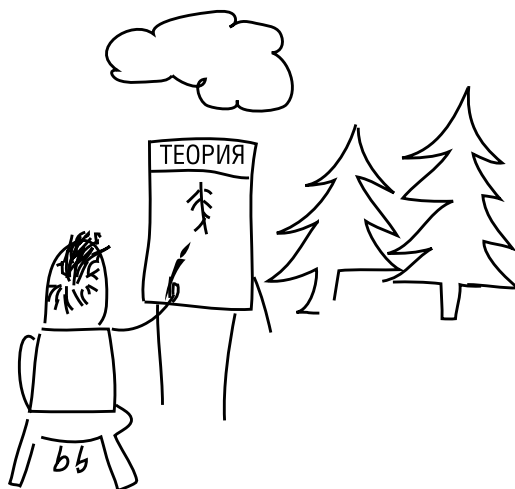
Аксиоматика и самоопределение автора теории в проблемном пространстве науки — не только дань традиции, повод проявить научную эрудицию и доказать профессиональную квалификацию. На этом этапе решается чрезвычайно важная содержательная задача. Она заключается в том, чтобы определить тот круг явлений, феноменов, связей, в отношении которых разрабатывается теория. В социологии это особенно важно потому, что в общественной жизни все явления и процессы обычно тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому вычлениить относительно независимые, хотя бы на абстрактном уровне, аналитические структуры, оказывается подчас чрезвычайно трудно.

Тем не менее, полезно стремиться к тому, чтобы четко обозначить исходные теоретические постулаты и выделить круг анализируемых явлений, в отношении которых строится теория. Чем четче будут заданы границы ее адекватности и применения, тем более ясных социальных выводов можно ожидать от применения новой теории.

Определившись в окружающем научном пространстве и обозначив свою нишу, новая теория на следующем шаге уже должна предъявлять самое себя. Это означает, прежде всего, соответствие формальному определению теории, когда она служит «формой организации научного знания, дающей целостное представление о существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории» (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 556). В отличие от концепций, представляющих определенный способ понимания и трактовки явлений, некоторый принцип организации разнообразных данных (там же, с. 229), теория представляется более строгим и структурированным образованием, включающим в себя зафиксированные в большинстве научных энциклопедий компоненты.

Методологически центральную роль в разработке теории играет лежащий в ее основе идеализированный объект. Если в поэзии такой объект называют образом, который находят и разбирают литературные критики, полагая, что без него не существует поэтического произведения, то в научной теории аналогичную роль выполняет теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализации. Этот объект часто представляет собой научное открытие, поскольку открытие в его будничном понимании — «это просто установление новых связей между уже известными фактами» (Балаев, 2000, с. 8). И хотя любая теория — лишь схема реальности, но, тем не менее, она ее отражает (должна отражать) в наиболее существенных с точки зрения исследователя чертах. Такое понимание иллюстрирует рисунок 1.

Рисунок 1. Соотношение
идеализированного объекта теории
и реальности

Как правило, предложенная ученым идеализированная модель дает название теории, поскольку определяет ее специфику и составляет главное содержание. Так, модель институциональных матриц составляет основной идеализированный объект в теории институциональных матриц, представленной на страницах этой книги.

Общепринятыми важнейшими компонентами теории являются:

- исходные эмпирические основы, или множество эмпирических понятий и фактов, требующих новых теоретических объяснений;
- исходные теоретические основы, т. е. ряд или система теоретических понятий и первичных допущений, постулатов, аксиом и законов, на основе которых формулируется идеализированный объект теории;
- логический аппарат, т. е. правила выводов и доказательств;
- совокупность выведенных в теории понятий и утверждений с их доказательствами (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 558).

Выполнение всех вышеназванных критериев в отношении социальных теорий — труднодостижимая задача. Это связано с особенностями знания об обществе, обычно слабо формализуемого и неоднозначно упорядочиваемого. Специалисты-методологи отмечают, что в современном общественном знании «определение понятия не подразумевает однозначного вычленения его содержания и объема» (Хвостова, Финн, 1997, с. 46). Поэтому понятия часто представляют собой не суждения, которые характеризуют отличительные признаки объекта, а суждения, в которых содержится лишь идея, имеющая каждый раз либо излишне абстрактную, либо чересчур конкретную форму. Поэтому формальные определения в общественных науках являются не такими жесткими, как это принято в точных и естественных науках.

Разумеется, оценка качества теории не измеряется лишь «линейкой» названных выше критериев. Нужны многочисленные исследования, проверки, обсуждения,

а, главное, необходимо время, которое определит состоятельность предлагаемых теми или иными авторами теоретических построений. И главное: если в теории есть красота, соразмерность понятий, строгая логика и убедительность, если она позволяет автору и другим исследователям понять или увидеть нечто новое в устройстве нашего мира, осознать его неизвестные ранее закономерности, то, независимо от того, следует ли она заявленным формальным требованиям или нет, теория будет жить. Тем не менее, ориентация на общепринятые критерии помогает исследователю-теоретику глубже и четче реализовать свои замыслы.

Итак, первейшим требованием, обуславливающим необходимость новых теорий, постулируется наличие эмпирической основы¹. Эмпирические данные образуют основной провокационный фон, который стимулирует разработку теорий. Эти данные, накапливаемые в ходе работы, проводимой как самим исследователем, так и другими учеными, в какой-то момент оказываются необъяснимыми, или недостаточно объяснимыми в рамках известных и принятых теорий и концепций. Эмпирически получаемые зависимости или наблюдаемые феномены противоречат тем, которые предполагаются известными теориями. Когда такая ситуация становится массовой, когда становится очевидным, что это не следствие ошибок в ходе проведения исследований, когда «неправильные», с точки зрения тех или иных теорий, социальные процессы приобретают устойчивый и повторяющийся характер, тогда возникает необходимость в обновлении методологии проводимых социальных исследований. В такие периоды нужны новые теоретические гипотезы (теории), в рамках которых реальность может быть адекватно и логически объяснена.

Именно такая уникальная и плодотворная для исследователей ситуация сложилась в российском обществоведении к концу XX века. Начавшаяся эпохой гласности перестройка экономических и социально-политических отношений в бывшем СССР (Союзе Советских Социалистических Республик), инициатором которой выступил в середине 1980-х годов политический руководитель страны М. С. Горбачев, подразумевала модернизацию страны в определенном, казавшемся очевидным направлении. Перестройка включала в себя рыночные преобразования в экономике, поскольку в тот период именно развитые рыночные государства демонстрировали

---

¹ Хотя требование эмпирических обобщений для построения теории иногда оспаривается. Так, американский социолог Талкотт Парсонс, сравнивая социологические теории с теориями аналитической механики или общей физиологии, отмечал, что, как таковые, они не содержат в себе никаких эмпирических обобщений вообще. «Эти теории, — писал Парсонс, — являются только набором инструментов, работая которыми на адекватном материале, можно получить как частные эмпирические решения, так и эмпирические обобщения. Сделать эмпирические обобщения центром теории — значит поставить телегу впереди лошади» (Парсонс, 1998, с. 26). На мой взгляд, Парсонс здесь слегка лукавит, так как далее он цитирует следующее высказывание Хендерсона: в науке любой приводимый «факт есть высказывание об опыте в категориях концептуальной схемы» (L. G. Henderson on ..., 1970, p. 84). Другими словами, приводимые исследователями эмпирические данные явно или неявно уже отражают набор авторских теоретических представлений, поскольку сам отбор фактов, «взаиморасположение», применяемые формулировки характеризуют взгляды, научный подход и методологию, которых латентно придерживается автор.

наивысшие показатели научно-технического развития производства и высокий уровень материального благосостояния населения своих стран. Другим не менее важным направлением преобразований стало повсеместное внедрение политических институтов, характерных для стран западной демократии — федеративной модели государственного устройства, выборов на многопартийной основе, независимой судебной системы и т. д. Одновременно с этим шло активное заимствование ценностей, идей и доктрин, оправдавших себя в условиях экономически развитых стран и, казалось, соответствующих современным представлениям о месте человека в мире и обществе.

Результаты реформирования, или процессов трансформации, как их стали называть в общественных науках, оказались противоречивыми и во многом неожиданными. Проявились негативные социальные последствия российских реформ, явно несоизмеримые с теми результатами, которые ожидались. Отмеченные статистикой и зафиксированные в многочисленных социальных исследованиях колоссальное падение уровня жизни населения, рост социальной дифференциации, экспоненциальный рост таких отрицательных общественных явлений, как преступность, наркомания, распад союзного государства — далеко не полный перечень возникших проблем. Их следствием стало разрушение комплекса социальных связей внутри мощнейшего социума вплоть до военных противостояний и вооруженных конфликтов.

Конечно, сама по себе проблемная социальная ситуация для России не новость. История страны показывает, что люди часто готовы терпеть временные и значительные трудности ради будущих значимых целей. Проблема оказалась в том, что заявленные реформаторами и ожидаемые населением цели по намеченному преобразованию страны не были достигнуты. Изменение социальной конфигурации общественных отношений, несомненно, происходило, но не в соответствии с ожиданиями, а по сценариям, не объясняемым никакими теориями и отличными от траекторий других постсоциалистических стран. Сошлемся на три исследования из числа «первых ласточек», уже в 1990-е гг. констатировавших глубинные рассогласования планов и хода российских реформ в тех или иных общественных сферах. При этом представим как взгляд «извне», со стороны иностранных ученых, так и работы российских обществоведов, «изнутри» осуществлявших мониторинг происходящих изменений.

В книге «Local Heroes» профессор Принстонского университета (США) Кэтрин Стоунер-Вайсс анализирует «решающий аспект одной из величайших драм нашего времени — восстановление политики и экономики России после более чем 70 лет коммунистического правления» (Stoner-Weiss, 1996, с. 2). Это была первая вышедшая на Западе книга, в которой всеобъемлюще и методично рассматривались демократические преобразования и создание новых политических институтов в российских регионах. Используя самые последние на тот период экономические, политические и социологические данные для проверки различных теорий демократизации и институциональных изменений, Стоунер-Вайсс находит, что традиционные теории не в состоянии объяснить, почему так неодинаково и неожиданно

приживаются монументальные, казалось бы, очевидные для западного мира политические институты в трансформирующейся России.

Автор книги доказывала, что наследие прошлой экономической системы воздействовало на работу новых политических институтов порой парадоксальным образом. Прежняя институциональная структура, обусловленная особенностями концентрации местного хозяйства, часто оказывалась внутренним содержанием новых политических и экономических коалиций, проявляла себя в новых «протодемократических», по мнению автора, институциональных рамках. В этом провокационном, как отмечалось критиками, произведении, основанном на солидной теоретической базе и многочисленных данных — от глубоких интервью с местными руководителями до контент-анализа прессы и законодательства, — Стоунер-Вайсс показывает, что потребность в демократическом развитии, как оно понимается западными демократическими теоретиками, не является абсолютной. Эта потребность может быть различной в коротком или долгосрочном периоде, может реализовываться в иных, не соответствующих теории формах, адекватных местным условиям и позитивных с точки зрения реально стоящих перед местными российскими руководителями задач. Таким образом, автор констатировала, что эмпирически наблюдаемые факты, характеризующие процессы политической трансформации российского общества, не укладывались в рамки имеющихся специализированных теорий.

Аналогичные по содержанию выводы, но применительно не к политическим, а к экономическим преобразованиям, были сделаны в ходе мониторинга Демонстрационного проекта реформирования жилищной сферы (г. Новосибирск, 1992–1996 гг., научный руководитель О. Э. Бессонова). В ходе проекта по инициативе городского руководства и при активной поддержке американских специалистов осуществлялось внедрение в практику отрасли новых форм жилищной собственности, а также замена государственных обслуживающих организаций частными компаниями с соответствующими правилами найма работников, ориентацией на прибыль, конкуренцию и т. д. Я принимала непосредственное участие во всех этапах данного исследовательского проекта.

Программа мониторинга включала в себя анализ экономической деятельности отрасли в целом, сравнение эффективности новых и прежних жилищных организаций, изучение оценок населения и хода приватизации жилья. Использовались как социологические методы сбора информации — регулярные массовые опросы жильцов, опросы работников всех уровней жилищного хозяйства, экспертные оценки, — так и анализ первичных, отчетных и плановых экономических, бухгалтерских и финансовых документов. Одновременно объектом мониторинга являлись правила, регулирующие деятельность всех участников наблюдаемого процесса, и общее законодательство по этим вопросам. К анализу также удалось привлечь данные по истории развития жилищной отрасли в городе. В результате этого масштабного проекта, обеспеченного финансированием со стороны американских правительственных организаций, удалось собрать уникальные научные данные и представить подробную и широкую картину реального хода рыночных

преобразований в экономике на примере одной из важнейших отраслей национального хозяйства.

Результаты мониторинга были опубликованы в двух монографиях «Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России» (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996) и «Market Experiment in the Housing Economy of Russia» (Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996), а также в ряде статей и брошюр (Реформа в жилищном хозяйстве..., 1995; Бессонова, Кирдина, 1996; и др.). Было показано, что даже при проявлении политической воли местных руководителей и активной финансовой, консультационной и организационной поддержке заинтересованных западных специалистов реальный ход рыночного эксперимента существенно отличался от заданной программы. Происходила очевидная метаморфоза внедряемых частных форм, поскольку их функционирование в чистом виде оказывалось невозможным. Анализ закономерностей этих преобразований на основе имевшейся теоретической базы не позволял объяснить происходящее. Поэтому в качестве методологии исследования была выбрана находившаяся тогда в стадии разработки теория раздаточной экономики (Бессонова, 1993; 1993а; 1994), которая на тот момент оказалась наиболее подходящей для описания, объяснения и прогнозирования хода реформирования не только в жилищной отрасли, но в экономике страны в целом.

Как и в исследованиях Стоунер-Вайсс, авторами мониторинга также была высказана гипотеза об определяющем влиянии материально-технологической среды на ход и направленность реально происходящих преобразований. Если американская исследовательница выявила зависимость трансформации политических институтов на региональном уровне от характера развития местного хозяйства, то в наших работах невозможность тотальной приватизации жилищной сферы обосновывалась особенностями неделимой инженерной городской инфраструктуры (Бессонова, Кирдина, 1996), требовавшей централизованного управления в рамках контролируемой собственности.

Наконец, в период 1998–2000 гг. мною в продолжение работ по изучению социально-территориальной структуры нашего общества, начатых под руководством академика Т. И. Заславской в 1970-е годы, был выполнен анализ институтов, определяющих закономерности межрегиональных взаимодействий (Кирдина, 1998, Кирдина, 1999б) в современном российском обществе и в исторической ретроспективе. Эта работа выявила институциональную специфику политической системы в России (Кирдина, 1999а), сохраняющей свои базовые черты и устойчивость на протяжении многовековой истории развития нашего государства. Особенности этой институциональной модели не могли быть адекватно описаны в терминах современной политической социологии, потребовалось формирование новых понятий, и, соответственно, новая теоретическая основа анализа. Это было тем более необходимо, поскольку иначе оказывалось невозможным выполнить корректное сопоставление трансформирующейся системы политического и государственного устройства России с общемировыми тенденциями.

Описанные исследования, как и множество других работ различных авторов, посвященных анализу трансформации российского общества, показывали, что суще-

ствуется настоятельная потребность в построении новых теоретических рамок и аналитических программ социальных исследований. Как писал на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии» Никита Покровский, в современной России речь идет «о чем-то совершенно новом и не укладывающемся в известные образцы, о качественно иной композиции общества, о превращенной системе координат» (Покровский, 2000, с. 21). Массовое признание российскими учеными «неукладываемости» реальности в известные образцы усложняло научное исследование российского общества, одновременно актуализируя поиск общих тенденций в наблюдаемых процессах. Ведь уникальное не может быть предметом науки, ему можно только дивиться. Наука начинается там, где реализуются закономерности, действуют общие правила, проявляются законы. Поэтому на рубеже 1990–2000 гг. в российском обществоведении активизировались попытки выдвижения оригинальных, авторских теоретических концепций, которые по-новому описывали содержание и причины трансформационных процессов в России.

Помимо изменившейся социальной реальности, процесс «нового теоретизирования» усиливался еще двумя факторами:

- крахом методологических концепций, использовавшихся для анализа социалистического доперестроенного общества, базировавшихся на положениях марксизма-ленинизма;
- все более осознаваемой неадекватностью заимствуемых теорий, методологических схем и содержательных понятий, разработанных мировой, прежде всего, западной наукой, для понимания происходящих в стране процессов.

В таких условиях рождение новых теорий в российской общественной науке было предначертано самой судьбой. В экономической социологии наиболее интересными и продуктивными теоретическими разработками явились, на мой взгляд, работы О. Э. Бессоновой, предложившей институциональную теорию раздаточной экономики России (см. отмеченные выше ее работы, а также: Бессонова, 1997, 2012 и др.). В культурологии одной из наиболее фундаментальных попыток такого рода является предложенная А. С. Ахиезером теория социокультурной динамики российского общества, развивавшаяся им более двадцати лет (Ахиезер, 1997).

Авторская теория институциональных матриц, изложению которой посвящена настоящая книга, представляет собой аналогичную попытку и предлагает теоретическую гипотезу, формирующую свой набор понятий для понимания и объяснения процессов развития России. Кроме этого, поставлена задача эмпирически верифицировать предложенную систему научных понятий для соотнесения развития нашей страны с социальными процессами других стран.

В постсоветской России отечественные обществоведы получили исторический шанс предложить такие научные концепции, которые, в отличие от западных теорий, могут носить более универсальный характер и послужить адекватной методологией для исследования большинства типов обществ, а не только «развитых западных стран». Это связано с уникальным сочетанием двух факторов, особенно ярко проявившихся в нашей стране в последнее время. Что же это за факторы?

С одной стороны, обучение экономистов, социологов, политэкономов и других представителей общественных наук в нашей стране осуществлялось и продолжает осуществляться преимущественно на основе глубокого изучения образцов западной научной мысли и специфики так называемого капиталистического общества. Если до перестройки такими образцами были в основном труды К. Маркса и Ф. Энгельса, то в последние десятилетия доступными для изучения и анализа стали практически все западные классики и корифеи социологии, экономической теории, политологии и других направлений *social science*. Это означает, что нам известно устройство современных западных обществ, а также наиболее важные экономические и социальные теории, объясняющие особенности их исторического развития.

С другой стороны, наши ученые, в отличие от западных коллег, живут в качественно иных общественных условиях, к тому же динамично развивающихся. В «поры и кровь» отечественного неангажированного ученого входит реальное знание о специфике нашей социальной среды. При этом сравнение окружающей реальности с предлагаемыми западной наукой способами ее описания в ряде случаев выявляет неадекватность заимствуемого научного языка для полноценного объяснения происходящих процессов (рис. 2).

Таким образом, налицо исходные предпосылки создания новых теорий универсального плана, способных агрегировать знания о двух разных типах обществ. Если попытаться ответить на далеко не праздный вопрос В. Г. Федотовой, поставленный ею более 10 лет назад о том, «Как возможна социология в России и других незападных странах?» (Федотова, 2000), то ответ может заключаться в следующем: она возможна путем разработки социологических концепций с универсальным набором понятий, равно применимых для анализа западного, японского, латиноамериканского, российского и других, не сопоставлявшихся ранее в одном аналитическом ряду, обществ.

Более того, отечественные философы полагают, что такого рода предпосылки имеют глубокие исторические корни. В своей необыкновенной книге «Роза Мира»

Рис. 2. Изучение российских реалий по западным учебникам

Даниил Андреев писал, что в России «еще в XVI в. обозначился, а в XVII в. определился духовный процесс чрезвычайной важности», определяющими чертами которого, в том числе, являются «развитие способности к одновременному созерцанию противоположных духовных глубин ... и ... борьба мысли за осмысление метаисторического опыта» (Андреев, 1957, с. 160). По мнению Андреева, события XX века еще более углубили этот процесс, доведя «до крайности и внутреннюю дисгармонию, и борющиеся концепции, и эмоциональную накаленность поляризующихся идей, этим подготавливая фазу некоего синтеза, предстоящего следующим поколениям» (Андреев, 1957, с. 161), поколениям конца XX — начала XXI века.

Вновь возникший в этот период двуглавый Орел на российском гербе, одновременно смотрящий на Запад и Восток — не здесь ли символика и настоятельность построения именно в нашей стране общесоциологических концепций, формирующих новую методологическую основу мировой науки для понимания трендов социального развития самых разных стран?

Часть первая.

***ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИЛЛЮСТРАЦИИ***

Цель науки есть правильное определение того понятия, которое составляет предмет ее исследования.

Энциклопедический словарь
(Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефронь)

Исходные постулаты теории институциональных матриц, или X-Y-теории

Научные теории имеют свои исходные предпосылки, или допущения, принимаемые без доказательств. Даже если они не декларируются авторами напрямую, то, как правило, подразумеваются. Специфичность социального знания с его полисемичными понятиями и слабой упорядоченностью не всегда позволяет обнаружить исходную аксиматику. Тем не менее, для теории институциональных матриц такие исходные постулаты определены — они обсуждаются в настоящей главе. В данном случае они выполняют не только роль аксиом, но и определяют авторский фокус анализа такого сложного объекта, как общество.

Первая предпосылка имеет общефилософский характер и указывает на материалистический подход при анализе общества, который реализуется в теории институциональных матриц. Вторая предпосылка связана с определением базового института как основного объекта теоретического исследования. Категория базовых институтов, в отличие от более широкого понятия «институт», обособляет, выделяет из всего множества социальных отношений такие, которые имеют исторически непреходящий характер и сохраняют устойчивое внутреннее содержание. Наконец, в-третьих, постулируется системный взгляд на общество со стороны трех важнейших его «проекций» — экономической, политической и идеологической, что позволяет достаточно надежно судить о специфике долговременных стабильных институциональных структур.

Но до изложения основных предпосылок теории институциональных матриц обсуждается научный контекст ее создания.

1.1. Научный контекст создания: предшественники и исследовательское поле

«Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе» (Евангелие от Иоанна, 15, 4), так и научные исследования малопродуктивны, если не опираются на результаты работы предшественников и не продолжают сложившихся традиций. Более того, представление круга наиболее значимых для исследователя авторов может служить **первым шагом** при самоопределении в научном пространстве¹.

Наиболее значимые исследователи и их идеи, благодаря которым прежде всего формировались предлагаемые читателю теоретические гипотезы, представлены в таблице 1. Списочный порядок авторов соответствует хронологии их жизни, но не всегда соответствует фактической хронологии восприятия мною их идей. Так, с подходами Татьяны Ивановны Заславской я познакомилась еще студенткой в 1970-е гг., когда писала дипломную работу под ее руководством. А идеи Харви Лейбенштейна стали мне известны лишь в 2005 г. И если Заславская, от которой я «получила» методологию системного изучения социальных объектов, стояла у истоков формирования гипотезы об институциональных матрицах и убедила меня в публикации первой книги на эту тему, то труды Лейбенштейна позволили отточить заключительные положения теории институциональных матриц об экономических институтах.

Каждый из авторов известен гораздо более широким научным вкладом, чем это представлено в таблице. Здесь выделены лишь те идеи названных замечательных исследователей, которые оказали наибольшее влияние на разработку теории институциональных матриц.

Во-первых, следует отметить идеи К. Маркса и Э. Дюркгейма. Они утвердили меня в понимании того, что общество — это не только и не столько совместно живущие на одной территории люди, но нечто большее, то, что остается и продолжает функционировать по определенным законам, несмотря на постоянную смену поколений. Общества есть реальность *sui generis* (сама по себе), и жизнь их определяется материальными условиями и накопленной историей не в меньшей степени, чем волей и желаниями отдельных ныне живущих людей и социальных групп.

Во-вторых, склонность к анализу такого рода реальности с позиций системного подхода сложилась под влиянием Т. И. Заславской, лидера Новосибирской экономико-социологической школы 1970–90-х гг., и характерного для нее структурированного способа изучения сложных социальных объектов. А последующее изучение работ основателя структурного функционализма в социологии Т. Парсонса привлекло мое внимание не только к изучению общества как системы, но и позволило увидеть основные подсистемы общества, формирующие его как целостное интегрированное образование, способное адаптироваться к внешним условиям и развиваться.

---

¹ «Назовите десяток наиболее важных для Вас имен ученых», — такой способ научного самоопределения подсказал мне Грегори Сандстром, канадский коллега, работающий попеременно в разных странах мира (Россия была одной из них).

Таблица 1

Наиболее важные предшественники и их идеи, развитие в теории институциональных матриц

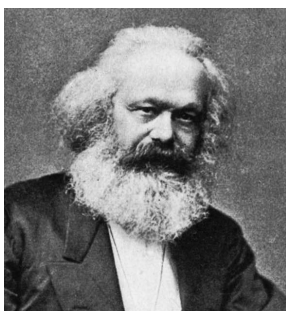
Исследователи

Воспринятые идеи

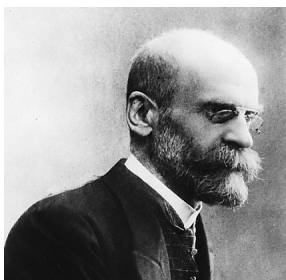
Огюст Конт
(August Comte), 1798–1857,
французский философ
и социолог

«Прогресс есть развитие
порядка» как основная
идея социальной динамики

Карл Маркс
(Karl Marx), 1818–1883,
немецкий философ,
социолог, экономист

«Материалистическое
понимание истории»
и социологическая модель
общества с выделением
экономики, политики
и идеологии

Эмиль Дюркгейм
(Emile Durkheim),
1858–1917, французский
социолог

«Социология как наука об
институтах» и «концепция
общества sui generis»

Карл Поланьи
(Karl Polanyi), 1886–1964,
венгерский ученый,
эмигрировавший
в Австрию, затем в США
и Канаду

Идея «институциональной
матрицы», концепция
«редистрибутивной
экономики», концепция
«укорененности
(embeddedness)»
экономических институтов

Табл. 1 (продолжение)

Исследователи

Воспринятые идеи

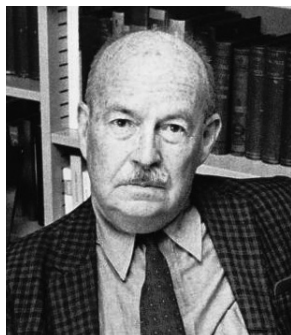
Государственная школа
русской
историографии
(А. Д. Градовский,
И. И. Дитятин,
П. Н. Миллюков,
В. И. Сергеевич и др.),
вторая половина XIX в.

«Выявление и анализ
существенно различной
роли государства
в истории России и стран
Западной Европы»

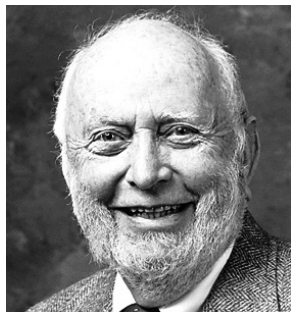
Питирим Сорокин
(Pitirim Sorokin), 1889–
1968, американский
социолог русского
происхождения

Обоснование различия
социальных и культурных
систем

Толкотт Парсонс
(Talcott Parsons),
1902–1979, американский
социолог

Общество как
самоорганизующаяся
система: интегральная,
способная адаптироваться,
достигать поставленных
целей и поддерживать
образцы («структурный
функционализм»)

Дуглас Норт
(Douglass North), род. 1920,
американский экономист,
лауреат Нобелевской
премии

Определение
института, содержание
«институциональной
матрицы», «эффект
блокировки»
институциональной
матрицы

Табл. 1 (окончание)

Исследователи

Воспринятые идеи

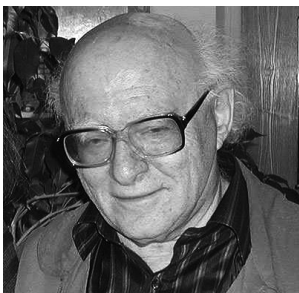
Харви Лейбенстайн
(Harvey Leibenstein),
1922–1994, американский
экономист украинского
происхождения

Идея «X-эффективности»
(снижения издержек)
в противоположность
«Y-эффективности»
(стремлению к прибыли)

Татьяна Заславская,
1927–2013, советский
и российский социолог

Системный подход
к анализу сложных
социальных макрообъектов

Александр Ахиезер,
1929–2007, советский
и российский культуролог

«Концепция социально-
культурной эволюции»
и метафора «расколотого»
русского общества

Ольга Бессонова,
род. 1958, российский
эконом-социолог

Положения
институциональной теории
«раздаточной» экономики
России, в частности
о структуре образующих ее
институтов

В-третьих, следует указать на роль идей П. Сорокина и А. С. Ахиезера в понимании того, как культура может быть представлена в социологической модели общества и как возможно элиминировать избыточность культурологического дискурса в теоретическом анализе. Специалисты отмечают, что злоупотребление понятиями «культурный» и «социокультурный» зачастую приводит к стиранию граней «между научным знанием и любым нарративом» (Тощенко, 2002 с. 4), то есть просто разговором об обществе. Поэтому так важно было представить достаточно «жесткую» — насколько это возможно в социальных науках — интерпретационную схему, включающую культурные факторы лишь в необходимой и достаточной степени.

В-четвертых, пониманию общества как институциональной структуры я обязана взглядам Э. Дюркгейма, но в наибольшей степени — Д. Норта. Его работа «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» продолжает оставаться моей «настойной книгой» многие годы. Именно в ней я впервые прочла об «институциональных матрицах» (то, что Поланьи использовал этот термин раньше, я узнала годы спустя). А взгляды О. Конта на социальную динамику поддержали мое убеждение в том, что любые изменения опираются на внутренние структуры и представляют собой их «развертывание», а потому так важно изучать и выявлять эти инвариантные структуры вечно меняющегося мира.

Отмеченные идеи оказали наибольшее влияние на теоретическое оформление гипотезы об институциональных матрицах. Но живым импульсом к ее разработкам стали представления отечественных авторов, обосновавших специфику российского общества и предложивших научные категории для описания этой специфики. Наиболее глубоким было влияние теории «раздаточной» экономики России, которую предложила в 1990-х гг. О. Э. Бессонова, тем более что в тот период мы работали в общем проекте. Если в ее работах основное внимание уделялось особенностям экономических институтов, то представители государственной исторической школы позапрошлого века, прежде всего А. Д. Градовский, обратили мое внимание на особенности политического государственного устройства России, а А. С. Ахиезер показал историю колебаний «маятника» основных общественных ценностей в российском массовом сознании. В дальнейшем знакомство с работами К. Поланьи показало, что такая специфика (прежде всего экономических отношений) укоренена в структурах не только российского, но и многих других обществ, и тем самым оказалось возможным выйти за пределы внутристранового анализа.

Наконец, труды Х. Лейбенштайна, обнаружившего явление так называемой Х-эффективности, прозвучали «заключительным аккордом» в понимании структуры экономических институтов в разных типах обществ. Мучивший меня вопрос о механизмах обратной связи в разных типах экономических систем получил, наконец, удовлетворительное (на данный момент) разрешение, что, в числе других факторов, подтолкнуло к переизданию книги.

Таблица представляет лишь полтора десятка имен ученых (из более чем 800, указанных в списке литературы), поскольку именно они оказали наибольшее влияние на формирование как исходных предпосылок, так и категориального аппарата теории институциональных матриц. Отмечая особую роль указанных авторов и выра-

жая им признательность как идейным вдохновителям, замечу (как это часто принято при выражении благодарностей), тем не менее, что «все недостатки представленно-го ниже исследования целиком на совести автора».

Второй шаг при самоопределении в научном пространстве предполагает конкретизацию области научных исследований, тематическое поле, «на ниве» которого мы трудимся с нашими научными коллегами из разных стран и времен. Я полагаю, что работаю в области сравнительных институциональных исследований. Моими заочными коллегами являются представители таких научных направлений, как сравнительный анализ экономических систем (САЭС), сравнительный институциональный анализ (СИА), ордолиберализм В. Ойкена, «теория регуляции» французской школы. По мнению российского методолога экономической науки О. И. Ананьина, именно эти исследовательские программы достаточно полно представляют современную компаративистику в экономических институциональных исследованиях (Ананьин, 2002, с. 5). И хотя ученые данных направлений возделывают на общем тематическом поле «свои делянки», нас объединяют схожие методологические принципы. Их выделил О. И. Ананьин, базируясь на трудах Т. Купманса и М. Монтиаса (Koopmans, Montias, 1971), а также работ Э. Нойбергера и У. Даффи (Duffy, Neoberger, 1972; Neoberger, Duffy, 1976; см. также: Montias, Ben-Ner, Neoberger, 1994). Также он проанализировал работы В. Ойкена (Ойкен, 1995; 1996) и регуляциониста Р. Буайе (Буайе, 1997). Хотя эти принципы выделены в отношении анализа экономических систем, но они были восприняты мною как «руководство к действию» и при изучении социальных систем тоже. Общие методологические принципы сравнительных институциональных исследований включают в себя:

- холистический подход, то есть фокус анализа направляется на рассмотрение системы в целом, а не на поведение индивидов;
- разработка универсального и системно-нейтрального языка для описания исследуемых систем;
- определение изучаемой системы как институциональной структуры (институциональный подход, предполагающий построение базовой структуры институтов, или институциональных форм);
- формирование на этой основе типологии таких систем (сравнительно-типологический метод анализа);
- интерпретативная методология, которая находит свое выражение в выявлении латентных обобщенных структур и затем осмысливании конкретных социальных систем как их частных случаев (Ананьин, 2002, с. 9–10, 12).

Разрабатываемая теория институциональных матриц, представленная далее на страницах книги, предлагается как еще одно методологическое средство для проведения сравнительных институциональных исследований. При этом если отмеченные выше исследовательские программы направлены на анализ преимущественно экономических систем, то в теории институциональных матриц экономическая система полагается лишь одной из подсистем общества в целом. Тем самым развивается принцип методологического холизма и положение К. Поланьи об укорененности экономических институтов в общественной структуре всего общества. Не случай-

но Поланьи, который впервые использовал термин «институциональная матрица», определял ее как характеристику всей общественной организации, задающей место экономики в обществе (Polanyi, 1977, xxxii), он неоднократно указывал на то, что «человеческое хозяйство укоренено в институтах, экономических и неэкономических, вплетено в них» (Поланьи, 2002, с. 68). При этом для Поланьи укорененность означала не зависимость индивидуального хозяйственного действия от социальных отношений, а невозможность полной автономизации хозяйства как сферы социальной жизни, то есть его неспособность функционировать по собственным законам, независимо от институциональных основ, которые имеют как экономический, так и неэкономический характер (Юдин, 2010; Поланьи, 2002). Именно такая холистическая трактовка укорененности (embeddedness) социального действия в системе общественных отношений и институтов была признана наиболее адекватной (после долгих теоретических дискуссий) последующими исследователями творчества Поланьи (Gemici, 2008; Krippner, 2001, p. 788), и я также ее разделяю.

Сфера сравнительных институциональных исследований требует сочетания различных подходов. Известно, что в этих направлениях, кроме экономистов и социологов, работают антропологи, историки, психологи. Но насколько возможно и эффективно сопоставление и «суммирование» данных разных дисциплин при генерации фундаментального знания? Подобный путь механического соединения данных часто ведет не к познанию целостного феномена и основных его законов, а к накоплению фрагментарных и эклектичных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей и, почти неизбежно, к теоретическому редукционизму.

По-видимому, в условиях «размывания традиционных границ» отдельных дисциплин и потребности «трансдисциплинарных» формулировок для решения сложных проблем (Segal, 2010) необходима специальная методология, иные подходы, и поиск их ведется в двух основных направлениях.

С одной стороны, идет интенсивный процесс формирования новых «стыковых» наук, специальных дисциплин, реализующих в самом своем предмете необходимые «морфологизированные» мосты для осуществления междисциплинарного синтеза (Абульханова и др., 1996). Таким примером могут служить нейроэкономика, *социоэкономика* — развиваемая в России пионерная научная дисциплина (Шабанова, 2012), и др.

С другой стороны, новое проблемное поле может осваиваться с помощью мультидисциплинарного или междисциплинарного подходов. *Мультидисциплинарный подход* основан на предпосылках обобщенной картины предмета исследования, по отношению к которой отдельные дисциплинарные картины предстают в качестве взаимодействующих компонентов. Взаимодействие организовано на платформе общего теоретического языка, хотя при этом каждая из дисциплин сохраняет также свой специфический язык и методическое обеспечение. Мультидисциплинарный подход реализуется, как правило, в командах исследователей.

Междисциплинарный подход также предусматривает взаимодействие представителей разных наук при изучении одного и того же объекта (Новая философская эн-

циклопедия, т. II, с. 518), при котором происходит смешение практик и предпосылок вовлеченных в такое исследование дисциплин. При этом часто одна из дисциплин, «поставляющая» образец методологии, рассматривается в качестве ведущей, в то время как другие — ведомых (Augsburg, 2005, p. 56). Такого рода междисциплинарность (при выделении ведущей методологии) может быть реализована при проведении исследований отдельным ученым, если он(а), овладев параллельными методами из смежных наук, опирается, тем не менее, на дисциплину, характеризующую обычно его (ее) профессиональную принадлежность.

В моем случае проведение сравнительных институциональных исследований, междисциплинарное по своей природе (в работе использованы подходы историков, экономистов, политологов, регионоведов и др.) в качестве ведущей имело социологическую методологию, реализовывало прежде всего социологический подход. Констатация преобладания социологической, точнее, макросоциологической методологии представляет **третий шаг**, завершающий изложение научного контекста создания теории институциональных матриц.

При этом следует пояснить, что речь идет о социологических теориях пятого поколения², имеющих в виду сложность и нелинейность мира и для которых характерна интеграция с другими науками, не только гуманитарными, но и естественными (Кравченко, 2012, с. 57–58). Для этого этапа формирования социологических теорий, начавшегося с конца 1990-х гг., характерна востребованность постдисциплинарных подходов и синтез с определенными группами наук. Это дало основание говорить о ряде *поворотов в социологии* (Ritzer, 1997), и важнейшим из этих поворотов является *поворот к сложности*, обусловленный во многом достижениями в сфере естественных наук, трудами И. Пригожина и других авторов, объединенных в направлении «синергетика». Речь не идет о хаосе и беспорядке. Как отмечает Дж. Урри, «сложность утверждает «научные» основания неопределенности, но, тем не менее, она необычным образом организована..., нет обычного беспорядка» (Urrí, 2011, p. 19). Даже если отдельные изменения в обществе «представляются весьма хаотичными, их *результатирующая составляющая* позволяет выявить вполне конкретные тенденции организации и самоорганизации со своей рациональностью» (Кравченко, 2012, с. 62). На выявление таких способов организации и самоорганизации общества и направлена теория институциональных матриц.

Заканчивая параграф, не хочется оставить у читателей впечатление, что материал для построения теории институциональных матриц почерпнут исключительно из чтения книг, и она представляет собой абстрактный «кабинетный» продукт. Я согласна с великим Леонардо да Винчи, который писал, что тщетны усилия художников, которые «выбирают для себя в качестве стандарта все что угодно, кроме

² С. А. Кравченко (Кравченко, 2012, с. 49–57) к теориям первого поколения относит позитивистские теории, предполагающие эволюционно-линейное развитие общества (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс), к теориям второго поколения — интерпретативные (М. Вебер), третье поколение означает разработку интегральных теорий (П. Сорокин, Т. Парсонс, Р. Мертон), а теории четвертого поколения — это рефлексивные теории (О’Брайен, П. Верилио).

природы — возлюбленной всех великих мастеров» (цит. по: Мюнц, 2007, с. 29). Для обществоведов такой «возлюбленной» является социальная жизнь. Только в обращении к ней, в непредвзятом открытом и искреннем восприятии истории, при внимательном взгляде на череду изменчивых ее состояний и доверчивом анализе неоднозначных ситуаций возможно, на мой взгляд, понимание жизни и построение научных образов социальной реальности — теорий. Поэтому именно реальная жизнь, доступная в актуальных фактах, исторических свидетельствах, статистических и социологических данных многолетних эмпирических исследований³, в наблюдениях за жизнью людей разных стран и дискуссиях с ними всегда была для меня главным аргументом при формировании понятий и логических схем.

1.2. Материалистический (объективистский) подход

Объективистский подход к анализу общества соотносится с материалистическим мировоззрением и опирается на философский тезис о единстве и целостности реально сущего. Этот методологический принцип — «единому ничто противоположно» и «единое есть все» был сформулирован еще в XV веке крупнейшим немецким мыслителем Николаем Кузанским (Момджян, 2001, с. 15). Согласно такому пониманию, сфера закономерности не ограничена лишь царством природы; социальному, как и природному, также присуще наличие в нем объективных, устойчиво воспроизводящихся сущностных связей, структурно зависимых от тех материальных условий, в которых развиваются все естественные, в том числе живые и социальные, системы. Общество полагается частью материальной реальности, оно предстает как надындивидуальная система, хотя и складывающаяся в ходе взаимодействия людей, но обладающая интегральными свойствами, не столько зависящими от индивидов, сколько от материальных условий формирования и функционирования социума.

Теория институциональных матриц опирается на эту **первую исходную предпосылку, на объективистский подход**, который восходит к позитивистской традиции в социологии XIX века, к тому времени, когда социология только начинала формироваться как самостоятельная наука. Последовательно происходило отмежевание новой дисциплины от чисто биологических подходов в духе Г. Спенсера, преодолевались ограничения объяснений поведения индивидов физиологическими характеристиками (Comte, 1907), затем актуальным стало доказательство несводимости общественных процессов не только к биологическим, но и к психологическим структурам (Elias, 1987, Элиас, 2000). Постепенно определились следующие особенности предмета социологии, развиваемой в рамках объективистского подхода.

---

³ Результаты предшествующих эмпирических исследований автора отражены, в частности, в: Крапчан (Кирдина) С.Г. Село Российской Федерации: Социально-региональная структура, 1989; Крапчан (Кирдина) С.Г. Вас тут не стояло, а впрочем... Итоги одного социального эксперимента, 1992; Реформа в жилищном хозяйстве..., 1995).

Во-первых, такая социология стремится к тому, чтобы рассматривать социальные системы — индивид ли это или глобальное общество, — как целостный феномен. Этот холистический взгляд реализуется и при изучении индивида как «совокупности общественных отношений», и при рассмотрении социальной структуры, сосредотачивающей внимание исследователя на взаимосвязи ее частей — независимо от того, понимается ли социальная структура как совокупность социальных групп, ролей и учреждений, проявляющихся «на поверхности» общественной жизни, или же как механизмы и процессы, скрытые от непосредственного наблюдения, но организующие социальную жизнь. При таком взгляде на предмет исследования «не проходят» монокаузальные объяснения, сводящие причины траекторий общественного развития либо к экономическим факторам, либо к борьбе политических элит, либо к национальному менталитету и т. п.

Во-вторых, при объективистском подходе социолог концентрирует свое внимание не только на «текущей современности» (Бауман, 2008), сколько на выявлении и изучении «жесткого каркаса» общества, обеспечивающего воспроизводство его целостности. Не случайно авторитетный методолог общественных наук В. Г. Федотова замечает, что общества, в отношении которых такие устойчивые, образующие его структуры не выявлены, изучаются, скорее, культурологией и этнографией, а не социологией (Федотова, 2000). Вычленение и анализ образующих общество структур — в виде ли фигураций, институтов, структурно-функциональных систем, общественных способов производства и т. д. — специфика объективистского подхода к изучению общества.

Наконец, третья особенность объективистского материалистического подхода состоит в необходимости исторического анализа исследуемого феномена — общества, в выработке таких социологических понятий и категорий, с помощью которых можно было бы изучать разные государства в разные периоды их развития. Как пишет И. Валлерштайн⁴, ученый историко-социологического плана «анализирует общие законы определенных систем и определенные последовательности, через которые прошли эти системы» (Валлерштайн, 1998, с. 136), что требует соответствующей «внеисторической» и «вненациональной» научной терминологии. Такого рода социологические концепции становятся универсальным общенаучным средством для комплекса социальных наук. Их прежде всего имел в виду цитировавшийся выше П. Сорокин, говоря о социологических теориях как фундаменте обществоведения. Действительно, мы можем наблюдать, как в истории, антропологии, экономике, политической науке и других дисциплинах исследователи явно или латентно апеллируют к определенному образу общества, связанному с соответствующей социологической теорией.

Заметим, что такого рода системная универсализация отличает, в частности, социологию от культурологии, также рассматривающей общественную культуру как целостное образование, но с иных позиций. Нельзя не согласиться с тезисом Н. И. Лапина, что социальность (как предмет социологии) и культура (как предмет

⁴ Чаше фамилия этого ученого (Wallerstein) переводится с английского как Валлерстайн.

культурологии) характеризуются «фундаментальной их несводимостью и невыводимостью одной из другой» (Лапин, 2000a). Социология в рамках объективистского подхода стремится к выявлению связей, обеспечивающих функционирование общества как целого, независимо от форм их проявления в том или ином культурном контексте, но последнее составляет предмет изучения культурологов. Социология концентрируется, если можно так сказать, на «сухой теории» общества, а не «пышно зеленеющем древе жизни», интересующем культуролога, включая многообразные формы проявления социальных связей в конкретных обществах, системы представлений человека о материальном и символическом мире, о месте личности в нем, достижения человеческого гения в разных областях и т. д.

Объективистский подход обращает внимание на ту сторону общественных отношений, которой присущи определенные закономерности вне связи с поведением конкретных социальных индивидов и групп «здесь и сейчас». Эти отношения складываются «определенным, присущим им образом, независимо от того, как и какие бы конкретно социальные субъекты не взаимодействовали между собой» (Бруннер, 1993, с. 58). Общество в данном случае принимается как реальность *sui generis* («как она есть»), о чем писал в свое время Дюркгейм, т. е. существующая сама по себе, которая не выводится из свойств действующих в обществе субъектов. Человек стремится познать закономерности этого развития и действовать в соответствии с ними, как, например, он действует с пониманием того, что объективно существует сила тяжести, с которой нельзя не считаться. В конечном счете действия социальных субъектов ограничиваются, определяются этими законами, которые они не в состоянии отменить ни в ходе реформ, ни в ходе революций.

Наиболее известными теориями и направлениями в рамках объективистского подхода являются исторический материализм и теория способов производства К. Маркса, функционализм Э. Дюркгейма, структурный функционализм Т. Парсонса.

**Специфика
объективистского
подхода**

В рамках объективистского подхода социальная структура исследуется как социальная система, взаимосвязанными элементами выступают институты — комплекс устойчивых исторически сформировавшихся отношений. С этой точки зрения общество предстает как социальная макроструктура, возникающая и развивающаяся в результате предшествующей деятельности людей, как результат, отделенный во времени от них самих. В определенном отношении эта структура, образованная комплексом постоянно функционирующих социальных институтов, остается неизменной, несмотря на то, что ее внешние проявления постоянно меняются. Это — социетальный, системный уровень рассмотрения общества. Поскольку в рамках объективистского подхода социальные процессы рассматриваются преимущественно на макроуровне, такой подход часто называют макросоциологическим.

Парадигмальную идею о том, что «социальное существование» общества автономно по отношению к индивидуальному, начал разрабатывать основатель социологии французский философ Огюст Конт. Вслед за ним этот подход развивал его соотечественник Эмиль Дюркгейм, который еще в 1901 г. отмечал, что социологию «можно определить как науку об институтах, их генезисе и функционировании»

(Дюркгейм, 1990, с. 20). Дюркгейм призывал к тому, чтобы видеть в обществах «реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам... Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной и вместе с тем необходимой для того, чтобы описывать и объяснять, чтобы выявлять его характерные признаки и причины» (там же, с. 269).

В традиции исторического материализма также одной из центральных идей было изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей. При данном подходе «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Маркс, Энгельс, 1961, т. 13, с. 6–7). Такой подход реализует также известную идею отчуждения человека от созданных им самим сущностей, которые противостоят ему как внешние, самостоятельные, что позволяет проводить научный анализ этих сущностей, прежде всего, общества и его основных подсистем.

С самого зарождения социологии данный подход дополнял точку зрения сторонников *субъективистского подхода*, для которых «общество — ничто вне составляющих его индивидов; они составляют все реальное, что в нем есть» (Дюркгейм, 1990, с. 271). С этой точки зрения именно деятельность социальных субъектов определяет своеобразие и все поле возможных состояний тех или иных обществ. В рамках этого подхода основное внимание социологов концентрируется на изучении общества как совокупности образующих его социальных групп, а в качестве основного объекта исследований выступает социальное поведение и сфера непосредственных социальных взаимодействий — межличностные отношения, процессы социальной коммуникации, повседневная деятельность человека, его социальный статус и т. д. Часто такой подход называют микросоциологическим.

Альтернативный субъективистский подход при исследовании общества характеризует социологию как рефлексивную дисциплину, отстаивающую свой суверенитет по отношению к естественным наукам. В этом случае общества рассматриваются как специфические формы пространства и времени, «творимые субстанционально свободной человеческой волей» (Момджян, 2001, с. 610). Связи в таких системах имеют преимущественно символический и информационный, меняющийся со временем, характер. С этой точки зрения является «дурным тоном» заимствовать подходы из естественных наук для изучения социальных систем, или систем с участием человека. Приоритет отдается специально разрабатываемым в социологии подходам для изучения социальной деятельности действующего субъекта, наделенного сознанием и свободой воли. Такие подходы, в отличие от подходов естественных наук, можно чаще соотнести с идеалистическим мировоззрением.

Наиболее известные и выдающиеся достижения социологов, придерживающихся субъективистского подхода — это типология социальной деятельности М. Вебера, концепция хаби́туализации и основанная на ней теория «социально-го конструирования действительности» П. Бергера и его коллег, социальный

бихевиоризм Дж. Г. Мида, развитый Г. Блумером в социальную теорию символического интеракционизма, теория структуризации Э. Гидденса, фигурации Н. Элиаса и ряд других.

Специфика объективистского и субъективистского подходов наиболее отчетливо проявляется при анализе социальной структуры общества. По сложившейся традиции она определяется двояко — как устойчивые социальные отношения, т. е. институты, или как социально-групповая структура населения.

Очень редко одному и тому же социологу удастся исследовать социальную структуру общества в ее единстве, т. е. одновременно и со стороны образующих ее институтов, и со стороны поведения взаимодействующих социальных субъектов. Но даже в этом случае исследователь вынужден, на мой взгляд, последовательно (а не одновременно) реализовывать либо один, либо другой подход с соответствующим идеологии каждого подхода набором понятий.

Это хорошо видно на примере К. Маркса. Так, в рамках материалистического объективистского подхода Маркс исследует развитие общества как последовательность сменяющих друг друга способов производства. В этом случае он пользуется такими понятиями, как «производительные силы» и «производственные отношения», «базис и надстройка», «общественное разделение труда» и др. Позже последователи К. Маркса из числа структурных марксистов, например, Л. Альтюссер, отмечали, что в данном случае имеет место определенный «теоретический антигуманизм». Он выражается в отказе признания личности как причины общественного развития, при объяснении ее общественной сущности как «эффекта» объективных (не зависящих от воли и сознания отдельных людей) структур (Рисмухамедов, 2003, с. 20). В то же время при анализе внутренних причин общественных изменений Маркс становится на позиции субъективистского подхода, и основными понятиями для него выступают «социальный интерес», «классовая борьба», «социальное сравнение», «мотивация» и т. д.

В мировой социологии отмеченное наличие двух ведущих подходов и периодически возникающие противоречия между ними широко известны и описаны в научной литературе (см., например, Немировский, 1998). До сих пор дискуссия между представителями объективистского подхода с требованием «рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям», и представителями субъективистского подхода «с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов» не прекращается (Рубинштейн, 2012, с. 16). Характерным примером являются дискуссии сторонников структурного функционализма Т. Парсонса, рассматривающих социальные институты как решающий фактор интеграции и стабилизации общественных систем, и представителей так называемого бихевиористского направления, отдающих приоритет в становлении интегрированного общества взаимоориентированному поведению социальных субъектов.

В отечественной социологии, начавшей развиваться в СССР в основном в русле марксистской традиции, также представлены объективистский и субъективистский подходы. Обоснованием того и другого послужили не столько взгляды Дюркгейма

и Вебера, не очень популярные в годы становления советской социологии, сколько положения марксовой концепции исторического материализма, составлявшего ее методологическую основу.

В своих работах Маркс определил два главных параметра, ограничивающие поле творчества людей, творящих историю. Первый связан с собственными возможностями людей (отсюда исторические корни субъективистского подхода), второй — с обстоятельствами, в которых они живут и действуют, к которым относится и характер унаследованных от прошлого общественных структур (на эти положения опирается объективистский подход).

Так, с одной стороны, исторический материализм базируется на следующем знаменитом утверждении К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенном ими вслед за Л. Фейербахом: «История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс и Энгельс, 1955, с. 102). Таким образом, в марксистской социологии во главу угла ставилось изучение человеческой деятельности с позиций субъективистского подхода.

На наш взгляд, именно это направление доминировало и продолжает доминировать в отечественной социологии. Так, один из крупнейших современных авторитетов России в области социологической науки В. А. Ядов, призывая к тому, чтобы «сохранить и развить марксистский диалектико-исторический подход как социально-философскую ориентацию социологической теории» (Ядов, 1990, с. 188), выступает против принятия в качестве базисных таких понятий, как социальная система, социальная организация, социальные институты. По его мнению, они «не схватывают главного. Главное — в структурах субъектных, а институты они используют своими орудиями, инструментами, средствами» (там же). Поэтому основной задачей социологии В. А. Ядов считает изучение социальных общностей, механизмов их становления, функционирования и развития.

Но «теоретический основоположник советской социологии» Карл Маркс дал также основания для развития объективистского подхода к изучению обществ. Он отмечал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс, 1955, с. 119). Основа человеческой истории, отмечали Маркс и Энгельс, определена теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а которая является созданием прежних поколений (Маркс и Энгельс, 1968, с. 97). Эти высказывания концентрируют внимание исследователей на анализе общественных структур и институтов на социетальном уровне, т. е. задают взгляд на общество с позиций объективистского подхода. При объективистском подходе мы смотрим на общество как исторически развивающуюся совокупность отношений между людьми, складывающуюся на основе постоянных изменений форм и условий жизнедеятельности в процессе взаимодействия с окружающей средой.

Рисунок 3 показывает особенности субъективистского и объективистского подходов при анализе социальной структуры общества.

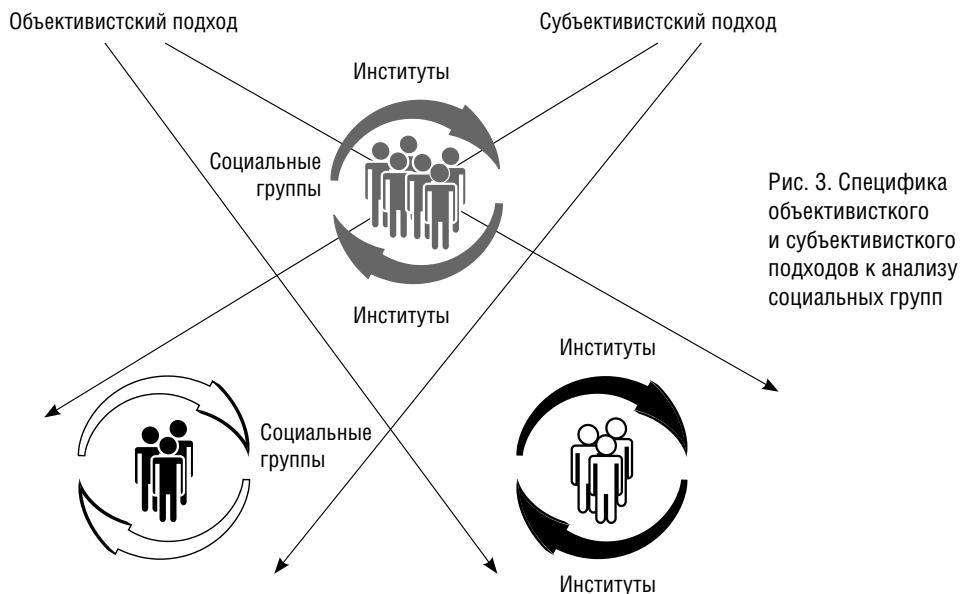

Рис. 3. Специфика объективистского и субъективистского подходов к анализу социальных групп

Показано, что изучая одну и ту же социальную реальность, социологи обращают преимущественное внимание либо на социальные группы (субъективистский подход), либо концентрируются на изучении «несущих общественных конструкций» — институтов (объективистский подход).

Специфика двух названных подходов отчетливо проявляется в исследованиях советских, а ныне и российских социологов, даже работающих в одних и тех же предметных областях. В качестве характерного примера можно отметить разные подходы к определению предмета экономической социологии — относительно новой отрасли социологического знания, которая начала складываться в России в 1990-е гг. Так, московский социолог Вад. В. Радаев в своем курсе лекций по экономической социологии определил в качестве предмета новой дисциплины изучение социологического, социально-экономического человека (Радаев, 1997, с. 158–159). В рамках же Новосибирской экономико-социологической школы к предмету экономической социологии относят экономические институты, неизменное институциональное ядро экономической системы (Бессонова, 1998, с. 11).

Наличие двух подходов вполне объяснимо. С одной стороны, такой дуализм соответствует реальному устройству общества. В нем представлены как системные, образующие его устойчивые структуры, так и деятельность социальных субъектов, взаимодействующих между собой в рамках таких структур. С другой стороны, склонность к тому или иному подходу связана с психо-физиологическими особенностями исследующих общество ученых, лучше воспринимающих либо структурные, либо деятельностные стороны человеческой истории. На эти особенности научного мышления указывал в своих работах А. Маслоу, который выделял у ученых склонности либо к аналитическому, либо к синтетическому способу построения концепций (Маслоу, 1999, с. 67–72).

Очевидно, что в рамках одного подхода невозможно более или менее полно объяснить социальные процессы. Поэтому объективистский (макросоциологический) и субъективистский (микросоциологический) подходы все чаще рассматриваются в качестве взаимодополняющих, а не противоборствующих. Тем более, что в реальной жизни макро- и микроуровни взаимосвязаны. Так, Э. Гидденс пишет, что «макроструктурные свойства социальных систем воплощены в самых случайных и мимолетных локальных интеракциях», и, наоборот, «многие характерные особенности обыденных социальных действий теснейшим образом связаны с длительнейшими и масштабными процессами воспроизводства социальных институтов» (Гидденс, 1993, с. 69). Поэтому их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга (Ритцер, 2002, с. 420).

Предпринимаются также попытки преодолеть ограничения каждого из подходов путем конструирования «интегративных социологических парадигм» (Дж. Ритцер, Дж. Александер, И. Девятко и др.). В. А. Ядов обозначает попытки построения объединяющего подхода термином «деятельностно-активистская парадигма», и к ней он относит, кроме упомянутых авторов, работы М. Арчер, Э. Гидденса, П. Бурдьё и П. Штомпки. К этому направлению можно также отнести работы П. Бергера и Т. Лукмана, Бхаскара и др. (Структура и воля, 1999), а также Д. Норты (North, 1989). Активистско-деятельностный подход, по мнению ряда авторов, выступает «метаподходом, соединяющим разные теоретические традиции для анализа взаимодействия «структуры» и «агента» (Ситнова, 2012, с. 65).

На мой взгляд, при всем значении разработок в области активистско-деятельностного подхода, в его рамках не удастся преодолеть альтернативность субъективистского и объективистского подходов. Так, определение структуры у Гидденса в его структурационной теории лишает структуру ее автономных свойств, и автор сосредотачивается в основном на рассмотрении действий социальных субъектов, фактически подходу к анализу системы с позиций субъективистского подхода. Не признана также убедительной аргументация Бурдьё, пытавшегося найти «средний пункт между действием и структурой» (Бурдьё, 1999). Поэтому единство двух основополагающих социологических подходов в этой и других концепциях, претендующих на их синтез, продолжает «оставаться проблематичным» (Громов и др., 1996).

Объясняя сохранение специфики каждого из подходов, обратимся к похожей ситуации в физике с ее дискуссиями о природе света в первой половине XX в. Тогда одни авторы полагали, что свет представляет собой частицу, а другие — волну, при этом та и другая группа ученых опиралась на строгие данные экспериментов. Итогом дискуссии стало открытие Нильсом Бором принципа дополнительности, что привело к возникновению корпускулярно-волновой теории света. «Дополнительность, — писал Бор, — мы понимаем в том смысле, что оба аспекта (свет как волна и свет как частица) отражают одинаково важные свойства световых явлений, причем эти свойства не могут вступать в явное противоречие друг с другом» (Бор, 1961, с. 18). Анализ многолетней дискуссии между сторонниками объективистского и субъективистского подходов в социологии позволяет предположить, что в данном случае

также имеет место принцип дополнительности. Оба подхода дополняют друг друга в более полном познании свойств общества, получая знания в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, — что не снимает возможности использования либо того, либо другого для разных исследовательских задач и объектов.

Наряду со многими, я разделяю точку зрения о том, что любая наука, является ли она точной, естественной или социальной, выявляет не только особенности своего предмета, но и обнаруживает единые законы и общие принципы. Так, Т. Парсонс, полагая оправданным «настаивание на радикальном теоретическом разделении процессов, благодаря которым сохраняется костяк системы..., и процессов, которые изменяют саму ее основную структуру» (Парсонс, 1998, с. 237), ссылаясь на параллели с другими науками, а именно хорошо известные ему биологию и физиологию. Принцип дополнительности Бора можно считать одним из таких общенаучных положений. Анализ многолетней дискуссии между сторонниками объективистского и субъективистского подходов в социологии позволяет предположить, что можно констатировать действие принципа дополнительности в анализе институциональной и групповой структур общества. Если с этим согласиться, то можно рассматривать их как дополняющие друг друга и исследуемые с помощью разных подходов и отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий.

Признание принципа дополнительности в социологии, если оно будет поддержано, позволит, на мой взгляд, сконцентрировать внимание исследователей на более глубоком изучении той или иной структуры. Оно позволит снять ненужное противостояние между представителями разных подходов и сэкономить научные силы, не тратя их на поиск доказательств и аргументов для споров, в которых вряд ли может быть достигнута истина. Тогда представители объективистского подхода, углубившись в исследование законов устойчивости общества, смогут дать надежные научные обоснования в отношении того, какие стороны общественной жизни неизменны, как законы всемирного тяготения. И к ним нужно приспосабливаться, а не пытаться их изменить. В свою очередь, представители субъективистского подхода смогут сконцентрироваться на анализе механизмов развития социальных структур и меняющихся характеристиках социальных субъектов, действующих в рамках объективных общественных ограничений.

Разрабатываемая теоретическая гипотеза об институциональных матрицах реализует объективистский (материалистический) подход к анализу обществ. Следовательно, основное внимание в ней уделяется изучению устойчивых, существующих как рамки для социального поведения, глубинных институциональных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития государств. При таком подходе институциональные структуры обладают приоритетом — онтологическим и методологическим — перед акторами. Исследование в этом случае направлено на изучение институциональной структуры, сложившейся исторически и определяющей социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор.

В то же время, в отличие от теорий старого и нового позитивизма, теория институциональных матриц продолжает традиции материалистической диалектики в познании общества, точнее, исторического материализма. Одной из его центральных идей являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей.

В этом случае общество понимается как самоорганизующаяся система, как естественный исторический объект, его социальные структуры представляют собой реальность, возникающую в результате разнообразной — планируемой и непреднамеренной — деятельности многих людей, а потому носящей естественный, а не искусственный характер. То есть мы признаем, что общество развивается «не на основе решений каких бы то ни было руководящих инстанций, а диалектической игры множества случайностей, через которые и реализуются общесистемные закономерности» (Немировский, 1998, с. 216–217). Задача — выявить эти закономерности. На наш взгляд, именно при таком подходе науки, изучающие общество, в т. ч. и экономики, можно считать науками естественными (Чернавский, 2001, 2004). Например, один из создателей современной макроэкономики Милтон Фридман решительно утверждал, что «...позитивная экономика является или может стать «объективной» наукой, точно в том же смысле как любая физическая наука» (Friedman, 1953, p.4).

Постулат «объективности» означает, что внимание фокусируется на анализе условий, определяющих механизмы согласования интересов социальных субъектов, сформировавшихся в условиях «естественного отбора» закрепленных в структуре институтов.

1.3. Разграничение «базовых институтов» и институциональных форм

Ключевым понятием в сравнительных институциональных исследованиях выступает понятие института. То, как авторы постулируют это понятие, определяет, собственно, характер и фокус дальнейшей научной работы.

До середины XIX века институты изучались в основном правоведами и понимались как сугубо юридические установления. С конца XIX века институты включаются также в предмет возникшей в западноевропейских странах социологии. Основоположники этой науки, прежде всего Г. Спенсер и вслед за ним Э. Дюркгейм, впервые ввели понятие институтов как определенных способов действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума (Дюркгейм, 1995, с. 20).

На рубеже XIX–XX вв. к изучению институтов подключились экономисты. Институциональная школа в экономических исследованиях берет свое начало в американской интеллектуальной традиции, начиная с Т. Веблена. К ней также относят Дж. Коммонса, Дж. М. Кларка, У. Митчела, У. Гамильтона и др. (International Encyclopedia of the Social Sciences, 1968, p. 462–467). В рамках складывающейся институциональной экономики институты рассматривались как образцы и нормы поведения (Селигмен, 1968, с. 89–104), а также привычки мышления (Веблен, 1984

(1899), с. 104), влияющие на выбор стратегий экономического поведения в дополнение к мотивации рационального экономического выбора.

В отличие от «старых» институционалистов, экономисты-неоинституционалисты 1970–90-х годов — О. Уильямсон, Р. Коуз, Д. Норт и др. — придают понятию института более широкий смысл (Ходжсон, 1997, с. 36), рассматривая институты в качестве важнейших факторов экономических взаимодействий. Так, согласно известному определению Д. Норты, институты — это «правила игры» в обществе, которые организуют взаимоотношения между людьми и структурируют стимулы обмена во всех его сферах — политике, социальной сфере или экономике (Норт, 1997а, с. 16).

Аналогичный подход характерен для современных западных социологов, которые трактуют институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» (Современная западная социология, 1990, с. 117). При этом социологи, в отличие от экономистов, подчеркивают значение института для организации системы ролей и статусов, образующих социальную систему.

В настоящее время изучение институтов находится в фокусе внимания многих общественных дисциплин в разных странах мира, став модной темой. Кроме социологии и экономики, с 1970-х гг. институциональные исследования развиваются также в антропологии (Gregory, 1994), экономической истории (Polanyi, 1977), культурологии (Appadurai, 1997; Joostens, 1988), экологии (Carroll, 1974; Healey, 1997) и т. д. Это отражает **первую тенденцию в изучении институтов**, на которую хотелось бы обратить внимание. Она состоит в том, что институты становятся объектом пристального изучения во все увеличивающемся числе областей знания.

Вторая тенденция в изучении институтов, тесно связанная с первой — это обогащение и углубление понятия «институт», что обусловлено участием специалистов разного профиля в институциональных исследованиях. В изучении институтов все более очевидным становится движение вглубь, от тех феноменов, которые лежат на поверхности, к поиску лежащих за ними сущностей, к рассмотрению институтов как характеристик внутреннего устройства, предопределяющих закономерности развития общества и обеспечивающих его целостность.

Выделенная тенденция в изучении институтов отражает одну из закономерностей социальных исследований, стремящихся к постижению сути общественных явлений и преодолению того поверхностного восприятия, к чему еще в середине XIX века призывал выдающийся французский историк и социолог Алексис де Токвиль (когда писал о социальной истории Франции). «Мы считаем, — писал он, — что очень хорошо знаем французское общество того периода, потому что видим все то, что отчетливо блестит на его поверхности, ибо до мельчайших деталей помним историю наиболее известных живших тогда персонажей... Но относительно *самой сути* мы имеем лишь смутные и зачастую ошибочные представления» (Токвиль, 1997 (1856), с. 3). Со времен Токвиля (как, впрочем, и до него) развитие представлений о глубинной сущности социальных явлений продолжает занимать умы обществоведов.

На начальных этапах институциональных исследований институты, в зависимости от подхода, представлялись как юридические установления, как непосред-

ственно наблюдаемые формы социального поведения, социальные роли или как типы организаций. Но с середины XX в. они начинают рассматриваться как явления более общие и более высокого порядка (The Penguin Dictionary of Sociology, 1984), а именно, как регуляторы общественных явлений.

Среди социологов одним из первых на это обратил внимание Т. Парсонс, утверждавший, что институты — это решающий фактор интеграции и стабилизации общества (Parsons, 1965, 1966a). Среди экономистов о том же заявил Д. Норт, когда противопоставил институты как системы деперсонифицированных отношений и правил игры организациям, которые по этим правилам действуют (North, 1990). Все чаще подчеркивается роль институтов как наиболее существенного элемента общественных систем, а исследователи стремятся добраться до институционального ядра современных обществ, с тем, чтобы объяснить многообразие происходящих социальных процессов в разных странах, глубже осмыслить историю и рационализировать перспективы общественного развития. Как пишет Ш. Эйзенштадт, выяснение того, как оказывается возможным поддержание социального порядка, постепенно становится фундаментальной проблемой в изучении социальных взаимодействий. Именно поэтому «мало-помалу фокус социологического анализа перемещается в собственно институциональную сферу, в самое устройство человеческого общества» (Эйзенштадт⁵, 1999, с. 19).

Отмеченные тренды в изучении институтов справедливы и для отечественных исследований.

Во-первых, в России, как и в мировом научном сообществе, институты постепенно становятся объектом изучения для различных общественных наук.

С XIX века и вплоть до конца 1950-х годов институты в нашей стране изучались в основном правоведами и рассматривались как «совокупность норм права, охватывающих круг общественных отношений» (БСЭ, 1953, с. 219). В других отраслях общественной науки институциональный подход долгое время был не только непопулярен, но даже служил предметом осуждения. Показательной является характеристика зарубежных институционалистов в Большой Советской Энциклопедии 1953 г. как «наиболее зловных врагов рабочего класса из всех представителей вульгарной политической экономии» (там же, с. 239).

Однако уже в 1960-е годы в рамках формировавшейся в тот период советской социологии институты выделяются как один из основных предметов исследования. Социальные институты понимаются как «относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социально организованного общества» (Социология, 1990, с. 157). При этом акцент делается на том, что институт — не только совокупность лиц и учреждений, снабженных определенными материальными средствами, но и набор социально ориентированных стандартов поведения в типичных ситуациях.

С 1990-х годов институты становятся объектом научного интереса для российских экономистов, активно осваивающих теоретические концепции

⁵ Иногда фамилия израильского социолога переводится на русский язык как Айзенштадт.

неоинституционалистов западных стран (Эволюционная экономика..., 1997; Эволюционный подход..., 1995). Среди них можно выделить четыре основных группы. Во-первых, это эконом-социологи (Заславская, Рывкина, 1991б; Радаев, 1997, 1998, 2001, 2002; Волков, 1997а, 1997б и др.), для которых использование институциональных концептуальных схем становится способом обновления советской социологии. Во-вторых, выделяются экономисты-математики (Макаров, 1999; Полтерович, 1999, 2001; Клейнер, 2001 и др.), развивающие эволюционные модели в рамках современной институциональной теории. Третью группу образовали преподаватели экономических высших учебных заведений и специализированных кафедр, опубликовавшие первые учебники по институциональной экономике в России (Нуреев, 2001; Олейник, 2002; Шаститко, 2002). Четвертая группа объединила ученых, применяющих институциональный подход в прикладных исследованиях российской экономики (Тамбовцев, 1996, 1999; Крюков, 1998, Крюков и др., 2002 и т. д.). Подробнее об этом см.: Кирдина, 2004г, с. 34–37; Кирдина, 2004в

Помимо экономистов, социологов и юристов, с 1990-х гг. изучением институтов в России занялись практически все группы обществоведов, о чем свидетельствует широкий круг научных публикаций того времени. Так, результаты институциональных исследований обществоведов различного профиля постоянно публикуются на страницах журналов «СОЦИС», «Общественные науки и современность», «Мировая экономика и международные отношения». Исследованиям институтов неоднократно посвящались тематические выпуски журнала «Вопросы экономики», международные интердисциплинарные симпозиумы (например, Куда идет Россия? Кризис институциональных систем..., 1999) и т. д. Сегодня на запрос «Институциональные исследования» поисковая система Google выдает более 2 млн. русскоязычных ссылок (просмотр 31 июля 2013).

Во-вторых, в отношении отечественных институциональных исследований справедлива и другая тенденция — движение в сторону более углубленного изучения институтов. Здесь замечен переход от анализа непосредственно наблюдаемых явлений к определению внутренних, скрытых причин и механизмов, от «анализа действительности видимой, — к действительности умопостигаемой» (Платон, 1971, с. 343).

В наибольшей мере это проявилось в социологии при современной модификации понятия «институт»: отмечено, что понятие института «подразумевает возможность обобщения абстрагированных из многообразных действий людей наиболее существенных типов деятельности и социальных отношений, путем соотнесения их с фундаментальными целями и потребностями социальной системы» (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 158).

Другим свидетельством углубления институциональных исследований в России становятся предлагаемые отечественными учеными теории и концепции, где институт является центральной методологической категорией. Одним из первых примеров могут служить работы историка из г. Санкт-Петербурга Н. П. Дроздовой, поставившей вопрос о создании неоинституциональной концепции экономической истории России (Дроздова, 1998). С конца 1990-х гг. теоретические и эмпирические исследования экономических институтов как основополагающих исторически

устойчивых социальных отношений проводит представитель Новосибирской экономико-социологической школы О. Э. Бессонова. Она, как уже отмечалось, предложила институциональную теорию хозяйственного развития России, или теорию раздаточной экономики (Бессонова, 1994, 1997 и др.). Можно также отметить пример развития цивилизационного подхода на основе анализа институциональных основ хозяйственных систем, свойственных разным цивилизациям (Лебедева, 2000).

Отмеченные тренды институциональных исследований показывают расширение сфер, предметных областей и терминологических определений в рамках этого направления. Поэтому становится особенно важным предъявление авторской позиции на фоне множества других подходов. В свое время Дж. Алстон специально подчеркивал, что таким образом в научной литературе, посвященной анализу институтов, удалось бы избавиться от значительной путаницы, вызываемой зачастую тем, что исследователи не заявляют тот аналитический план, на уровне которого они работают (Alston, 1996, p. 26)⁶.

На мой взгляд, различие подходов при анализе институтов связано, прежде всего, со свойственным *дуализмом*.

С одной стороны, институты создаются людьми, являются артефактами, продуктами человеческой деятельности. С этой точки зрения институты трактуются как «разработанные людьми ограничения, структурирующие человеческие взаимодействия» (North, 1996, p. 344), как социальные организации, «формирующие долговременные рутинизированные схемы поведения» индивидов (Ходжсон, 2003 с. 37), как устойчивые стереотипы индивидуальных действий — «рутины» (Нельсон, Уинтер, 2002), как «социально сконструированные» отношения (Грановеттер, 2004, с. 78). В данном случае внимание обращается прежде всего на субъектную сторону институтов, на возможности их целенаправленного формирования, и в этом проявляется специфика субъективистского подхода, обозначенного в предыдущем параграфе. В рамках субъективистского подхода особое внимание обращается также на пластичность институтов, конструируемых социальными акторами (Флигстайн, 1999). Характерным примером является исследование П. Бергера и Т. Лукмана. В своей книге «Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания» они рассматривают институт прежде всего как «взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода» (Бергер, Лукман, 1995 (1966), с. 92). Хабитуализация (опривычивание) предусматривает стабильную основу протекания человеческой деятельности в течение большей части времени и создает основу процессов институционализации. Разработанное ими понятие хабитуализации легло в основу

---

⁶ Вот пример всеобъемлющего, но мало операционального определения института: «отдельно взятый институт есть блок учреждений и средств, находящихся в их распоряжении, социальных ролей, процедур, стандартов управления и общепринятых ценностей, целерациональных по какому-то определенному основанию в отношении создавшей этот институт общности. Совокупным действием всех слагаемых, которые образуют институт, достигаются сплочение и устойчивость общности, порядок в ней, удовлетворение в ее рамках потребностей индивида и коллективов, наследование, передача по исторической эстафете традиционных социокультурных ценностей, навыков и норм социального управления» (Институты самоуправления..., 1995, с. 6).

широкой традиции институциональных исследований в западной и отечественной социологии, направленных на выявление реальных практик.

С другой стороны, институты отражают общественное устройство и являются «внешней средой» для действующих субъектов, представляя собой функциональные основания общественных систем. При таком анализе структурный контекст является более значимым, чем поведенческий, а институты предстают как *транс-субъектные* и *трансобъектные* универсалии (Ананьин, 2005 с. 103), направляющие поведение больших групп людей и организаций. С этой точки зрения институты — это устойчивые, структурирующие общество образцы социальных взаимодействий, проявляющиеся *de lege, praeter lagan et contra legem* (в рамках закона, несмотря на закон и вне закона)⁷. Другими словами, институты представляют собой глубокие, исторически устойчивые формы, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ.

При понимании институтов как «институциональной среды» исследователи абстрагируются от необходимости учитывать мотивацию человеческого поведения, и сосредотачиваются эволюции собственно институтов (Тарасевич, 2010), на свойствах институтов, воспроизводящихся независимо от того, какие люди живут в институциональной среде и пользуются ею. Индивид, «обладающий особым, неинституциональным субъективным качеством» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2007, с. 104), включается в схему анализа на последующем этапе при рассмотрении процесса индивидуализации — «расщепления» институтов, где реализуется избирательность и свобода выбора социальных субъектов.

Тем самым общество может быть рассмотрено как развивающаяся социальная система, а процесс развития понят как постоянное воспроизводство структуры институтов (подробнее см. Кирдина, 2005). Такая трактовка институтов, рассматриваемых на социетальном уровне, или на уровне общества в целом, характерна для объективистского (материалистического) подхода. Можно видеть, что в данном случае в понятии института присутствуют иные акценты, а основная задача состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Теория институциональных матриц предлагает одно из решений такого рода задачи.

Определение базовых институтов

С этой целью в нашем исследовании вводится следующее определение базовых институтов: под базовыми институтами понимаются глубокие, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ, исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде. Такими базовыми институтами выступают институты обмена, редистрибуции, выборов, федерации, иерархической вертикали власти, многопартийности и т. д.

В такой трактовке упор делается на отмеченное еще Торстейном Б. Вебленом свойство институтов служить важнейшими факторами естественного отбора форм

⁷ Такими словами Вернер Зомбарт определил когда-то изыскиваемые капитализмом пути и способы процветания. Цит. по: Бём, Ойкен, Гроссман-Дёрт, 2006, с. 112.

жизни и человеческих отношений, адекватных общественным условиям. Он писал, что «эволюция общественного устройства является процессом естественного отбора социальных институтов. ... Социальные институты не только сами есть результат процесса отбора и приспособления, формирующего преобладающие и господствующие типы отношений и духовную позицию, они в то же время являются особыми способами существования общества, которые образуют особую систему общественных отношений и, следовательно, в свою очередь выступают действенным фактором отбора» (Veblen, 1899, p. 188; Веблен, 1984, с. 200).

Действительно, один из первых известных нам авторов эволюционных идей британский философ Г. Спенсер понимал эволюцию как «изменение от неопределенной, бессвязной однородности к определенной, связанной разнородности через непрерывные дифференцирования» (Spencer, 1982 (1852), p. 10), как движение к равновесию и гармонии. В обществе необходимая связанность достигается созданием институтов, в которых закрепляются правила более высокого порядка, чем конкуренция и естественный отбор. Ф.А. фон Хайек называл их «механизмами общественного развития второго порядка» (Hayek, 1982, p. 9), или «безличностными механизмами, независимыми от суждений конкретных людей, который координируют индивидуальные усилия» (Hayek, 1960, p. 4).

Итак, постулированный выше материалистический (объективистский) подход, в рамках которого разрабатывается теория институциональных матриц, определяет специфику авторского понимания институтов. Институты рассматриваются как «фиксированные системы» определенных и неизбежных связей между членами общества, обусловленные внешними условиями выживания социума. Институты образуют своего рода «пространство силовых линий», поддерживающих динамическую историческую устойчивость социальных структур.

Такой объективистский материально обусловленный подход к институтам имеет давнюю историю. Обратимся к ученым XVIII в., размышлявшим об институтах и правилах социальной жизни. На вопрос о том, как в свободном обществе возникают институты, обеспечивающие стабильность общественного порядка, пытался ответить А. Смит в известной книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Как и его друг Дэвид Юм (см. его «Трактат о человеческой природе» 1739 г.), Смит полагал, что «правила морали не являются заключениями нашего разума», но вырабатываются в ходе длительного исторического процесса развития общества для обеспечения взаимосвязанности различных социальных групп и их сосуществования» (Квашницкий, 2006 (1996), с. 98).

На институты как формы принорования к окружающей среде указывали также Джон фон Нейман и Оскар Моргенштерн: «Пусть нам дан физический базис общественной экономики, или говоря более широко, общества. В соответствии с традициями и опытом человеческие существа придерживаются некоторого характерного способа приспособления самих себя к подобным обстоятельствам» Так возникает «установленный порядок общества» или «принятая норма поведения» (Neumann, Morgenstern, 1944, p. 41), или институты. Примерно в то же время известный историк права Рейнолдс Нойес писал: «Изучение общественного развития приводит к пониманию социальной

действительности как сети нематериальных связей — сплетения невидимых нитей, окружающих и связывающих между собой всех и каждого, а значит, формирующих общество. Постигание действительного мира, в котором мы все живем, заключается в объективизации этих отношений» (Noyes, 1936, p. 13. Цит. по: Сото, 2004, с. 160).

Объективизация этих отношений происходит как на неформальном, так и на формальном уровнях, что и выражается, в конечном счете, в формировании институтов⁸. Почему можно говорить о единстве формальных и неформальных правил в структуре института? Потому что, как справедливо утверждает Д. Норт, их изменения «обусловлены теми же факторами» (Норт, 1997б, с. 9), хотя и могут проходить с разной скоростью. Это означает, что понятие базового института не редуцируется к его составляющим, а является целостным. О нем можно говорить тогда, и только тогда, когда некое социальное отношение, или исторически устойчивая форма связи социальных субъектов (групп, территориальных общностей), существует и на формальном, и на неформальном уровне, пронизывая все сферы общественной жизни. На эту особенность в понимании базовых институтов хочется обратить особое внимание.

Также следует отметить, что в теории институциональных матриц речь идет не о тех социальных институтах, которые регулируют материальное и духовное воспроизводство собственно человека (к ним, прежде всего, относят институты семьи, образования, религии), а о социетальных базовых институтах, регулирующих воспроизводство общества в целом как социальной структуры.

Понимание **базовых институтов** — центральной категории в теории институциональных матриц, является вторым исходным постулатом, второй социологической аксиомой, составляющей ее теоретический фундамент.

Очевидно, что институты — это сложные функционально дифференцированные системы, имеющие различные элементы и составляющие. В данном случае основной интерес состоит в выявлении стабильной составляющей институтов, выявлении исторически устойчивых социальных отношений. Базовые институты образуют остоу, скелет общества, они задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий. Базовые институты складываются исторически, в ходе взаимодействия организующегося социума с условиями внешней среды. Они представляют собой устойчиво закрепившиеся «социальные технологии», определяющие характер последующего развития обществ. Если вернуться к разделяемому мною марксову пониманию общества не как совокупности индивидов, но как «суммы связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» (Маркс, 1959, с. 247), то базовые институты представляют собой самое существенное в этих связях.

⁸ В данном случае я согласна с Д. Нортом, отметившим эту особенность институтов как системы ограничений, *одновременно закрепленных* (курсив мой — С.К.) в формальной и неформальной сферах, являющихся как продуктом человеческого замысла, так и результатом исторического развития (Норт, 1997, с. 18). Соответственно, я не согласна с теми, кто делит институты на формальные и неформальные: в этих случаях речь идет лишь о формализованных и неформализованных правилах. Понятие института здесь является избыточным.

Выделение базовых институтов позволяет обособить глубинные, относительно постоянные структуры институциональной среды от ее внешнего, динамичного, меняющегося «поверхностного» слоя. Такой подход не является новым. Об этом писал, например, К. Маркс и Ф. Энгельс: «один и тот же базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» (Маркс, Энгельс, 1961, т. 46, с. 354).

В теории институциональных матриц различение «внутренней» и «поверхностной» структур закрепляется в понятиях базовых институтов и **институциональных форм**. В отличие от базовых институтов, сохраняющих свое содержание, институциональные формы мобильны, пластичны, изменчивы. Они представляют собой конкретные установленные образцы, способы, организации, в которых проявляется порядок взаимодействия социальных субъектов. К ним можно отнести законодательные акты, системы организации труда, формы хозяйственных связей, политические процедуры и т. п. Институциональные формы — это прямое или опосредованное внешнее выражение базовых институтов, задающих социетальную природу общества.

Применительно к экономике вопрос о разделении институциональных форм и институциональной структуры еще в 1996 г. был поставлен О.И. Ананьиным. При разработке теории институциональных матриц и подготовке двух первых изданий книги (в 2000 и 2001 гг.) я еще не знала его работ. Ознакомившись с ними, я была рада найти единомышленников не только среди классиков, но и среди современников, поскольку Ананьин разграничивал институциональные формы и институциональную среду аналогичным образом. Он определял институциональные формы экономической деятельности как эмпирически наблюдаемые явления, такие, как организации с их устоявшимся порядком работы (рутинами), правовые и административные нормы, формальные и неформальные каналы коммуникации, информационные потоки и др. В отличие от них институциональная структура экономики определялась коллегой как совокупность институциональных отношений, направляющих ход экономических процессов. Среди них — социальные и ценностные структуры, властные и организационные системы, поведенческие стереотипы и культурные нормы (Ананьин, 1996. С. 15).

Подытоживая, заметим, что базовые институты складываются на основе исторического опыта в результате приспособления населения, проживающего на территории государства, к тем внешним условиям, которые им даны. По мере развития обществ базовые институты проявляются во все более развитых и цивилизованных институциональных формах, сохраняя при этом свою качественную специфику. Базовые институты взаимообусловлены, определяют содержание и поддерживают функционирование друг друга, т. е. образуют определенную систему. Главной функцией базовых институтов является поддержание целостности общества в единстве образующих его подсистем, регулирование важнейших сфер общественной жизни.

1.4. Системный взгляд на общество: экономика, политика и идеология

Третьим постулатом теории институциональных матриц является рассмотрение общества как социальной системы. В социологии такой подход ассоциируется, прежде всего, с именами Т. Парсонса и его последователей, развивавшими теорию систем. Будучи модной в 1950–60-е гг., к концу XX в. системно-структуралистская теория была подвергнута жесткой критике за «консервативность» предположений об интеграции социальных систем, слишком высокий уровень абстракции и суждения, граничившие с тавтологией, за относительное пренебрежение к влиянию воли индивидуальных акторов, рефлексивности и т. д. (Большой толковый социологический словарь, т. II, 1999, с. 336).

Однако сам системный подход сохранил значительное влияние в социологии и социальных науках. Более того, на рубеже XX–XXI вв. он переживает «второе рождение», что отражается в популярности «мир-системного анализа» И. Валлерстайна, теории социальных коммуникативных систем Н. Лумана, социотехнического системного подхода Тейвистокского института человеческих отношений, дискуссиях о новой глобальной социологии и т. д. Развитие экосистемного и синергетического направлений в мировой науке также способствуют восстановлению позиций системного взгляда на общество в социальных науках.

Из множества определений систем воспользуемся одним из самых древних, считающимся 750 лет, а именно определением Святого Фомы Аквинского. Трудно не согласиться с П. Сорокиным, считавшим это определение непревзойденным по ясности и достаточности (Сорокин, 1992 [1928]). Согласно определению Святого Фомы, система характеризуется тройной взаимозависимостью, а именно: зависимостью каждой из ее важнейших частей от остальных частей, зависимостью частей от всей системы, и, наконец, зависимостью всей системы от ее частей (St. Thomas Aquinas, [1265–1274]). Системный взгляд на общество в теории институциональных матриц реализует предложенную логику.

Другой особенностью рассмотрения общества как социальной системы является отмеченное Т. Парсонсом свойство его «наивысшей степени самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы» [Парсонс 1998: 20]. Это означает, что выделение важнейших подсистем в системной структуре общества с целью его изучения должно удовлетворять условию необходимости и достаточности — не быть слишком большим (ибо невозможно объять необъятное!) и не слишком малым, когда общество теряет свойства самодостаточности.

В XIX в. один из классиков социологии (а также философии и политэкономии) К. Маркс в своей концепции «социального целого» выделял следующие его «уровни», или «инстанции»: *инфраструктуру*, или «экономический базис», и *суперструктуру*, включающую в себя такие «инстанции», как юридически-политическая (государство и право) и «идеологическая» (Маркс, 1955, 1959).

Нынешние последователи «исторического материализма» Маркса, создатели новой теории мировой системы Андре Франк, Барри Гиллс и др. соглашаются с вы-

делением трех названных подсистем: экономики, политики и культуры/идеологии (The World System..., 1998; Frank, 1998; World System History, 2000) в социальных системах — современных обществах. В то же время они отказываются от принципа экономического детерминизма (Элман, 2011, с. 5), признавая равную значимость выделенных сфер для функционирования социальных систем. Я солидарна с таким подходом.

В современной социологии выделение экономической, политической и культурной (социальной, идеологической, социокультурной) подсистем, или сфер общества является общепринятым. Тем не менее, сохраняются методологические трудности построения аналитической модели общества как социальной системы, раскрывающей их взаимозависимость. Выше было отмечено, что попытка Т. Парсонса, как и некоторые другие в этом направлении, были признаны неудачными. Это связывается с трудностями такого рода теоретической постановки. Как отмечал Иммануил Валлерштайн, «ни одна пригодная исследовательская модель не может разделить «факторы» в соответствии с экономическими, политическими или социальными категориями, иметь дело только с одним видом переменных, считая другие переменные постоянными. Мы утверждаем, что существует единый «набор правил», или единый «набор ограничений», внутри которых оперируют эти различные структуры» (Валлерштайн, 1998, с. 134). Их раздельное рассмотрение бессмысленно: «Святая троица — политика, экономика, социокультура — сегодня не имеет ни интеллектуальной, ни эвристической ценности. Зная, как действительно «трудится» современный мир, мы должны признать, что это нонсенс» (Wallerstain, 1991).

Итак, с одной стороны, представление об обществе как системе взаимодействующих экономической, политической и культурной подсистем, хотя и критикуется, но по-прежнему господствует в научном сознании и в современных учебниках по социологии. С другой стороны, пока не сложилась конвенциональная, т. е. принятая и разделяемая большинством ученых, социологическая методология, которая позволяла бы анализировать эти подсистемы как действующие внутри «единого набора ограничений», т. е. в рамках определенного типа общества. Возможно ли на нынешнем этапе предложить такую методологию? Подробно рассматриваемая в дальнейших главах книги теория институциональных матриц ориентирована на решение этой непростой задачи.

Но давайте попробуем включить «социологическое воображение» с тем, чтобы обозначить первый шаг к преодолению названного противоречия. Попытаемся предложить читателям такое рассуждение, в котором фиксируется одновременно и единство, и «триединство» общества, что иллюстрирует рисунок 4.

Суть такого теоретического представления состоит в следующем. Известные общественные подсистемы — экономика, политика и культура, точнее, идеология⁹, представляют собой сферы общественной жизни (и одновременно «проекции» общества как целого), каждая из которых выполняет определенную функцию в поддержании целостности социума. Экономическая сфера обеспечивает получение для

⁹ Подробное обоснование «замещения» идеологией сферы культуры представлено далее.

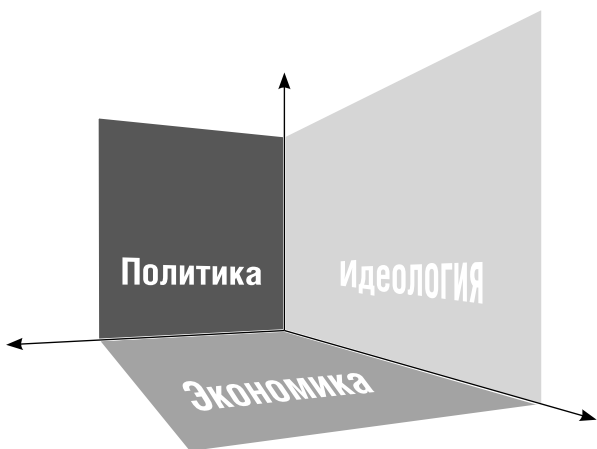

Рис.4. Система координат для описания общества

членов общества ресурсов жизнедеятельности из внешней среды. Политическая сфера образует среду, в которой происходит коллективная организация для достижения общественных целей. Наконец, идеологическая сфера обеспечивает «нормирование» коллективной деятельности определенной системой ценностей, что создает основу коммуникации между членами внутри социума.

Конечно, социальная реальность трудно разложима на эти составные, но взаимопроницающие части. Однако, используя «социологические плоскости» для отсечения сфер, формирующих экономическую, политическую и идеологическую среды, можно получить методологию для их анализа, то есть специализированного обособленного рассмотрения. Имея одновременно в виду их принадлежность общему целому.

Данное представление об обществе позволяет конкретизировать набор и сформировать структуру базовых институтов, регулирующих поддержание его целостности и развитие. Очевидно, что они должны включать институты, обеспечивающие развитие каждой из обозначенных подсистем — экономической, политической и идеологической.

Наиболее четко социальной наукой определены границы и функции экономической сферы общества. Именно поэтому изучение экономических институтов, начатое еще классической политической экономией, является сегодня наиболее продвинутой сферой институциональных исследований, имеющей своих мировых лидеров и Нобелевских лауреатов.

Политическая сфера стала объектом активного исследования социологов во второй половине XX века¹⁰. В 1950–60-х годах в североамериканской социологии был разработан системный подход к политическому анализу, способствовавший обособлению политической социологии (Collins, 1999б, с. 42–43) как новой отрасли социологиче-

¹⁰ Философы исследуют политическую сферу, в том числе политические институты не одну сотню лет. Обзор изучения институтов в политической науке см. Патрушев, 2002.

ского знания. Важная роль в этом принадлежит Т. Парсонсу. Введенные им термины и определения являются сегодня общепринятыми. Политическими Парсонс считал те стороны социального действия, которые связаны с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом (в нашем случае обществом) его целей. В качестве главных функций политических институтов выступает, во-первых, поддержание целостности сообщества, с акцентом на его нормативном и легитимном порядке и законодательстве как процессе узаконения складывающихся норм. Вторая функция связана с необходимостью организации коллективных действий в «общественных интересах» (Parsons, 1966b, Парсонс, 1998, с. 30). В рамках политической социологии исследуются природа и функции политической подсистемы общества, сравниваются типы политического устройства разных государств, изучаются политическое поведение, элиты и массы и т. д. К настоящему времени границы политической сферы и ее функции в обеспечении целостности общества обозначены вполне определенно.

Что касается сферы культуры, то ее рамки достаточно размыты, и эта содержательная и терминологическая неопределенность является одной из причин того, что культура не исследована институционалистами с той же тщательностью, как политика и, тем более, экономика.

По определению культурологов, культура — это совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным. Она включает в себя также заученные формы человеческого поведения и деятельности, обретенные знания, образы самопознания и символические обозначения окружающего мира (Культурология, 1997, с. 203). Отмечается, что культура — это не только и не столько материальные достижения, сколько свод «правил игры» коллективного существования, выработанная людьми система нормативных технологий и оценочных критериев по осуществлению различных социальных действий (там же, с. 204). Но так определяемая культура объемлет и пронизывает все общественные сферы и, в свою очередь, может быть специфицирована для каждой из общественных подсистем. Так, выделяют экономическую культуру, политическую культуру и т. д.

Однако еще П. Сорокин отмечал, что социологи зачастую смешивают и отождествляют культурные системы с социальными группами, называя различные социальные группы — этнические, государственные, территориальные или иные — цивилизациями или культурами, и приписывая совокупной культуре этих групп смысловую последовательность и причинную взаимозависимость между частями и целым (Сорокин, 1992 [1928], с. 92). Например, о таком распространенном среди социологов понимании феномена культуры идет речь в упомянутых выше исследованиях экономической и политической культуры, рассматриваемых как проявления и составные части культуры, свойственной обществу в целом. Исследования субкультур, напротив, противопоставляют нормы поведения тех или иных социальных групп общественной культуре.

В работе, специально посвященной соотношению общества и культуры, или социальной системы и культурной системы, Сорокин писал: «Интегрированные культурные системы... не идентичны организованной социальной группе. Они лишь частично совмещаются друг с другом в той степени, в какой любая организованная группа обладает набором смыслов, ценностей и норм... Данная культурная система не лока-

лизуется внутри одной социальной системы» (Sorokin, 1962, p. 335–341). Например, такие культурные системы как элементарная математика или английский язык распространены в сотнях и тысячах социальных систем (там же). В свою очередь Парсонс, рассуждая о культурных и социальных системах, также подчеркивал: хотя «все человеческие сообщества «культурны», и обладание культурой есть неотъемлемый критерий человеческого общества» (Парсонс, 1998, с. 13), «хотя культура эмпирически фундаментальна для общества, в теоретическом плане они принципиально отличны. Система культуры является иным уровнем абстракции... Социальная система не есть система культурных стандартов, она взаимодействует с ними так же, как она взаимодействует с физическими и биологическими условиями» (там же, с. 39–50).

Позже критики Парсонса, например, Ш. Эйзенштадт, упрекали его за отступление от выдвинутых им же самим принципиально важных и плодотворных идей об аналитическом различении «культурного» и «социоструктурного», или «организационного», измерений социального действия (Eisenstadt, 2004, p. 5–6). Я также полагаю первоначальные идеи Парсонса и П. Сорокина о различии культурных и социальных систем весьма плодотворными. На них я буду опираться при решении вопроса о том, как же очертить границы культуры, обособить ее как общественную подсистему, с тем чтобы выделить специфические, регулирующие ее функционирование и воспроизводство, базовые институты.

Говоря об особенностях социальных и культурных систем, Парсонс писал, что «культурные системы специализируются на функции поддержания образца; социальные системы — на интеграции действующих единиц (человеческих индивидов)...» (Парсонс, 1996, с. 497). При этом «главным функциональным требованием между обществом и культурной системой является легитимация общественного нормативного порядка. Она обеспечивается культурными ценностными образцами» (Парсонс, 1998, с. 115). Если исходить из этих определений, а также согласиться с важнейшим в системе убеждений Парсонса тезисом о роли идей как основы поддержания социального порядка, то тогда культура оказывается представленной на социетальном уровне прежде всего как идеология, или идеологическая подсистема, потому что именно господствующая идеология определяет социально значимые образцы поведения и нормы, которые следует поддерживать в обществе как социальной системе.

В отличие от культуры, идеологическая подсистема, аналогично экономической и политической подсистемам, может быть четко обособлена от других общественных сфер и содержательно, и функционально. В масштабах общества как целого она обеспечивает системную интеграцию общества, поскольку основная функция идеологии состоит в рационализации действующей политической и экономической структуры и формировании соответствующих систем ценностей, разделяемых большинством населения. «Институционализированные ценностные образцы выступают в виде «коллективных представлений», которые определяют желаемый тип социальной системы. На основе этих представлений индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Самодостаточность общества определяется степенью, в которой институты общества легитимизированы согласованными ценностными приверженностями его членов» (Парсонс, 1998, с. 21).

Таким образом, с точки зрения стоящих в исследовании задач, представляется вполне адекватным и социологически корректным в качестве основных, интегрирующих и четко обозначаемых подсистем общества выделить экономику, политику и идеологию. Каждая из них выполняет свои специфические функции в обеспечении выживания и развития общества как единого целого и характеризуется свойственным ей комплексом базовых институтов. Функция экономической подсистемы заключается в производстве средств жизнедеятельности для образующих общество субъектов, функция политики состоит в консолидации общественных сил, а функция идеологии — в обеспечении интеграции членов общества на основе общности — осознаваемой или латентной — ценностей и норм поведения.

Именно такое **системное представление о неразрывном «триединстве» общества**, рассматриваемого в системе экономических, политических и идеологических «координат», составляет третий научный постулат, лежащий в основе теории институциональных матриц.

Выделение экономики, политики и идеологии как основных сфер, или подсистем общества, восстанавливает единство представлений о человеке, обществе и мире в целом на основе идеи Троицы. Идея триединства сущего является одной из древнейших и в то же время современнейших идей человеческой философии. Согласно этой идее, тройственная организация микрокосма-человека (тело, разум и душа) представляет собой подобие и отражение макрокосма-вселенной, включающей в себя мир физический, мир человеческий и мир божественный (Шюре, 1914, с. 9). Аналогичным образом оказывается устроено и человеческое общество, которое является промежуточным звеном на оси «человек-вселенная». Первому, физическому уровню, или уровню тела, соответствует экономическая сфера, в которой осуществляется материальное воспроизводство общественной жизни, хозяйственная деятельность. Уровню разума соответствует сфера политики и власти, задачей которой является разумная организация и упорядочивание общественных сил. Наконец, душу человека можно соотнести с миром господствующих в обществе идей, задающих основные ценности и направления общественного развития.

По мере развития наук идея триединства мира получает все большее распространение и применение. Из сферы философии и социальных наук она проникает в естественные науки. Например, соответствующий подход развивается сегодня в науках о Земле, где, во-первых, различают биосферу, или мир физический, мир живой природы, во-вторых, ноосферу — область проявления человеческого разума (Вернадский, 1988, 1989) и, в-третьих, мир Геи (Гайи) — надпланетарные механизмы саморегуляции жизни на Земле, своеобразный духовный мир самой нашей планеты (Lovelock, 1979; Печуркин, 1998). Таким образом, системное социологическое представление об обществе как единстве экономической, политической и идеологической подсистем соотносится с идеей более общего порядка, который гносеологически обосновывается и аксиологически выводится как условие существования мира в качестве единого целого (Шарден, 1987).

Матричный принцип передачи наследственной информации, изменчивости и размножения — самая главная идея XX века, равная по значению идеям квантовой механики.

С. Шноль

Понятие институциональной матрицы

В 1990-е гг., когда начиналось представленное исследование, словосочетание «институциональная матрица» лишь эпизодически использовалось в общественных науках¹. Это был скорее некоторый образ, чем разработанная категория.

В социологической литературе упоминания об институциональных матрицах были особенно редкими. О них говорилось, например, в таких случаях, когда автору нужно было обозначить комплекс обычно не связываемых между собою конкретных общественных сфер как некое целое. В этом смысле об институциональных матрицах писал, например, А. Пратт (Pratt, 1974), понимая под ними структуры, объединяющие домашнее хозяйство, рынок труда и жилищный рынок, а также транспортную систему городов. Более развернутых описаний институциональных матриц в работах социологов (в отличие от экономистов) тогда, в конце 1990-х гг., мне не встретилось.

2.1. Определение институциональной матрицы

Родоначальниками понятия институциональной матрицы являются экономисты К. Поланьи и Д. Норт. Сначала Карлом Поланьи, а затем в более развернутой форме Дугласом Нортом были высказаны предположения о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», которая определяет веер возможных траекторий

---

¹ В отличие от 1990-х гг., запрос на словосочетание «институциональн(ая/ые) матриц(а/ы)» в поисковой системе Google только на русском языке 6 февраля 2013 г. выдал 2 млн. 480 тыс. результатов.

его дальнейшего развития. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и определяет место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ и индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на выходе (Polanyi, 1977, р. xxxii). Институциональная матрица общества по определению Норта представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему (Норт, 1997а, с. 147–148), в которой экономические и политические институты взаимозависимы. При этом и Поланьи, и Норт полагали, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу.

Известно, что в практике употребления терминов нередки случаи, когда они получают новое значение при сохранении старого наименования². Такая многозначность, или полисемия термина характеризует движение научной мысли, является естественным моментом познания. Это характерно и для генезиса понятия «институциональная матрица», которое стало основным предметом новой одноименной теории и претерпело изменения по сравнению с первоначальным употреблением в работах Поланьи и Норта.

Обратим внимание на то, что само слово «матрица» происходит от латинского *matrix* (*matricis*), что значит «матка». В этом смысле матрица означает общую основу, схему, некую исходную, первичную модель, форму, порождающую последующие воспроизведения чего-либо.

Отталкиваясь от этой первичной этимологии, я понимаю под *институциональной* матрицей исходную модель базовых общественных институтов, которая складывается на заре возникновения первых государств — устойчивых человеческих сообществ, способных воспроизводить свою историю. Все последующие институциональные структуры развивают, обогащают эту первичную модель, «наслаиваясь» на нее, но не меняя сущности. Развитые, доступные для анализа формы институциональных матриц можно найти уже в древнейших государствах (см. далее Главу 4).

**Определение
институциональной
матрицы**

Итак, институциональная матрица — это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической.

Схематическое изображение институциональной матрицы как триединой социальной формы в виде треугольника³ — жесткой фигуры — обращает наше внимание на жесткость связи между базовыми институтами, их взаимообусловленность (Рис. 5).

² Например, термин «этология» в XVIII в. был синонимичен этике (учению о морали); в 1843 г. Дж. Милль определял этологию как раздел психологии, изучающий человеческий характер; в 1859 г. зоолог И. Ж. Сент-Илерн впервые назвал этологию наукой о животных в естественной среде; в 1989 И. Эйбл-Эйбесфельдт заявляет науку «этологию человека».

³ Образ этого треугольника возник на конференции по истории финансовой политики в России в г. Санкт-Петербурге в ноябре 1998 г. Слушая доклад о министрах финансов в Российской империи, когда на смену консерваторам приходили реформаторы, я вдруг осознала эту жесткую взаимосвязь характерных для общества экономических, политических и идеологических отношений.

Рис.5. Схематическое представление институциональной матрицы

Образующие институциональную матрицу базовые институты составляют своеобразную энергетическую арматуру, глубинную структуру, «стягивающую» основные подсистемы общества в целостное образование, не позволяющую обществу распасться. В разработке понятия институциональной матрицы продолжаются, таким образом, традиции марксистского и структуралистского подхода, который «склонен объяснять природу любого данного институционального порядка, и особенно его динамику, отправляясь от принципов «глубинной» или скрытой структуры» (Эйзенштадт, 1999, с. 64).

В институциональной матрице реализуется тройной принцип системности Святого Фомы Аквинского, о котором говорилось в предыдущей главе. Во-первых, представленные в ней базовые институты общественных подсистем взаимозависимы и определяют друг друга. Во-вторых, специфика каждого из них зависит от особенностей всей институциональной матрицы. В-третьих, сама природа институциональной матрицы определяется характером образующих ее базовых институтов выделенных подсистем. Здесь экономика, или хозяйство, является основой физического воспроизводства общественного богатства, производственной основой развития всего социума. Политика включает в себя государственное устройство, формы правления и фундаментальную структуру принятия и исполнения решений в обществе. Она однозначно согласована с типом экономики и представляет собой способы мобилизации общественных ресурсов на достижение значимых целей и эффективное функционирование экономики. Идеология в этом ряду понимается как базовая общественная ценность, выражаемая набором господствующих идей. Они формируют общественную норму — явную или неявную, определяющую массовое, типичное поведение населения. Для экономической сферы доминирующие идеи служат основанием принятия решений о направлениях использования общественного продукта, создаваемого населением страны. В политической сфере базовый набор идей выступает критерием для оценки справедливости того или иного государственного порядка и складывающейся системы властных отношений.

Разработка понятия институциональной матрицы представляет собой одну из попыток решения важнейшей, как полагал Т. Парсонс, проблемы теоретической

социологии, а именно, проблемы интеграции социальных систем. «Социология, — писал Парсонс, — должна заниматься широким кругом черт, факторов и последствий интегративных состояний социальных систем самых разных уровней, начиная с семьи... и кончая обществами, как таковыми, и даже системами обществ» (Парсонс, 1972, с. 27). Именно социология должна объяснять, как интегрируются и как воспроизводятся общества. Если, следуя Парсонсу, понимать общество как устойчивую, интегрированную, целостную социальную систему, способную существовать продолжительное время (Парсонс, 1998, с. 24), то в таком случае институциональную матрицу можно рассматривать как способ обеспечения интеграции общества. Институциональная матрица отражает найденный в ходе исторического развития способ взаимосвязи основных общественных подсистем — экономики, политики и идеологии.

В социологии уже предпринимались попытки определения априорных социальных форм, составляющих «геометрию социальной жизни». Такой теоретический подход известен как формальная социология и связан с именем Георга Зиммеля. Формальная, или чистая социология, по Зиммелю, исследует формы взаимодействия между индивидами, образующими общество, отделяя их «от содержания, в котором живут эти формы» (Simmel, 1920, s. 29). Зиммель утверждал, что определенные социальные формы обладают априорным, или «необходимым» характером, отличаясь своим эмпирическим выражением в конкретных социальных ситуациях. Сумма этих форм связи образует собственно общество, и само «обобществление» есть форма, в которую облекается содержание взаимодействий индивидов (Филиппов, 1996, с. 573). Таким образом, задачу социологии Зиммель видел в том, чтобы абстрагировать свои социальные формы — понятия, как геометрия абстрагирует пространственные формы от физических объектов, а грамматика отделяет свои формы от языка и конкретных слов (Филиппов, 1996, с. 578; Ландман, 1996, с. 535).

Хотя излагаемая концепция институциональных матриц формировалась безотнositельно работ Зиммеля, тем не менее, следует отметить сходство наших поисков и стремлений приблизиться к построению унифицированных социологических понятий.

Понятие институциональной матрицы выделяет внутреннюю, латентную основу взаимосвязанного функционирования основных общественных подсистем — экономики, политики и идеологии как систему характерных для них институтов. При таком подходе экономические, политические и идеологические институты выступают как три ипостаси, три грани определенного типа общества. Исследуя структуру институциональной матрицы, можно понять специфику общества, воспроизводящуюся в ходе исторического развития и проявляющуюся в постоянно развиваемых институциональных формах, обусловленных культурным контекстом и глобальным окружением.

Институциональная матрица — одна из возможных абстрактных моделей общества. Как любая модель, она усиливает определенные черты, намеренно опуская другие. Поэтому модель не следует путать с самим объектом (Баранов, 1992, с. 130), в данном случае обществом, более сложным и менее «абстрактным».

Кроме того, «сама по себе модель — не теория, но она служит фундаментом для теоретических изысканий (различные теории могут проистекать из одной и той же модели и наоборот). Поэтому модель не может быть ни истинной, ни ложной, но лишь пригодной и правдоподобной, адекватной в той или иной степени, поскольку ее главной функцией является когнитивная продуктивность» (Баранов, 1992, с. 129). Задача дальнейшего изложения — продемонстрировать продуктивность модели институциональной матрицы для построения соответствующей теории на ее основе.

2.2. Два типа институциональных матриц: X- и Y-матрицы

Имеет ли каждое общество уникальную, свойственную только ему институциональную матрицу? Или можно выделить несколько типичных матриц, как, например, цивилизаций или культур, число которых, по оценкам разных авторов составляет 8 (Хантингтон, 1994; Шпенглер, 1923), 10 (Данилевский, 1869) или 23 (Toynbee, 1961)? Или история всех человеческих обществ есть воспроизводство одной, единой для всех матрицы, и различия между странами связаны в основном с этапами, стадиями общественного развития, как предполагается сторонниками формационного подхода или теории модернизации?

Обобщение соответствующей исторической, философской, экономической, социологической и культурологической литературы, как и эмпирические исследования, позволяют предположить, что многообразные институциональные комплексы древних и современных государств можно представить как сочетание двух институциональных матриц. Они имеют идентичную структуру, но отличаются содержанием образующих их экономических, политических и идеологических институтов. Эти матрицы названы X- и Y-матрицы, поэтому теорию институциональных матриц стали называть X-Y-теорией.

Поиски названия для институциональных матриц имеют свою историю. В первом издании книги 2000 г. X-матрица называлась «восточной матрицей», поскольку она доминирует в большинстве государств, традиционно относимых к Востоку. Соответственно, Y-матрица называлась западной, так как она более выражена в странах западного мира.

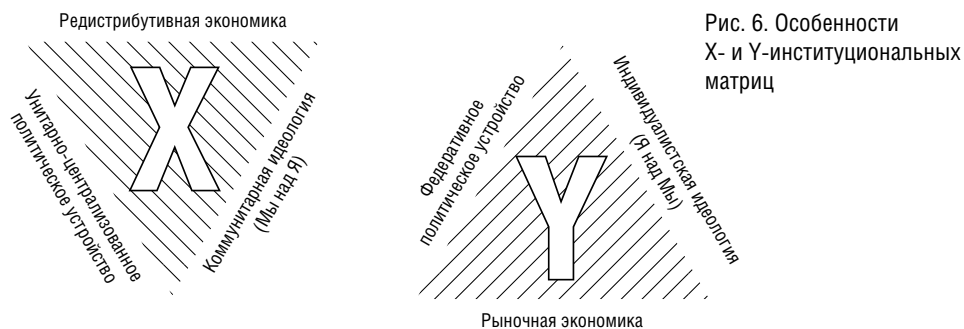
Но уже первые отклики после публикации книги показали, что такое название матриц («восточные» и «западные») оказалась неудачным. Оно провоцировала восприятие модели институциональных матриц как кальки с известной смысловой культурологической оппозиции «Восток-Запад», поскольку имело место внешнее сходство наименований. Приходилось постоянно объяснять, что, в отличие от известной дихотомии «Запад-Восток», выработанной для первичной типологии мировой культуры и обозначения поляризованных наборов смысловых систем, социологические понятия X и Y-матриц разработаны для разграничения альтернативных базовых институтов, регулирующих воспроизводство обществ независимо от действий носителей разных культурных традиций (подробнее см. 12.1).

Чтобы избавиться от возникающих, тем не менее, культурологических коннотаций, было принято решение изменить названия институциональных матриц. Ибо

верно замечено, что следует «избегать неверных ассоциаций, из которых образуются стойкие клише, мешающие пониманию» (Ефремов, 1995, с. 56).

В главе 1 было отмечено, что использование универсальной и системно-нейтральной терминологии является одним из методологических принципов сравнительного институционального анализа. Поэтому я остановилась на названии X- и Y-матрицы, и это неслучайно. Хотя X и Y — просто буквы латинского алфавита, в научной терминологии они часто несут тот латентный смысл, который в значительной степени соответствует природе обозначаемых этими символами институциональных матриц. Так, в генетике X и Y — это, соответственно, женские и мужские хромосомы. В математике X и Y — горизонтальная и вертикальная оси. Другими словами, X — это женское, покоящееся, принимающее начало, часто соотносимое с Востоком, а Y — это мужское, прогрессивно-технологичное, передовое начало, с которым часто ассоциируется Запад.

X- и Y-матрицы различаются между собой содержанием образующих их базовых институтов, т.е. формами социальной интеграции в основных общественных сферах. Гипотеза о содержании базовых институтов в разных матрицах сформирована на основе изучения работ многих авторов, прежде всего, А. Ахиезера, О. Бессоновой, Д. Норта, К. Поланьи, А. Смита и др., а также базируется на собственных проведенных исследованиях. Подробно эти институты будут охарактеризованы главах 5, 6 и 7 книги. Пока представим самое общее предварительное описание (рис. 6).

Для X-матрицы (ранее называемой восточной) характерны следующие базовые институты:

- ☉ в экономической сфере — **институты редистрибутивной экономики** (термин К. Поланьи, 1953). Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию;
- ☉ в политической сфере — **институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства**;
- ☉ в идеологической сфере — доминирование идеи коллективных, надличностных ценностей, приоритет Мы над Я, т.е. **коммунитарная идеология**.

Предполагается, что X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки.

Y-матрица (западная в более ранней терминологии) образована следующими базовыми институтами:

- ☞ в экономической сфере — **институты рыночной экономики**;
- ☞ в политической сфере — федеративные начала государственного устройства, т. е. **федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство**;
- ☞ в идеологической сфере — доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей, приоритет Я над Мы, или **индивидуалистская идеология**⁴, означающая примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер.

Предварительные исследования позволили предположить, что Y-матрица доминирует в общественном устройстве большинства стран Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

X и Y-матрицы задают отличающиеся модели социальной интеграции, т. е. представляют собой два альтернативных типа «универсального консенсуса» (выражение О. Конта). Доминирование той или иной институциональной матрицы определяет различную социальную идентичность обществ. Проявления особенностей социальной идентичности России, например, убедительно проиллюстрировала В. Г. Федотова в своей известной работе «Модернизация «другой» Европы» (Федотова, 1997).

С одной стороны, названные институциональные матрицы следует понимать как идеальные типы в веберовском смысле, то есть индуктивно построенную на основании предварительных наблюдений «интерпретативную схему, с которой имеющие эмпирические факты сопоставляются» (Weber, 1975, p. 190). Веберовский подход, как отмечает Ананьин, вновь стал созвучен современным тенденциям развития науки, связанным с освоением методов анализа сложных систем и процессов самоорганизации (Ананьин, 2002, с. 30).

Социолог из Швейцарии Ж. Коэнен-Хуттер пишет, что в последние десятилетия представление об обществе как системе было по существу «законсервировано», в то время как концепция системы, по его мнению, это наилучший способ объяснения идеи взаимосвязи, которая является сущностью социологического мышления (Коэнен-Хуттер, 1998). Теоретическое представление об институциональных матрицах восстанавливает, на мой взгляд, системное рассмотрение общества. Оно дает новую методологию для исследования сложных эмпирических феноменов — социальных систем — через призму идеальных типов X и Y-матриц.

С другой стороны, институциональные матрицы — это не только идеальные типы и методологическое средство. Концепция институциональных матриц актуализирует задачу изучения обществ, сформулированную еще в начале XX века Э. Дюркгеймом. Как уже отмечалось в первой главе, в свое время Дюркгейм призвал к тому, чтобы видеть в обществах «реальности, природа которых нам навязыва-

⁴ Во втором издании книги 2001 г. использовался термин «субсидиарная идеология».

ется и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам... Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, неизбежного порядка вещей, и настоящая наука становится возможной и вместе с тем необходимой для того, чтобы описывать и объяснять, чтобы выявлять его характерные признаки и причины» (Дюркгейм, 1990, с. 269). Институциональные матрицы отражают, по моему мнению, этот неизбежный реально существующий порядок вещей, который необходимо распознавать и действовать в соответствии с его законами.

Иногда полагают, что эти законы чрезвычайно сложны, и простые описания с помощью дуальных оппозиций слишком примитивны. Возможно, да, а, возможно, и нет. Вспомним об эстетическом критерии, который также присутствует в науке. Может ли знание законов развития природы и общества быть красивым, и в чем эта красота? «Принцип красоты усматривается в математических формулировках законов природы, — писал один физик. — Обладая практически абсолютной точностью, они несут в себе строгую лаконичность и изящество. Откройте любой справочник по физике и убедитесь — основные законы записаны просто, нет длинных и сложных формул. В истории науки часто бывает так, что существенно различные теории, призванные описать новые явления, в одинаковой мере подтверждаются экспериментально. В таком случае более предпочтительными оказываются те концепции, которые являются наиболее простыми» (Космос был ... сотворен, 2000). Неслучайно в свое время академик РАН Никита Николаевич Моисеев говорил, что «понимание приходит лишь через достаточно простые образы реальности». Институциональные X- и Y-матрицы, на мой взгляд, дают такой пример.

2.3. Свойства институциональных матриц и комплементарные институты

Институциональные матрицы как модель социальной реальности обладают рядом достаточно универсальных свойств, которые характерны для окружающего нас мира.

Одно из таких универсальных свойств — свойство симметрии. Как отмечают философы, симметрия — это необходимый элемент представления «полного описания физической системы» (Новая философская энциклопедия, т. III, с. 540). Сами «физические взаимодействия, как это теперь стало очевидно, по своей сути есть проявления и даже средство поддержания в природе присущего ей набора определенных скрытых симметрий... Поиски такой симметрии лежат в основе научной стратегии, призванной привести к более глубокому пониманию сути вещей» (Космос был ... сотворен, 2000). Это, по-видимому, справедливо и для социальных систем и, соответственно, отражающих их моделей. Хотя практика постоянно обращает наше внимание на то, что симметрия — это идеальный закон, который в жизни часто не соблюдается, хотя многие полагают, что симметрия — это вряд ли достижимый предел несимметричного по своей сути процесса, закон симметрии, тем не менее, сохраняет свое значение как один из универсальных законов устройства мира.

На мой взгляд, одним из проявлений закона симметрии в социальной жизни является симметричность рассмотренных X и Y-матриц. Их **симметричность** — первое из совокупности свойств институциональных матриц. С одной стороны, симметричность выражается самим наличием двух противостоящих друг другу как идеальные типы институциональных матриц. С другой стороны, симметричность означает, что институтам рыночной экономики в Y-матрице соответствуют институты редистрибутивной экономики в X-матрице, далее институтам федеративного устройства — институты унитарного политического устройства, а, соответственно, индивидуалистской идеологии Y-матрицы — коммунитарная идеология в X-матрице.

Второе свойство институциональных матриц — **взаимообусловленность** образующих их базовых институтов. Она предполагает однозначное взаимное соответствие экономических, политических и идеологических институтов в каждой матрице, подходящих друг к другу как «ключ к замку». Это означает, что если в экономической сфере того или иного государства доминируют институты рынка, то в политической сфере действуют институты федеративного государственного устройства. При этом идеология характеризуется приматом личностных ценностей — идет ли речь о культе античных героев, идее «субсидиарности»⁵, составляющей ядро христианской доктрины, или приоритете прав и свобод личности как основы либеральной системы ценностей. И наоборот: доминирование в экономической сфере институтов редистрибутивной экономики предполагает унитарное устройство государства и соответствующие ему политические институты. Стабилизация такого типа обществ обеспечивается преобладанием коллективных, или коммунитарных ценностей в идеологической сфере, выражаемых в разных формах на этапах исторического развития конкретных стран — от конфуцианства и соборности до коммунистической идеологии.

Свойство взаимообусловленности институтов иногда затрудняет выделение какой-либо группы институтов (экономических, политических или идеологических) как самостоятельного объекта анализа. В этих случаях исследователи воспринимают их как нерасчленимую структуру. Характерным примером является популярная категория «власти-собственности» (см., например, Васильев, 1992; Стариков, 1996; Плискевич, 2008; Нуреев, Рунов, 2002; Плискевич, 2008; Нуреев, 2012), пришедшая от антропологов-востоковедов и часто применяемая для описания специфики современной России. Конечно, имеет место взаимообусловленность политических и экономических институтов в нашей стране, вытекающая из общей принадлежности к X-матрице, исторически доминирующей в России. В то же время эти институты имеют различные функции и регулируют разные сферы общественной жизни, поэтому так важно их аналитическое обособление и изучение.

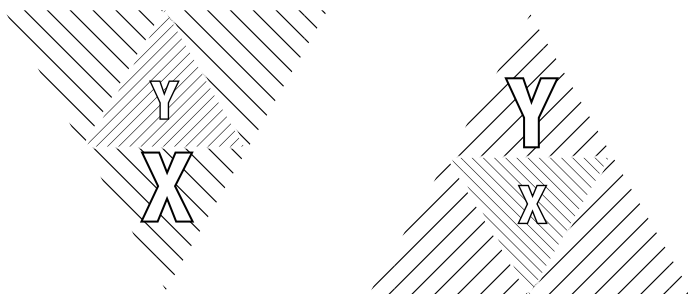
Третье свойство институциональных матриц отражает их сосуществование на принципах **доминантности-комплементарности**. Оно отражает эмпирически наблюдаемый феномен со-действия в социальной жизни институтов обеих матриц и соответствующих им институциональных форм. Так, например, в западных стра-

⁵ Подробнее об идее субсидиарности см. Глава 7, параграф 2.

нах рыночные Y-институты сосуществуют с институтами редистрибуции, федеративное устройство не отменяет политических институтов унитарного типа, а идеологическая сфера наполнена не только индивидуалистскими, но и коммунитарными ценностями. Аналогичным образом, при господстве в экономике Китая или России редистрибутивных институтов X-экономики обычно в той или иной мере постоянно присутствуют рыночные элементы, а в унитарной политической сфере — институты федеративного устройства. В сфере идеологии такого типа государств доминирование коммунитарных ценностей не означает полный отказ от комплекса идей, воплощающих индивидуалистскую идеологию.

Тем не менее, наблюдается устойчивое доминирование одной из матриц в истории государств. Образующие ее базовые институты можно называть доминантными, а институты альтернативной матрицы — комплементарными. **Доминантные институты** в наибольшей мере определяют социальную идентичность конкретных обществ, а **комплементарные институты** играют необходимую, но вспомогательную роль, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества. Как в генетике доминантный ген, «подавляя» рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и доминантные институты определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения действию комплементарных вспомогательных институтов. Схематически эти соотношения показано на рисунке 7.

Рис. 7. Соотношение доминантных и комплементарных институциональных матриц

Свойство доминантности-комплементарности институциональных матриц означает, что мы имеем дело с диалектической моделью, и это обеспечивает доступ к исследованию движущих причин изменения внутри и между выделенными общественными структурами. В ходе взаимодействия матриц доминантных и комплементарных институтов на каждом этапе происходит диалектическое разрешение конфликта, и каждый раз «оппозиция противоположностей на новом качественном уровне является движущей силой развития» (Баранов, 1992, с. 134).

Использование понятия комплементарности институтов в социологии продолжает традиции последовательного введения аналогичных терминов в рамках точных и естественных наук. В математике комплементарными называются углы, образующие в сумме прямой «правильный» угол. Комплементарными или дополнительными назывались цвета спектра, образующих в сочетании белый цвет. В биохимии

комплементарность означает такое взаимное соответствие в химическом строении двух макромолекул, которое обеспечивает их взаимодействие и т. д. (Большая советская энциклопедия, 1973, т. 12, с. 591).

Как проявляется вспомогательный, но одновременно необходимый характер действия комплементарных институтов? Например, в экономике западных стран, где доминируют институты рынка, институт общественной, государственной собственности имеет комплементарный характер. Государственная собственность и государственное регулирование устанавливаются здесь в тех случаях, когда рынок оказывается не в состоянии обеспечить эффективное использование ресурсов. При этом основная цель комплементарных институтов — содействовать более эффективному действию рыночных институтов, составляющих ядро западной экономической системы.

Аналогичным образом обстоит дело с действием рыночных институтов в экономике редистрибуции, характерной для стран с X-матрицей. Например, на протяжении всей истории таких экономик в них, при господстве в большинстве отраслей общей, государственной, казенной и др. аналогичных форм собственности, тем не менее, постоянно действуют институты частного предпринимательства и рыночной торговли (Бессонова, 1997, с. 57–61).

И в том, и в другом случае действие альтернативных экономических институтов, обеспечивающих устойчивость системы в целом и задающих необходимую для успешного развития «институциональную конкуренцию», имеет, тем не менее, ограниченный характер. Более того, даже в кризисные периоды их действие опосредуется доминантными экономическими институтами. Так, в странах с доминированием Y-матрицы как бы глубоко не проникало государственное вмешательство в рыночную экономику, оно не изменяет ее природы. В конечном счете, государство действует как регулятор рынка и гарант частной собственности. В редистрибутивных экономиках стран с доминированием X-матрицы, наоборот, государство, даже при уменьшении объемов государственной собственности, оказывает определяющее воздействие на ход экономического развития и продолжает оставаться основным участником и актором экономического процесса. Аналогичные ограничения имеются в отношении политических и идеологических институтов.

Развитие доминантных и комплементарных базовых институтов носит одновременно **стихийный и управляемый** характер. Однако, наблюдая отечественный и зарубежный социальный опыт, нельзя не заметить особенности функционирования этих групп институтов в обществе. Для доминантных институтов, как представляется, в большей мере характерны экспансия и неуправляемый, стихийный характер развития. Зачастую они «прокладывают себе путь», казалось бы, вопреки действиям и устремлениям большинства населения страны и ее политического руководства. Развитие же комплементарных институтов, обеспечивающих во взаимодействии с доминантными институтами сбалансированное развитие той или иной общественной сферы, часто требует целенаправленных усилий со стороны социальных субъектов и активной политики для их поддержки. Без таких усилий естественно-стихийный характер действия доминантных институтов может привести

общество в состояние хаоса и/или кризиса. Или, если не принимать сознательных усилий по дополнению институциональной среды альтернативными, комплементарными институтами, их развитие принимает теневой характер, тем больший, чем упорнее игнорируются они в легитимизированной практике. Поэтому так важен общественный контроль при развитии альтернативных институциональных форм и так велико значение целенаправленной деятельности и специальных программ для их внедрения.

В качестве иллюстративного примера рассмотрим функционирование экономических институтов в странах с разным типом доминирующей институциональной матрицы. Так, в Y-экономике описанное К. Марксом стихийное действие рыночных институтов приводит, как известно, к кризисам перепроизводства, уничтожающим саму основу рынка, к нарушению хозяйственных связей и важнейших отраслевых пропорций, массовому разорению товаропроизводителей. Для балансировки экономического развития общество должно сознательно, «сверху» и «снизу» внедрять альтернативные институты и институциональные формы, характерные для реди-стрибутивной экономики — планирование производства, государственную политику занятости, ценовое регулирование и т. д.

Наоборот, для реди-стрибутивных экономик в странах с доминированием X-матрицы необходимо сознательное, контролируемое внедрение альтернативных рыночных институтов. Без их целенаправленного встраивания в экономическую жизнь стихия реди-стрибуции точно также приводит к экономическому кризису (в форме недопроизводства) и стагнации, как и спонтанное действие институтов рынка в странах с Y-матрицей.

Используя понятия теории институциональных матриц, можно объяснить причины германского или японского чуда, феномена «прыжка тихоокеанских тигров» и др. аналогичные примеры успешной политикой встраивания комплементарных институтов и соответствующих им институциональных форм в общественную жизнь. Так, в случае послевоенной Западной Германии высокие темпы ее экономического роста в значительной мере были предопределены централизацией хозяйственной и политической жизни, а также внедрением иных альтернативных институциональных форм X-матрицы, дополнивших действие доминантных институтов этой страны с Y-матрицей. Известная книга Л. Эрхарда «Благосостояние для всех» (Эрхард, 1991) дает эмпирический материал, в значительной мере подтверждающий этот вывод. И, наоборот, грамотная и тщательно спланированная модернизация институциональной среды Японии, а затем Китая и ряда других стран Юго-Восточной Азии за счет комплементарных институтов рыночной Y-экономики, при сохранении доминирующего положения институтов исторически присущей X-матрицы, способствовала их социально-экономическому прорыву.

Наконец (last but not least), четвертое свойство можно определить как **«инвариантность доминантности»** (термин Р. Бумагова), историческую устойчивость институциональных матриц как к внешним воздействиям, так и к действиям социальных сил внутри страны. При развитии и постоянном совершенствовании тех институциональных форм, в которых реализуются доминантные и комплементарные

институты по ходу исторического развития, «инвариантность доминантности» означает сохранение доминирующего положения одной из матриц на протяжении истории государства. Неизменность ее доминирующего положения определяет «исторический коридор» эволюции конкретных обществ, задает общий вектор траекторий возможных социальных изменений.

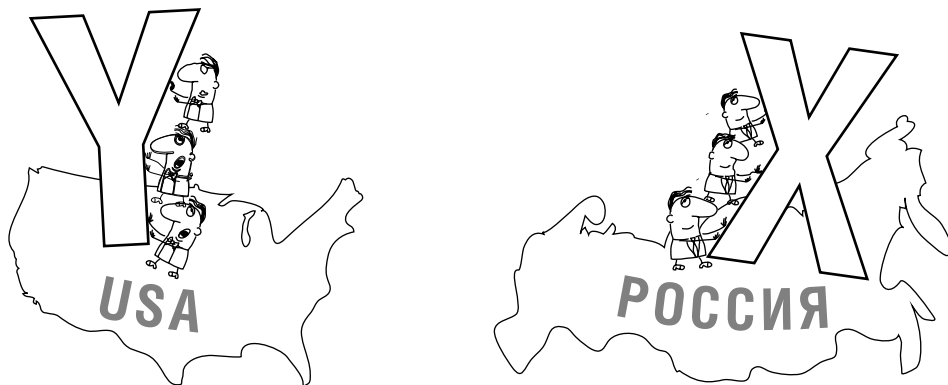

Рис. 8. Неуязвимость институциональных матриц

«Инвариантность доминантности» — это фундаментальное свойство институциональных матриц, оно определяет, в конечном счете, специфику и значение теории институциональных матриц в целом. Ее приятие или неприятие, как показывают непрекращающиеся дискуссии, часто связано именно с этим свойством неуязвимости доминирующего положения определенной матрицы. Например, некоторым российским ученым трудно принять тот факт, что историческая доминантность X-матрицы в нашей стране инвариантна и постоянна, хотя в обоснование этого утверждения написано уже множество работ. Примером может служить высказывание одного из оппонентов теории институциональных матриц известного российского экономиста Евгения Григорьевича Ясина. В радиопередаче «Эхо Москвы» «Выхода нет» 11 декабря 2005 г. он заметил: «Я должен сказать, что у меня нет исчерпывающих доказательств против этой теории...», но я с ней не могу согласиться (<http://www.echo.ratry.ru/programs/noexit/40467/index.html>).

Но что определяет неизменность доминирования одной институциональной матрицы по отношению к другой? С позиций объективистского материалистического подхода, который является одним из постулатов теории институциональных матриц, мне не удалось найти другого убедительного объяснения, кроме определяющей роли материально-технологической среды в ареале возникновения и развития того или иного государства.

Решения технологических проблем определяют диапазон тех решений, которые общество может найти и для других проблем.

Г. и Дж. Ленски

Коммунальная и некоммунальная материально-технологическая среда

Несмотря на осознание роли и связи технологии с экономическими и социальными процессами, несмотря на то, что по этим проблемам написано много прекрасной литературы, вопрос этот до сих пор остается, по сути, за рамками какого-либо формального корпуса теории. По свидетельству Д. Норта, реально «встроить» технологию в ту или иную, более общую теорию никому, за исключением К. Маркса, пока не удавалось (Норт, 1997а, с. 168). И это несмотря на то, что сама идея о влиянии внешних условий и технологий на характер общественного развития давно известна и постоянно обсуждается.

3.1. Роль материально-технологической среды: история вопроса

Родословная «географического детерминизма», согласно которому различные образцы социальной организации и человеческой культуры объясняются климатом, территорией и т. д., ведет свое начало от древних греков. В Новое время эти идеи активно разрабатывались в трудах французского философа XVIII века Ш.-Л. Монтескье, придававшего огромное значение географии в установлении того или иного социального порядка.

В XIX веке с его верой технический прогресс закладываются основы теорий, в которых человеческая история понимается как последовательность усложняющихся взаимодействий производительных сил и определенных социальных отношений в рамках существующих технологических условий (см. Маркс, 1959 (1859); Marx, 1904; Morgan, 1877, Engels, 1972 (1884) и др.).

В современной социологии на приспособление обществ к окружающей среде как на фундаментальный общественный процесс

указывали в конце XIX — начале XX века представители Чикагской школы. Они называли это явление аккомодацией (Collins, 1999a, с. 22) и считали его аналогичным процессу биологической адаптации. В XX веке, как замечает Тимоти Эрл, уже целый ряд ученых, “эkleктично соединивших идеи Маркса, Вебера и структурного функционализма (Childe, 1936; White, 1959; Lenski, 1966; Glassman, 1986), подчеркивают роль технологии в социальной эволюции” (Earle, 1994, p. 942).

Наиболее фундаментальные разработки о связях институциональных изменений с материально-технологическим развитием, на мой взгляд, содержатся в трудах К. Маркса, и в этом я согласна с неоинституционалистами (Норт, 1997a, с. 168; Rosenberg, 1974). В своей теории Маркс, наряду с внешней средой, выделил технологический фактор как важнейший, лимитирующий возможности развития государства. В 1859 г. он сформулировал широко известный тезис о взаимосвязи производительных сил (под которыми понимал в первую очередь состояние технологии) и производственных отношений. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс, 1959, с. 6). Более того, материальный фактор Маркс считал основным для объяснения природы социальной жизни: «... формы государства не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, ... они ... коренятся в материальных жизненных отношениях ...» (там же).

Этот тезис Маркса лежит в основе современного нео-эволюционного, или эколого-эволюционного подхода в социологии. Эколого-эволюционные теории возникли после второй мировой войны в результате неудовлетворенности структурным функционализмом, в рамках которого не удавалось объяснить причины многообразия обществ. Одним из первых с позиций «технологического детерминизма» в 1949 г. выступил Лесли Уайт, утверждавший, что технология объясняет почти все социокультурные образцы (White, 1949). К этому же периоду относится появление гипотезы Карла А. Виттфогеля о «гидравлическом обществе». Он полагал, что централизованная и деспотическая государственная власть в азиатских обществах объясняется результатом зависимости этих обществ от обширных общественных работ по содержанию ирригационных, а также противопаводковых систем (Wittfogel, 1959). Вальтер Ойкен в своей работе 1947 г. также отмечает, что те или иные хозяйственные порядки являются естественно выросшими, складывающимися под влиянием определенного природного и иного окружения, вне зависимости от какого бы то ни было всеобъемлющего плана (Ойкен, 1996, с. 72–73).

Неоинституционалисты также отмечают важность факторов внешней среды и технологии для формирования того или иного типа институциональной структуры. Об этом, в частности, пишет Д. Норт. Анализируя причины разнонаправленного развития обществ, политических систем и экономик, он обращается к фактам далекой истории и поясняет, что «группы и племена сталкивались с различными проблемами, располагая при этом различными ресурсами, человеческим потенциалом

и климатическими условиями. Из этого возникали различия в решении общих проблем выживания ... Нет причин полагать, что решения должны быть сходными ...» (Норт, 1997а, с. 119).

Другой известный институционалист Оливер Уильямсон считает «технологический детерминизм» не столь значимым при выборе рыночных или нерыночных организационных форм и отношений собственности (Уильямсон, 1996, с. 154). Наиболее существенными для становления тех или иных институциональных механизмов он считает уровень трансакционных издержек, определяемых, в конечном счете, характером специфичности активов, задействованных в хозяйственной деятельности (там же, с. 70–71). В то же время среди основных форм специфичности активов Уильямсон отмечает местоположение и физические характеристики основных фондов (там же, с. 167, 689), которые в иных классификациях рассматриваются именно как материально-технологические условия. Тем самым, не декларируя этого, Уильямсон все же вводит технологический фактор в процесс выбора институционального способа решения хозяйственных задач.

В социологии с 1970-х годов определилась отчетливая тенденция к увеличению числа ученых, признающих и изучающих роль технологии в человеческой истории. Наиболее известные работы в эколого-эволюционном направлении принадлежат социологам Артуру Стинчкомбу и Герхарду и Джин Ленски.

А. Стинчкомб, продолжая, как он сам пишет, марксистские традиции в экономической социологии, видит ядро марксистской теории во взаимосвязи между экологией и технологией обществ, составляющей сущность способа производства, с одной стороны, и складывающейся структурой хозяйственной организации и социально-демографических параметров общества, с другой. Соответственно, в предмете экономической социологии он выделяет, прежде всего, взаимосвязь поведения индивидов с масштабным перемещением экономических ресурсов, которую он предлагает изучать путем анализа институциональных форм и технологических ограничений, в рамках которых общество производит средства к своему существованию (Stinchcombe, 1983, p. 2). Экология и технология, по Стинчкомбу, формируют возможности, а потому должны быть центральным объектом анализа при изучении многообразия способов производства (там же, с. 251).

Выдержавшая несколько изданий работа супругов Ленски «Human Societies: An Introduction to Macrosociology»¹ также развивает тезис о том, что «технологическое развитие является главной детерминантой совокупности глобальных тенденций — в популяции, языке, социальной структуре и идеологии. Оно определяет человеческую историю» (Lanski, Lenski, 1978, p. 110). По типу и характеру базовой технологии авторы книги выделяют социокультурные (социетальные) типы обществ: от общества охотников до современного индустриального и информационного общества, и описывают их основные элементы — поселения,

¹ В апреле 2012 г. Oxford University Press USA выпустил уже 11-е, дополненное издание этой книги Г. Ленски (теперь совместно с П. Ноланом, так как Дж. Ленски скончалась в 1994 г.) в виде учебника.

материальные продукты, социальную структуру, культуру, в том числе идеологию. Авторы полагают технологию наиболее сильной единичной переменной, влияющей на характеристики обществ. Они выдвигают положение, которое я разделяю, о том, что первый шаг в анализе любого общества начинается с определения его базовой технологии. Но если в работах Ленски речь идет о предметной стороне дела (отраслях, наборах орудий), то мы сосредоточимся на общественных свойствах технологий.

Культурологи, опирающиеся на марксистские традиции, также обращают внимание на роль внешней среды, развивая известный «адаптационный подход». При таком подходе развитие социума и применяемых «социальных технологий» рассматривается в контексте решения проблем выживания в определенных материальных условиях (Steward, 1955; Service, 1962). Как пишет Т. Эрл, «человеческие институты суть организационные решения критических проблем адаптации» (Earle, 1994, p. 946).

Осознание роли материальных факторов в формировании того или иного типа общества характерно для российского обществоведения. В XIX веке на значение географического положения России при выборе направлений исторического развития страны указывал В. О. Ключевский. Представители государственной школы в российской историографии, среди них Б. Н. Чичерин, обосновывали господствующую роль государства в российской истории (по сравнению с другими странами, прежде всего, Западной Европы) особенностями природных условий (Чичерин, 1858). В XX веке на связь государственного строя и природного окружения указывал И. Ильин: «Государственный строй не есть пустая и мертвая форма: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, размерами страны, с ее историческими судьбами ... Государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих данных, по-своему выражающий их, приспособленный к ним и неотрывный от них» (Ильин, 1998, с. 183).

В современной российской общественной науке определяющая роль пространства для человеческой истории признается в концепции социоестественной истории (СЕИ), развиваемой Э. С. Кульпиным (Кульпин, 1992, 1995). Согласно этой концепции, история представляет собой деятельность «человека хозяйствующего» во «вмещающем ландшафте». При этом делается важное предположение об однонаправленном эволюционном развитии этих взаимосвязанных элементов. В обобщенном виде оно формулируется автором концепции СЕИ следующим образом: развитие цивилизации, или развитие суперэтноса, проживающего в определенном хозяйственном ландшафте, понимается как процесс, протекающий в одном и том же канале эволюции» (Кульпин, 1995, с. 244). Так называемые «государственники» современной России также указывают на роль природно-географических факторов и технологии производственных процессов как объективных оснований общественной жизни и типа государства (Атаманчук, 1996, с. 209). На технологическую нерасчленимость обустройства территории как одну из причин возникновения, сохранения и воспроизводства «раздаточных» экономических систем в России указывает также О. Э. Бессонова (Бессонова, 1994, с. 45).

Разделяя тезис об определяющей роли материально-технологических факторов и общие методологические посылки перечисленных концепций, попробуем обозначить особенности материально-технологической среды, которые влияют на доминирование той или иной институциональной матрицы в общественной структуре.

3.2. Коммунальность/некоммунальность как общественное свойство материально-технологической среды

К. Полани в свое время прозорливо отмечал, что «социальная организация присвоения окружающей энергии и мощностей ... определяет институциональную матрицу» (Polanyi, 1977, p. xxxii). Тем самым он разделил географические и иные природные факторы, с одной стороны, и формы их использования для поддержания жизнедеятельности проживающих в этих условиях людей, с другой стороны. Для характера складывающихся базовых институтов именно эти последние являются определяющими, а не климат, география или территория в чистом виде. «Социальная организация присвоения окружающей энергии и мощностей» находит свое воплощение в формирующейся материально-технологической среде.

Определение материально-технологической среды

Материально-технологическая среда понимается как обусловленная природными условиями общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения, с присущими им технологиями и системами управления.

Общественные свойства материально-технологической среды проявляются в ходе ее использования для совместной социально-экономической деятельности, начиная с вовлечения элементов природной среды в хозяйственный и социальный оборот. Отмечено, что, несмотря на многообразие характеристик среды и постоянный технологический прогресс, она воспроизводит присущие ей свойства **коммунальности** или **некоммунальности**, отражающие специфику устройства материально-технологической среды. Впервые эти понятия были определены в 1996 г. в нашей совместной работе (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 22–24; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996, p. 17–18). Там же была высказана гипотеза о том, что коммунальная среда формирует соответствующие экономические институты и определяет «раздаточный» характер хозяйственной системы, в то время как некоммунальная среда обуславливает становление институтов рынка, или обмена.

Определение коммунальной среды

Коммунальность означает такое свойство материально-технологической среды, которое предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы распада всей системы. Коммунальность подразумевает неразрывность связей между элементами материально-технологической среды и ее существование как взаимосвязанного целого, состоящего под общим управлением.

Изначально коммунальность определяется особенностями хозяйственного ландшафта — исторически первичного условия производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек,

заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается, как правило, применяемой технологией, которая оказывается более конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства.

Коммунальная среда может функционировать только в форме общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям. Соответственно, ее использование требует совместных координированных усилий значительной части членов общества и единого централизованного управления. Коммунальная среда является условием выживания всего населения страны. Именно поэтому содержание институтов государства, развивающегося в условиях преимущественно коммунальной среды, определяется, в конечном счете, задачами согласования общественных усилий для эффективного ее использования.

Древнейшим примером такого типа материально-технологической среды является сложившаяся в сельском хозяйстве Китая система заливного рисоводства, распространившаяся затем в Японии, Корее и Юго-Восточной Азии. Она представляла собой большое число мелких террасированных полей, связанных в единое целое ирригационной системой и начинающих давать отдачу на затраты труда не сразу, но зато способную функционировать столетиями. Эта единая хозяйственная система требовала неукоснительного и четкого соблюдения технологической дисциплины всеми использующими ее многочисленными хозяйствующими субъектами, централизованного управления и общей внешней защиты, поскольку разрушение на одном участке грозило гибелью всей системы (Кульпин, 1995, с. 223). Коммунальными по своей сути являлись также ирригационные системы Египта, противопаводковые системы восточных государств, системы водных путей, волоков и каналов Древней Руси и др.

В настоящее время примерами коммунальной материально-технологической среды, очевидными для большинства граждан России, являются единые энергетические системы, централизованные коммуникации теплоснабжения и водообеспечения, жилищное хозяйство городов, железнодорожные сети, трубопроводный транспорт и т.д. Эти особенности коммунальной среды продолжают оказывать определяющее влияние на специфику институтов в современной России (Литвинцева, 2004, с. 50–51).

**Определение
некоммунальной
среды**

В свою очередь, некоммунальность означает технологическую разобщенность, возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования.

Некоммунальная среда разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами.

В этом случае главной функцией складывающихся институтов государства является обеспечение условий для эффективного взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами.

Примеры того, как в некоммунальной среде развиваются свойственные ей технологии, показывает исследование С.В. Лурье, в котором сравниваются способы освоения Русского Севера местными колонистами и территорий Скандинавии западными финнами-тавастами. Русские всегда переселялись группами и принимались за обработку целинных участков коллективно. Финн же селился на новой земле в одиночестве со своим небольшим семейством, сам ставил жилье и создавал поле, на котором выращивал достаточный для пропитания семьи урожай (Лурье, 1998). Природные условия Русского Севера провоцировали коллективные технологии, в то время как более благоприятные условия в Скандинавии, омываемой водами теплого Гольфстрима, позволяли развивать технологии индивидуального земледелия.

Помимо хуторских хозяйств и фермерских участков, некоммунальная материальная среда представлена автономными системами теплообеспечения, отдельными энергостанциями, не связанными в общую систему, обособленными железнодорожными линиями и т. д.

Очевидно, что в любой стране имеются элементы как коммунальной, так и некоммунальной среды, но их соотношения различны. Если государство развивается в условиях преимущественно коммунальной среды, то в его институциональной структуре доминируют институты X-матрицы. Если среда в основном некоммунальная, то для нее более адекватны институты Y-матрицы.

Материально-технологическая и институциональная среда со временем образуют взаимосвязанную систему, положительно воздействуя друг на друга. Так, материально-технологическая среда все более определяет характер принимаемых организационных и управленческих решений, провоцируя соответствующие институциональные технологии, которые, в свою очередь закрепляют и усиливают свойственные материальной инфраструктуре коммунальные или некоммунальные черты. Пример такого влияния представлен в работе Алчяна и Демсеца: они писали о том, как необходимость управления технологически неделимыми трудовыми заданиями (которые характерны для деятельности в условиях коммунальной среды) создает необходимость артельной (групповой) организации труда (Alchian, Demsez, 1972).

История показывает, что коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, закономерно приводит к созданию централизованных систем управления, способных регулировать ее использование в общих, коллективных интересах. Центр в такой системе определяет правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь создаваемые производственные объекты, опираясь на существующие технологии и развивая их, воспроизводят коммунальные свойства материально-технологической среды и закрепляют на следующем историческом шаге соответствующие институциональные особенности общественного устройства.

В свою очередь, в странах с некоммунальной материально-технологической средой, напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем. Развивающаяся и совершенствующаяся некоммунальная среда служит постоянной материальной основой для их воспроизводства.

Научно-технический прогресс и масштабная человеческая деятельность любого государства, как можно видеть, не в силах изменить основные присущие его материально-технологической среде свойства, превратив ее из преимущественно коммунальной в некоммунальную, или наоборот. Более того, по мере развития стран свойства коммунальности или некоммунальности материально-технологической среды, в которой они существуют, постепенно охватывают все новые отрасли и сферы. Так, например, если на заре российской истории коммунальность была характерна лишь для системы речных путей и сельского хозяйства, то сегодня коммунальными являются энергообеспечение предприятий, жилищное хозяйство городов, железнодорожные сети, трубопроводный транспорт и т. д. (подробнее об этом см. в 10.1).

Что определяет коммунальность или некоммунальность материально-технологической среды? Какие особенности хозяйственного ландшафта в большей мере содействуют формированию того или иного ее свойства? По этому вопросу можно высказать следующие предварительные гипотезы.

Первая гипотеза предполагает наличие связи между коммунальностью/некоммунальностью, с одной стороны, и уровнем хозяйственных рисков ведения экономической деятельности на определенной территории, с другой (рис. 9).

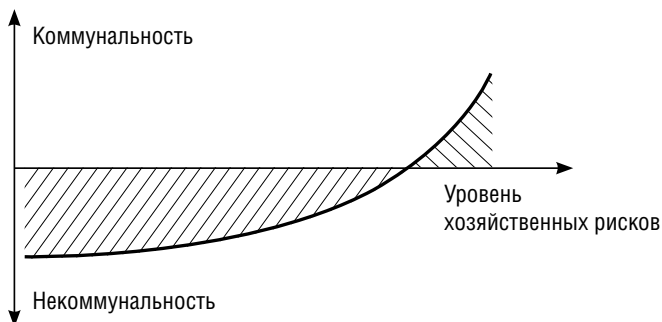
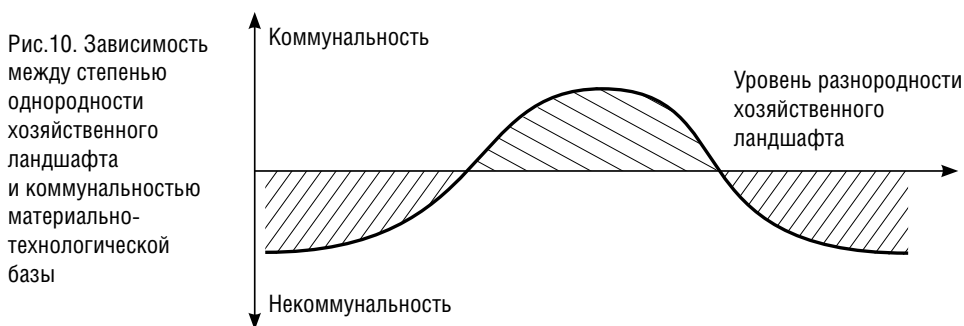

Рис. 9. Зависимость между уровнем хозяйственных рисков и коммунальностью/некоммунальностью материально-технологической среды

Замечено, что чем более территория, на которой расположено государство, подвержена рискам, связанным с суровым или пустынным климатом, резкими колебаниями температур, угрозой засухи или, наоборот, наводнений, с регулярными цунами, с опасностью вулканических извержений, сильными морозами или прочими катаклизмами, тем с большей вероятностью можно ожидать формирования в этих условиях коммунальной материально-технологической среды. Соответственно, тем выше вероятность развития институтов X-матрицы в таком государстве. Действительно, риски ведения хозяйственной деятельности и неопределенность в получе-

нии ожидаемых результатов предполагают необходимость перераспределения полученного продукта по времени, создание общественных запасов и, соответственно, централизованное управление воспроизводственными процессами, кооперацию, иерархическую политическую систему и значимость коммунарных ценностей общего выживания. Это приводит к доминированию институтов Х-матрицы.

Вторая гипотеза предполагает связь коммунальных или некоммунальных характеристик среды с уровнем однородности-неоднородности хозяйственного ландшафта (рис. 10).

Предварительные наблюдения показывают: если территория более-менее однородна и однообразна, или, наоборот, характеризуется слишком выраженными различиями условий ведения хозяйства, т. е. очень неоднородна, то складывающаяся при освоении таких территорий материально-технологическая среда будет приобретать свойства коммунальности. Так, при однородности хозяйственного ландшафта экономически обоснованным становится обобществление условий производства. Оно позволяет создавать эффективные централизованные, стандартизованные и крупномасштабные технологические системы коммунального характера. На недифференцированность и однообразие ландшафта как причину существования редистрибутивных экономических систем указывает, например, Е. Н. Стариков (Стариков, 1996, с. 40).

В то же время при резком различии условий производства в рамках одной страны (сосуществовании плодородных черноземов и скудных земель, или плодородных речных долин и пустынных территорий и др.) коммунальные системы позволяют перераспределять ресурсы и национальный продукт между «слабыми» и «сильными» регионами. Таким образом обеспечивается выживание и развитие всего общества. И в первом, и во втором случаях свойства формирующейся коммунальной среды способствуют созданию экономических, политических и идеологических институтов Х-матрицы.

В свою очередь, некоммунальная, сегментированная материально-технологическая среда формируется в условиях некоторого оптимума многообразия и разнородности территории. Это, с одной стороны, позволяет развивать в разных регионах неодинаковые производства, а, с другой стороны, обуславливает возможность

обмена разными товарами между ними. Одновременно рыночные отношения содействуют развитию частной собственности, создают основу развития адекватных им политических и идеологических систем, другими словами, обуславливают становление базовых институтов Y-матрицы.

Заканчивая главу, посвященную описанию коммунальности и некоммунальности материально-технологической среды, следует еще раз подчеркнуть: формирующиеся, а, главное, закрепляющиеся в обществах институты — это результат долгого спонтанного поиска разных социальных групп, объединенных проживанием на одной территории. Эти институты формируются в определенных материальных условиях, определяются ими и не существуют вне этих условий. Если государство сохраняет свой ареал обитания, можно говорить, что человеческая популяция достигла экологического равновесия со своей средой, выработала систему мега-правил (институтов), которые поддерживают существование социума в имеющихся границах. Возникло ли такое равновесие в ходе естественного отбора, какова здесь роль целенаправленного выбора, каковы границы адаптивности? Как модифицируются культурные ценности, чтобы экологическое равновесие данного социума с его средой оказалось реальным и устойчивым? На эти вопросы ищут ответы многие научные дисциплины, например, этология человека, или *human ethology* (Blurton-Jones, 1976) и др.

В рамках теории институциональных матриц, или X-Y-теории использование категорий коммунальности/некоммунальности материально-технологической среды позволяет выделить внешний фактор в определении баланса доминантной и комплементарной институциональных матриц. Он отражает, по-видимому, целесообразный способ организации национального хозяйства и выживания социума на конкретной территории. Другими словами, воспроизводящийся во времени коммунальный или некоммунальный характер материально-технологической среды поддерживает «инвариантность доминантности» базовых институтов, образующих X и Y-матрицы.

Дискуссии вокруг теории институциональных матриц показывают, что значение материального фактора в формировании определенного типа институтов обычно недооценивается. Связывается это, возможно, с тем, что социологи и экономисты, развивающие институциональный подход, по роду своей профессиональной подготовки лишь эпизодически сталкиваются с экономической географией, ландшафтоведением и подобными дисциплинами. Как мы не замечаем воздуха, которым дышим, так и внешние материальные факторы часто остаются незамеченными в институциональном анализе. Экологическое направление занимает пока маргинальное положение в социальных и экономических исследованиях как часть гетеродоксной экономики или отмеченного эколого-эволюционного направления в экономической социологии.

Учитывая роль природных факторов в коммунальности/некоммунальности материально-технологической среды, определяющей, в свою очередь, доминирование той или иной институциональной матрицы и, соответственно, тип общества, можно сказать о нем словами Шекспира: «Ты вырезан природой, как печать, Чтоб в отти-сках себя отображать» (Шекспир, 2004, с. 490).

Понять современность может только тот, кто ясно представляет себе, как развивалась государственность и культура в античном мире.

М. И. Ростовцев

Два древнейших государства — две институциональные матрицы

Перед тем, как приступить к детальному разбору и сопоставлению базовых институтов, образующих X и Y-матрицы, интересно заглянуть в начало человеческой истории, когда возникали и развивались первые известные нам государства. Оказывается, уже тогда мы можем обнаружить следы проявления обеих институциональных матриц.

Приведенный исторический очерк имеет целью дать первую иллюстрацию особенностей государств, где доминируют разные институциональные матрицы. Задача этой маленькой, но важной главы заключается также в том, чтобы показать: складывание разнотипных институциональных матриц происходит одновременно, оно синхронно по времени, но по-разному локализовано в пространстве, поскольку обусловлено фактором коммунальности или некоммунальности материально-технологической среды в ареале возникновения и развития первых государств. Как отмечал Т. Веблен, характер связей человека с материальными жизненными средствами «влиял на формирование и общий рост того ряда конвенций и способов жизни, которые теперь преобразовались в институты» (Веблен, 2006 [1989], с. 27). Это можно увидеть на примере двух древнейших государств — Египта и Месопотамии.

4.1. Условия хозяйствования в древнем Египте и Месопотамии

Процветавшие и оставившие свой след в человеческой культуре государственные образования существовали уже в конце III тысячелетия до н.э. С того времени датируется древняя история

(протоантичность и античность), которая длится примерно до II века н.э. Одним из признанных мировых авторитетов, занимавшихся историческими исследованиями античного периода, был русский ученый М. И. Ростовцев. До революции он издавал свои книги в России, а затем — в Болгарии, Германии, Англии и США, где он жил и работал после эмиграции (Rostovtzeff, 1926). Именно на его труды, прежде всего, я буду ссылаться в этой главе.

Для анализа выбраны два древнейших и наиболее мощных государства, относительно которых имеется, пожалуй, самая богатая археологическая и иная информация и которые неоднократно являлись объектами специального исследования множества ученых-историков разных стран мира, а именно, Египет и Месопотамия (Вавилония). Как полагают специалисты, именно эти государства Западной Азии положили начало нашей мировой системе (The World System..., 1998; Frank, 1998; World System History, 2000, Элман, 2001, с. 1), распространившейся затем по всему земному шару. Уже тогда в ней, как можно увидеть, сосуществовали государства, в которых доминировали альтернативные X и Y-матрицы.

Вторичный анализ разнообразных археологических и исторических данных позволяет предположить, что общественная структура Египта опиралась преимущественно на институты (протоинституты) X-матрицы. В то же время в Месопотамии доминирующее положение занимали институты (протоинституты) Y-матрицы. Их сосуществование в соответствии с древними картами показано на рисунке 11.

Египет, как и ныне, располагался на севере Африки, а Месопотамия (междуречье Тигра и Евфрата) — на территории нынешнего Ирака.

Многие историки, изучавшие Египет и Месопотамию, относят их к странам Древнего Востока и считают весьма схожими. Лишь немногие специалисты отмечают существенные внутренние различия между этими государственными образованиями. Попробуем выявить и показать эти особенности, чтобы аргументировать

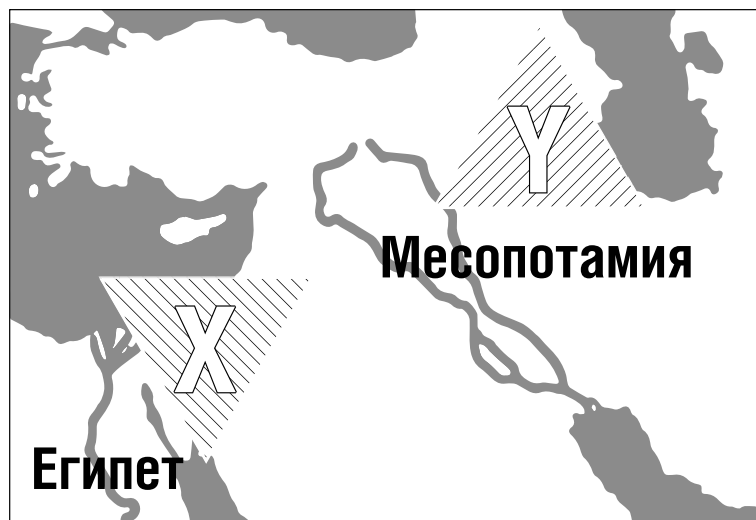

Рис. 11.
Доминантные
институци-
ональные
матрицы
Древнего Египта
и Месопотамии

следующий тезис: уже первые известные истории крупнейшие государства — Египет и Месопотамия (Вавилония) — обнаруживают в своей основе различные институциональные матрицы. Тем более значительным предстает это различие, что исторически первыми поселенцами на этих территориях и создателями впоследствии древнейшей культуры и Египта, и Вавилонии были представители одного и того же хамитского племени. Это нашло свое отражение в аналогии основных элементов вавилонской культуры с основными элементами культуры египетской (Энциклопедический словарь, 1891, т. 5, с. 309). Таким образом, различия в общественном устройстве этих государств вряд ли возможно объяснить в рамках культурологического подхода. Попробуем сделать это на основе теории институциональных матриц.

Начнем с того, что государства Египта и Месопотамии развивались в различных природно-географических условиях. Египет представлял собой бесплодную пустыню, раскинувшуюся на запад и на восток от Нила, вдоль которого концентрировалось основное хозяйство древнего египетского государства. Восточная, Аравийская пустыня отличается горным характером, а западная, Ливийская представляет собой однообразную песчаную плоскость с равномерными волнистыми холмами. Лишь менее 3 % всей территории Египта были пригодны к обработке (Энциклопедический словарь, 1868–1906, т. 11, с. 518).

Нил — самая длинная река мира (6671 км), был для Египта главной транспортной артерией и главным источником влаги в условиях почти полного отсутствия дождей (за исключением Дельты Нила). Неравномерность разливов Нила, в одних случаях с недостаточным для земледелия подъемом воды, а в других случаях — с наводнениями, грозившими урожаям, вызывала необходимость единой системы регулирования и распределения воды. Жителям приходилось объединенными общими усилиями сооружать плотины, создавать запасные резервуары, отводить воду в отдаленные места и осушать болота с помощью каналов.

Пустыня, занимавшая основную часть территории Египта, также требовала объединения усилий для своего хозяйственного использования. Народы страны должны были сообща создавать преграды наступающим пескам и отвоевывать необходимые для земледелия территории. Таким образом, формирующаяся материально-технологическая среда Древнего Египта обладала всеми признаками коммунальности и требовала объединенных централизованных способов управления ею.

Месопотамия в этом отношении была полной противоположностью Египту. Ее называли «плодородным полумесяцем», в речных долинах этой страны богатые илом почвы позволяли получать стабильные высокие урожаи. Например, хлебные злаки давали урожай сам-200, а иногда и сам-300 (количество собираемых зерен с одного посеянного). Геродот, описывая эту страну, считал нужным оговориться, что он «воздерживается от подробного описания ее изумительного плодородия в опасении, как бы не возбудить недоверия в читателе» (Энциклопедический словарь, 1868–1906, т. 5, с. 308). В таких условиях даже небольшие участки территории давали возможность живущим на них семьям или группам семей самостоятельно вести хозяйство и получать устойчивые урожаи. Очевидно, что такая материально-технологическая среда может быть названа некоммунальной, поскольку ее исполь-

зование не требовало объединения огромных групп людей в рамках единых технологических процессов.

А теперь сравним экономику этих государств, точнее, действовавшие в них экономические институты. Еще Карл Поланьи писал о том, что античный период был периодом расцвета как древнего «капитализма», так и «некапиталистической экономической деятельности». Другими словами, уже в тот период и обмен, и редистрибуция достигли высокого развития, и доминирование той или другой общественной экономической формы определялось условиями и историей древних регионов (Polanyi, 1977, p. 273).

Если мы проанализируем материалы по экономической истории древнего Египта, то не встретим здесь частной собственности — основополагающего института экономик рыночного типа в Y-матрице. Представители ни одной из социальных групп Египта не были полными собственниками используемой ими земли или имущества. Единственным собственником в Египте, выражавшим «общественный интерес», считался фараон, который мог передавать большую или меньшую часть собственности в пользование членам своей семьи, друзьям, чиновникам и слугам (Ростовцев, 1924, с. 27) за ту службу, которую они исполняли для фараона и государства в его лице. Для описания такого типа земельных отношений М. Ростовцев пользуется понятием «верховной собственности» (*Obereigentum*), применяя его в смысле высшего и полного господства египетского государства в лице его царей над всей землей — господства, исключающего возможность права собственности со стороны владельцев отдельных участков той же земли (Rostowzew, 1910, s. 11, 112). Поэтому «временные владения» землями, предоставленными фараоном храмам, служилой знати, жрецам и воинам в Древнем Египте, некоторые историки называют «квази-собственностью», поскольку владельцы земельных участков не являлись собственниками в полном смысле этого слова. Поэтому в большинстве случаев историки отказываются распространять на древнеегипетские социальные и юридические отношения римские правовые понятия, прежде всего, о частной собственности на землю — «частные земли» появляются лишь в птолемеевском Египте в эпоху римского владычества (Waszynski, 1905, s. 51, 56). При этом сохранялся общий принцип царской собственности на всю землю Египта (Венедиктов, 1948, с. 68).

Фараон, воплощавший Центр и управлявший страной от имени богов как единоличный хозяин и господин, командовал вооружением подданных на войну, руководил всей хозяйственной жизнью, обеспечивал согласование ирригационных и сельскохозяйственных работ вдоль основной жизненной артерии — Нила. Он и его чиновники накапливали запасы продовольствия и распределяли их в голодные годы, осуществляли централизованное распределение работ и необходимых для их исполнения ресурсов. Как пишет И. А. Стучевский, в Египте урожай целиком поступал на государственные тока и гумна и только потом подлежал распределению, при этом государственным землевладельцам возвращался не весь урожай, а его часть — от 70 до 40 % в разные годы (Стучевский, 1982, с. 43).

В такой редистрибутивной экономике существовал и встречный поток материальных ресурсов к «управляющему центру», связанный с передачей населением результатов своего труда в общее централизованное хозяйство. Основой хозяйствен-

ной жизни в этой сфере служила круговая порука (Ростовцев, 1924, с. 303), которая предусматривала солидарную ответственность всех жителей определенных территориальных единиц за исполнение повинностей и хозяйственных заданий. Армия писцов, выполнявших роль чиновников «администрации» фараона, обеспечивала учет и контроль процессов аккумуляции и распределения благ, а также согласование этих потоков, двигавшихся от работников к центру и обратно¹.

Земля в Египте (также как в древнем Китае или империи инков в XVI-XVII вв.) была разделена на равновеликие участки, сетка которых покрывала всю плодородную территорию. «Создавалась эта сетка, возможно, для удобства бюрократических расчетов, связанных с распределением урожая» (Стучевский, 1982, с. 119). Сохранение этой структуры обеспечивалось иницилируемыми сверху регулярными уравнительными земельными переделами.

Иные экономические отношения мы встречаем в Вавилонии, где не только цари, но и высшие классы: жрецы, дружина, а также жители городов владели собственностью. Их права на землю и имущество также были освящены религией. М. Ростовцев специально обращает внимание в своих исследованиях (Ростовцев, 1924, с. 25–26) на факт существования и охраны частной собственности в Вавилонии. В вавилонских царствах возникают классы, отличающиеся разными видами и размером собственности — богатые помещики, торговцы, жрецы, мелкие собственники земельных участков, арендаторы, солдаты, пользующиеся землей от царя, наемные работники в сельском хозяйстве, промышленности и торговле. Между ними интенсивно развиваются отношения обмена, или рыночные отношения. Свидетельством этого являются многочисленные сохранившиеся документы того периода, представлявшие собой акты по покупке и продаже земельных участков, а также отдаче их в аренду на разные сроки (Тюменев, 1946, с. 35–37). Ввиду важности закрепления отношений собственности эти акты совершались с почти религиозной торжественностью, свидетельствовались царским нотариусом и «рукоприкладством» нескольких лиц и обыкновенно заключались страшными заклинаниями и проклятиями против всякого, кто бы нарушил записанные условия.

Хотя в Вавилонии и имела место такая форма личного владения, как «условное и временное владение на основе царского пожалования», все же характерной массовой формой собственности для этого государства историки полагают «безусловное владение на основе собственного права владельца подобно владению охотника или воина его добычей» (Никольский, 1945, с. 41). Такие отношения отражают действие института частной собственности, одного из важнейших базовых экономических институтов Y-матрицы. Это дает основания говорить о ее доминировании в институциональной структуре экономики Вавилонии.

¹ Сравнивая социальное устройство Египта с таким ранними государствами, как империи инков, тюрков и зулусов, Е. Н. Стариков отмечал: «Подобное совпадение социальных, административных и военных структур, является, по всей видимости, неслучайным в развитии ранних государств.... Поскольку империи древних тюрков, инков и зулусов настолько разделены во времени и пространстве, что не может идти и речи о заимствовании, остается сделать вывод, что перед нами какая-то закономерность...» (Стариков, 1996, с. 78). Я полагаю, закономерность состояла в доминировании институтов X-матрицы во всех этих государствах в условиях коммунальной среды, требовавшей «общего обихода».

4.2. Политика и идеология в древнем Египте и Месопотамии

В политическом устройстве двух древних государств также проявляются не-одинаковые черты. Египет в политическом отношении был единым государством с верховным централизованным управлением. Централизация выражалась в том, что управление провинциями осуществлялось сановниками фараона, им подчинялись назначаемые фараоном «коронные губернаторы» территориальных частей египетского царства. Историки отмечают, что в Египте не было отделения суда от администрации. Фараон одновременно являлся и высшим руководителем, и высшей судебной инстанцией для своих подданных. Такое устройство Египта сохранилось и после эпохи фараонов — при Птолемах и римлянах.

Представители всех социальных групп были равны перед лицом фараона и богов, являясь одинаково их слугами. Переходы между социальными группами были свободными (Ростовцев, 1924, с. 27). Библейское предание об Иосифе, из сына пастуха ставшего первым после фараона лицом в государстве — известная всем иллюстрация этого факта. При этом отмечается, что даже если Египет распадался на несколько частей (что не раз бывало в ходе его долгой истории), основные властные отношения между фараоном и населением в каждой из его частей оставались по сути такими же, как и в объединенном государстве (там же, с. 26).

Вавилония (Месопотамия) в этот же период представляла собой объединение мелких относительно самостоятельных царств под руководством царя господствующего племени, а не централизованное государство, управлявшееся одним царем и его чиновниками (Ростовцев, 1924, с. 21–22). Первооснову политической организации Вавилонии составляла тетраполия (объединение четырех древнейших городов), а затем на ее территории была образована так называемая первая Халдейская конфедерация, т. е. союз нескольких главнейших городов, из которых каждый в известный период имел гегемонию над другими, вследствие чего его царь получал в некотором смысле значение царя всей Вавилонии. Особенностью первой и последующей Халдейских конфедераций являлась высокая самостоятельность провинций по отношению к столичному центру. Поэтому Вавилонию (Месопотамию) часто называют объединением месопотамских городов-государств, или «государством государств». Даже талантливому властителю Вавилона Хаммурапи, пытавшемуся изменить институциональные основы древнего общества, лишь временно удалось создать централизованное государство и уничтожить самостоятельность городов, входивших в состав царства. Уже при его преемниках страна вернулась к прежнему устройству.

Характерной чертой политического устройства в Вавилонии было приобретение определенных политических прав высшими классами (Ростовцев, 1924, с. 27), которые одновременно являлись и наиболее крупными собственниками. Наиболее развитые политические отношения имели место в области городского самоуправления. Во главе месопотамских городов находились выборные магистраты, члены аристократических родов. В Вавилонии отмечен и первый известный истории прецедент третейского суда — прообраза независимой судебной системы современных

западных стран. Царь г. Киша Мессалим выступил третейским судьей в пограничном споре между царями двух других городов (там же, с. 32).

В идеологической сфере древних государств, которая была в тот период представлена, прежде всего, господствовавшей религией, мы также встречаем альтернативные институты. Хотя и ранние месопотамские города-государства, и Египет были теократическими, теократия эта, как отмечают известные историки, была разного типа (Lensky & Lensky, 1970, p. 181).

В Египте было множество богов, которым поклонялось население и для которых строились храмы. Но какому бы божеству ни посвящался местный храм, последний либо украшала статуя фараона, либо на его стенах были барельефы, изображавшие подвиги фараона (Sir Leinard Wooley, 1963, p. 127). Это свидетельствовало о том, что фараон, которого почитали как живого бога, имел власть, которую не могли оспорить никакие другие боги, культ фараона был превыше всего. Он закреплялся тем, что при вступлении на престол каждый египетский фараон получал еще одно имя, производное от имени какого-либо божества, и считался «сыном Ра», что указывало на его божественное происхождение. Тем самым в идеологии утверждалась единая идея культа фараона как живого бога, и эта идея главенствовала над всеми иными, была выше, важнее любых групповых или местных культов.

Не то в Вавилонии, где правители выступали лишь в роли земных слуг того или иного «выбранного государственного божества» (Lensky & Lensky, 1970, p. 181), а население разных местностей или разные группы — солдаты, крестьяне, торговцы и др. — могли предпочитать собственных богов. Когда тот или иной город политически возвышался над другими, господствующее положение в государстве занимал и божественный покровитель этого города. Тем самым можно констатировать, что вместо доминирования одной надличностной, единой для всего общества идеи-ценности, воплощенной в культе фараона, как это было в Египте, в Вавилонии имел место своеобразный плюрализм идей, т. е. богов, в конечном счете, опиравшийся на частные — местные, социально-групповые, профессиональные — интересы общественных групп.

Если говорить не только о религии, но о более широкой системе ценностей, определяющих совокупность представлений о мире, обществе и месте человека в нем, то и здесь наблюдались различия. В Египте, как отмечают культурологи, человек был как бы вписан в первоосновы жизни, он «не подлежал свободному манипулированию»; в противоположность этому в Месопотамии стихия внешнего преодолевается «силою богов, наделенных силой и волей и в этом смысле антропоморфных», и тем самым «человек получает свободную волю» (Янков, 1999, с. 265). Другими словами, фундаментальная идеологическая система этих государств существенно различалась. В Древнем Египте господство единой идеологии обеспечивалось сакральностью власти и иерархической политической структурой. Для Месопотамии более характерна относительная независимость и свобода социальных субъектов, выраженная в плюрализме идеологических образцов и превалировании горизонтальных связей.

В истории древних государств можно наблюдать также особенности диалектического взаимодействия доминантных и комплементарных матриц, которые далее

перерастут в закономерности. Одна из них связана с институциональным обменом. В этом случае процедуры и практики из доминантной матрицы одного государства заимствуются страной, где та же матрица имеет комплементарный характер. Так, Е. Н. Стариков, ссылаясь на К. Поланьи, описывает влияние институтов редистрибутивных экономик Египта с доминирующей Х-матрицей на практики древнего Рима, где доминировала институциональная Y-матрица. Он рассматривает период Птолемеевского Египта (захват Египта римлянами после завоевания Александром Македонским) и указывает, что «птолемеевская техника усовершенствования редистрибуции, базирующаяся на системе хранилищ и учета «в натуре», оказала влияние на методы, использованные Римской империей при реорганизации ее администрации и финансов» (Стариков, 1996, с. 273–274).

Другая особенность взаимодействия институциональных матриц связана с важностью «инвариантности доминантности» одной из них в историческом развитии. Попытки ее разрушить приводят к негативным результатам. Так, упадок цивилизаций месопотамского региона, например, при III династии Ура в Шумере, Стариков связывает с тем, что «существовавшие прежде народные собрания бездействовали», а «имевшие ранее место сделки о купле-продаже земли — запрещены, как и вообще всякая частная нажива» (Стариков, 1996, с. 62). Другими словами, были предприняты попытки «заблокировать» институты доминантной матрицы, что ослабило положение государства.

Итак, анализ истории двух древнейших государств с помощью понятий теории институциональных матриц, или Х- Y-теории, позволяет выявить различные структуры базовых институтов, регулировавших их социальное, экономическое и политическое развитие.

Египет представлял собой образец государства с доминированием Х-матрицы: его экономика регулировалась институтами редистрибуции, в политическом отношении он представлял собой унитарно-централизованное государство, а в сфере идеологии характеризовался приоритетом ценностей высшего, общегосударственного порядка по отношению к ценностям локальным, частным.

Вавилония, или Месопотамия представляла собой государство с частной собственностью и развитыми меновыми, рыночными отношениями. В политическом отношении Месопотамия может рассматриваться как опыт одной из первых известных истории федераций, т.е. союз городов-государств под общей выборной властью. В идеологической сфере здесь складывались предпосылки приоритета ценностей отдельных сообществ и групп по отношению к общегосударственным идеям. Все это дает основания считать Месопотамию государством, в основании которого лежит институциональная Y-матрица.

Таким образом, уже с самого начала социальной истории человечества и по настоящее время в разных странах взаимодействуют свойственные Х- и Y-матрицам системы базовых институтов, подробному описанию которых посвящена следующая, II-я часть книги.

Часть вторая.

**ДВЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
МАТРИЦЫ — ДВА КОМПЛЕКСА
ЭКОНОМИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ**

...великое преобразование» России ставит множество проблем, не находящихся очевидного решения в рамках имеющихся экономических теорий... Этот беспрецедентный исторический эпизод приведет к тому, что все экономические теории преобразятся или окончательно утратят свое значение.

Р. Буайе

Редистрибутивные и рыночные экономики, или X- и Y-экономики

5.1. О двух типах экономик

Экономика может рассматриваться как с материальной, так и с институциональной точек зрения. В первом случае экономика как «хозяйство» есть сфера, в которой общество принимает и реализует решения об использовании ограниченных, дефицитных ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей (Фишер и др., 1997, с. 1), сфера, где производятся и потребляются жизненные блага. При таком понимании «экономический» означает не что иное, как «имеющий отношение к удовлетворению материальных потребностей» (Полани¹, 1999, с. 499). Экономика в данном случае понимается как одна из подсистем общества, преимущественно адаптивного, по Парсонсу, назначения, как некий механизм воспроизводства обобщенно понимаемых ресурсов. В социологии такой подход нашел отражение в работах Парсонса и Смелзера (Parsons, Smelser, 1956).

С другой стороны, в процессе хозяйственной деятельности в обществе складываются определенные экономические институты. Именно в них социальная практика закрепляет способы взаимодействия хозяйствующих субъектов в условиях конкретной материально-технологической среды, позволяющие социуму в целом выживать и развиваться. При таком подходе экономика может быть рассмотрена как система институтов, оформляющих хозяйственную деятельность. С институциональной точки зрения

---

¹ В разных переводах фамилия американского ученого — венгра по происхождению — Polanyi — указывается по-разному — либо как Полани, либо как Поланьи.

единого, принятого в *mainstream economics* представления об экономике только как о системе обменов, или рынке, оказывается недостаточно. Такой односторонний подход Поланьи называл заблуждением «ученых от *economics*», имевших тенденцию отождествлять экономическую деятельность человека с ее рыночной формой (Полани, 1999, с. 500).

За пределами экономического мейнстрима все более распространяются представления о двух альтернативных институциональных типах экономик, которые существуют и взаимодействуют во времени и пространстве. Эти представления основываются на материалах обширных исследований экономистов и антропологов, изучавших разнообразные хозяйственные системы в разные периоды человеческой истории.

В свое время еще К. Маркс указывал на отличие институтов собственности, характерных для «азиатского способа производства», от европейских. Поэтому он не распространял свою формационную теорию способов производства на страны Востока, включая Россию.

Развитие взглядов Маркса можно найти в работах его соотечественника Вальтера Ойкена. В своей, ставшей классической, книге «Основания национальной экономики» (1947 г.) Ойкен писал: «Историческое исследование во всех эпохах обнаруживает две чистые основные формы: идеальные типы неменовой «централизованно управляемой экономики» и «меновой экономики»... Следы других экономических систем — помимо этих двух — не удастся обнаружить ни в современной экономической действительности, ни в прошлом; вряд ли можно себе представить, что они будут найдены и в будущем» (Ойкен, 1993, с. 19). При этом он отмечал, что элементы той или иной экономической системы, например, централизованно управляемой экономики, иногда доминируют, а иногда лишь дополняют общую картину (Ойкен, 1996, с. 108). Таким образом, Ойкен одним из первых указал на наличие двух равноправных рамочных условий хозяйствования, складывающихся естественно, независимо от какого бы то ни было всеобъемлющего плана.

Известный историк-экономист и антрополог Карл Поланьи пошел дальше в исследовании нерыночных хозяйственных систем. В посмертно изданной в 1977 г. его последователями книге «The Livelihood of Man», до сих пор полностью не переведенной, к сожалению, на русский язык, он детально исследовал формы интеграции экономического процесса в разные исторические эпохи многих стран. При этом он опирался как на результаты собственных изысканий, так и на труды Бюхера (Bucher), Тённиса (Toennies), Торнвальда (Thurnwald), Малиновского (Malinovsky), Вебера (Weber), Дюркгейма (Durkheim), М. Ростовцева и других признанных историков, социологов и антропологов.

Поланьи выделил следующие основные формы экономической интеграции — редистрибуцию (*redistribution*), обмен (*exchange*) и реципрокность (*reciprocity*). Последняя — движение товаров и услуг (а также людей) между взаимодействующими сторонами на симметричной основе, т.е. взаимопомощь родственников, деревень и даже государств, например, в форме ленд-лиза (Polanyi, 1977, p. 36) — не рассматривалась им как образующая экономический тип общества. Две другие формы ин-

теграции экономического процесса — обмен и редистрибуцию² — Поланьи выделяет в качестве основы для классификации всего множества национальных хозяйств.

Во-первых, он указывает на рыночные экономики, в которых доминирующей формой взаимодействия между участниками хозяйственного процесса является обмен. Под обменом Поланьи, в соответствии с классическим пониманием, подразумевает «двустороннее движение товаров между субъектами, ориентированными на прибыль, получающуюся в результате для каждого от итогов соглашения» (Polanyi, 1977, p. 42). Согласно доминирующей в *economics* точке зрения, экономика и представляет собой по сути отношения обмена. Все экономические системы в своей основе суть рыночные системы³. При этом апологеты рыночной парадигмы склонны рассматривать общества со слабо представленными рыночными институтами как общества, находящиеся на более низкой, «предрыночной» стадии, развитие которых в сторону рынка и по законам рынка неизбежно⁴.

Поланьи не был согласен с этой точкой зрения. Опираясь на результаты многочисленных исследований, он в жесткой форме утверждал, что созданная А. Смитом теория экономики, в основании которой лежат институты рынка и свойственные ему механизмы спроса — предложения — цены, была не более чем здравым смыслом по отношению к окружающей самого автора реальности (Polanyi, 1977, p. 6–7). Значительную часть своей книги 1977 г. Поланьи посвятил доказательствам того, что рыночно-устроенный, базирующийся на обмене институциональный комплекс не является общим для всех экономик мира. Во многих обществах, по результатам ряда антрополого-исторических исследований, действует экономическая система, основанная на редистрибуции (Поланьи, 1944, с. 10). В редистрибутивных экономиках преобладает движение благ и услуг к центру и от него — осуществляется ли передвижение объектов физически или меняется только порядок права их присвоения без каких-либо изменений в действительном размещении ресурса или продукта (Polanyi, 1977, p. 40). Именно через редистрибуцию в этих обществах достигается воссоединение распределенного, разделенного труда (там же, p. 40–41).

Итак, вслед за Ойкеном, Поланьи подтвердил и дополнительно обосновал своими антропологическими исследованиями наличие двух равнозначных, параллельно функционирующих в истории рыночных (обменных) и редистрибутивных институциональных комплексов. Он отмечал, что рыночные и редистрибутивные эконо-

² Мы не переводим данный термин как «перераспределение», поскольку это неточно и не соответствует смыслу, в каком его употреблял Поланьи. В контексте его исследований редистрибуция (redistribution) является внутренним содержанием всего процесса воспроизводства в рамках обобщественного, централизованного хозяйства, а не одной из его фаз (распределительной).

³ Апофеозом такого подхода может служить неологизм о рыночных автоматах Филиппа Миrowsки *markomata*, полученный соединением *market* и *automata*. Рынки рассматриваются им как своеобразные вычислительные устройства, способные автоматически или алгоритмически назначать цену и сводить покупателей с продавцами (Mirowski, 2007).

⁴ Такие представления развиваются, например, в *development economics* — «экономике развития», изучающей проблемы стран с низкими доходами. Создание условий для развертывания рыночных механизмов, признанных необходимым для таких стран, является одним из основных направлений анализа.

мики не имеют характера стадийности, но сосуществуют во времени и пространстве. Еще более определенно, чем Ойкен, Поланьи указывал на то, что в том или ином обществе доминирует одна из форм экономических отношений, в то время как альтернативная занимает дополнительное положение (Polanyi, 1963). При этом он справедливо отмечал, что «рыночные элементы и нерыночные состояются друг с другом» (Polanyi, 1977, p. xix).

Поланьи также отмечал значение воспроизводства определенного типа экономики для общества, в котором она функционирует. На примере Римской империи он показывал, как социальные действия, направленные на изменение положения доминирующих институтов экономической системы, могут приводить к уничтожению социума в целом.

Указав на то, что редистрибутивные экономики характеризуются свойственным им специфическим институциональным комплексом, Поланьи начал изучение конкретных институтов таких экономик. Но эта работа не была им закончена. По признанию его коллег, Поланьи не успел достигнуть поставленной им теоретической цели: «создать самостоятельную нерыночную экономическую теорию, которая бы обеспечила общую концептуальную рамку для тех обществ, в которых образцом интеграции не выступают преобладающие обмены» (Polanyi, 1977, p. xxxv).

Необходимость разработки такой теории сохраняет свою актуальность по сей день, поскольку для ряда стран концепции рыночной экономики недостаточно эвристичны. Так, например, Марио В. Льос в предисловии к книге Э. Де Сото «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» пишет: «в Перу никогда не было рыночной экономики... Эта концепция применима ко всей Латинской Америке, и, вероятно, к большинству стран третьего мира» (Сото, 1989, с. 15). По отношению к странам Азии аналогичную позицию занимает Стивен Роузфилд из США. В своей книге «Сравнительный анализ экономик мира...», выдержавшей три издания (Rosefelde, 2008 (2005, 2002)) и переведенной в 2004 г. на русский язык (Роузфилд, 2004), он выделяет «экономики категории А, или рыночные экономики», и «экономики категории В, или культурно регулируемые системы». В странах Азии, как отмечает Роузфилд, доминируют экономики категории В.

Одна из попыток разработки экономической теории для стран, где не доминируют рынки, была представлена в доктрине политической экономии социализма. Разработкой ее теоретических и прикладных аспектов занималось множество ученых и политиков, особенно в период до и после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции. Политическая экономия социализма была главной экономической дисциплиной в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) и излагалась в учебниках, издававшихся в СССР с конца 1930-х и вплоть до 1990-х годов (см., например, Политическая экономия, 1977). Но крах социалистической системы в России и странах Восточной Европы выявил неадекватность ряда положений разрабатываемой социалистической теории реальным условиям общественного развития.

На мой взгляд, это в значительной мере объяснялось субъективистским подходом, господствовавшим тогда в этой науке. Несмотря на декларирование принци-

пов исторического материализма, социальная реальность зачастую рассматривалась в политической экономии социализма как планируемая, осуществляемая по воле людей программа, игнорировались объективно существующие отношения, необходимые для функционирования социума (подробнее о «блеске и нищете» политической экономии социализма см. Кирдина, 2006). Такая позиция послужила одним из препятствий для распространения в советском обществоведении институционального подхода, который я полагаю наиболее перспективным для понимания реального устройства обществ. Как уже упоминалось в первой главе, институционалисты считались в СССР в 1950–60-е годы «наиболее злыми врагами рабочего класса». Причина была в том, что институционалисты исследовали те основания и связи, которые существуют независимо от воли правящих партий или политических устремлений лидеров, которые инерционны и объективно определяют веер возможных траекторий социального развития.

Таким образом, в мировой экономической науке до настоящего времени не сложилось конвенциональной, общепринятой институциональной теории развития нерыночных экономик, сопоставимой по убедительности и разработанности с концепцией рыночного хозяйства. Выдающиеся попытки ряда ученых, прежде всего, венгерского экономиста Януша Корнаи (Kornai, 1980; Корнаи, 1990), исследовать сущность и специфику нерыночных экономик не изменили общей тенденции игнорировать объективные институциональные основания такого рода хозяйственных систем.

В других социальных науках также не предложено пока универсальных теоретических инструментов для изучения нерыночных экономик. Культурологи, хотя и отмечают наличие в культуре разных стран два преобладающих типа обмена благами, или экономических отношений — рыночные (exchange) и нерыночные (giving and taking), но не занимаются целенаправленно изучением последних в отношении современных обществ (Gregory, 1994, p. 911). Социологи также рассматривают редистрибуцию преимущественно как элемент традиционных и примитивных обществ (International Encyclopedia of Sociology, 1995, vol. 2, p. 1310). Поэтому подобные отношения в современных странах до последнего времени воспринимались социологами и культурологами как элемент отсталости, неразвитости или «злой воли» политических властных структур. Если же речь идет об анализе современных обществ, то такого рода отношения описываются антропологами в терминах «искаженного рынка», например, «отложенного обмена» в сравнении с нормальным «срочным обменом» в рыночных экономиках (Хаккарайнен, 2011).

В современной постсоветской России, официально расставшейся с политической экономией социализма, активизировались попытки разработать теоретические схемы для изучения экономик нерыночного типа. Важным фактором, способствующим осмыслению российского общества в рамках иной, нерыночной парадигмы, стало понимание того, что рыночные реформы, несмотря на волю политических лидеров страны и активное содействие международных сил, наталкиваются на «становой хребет» иных экономических отношений, по-своему преломляющих ход трансформационного процесса.

С одной стороны, восстанавливаются традиции российской школы экономической мысли, развитой в XIX — начале XX века и прерванной после революции этапом тотального господства марксизма-ленинизма. Ведь известно, что в российском обществоведении понимание «нерыночного» своеобразия национального хозяйства постоянно присутствовало. В качестве его основы либо рассматривали духовно-нравственные православные ценности (Зайцева, 1999), либо делали упор «на анализе общности или народного хозяйства в целом» (Русские экономисты..., 1998, с. 19). «В противоположность смитовскому воззрению на общество как на простую сумму индивидов, — писал, например, А. И. Чупров, — хозяйство каждого народа есть единое целое, которого части находятся между собою в постоянном взаимодействии: жизнь этого целого управляется своими особыми законами» (Чупров, 1911, с. 2). Как позже писал Л. И. Абалкин, «для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума» (Абалкин, 2003, с. 19). Такой предмет исследования обозначили стоящие у истоков национальной экономической школы Н. С. Мордвинов и А. К. Шторх (Ольсевич, 2003, с. 36), представившие иной взгляд на человека как участника экономической деятельности. В человеческой природе представители российской школы экономической мысли выделяют не столько эгоистическое, как А. Смит и его последователи, сколько социальное начало. Об этом свидетельствуют, например, взгляды Н. Д. Кондратьева с его представлением о «двойственной естественно-социальной природе человека» и А. В. Чаянова, отмечавшего «социальность человеческой органической природы» (Ольсевич, 2003, с. 47–48). Идеи российских экономистов прошлых веков активно вводятся в современный научный оборот.

С другой стороны, в среде экономистов России формируются новые теоретические концепции. Так, развивая идеи цивилизационного подхода, упомянутая ранее Н. Н. Лебедева поставила вопрос об институциональных основах различных форм хозяйствования. Она пишет о том, что специфику экономической цивилизации определяют институциональные структуры, базирующиеся на основном, определяющем характер эпохи, экономическом отношении. И складывается экономическая цивилизация либо на основе коллективного сотрудничества в рамках единого хозяйства, либо на основе преобладания отдельных индивидуальных усилий, способствующих выживанию группы людей. В последнем случае результатом общественной деятельности является формирование частной собственности (Лебедева, 2000, с. 200–201). Российская же действительность демонстрирует, как пишет Лебедева, иной тип институциональной структуры.

Наряду с экономистами, в выдвижении гипотез относительно институционального устройства российской экономики как экономики нерыночного типа активны и представители смежных наук. Характерным примером являются уже упоминавшиеся исследования историка из Санкт-Петербургского университета Н. П. Дроздовой, предложившей неинституциональную концепцию экономической истории России. Она отмечает, что «понятие эффективности функционирования системы нельзя сводить только к рыночным критериям. Система функционирует эффектив-

но, если она достигает поставленных целей с минимальными затратами» (Дроздова, 1998, с. 693). В своих исследованиях Дроздова доказывает, что в многовековой истории России цели ее развития достигались «огромной ролью государственной и коллективной форм по отношению практически ко всем объектам прав собственности» (там же, с. 696).

В начале 1990-х годов аналогичные усилия по теоретическому переосмыслению экономической структуры России предпринимаются в отечественной экономической социологии. В данном случае экономическая социология России, лишь недавно начавшая складываться как самостоятельная научная дисциплина, стоит перед лицом того же вызова, что и новая экономическая социология западных стран. Он связан со все возрастающим критическим отношением к существующей экономической теории. Как утверждает М. Грановеттер, один из наиболее авторитетных представителей экономико-социологической науки, «социологам есть, что сказать о стандартных экономических процессах — такого, что дополнило, а в некоторых случаях и заменило бы положения экономической теории. Сегодняшние социологи, отчасти в силу меньшего преклонения перед стандартными экономическими доводами, более нацелены добраться до самого ядра экономической теории» (Granovetter, 1990, p. 107. Цит. по: Радаев, 1997, с. 60).

Подтверждением этой тенденции являются результаты, полученные в рамках Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ). Выявление социальных механизмов, регулирующих развитие отечественной экономики, является традиционным объектом НЭСШ (Заславская, 1985; Заславская, Рывкина, 1991а), известной как разработкой вопросов теории, так и углубленными эмпирическими исследованиями механизмов трансформации социально-экономической структуры. С начала 1990-х годов представительница нового поколения ученых Новосибирской школы О. Э. Бессонова, неоднократно цитируемая на страницах книги, разрабатывает институциональную теорию развития российского хозяйства, или раздаточной экономики России (Бессонова, 1994, 1997, 1998, 2012). Позитивно встреченная (Атаян, 1997; Согрин, 1998, с. 133), эта теория описывает функционирование и развитие экономики российского общества как естественный закономерный процесс развития конкретных свойственных ей экономических институтов, который носит поступательный циклический характер. Верификация теории применительно к современному материалу российских экономических реформ показала высокую объяснительную и прогностическую способность предложенной теории (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996). Обобщая развитие российского хозяйства с IX века и до наших дней, эта теория, на мой взгляд, существенно дополняет категориальный и понятийный аппарат исследования нерыночной экономической системы не только России, но и других государств, поскольку в ней представлены и описаны институты, регулирующие, по мнению автора, экономики такого типа.

Сопоставление перечисленных концепций показывает, что исследуемые разными авторами нерыночные экономические системы («централизованно управляемые экономики», «редистрибутивные экономики», «раздаточная экономика», «экономи-

ка дефицита», «экономики категории В» и др.) представляют собой один и тот же тип хозяйственных систем. В настоящей работе мы будем называть их редистрибутивными Х-экономиками и проанализируем комплекс регулирующих их институтов. Также будет обозначен институциональный комплекс рыночных Y-экономик, а также показано взаимодействие институтов двух типов в хозяйственной практике ряда стран, прежде всего, в России.

5.2. Базовые институты редистрибутивных Х-экономик

Почему из множества перечисленных терминов для обозначения нерыночных экономических систем выбрано наименование «редистрибутивные Х-экономики»? Во-первых, в работе развивается введенное К. Поланьи понятие редистрибуции и соответствующее представление о системе институтов, регулирующих экономики такого типа. Поэтому целесообразно и применение предложенного им термина, что закрепляет научный приоритет ученого. Во-вторых, чтобы быть понятной большинству ученых разных стран и научных школ, терминология часто использует слова или буквы интернациональных языков научного общения — латинского или греческого. Поэтому термин «редистрибуция», имеющий латинские корни, представляется весьма удачным. По сравнению с ним термин «раздаточная экономика», предложенный О.Э. Бессоновой и активно использовавшийся в первом издании книги, следует признать менее подходящим. При таком наименовании данный тип экономик предстает как сугубо российское явление, что не соответствует распространенности экономических систем подобного рода в других странах мира. Наконец, редистрибутивные экономики являются подсистемой обществ, где доминируют институты Х-матрицы, соответственно, эта укорененность также закрепляется в предложенной терминологии.

Редистрибутивные Х-экономики формируются в условиях коммунальной материально-технологической среды. Требуемая совместного использования для своего воспроизводства коммунальная среда способствует, независимо от воли и устремлений хозяйствующего населения, объединению коллективных усилий и порождает адекватные базовые институты и институциональные формы. Важнейшим из них является специфический *институт доминирующей собственности*, который в юридической практике или теоретических концепциях имеет такие наименования, как институт публичной (Гражданский кодекс РФ), общественно-служебной (О.Э. Бессонова), социалистической (А.В. Венедиктов), общей-коммунальной собственности и др.

Возникновение этого института, альтернативного институту частной собственности, имеет ряд объяснений. Например, в рамках неоклассической экономической теории обоснованы следующие условия ведения хозяйства, при которых формируется общая собственность: «общая (коммунальная) собственность возникает там и тогда, где и когда издержки по спецификации и защите частных прав собственности чрезвычайно высоки. Выгоды же от их установления или равны нулю (если благо имеется в изобилии), или явно меньше затрат, связанных с установлением частных прав собственности» (Основы экономической теории, 1996, с. 115). Други-

ми словами, институт «не частной» собственности и базирующийся на нем институциональный комплекс развиваются тогда, когда они являются более эффективными для данного сообщества в решении задач устойчивого хозяйственного развития. Если же материально-технологические и социальные предпосылки обеспечивают эффективность частных форм собственности, то в экономике развивается соответствующий ей рыночный институциональный комплекс.

В настоящей работе для обозначения альтернативного частной собственности института я использую термин «верховная условная собственность», предложенный в свое время российскими и советскими историками, изучавшими земельные отношения в нашей и других странах. Здесь соединяются идеи Л. Черепнина (Черепнин, 1953) и М. Ростовцева (Rostowzew, 1910, s. 11, 112) о *верховной собственности* государства на землю, а также характер *условного* владения землей служилыми людьми, отмеченный Н. Горской (Собственность на землю..., 2002, с. 27). **Институт верховной условной собственности** означает, что владельцем основных ресурсов и средств производства признается — явно или латентно — общество в целом. Это предполагает возможность использования производимых и потребляемых благ всеми членами общества на определенных *условиях*, по устанавливаемым каждый раз правилам, и не подразумевает постоянных границ в правах собственности, как это характерно при господстве института частной собственности. В каждый исторический период в разных странах неизбежно обозначаются признаваемые представители этого общественного интереса на верховном уровне управления, сначала в виде лиц (например, князья, цари или императоры), а затем организаций (как правило, государственных органов разного уровня и др.). Они в соответствии с писаными и неписаными правилами несут ответственность за использование имеющихся ресурсов в интересах национального сообщества в целом. Даже если объекты собственности распределены между использующими ее хозяйствующими субъектами и закреплены за ними для выполнения определенных задач — а иначе и не может быть в условиях все возрастающей сложности производства — их действия постоянно подразумевают выполнение наложенных верховным уровнем управления условий, то есть имеют условный характер⁵, который меняется во времени. Таким верховным уровнем для общества в целом выступает хозяйствующий центр, а, например, для фирмы — руководство фирмы.

Изменение правил доступа к благам определяется состоянием и ролью значимых для всего общества (или фирмы в целом) ресурсов и условий производства в данный исторический момент. Хотя конфигурация и структура собственности постоянно меняется, приспосабливаясь к внешним и внутренним рискам, сохраняется роль верховного уровня управления как основного регулятора отношений собственности. Если распределение объектов собственности не обеспечивает со стороны использующих ее хозяйственных субъектов необходимого вклада в суммарную экономическую эффективность или используется с ущербом для общественных (или общефирменных)

⁵ Подробный исторический анализ действия института верховной условной собственности в сфере земельных отношений в России см: Кирдина, 2003а; Кирдина, 2004б.

интересов, действуют механизмы изъятия или передачи объектов собственности другим, более эффективным хозяйствующим субъектам (или подразделениям фирмы).

Феномен верховной собственности хорошо известен историкам права и разрабатан в историографии, прежде всего, применительно к земельным отношениям. Из известных нам работ наиболее подробный анализ этого феномена представлен в работе советского цивилиста А. В. Венедиктова. В своей монографии 1948 г. «Государственная социалистическая собственность» в главах II и III он описывает сущность верховной собственности и ее отличие от частной собственности в разные исторические эпохи.

Подчеркнем наиболее важные для нашего исследования положения. Во-первых, вслед за многими зарубежными историками и юристами, вплоть до К. Маркса, Венедиктов отмечает, что институт верховной условной собственности характерен прежде всего для стран Азии, но не Европы. Он приводит блестящую, на наш взгляд, цитату из Маркса, показывающую глубину понимания отношений собственности этим великим экономистом и социологом. Описывая земельные отношения в Азии, Маркс пишет: «Государство здесь верховный собственник земли. ... в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как *частное* (курсив мой — С.К.), так и общинное владение и пользование землей» (Цит. по: Венедиктов, 1948, с. 62). Как и некоторые другие юристы его времени, Маркс отмечал, что на Востоке, в отличие от античной — в первую очередь от римской — общины при их объединении в более крупные общины, в том числе в государство, право собственности оставалось не за этими общинами, а переходило к «связующему их единству». «Связующее единство (*zusammenfassende Einheit*), возвышающееся над всеми этими мелкими коллективами, — писал Маркс, — выступает как высший собственник... каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности» (Цит. по: Венедиктов, 1948, с. 68).

Во-вторых, говоря о структуре верховной собственности, Венедиктов обращает внимание на «вложенность» в этот институт «подчинительной» собственности того субъекта, который пользуется конкретным объектом собственности. При этом Венедиктов обращает внимание на отличие политического государственного верховенства над всей территорией государства в смысле *dominium eminens* (означающее право политической власти в обложении частного собственника налогами и в разнообразных ограничениях его права собственности), от верховной собственности в смысле либо *dominium plenum* (когда государство является, по сути, реальным собственником земли и предоставляет экономическим субъектам лишь право пользования участками), либо *dominium directum*, то есть права верховной собственности государства с признанием за гражданами и организациями права подчиненной собственности (*dominium utile*) на переданные в их владение участки (Венедиктов, 1948, с. 62–63)⁶. Он отмечает, что «о верховной собственности в точном смысле это-

---

⁶ Этот блестящий анализ советского юриста показывает ограничения упомянутой ранее теоретической конструкции «власти-собственности», в которой не обращается внимания на отмеченные тонкости.

го понятия ... речь может идти только в том случае, когда власть и интерес в использовании того или иного объекта так делятся между двумя субъектами права (индивидуальными или коллективными), что ни один из них не может быть признан единственным субъектом «присвоения», то есть единственным носителем собственной власти и собственного интереса по отношению к данному объекту... Необходимо подчеркнуть при этом, что при разделенной собственности раздел власти и интереса между несколькими индивидами и коллективами, либо между коллективом и индивидом происходит не «по горизонтали», как это имеет место при общей — долевой (*condominium*) или совместной (*Gesamteigentum*) — собственности, а «по вертикали», когда за каждым из носителей собственности признается не часть (определенная или неопределенная) одного и того же права собственности, а различные по своему характеру и объему полномочия» (там же, с. 64–65). Таким образом, верховная собственность — это своего разделенная собственность⁷.

В-третьих, Венедиктов обращает внимание на условный характер «держания земли» в случае ее передачи от государства (на условиях военной или иной службы) определенным лицам или организациям, что означает подчиненный характер собственности для такого «условного владельца» земельного участка (Венедиктов, 1948, с. 75). Так, он полагает, что «историки русского права имели все основания утверждать по отношению к русскому поместью в его первоначальной форме, что собственником поместья оставался московский государь, и что помещик являлся только временным условным владельцем» (Венедиктов, 1948, с. 166). Он приводит ряд высказываний крупнейших русских историков (В. О. Ключевского, М. Ф. Владимирского-Буданова, Н. П. Сильванского) об «условных правах частных лиц», о «зависимом характере» владения, о «наслоении субъектов прав на одну и ту же вещь, то есть государства, родов, общин и частных лиц» (Венедиктов, 1948, с. 122).

Действительно, право на землю в России приобреталось трудом на ней и не являлось правом полной и безусловной собственности (Ефименко, 1884, с. 139. Цит. по: Стариков, 1996, с. 330). Даже при проведении аграрной реформы, направленной на упразднение общины, реформатор П. А. Столыпин отмечал необходимость сохранять условия, которые ограничивали права передачи земельной собственности в России. «Закон наш, — говорил Столыпин, — знает ... стеснения и ограничения, и мы, господа, в своем законопроекте ограничения эти сохраняем: надельная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; надельная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк <государственное кредитное учреждение — С.К.>; она не может быть продана за личные долги; она не может быть завещана иначе, как по обычаю» (Столыпин, 1991, с. 177).

Не только Столыпин, но и другие выдающиеся политики дореволюционной России осознавали специфику отношений собственности в стране и ее отличия от принятых норм международного, прежде всего европейского права. С. Ю. Витте, вы-

⁷ Анализируя в своей монографии особенности феодализма европейских стран, Венедиктов отмечает, что складывавшиеся там вассальные отношения не означали разделенной собственности на землю (Венедиктов, 1948, с. 86).

ступая в Государственном Совете 15 марта 1910 г. по поводу упомянутой аграрной реформы, также указал на правительственные ограничения в деле формирования крестьянской собственности. Он заключил, что речь явно идет не о формировании действительной личной собственности, а речь идет о «... создании таких личных крестьянских собственников, которые неизвестны в других цивилизованных странах ни исторически, ни в теории гражданского права» (Из выступлений..., 1990, с. 86–87).

Аналогичные особенности института верховной условной собственности проявлялись в других сферах национальной хозяйства — и при развитии промышленности, и даже при создании фондовой биржи⁸.

В-четвертых, Венедиктов как глубокий знаток истории права, энциклопедически знающий зарубежную литературу и в оригинале читавший многие исторические источники, показал глубокие корни различий частной и верховной условной собственности. Он обращает наше внимание на то, что принятая в средневековой юриспруденции норма *dominium utile*, характеризующая, как мы полагаем, институт верховной условной собственности — не римского происхождения, т. е. не из государства с доминированием институтов Y-матрицы. Венедиктов ссылается на работы таких известных специалистов, как Глюк, Мениаль, Таубеншлаг и др. (Венедиктов, 1948, с. 75). Если принцип частной собственности составлял одно из оснований Римского права, закрепившего в юридических нормах важнейшие институты, характерные для древнего (и современного) западного общества, то понятие, описывающее условную верховную собственность, не было им известно. Это говорит о нетипичности такого рода отношений в прототипах рыночных экономических систем и, соответственно, отсутствия необходимости их кодификации.

Описанный институт верховной условной собственности характеризует закрепление благ в редистрибутивных X-экономиках. В свою очередь, движение благ подчиняется действию института редистрибуции, который альтернативен институту обмена в модели Y-экономик. В чем отличие редистрибуции от обмена? Обмены представляют собой горизонтальные потоки продуктов и услуг, имеющих в рыночных экономиках характер товаров, между обособленными хозяйствующими субъектами, частными собственниками. Обмен предполагает прибыль, извлекаемую участниками сделок.

В отличие от обмена, **институт редистрибуции** в редистрибутивной X-экономике характеризует процесс движения материальных ценностей и услуг (но главное —

---

⁸ Сошлемся лишь на два характерных исторических свидетельства. Одно из них принадлежит Витте, который писал: «Русское правительство делает то, чего не делает и не может делать ни одно правительство конституционных <европейских> государств: оно учреждает и поддерживает синдикаты предпринимателей и биржевиков и фактически становится в лице Министерства финансов — во главе этих синдикатов» (Витте, 1903, с. ххiii). Другое свидетельство представляет приведенную в этой же работе Витте цитату из газеты «Новое время» от 22 января 1900 г. (г. Санкт-Петербург, Россия): «вся деятельность фондовой биржи подчиняется не только сильному контролю, но во многих случаях и активному руководству со стороны Министерства финансов».

соответствующих прав) не между независимыми экономическими агентами, как в обмене, а предполагает опосредование этих трансакций хозяйствующим центром. Редистрибуция как устойчивое отношение исторически возникает тогда, когда большинство хозяйствующих субъектов находятся в зависимости от значимого для них ресурса, когда взаимодействие между ними прямо или косвенно предполагает использование этого общего ресурса, не принадлежащего каждому в отдельности. Такой ресурс является общим благом.

Неоклассики и неoinституционалисты полагают, что в случае такого блага (в теории общественного выбора ему соответствует понятие «общественное благо», а в новой институциональной экономической теории — понятие «коммунальной собственности») также действуют отношения обмена, но учитывающие результаты голосования экономических агентов по поводу использования и распределения такого рода благ (подробнее об этом см. Нуреев, 2005 с. 67–68; Шаститко, 2002 с. 302–304). На наш взгляд, это справедливо в отношении лишь тех экономик, где институт обмена является доминирующим.

Иная ситуация возникает в том случае, когда зависимость от общего или коммунального блага распространяется на основную массу экономических агентов, и отношения обмена не играют главной роли. Это могла быть либо зависимость от действия единой системы заливного рисоведения (как в Китае и других странах Юго-Восточной Азии), или ирригационной системы орошения, как в Египте, или зависимость от системы речных путей или доступа к использованию большого количества земель для аграрного производства, требовавших общего использования и охраны, как в России. В такой коммунальной материально-технологической среде объективно требуется согласование хозяйственных трансакций не только между двумя совершающими их субъектами, но и с другими участниками хозяйственной жизни, поскольку все они действуют в условиях единого нерасчлененного технологического комплекса. В этом случае стремление экономических агентов к минимизации трансакционных издержек⁹, выявленное Р. Коузом (Coase, 1937; Коуз, 1993) приводит к тому, что основная масса необходимых согласований сосредоточивается в одном органе, который начинает выполнять функции центра. Другими словами, если в ходе определенной трансакции необходимо прямо или косвенно соотноситься с использованием (правами доступа, сохранения и т. д.) значимого для большинства участников хозяйственной деятельности ресурса или условия, то вместо согласования со всеми участниками экономики контрагенты обращаются в спонтанно формирующийся центр. В нем ак-

⁹ Мы понимаем трансакционные издержки как интегральные издержки, что принято уже большинством ученых, использующих эту категорию. Среди них Кеннет Эрроу (Kenneth Arrow), Джордж Стиглер (George J. Stigler), Армен А. Алчиан (Armen A. Alchian), Гарольд Демсетц (Harold Demsetz), Оливер Уильямсон (Oliver E. Williamson) и др. Понятие трансакционных издержек в данном случае характеризует издержки функционирования экономической системы. В то же время, в отличие от названных авторов, относящих эту категорию лишь к рыночным экономикам и, соответственно, включающим в них издержки функционирования фирмы и рынка, мы полагаем возможным рассматривать их как величину, позволяющую определять издержки функционирования не только рыночной, но и редистрибутивной экономики.

кумулируется необходимая информация, определяются очередность и иные правила пользования общим благом, равно как и концентрируются ресурсы, необходимые для поддержания координирующей роли центра (Кирдина, 1999).

Поэтому, в отличие от модели обмена, предполагающего две стороны хозяйственного процесса, что и выражается соответствующей парой взаимопроникающих фаз «купля-продажа», схема редистрибуции включает в себя три стороны: пару хозяйствующих субъектов и опосредующего их отношения центра. Иными словами, в рамках редистрибуции выделяются три составляющие ее фазы — «аккумуляция-согласование-распределение». Соответствующие им операции касаются не только ресурсов (благ, услуг, продуктов), но и соотносимых с ними правовых норм (учета, контроля и т. д.). Аналогично тому, как отношения обмена — простейшей экономической формы, — неразложимы на фазы купли и продажи, а содержатся одна в другой, необходимо предполагают одна другую, так и отношения редистрибуции невозможно, без потери их содержания, расчленить на отдельные фазы.

Такая модель отношений содержится в приведенной ранее формуле «storage-cum-redistribution» (Polanyi, 1977, p. 40–41), обозначающей непрерывный процесс сбора, аккумуляции (storage, collection) производимых отдельными хозяйствующими субъектами в рамках общей собственности продуктов, совмещаемый посредством центра с направлением ресурсов и вновь производимой продукции в производство и потребление (distribution, redistribution). Схематически и очень условно различие между обменом и редистрибуцией отражено на рис. 12.

На первый взгляд отношения, возникающие между двумя хозяйствующими субъектами и в рыночных, и в редистрибутивных экономиках, идентичны — и в том, и в другом случае на поверхности явлений мы наблюдаем передачу ресурсов или произведенной продукции от условного субъекта А к субъекту В и, соответственно, обратное получение денежной или материальной компенсации за отчуждение переданных ценностей или оказанные услуги. Но институциональные механизмы этого видимого процесса различны, что и отражено на схеме.

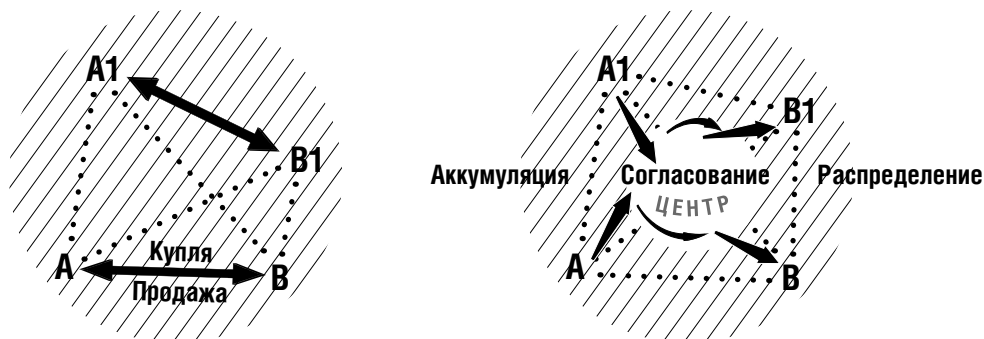

Рис.12. Схема взаимодействия хозяйствующих субъектов при обмене и редистрибуции

В рыночной Y-экономике процесс горизонтального взаимодействия в формах купли и продажи выступает основным, главным, что и показано жирной стрелкой, соединяющей субъектов А и В в модели обмена. Пунктирные стрелки обозначают опосредованные связи рассматриваемых субъектов с другими участниками рынка. Эти связи выражаются в том, что условия сделок между конкретными субъектами определяются складывающейся рыночной конъюнктурой, т.е. уровнем цен, издержек, наличием аналогичных и альтернативных товаров, действующими правилами и др.

В редистрибутивных X-экономиках процесс взаимодействия между субъектами А и В является следствием процесса согласований, осуществляемых на уровне центра (С) и обусловленного процессами аккумуляции и распределения ценностей и услуг. Поэтому названные процессы обозначены жирными стрелками, подчеркивающими главное содержание отношений редистрибуции, а непосредственные контакты между хозяйствующими субъектами в этом контексте — пунктирными стрелками, акцентирующими внимание на вторичности, обусловленности этих отношений.

В качестве примера, иллюстрирующего такой тип отношений, можно привести действие долго создававшегося «рынка электроэнергии» в современной России. На уровне федерального центра для обеспечения этой деятельности создан ФО-РЭМ — Федеральный (общероссийский) оптовый рынок электрической энергии и мощности. Его задачей является аккумуляция (не в физическом, конечно, смысле, а в информационном) объемов энергии, производимой АЭС, теплостанциями, ГЭС и другими предприятиями, а также суммирование потребности в энергии у различных потребителей (регионов, предприятий). На основе согласования этих объемов специальными комиссиями регионального и федерального уровня определяются структура тарифов на электроэнергию и тепло, включающая цены на те или иные виды энергии, дифференцированные для разных групп производителей и потребителей. Итогом согласительных процедур является распределение энергии, т.е. определение цепочек производителей и потребителей и фиксирование объемов распределяемой энергии. Другими словами, на основе цикла редистрибуции формируется множество подходящих пар субъектов А, А1... и В, В1... — в данном случае поставщиков и потребителей энергии, взаимодействующих на основе предписанных в ходе согласования правил, но по сути обеспечивающих аккумуляцию энергии и потребление распределенной энергии в рамках общего так называемого «рынка энергетических мощностей». Редистрибуция при этом «одевается» в рыночные формы, предполагающие взаимодействие производителей и потребителей в определенных сегментах по жестко нормированным правилам.

Также отношения редистрибуции проявляются в рамках единого предприятия. Например, цехи и службы на заводе вступают в определенные отношения не на основе выбора себе того или иного партнера, а на основании обусловленного технологией процессом согласования на уровне завода в целом механизма редистрибуции. В соответствии с этим предусмотрены объемы получаемых от них и поставляемых им продуктов и услуг (аккумуляция и распределение), а также правила осуществления этих поставок.

Поскольку в редистрибутивных экономиках согласование экономических интересов осуществляется через центр, такие экономики, вслед за В. Ойкенем, часто называют централизованными. Кроме того, поскольку центр на поверхностный взгляд выступает сугубо как высшая инстанция, опосредуемое им движение ценностей в редистрибутивных экономиках часто называют вертикальным, а редистрибутивные экономики — иерархическими структурами.

Преимущество использования в теории институциональных матриц термина «редистрибутивные экономики», по сравнению с вышеперечисленными, состоит в том, что оно акцентирует внимание на основном отношении, обеспечивающем интеграцию подобного рода экономических систем, а не на организациях, его воплощающих. Как Маркс отделил в свое время капитал как социальное отношение, путем которого воспроизводится основанная на частной собственности экономическая система, от фигуры капиталиста, так и редистрибуцию следует понимать не как направляемый волей человека или групп людей процесс, но как «невидимую руку», объективный закон, регулирующий воспроизводство экономик, основанных на верховной условной собственности.

Поскольку хозяйственные взаимодействия в редистрибутивных экономиках предполагают не две, а три необходимых стороны, то такие взаимодействия, во-первых, имеют более протяженный во времени характер, и, во-вторых, более сложную структуру, не всегда различимую даже в ходе специального анализа. Например, ранее, в том числе и на страницах первого издания книги «Институциональные матрицы и развитие России», я, вслед за автором теории раздаточной экономики О.Э. Бессоновой, полагала возможным анализировать элементы целостного отношения редистрибуции раздельно. Это выражалось в использовании терминов «сдачи» и «раздачи»¹⁰ для характеристики базовых экономических институтов Х-матрицы.

Теперь я придерживаюсь иной точки зрения по этому вопросу, которая логически вытекает из исходных постулатов, лежащих в основании теории институциональных матриц, а также в большей мере опирается на исследования К. Поланьи по этой проблеме. Я полагаю, что, аналогично тому, как отношения обмена, рассматриваемые с точки зрения институционального подхода, неразложимы на фазы купли и продажи, а содержатся одна в другой, необходимо предполагают одна другую, так и отношения редистрибуции невозможно, без потери их институционального содержания, расчленить на фазы «сдач» и «раздач». На мой взгляд, раздельное изучение процессов купли или продажи, как и изучение процессов сдач и раздач, более конструктивно в рамках субъективистской парадигмы, поскольку предполагает наличие специализированных субъектов, осуществляющих эту деятельность. Более того, оно чрезвычайно плодотворно с прикладной точки зрения. Примером этого является развитие науки о маркетинге, выделяющей продажи как основной объект изучения. Если же мы говорим не о социальных субъектах, но о базовых институ-

¹⁰ О содержании терминов «сдачи» и «раздачи» см.: Бессонова, 1994, 1997, с. 9–48; Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 9–21.

тах как о системообразующих основаниях того или иного типа общества, то в качестве объекта выступает обезличенное отношение, функционально необходимое и целостное, интегрирующее деятельность разнообразных социальных субъектов в масштабе общества в целом. Поэтому редистрибуция как базовый институт нерасчленима на те или иные фазы, она есть единый непрерывный процесс отношений типа «аккумуляция-согласование-распределение».

Институт редистрибуции реализуется в разнообразных институциональных формах, таких, например, как планы, система тарифов и нормативов. Известно, что разработка официальных государственных планов была неотъемлемой частью советского планового хозяйства, планы являются основой современной экономической политики ряда азиатских государств, таких, как Япония (пяти- и семилетние планы), Южная Корея, Китай и др. В Японии планы, прогнозы и научно-технические программы разрабатывают правительственные учреждения и министерства. Поскольку в планы могут вноситься изменения по предложениям деловых кругов, планирование в Японии называют *адаптивным*. В планах определяются не только цели развития национальной экономики, но также выделяемые для их реализации государственные ресурсы и инструменты для достижения поставленных целей. Практика показывает, что японские предприниматели обычно учитывают рекомендации планов-программ (Хлынов, 1997).

Основным институтом, определяющим характер взаимодействия между участниками экономической деятельности в редистрибутивных X-экономиках, как показывает практика, выступает не конкуренция, а кооперация. Она отражает потребность в организации координированных действий участников хозяйственного процесса в коммунальной материально-технологической среде. Этот процесс можно сравнить с движением лодки с гребцами на борту. Очень быстро выясняется, что эффективное продвижение лодки, в которой они все находятся, невозможно без согласованных действий направляющих ее ход гребцов. Точно также модель редистрибутивной X-экономики невозможна без института кооперации, поддерживающего функционирование такого рода экономических систем. Действие института кооперации обеспечивает непрерывность функционирования экономической сферы общества, поскольку через его посредство участники хозяйственной деятельности получают как необходимые производственные ресурсы, так и условия собственного воспроизводства. Институт кооперации может даже поддерживать менее успешных субъектов, но не вытесняет их из экономического пространства.

Кооперация экономических агентов институционализируется естественным образом тогда, когда она является более эффективной для вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот, чем использование их конкурирующими производителями. Доминирование института кооперации связано с распространенностью в X-экономиках тех благ, которые принято называть общественными благами¹¹. Известно, что «особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть

¹¹ В России наиболее глубокие и развернутые исследования общественных благ проводятся А. Я. Рубинштейном (Рубинштейн, 2008; 2009, 2012 и др.).

только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше достается любому другому» (Блауг, 1994 с. 549). В связи с этим выделяются два их специфических свойства — неисключаемость и несоперничество (Гринберг, Рубинштейн, 2000 с. 50–51). Неисключаемость (nonexcludability) в потреблении означает доступность благ каждому. Несоперничество (nonrivalness) предполагает, что потребление данных благ кем-то не должно препятствовать потреблению этих благ другими. В силу указанных свойств и особой природы общественных благ при их использовании вместо конкуренции преобладает кооперация.

Институт кооперации проявляет себя как в рамках отдельных экономик, так и союзов государств, если в них по тем или иным причинам доминируют институты редистрибутивной Х-экономики. В 1949–1991 гг. таким союзом был Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), объединявший СССР и восточно-европейские социалистические страны. Анализ процессов кооперации стран-членов СЭВ в работе венгерского экономиста Сандора Ауша показывал: СЭВ для своих менее развитых членов создавал «тепличные условия» (Ausch, 1972, p. 119), то есть вместо конкуренции здесь действовал институт кооперации. Поддержка менее развитых стран обеспечивала достижение основной цели организации — экономическое развитие интернациональной социалистической системы в целом.

Как строятся трудовые отношения в редистрибутивных Х-экономиках? Полаanyi, как уже отмечалось, полагал, что воссоединение обособленных трудовых процессов — неизбежного следствия общественного разделения труда, — происходит в данном случае посредством редистрибуции — главного для такого рода хозяйственных систем экономического отношения (Polanyi, 1977, p. 40–41). Аналогично тому, как институт обмена (купли-продажи) в рыночных экономиках пронизывает все стороны общественной жизни и является определяющим для трудовых отношений, обуславливая куплю-продажу рабочей силы через институт найма, так и редистрибуция определяет существование привлечения рабочей силы к труду. Она формирует **институт служебного труда**. В свое время О. Э. Бессонова, предложившая при описании нерыночных экономик использовать термин «служебный труд», в качестве его характеристик выделяла *обязательный характер, ведомственную организацию, иерархию и номенклатуру* (Бессонова, 1994, с. 43–44). П. И. Смирнов, характеризуя особенности служебной трудовой деятельности, определял ее как деятельность «для другого» — общества, коллектива, лица, в отличие от деятельности «для себя», когда основная цель состоит в обеспечении существования деятеля, что характерно для наемного труда (Смирнов, 1998).

Ранее специфика трудовых отношений для экономик общественной собственности рассматривалась в теориях социалистического воспроизводства. Вслед за Марксом, труд при социализме понимали как непосредственно общественный, отмечали всеобщность и обязательность труда, его роль как единственного источника средств существования в такого рода экономических системах (Политическая экономия, 1977, с. 45).

Чтобы полнее представить атрибутику института служебного труда, обратимся к самому значению слова «служить». «Служить» означает одновременно и *быть*

полезным..., и состоять на службе, то есть занимать место с известными обязанностями, быть при месте (Даль, 1991, т. 4, с. 224). Поэтому сама этимология «служебного труда» предполагает деятельность для общей пользы, прикрепленность к месту, обязательность и постоянство. По этим позициям служебный труд противостоит труду наемному («нанимать — брать из платы для временного употребления» (Даль, 1991, т. 2, с. 444).

Особенности действия института служебного труда (на примере России) подробно были рассмотрены ранее в: Кирдина, 2003б. Не исчерпывая перечень всех характерных черт, отличающих служебный труд от найма рабочей силы в рыночных Y-экономиках, отмечу некоторые наиболее существенные.

Для служебного труда характерен *централизованный механизм регулирования* трудовых отношений. Какие бы важнейшие элементы этого регулирования мы ни взяли, можно видеть, что они регламентируются или иницируются, как правило, не «снизу», со стороны работников и их ассоциаций или предприятий, а со стороны верховной власти, правительства. Это выражалось, например, в создании «трудовых нормативов» для выполнения тех или иных работ, или «уроков» — в своей книге 1724 г. «О скудости и богатстве», адресованной царю Петру I, их предлагал учинить Иван Посошков (Посошков, 1937), наш первый российский экономист. В советское время централизованный механизм в виде государственного плана по труду и социальным вопросам, «разверстанного» по территориям и предприятиям, получил наиболее полное свое воплощение.

Еще одним атрибутом служебного труда, отличающим его от действия института наемного труда, является стремление к *полной занятости* населения. Можно сказать, что в редистрибутивных экономиках резервы рабочей силы находятся «внутри» хозяйственной системы, формируя ее постоянный мобилизационный ресурс. В целях достижения полной занятости в княжеской Руси предпринимались постоянные меры борьбы с беглым населением, что позже выразилось в прикреплении крестьян к земле (крепостное право), а городского населения — к местам проживания. Этому служило введение паспортной системы и прописки в царское время, а также необходимость службы для всех слоев населения, включая дворян и помещиков, затем борьба с тунеядством в СССР. Программы достижения полной занятости принимались на всех партийных съездах советского времени. Анализируя модели занятости, принимаемые в СССР в разные периоды его развития, Т. Г. Бахматова неизменно отмечает свойство полной занятости, сохраняемое с 1917 г. (Бахматова, 2002, с. 100).

Наконец, служебный и наемный труд всегда отличались характером и структурой вознаграждения работников. Для служебного труда оно имеет *более сложную структуру* и носит, как правило, *смешанный денежно-материальный характер*. Кстати, поэтому так затруднены сравнительные исследования уровня реальных доходов разных групп работников внутри страны. Наибольшие же трудности возникают при проведении межстрановых исследований при сопоставлении уровня доходов россиян с населением стран рыночных экономик.

Сложная структура трудового вознаграждения выражается в формировании заработка не столько в зависимости от результата труда, сколько от «служебных»

параметров — трудового стажа, статуса, важности отрасли для всей экономики, выполнения предписанных обязанностей, определяющих получение премии, и т. д. Поэтому в странах с доминированием институтов Х-экономики, например, в России, столь существенно различаются величины так называемого «оклада» — основы трудового вознаграждения, и всего заработка. В Японии система трудового вознаграждения также имеет сложную структуру, отражающую оценки стажа работы и ранг (статус) работника. Именно они доминируют при установлении уровня оплаты труда. Что же касается зависимости вознаграждения от результативности работы, то его доля составляет всего 10% во всей оплате труда японских работников (Кушнир, 2002).

Смешанный денежно-материальный характер трудового вознаграждения при действии института служебного труда выражается в том, что его компоненты, помимо ставок заработной платы, могут включать предоставление питания, проживания, медицинского обслуживания, образования и т. д. Эти дополнительные компоненты предоставляются либо в денежной, либо в натуральной форме. Также с рабочим местом часто связаны возможности получения (приобретения) разнообразных товаров — от продуктов до жилья и загородных участков (дач). Современные исследователи называют это явление «высоким уровнем социально-бытовых связей с компанией» (Дорошенко, 2012, с. 18).

В истории России это была и «фабричная лавка, которая отпускает харчи по удешевленным ценам» в 1917 г. (Валетов, 2002, с. 58), и заводские магазины, и «столы заказов», и закрытые распределители советской эпохи. Также работники обеспечивались участками под огород. Но если в Германии, откуда этот опыт был привезен в Россию в 1907 г., эти участки сдавались им в аренду под небольшую плату (Диканский, 1908), то в России и далее, в СССР они выделялись бесплатно при условии работы получателей в том или ином учреждении или предприятии.

Предоставление жилья является самым существенным компонентом, характеризующим особенности трудового вознаграждения в условиях служебного труда. В России даже в «период развития капитализма» (конец XIX-начало XX вв.), как отмечал В. В. Святловский, в отличие от Запада, рабочие пользовались жилыми помещениями от фабрикантов, и лишь менее 20% жили на квартирах «на стороне». Он также приводит данные о том, что по отчетности Министерства финансов в 1895 г., 75% рабочих на фабричных квартирах жили в них бесплатно (Святловский, 1902). По прошествии 100 лет бесплатное жилье в современной России постепенно заменяется льготной или безвозмездной ипотекой для приобретения жилья, предоставляемой работодателем.

Пожалуй, самым ярким выражением института служебного труда в Х-экономике является система пожизненного найма, исторически присущая Японии. Министерство труда Японии дает следующее определение пожизненному найму: «Практика компаний нанимать основных работников напрямую из университетов, планируя их будущее обучение и развитие в рамках компании или корпоративной группы вплоть до достижения ими пенсионного возраста, гарантируя постоянную работу в данной компании, кроме непредвиденных случаев». Как отмечает А. Кушнир, в развитии данной системы были использованы традиционные модели, сформировавшиеся в японском обществе

и восходящие к ценностям и практикам крестьянской и самурайской общины (Кушнир, 2003). Система пожизненного найма поддерживается «принципом старшинства», предполагающим выплаты за выслугу лет работы в данной компании или государственном учреждении, должностной рост в зависимости от возраста и стажа работы, последовательность иерархии переходов с одной должности на другую и т. д.

Системный характер институционального устройства экономики предполагает необходимость института, выполняющего функцию обратной связи. Его задача состоит не только в регулировании определенного вида экономических отношений, но и в формировании сигнала всей системе институтов о качестве ее работы. Данный институт должен «подхватывать» этот наиболее важный выходной сигнал и передавать, возвращать его в систему.

Какой же институт выполняет функцию механизма обратной связи в X-экономиках? Поиск ответа на этот вопрос занимает меня уже более 10 лет. В первом издании книги в 2000 г. в качестве механизма обратной связи был указан «институт жалоб», выявленный О. Э. Бессоновой в ее теории раздаточной экономики и частично проанализированный нами в совместной работе на эмпирическом материале (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996). Но в дальнейшем отнесение данного института к экономической сфере показалось мне неудачным, поэтому во втором издании книги в качестве механизма обратной связи исследовался «институт пропорциональности» (Кирдина, 2001, с. 115–116; см. также Кирдина, 2004в, с. 133–134). Объяснением служил тот факт, что функционирование институтов условной верховной собственности и редистрибуции объективно требует наличия пропорциональности в разных сегментах экономической системы. Соответственно, необходим соответствующий институт для того, чтобы ее обеспечивать. Здесь сказалось определенное влияние идей политической экономии социализма из моего интеллектуального прошлого: речь идет об известном «законе планомерного пропорционального развития социалистического общества». Однако дискуссии с коллегами, прежде всего с сотрудниками сектора методологии экономических исследований Института экономики РАН, где я работала в 2003–2006 гг. — О. И. Аняныным, Ю. Я. Ольсевичем, А. В. Одинцовой и Л. Г. Суперфин, показали, что пропорциональность свойственна в равной мере и рыночным, и редистрибутивным экономикам. Поэтому «институт пропорциональности» не может рассматриваться в качестве специфического института X-экономик.

В настоящее время я разрабатываю гипотезу об **институте X-эффективности (ограничения издержек)** в качестве механизма обратной связи (Кирдина, 2007). Это означает, что для редистрибутивных X-экономик основным результирующим показателем действия институциональной структуры «в нужном направлении» служит достижение X-эффективности. Данное понятие введено американским ученым украинского происхождения Харви Лейбенштайном в 1966 г. в провокативной статье «Allocative Efficiency vs. X-Efficiency» («Аллокативная эффективность против X-эффективности»). В России концепция X-эффективности нашла отражение в учебниках по экономике лишь на рубеже 2000-х гг. (Гальперин и др., 1998; 50 лекций..., 2000; Попов, Татаркин, 2003).

При знакомстве с работами Лейбенштейна я была поражена тем, что понятие Х-эффективности по сути оказалось «недостающим звеном» для целостного описания институциональной модели редистрибутивной Х-экономики. Понятием, которое не только терминологически (что само по себе кажется удивительным, поскольку Х-обозначения возникли в моих работах независимо, еще до чтения работ Лейбенштейна!), но и по смыслу отражает логику функционирования редистрибутивных хозяйственных систем (Рис. 13).

Рис. 13. Независимое происхождение понятий «Х-эффективность» и «Х-экономика»

9450 км и 38 лет разделяют независимо разрабатывавшиеся понятия Х-эффективности и Х-экономик, и впервые (если не считать статей) они встречаются в книге под одной обложкой.

Х-эффективность означает, что экономическая структура, действующая в слабоконкурентной среде (в работах Лейбенштейна речь идет о частных фирмах монопольного типа или государственных предприятиях), минимизирует свои издержки не под давлением конкуренции, а за счет использования нерыночных, как правило, внутренних ресурсов (Leibenstein, 1966; 1978; Лебенштейн¹², 1995). К ним он относит экономию от масштаба, использование внутрипроизводственных инноваций, действие внешней и внутренней мотивации и др.¹³. Основываясь на отчетах

¹² В ранних переводах на русский язык фамилия ученого переводилась как Лебенштейн.

¹³ Особое внимание Лейбенштейн обращал на систему мотивации менеджмента и работников по достижению конечных результатов работы предприятия, а также на эффективность систем внутриорганизационных коммуникаций, передачу «сверху вниз» и особенно «снизу вверх» важной ин-

Международной организации труда по деятельности предприятий в разных странах, Лейбенштайн доказывал: X-эффективность обеспечивает от 9 до 83 % экономии труда и капитала на единицу продукции за счет повышения мероприятий по производительности труда, реорганизации и перепланировки предприятия, подачи материалов, контроля за потерями, изменения системы оплаты труда и т. п.; в целом X-эффективность обеспечивает снижение затрат более чем на 25 % (Лейбенштайн, 1995, с. 482).

Лейбенштайн рассматривал явление X-эффективности на микро-уровне. Если же перейти на уровень экономики в целом, то X-эффективность предполагает, что в условиях отсутствия давления конкуренции (как это имеет место в редистрибутивных X-экономиках) эффективное функционирование хозяйственной системы достижимо при условии ограничения издержек как в ее составных элементах, так и во всей системе в целом.

Представители экономического мейнстрима полагают, что концепция Лейбенштайна не имеет самостоятельного значения. Она, по их мнению, является «сочетанием некоторых аксиом и некоторых результатов обобщенной неоклассической теории» (De Alessi, 1983, p. 80) и встраивается в мировоззрение представителей поведенческой экономической теории (Blaug, 1998). Парадоксально, что в mainstream economics более популярна категория X-неэффективности, которая используется «как обозначение реальных отклонений от идеализированных неоклассических условий равновесия» (De Alessi, 1983, p. 81). Обычно ее применяют для демонстрации внутренних потерь, которые возникают у фирмы-монополиста, не ощущающей давления сильных конкурентов.

Позволю себе не согласиться с такой оценкой теории X. Лейбенштайна. На мой взгляд, значение концепции X-эффективности выходит за рамки как неоклассической, так и неoinституциональной экономической теории. Категория X-эффективности может быть позитивно применена для анализа большого класса экономик нерыночного типа, фокусируя внимание на важнейшем критериальном условии их эффективного функционирования.

В пользу того, что институт ограничения издержек, или X-эффективности, закономерно отнести к институциональной модели X-экономик, выступают параллельные исследования зарубежных ученых. Так, Стивен Роузфилд в своем учебнике по сравнительному анализу экономических систем также относит X-эффективность к характеристике «экономик категории В», или культурно регулируемых систем, что соответствует в нашей классификации X-экономикам (Роузфилд, 2004 с. 427), в отличие от «экономик категории А», т. е. рыночных саморегулирующихся экономик.

Действительно, институт прибыли (подробнее об этом в следующем параграфе), характерный для рыночных экономик, часто рассматривается в экономической литературе как «неподходящий» для систем, где доминирует модель

формации о реальном состоянии дел, проблемах, о возможных новшествах, решениях и усовершенствованиях (Leibenstein, 1978, p. 175–178).

редистрибуции. Например, острые дискуссии по этому вопросу велись в нашей стране в 1920-х гг., когда осуществлялась «новая экономическая политика» (НЭП). Полемика активизировалась в последние годы существования СССР при проведении хозяйственных реформ в 1980-х гг. Убедительную критику прибили как неадекватного механизма обеспечения экономического народнохозяйственного интереса в условиях нашей страны представил, например, В. Н. Богачев (Богачев, 1993а; 1993б; 2006).

Одним из объяснений этого феномена является специфика коммунальной материально-технологической среды, в которой развиваются Х-экономики. В такой среде существует взаимозависимость экономических субъектов от эффективного использования общего, значимого для существования всех ресурса. Поэтому, как бы не стремились участники экономики повышать запрос на выгоды (в виде доходов) от результатов своей деятельности, в ходе редистрибуции постоянно происходит соизмерение их затрат с общими издержками ведения хозяйства на территории государства. Данная связь не проявляется сразу, процесс редистрибуции зачастую длителен. Тем не менее, историческая практика стран с доминированием институтов Х-экономики, в том числе и России, подтверждает вывод о том, что рано или поздно экономические субъекты с завышенными (угрожающими выживанию других участников хозяйственной деятельности) издержками «в свою пользу» так или иначе вытесняются из экономического пространства или их деятельность существенно ограничивается.

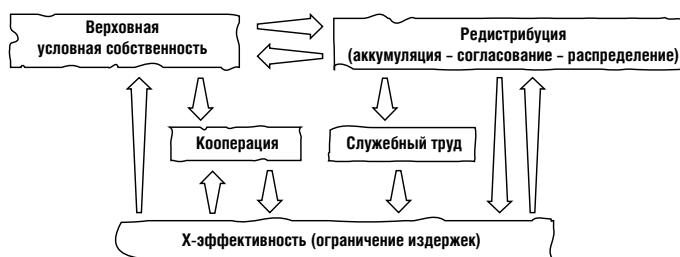
Как правило, в таких экономиках складываются различные механизмы для противодействия «удорожанию» производимого продукта: нормирование, тарификация, регулирование цен и др. К слову сказать, осознание роли института Х-эффективности, или ограничения издержек, выражалось в требованиях ряда экономистов при проведении постсоветских реформ: «необходима нацеленность на антитратную модель экономической реформы, поэтому плановые цены и другие показатели антитратного хозяйственного механизма должны выполнять функции общественных нормативов длительного действия» (Хубиев, 1990; см. также Ханин, 2008, 2009).

Можно предположить, что именно действие института Х-эффективности, или снижения издержек, обеспечивает, в конечном счете, более низкие общественные затраты на производство продукции в тех странах, где доминируют институты Х-экономики. Действительно, несмотря на наличие административных барьеров, расточительность ряда монопольных структур и другие негативные явления, характерные для России, Китая, ряда стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, затраты на производство по сопоставимым группам товаров и услуг оказываются в них, как правило, меньше, чем в странах Европы и США, где доминируют институты рыночной Y-экономики.

Описанный выше институциональный комплекс редистрибутивной Х-экономики весьма схематично представлен на рис. 14.

Рисунок отражает внутреннюю взаимосвязанность всего комплекса институтов редистрибутивной экономики — они подразумевают и опосредуют действие друг

Рис. 14.
Институциональный
комплекс
редистрибутивной
X-экономики

друга. «Потянув» за один институт, мы затрагиваем все остальные. Соответственно, экономическая политика и, прежде всего, институциональный дизайн, не могут не учитывать этой взаимосвязи. На практике это означает, что при принятии тех или иных законов в отношении какого-либо из институтов, следует иметь в виду «внесение поправок» по поводу деятельности остальных также.

5.3. Базовые институты рыночных Y-экономик

Как было показано ранее, изучение рыночных экономик имеет долгую историю. Они подробно исследуются уже более 200 лет, начиная с Адама Смита. Представление о рыночной экономике составляет теоретический фундамент *economics* (в том числе и неинституциональной теории), а большинство закономерностей функционирования хозяйственных рыночных систем, как и характерные для них институты, описаны в соответствующих учебниках. Поэтому в данном параграфе нет необходимости разбирать их подробно, достаточно лишь обозначить.

Структура институтов Y-экономик симметрична структуре институтов X-экономик, поскольку они формировались, — хотя и в различной материально-технологической среде, — для выполнения аналогичных функций. Это функции закрепления благ между участниками экономической деятельности, а также правила перемещения благ между ними. Далее, экономические институты должны обеспечить правила взаимодействия хозяйствующих субъектов и условия организации труда. Наконец, необходим институт, выполняющий роль механизма обратной связи для всего институционального комплекса рыночных Y-экономик.

Естественно-историческими предпосылками становления рыночных экономик, характерных для государств с доминированием институтов Y-матрицы, является некоммунальный характер материально-технологической среды. Объективная возможность ведения хозяйства силами обособленных хозяйствующих субъектов и наличные возможности организации на территории государства широкой сети товарных обменов формируют институциональный комплекс, называемый рынком. В данном случае «рынок» рассматривается как сущностная черта такого рода хозяйственных систем, и он равно применим как для характеристики экономических отношений древних государств, так и для современных стран. Как писал в свое время Й. Шумпетер, «для фундаментальной теории нет разницы, о какой рыночной экономике идет речь: о системе примитивных обменов между охотниками и рыбаками

или о сложном организме, который мы наблюдаем сегодня. Основные черты и контуры по сути те же самые» (Schumpeter, 1926, s.74, пер. с нем. автора)¹⁴.

Определяющим институтом, задающим специфику всего рыночного институционального комплекса, служит **институт частной собственности**. «Собственность — это не активы сами по себе, а согласие между людьми по поводу того, как следует этими активами владеть, как их использовать...» (Сото, 2004, с. 159). Принцип использования активов на основе «чистой» частной собственности был сформулирован еще в конце I — начале II вв. одним из выразителей Римского права юристом Публием Ювентием Цельзом (Celsus). Это известный принцип «*duorum quidem in solidum dominium vel possessionem esse non posse*», свидетельствующий о невозможности признания двух прав собственности, полностью (in solidum) охватывающих одну и ту же вещь¹⁵ (Венедиктов, 1948, с. 65). Институт частной собственности определяет, что лица или организации, владеющие своей собственностью, обладают всей полнотой прав и ответственности по ее использованию и распоряжению.

Институт частной собственности санкционирует полноту сосредоточения прав по владению, распоряжению и использованию экономических благ (продуктов, ресурсов и т. п.) за определенными хозяйствующими субъектами. Соответственно, все другие субъекты исключаются из несанкционированного доступа к находящимся в частной собственности материальным и нематериальным благам. Передача прав осуществляется на основе специальных соглашений (контрактов). Частная собственность главенствовала еще в Римской империи в эпоху ее расцвета, а сейчас составляет остов хозяйственной системы современных западных государств.

Поскольку в условиях частной собственности блага принадлежат обособленным владельцам, доступ к ним возможен лишь через обмен, когда владельцу блага предлагается то, что его интересует. Поэтому движение благ между собственниками становится возможным посредством **института обмена (купли-продажи)** производимых продуктов и услуг. Обмены имеют горизонтальную по преимуществу природу и предполагают две стороны хозяйственного процесса, что и выражается соответствующей парой категорий «купля-продажа». Если в широком смысле рынок понимается как регулятор воспроизводства соответствующих экономических систем, то в узком значении он трактуется, прежде всего, как институт обмена.

Соответственно, отношения между экономическими субъектами регулируются **институтом конкуренции**, предполагая соперничество между ними в получении необходимых производственных ресурсов и продаже результатов своей деятельности. Конкуренция, сначала проявляющая себя в производственных отношениях по поводу объектов естественной среды, переходит в сферу хозяйственных связей по поводу произведенных на объектах частной собственности продуктов и услуг. Именно институт совершенной конкуренции, как показали Адам Смит и другие эконо-

¹⁴ Интересен факт, что во всех английских переводах книги Шумпетера этот параграф был опущен.

¹⁵ В отличие от условной верховной собственности редистрибутивных X-экономик, которая представляет собой разделенную собственность, как отмечено ранее.

номисты (Фишер и др., 1997, с. 175), приводит в пределе к эффективному распределению и использованию дефицитных ресурсов в рыночных экономиках.

Конкуренция стимулирует действия, направленные на обладание ограниченным ресурсом в тех случаях, когда эффективна частная собственность, когда возникает выгода в закреплении за экономическими субъектами части ресурсной материально-технологической среды и других условий производства, когда ситуация в целом содействует устойчивости конкурентного способа распределения экономических благ. В модели рыночной Y-экономики сосуществуют и взаимодействуют разнообразные модели конкуренции, обеспечивающие воспроизводство экономик подобного типа: «монополистическая конкуренция» (Чемберлин, 1996), «несовершенная конкуренция» (Робинсон, 1986) и др.

Частная собственность на средства производства и на рабочую силу обуславливают **институт наемного труда**. В рыночных Y-экономиках трудовые отношения также имеют характер обмена, или купли-продажи рабочей силы (по К. Марксу). Известно, что «наемный труд, в котором уже содержался в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен; в единичной случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством» (Энгельс, 1977, с. 275). Данный тезис подчеркивает принадлежность института наемного труда западным государствам с доминированием институтов Y-матрицы. Слова Энгельса также указывают на органическую встроенность этого института в соответствующий «способ производства». В таких экономиках индивидуальное предпринимательство также означает найм, но собственной рабочей силы, когда это является более выгодным по сравнению с наймом рабочей силы со стороны.

Атрибутами наемного труда института, в отличие от института служебного труда в модели X-экономик, являются следующие черты. Во-первых, при наемном труде преобладают горизонтальные механизмы регулирования трудовых отношений между участниками трудовых сделок.

Во-вторых, органичной является неполная занятость, что обеспечивает действие института конкуренции на рынке труда. К. Маркс, а вслед за ним и Дж. М. Кейнс были наиболее известными экономистами, которые теоретически обосновали неизбежность безработицы в рыночных экономиках. Маркс писал о наличии «резервной армии труда» применительно к капиталистической фазе, а Кейнс обобщил данный тезис для всех рыночных экономик. Он отмечал, что частичная, а не полная занятость — общий случай для таких экономик, и только при вынужденной безработице может быть достигнуто рыночное равновесие (Кейнс, 1993, с. 287). В развитие этих взглядов современные экономисты ввели понятие «естественный уровень безработицы», отклонения от которого стали называть циклической безработицей. В американской экономике его «приемлемое» значение составляет примерно 6%, что приблизительно отражает уровень безработицы в 1970–1990-е годы (Мэнкью, 2002, с. 348).

В-третьих, в отличие от служебного труда с его сложной материально-денежной структурой вознаграждения, институт наемного труда предусматривает преимущественно денежные выплаты за труд. Их величина определяется уровнем расценок

за работы (ставками), которые способен выполнять работник данной квалификации. Как правило, ставки фиксированы и исчисляются в расчете на час, неделю, месяц или год для разных видов труда, или же на объем конкретной работы, который предстоит выполнить работнику. В условиях рынка работники являются собственниками своей рабочей силы, что позволяет им, как писал еще К. Маркс, осуществлять ее продажу, а частным собственникам средств производства — ее куплю. В этом процессе купли-продажи рабочей силы работник получает вознаграждение и затем выходит с ним на другие рынки для приобретения необходимых жизненных средств — на рынок жилья, медицинских услуг, товаров и т. д.

Общественно признанным критерием эффективности, регулятором, посредством которого соотносится в масштабах всего общества деятельность обособленных частных хозяйств, является прибыль. Получение прибыли является для участников производства главным мотивом действий, свидетельством того, что их деятельность признана, оценена обществом, и созданы возможности продолжения экономической деятельности. Тем самым **институт (максимизации) прибыли, или Y-эффективности** как основной механизм обратной связи обеспечивает саморегуляцию рыночных Y-экономик и позволяет судить об уровне эффективности экономической системы.

Понятие Y-эффективности в свое время было сопоставлено термину X-эффективность. Y-эффективность связана с использованием экономическими субъектами существующих возможностей максимизировать прибыль за счет своих конкурентных преимуществ в рыночной среде (Словарь современной экономической теории..., 2003).

Почему прибыль¹⁶ является необходимым элементом рыночных экономик, и почему в них действует обеспечивающий ее институт Y-эффективности, или (максимизации) прибыли? Вслед за некоторыми авторами, я соглашаюсь с тем, что суть прибыли не столько в том, чтобы обеспечивать «доход для дополнительного потребления», а в том, чтобы обеспечивать наличие и воспроизводство необходимого в условиях частной собственности постоянного «страхового запаса», в котором нуждается обособленный производитель. Действие института частной собственности, обуславливающего доступ к необходимым благам лишь через посредство обмена, а также институт конкуренции ограничивают возможности непрерывного хозяйственного цикла. Возникающий в связи с этим перерыв означает, что для выживания основных участников экономики в эти периоды необходимо иметь излишек, который позволит пережить время отсутствия выручки при переходе к следующему хозяйственному циклу.

Еще в 1921 г. при анализе предпринимательского дохода подобное понимание прибыли (погашаемой впоследствии убытками), представил в своих работах Ф. Найт (Knight, 1921; Найт, 2003). Известный советский экономист В. Н. Богачев также указывал на эту особенность. Он отмечал, что прибыль, являясь опре-

¹⁶ В некоторых учебниках используется более точное, на наш взгляд, обозначение - "излишек потребителя" и "излишек производителя" (Мэнкью, 2002, с. 95–96).

деленным специфическим отношением, а во внешнем проявлении — разностью между выручкой и издержками, представляет собой «плату за риск». Она (прибыль) «в периоды упадка коммерческой инициативы компенсируется убытками периодов массового ажиотажа, когда сонмы предпринимателей, работающих «от себя», не зарабатывают даже оклада равноценного наемного служащего» (Богачев, 1993а, с. 11).

Институт Y-эффективности, или прибыли обеспечивает выживание и расширенное воспроизводство основных участников хозяйственной жизни — производителей и потребителей. Как и все экономические институты, он может служить одновременно самым разнообразным целям, достижение которых необходимо в экономической системе — стимулировать хозяйственную мотивацию, создавать условия для расширенного воспроизводства и «возможности новых комбинаций» (по Й. Шумпетеру), а также многое другое. Но его основная функция в институциональной структуре рыночных Y-экономик состоит, на мой взгляд, в том, что он обеспечивает воспроизводство частных собственников, не имеющих иных способов поддержания своей функциональности в рыночной среде. Поэтому получение необходимой прибыли основной массой участников экономической деятельности сигнализирует о нормальном ходе¹⁷ хозяйственного развития в Y-экономике. Наличие прибыли означает, что все благополучно, хозяйственный процесс не прекращается. Падение же прибыли, как и несовершенный порядок ее получения и присвоения, выступают угрожающими сигналами того, что подрываются важнейшие, в том числе и материальные основы воспроизводства рыночной Y-экономики.

На рис. 15 представлены все описанные выше институты рыночной Y-экономики.

Рис. 15.
Институциональный
комплекс рыночной
Y-экономики

Базовые институты рыночной экономики, действующие в странах с Y-матрицей, определяют сущность хозяйственных отношений. Она выражается в формирующейся и постоянно совершенствующейся системе санкций, побудительных мотивов, стремлений и ожиданий, а также в разнообразных действиях по мобилизации и использованию имеющихся ресурсов.

¹⁷ Поскольку характер этой обратной связи положителен, то возможны (и периодически возникают) ситуации, когда экономическая система может «пойти вразнос». Тогда возникает угроза кризисов перепроизводства. Подробнее о роли института получения прибыли в возникновении (и преодолении) кризисов перепроизводства в рыночных экономиках см. Кирдина, 2004в, с. 153–154.

Институты частной собственности и обмена регулируют формальные и неформальные правила закрепления и движения благ. Взаимодействия экономических субъектов в сфере производственной и трудовой деятельности направляются институтами конкуренции и наемного труда. Наконец, институт Y-эффективности, или максимизации прибыли выступает в роли главного механизма обратной связи в рыночном институциональном комплексе. Они также взаимосвязаны друг с другом и сообща отражают специфику рыночной- Y-экономики.

5.4. Взаимодействие доминантных и комплементарных экономических институтов

В главе 2 говорилось о принципе доминантности-комплементарности институциональных матриц. Он отражает исторически наблюдаемый факт устойчивого доминирования одной из матриц в институциональной структуре любого общества (если отвлечься от временных «исторических зигзагов», которые будут рассмотрены в главе 8). Этот же принцип справедлив и в отношении институтов, регулирующих воспроизводство экономической подсистемы общества. Как правило, на протяжении веков в них главенствуют институты одного типа экономики, выступая в роли хозяйственной доминанты. Институты другого типа экономики — комплементарны, они играют необходимую, но вспомогательную роль, обеспечивая устойчивость институциональной экономической среды. Характер их взаимодействия таков, что доминантные институты задают рамки и ограничения для действия комплементарных институтов. При этом последние формируют необходимый потенциал альтернативных процедур, содействуя движущим силам развития.

В идеале доминантные и комплементарные институты взаимно поддерживают, но не уничтожают друг друга, сочетаясь в нужной пропорции. Вот как в отношении института частной собственности писал в связи с этим В. Парето: «обе крайности неосуществимы, поскольку устранить полностью частную собственность нельзя, так же как невозможно обеспечить ее существование без ограничений» (Цит. по: Зотов, 2001, с. 112). Точно также рыночному обмену в реальных экономиках присущи не только чисто конкурентные отношения, но и элементы кооперации, когда участники выигрывают и проигрывают одновременно и имеют идентичные предпочтения в отношении результатов. Такие ситуации находят отражение в соответствующей терминологии теории игр, выделяющей специфические черты «*игр чистого сотрудничества*» (Schelling, 1960, p. 84; Samuelson, Scott, 1966, p. 472).

В таблице 2 институты редистрибутивных X-экономик и рыночных Y-экономик сведены вместе. Видно, что, формируясь исторически для выполнения одних и тех же необходимых функций, в разных типах экономических систем они отличаются своим содержанием. Общность выполняемой функции определяет основное поле для взаимодействия доминантных и комплементарных институтов.

Выделенные базовые институты отражают авторский взгляд на институциональную структуру экономики. У других исследователей может быть иной фокус анализа. Тем не менее, можно видеть, что в общих чертах структура представленных институ-

Таблица 2

Функции и содержание институтов X- и Y-экономик

Функции экономических институтов	Базовые институты X-экономики	Базовые институты Y-экономики
Движение благ	Редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение)	Обмен (купля-продажа)
Закрепление благ	Верховная условная собственность	Частная собственность
Взаимодействие экономических агентов	Кооперация	Конкуренция
Организация труда	Служебный труд	Наемный труд
Сигналы обратной связи (эффективности)	Ограничение издержек (X-эффективность)	Максимизация прибыли (Y-эффективность)

тов не сильно расходится с взглядами наших коллег по сравнительному институциональному анализу. Это связано с тем, что изучение X- и Y-экономик, — независимо от используемой в других исследованиях терминологии, — имеет определенную традицию. Она еще не изложена в учебниках и нет пока обширных монографических исследований, посвященных специально этой теме. Но можно надеяться, что будущие теоретики и историки экономической мысли восстановят «связь времен», собрав воедино все попытки изучения двух существующих в мире типов экономических систем.

Выделение структур экономических институтов не означает, что рассматривается только статика хозяйственной жизни. Данные структуры не отменяют, но задают направления институциональной динамики. Ее суть состоит в модернизации свойственных базовым институтам институциональных форм. Например, в нашей стране институт редистрибуции в XVII в. проявлял себя в деятельности Счетного приказа, во времена Петра I для свода доходов и расходов были созданы окладные росписи, которые в XIX в. были заменены более развитой формой — Планами финансов. Во времена СССР действовала уже иерархическая разветвленная система государственного планирования, включающая специализированные организации и процедуры. В современной России формируется новая система взаимосвязанных планов и программ экономического развития, как и организационная структура для обеспечения его условий и контроля.

Основной вектор институционального развития состоит во все большей цивилизованности норм и правил хозяйственной деятельности, их последовательной легитимации и усложнения (подробнее в главах III части книги). «Институциональный ландшафт» (выражение Г. Б. Клейнера) становится все более объемным и сложным, отражая результаты созидательной деятельности социальных субъектов в сфере институционального дизайна.

Мы видим, что в окружающем мире сосуществуют самые разные формы экономической интеграции и одновременно действуют альтернативные экономические институты и системы организаций. Они включают в себя государственное регулирование и биржи, бизнес-корпорации и казенные предприятия, семейные фирмы и личные подсобные хозяйства, кооперативы и т. д. То есть в любой «живой», а не «бумажной» экономике взаимодействуют институты редистрибутивной X-экономики и рыночной Y-экономики, обеспечивая качественно различные социальные механизмы размещения и использования хозяйственных ресурсов. «Экономическая практика обнаруживает, что устойчивость любой системы достигается путем дополнения разных типов отношений в определенной логике. Опыт показывает, что в мире не существует двух одинаковых экономических систем, поскольку их многообразие зависит от доминирования одного из двух типов отношений и способов сочетания ... элементов» (Бессонова, 1994, с. 47). На многообразие хозяйственных порядков в конкретных странах, связанное с тем, что в них определенным образом взаимодействуют чистые формы центрально-управляемой и меновой экономики, которые в другое время и в другом месте осуществляются в иных сочетаниях, ранее указывал В. Ойкен (Ойкен, 1996 (1939), с. 213). При этом общество осуществляет между ними не бинарный выбор по принципу «либо-либо», но выбор между разными комбинациями обоих и разными сочетаниями того или иного способа размещения ресурсов (Вебер, 1997). В этом смысле все существующие экономические системы представляют собой, по сути, смешанные экономики, в которых функционируют и рыночные, и редистрибутивные экономические институты и институциональные формы.

Развиваемая в рамках теории институциональных матриц модель экономики представляет ее как развивающуюся самоорганизующуюся структуру взаимодействующих комплексов редистрибутивных и рыночных институтов. Самоорганизация экономики означает не столько стремление к равновесию под воздействием механизма обратной связи, сколько процессы постоянного воспроизводства адекватных структур в условиях перманентных самопроизвольных нарушений в регуляции и равновесии. Самоорганизация предполагает, что элементы структуры имеют способность вступать как минимум в два качественно различных типа взаимодействия (Егоров, Егорова, 2003), что означает процесс стихийного выбора системой одного из возможных способов. Модели X- и Y-экономик представляют собой два альтернативных способа организации хозяйственных связей, между которыми постоянно происходит этот выбор, определяя складывающуюся динамику соотношения и характер взаимодействия.

Комбинация и поиск оптимального соотношения X- и Y-институциональных форм осуществляются в каждом обществе на протяжении всей истории, поскольку каждая из моделей экономики имеет как свои «плюсы», так и «минусы». Только время, а не политическая риторика каждый раз доказывает целесообразность и экономическую эффективность приватизации или национализации той или иной отрасли хозяйства, создания бирж или введения государственного регулирования финансовых и материальных потоков и т. п. Рыночные и редистрибутивные институты

находятся в противоречивом единстве, цель которого состоит в обеспечении устойчивости экономической системы, погашении издержек функционирования одного типа институтов при помощи других, из альтернативной модели.

В то же время, несмотря на комбинацию в экономике институтов и институциональных форм и того, и другого рода, сущность и основное содержание институциональной структуры хозяйства определяются теми экономическими отношениями, которые носят господствующий, доминирующий характер. Именно доминантные экономические институты, определяющие принадлежность общества к той или иной институциональной матрице, задают, в конечном счете, общие рамки и ограничения для действия институтов комплементарных, организуют тип своеобразного «институционального формата» общества.

В редистрибутивной X-экономике в этот доминирующий формат встраиваются институты «обменной экономики» — если даже не проводится соответствующая политика, эти институты пробивают себе дорогу в теневых формах. И, наоборот, при доминанте рыночных Y-институтов государственная собственность и государственное регулирование дополняют их в тех случаях, когда рынок оказывается не в состоянии обеспечить эффективное использование ресурсов. Как правило, такие «провалы» рынка (market failures) возникают в ситуации либо монополии, либо несовершенной (асимметричной) информации, либо общественных благ или при наличии эффектов, внешних для участников сделок (Основы экономической теории, 1996, с. 128). Теоретическая необходимость вмешательства государства в рыночную экономику была обоснована в трудах Кейнса уже в 1930-е годы (Keynes, 1936, 1972). Целесообразность дополнения институтов рынка альтернативными институтами (в виде создания механизмов поддержки частного предпринимательства, государственного регулирования экономической деятельности и т. п.) далее доказывалась в трудах других известных ученых Дж. Гэлбрейта и Л. Эрхарда (Гэлбрейт, 1969; Эрхард, 1991). После финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. (возможно, продолжающегося и сейчас, в 2013 г.) теория и практика государственного регулирования становятся еще более распространенными.

Формы такого взаимодействия могут быть чрезвычайно разнообразными. Вот как, например, характеризует структуру собственности в японском бизнесе Акито Морита, президент фирмы Sony: «Если говорить откровенно, то, нравится нам это или нет, правительство фактически является совладельцем нашей фирмы, хотя ему не принадлежит ни одна акция «Сони», и оно никогда не идет на риск... Японское правительство забирает более 50% наших прибылей, и это в определенном смысле приравнивает его к партнеру, владеющему контрольным пакетом акций» (Морита, 1990, с. 250).

Эффективное взаимодействие доминантных и комплементарных институтов достигается, на мой взгляд, при соблюдении следующих основных правил.

Первое правило предполагает обязательное наличие тех и других в институциональной структуре, поскольку комплементарные институты должны поддерживать действие доминантных, составляющих ядро экономической системы. Так, известно, что стихийный характер институтов конкуренции и прибыли ведет к перепроизвод-

ству и кризису в странах с доминированием Y-экономики. Поэтому целесообразны корректирующие институты кооперации, редистрибутивные механизмы и т. п. Аналогичным образом обстоит дело с действием рыночных институтов в редистрибутивных X-экономиках, без которых действие перераспределительных механизмов может оказаться губительным для национального хозяйства. Нам хорошо известен пример советской экономики, коллапс которой подтвердил этот вывод.

Особенно ярко дополняющая функция комплементарных институтов проявляется в периоды кризисов или стагнации экономических систем. Так, во времена кризисов в странах с рыночной экономикой (США или Западной Европе) большое распространение получают общественные работы, государственная поддержка ряда отраслей и предприятий. В масштабах всего общества осуществляется регулирование политики занятости и заработной платы.

Соответственно, в условиях экономического спада в странах с редистрибутивной экономикой увеличиваются сферы действия частного предпринимательства, происходит изменение пропорций частной и государственных форм собственности и т. д. В ряде отраслей перестает действовать институт служебного труда, означающий обязательность и общественные гарантии занятости. Вместо него в большей мере включается институт найма рабочей силы с его характерными атрибутами. Иллюстрацией этого положения служат современные экономические реформы в России, Китае, Латинской Америке. В этот период для всех них характерен рост негосударственного сектора экономики, связан ли он в основном с приватизацией государственных предприятий, как в России и Латинской Америке, или происходит преимущественно за счет более быстрого развития индивидуального и частного укладов, как в Китае (Портяков, 1998а, с. 4).

Второе правило связано с сохранением за каждой группой институтов своей роли — доминантные должны оставаться доминантными, а комплементарные — комплементарными (следствия нарушения этого правила будут рассмотрены в главе 8). Это означает, что действие комплементарных экономических институтов, обеспечивающих устойчивость системы в целом и поддерживающих необходимую для успешного развития «институциональную конкуренцию», имеет, тем не менее, ограниченный характер. Более того, даже в кризисные периоды их действие опосредуется доминантными экономическими институтами. Как бы глубоко ни проникало государственное вмешательство в рыночную экономику, оно не изменяет ее природы. В конечном счете, государство действует как субъект рынка и гарант частной собственности. В редистрибутивных экономиках, наоборот, даже при уменьшении объемов государственной собственности централизованные структуры оказывают определяющее воздействие на ход экономического развития и продолжают оставаться основным участником экономического процесса.

Подчинительный характер комплементарных институтов и соответствующих им институциональных форм выражается в том, что они не проявляют своей природы в полной мере, той природы, которая свойственна им в альтернативной институциональной среде (подробнее об этом написано в главе 9). Поэтому точнее было бы говорить о квази-редистрибутивных отношениях в рыночных Y-экономиках

и квази-рыночных отношениях в редистрибутивных X-экономиках. Так, анализируя особенности централизованных экономик (или X-экономик в нашей терминологии), В. Ойкен отмечал в свое время: «едва только в экономическом порядке начинают доминировать элементы и формы централизованно планируемой экономики, *все* (курсив мой С.К.) хозяйственные институты также изменяют свой характер» (Ойкен, 1995, с. 165).

Какова, например, природа государственной собственности в разных типах обществ? При редистрибутивной экономике она является ведущей, формируется за счет коллективных, зачастую неразложимых на отдельные составляющие источников, а поэтому естественно подлежит централизованному управлению и согласованному использованию. В условиях рынка государственная собственность имеет иное содержание. Она образуется, как правило, за счет средств бюджета, формируемого, в свою очередь, налогами на частные виды доходов. В таких экономических системах государственная собственность заполняет «рыночные ниши», где частный сектор не может обеспечить себе необходимой прибыли. Тем самым государство действует в интересах преобладающих частных хозяйствующих субъектов. Удельный вес государственной собственности в странах с доминированием рыночной экономики составляет в стабильные периоды не более одной трети: примерно 25 % в Англии, до трети акционерного капитала промышленности и транспортных компаний во Франции (Политическая экономия, 1979, с. 59), менее 23 % в структуре основного капитала США последних десятилетий (Кирдина, 2013а, с. 137). Институциональное содержание государственной собственности в Y-экономике существенно опосредовано доминирующими институтами обмена, конкуренции, прибыли и др., поэтому она имеет не редистрибутивный, но квази-редистрибутивный характер.

Аналогично по сути обстоит дело с частными формами в редистрибутивных X-экономиках. Показательно прозвучало в свое время заявление А. Чубайса, «главного приватизатора России», а на момент цитируемых слов — руководителя РАО ЕЭС (Российского акционерного общества «Единые энергетические системы»). Он так говорил о роли государства для возглавляемой им компании: «так или иначе, но именно государство определяет правила деятельности и реструктуризации РАО ЕЭС. Как будет решено на федеральном уровне, такие планы и будут реализованы. Конечно, все будет сделано в соответствии с правилами и соответствующим регламентом, но, по сути, позиция государственных органов является здесь определяющей» (Чубайс, 2001). Таким образом, акционерные компании в данном случае следует признать квази-рыночными формами, поскольку их институциональное содержание опосредовано институтами редистрибуции, имеющими определяющий характер.

Третье правило связано с поддержанием, обеспечением необходимого количественного соотношения между доминантными и комплементарными институтами. Выше было отмечено, что институты имеют двойственную природу. Они формируются людьми, которые в определенных границах могут воздействовать на институциональный баланс и изменять соотношения институтов (и соответствующих им ин-

ституциональных форм) X- и Y-экономик. Но измерение этого соотношения — пока еще не решенная наукой, на мой взгляд, задача. Как известно, применение количественных методов долгие годы остается «ахиллесовой пятой» институционального подхода не только для российских, но и зарубежных исследователей (Alston, 1996). Мне известны лишь единичные примеры количественных исследований, в которых бы сопоставлялись такого рода соотношения.

Приведу одно из таких исследований¹⁸, в котором проанализированы критерии оптимальной пропорции атрибутов служебного и наемного труда. Речь идет о диссертационном исследовании Е. В. Дорошенко, посвященном анализу трудовых отношений. На примере Японии и ряда других стран она доказывает, что институт долговременных трудовых отношений (пожизненного найма), что в терминологии X-экономик соответствует институту служебного труда, не только сохраняется, но дополняется целым спектром социально-бытовых отношений между работником и компаний (Дорошенко, 2012, с. 5). На основе специально разработанных процедур она выявила распространение пожизненного найма не только в Японии, что и ранее отмечалось многими исследователями, но в ряде стран Евросоюза: «даже в странах, начавших переход к постиндустриальной экономике, такой найм не является достоянием прошлого» (там же, с. 8). По мнению Дорошенко, уровень специфичности человеческого капитала в ряде случаев повышает необходимость сохранения долгосрочных трудовых отношений (там же, с. 18). В своей работе Дорошенко также предложила и апробировала методику количественного анализа связей между разнообразием мер трудовых отношений. Методика позволяет определять «точку насыщения», после которой дальнейшее расширение мер социально-бытовых связей с компанией и вложений в человеческий капитал, непосредственно не связанных с работой (отражающих специфику X-института служебного труда), перестает давать положительный эффект (там же, с. 15). Несмотря на то, что данное исследование проводилось в отношении ряда японских компаний на микро-уровне, использованный подход, на мой взгляд, можно в дальнейшем использовать и на макро-уровне экономики в целом.

Закljučая данный параграф и главу в целом, хочу привести фрагмент одной давней дискуссии на тему взаимодействия институтов из альтернативных экономических систем. В конце XIX века в России в период распространения марксистских идей шли активные споры о перспективах развития капиталистических институтов рыночной экономики в российском хозяйстве. Наряду с многочисленными сторонниками имелись и противники, одним из наиболее авторитетных был народник В. П. Воронцов. Широкую известность получил сборник его статей «Судьбы капитализма в России» (1882). М. И. Туган-Барановский считал эту книгу ««бесспорно выдающимся произведением, а самого автора называл «главой школы, отстаивавшей мысль о самобытности России и невозможности для капитализма получить у нас такое же развитие, как на Западе»» (цит. по: Русские экономисты..., 1997, с. 55).

¹⁸ Я благодарна Виктору Евгеньевичу Дементьеву, научному руководителю Е. В. Дорошенко, который обратил мое внимание на это исследование и ознакомил с ним.

В отличие от марксистов, Воронцов полагал, что заменить действующие экономические институты альтернативными, характерными для европейских стран, вряд ли возможно, учитывая особенности национальной экономики. Более того, он указывал на то, что капиталистические элементы не дадут у нас ожидаемого эффекта, их разрушительные тенденции проявятся в нашей действительности в полной мере, в то время как «творческие начала» капитализма гораздо менее обнаружат себя в народной российской среде (там же, с. 56). Поэтому Воронцов продолжал критиковать российских последователей марксизма, которые слепо и механически прилагали идеи К. Маркса к принципиально иным условиям России. В 1893 г. Воронцов писал, что они «заимствовали у своего учителя конкретную форму эволюции на Западе для приложения ее к русской мысли в качестве шаблона...» (цит. по: Русские экономисты..., 1997, с. 59). Через 25 лет после выхода своих первых статей с неутешительными прогнозами внедрения капиталистических институтов, уже в 1907 г. в работе «Судьба капиталистической России: Экономические очерки России», Воронцов отмечал, что капитализм «как появился, так и останется в России гостем, привлеченным почти насильно, чувствующим себя не дома и потому не могущим оказывать здесь того громадного влияния на все сферы жизни, какое он имел в странах своего естественного зарождения и процветания» (Воронцов, 1907, с. 73). Тогда же он выражал надежду на то, что произойдет «процесс развития общественной формы труда на народный путь, на путь артелей» (там же). Предвидение Воронцова во многом подтвердилось.

Действительно, Россия, которая в конце XIX в. пыталась заместить свойственные ей доминантные институты комплементарными, в начале XX века прошла через отвергнувшую этот путь революцию. После этого наступила другая крайность — во времена СССР доминантные институты X-экономики господствовали тотально, не оставляя пространства для необходимых комплементарных институтов. Как и столетие назад, это привело к «экономической революции» конца 1990-х гг., в ходе которой снова была предпринята попытка заместить доминантную институциональную матрицу.

Можно видеть, что все три правила взаимодействия доминантных и комплементарных институтов постоянно нарушались в истории нашей страны. Хочется надеяться, что в современной России экономическая теория и общественная мысль смогут, наконец, представить убедительные аргументы для политиков против такой волюнтаристской экономической деятельности. Как писал Д. Норт, институциональная матрица определяет потенциал выгоды для тех, кто назначает или меняет правила (North, 1993), и знание ее структуры может оказаться полезным.

Лучшее государственное устройство для любого народа — это то, которое сохранило его как целое.

М. Монтень

Унитарные и федеративные политические системы

Политическая система в нашем исследовании понимается как общественная сфера, которая включает в себя государственное устройство, формы правления и общие механизмы принятия и исполнения решений в обществе. Функция политической системы, как следует из определения Т. Парсонса, принятого большинством исследователей, заключается в мобилизации социальных сил и ресурсов для достижения главных целей, стоящих перед обществом (Collins, 1999б, с. 42). В соответствии с этим институты политической системы, определяемой как «сфера коллективного целедостижения» (Парсонс, 1998, с. 233), организуют правила и определяют формы взаимодействия индивидов, групп, территориальных общностей и государства как устойчивого целого для решения общих задач.

В рамках субъективистского подхода основным объектом институциональных исследований в сфере политики является деятельность акторов, т. е. партий, элит, профсоюзов, групп давления, средств массовой информации и других структур гражданского общества, а также государственных организаций (см., например, Гаман-Голутвина, 1998; Назарбаева, 1998 и др.). С точки зрения используемого в работе объективистского подхода в центре исследовательского интереса находятся институты как глубинные социальные отношения, определяющие разнообразие проявляющихся на поверхности политических явлений, форм и организаций. В соответствии с этим в теории институциональных матриц, или X-Y-теории разрабатывается представление о политической системе как комплексе регулирующих ее базовых институтов.

6.1. О политических институтах

При анализе базовых институтов политической сферы главную опору составили труды ученых государственной школы российской историографии рубежа XIX–XX веков. Ее представители, сравнивая Россию с Западной Европой, отмечали различное действие в этих странах систем государственного и местного управления, неодинаковость форм политического устройства, разные способы обеспечения прав населения и др. (Безобразов, 1874; Васильчиков, 1869; Градовский, 1878, 1883, 1892; Мрочек-Дроздовский, 1876). Накопленный этими и другими учеными богатый материал из истории российской и европейской государственности явился главным источником, на основе которого было сформировано представление о структуре базовых политических институтов, характерных для унитарных и федеративных государств.

Другой опорой послужили достижения упомянутой выше Новосибирской экономико-социологической школы в области исследований социально-территориальной структуры советского (российского) общества. Эти исследования проводились в 1970–90 гг. под руководством академика Т. И. Заславской большим коллективом ученых, представлявших научные учреждения Новосибирска, Москвы и других городов. Тогда были систематизированы знания о реальном строении и функционировании этой структуры¹, а также высказаны первые предположения о характере регулирующих ее институтов (подробнее см. Кирдина, 1999б).

Наконец, представление о системе основополагающих политических институтов разных типов обществ базируется на материалах исследований государственной истории России с X века и до наших дней, а также на сравнительном анализе истории западноевропейских государств и США (Кирдина, 1998, 1999а, 1999б, 1999в; Kirdina, 1998).

В любой стране политические институты и «формы управления тесно связаны с началом общего государственного устройства и являются логическим его последствием» (Градовский, 1883, с. 20–21). Основными социальными функциями политических институтов являются обеспечение общественных потребностей в организации деятельности различных социальных и территориальных групп как единого целого, обеспечение рационального согласования их социальных интересов. Поэтому политические институты определяют:

- ☉ территориальную организацию государства;
- ☉ устройство системы органов государственного управления;
- ☉ обеспечение определенного порядка занятия основных управленческих позиций;
- ☉ принципы формирования и реализации общегосударственных решений;
- ☉ организацию обратных связей в политической системе.

¹ См., например, работы: Заславская Т. И., Горяченко Е. Е., Мучник И. Б. и др., 1977; Заславская, 1982; Заславская, Беленькая, Бородин, Мучник, 1980; Социально-территориальная структура города и села, 1982; Троцкий, 1985; Заславская, Федосеев, Троцкий, 1985; Федосеев, 1986; Крапчан (Кирдина), 1989; Заславская, Рывкина, 1991а, 1991б.

Территориальная организация определяет права и степень самостоятельности составных государственных территориальных образований. Характер территориальной организации, в свою очередь, задает особенности устройства системы управления в государстве в целом и в его частях, определяя правила взаимодействия центральных и местных органов власти. Политические институты регулируют также порядок занятия главных управленческих позиций во всех властных структурах государства. Деятельность этих структур обеспечивает формирование и реализацию важнейших государственных решений. Наконец, замыкающим элементом в институциональном комплексе политической системы являются институты, которые обеспечивают обратную связь и регулируют порядок разрешения возникающих проблем. Тем самым они содействуют постоянной коррекции и росту результативности политического устройства в целом.

Я не настаиваю, что данное представление об основных функциях политической системы является «истиной в последней инстанции». В исследованиях юристов, социологов, политологов, антропологов и др. специалистов по вопросам государственного строительства, властных отношений и политики выделяются разнообразные функции институционального политического комплекса. Тем не менее, могу предположить, что основной набор этих функций здесь «схвачен».

В разных типах обществ складываются соответствующие им системы политических институтов. Они взаимосвязаны и дополняют друг друга, служат общей цели и содержат механизм обратной связи, помогающий эффективному функционированию политической сферы. Содержание базовых политических институтов в государствах с доминантой X и Y-матриц различается, что и определяет, в конечном счете, качественное различие действующих в таких обществах политических систем.

Как было обозначено во второй главе, политическое устройство стран с доминантой X-матрицы — унитарное², или унитарно-централизованное. В свою очередь, Y-матрица опирается на федеративное, или федеративно-субсидиарное³ политическое устройство. Федерация (от лат. *faederatio* — союз, объединение) означает соединение независимых территориальных субъектов. Эти различия иллюстрирует рис. 16.

Унитарное политическое устройство X-матрицы, как можно видеть, характеризуется моноцентричностью управления и включенностью его территориальных образований как «подведомственных» в общую государственно-территориальную структуру. В свою очередь, федеративное устройство Y-матрицы поддерживает «составной» характер государства и функционирование независимых (относительно независимых) центров управления в его составных территориальных частях.

² Унитарный — единый, составляющий одно целое (Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 1389).

³ Принцип субсидиарности в федеративных отношениях означает приоритет (при прочих равных условиях) прав более мелкой, или низкой самоуправляемой общности по отношению к общности более крупной, более высокого уровня (Федерализм, 1997, с. 233).

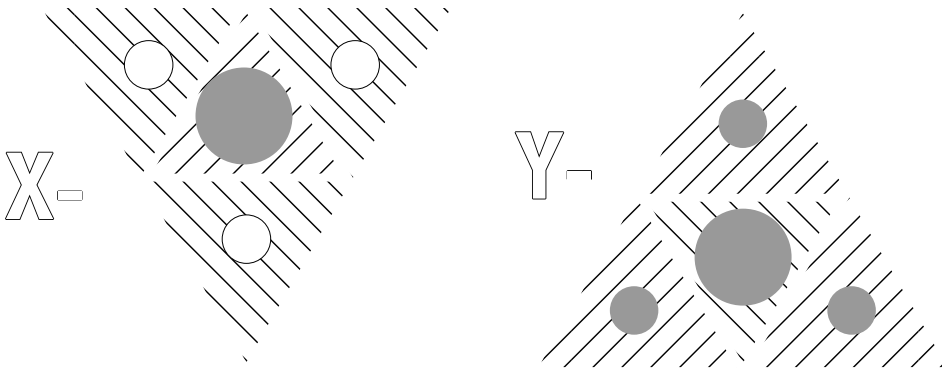

Рис. 16. Схематическое представление унитарных (X-) и федеративных (Y-) политических систем

В научной, прежде всего юридической, литературе понятия федеративности и унитарности зачастую используются лишь в отношении форм государственного устройства. Подробный обзор такого рода представлений дан в обобщающей работе юриста из Екатеринбурга М. С. Саликова «Сравнительный федерализм США и России» (Саликов, 1998). В то же время все более распространяется точка зрения о том, что эти термины несут в себе более глубокое содержание и отражают внутреннюю сущность политических систем и обществ в целом, построенных по унитарным или федеративным принципам.

Так, размышляя о природе федерализма, американский политолог Уильям Ливингстон еще в 1956 г. пытался предложить концепцию «федеративного общества». Он указывал, что федеративная система — это не столько форма государственного устройства, сколько средство, позволяющее выявить и сохранить федеративную природу общества, задаваемую его экономическими, социальными, культурными и политическими силами как единого социального организма (Livingston, 1956, p. 1–2). При определении федеративного общества Ливингстон использовал описательный подход, опираясь на наблюдаемые факты социальной жизни тех или иных стран. Основанием отнесения общества к федеративному типу Ливингстон считал значимые различия бытовых укладов, хозяйственных традиций, культурно-религиозных характеристик и исторической памяти, присущих территориально обособленным группам населения, проживающим на территории государства.

Концепция Ливингстона была воспринята его современниками как «глоток свежего воздуха» (Davis, 1978, p. 171), как желанная попытка прорваться от бесконечных схоластических классификаций федеративных государств к свободному, не нормативно-догматическому изучению практики федерализма как таковой (Каменская, 1998, с. 71). Однако чрезмерная аморфность понятия «федеративного общества» не позволила автору и его последователям развить данную концепцию. Более того, спустя десять лет Ливингстон сам был вынужден четко сформулировать вывод о невозможности, в рамках развиваемых им представлений, сколько-нибудь

жесткого разделения территориально-политических систем и действующих конституций на федеративные и унитарные (Livingston, 1967, p. 40).

Хотя с 1960-х годов Ливингстон уже не обращался в своих работах к категории федеративного общества, другие исследователи продолжали научные поиски в этом направлении. Наиболее успешно они были реализованы в публикации известнейшего исследования Аренда Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах» (Lijphart, 1984). В качестве количественно верифицируемых показателей, характеризующих общество как федеративное, он использовал индекс фрагментации по этническому и религиозному признакам (там же, p. 181). В то же время ему не удалось на теоретическом уровне сформулировать суть федеративного общества. Г.В. Каменская, проанализировавшая многие работы американских и канадских политологов в этом направлении, справедливо замечает, что «уязвимость теории федеративного общества лишь в малой степени связана с неопределенностью содержания основного понятия. Основа же ее эвристической слабости имеет иную природу — она коренится в отсутствии у политологов сколько-нибудь целостного понимания закономерностей, которым подчинен процесс актуализации потенциала федерирования, присущий изучаемому социальному образованию» (Каменская, 1998, с. 132).

Попробуем определить этот «целостный комплекс закономерностей», присущих федеративным и унитарным обществам, и, соответственно, политическим устройствам, используя не описательный, а институциональный подход.

Разделение всех систем политического государственного устройства на два типа не является новым. Различие между унитарными и федеративными государствами было осознано задолго до того, как оба эти термина сложились в мировой науке. Еще в позапрошлом веке, ссылаясь на классика в этой области Роберта фон Молля, российский историк-правовед П. Н. Мрочек-Дроздовский, например, так характеризовал особенности этих систем. При первой — унитарной — системе «вся государственная территория является как взаимно-тяготеющее целое, которое однообразно снабжено во всех своих частях одинаковыми властями и учреждениями с материальной и финансовой стороны». При другой, федеративной «не обращается внимания ... на единообразие характера и устройства учреждений, но как исторически сложилось административное управление в какой-либо провинции, так оно в ней и оставляется. Все законодательство отдельных провинций может быть различно» (Мрочек-Дроздовский, 1876, с. 515–517).

Применение институционального подхода позволяет конкретизировать различия между этими системами и выделить два типа институтов, которые доминируют при разных типах политического устройства (Табл. 3). Выполняя одни и те же общественные функции (обозначены в левом столбце таблицы), базовые институты федеративных и унитарных политических систем имеют различное содержание и образуют качественно различные комплексы. В каждой из политических систем институты взаимосвязаны и обуславливают действие друг друга.

Свойственные X и Y-матрицам комплексы базовых политических институтов в концентрированной форме выражают различия между двумя альтернативными типами политического устройства. При всем многообразии политических систем

Таблица 3

Функции и содержание политических институтов X- и Y-матрицы

Функции политических институтов	Базовые институты X-матрицы	Базовые институты Y-матрицы
Территориальная организация государства	Административно-территориальное деление (унитарность)	Федеративно-территориальное устройство (федерация)
Устройство системы управления	Иерархическая вертикаль власти во главе с центром	Самоуправление и субсидиарность
Замещение управленческих позиций	Назначения	Выборы
Порядок формирования решений	Общее собрание и единогласие	Многопартийность и демократическое большинство
Механизмы обратной связи	Обращения по инстанциям	Судебные иски

они, в конечном счете, характеризуются доминированием либо X-, либо Y-матрицы политических институтов, хотя и реализованных в разнообразных институциональных формах.

И та, и другая политическая система может быть воспринята населением государства и как принудительная, действующая на основе насильственно внедряемых изнутри или снаружи мер, и как справедливая, разделяемая жителями, действующая на основе «общественного договора». Условием, предпосылками такого договора является научное и практическое осмысление складывающихся в обществе политических моделей, их развитая социальная артикуляция (в виде адекватных правовых норм) и признание их гражданами и всеми социальными группами как естественной, эффективной и отвечающей их общим интересам.

Политическую систему часто сравнивают с «разумом общества». Не случайно источником государства и права, под которыми многие понимают собственно политическое устройство, ряд ученых полагают именно разум (Гроций, 1956; Мордухович, 1962, с. 112; Деборин, 1958, с. 381). Как со временем развиваются способности разума выражать закономерности человеческого существования и следовать им, так в обществе все более распространяются, расширяют свое действие правовые нормы. По своей сути право есть рефлексия общественного сознания по поводу основополагающих, необходимых для успешного развития социума закономерностей и связей. Осознание роли таких связей выражается в необходимых юридических

установлениях, задает направления институционального дизайна. Чем более развита эта рефлексия, чем яснее отражаются в общественном сознании институциональные основы государственного устройства, тем шире «правовое пространство» и в экономической, и в политической, и в идеологической сферах. В наибольшей мере правовое регулирование связывается в сознании людей с политической системой общества, что обусловлено ее местом и функциями в структуре общественных отношений.

При анализе политических институтов полезно отрешиться от персональных и социологических характеристик партийных лидеров, управленцев и т. д. В этой связи можно процитировать известного прусского юриста XIX в. Генриха Рудольфа фон Гнейста (Gneist), который полагал необходимым для понимания любого института государственного устройства не думать о недостатках действующих согласно этому институту людей. Так, в отношении английского парламента фон Гнейст писал: «Действительный парламент никогда не был образцом добродетели, и простая история отношений партий, людей партии с обширными фамильными связями, со всеми их человеческими слабостями и распрями, не позволяет не только понять, но и предчувствовать величие этого государственного устройства в общем его развитии» (Gneist, 1871. Цит. по: Градовский, 1883, п. 8). Другими словами, чтобы почувствовать и понять «величие» институтов политического устройства, следует сконцентрироваться на их созидательной роли в истории любой страны. Начну свой анализ с институтов унитарного политического устройства X-матрицы, которые доминируют в России.

6.2. Базовые институты унитарного политического устройства X-матрицы

Не только Россия, но и многие другие государства — от Юго-Восточной Азии до Латинской Америки — имеют унитарно-централизованное политическое устройство. И хотя действующие в них политические порядки весьма различны между собой и отличны от России, тем не менее, остов их политической системы имеет много общего. Здесь справедливым будет высказывание Алексиса де Токвиля о том, что «история являет собой картинную галерею, в которой мало оригиналов и много копий» (Токвиль, 1997/1856, с. 57). Сходство этих «копий политических порядков» обусловлено воспроизводством, репродукцией социальных ситуаций с доминирующей в этих государствах институциональной X-матрицы.

В качестве иллюстраций при описании политических институтов X-матрицы в основном будут использоваться примеры из истории и современной практики России, являющейся по своей институциональной природе унитарным государством.

При унитарно-централизованном политическом устройстве взаимодействие территориальных частей государства происходит на основе **института административно-территориального деления**⁴. Действие этого института означает, что

⁴ «Территориальную организацию государства как географического явления следует именовать «территориальным делением государств», а территориальную организацию государства как политического явления — «территориальным устройством государства. ... Территориальное деление государ-

имеет место административная соподчиненность территориальных единиц при верховенстве центра и существует единое поле компетенции, или круга полномочий, подлежащих общему ведению государства в целом и его территориальных частей. Это означает также, что действуют общие принципы и единая система организации власти во всех территориальных частях страны.

Можно сказать, что образование унитарных государств происходит «сверху», путем распространения действующих политических правил на вновь присоединяемые регионы. При административно-территориальном делении вся государственная территория рассматривается как единый объект управления, а выделение тех или иных территориальных единиц служит, прежде всего, задаче упорядочивания общего хозяйства и социального пространства. В отличие от федерации, сутью которой является равенство образующих государство территориальных образований, при доминировании института административно-территориального деления наблюдается иерархия статусов территорий. Как отмечают специалисты, имеет место привилегированное районирование пространства, при котором регионы образуют иерархию и соподчинены (Каганский, 1995, с. 92–95). Иерархические вертикальные отношения доминируют над территориальными горизонтальными связями.

На Руси территориальная структура имела отчетливо выраженный иерархический характер уже с X века, когда государство представляло собой «союз волостей и пригородов под властью старшего города» (Владимирский-Буданов, 1886, с. 40). При этом город земли являлся старшей общиной, следующий уровень иерархии представляли пригороды, затем — сельские волости. В политическом отношении воля центрального города была законом для остальных частей территории. Вот как писал об этом в отношении древнего Новгорода знаток истории административного права Э. Н. Берендтс: «на что старейшины <представители старшего города> думают, на том и пригороды станут» (Берендтс, 1898, с. 50). Вершиной иерархии являлся центральный город русского государства — в Древней Руси это был Киев, а после татаро-монгольского ига — Москва. Вышестоящий уровень налагал на нижестоящие уровни территориальной структуры подати, концентрировал у себя судебную и религиозную власть.

Правоведы отмечают, что в истории развития западных государств, например, германских, иерархии и подчиненности территориальных общин, аналогичной российской, ни в этот период, ни позже, не наблюдалось (Владимирский-Буданов, 1886, с. 284). Даже если обратиться к самому началу европейской истории, к античным полисам, то и там не встретим иерархии. Полис представлял собой объединение демов — самоуправляющихся сельских и городских общин, каждая из которых имела свое собрание (орган управления), суд, финансы, религиозный центр и т. д. (Институты самоуправления..., 1995, с. 56). Связи между территориальными общностями носили преимущественно горизонтальный характер.

ства является *простым*, когда в качестве составных частей (единиц) территории государства выступают территориальные образования, самостоятельные лишь в административном, а не в политическом отношении — административно-территориальные единицы. Такое государство называют унитарным, а его территориальное деление — административно-территориальным» (Рянжин, 1973, с. 8).

Институт административно-территориального деления объясняет происходящий в унитарных государствах процесс частых преобразований территориальной структуры, изменение границ тех или иных регионов, передачу их полностью или частично другим территориальным образованиям внутри государства, изменение статусной иерархии территорий. Во всех этих случаях действие института административно-территориального деления означает поиск оптимальной структуры для использования дефицитных общегосударственных и региональных, локальных ресурсов в интересах страны в целом.

Как правило, административно-территориальная структура строится «под задачи» управления. Об этом рассказывает история российских реформ. Вот иллюстрация из Положения 1861 г., учредившего волости как элемент административно-территориальной структуры — низшую административную единицу крестьянского самоуправления. Исходили из того, что волость не должна быть слишком мала, чтобы волостей не было слишком много и не было трудно «административной власти входить с ними в непосредственные сношения», и не слишком велика, и чтобы от центра управления до отдельной волости было не более 12 верст. При этом волость представляла собой не столько территориальную, сколько сословную крестьянскую единицу, поскольку в нее входили только крестьяне, и управлялась она волостным сходом и волостным старшиной — эта должность замещалась по выбору, — хотя утверждение на должность зависело от земского (более высокого уровня иерархии) начальника. (Брокгауз и Эфрон, т. VII, с. 95). Рост прав волостных крестьян выражался в том, что «ведению волостного схода подлежит ... принесение жалоб», причем не только на волостное начальство, но и на местные власти (там же, с. 94). Соответственно, земский староста по спорным делам обращался с челобитными на имя государя в центральные учреждения (там же, с. 96).

Институт административно-территориального деления предполагает, что концентрация всех управленческих и властных функций, как правило, происходит на каждом уровне иерархии. Такая «моноцентричность» системы управления отлична от «полицентричности» управления в федеративных структурах Y-типа, когда конкретный населенный пункт может входить одновременно в несколько разных функциональных округов — школьных, медицинских, пожарных и др. (Акименко и др., 1996, с. 132).

Не следует думать, что административно-территориальное деление исключает учет исторических, географических, национальных, экономических и других особенностей территории и народов. Известно, например, что российское государство формировалось на основе собирания исторически сложившихся земель, ханств и княжеств, мест обитания жителей определенных национальностей. На всех этапах развития страны учитывались, как правило, исторические традиции и национальный состав проживающего населения, что выражалось в формировании ряда территориальных единиц по национальному признаку. Аналогичный опыт территориальной организации полиэтнических государств был распространен в Китае, Индии и других странах этого типа (Федерализм, 1997, с. 226).

Учитывая национальный состав регионов, их исторические и географические особенности, административно-территориальное деление, тем не менее, упорядочивает территориальные образования в зависимости от их роли в социально-экономическом развитии страны в целом и определяет разный объем прав и ответственности территориальных единиц, их статусную иерархию. Тем самым институт административного деления опосредует специфический порядок взаимодействия населения регионов, региональных органов управления и центральной власти между собой, отличный от того, который складывается при федеративном устройстве государства. «Подлинному федерализму присущ принцип двухуровневой государственности, а у нас почти $\frac{3}{4}$ субъектов статусом государства в составе РФ не обладают» (Шарков, 1998, с. 34). В 2013 г., когда пишутся эти строки, достижение «статуса государственности» не стоит на повестке дня уже ни для одного из субъектов Российской Федерации.

Институт административно-территориального деления сохраняет свое основополагающее значение на всех этапах развития унитарных государств. В СССР, например, специалисты выделяли 4–6 уровней (рангов) территорий, а с учетом центров регионов, имеющих высший ранг и являвшихся особым уровнем административного деления — 5–8 рангов (Каганский, 1995, с. 99). Реформы новейшей истории России конца 1980–90-х гг. по развитию федеративных отношений не изменили ситуацию — неравнозначность статусов сохранилась (Акименко и др., 1996, с. 127).

В современной России территориальная иерархия отражена в понятии политико-административного (или конституционно-правового) статуса субъектов федерации. Хотя согласно ст. 5. Конституции 1993 г. «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты РФ между собой равноправны», согласно ст. 66 вводятся статусы республик, краев, областей, городов федерального значения и т. д. В соответствии со ст. 65 наивысший статус имеют 21 республика, на следующем уровне иерархии находятся 6 краев, 49 областей и 2 города федерального значения, далее следуют 1 автономная область и 10 автономных округов. Но вопрос о внутреннем содержании статусов разных субъектов федерации до сих пор остается открытым и продолжает быть предметом обсуждения на всех уровнях власти. Это означает, что на новом этапе развития страны устойчивая конфигурация государственного устройства еще окончательно не определена.

Тип территориального устройства задает характер связей в государственной управленческой структуре. В унитарно-централизованных государствах с административно-территориальным делением действует **иерархическая вертикаль власти во главе с центром**. В таких системах управления «центр», как ни парадоксально это звучит для лингвистов, является, прежде всего «вершиной» властной вертикали, задающей правила и полномочия подчиненных органов управления. Здесь действует «матрешечный» принцип организации власти, когда органы управления низших уровней входят в систему исполнительной власти органов высшего уровня, подчиняются им и пользуются их средствами для своей деятельности. Иерархический характер структуры государственных органов имеет целью обеспечить единство и общее направление деятельности взаимозависимых, не автономных территориальных образований в масштабах единого государства.

История дает примеры того, как мог возникать «главенствующий центр». Например, в сказании о призвании варяжских князей, положивших, как считают историки, начало нашей государственности, записано, что славянские племена решили: «Поищем себе князя, который бы владел и правил нами и судил нас по праву» (Ключевский, 1904, т. 1, с. 132). Таким образом был сформирован первый в государственной истории нашей страны центр верховной власти. «Верховная власть, — как писал А. Д. Градовский, — не разделяет ни с кем права законодательства, права дипломатических сношений, права войны и мира, власти финансовой и т. д. Она является представителем единства национального права, политического единства страны и других начал, для обеспечения которых создается так называемая политическая централизация» (Градовский, 1883, с. 4).

В централизованном российском государстве значение института иерархической вертикали власти во главе с центром подтверждается как древней, так и современной историей. Как правило, после периодов кризиса верховной власти в стране центр воссоздается в тех или иных исторических формах, что подтверждает его объективную необходимость. Так, в российском государстве после периода междоусобицы 1610–1613 гг., «смутного времени» российской истории, в обществе сложилась ситуация выбора формы государственного правления. Можно было либо пойти по пути создания новой, парламентской основы государства по примеру Польши, что активно поддерживалось некоторыми общественными силами, либо укрепить прежние политические институты. Жизнь показала неизбежность воссоздания централизованной власти, что было реализовано призванием на престол династии Романовых. «Даже в годы Смуты, когда реальную власть принял на себя «Совет вся земли», земские люди поспешили восстановить самодержавие, добровольно отказавшись от бремени правления в пользу Михаила Федоровича Романова. Но ведь «Совет всей земли» руководствовался практическими соображениями, а не отвлеченными идеалами...» и пониманием в российских условиях необходимости «единоначалия, потребного для собирания «всех сил нации» (Володихин, 1997, с. 45).

После падения монархии и революций начала XX века, когда, казалось бы, отрицались все прежние институты, а советизация, то есть создание советов на местах, была основной политической тенденцией, тем не менее, централизация с подчинением верховному центру была признана необходимой для всех важнейших сфер общественной жизни. Известно, например, послереволюционное высказывание В. И. Ленина о том, что следует «установить подчинение местной прокурорской власти только *центру*...» (Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, с. 201. Цит. по: Новиков, Рагинский, 1974, с. 47). Та же логика действовала в отношении других властных структур. С 1925 г. функцию главенствующего центра иерархической вертикали власти в стране стали выполнять центральные органы Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), или ВКП(б), а затем во времена Союза Советских Социалистических Республик (СССР) — Коммунистической партии Советского Союза (КПСС).

В современной постсоветской России роль верховного центра во главе властной иерархической вертикали выполняет президент Российской Федерации. Согласно

Конституции, президент России занимает совершенно особое положение и возглавляет список федеральных органов. В правовом отношении институт президентства стоит как бы над ветвями власти и имеет возможность оказывать на них серьезное влияние (Окуньков, 1996, с. 5). Как отмечает в своем анализе российской власти И. Клямкин, президент России, в соответствии с Конституцией страны, обладает более широкими правами, чем президенты западных стран (Клямкин, 1999, с. 71). В отличие, например, от американского президента, который не имеет права на роспуск парламента и обязан согласовывать с парламентом назначаемых им членов правительства, российский президент может распустить Государственную Думу и самостоятельно, по представлению председателя правительства, определять состав его членов. В отличие от французского президента, президент нынешнего российского унитарного государства не обязан формировать кабинет в соответствии с результатами парламентских выборов, и т. д.

Доминирование института вертикали власти во главе с центром определяет особые условия деятельности органов местного самоуправления, которые всегда в той или иной мере действовали в России: даже если они не стояли в прямой иерархической подчиненности к властям, тем не менее, последние «надзирают» за ними. И у этого надзора были самые разнообразные формы. Например, вот как описывал процедуру разрешения споров между двумя структурами местного самоуправления в начале XX века С. Ю. Витте, председатель Комитета Министров. Если «при правильной постановке самоуправления [как это принято в европейских странах — С.К.] они в случае разногласия рассматриваются как две спорящие стороны, их спор подлежит рассмотрению в состязательном порядке по особым правилам административной юстиции», то в России «по закону 1890 г. Сенат решает, кто из спорящих прав, кто неправ», выступая при этом в непонятной для современников роли — то ли начальственной инстанции, то ли верховного посредника» (Витте, 1903, с. 24). Сохранение роли института властной вертикали во главе с центром по отношению к органам местного самоуправления Витте объяснял историческими традициями и устойчивостью институциональной структуры российского общества: «искусственно создаваемые органы самоуправления старались, по возможности, приблизиться к другой, бесспорно, искони присущей Московскому государству, форме управления, к службе государевой, и весьма скоро обращались в простые, лишенные всякой самостоятельности, органы администрации» (Витте, 1903, с. 55).

Современная российская практика подтверждает несамостоятельность органов местного самоуправления (подробнее об этом см. в главе 10), в том числе и в судебно-правовой сфере. Как говорил в своем интервью председатель Конституционного суда РФ Марат Баглай, «в самых крайних случаях ... мы обращаемся к президенту как главе государства и гаранту Конституции. Он должен обеспечивать выполнение всех законных актов, в том числе и постановлений Конституционного суда. Например, в деле по местному самоуправлению в Удмуртии только президентским указом удалось добиться исполнения решения КС в этой республике» (Пинскер, Уварова, 1998, с. 17). Баглай также отметил практику пересмотра Конституционным судом решений региональных судов, что де-факто означает возникновение

«конституционно-судебной вертикали» «хотя Конституцией РФ этого не предусмотрено (там же).

Действие института иерархической вертикали власти во главе с центром в странах с Х-матрицей является настолько очевидным и характерным, что это дало основание одному из исследователей политических структур стран Латинской Америки Марчелло Каваросси говорить о так называемой «государственно-центричной матрице» этих стран (Cavarozzi, 1992, 1994, 1997). Как отмечает Каваросси, она сложилась исторически и чрезвычайно трудно поддается трансформации, даже в условиях целенаправленного и активного влияния США на политические процессы в латиноамериканских странах. Примером устойчивости этой матрицы является проведенный в 1993 г. референдум в Бразилии (стране, где, на мой взгляд, также доминируют институты Х-матрицы), когда население должно было сделать выбор между парламентарной республикой и президентализмом. Был поддержано доминирование института президентства, что и нашло отражение в Конституции Бразилии.

Институт иерархической вертикали власти во главе с центром определяет особый порядок делегирования полномочий между органами государственной власти. Такое делегирование, как правило, основывается на законе, принятом центром — верхним уровнем управления (Федерализм, 1997, с. 69). При этом условием передачи отдельных государственных полномочий органам регионального и местного управления является их обеспечение «сверху» необходимыми материальными и финансовыми ресурсами. Реализация переданных полномочий также проходит под контролем вышестоящих структур.

Согласно современной российской Конституции, «региональная власть призвана выполнять общие указания центра, обеспечивая единство закона и верховенство федеральной Конституции и в частности, принцип государственного суверенитета (ст. 4). Невыполнение решений федеральной власти может повлечь за собой отмену межрегионального договора или регионального закона Конституционным судом РФ, наложения дисциплинарного взыскания на главу администрации региона, приостановление решения исполнительной власти субъекта Федерации президентом РФ и др.» (Тиунова, 1996, с. 42).

Если первоначально в Конституцию 1993 г. был включен так называемый Федеративный договор, который в то время считался основой построения федеративных отношений в России, то теперь, как полагают многие специалисты, он «исчерпал себя» и не является частью основного Закона страны. И хотя такого рода договоры по-прежнему предусмотрены ч.3 ст.11 Конституции РФ, практики их заключения нет. Поэтому в науке конституционного права высказываются соображения об изъятии данных положений из текста основного закона (Чирнинов, 2012). Соответственно, предложенное в Конституции и уточненное в ряде законов РФ разграничение полномочий между федеральными и региональными органами власти до сих пор «осуществляется не всегда оптимально, и конечно, еще не завершено» (Чертков, 2007, с. 11; Чирнинов, 2012).

В условиях доминирования института иерархической вертикали власти во главе с центром сами принципы федерализма подвергаются российскими учеными пере-

оценке и получают неожиданные интерпретации, например, такого рода: «Принцип единства системы государственной власти служит цементирующим началом федерализма и, как это ни парадоксально звучит, его унитарной компонентой, сдерживающей дезинтеграцию» современной России (Нарутто, 1999, с. 27). Также по-иному трактуется принцип разделения властей, признаваемый необходимым в любой структуре государственного управления. Найшуль (1996) отмечает, что в характерной для России политической структуре принцип разделения властей как процессуальный необходимый механизм ограничения власти действует не в форме разделения на исполнительную и законодательную, а по типу решений. Так, общенародные решения, важные для всего общества и подверженные его контролю — это функция верхнего уровня иерархической вертикали — президента России. Затем следуют законотворческие решения — их принимают Государственная Дума и Совет Федерации — они менее важны народу. Наконец, низшие в этой иерархии административные и текущие решения принимает премьер-министр.

На какой основе и в каких формах осуществляется кадровое обеспечение структур управления, и, прежде всего, занятие высших управленческих позиций в политической системе X-матрицы? Для унитарных государств адекватным является доминирование **института назначения руководителей**. Такой порядок предполагает, что руководители нижестоящих управленческих структур назначаются «сверху». Одновременно осуществляется наделение назначаемого лица необходимыми ресурсами, или правами использовать те или иные ресурсы, для выполнения своих должностных обязанностей. Даже если имеют место выборы руководителей, то в унитарных государствах всегда предусматривается механизм, обеспечивающий право вышестоящих органов управления влиять на кадровый состав руководителей нижестоящих звеньев.

Наглядным историческим примером такого механизма может служить порядок замещения должности городского головы в России XIX века. Согласно городскому положению 1892 г., кандидат на эту должность избирался городской думой, но затем требовалось административное утверждение избранного головы либо губернатором, либо министром внутренних дел. Если первично и вторично выбранные кандидаты не утверждались, то вакантные должности замещались соответствующими назначениями (Энциклопедический словарь, 1893, т. 9, с. 232). Даже при создании первой в истории России Государственной Думы в 1906 г. — выборного законодательного органа — император Николай II оставил за собой право назначения правительства, министров и региональных лидеров (Шелохаев, 2000). Это право назначений сохранилось и после революций начала XX века, но перешло к новому центру иерархической вертикали власти, а именно, к партийным структурам. Вплоть до распада СССР органы КПСС определяли состав высших, региональных и местных руководителей в стране, также как в хозяйственных и прочих структурах.

Институт назначения руководителей сохраняет свою роль в ходе современных политических реформ в России, хотя действие его не всегда просматривается явно. Так, когда действовал закон РФ о краевом, областном Совете народных депутатов 1992 г. и выборах глав регионов, в него была включена ст. 68 о том, что избранный

населением глава исполнительной власти субъекта Российской Федерации может быть отстранен от должности президентом России на основании решения Конституционного суда (Шахрай, 1998). Возможность применения этой нормы сохраняла зависимость региональных руководителей исполнительной власти от действий вышестоящего — президентского — уровня управления. Практика показала, что даже ссылка на наличие такой нормы со стороны президента в адрес избранного регионального руководителя при оценке его деятельности вынуждала последнего уйти в отставку. Это произошло, например, в феврале 2001 г. в Приморье, когда после затяжного кризиса в работе коммунальных и энергетических служб, приведших к массовым отключениям тепла и света в городах и поселках края в зимний период, местный губернатор подал добровольное заявление об уходе с занятого в ходе выборов поста.

В 2004 г. после террористического акта в Беслане прямые выборы глав региональных субъектов были отменены с целью «повысить управляемость регионами». Президент РФ самостоятельно вносил в региональные парламенты предложения о назначении губернатором того или иного кандидата.

Однако в апреле 2012 г. Государственная Дума приняла закон о возвращении выборов губернаторов, причем устанавливалось, что субъекты РФ в своих конституциях (уставах) вправе предусматривать возможность избрания высшего должностного лица субъекта РФ как прямым всеобщим голосованием, так и депутатами законодательного органа субъекта РФ. В то же время установлен так называемый «президентский фильтр»: предложения о кандидатурах на должность высшего должностного лица субъекта РФ (не более трех) предварительно вносятся президенту РФ, и после консультаций президент из предложенных ему кандидатур представляет трех кандидатов для избрания на должность высшего должностного лица субъекта РФ.

В унитарных государствах X-матрицы действует соответствующий институт принятия и исполнения важнейших государственных решений. Им является **институт общего собрания и единогласия**. На этот институт уже давно обратили внимание историки и антропологи, изучавшие формы общественной жизни разных народов. Вот как об этом писал исследователь древней истории ирокезов Л. Г. Морган. Анализируя принципы работы высшего руководящего органа — Совета Лиги ирокезов, Морган указывал, что для того, чтобы постановление Совета Лиги получило действенную силу, все должны быть «одного мнения», «единогласие было основным законом» (Институты самоуправления... , 1995, с. 37). Иначе, как отмечал Морган, функционирование такого рода общественного организма было бы невозможным.

В современных условиях институт общего собрания и единогласия означает, что для принятия важнейших решений в государстве необходимо собрание представителей не партий, но всех социальных групп и слоев. Целью таких собраний служит достижение общего согласия по поводу принимаемых решений. Общее согласие закрепляет солидарную ответственность территориально-хозяйственных общностей или их представителей перед верховным уровнем управления по поводу принимаемых на себя обязательств. Уже в первой послереволюционной Конституции РСФСР

1918 г. общее собрание граждан рассматривалось как важнейшая форма участия граждан в обсуждении и окончательном решении государственных вопросов (Кочев, 1990, с. 78).

История западных стран свидетельствует, что в них устройство государственной жизни не требовало института единогласия. Так, принцип принятия решений на основе единогласия, существовавший у германских племен, уже в первых германских государствах заместился принципом демократического большинства из Римского права в 1356 г. (Энциклопедический словарь, т. XI, 1893, с. 554). Именно этот институт, как будет показано в следующем параграфе, является элементом федеративного политического устройства, свойственного странам с Y-матрицей.

Для стран, где доминирует X-матрица и действует централизованная власть, институт общих собраний и единогласия представляет собой естественный и необходимый элемент их политической системы. Его значение обусловлено характерным для унитарных государств единством собственности и, соответственно, пересечением зон компетенции разных уровней управления, а также сфер ответственности различных управленческих групп и ведомств. Советский историк Л. В. Черепнин полагал, что земские соборы XVI-XVII вв., наследовавшие княжеским съездам Древней Руси, отражали в первую очередь постоянно осознаваемую общность и целостность русской земли (Черепнин, 1978), а не «народное представительство» в управлении государством.

Покажем на примере России, как проявляет себя институт общих собраний и единогласия, ибо зачастую его формы «не лежат на поверхности», а требуют специального анализа. В одной из первых форм территориального управления в древней Руси — вече — институт единогласия «зашифрован» для нас в так называемом поле — поединке между сторонами, имевшими различающиеся мнения. Для чего оно было необходимо? Если в ходе вече стороны не могли прийти к единодушию, или предлагаемая позиция не являлась настолько авторитетной, чтобы ее противники прекратили отстаивать свою точку зрения, то дело решалось полем, или дракой. Поле как судебный поединок должно было следовать определенным правилам (Институты самоуправления..., 1995, с. 135). Какая сторона побеждала, та точка зрения становилась принятой всеми, что фиксировалось обществом и закреплялось крестным целованием, т. е. общей клятвой на кресте соблюдать принятые правила, позиции и т. п. Как пишет об этом летопись «все люди, весь Новгород, все быша единодушно, новгородцы отвечаху едиными усты: целовали есмы крест с одного» (Энциклопедический словарь, 1898, т. 11, с. 554). В дальнейшем поле, признанное нецивилизованным способом достижения общей позиции, заменяется по Указу 1556 г. крестным целованием, требуемым для закрепления единства позиций всех участвующих в споре сторон (Энциклопедический словарь, 1900, т. 31, с. 924), достигаемого путем долгих «сидений и прений».

Единогласие и «круговая порука», а не характерное для западных стран демократическое большинство, было также неотъемлемым требованием на «вселенских советах», или земских соборах, означающих «собрание, заседание чинов от земли, или духовенства, для совету и решения важных дел» (Даль, 1882, т. IV, с. 142). Вопросы

на них обсуждались до тех пор, пока все не придет к общему мнению, после чего участники обсуждения приводились к крестоцелованию. Общая резолюция, которой заканчивалась соборная грамота, была самым существенным моментом. Целовать крест после ее принятия значило обязаться под присягой исполнять соборный договор. Таким образом, фиксировалось общее, «круговое» формальное обязательство, связывавшее членов собора в нечто целое по отношению к соборному приговору (Ключевский, 1904, т. 2, с. 363). «Даже Иван Грозный не может принять ни наиболее ответственных решений в области внешней политики (решений о войне и мире), ни провести своих наиболее крупных реформ без одобрения их не только боярами и духовенством, но и всеми земскими людьми, ... без придания этим решениям авторитета соборных деяний» (Носов, 1983, с. 56). Правило единогласия сохранялось весь московский период российской истории — и решения земских соборов, и боярской думы, и приказных судов принимались *единодушно* (Энциклопедический словарь. 1898, т. 11, с. 555). Принцип решения дел по большинству голосов вводится только по Указу 1714 г. при императоре Петре I. Но в 1763 г. императрица Екатерина II вновь вводит требование единогласия при решении дел в департаментах сената (там же). Затем с XIX в. принцип большинства при принятии решения в государственных и судебных структурах расширяется.

Тем не менее, в важнейших вопросах государственного управления требование единогласия по-прежнему сохраняет свою роль и проявляет себя в новой и новейшей истории нашей страны. Например, съезды Коммунистической партии Советского Союза были аналогом проводившихся ранее земских соборов и так же, как и последние, были вызваны к жизни административными потребностями государства и всем строем социальной жизни. На них достигалось единогласие представителей всех региональных и социально-профессиональных групп по поводу решения основных вопросов, и через партийную дисциплину обеспечивалась своеобразная «круговая порука», которая служила гарантом исполнения принятых решений.

Институт единогласия пронизывает все структуры управления в унитарно-централизованных государствах, проявляясь в политической и экономической практике через процедуры согласований. При разработке того или иного нормативного акта его проекты рассылаются соответствующим министерствам и ведомствам с целью аккумуляции мнения специалистов и формулировке общего для всех решения. В СССР это была «распространенная форма проверки правильности вырабатываемых норм» (Соколов, 1968, с. 12). Она сохраняется и сейчас и составляет особенность современного процесса принятия управленческих решений. «В России, как, например, и в Японии, ключевой момент процесса принятия решений — межведомственные согласования, формальные согласительные процедуры», отмечает С. Павленко, давший подробное описание этих процедур в перестроечном российском обществе (Павленко, 1999, с. 75–76). Согласования, вытекающие из «матрешечного» принципа организации власти, выражают действие института единогласия и являются альтернативой известному принципу разделения ответственности между различными ветвями власти, характерному для западных стран.

Наиболее выпукло проявляются базовые институты в сферах принятия самых ответственных государственных решений. В современной России такой сферой является, например, изменение Конституции страны. Именно здесь, в порядке внесения изменений в Конституцию Российской Федерации (Федеральный закон..., 1998), можно увидеть современные правовые нормы, в которых реализуется институт единогласия. Согласно этому порядку соответствующий закон сначала принимается обеими Палатами Федерального собрания, после чего в течение года должен быть одобрен законодательными (представительными) органами власти не менее двух третей субъектов Федерации. Но даже после этого президент России или законодательный орган региона вправе обжаловать постановление об этом законе в Верховном суде страны. «В случае подачи жалобы закон Российской Федерации о поправке к Конституции *не направляется* [курсив мой — С.К.]... Президенту Российской Федерации для подписания и официального опубликования...» (Федеральный закон..., ст. 11, п. 4). Можно видеть, что если хотя бы один регион в России не согласится с необходимостью соответствующих поправок, подав соответствующую жалобу, закон о поправках к Конституции не будет принят.

Унитарно-централизованные политические системы выработали также свои институты и механизмы обратной связи, сигнализирующие как о нарушениях и сбоях, так и защищающие права участников политического процесса. Этим целям служит **институт обращений по инстанциям**. Идея выделения данного института в политической системе стран, относящихся к Х-матрицам, базируется на разработках О.Э. Бессоновой. В рамках теории раздаточной экономики ею был выделен институт административных жалоб (Бессонова, 1994), выполняющий роль сигнального механизма. Позже в нашей совместной работе был выполнен анализ структуры и динамики жалоб в ходе трансформационных процессов в экономической сфере России (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 129–136), основанный на данных мониторинга эксперимента в жилищном хозяйстве г. Новосибирска.

Однако изучение практики взаимодействия населения, территориальных и государственных органов, анализ обширной правоведческой литературы позволили увидеть, что обращения и жалобы являются сигналами обратной связи не только, вернее, не столько в экономике, сколько в политической сфере (Кирдина, 1998). Обращения по инстанциям представляют собой важнейший политический институт, регулирующий социальные отношения в унитарно-централизованных государствах. При этом различные виды обращений («предложения», «заявления» и «жалобы») обуславливают различия «в порядке разрешения такого рода обращений и компетенцию уполномоченных на то органов» (Лория, 1984, с. 57).

Хотя правоведы и историки уделяют большое внимание данному институту, в работах по сравнительному институциональному анализу институт обращений по инстанциям, насколько мне известно, практически не исследуется. Поэтому имеет смысл остановиться на нем подробнее.

В России на протяжении всей ее истории взаимодействие верховной власти и «земли» (т.е. регионов и мест), помимо соборов, всегда осуществлялось «посредством челобитной деятельности» (Институты самоуправления..., 1995, с. 146),

а именно, через подачу высшим органам управления индивидуальных или групповых — от сословий или территориальных общностей — жалоб и челобитий. На основе челобитных в XV в. во времена Ивана IV Грозного с регионального на местный уровень («в мир») были переданы полицейские и судебные функции. В 1555 г. на основе челобитий были отменены кормления и власть передана земству, а в Соборном уложении царя Алексея Михайловича (1649 г.) по челобитьям «всей земли» были разделены на разряды посадские люди «лучшие, средние и молодшие» и т. д. (Брокгауз, Эфрон, т. 16, с. 266). Челобитья — древнейшая форма обращений по инстанциям, или административная жалоба.

Собственно административная жалоба, или обращение, представляет собой «всякое заявление, сделанное высшей административной власти на действия низшей, по предмету нарушения последней каких-либо личных или имущественных прав или интересов, или неудовлетворения какого-либо ходатайства, которое по закону могло или должно быть удовлетворено» (Энциклопедический словарь, 1893, т. 11, с. 710). Это громоздкое, на первый взгляд, определение из российского законодательства XIX века содержит в себе указание на сущность обращений для всех периодов истории унитарных государств, которая состоит в следующем. Во-первых, обращения по инстанциям — основная форма защиты интересов населения и территориальных единиц различного уровня. Во-вторых, в понятие обращения включаются разного рода заявления, многообразие которых соответствует потребностям и возможностям общества в каждый данный момент времени. В-третьих, обращения и жалобы следуют по инстанциям снизу вверх, поскольку верхний уровень управления контролирует нижний. В-четвертых, их исполнение регулируется законом, определяющим сферы обращений, регламент их подачи, порядок рассмотрения и исполнения.

Через 100 лет основные характеристики обращений вновь повторены в юридической литературе современной России, хотя и в модернизированных формах: «Через обращения в государственные органы граждане реализуют свое конституционное право непосредственно участвовать в управлении делами государства... осуществлять общественный контроль за государственным аппаратом,... добиваться социальной справедливости. Таким образом письменные и устные обращения граждан, содержащие в себе коллективные и личные мнения, оценки, требования, просьбы, пожелания .. обеспечивают двустороннюю связь между государством и народом» (Обращения граждан..., 1995, с. 3).

Поэтому в иерархической вертикали органов власти унитарных государств на каждом уровне всегда имеются необходимые подразделения или структуры, обслуживающие принятие сигналов в виде обращений и передачу их в соответствующие инстанции для принятия решений. Возникновение новых органов в управленческой структуре означает одновременно создание специализированных служб для оценки их деятельности, т. е. по приему соответствующих обращений. Например, в России при введении назначаемой должности воевод в царствование Михаила Романова (начало XVII в.) правительство одновременно учредило особый приказ, в котором принимались жалобы от тех, кто «на сильных быют челом» (Ахиезер, 1997,

с. 141). Создание новых элементов территориально-административной структуры (как это было показано выше на примере учреждения волостей в 1861 г.) также сопровождается установлением порядка движения обращений по инстанциям вертикали власти.

Петр I, более известный, казалось бы, внедрением западных институциональных форм в практику российской жизни, активно содействовал, тем не менее, усилению роли института обращений в руководимой им империи. Важным шагом в этом направлении явилось создание в марте 1711 г. приказа Фискальских дел, функцией которого был, по сути, сбор и анализ «латентных жалоб» в регионах. Независимые от местной администрации фискалы выявляли «повреждения государственного интереса» в различных сферах. «Институт фискалов ... имел реальный шанс превратиться в исключительно эффективное контрольное учреждение, своего рода канал обратной связи между населением и руководством страны» (Серов, 1996, с. 17). В октябре 1713 г. появился указ Петра I о том, что «всякого чина людем ... даже до земледельцов» дается право обращения лично к монарху по вопросам важнейших дел, касающихся «повредителей интересов государственных» и «грабителей народа» (там же, с. 18). С мая 1720 г. Петром I была введена функция, а с 1722 г. и наименование должности рекетмейстера, т. е. «знатной персоны», принимающей челобитные и жалобы на решения образованных в этот период коллегий и канцелярий. По сути рекетмейстерство выполняло функции сбора обращений и надзора за государственными учреждениями, вплоть до сената, и просуществовало до 1810 г., когда его функции были переданы Комиссии прошений (Энциклопедический словарь, 1896, т. 26, с. 526).

Контроль деятельности органов управления посредством разбора поступающих по инстанциям обращений зависит от того, какие группы населения и в какой форме могут обращаться в те или иные органы, и какова будет реакция. В дореволюционной России наиболее эффективными, с точки зрения решения поднимавшихся в них вопросов, были так называемые «всеподаннейшие прошения и жалобы», т. е. обращения непосредственно на Высочайшее имя. В середине XIX века право ходатайствовать «о прекращении местных злоупотреблений или об устранении неудобств, замеченных в местном управлении» непосредственно перед Императорским Величеством могло только дворянство. Другие группы населения таких прав в тот период не имели (Энциклопедический словарь, 1892, т. 7, с. 403). Кроме того, всегда более «весомыми» являлись коллективные жалобы, и определение таких «коллективов», которые могли формировать и предъявлять свои обращения, также регламентировалось и представлялось только «признанным обществам и сословиям лиц». Например, согласно III Своду законов Российской империи «коллективные прошения от случайных собраний лиц строго воспрещаются 158 ст. устава о предупреждении и пресечении преступлений... но собрания и установления, признанные законом, пользуются этим правом в широких размерах» (Градовский, 1874, с. 21). Например, этим правом могли пользоваться тогда дворянские собрания.

За выборными органами и лицами контроль деятельности обеспечивался так же, как и за назначенными — посредством поступающих снизу сигналов. Из нашей

истории, например, известно, что при введении выборных должностей в сельских обществах в XIX в., указом с 1889 г. вводились земские начальники, которым предоставлялись широкие права по надзору за должностными лицами выборного крестьянского управления и разбору приносимых на них жалоб, вплоть до временного устранения виновников с их должностей (Энциклопедический словарь, 1894, т. 12, с. 507).

В начале XX века, в послереволюционный период общего развала государственных учреждений и установлений, необходимый в X-матрицах институт обращений пробивал себе дорогу в новой институциональной среде. Например, его выражением являлись «ходоки к Ленину», обеспечивавшие в свое время высшему уровню руководства обратную связь от населения о ходе проводимых преобразований и возникающих в связи с этим проблемах. Далее эта система постепенно развивалась и легитимизировалась, так что в советский период прием обращений и реакция на них представляли собой вполне развитый институт, проявлявший себя во всех сферах общественной жизни. Т.И. Заславская в своих исследованиях социального механизма воспроизводства социально-территориальной структуры советского общества, например, указывала на роль предложений, просьб и требований к местным властям и вышестоящим организациям как на основной способ удовлетворения интересов территориальных общностей различного уровня (Заславская, Рывкина, 1991а, с. 323).

В советский период право обращений с предложениями и заявлениями, а также обжалованиями действий должностных лиц было закреплено в Конституции СССР (ст. 49 и 58). В соответствии с законодательством право таких обращений действовало не только в отношении государственных органов, предприятий и учреждений, но также кооперативных и общественных организаций (Долежан, 1981, с. 26), и могло быть реализовано всеми слоями населения. Сначала в советском законодательстве не раскрывались особенности основных существующих видов обращений (предложение, заявление, жалоба) и имел место общий их учет без подразделений по указанным видам (Панов и др., 1984, с. 44). Однако затем эта система развивалась и стала чрезвычайно разветвленной, обеспечивая прием и прохождение заявлений, жалоб и предложений от граждан страны, реализацию решений по ним и ответственность должностных лиц. С 1970-х г. для приема обращений от населения в исполнительных органах власти стали функционировать «общественные приемные» с более удобным для граждан временем работы. Постоянно совершенствовались работа с «письмами трудящихся», которая в СССР регулировалась специальными решениями ЦК КПСС и предусматривала ответственность по их контролю и исполнению (Панов и др., 1984, с. 42).

Кроме того, административная жалоба рассматривалась как «одно из средств реализации конституционных прав советских граждан» (КПСС о работе с письмами трудящихся, 1984, с. 247) и важный инструмент охраны прав граждан (Лория, 1984). Поэтому правоведы неоднократно отмечали двуединый характер жалоб: с одной стороны, они являются одним из средств защиты прав граждан, нарушенных действием (или бездействием) государственного и иного органа, а, с другой

стороны, выступают сигналами о недостатках работы госаппарата и всей системы управления, что позволяет использовать их для совершенствования работы последних (Хаманева, 1984, с. 10). Предполагалось, что обращаясь с жалобами на несправедливые действия и решения, которые авторов лично не касаются, «советские люди проявляют свою активную жизненную позицию» (Бахрах, 1987, с. 40). Эта двуединая функция жалоб в определенной мере объясняет возможность анонимности обращений, поддержанную в научной правоведческой литературе советского периода и легитимизированную юридически: в советском законодательстве не содержались требования подписывать обращение (Бахрах, 1987, с. 37). Дискуссия о том, насколько это целесообразно, активно велась в среде правоведов. Высказывались даже такого рода аргументы в поддержку анонимности: «разве только смелые граждане имеют право на жалобу, а робкие, трусливые — нет?» (Бахрах, 1987, с. 37). Другой аргумент в пользу анонимности состоял в том, что часть анонимных обращений содержит полезные сведения. Например, ряд изданий советского периода (Литературная газета от 12 августа 1986 г., Правда от 9 февраля 1985 г., Уральский рабочий от 13 января 1985 г.) сообщали, что примерно каждый четвертый анонимный сигнал из тех, что поступали в органы по борьбе с хищением социалистической собственности, подтверждался, и по нему возбуждалось уголовное дело.

Право жалобы и необходимость их рассмотрения пронизывали все управленческие структуры, что находило отражение во многих законодательных документах и инструкциях. Например, в Законе «О статусе народных депутатов в СССР» была специальная статья о рассмотрении депутатом предложений, заявлений и жалоб избирателей (ст. 19). Органы прокуратуры также были обязаны рассматривать предложения, заявления и жалобы граждан и организаций (Тарнавский, 1984, с. 38) и т. д. Основным же центром приема жалоб в советский период были партийные органы всех уровней⁵.

Заметим, что во времена СССР некоторые юристы писали о нецелесообразности административного порядка разбора жалоб, полагая необходимым обращения в суды (Конституция СССР и расширение судебной защиты. ..., 1978, с. 65), что соответствовало бы «мировой практике». Тем не менее, основная масса правоведов указывала, что призыв «к полному избавлению управленческого аппарата от разрешения жалоб не согласуется с возложенными на него функциями. Аппарат управления обязан принимать меры к устранению собственных ошибок и недостатков» (Ремнев, 1984, с. 49). Институт обращений по инстанциям предполагает, что «абсолютному праву граждан на жалобу корреспондирует абсолютная обязанность государственных .. органов ... и иных организаций ... принимать меры по устранению нарушений...» (Бахрах, 1987, с. 40).

⁵ По статистике, приведенной в газете «Правда» за 3 февраля 1984 г., в 1981–1983 гг. в ЦК КПСС поступило свыше 2 млн. писем, еще 70000 посетителей высказали свои жалобы устно в ходе приемов ответственными сотрудниками ЦК КПСС. Местными партийными органами было рассмотрено более 10 млн. письменных и устных заявлений граждан.

Право жалобы рассматривались как форма обратной связи с населением, «помогающая органам управления эффективно выполнять правообеспечивающие и право-защитные функции (там же, см. также Ремнев, 1964). Поэтому для всех партийных, государственных, общественных организаций работа с жалобами была обязательной деятельностью, руководители всех уровней имели обязательный график приема населения для разбора поступающих обращений. На одном из последних съездов КПСС в 1981 г. цитировалось высказывание основателя Советского государства В. И. Ленина о том, что «чуткое, внимательное отношение к письмам, просьбам и жалобам граждан каждый партийный работник, каждый руководитель обязан рассматривать как свой долг перед народом, перед партией» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 43, с. 328. Цит. по: Долежан, 1981, с. 30).

Порядок рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан страны регулировался Указами Президиума Верховного Совета СССР, а с 1988 г. — Законом СССР. За исполнением требований законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан осуществлялся прокурорский надзор в координации с органами народного контроля (Долежан, 1981, с. 33). Важность деятельности по приему заявлений и жалоб от граждан выражалась также в том, что в законодательстве ряда союзных республик (например, Узбекистана) предусматривалась уголовная ответственность должностных лиц за нарушения в этой сфере и имела реальная практика правоприменения этих норм (там же, с. 30).

Тем не менее, работы юристов тех лет показывают, что, по их мнению, этот порядок регламентировался недостаточно, что не позволяло обращениям по инстанциям стать действенным инструментом обратной связи в унитарной политической системе страны. Так, не была четко установлена ответственность должностных лиц за неисполнение обращений. Не были определены конечные инстанции административных органов, отвечающих по жалобам. Также предлагалось ввести, кроме обычного инстанционного рассмотрения жалоб в органах государственного управления, специальный порядок обжалования в специально создаваемых юрисдикционных коллегиях, которые бы выступали на правах «второй инстанции» и др. (Ремнев, 1984, с. 56).

Высказываемые предложения были обусловлены низкой эффективностью административного порядка рассмотрения жалоб в советские годы. Д. М. Чечот приводит в своей работе 1973 г. следующие данные по статистике жалоб по пенсионным делам, которые являлись популярной в те годы темой обращений граждан: Министерство социального обеспечения РСФСР удовлетворяло от 0,3 до 0,5%, Ленинградский городской совет по социальному обеспечению (Ленсобес) — от 0,1 до 1% поступивших жалоб. Из 100 опрошенных в Ленсобесе жалобщиков 12% пришли впервые, 43% — во второй и третий раз, 38% — в 4-й и 5-й раз, а 7% — в шестой и более раз. Поскольку существовавший порядок рассмотрения жалоб по пенсионным делам зачастую не удовлетворял заинтересованных граждан, то только половина недовольных граждан обращалась в специализированные органы пенсионного обеспечения, в то время как другие обращались в иные советские органы, печать, профсоюзные и партийные органы, прокуратуру и т. д. (Чечот, 1973, с. 103–106).

Другая проблема состояла в том, что порой жалобы рассматривались годами. В литературе тех лет приводятся случаи о том, что удовлетворительное решение жалобы о несчастном случае на производстве, произошедшем в 1957 г., было получено лишь в 1979 (!) г. после письма в ЦК КПСС (Бахрах, 1987, с. 38). Не случайно советскими юристами даже высказывалось мнение об установлении в законодательном порядке уголовной ответственности за бюрократизм и волокиту в связи с рассмотрением, в частности, жалоб граждан (Папиашвили, 1979, с. 78) на всей территории СССР, а не только отдельных союзных республик.

Наконец, инстанционная структура приема и исполнения обращений функционировала также недостаточно эффективно. Это выражалось в том, что жалобы о проблемах «на местах» направлялись не по месту нарушения порядка, а в вышестоящие органы. Газета «Правда» от 14 апреля 1983 г. приводила данные о том, что из поступающих в Центральный комитет компартии Грузии обращений «только 7% поднимают вопросы, находящиеся в непосредственной компетенции ЦК КПСС Грузии. Остальные 93% относятся к ведению местных организаций» (Панов и др., 1984, с. 42).

Причина состояла в несовершенстве правовой регламентации этого важнейшего для политической системы нашей страны института: «Многочисленность, пестрота и известная разрозненность правовых актов, составляющих этот институт, проблемы в законодательстве..., действующем в сфере управления, отсутствие достаточно четких определений в соответствующих нормативных актах и др.» — вот отмеченные советскими правоведами проблемы (Панов и др., 1984, с. 42). Другая проблема — несоответствие материальных возможностей регионов требованиям исполнить положенные правовые нормы. Третья — недостаточный учет эффективности по устранению жалоб в кадровой политике, поощрений соответствующих работников, контроль за исполнением решений, принятых по обращениям граждан. Оценка уровня исполнительской дисциплины, внедренная в органах исполнительной власти в 1980-е гг., привела к формальным последствиям — своевременно рапортуют вышестоящим органам об исполнении, хотя лично и на месте исполнения этих решений не проверяют (Панов и др., 1984, с. 44).

В данном случае можно говорить о своего рода институциональной неконгруэнтности. Она состояла в том, что институт обращений по инстанциям был недостаточно увязан с другим характерным для политической системы X-матрицы институтом, а именно, с институтом назначений. Это выражалось в том, что эффективность работы с обращениями граждан не учитывалась при назначении руководителя на должность и исполнении им этой должности, на что неоднократно обращали внимание советские юристы (см., например, Панов и др., 1984, с. 46).

В перестроечной России, приступившей к формированию альтернативной — по отношению к советской — политической системы, роль института обращений по инстанциям существенно ослабла. Несмотря на то, что право граждан России на обращения и жалобы закреплено высшим законом страны — согласно ст. 33 «граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы власти и органы местного

самоуправления» (Конституция РФ, 1997, с. 11), долгое время часто можно было услышать характерную фразу о том, что «пожаловаться некуда».

Лишь с 2000 гг. стали внедряться телефоны «горячих линий», с 2005 г. начинают функционировать «электронные приемные» всех органов исполнительной власти — от президента до муниципальных органов, принимающие обращения по электронной почте и в режиме он-лайн.

Однако Федеральный закон о порядке рассмотрения обращений граждан РФ был принят лишь в 2006 г., хотя запрос на такой закон со стороны практиков и юристов существовал более 20 лет (см. Ремнев, 1984; Интервью Председателя Комитета по обращениям и жалобам..., 1994 и др.). Тем не менее, анализ этого закона показывает, что он представляет собой скорее инструкцию по приему (и основаниям неприятия) заявлений граждан, чем реальный инструмент, позволяющий задействовать институт обращений по инстанциям в качестве созидательного механизма обратной связи. Еще 7 лет потребовалось на то, чтобы расширить сферу действия данного закона. 18 мая 2013 г. вступила, наконец, в законную силу норма о том, что граждане могут «жаловаться» не только на деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, но и на иные организации, осуществляющие публично значимые функции (тем самым были частично восстановлены правовые нормы советского периода относительно сферы обращений).

Тем не менее, и в нынешнем виде закон о порядке рассмотрения обращений, по сравнению с указами и законами советского времени, уменьшает возможности проявления данного института. Так, если в Указе от 1968 г. (в редакции 1980 г.) различался порядок подачи заявлений и предложений (в органы с компетенцией их разрешения), с одной стороны, и жалоб (в те органы, которым непосредственно подчиняется организация, действия которой обжалуются), с другой стороны, то в законе 2006 г. (включая редакцию от 29.06.2010) такого различия нет. Другими словами, «забыт» инстанционный порядок обращений. Не были также учтены предложения экспертного сообщества по улучшению прежних положений советского законодательства в этой сфере. Например, не закреплено законодательное право гражданина на неразглашение публично его имени и гарантии такого права (Боннер, 1984, с. 58). Эти и ряд других проблем вызваны, на мой взгляд, недооценкой важности института обращений по инстанциям в политической системе страны, где доминирует институциональная X-матрица.

Несмотря на скудость законодательной базы, то есть недостаточность формальных оснований института обращений по инстанциям на общегосударственном уровне, неформальная и региональная практика его действия постоянно расширяется. Ряд регионов Российской Федерации организуют прием обращений граждан на более широкой, чем это предусмотрено федеральным законом, основе. Так, в Краснодарском крае в 2007 г. принят краевой закон «О дополнительных гарантиях реализации права граждан на обращение в Краснодарском крае». С 2009 года на официальном сайте администрации края регулярно публикуется годовая, а с середины 2010 г. — помесечная статистика обращений граждан, поступивших в приемную губернатора, из федеральных органов государственной власти (Ад-

министрации Президента и Аппарата уполномоченного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе), письменно, по телефону и другим каналам связи. Выделяются первичные, коллективные, повторные обращения, представлен их разрез по административным образованиям (городам и районам), абсолютные и относительные (на 1000 человек населения) показатели, сравнительная динамика. Кроме того, с 2011 г. на сайте портала администрации ведется социологический опрос с целью оценки работы с жалобами, результаты опроса также представлены на сайте.

Модернизируется структура приема обращений, в ней, как показывает рис. 17, преобладают сигналы по электронной почте. 83 % заявителей предпочитают данный вид обращений.

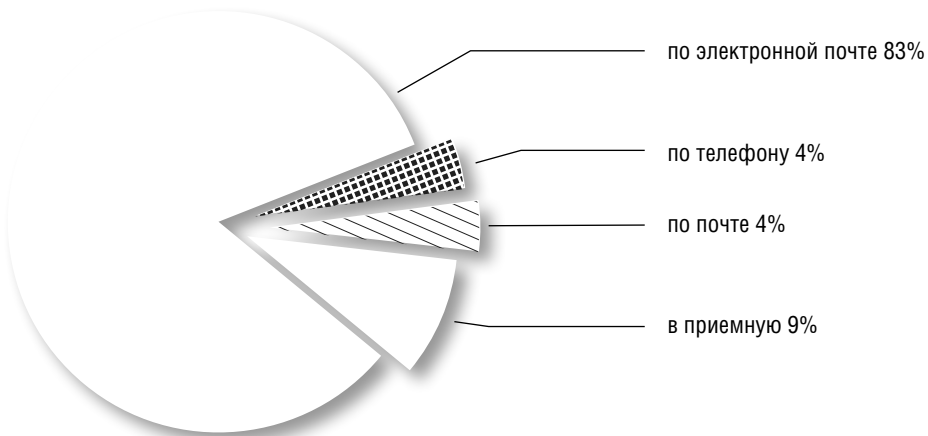

Рис. 17. Предпочтительные формы обращений заявителей в Администрацию Краснодарского края, 2011, %

Источник: Анализ данных социологического опроса посетителей официального сайта администрации Краснодарского края за 4 квартал 2011 года, с. 4.

Анализ типов обращений показал, что основную долю среди них занимали жалобы — 63 %, запросы составили 18 %, а заявления — 11 %. Предложения и благодарности высказывались гораздо реже — 4 и 3 % соответственно (Рис. 18).

Посетители сайта высказывают предложения по организации работы с обращениями граждан, формируя запрос на дальнейшую институционализацию этого процесса. Отмечается, что «должен быть специальный надзорный орган, который будет принимать жалобы граждан, объективно их рассматривать, быть независимым, иметь в своем составе общественность. Гражданин должен получить исчерпывающие результаты по своей жалобе от этого органа, а не от того, на который он жалуется» (Анализ данных социологического опроса..., 2011, с. 5). Интересно, что это прозвучавшее в 2011 г. предложение «снизу» воспроизводит ожидания от института обращений по инстанциям, генетически сохранившиеся в народной памяти. Данный

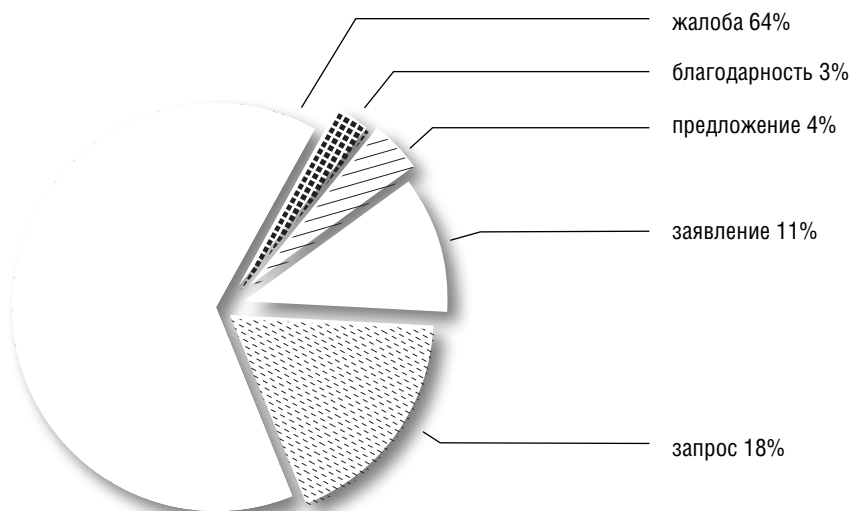

Рис. 18. Типы обращений в Администрацию Краснодарского края, 2011, %

Источник: Анализ данных социологического опроса посетителей официального сайта администрации Краснодарского края за 4 квартал 2011 года, с. 4

институт всегда имел сложную структуру и включал в себя не только собственно обращения, но и другие формы влияния на деятельность административных органов.

Одной из таких форм было создание специализированных контролирующих структур из числа населения. Исторический анализ показывает, что «центр тяжести» при их функционировании постепенно смещался от собственно самой структуры управления ко все более широкому участию граждан страны в их деятельности.

Так, уже на следующий день после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Лениным был написан проект Положения о рабочем контроле, принятого ВЦИК 14 (27) ноября 1917 г. (Константинов, 1967, с. 34). В развитие этих идей в апреле 1919 г. была создан Рабкрин (Рабоче-крестьянская инспекция) для контроля деятельности государственных органов, то есть борьбы с бюрократизмом с помощью «привлечения низов». По словам В. И. Ленина, она должна была «во-первых, *изучать* и изучить ведение дел в том или ином учреждении ... во-вторых, *провести* необходимые практические изменения» (Ленин, Соч., т. 23, с. 21. Цит. по: Николаева, 1960, с. 17). В 1934 г. с началом известного периода «сталинских репрессий» РКИ была распущена, а вместо нее был создан Государственный контроль. В нем участие широких масс было сведено к минимуму, а сам орган превратился в инстанцию надзора за состоянием бухгалтерской отчетности (Константинов, 1967, с. 35), так что создание на его основе Министерства государственного контроля СССР стало логическим продолжением деятельности данной структуры.

Однако через 2 года после смерти И. В. Сталина в 1957 г. это министерство было упразднено, а вместо него образована Комиссия советского контроля Совета Министров СССР с соответствующими комиссиями в союзных республиках. Комиссия

издавала журнал «Советский контроль» и имела в своем составе бюро жалоб и заявлений (Николаева, 1960, с. 19). В 1965 г. последовала еще одна реорганизация, после которой структура получила название Комитет народного контроля СССР с соответствующими комитетами в союзных республиках, на уровне регионов, местных органов власти и с постами народного контроля на предприятиях, в организациях, учреждениях и даже в воинских частях (Константинов, 1976, с. 36). К 1980 г. в их работе принимало участие более 9 млн. чел. (Шорина, 1980, с. 69), при общей численности трудоспособного населения в СССР в 1979 г. 151, 9 млн. чел. (Народное хозяйство СССР в 1990 году, 1991), то есть «контролером» стал каждый 17-й гражданин страны. По закону СССР «О народном контроле в СССР», принятом в 1979 г., сфера деятельности его органов распространялась на все отрасли управления. Органы народного контроля могли налагать взыскания на должностных лиц, производящих денежные начеты, отстранять от занимаемых должностей лиц, допустивших нарушения или волокиту при решении проблем граждан (Шорина, 1980, с. 74). Участие трудящихся в народном контроле поддерживалось материально: нештатные работники комитетов народного контроля освобождались от выполнения своих производственных и служебных обязанностей на срок до двух недель в год при сохранении заработка для выполнения поручений комитетов, предусматривались поощрения для них, дополнительный оплачиваемый отпуск до 3 дней. Председатель группы народного контроля не мог быть уволен(а) с работы по инициативе администрации или переведен(а) на нижеоплачиваемую работу (Шорина, 1980, с. 75).

Современная Общественная палата Российской Федерации, созданная в 2005 г., является наследницей этих структур. Она также осуществляет общественный контроль и работает с обращениями граждан при помощи специально созданной для этого информационной системы (см. Общественная палата Российской Федерации — официальный сайт www.oprf.ru). Пока еще она не имеет иерархической структуры с соответствующими подразделениями на местах (республики и регионы имеют свои Общественные палаты), но можно предположить, что вектор ее развития может быть направлен в эту сторону.

Еще одной формой реализации института обращений по инстанциям служит использование обращений населения на предварительных стадиях законодательного процесса. Речь идет о создании специальных комиссий для сбора предложений населения (в разных формах) при подготовке и обсуждении законопроектов. В СССР одна из первых таких комиссий была образована еще в 1938 г. на первой сессии Верховного Совета, однако положение о ее работе было принято лишь в 1947 г. Предполагалось, что в такие комиссии граждане, учреждения и организации могут направлять свои предложения о необходимых законодательных актах (Новиков, 1957). Через десятилетия эта норма получила свое современное выражение в Указе президента РФ от 4 мая 2013 г. об интернет-петициях, который формализует порядок учета и рассмотрения общественных инициатив. Указ предусматривает, что идеи будут публиковаться на сайте «Российская общественная инициатива», и зарегистрировавшиеся граждане смогут за них голосовать в течение года. В зависимости от уровня идеи (федеральный, региональный, муниципальный) требуется или 100 000 голосов, или

5% от населения территории (Как правильно пенять государству, 2013). Если будет собрано необходимое количество голосов, предложение может вноситься на правах законодательной инициативы в органы Федерального собрания РФ.

Наблюдения показывают, что в унитарных государствах в сложные периоды истории власть нередко выступает инициатором активизации института обращений по инстанциям для сбора сигналов «снизу» с тем, чтобы выявлять проблемы и способы их решения. Так, в начале XX века при кризисе самодержавия в России, верховная власть сама актуализировала сбор общественного мнения по ряду вопросов. Например, с целью сбора предложений в связи с хозяйственным кризисом было учреждено Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством влиятельного министра финансов С. Ю. Витте для опроса местных людей через уездные и губернские комитеты. В конце 1980-х гг. в СССР с аналогичной целью — получения «обратной связи» для органов управления — был создан Всесоюзный (с 1992 г. — Всероссийский) центр изучения общественного мнения.

Аналогичным примером может служить политика китайского руководства в ходе реформ, начатых в 1970-е годы. В этот период партийные органы в стране активно призывали население сообщать о проблемах, имеющихся на местах. Более 100 тысяч работников прокуратуры вышли на улицы городов и сел китайской глубинки, чтобы объяснить населению, как следует оформлять обращения. Одновременно по всей стране распространялся опыт города Шэньчжэня, где в начале 1980-х годов была создана «горячая линия» для сбора информации о замеченных нарушениях. За десятилетний период по этой линии поступило 1,5 млн. сигналов, по которым было проведено более 1 млн. расследований. Планировалось открытие 3600 таких линий по всей стране. Причем предусматривалось небольшое вознаграждение за каждый сигнал (Строкань, 1998). В настоящее время структура сбора и работы с обращениями в КНР становится все более разнообразной и разветвленной (Дерябина, Кирдина, 2010; Дерябина, Кирдина, Кондрашова, 2010), и действует она более эффективно. В КНР создаются специальные условия для вовлечения населения в процесс оценки и корректировки политических и экономических решений. Поддерживаются даже протестные движения, поскольку они служат именно этой цели. В результате количество таких движений по данным официальной статистики и социологических исследований в последние годы значительно возросло, как отмечала в своем докладе Чин Кван Ли на специальной пленарной сессии на X конференции Европейской Социологической Ассоциации» «Социальные отношения в турбулентные времена», Швейцария, Женева, 7–11 сентября 2011. (Lee, 2011, p. 25).

Похожие процессы развиваются в современной России — здесь также все больше используются как прежние, так и новые формы сбора информации от граждан, вплоть до баннеров, расположенных, например, на остановках автобусов (Рис. 19).

Развитие института обращений по инстанциям в унитарно-централизованном государстве является, на мой взгляд, главным условием роста участия граждан в общественной жизни страны, а также служит индикатором роста политической свободы в обществе. Именно эффективность работы данного института определяет диапазон возможностей и реализацию прав населения и территориальных групп

Рис. 19. Современная форма сбора обращений по инстанциям, г. Москва, май 2013

участвовать в деятельности политической системы (Кирдина, 2012). Понимание этого позволяет по-иному, в отличие от принятых в западных странах критериев, оценивать проводимые в унитарных государствах реформы. Это хорошо чувствовали представители государственной школы российской историографии рубежа XIX–XX вв. В качестве примера приведем соображение А. Г. Градовского, одного из самых авторитетных российских историков права, высказанное им еще в XIX веке. Размышляя о значении проводившейся в тот период земской реформы, Градовский, прежде всего, отмечает тот факт, что местные собрания получили право жаловаться на общие распоряжения во всем объеме, т. е. ходатайствовать о полной отмене распоряжений бюрократических органов (Градовский, 1874, с. 27, 29). Именно это, по мнению знаменитого историка, обеспечивало реальную самостоятельность органов местного самоуправления в рамках характерной для того времени российской политической системы.

В современной политической системе России аналогичная практика представлена в современных формах общественных слушаний и общественного контроля. Так, общественные слушания, проводимые с целью обсуждения возможных экологических последствий намечаемой хозяйственной деятельности на прединвестиционной стадии и ранних стадиях инвестиционного процесса стали обязательной нормой на уровне регионального и местного законодательства. В Москве, особенно с 2012 г. они позволяют эффективно контролировать процессы застройки территории города.

В мае 2013 г., в развитие инаугурационных указов президента России, премьер-министр подписал постановление о публичном аудите госинвестиций. Речь идет о том, что, наряду с техническими экспертами, общественные советы при органах власти также будут давать свои заключения по поводу финансовых средств, выделяемых государственным компаниям. Без их одобрения правительство не сможет выделить средства. Эта новая процедура также развивает институт обращений по инстанциям.

К сожалению, значение института обращений по инстанциям в унитарно-централизованных политических системах еще недооценено в институциональной теории, поэтому данный институт изучен пока недостаточно. Также, на мой взгляд, недостает современных исследований унитарных политических систем в целом, опирающихся на систему адекватных понятий, а не тех, которые выработаны наукой для исследования федеративных систем. Поэтому анализ институционального устройства политических систем стран с доминированием Х-матрицы, выполненный даже в «первом приближении», может оказаться бесполезным.

Взаимосвязанный набор институтов политической Х-системы представлен на рис. 20.

Рис. 20.
Институциональный
комплекс унитарной
политической системы
Х-матрицы

Можно видеть, что рассмотренные институты поддерживают функционирование друг друга, образуя морфологическое единство. Тем самым видна специфика унитарно-централизованных политических систем, развивающихся в рамках собственной эволюции.

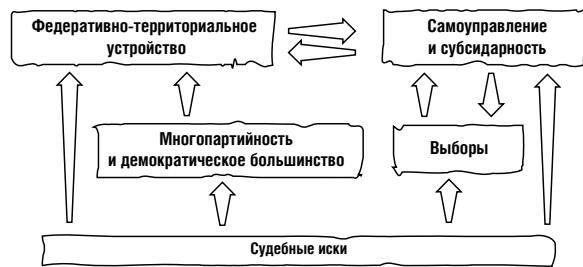
6.3. Базовые институты федеративного политического устройства Y-матрицы

На первый взгляд, политическое устройство западных стран чрезвычайно разнообразно. Множество институтов, оформляющих функционирование политической системы, различия в названиях стран, отражающие разные принципы государственного устройства, отличающиеся между собой конкретные формы политической жизни и особенности исторической эволюции стран Европы и Северной Америки — все это затрудняет выявление общих институциональных основ функционирования политической системы западных обществ. В то же время историки и социологи, специально занимавшиеся данным вопросом, давно уже обратили внимание на ряд сходных черт, встречающихся в характере законодательной, судебной и исполнительной власти этих стран. Приведем высказывание одного из первых компаративистов Алексиса де Токвиля, изучавшего средневековые политические институты Франции, Англии и Германии и обнаружившего поразительное сходство в их законодательствах. «При различии в деталях в зависимости от страны, — писал Токвиль, — основа их везде неизменна. Обнаруживая в старом германском законодательстве тот или иной институт, правило или закон, я заранее знал, что, поискав

хорошенько, я найду что-нибудь в сути своей сходное во Франции или Англии, и, действительно, не было такого случая, чтобы я не нашел того, что искал... У всех трех народов управление построено на одних и тех же принципах... Общество у них также имеет одну и ту же структуру... У всех трех народов города управляются схожим образом... От границ Польши до Ирландского моря мы во всем видим одни и те же черты — и в сеньории, и в вотчинном суде, и в правах ленного владельца, и в повинностях, и в корпорациях. Часто встречаются одни и те же названия, и, что еще более замечательно, все эти аналогичные институты проникнуты одним и тем же духом» (Токвиль, 1997, с. 20). Основой этого сходства послужило, по Токвилю, Римское право, утвердившееся на территории всей Европы (там же, с. 19), и эти же основы унаследовали от Европы и Североамериканские штаты, оставшиеся, по Парсонсу, частью одной с Европой системы (Парсонс, 1998, с. 185).

Итак, какие именно базовые институты формируют институциональное ядро западных политических систем, характерных для Y-матрицы? Их схема представлена на рис. 21.

Рис. 21. Институциональный комплекс федеративной политической системы Y-матрицы

Прежде всего, в такой политической системе территориальное устройство государства регулируется институтом федерации (федеративно-территориального устройства). В данном случае речь идет не о формально-юридическом понятии федерации, отраженном в названиях и конституциях конкретных государств⁶, но о федерации как «определенном виде политического института» (King, 1982, p. 19), реально пронизывающем все стороны политической жизни. Так, например, ежегодно 14 июля во Франции официально уже много лет празднуется День независимости, или День федерации, хотя эта страна не относится в юридическом смысле к федеративным государствам. Но название празднику дано самой сущностью проведенных в ходе революций государственных преобразований, осознанных и народом, и руководством страны. Другими словами, «далеко не все федеративные государства ... от-

⁶ По формальным основаниям выделяется лишь 20 федераций, т.е. государств, в названии или Конституции которых напрямую заявлено федеративное (союзное) устройство. Это 9 бывших британских колоний — Австралия, Индия, Канада, Малайзия, Мьянма, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Пакистан, США, затем, Бирма, далее 4 бывших испано-португальских колониальных владения — Аргентина, Бразилия, Венесуэла и Мексика, и, наконец, 6 европейских государств — Австрия, Бельгия, Германия, Российская Федерация, Швейцария и Югославия (по данным Г. Каменской, 1998).

ражают в официальном наименовании федеративный характер своей организации» (Рянжин, 1973, с. 10), ярким примером этого являются США. И, наоборот, СССР, как и современная Россия, несмотря на указанный в Конституции федеративный принцип, никогда не являлись федерацией в западном понимании, и зарубежные коллеги обычно используют термин «многонациональное унитарное государство» для их характеристики (Churchward, 1968, p. 167; Brzezinski, Huntington, 1964; Meyer, 1965; Hazard, 1980; Pipes, 1972). Над всеми входящими в состав СССР союзными республиками сохранялось верховенство власти Союза ССР (Калинин, 1936, с. 150; Орджоникидзе, 1956, с. 214. — Цит. по Рянжин, 1973, с. 16), и то же характерно для современной России по отношению к входящим в ее состав субъектам федерации.

Институт федерации (федеративно-территориального устройства) определяет правила взаимодействия территориальных частей государства между собой и государства как целого в странах с доминированием Y-матрицы. Прежде всего, федеративное устройство означает равенство и суверенность входящих в состав государства территориальных образований. Одновременно предполагается четкое разграничение роли и функций федерального центра и субъектов федерации. Несмотря на наличие общих целей в сферах, закрепленных за ними текстом основного закона государства, федеральное правительство и субъекты федерации сохраняют свой суверенитет. Распределение компетенций власти между центральным правительством и составными частями, как пишет японский исследователь Игоса Осайи — «продукт конституционного договора между двумя уровнями управления, ни один из которых не в состоянии изменить или отменить этот договор» (Osaghae, 1990, p. 85).

Система региональных отношений при федерации лишена элементов иерархического подчинения, ее субъекты не соподчинены. Федеральное правительство также не возвышается над субъектами федерации — федеральные власти и регионы сосуществуют как равноправные и параллельно действующие центры власти в пределах своих компетенций. Классическая метафора такого типа отношений, данная лордом Брайсом, англичанином, посетившим Соединенные Штаты во второй половине XIX века, часто цитируется в работах специалистов по федеральным отношениям (Grodzins, 1969, p. 13; Каменская, 1998, с. 15). Лорд Брайс так описал политическое федеративное устройство Америки: оно напоминает гигантскую фабрику, где оборудование установлено в два ряда, вплотную друг к другу. Постороннему взгляду временами бывает трудно что-либо различить в этом скоплении вращающихся колес и движущихся лент, но специалисты знают, что обе группы машин [которым Брайс уподобил федеральные и региональные органы власти — С.К.] выполняют собственные функции, не соприкасаясь со стоящими рядом механизмами и не нарушая хода их работы.

«Душой федерации» является «нецентрализация» (Osaghae, 1990, p. 98). Субнациональные сообщества существуют как самодостаточные политические и экономические образования, и центральное правительство не может по своему желанию децентрализовать или ренцентрализовать осуществление власти.

Исторически федерации возникали, как правило «снизу», путем объединения отдельных территориальных сообществ для совместных усилий и дополнительного противостояния угрозе со стороны третьих сил. После объединения и определения функций общегосударственной власти каждое из территориальных образований сохраняло в рамках внутреннего государственного устройства высокую степень политической и экономической самостоятельности, а не становилось лишь административной единицей.

Для западных обществ федерация — будучи таковой не по названию, но по сути — представляла собой преобладающий путь формирования государств. Следы федерализма отыскиваются в союзах полисов античной Греции (Каменская, 1998, с. 4), в складывании европейских государств на основе объединения городов-республик или соединения отдельных княжеств, графств, королевств и т. д. В новейшей истории на основе федерации возникали государства, освободившиеся от колониальной зависимости — США, Канада, Австралия и др.

Следующий важнейший базовый институт в федеративной политической системе — институт самоуправления и субсидиарности, функцией которого является регулирование деятельности органов государственного управления.

Говоря о самоуправлении, мы имеем в виду широкое значение этого термина, т. е. «управление каким-либо кругом дел самими заинтересованными гражданами непосредственно или через избранные ими органы без вмешательства со стороны иной власти» (Институты самоуправления..., 1995, с. 81). В этом смысле самоуправление относится к устройству государства и политической системы в целом, а не только определяет специфику местного самоуправления отдельных территорий и поселений.

Термин «самоуправление» вошел в научный лексикон лишь в конце XIX века для характеристики особенностей организации английской внутренней государственной власти (Gneist, 1871). В западном конституционном праве именно Великобритания, не имеющая, кстати, писанной Конституции как таковой (May, 1999, с. 52), считается классическим государством самоуправления.

Хотя сам термин возник чуть более 100 лет назад, обозначаемые им социальные отношения, т. е. институты самоуправления, сложились и доминировали в государствах с доминированием Y-матрицы с момента их возникновения. Известно самоуправление полисов в Древней Греции и провинций в Римской империи. Дальнейшее развитие самоуправление получило в западноевропейских городских коммунах в XII-XIV веках. По сравнению с полисным самоуправлением античности, в средневековых коммунах расширяется состав полноправного гражданского общества, включающий практически все работающее население городов (Институты самоуправления..., 1995, с. 81). Средневековые городские коммуны представляли собой тип самоуправления, основанного на коллективном и частном интересе, и явились прототипом современной системы государственного управления большинства европейских стран. Как пишет Парсонс, образец самоуправляющихся муниципальных организаций — «важный компонент институционального наследия Рима, ведущий свое происхождение от более древних городов-государств — греческих полисов

и городов Рима. Структурное ядро *municipium* составляет корпорация, объединение равных, имеющих одинаковые юридические и политические права и равно несущих военные и иные обязанности граждан» (Парсонс, 1998, с. 54).

Принцип субсидиарности в системе федеративных отношений означает приоритет (при прочих равных условиях) прав более мелкой, «низкой» самоуправляющейся общности по сравнению с общностью более крупной, более высокого уровня (Федерализм, 1997, с. 233). Самоуправление и субсидиарность являются «двумя сторонами одной медали». Они характеризуют ситуацию, при которой самоуправляемые территориальные общности на основе соглашений друг с другом «снизу» формируют органы общего более высокого уровня управления. Они являются основными субъектами формирования власти. Историки приводят факты, что, например, в 1327 г. герцог Померании обещал сословиям, что без их согласия не будет назначен ни один из высших чиновников, тот же порядок действовал и в других германских государствах (Латкин, 1885, с. 306).

В наше время институты самоуправления и субсидиарности ограничивают порядок формирования и иерархию высших органов в США — стране с наиболее выраженным федеративным устройством. В американской Конституции высшие органы страны обозначены следующим образом: Конгресс как орган прямого представительства населения является главенствующим, президент государства следует за ним. Решением Конгресса американский президент может быть отстранен от должности. Принцип субсидиарности демонстрирует также известная 10-я поправка к Конституции США. В соответствии с ней «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено его отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом» (Конституция Соединенных Штатов Америки, 1993, с. 22). Таким образом, субсидиарность определяет порядок делегирования полномочий в системе управления. Полномочия по реализации каких-либо компетенций передаются самоуправляющимися структурами на более высокий уровень лишь в том случае, если они сами принимают об этом решение ввиду отсутствия возможности для их реализации. Соответственно, снизу вверх передаются и необходимые для осуществления этих функций материальные и финансовые ресурсы.

Принцип субсидиарности находит свое выражение в том, что решение большинства хозяйственных проблем населения, проживающего на конкретных территориях, осуществляется в первую очередь на основе самостоятельного поведения населения и преимущественно на местном уровне. Институты самоуправления и субсидиарности определяют и законодательную практику в федеративном политическом устройстве. Как правило, законы принимаются и апробируются сначала на местном и региональном уровнях, а затем переносятся на федеральный. Одним из самых убедительных примеров служит американский опыт времен Нового курса Ф.Д. Рузвельта. Наиболее важные меры, составившие основу его политики, осуществлялись сначала в штатах и лишь позже были объединены в рамках общенациональной реформы (Каменская, 1998, с. 44).

При федеративном политическом устройстве основополагающим институтом формирования властей всех уровней являются выборы. Институт выборов широко известен и рассматривается как один из основополагающих элементов государственного устройства западных стран: для них «выборы и опосредующее их проведение избирательное право составляют одну из фундаментальных основ политической системы» (Князев, 1998, с. 20). Базовый институт современных выборов — несмотря на допустимость различных избирательных систем и разнообразие конкретных процедур, — содержит в себе ряд необходимых общих принципов: обязательность выборов, их периодичность, свобода выборов, альтернативность, независимость органов, осуществляющих организацию и проведение выборов, участие граждан на основе всеобщего равного избирательного права и тайного голосования (Князев, 1998, с. 22–31).

Выборность депутатов «снизу» означает, что содержание они также получают от своих избирателей, на что еще в позапрошлом веке указывал при описании «палаты общин» английского парламента В. Латкин (Латкин, 1885, с. 352).

Обязательность выборов означает, что они являются императивным легитимным способом формирования населением представительных и исполнительных органов власти, и соответствующие органы не вправе уклоняться от их проведения. Соответственно, итоги выборов и принятые на их основании решения являются обязательными для исполнения государственными органами.

Периодичность выборов обуславливается временными рамками полномочий действующих органов власти. Она служит гарантией против узурпации власти в одних руках и предотвращает нелегитимное продление сроков властных полномочий. Как правило, на законодательном уровне разрабатываются специальные положения, исключающие подмену очередных выборов референдумами по продлениям полномочий тех или иных должностных лиц, а также другими подобными процедурами.

Свобода выборов, также как и их добровольность, является одним из краеугольных камней института выборов. Она означает исключение принуждения к участию в выборах или голосованию. С этой точки зрения часто полагаются нелегитимными так называемые «пороги» явки избирателей для признания выборов состоявшимися, так как это может рассматриваться как косвенное давление на избирателей и принуждение к участию в голосовании. Более того, снятие этих «порогов» вытесняет из практики избирательных компаний призывы к бойкотированию выборов как формально правомерному средству их торпедирования.

Альтернативность выборов предполагает необходимость наличие большего числа кандидатов, чем выборных позиций. Принцип альтернативности создает предпосылки для реальной состязательности на выборах и предотвращает возможность безальтернативных выборов — иначе они превращаются в простую формальность. Полагается, что при единственном кандидате избиратель лишается права выбора, что не способствует действительной свободной реализации его волеизъявления.

Независимость органов, осуществляющих организацию и проведение выборов — еще одна характерна составная черта института выборов. Такие специальные органы (комиссии) создаются для защиты избирательных прав и интересов граждан.

Эти органы не входят в систему органов государственной власти и формируются на основе предложений избирательных объединений, собраний граждан, органов местного самоуправления и т. д. в соответствии с законодательными и нормативными правовыми актами той или иной страны. Независимый статус избирательных комиссий, защищаемый законодательно, предполагает, в частности, что органы, участвовавшие в их формировании, не могут вмешиваться в их работу.

Граждане страны участвуют в выборах на основе всеобщего равного прямого избирательного права и тайного голосования, что означает реализацию их права избирать и быть избранными. История института выборов такова, что постепенно шел отказ от разного рода избирательных цензов (сословного, имущественного, оседлости, грамотности, полового и проч.), другими словами, увеличивалась доля населения страны, которое могло участвовать в выборах. Это также означало создание условий и организационного обеспечения для свободного волеизъявления граждан, за которые ответственна государственная власть.

Наконец, выборы, или формирование кадров руководителей страны, регионов и местных сообществ «снизу», часто включают в себя процедуры отзыва депутатов и смещения избираемых лиц в порядке импичмента. «Императивный мандат», предусматривающий ответственность выборных представителей перед их избирателями вплоть до отзыва, был известен еще в средневековой Европе (Малько, Синюков, 1992, с. 13), но наиболее полно оформился в Парижской коммуне (Зиновьев, 1984, с. 42). На практике процедура отзыва депутатов обставлена рядом формальностей, затрудняющих ее исполнение, и ее расходы возлагаются на избирателей. Поэтому она используется крайне редко (например, в США, как писал Зиновьев в 1984 г., ни разу не удалось отозвать депутата, не оправдавшего доверия избирателей, да и после этого такие случаи были единичны). Тем не менее, сама возможность такой процедуры обеспечивает необходимую полноту института выборов.

Для принятия важнейших государственных решений в федеративных политических системах действует институт многопартийности и демократического большинства. Это означает, что в государстве функционируют партии, избирающие своих представителей в органы управления. Принятие решений обеспечивается избранными от них лицами на основе принципа большинства, заимствованного современными европейскими странами еще из Римского права.

Партии (многопартийность) представляют собой институт, складывавшийся с самого начала возникновения западных государств. Суть его состоит в том, что в обществе постоянно представлены значительные группы людей, объединенных общими интересами, обладающих собственностью и стремящихся в конкурентной борьбе занять (или предоставить своим представителям) лидирующие позиции в структурах управления; именно деятельность партий, что важно подчеркнуть, является главной в политическом устройстве государства. Институционализация партий связана с институтом выборов, поскольку «под партией понимается любое объединение или группа избирателей, которые выступают на выборах под определенным наименованием» (Коваль, 1981, с. 81). Задача партий — артикулировать интересы различных групп и обеспечивать поиск компромисса в решении общих

проблем (Encyclopedia of Sociology, 1992, p. 84). Уже в Древней Греции и Риме существовали партии аристократические и демократические, в средневековой Франции — партии сторонников папской и королевской власти, в Англии XVII века — виги и тори и т. д.

Даже если деятельность таких групп или партий не была закреплена законодательно, она всегда носила определяющий характер при формировании структур власти и принятии важнейших государственных решений. Приведем пример из истории Союза североамериканских штатов XIX века. Тогда Конституция предусматривала, что избрание президента Союза осуществляется на съезде выборщиков. Организация съездов нормировалась законами, таким образом, съезды регулировались со стороны органов государственной власти. Тем не менее, совершаемый ими акт был «простой формальностью: гораздо более существенную роль играли конгрессы партий, намечающие кандидатов на тот же пост, но никаким законом [в тот период — С.К.] не предусмотренные» (Энциклопедический словарь, 1897, т. 22, с. 888). Как известно, партии в США, как и в других западных странах, по-прежнему играют главную роль в выдвижении кандидатов на высшую должность в стране — должность президента.

В последние годы «возрастание роли партий в развитии политической системы западных стран, усиление их взаимодействия с государственным механизмом наиболее отчетливо проявляются в отношениях партий с правительством» (Евдокимов, 1991, с. 50). Известно, что в западных странах лидер партии, победившей на парламентских выборах, как правило, становится главой правительства. Назначение его на этот пост главой государства (как, например, королевой в Великобритании), рассматривается как чисто формальный акт, повторяющий результаты выборов.

Значимость роли партий в политической жизни современных стран выражается также в складывающейся практике государственного финансирования партий, получивших на выборах определенный уровень поддержки населения. Бюджетная поддержка партийной деятельности, как и ее законодательное закрепление, дальнейшая юридическая регламентация регистрации и деятельности партий, в том числе правила финансовой отчетности, свидетельствуют о все большей институционализации партий в современной политической системе большинства стран.

Принцип демократического большинства — древнейший институт принятия решений в западных странах — является естественным следствием действия института многопартийности. В условиях общества, разделенного на независимые партии (или суверенные штаты, земли и т. п.), которые не соподчинены иерархически, но обладают равными правами, существует объективная основа складывания этих обособленных социальных позиций, голосов, мнений для формирования общего решения.

Российский историк XIX в. Василий Латкин описывает, как складывался институт демократического большинства на сеймовых соборах в средневековой Германии. При голосовании тех или иных вопросов всякий несогласный с постановлением сейма покидал последний и не считал своей обязанностью подчиняться ему. Таким образом, постановление, формально считавшееся единогласным, имело силу

только по отношению к принявшим его. Затем единогласие было заменено решением по большинству голосов (Латкин, 1885, с. 298).

Действие института демократического большинства выражается, прежде всего, в порядке изменения важнейших документов государства, например, Конституции. Так, поправки к Конституции США — основному закону страны — безусловно принимаются, если они поддержаны легислатурами и конвентами не менее трех четвертей штатов (Ларина, Кисельников, 1998, с. 114), т. е. за них высказалось демократическое большинство равноправных образующих государство политических субъектов. Аналогичные нормы существуют и в других странах с федеративным политическим устройством. Напомним, что в странах с доминированием институтов Х-матрицы, например, в России, изменение Конституции требует, по сути, единогласного признания необходимости этого всеми региональными субъектами.

В политической федерации действует свой механизм обратной связи и контроля принятых решений. Им является институт судебных исков, подразумевающий наличие независимой судебной системы. В государствах с доминированием Y-матрицы основы независимой судебной системы стали складываться с начала их истории. В главе 4 был отмечен пример действия третейского суда при решении спорных вопросов в древней Месопотамии.

Одним из первых образцов постоянно действующих независимых (от верховного управления) судебных учреждений являются дикастерии Древней Греции, учрежденные Солоном в VI веке до н.э. Они представляли собой многолюдные судебные коллегии, члены которых избирались по жребию от всех сословий. За исключением дел, подлежащих ведению высшего должностного лица (например, о преднамеренных убийствах) или мелких дел, не выходивших за пределы компетенции должностных лиц, дикастерии разбирали все основные частные и политические, гражданские и уголовные дела. Им также принадлежало право во второй и последней инстанции решать дела по жалобам на постановления других учреждений (Энциклопедический словарь, 1893, т. 10, с. 591).

В Риме высшей судебной инстанцией также являлось народное собрание, где могли рассматриваться апелляции по делам, решенным рядом других судебных учреждений — царским судом, судом сената, жреческим судом, судом отца семейства. Народное собрание могло также непосредственно рассматривать обращения граждан (Энциклопедический словарь, 1900, т. 31, с. 947).

Дальнейшая история западных стран также характеризуется наличием независимых от королей и монархов судебных учреждений, что нашло развитие в сформулированном в 1787 г. в федеральной Конституции США принципе разделения властей. Как известно, сама эта Конституция представляла собой развитие принципов государственного устройства, изложенных в законодательстве ряда стран Западной Европы, прежде всего, Великобритании.

В настоящее время принцип независимости судебной власти является одним из главных в системе западного конституционализма. Судебная власть в федеративной политической системе выступает основным гарантом прав населения, организаций, территориальных общностей и субнациональных образований. Решение

судебных органов является определяющим в юридическом оформлении партий (Коваль, 1981). Выступая в качестве нейтрального третейского арбитра, судебная власть разрешает коллизии, возникающие между равноправными и суверенными субъектами федерации и федеральным центром, между равноправными гражданами и т. д., толкуя текст основного закона и руководствуясь его принципами, отвечающими нормам естественного права, исторически сложившегося в западных государствах.

Право судебного иска защищает интересы всех участников политической деятельности, а сами судебные решения являются сигналами обратной связи в политическом федеративном устройстве, поскольку на их основе закрепляются новые или модифицируются прежние правила взаимодействия в политической сфере общества. Это связано с тем, что в западных странах судебные решения имеют юридическую силу, т. е. на их основе изменяется законодательство в соответствующей области. Так, например, Джеймс Уиллард Херст, характеризуя развитие системы экономических отношений в США, пишет: «Правовые принципы, регулирующие отношения собственности и договорные отношения, были заимствованы у Англии, но затем существенно доработаны, главным образом путем судебных решений» (Hurst, 1956). Это признание свидетельствует о том, что именно посредством действия института судебных исков обеспечивается изменение институциональной среды в федеративных политических системах.

Рассмотренный комплекс базовых политических институтов, характерный для Y-матриц, является их органичным элементом, интегрированным с рыночной экономикой таких стран и институтами индивидуалистской идеологии, которые будут рассмотрены в следующей главе.

6.4. Взаимодействие доминантных и комплементарных политических институтов

Доминирование федеративных или унитарных институтов в политических системах разных стран предполагает одновременное действие комплементарных институтов и соответствующих им институциональных форм. Такими комплементарными, или дополнительными институтами для стран с доминированием политических институтов X-матрицы являются политические институты Y-матрицы, и наоборот. Комплементарные институты являются дополнительными регуляторами политической жизни и способствуют, в конечном счете, реализации и проявлению преимуществ доминантных институтов. Продемонстрируем это некоторыми фактами из истории и современности стран, характеризующихся как унитарным, так и федеративным политическим устройством.

Так, не исключают, но дополняют действие друг друга институты федерации и административного деления. Главное отличие между этими институтами заключается, напомним, а) в наличии/отсутствии суверенности территориальных частей государства и б) в разделении/общности сферы компетенций субнациональных образований и центральных органов.

Дореволюционная Россия, чья принадлежность к унитарному государству ни у кого не вызывала сомнений, тем не менее, имела в своем составе территории, например, Великое Герцогство Финляндское и Королевство Польское, которым была предоставлена значительная автономия, делавшая их суверенными. Они имели обособленную систему законодательной и исполнительной власти и строго ограниченную сферу компетенции, куда не вмешивалась центральная императорская власть (Саликов, 1988, с. 48–49). Политика «федеративного протектората» по отношению к этим территориям, с одной стороны, учитывала их своеобразие, а с другой стороны, упрочивала положение России в целом как унитарного государства.

Обратную картину можно наблюдать в США, где доминирует институт федерации и принцип невмешательства центрального правительства в дела штатов. На определенном этапе исторического развития, тем не менее, сохранение и развитие федеративной природы государства объективно потребовало вмешательства в эту «святая святых» американского федерализма. В знаменитом решении Верховного суда США, вынесенном в 1985 г. по делу Гарсиа, была высказана мысль о том, что Конституция США не содержит норм, ограничивающих пределы власти федеральных органов, не утверждает за штатами *a priori* суверенитета в признанных сферах их компетенции и не устанавливает незыблемых границ между предметами ведения федерального правительства и регионов (Каменская, 1998, с. 33). Это решение стало следствием распространения так называемого «нового федерализма», который относит разделение полномочий в системе территориально-политического управления к вопросам политической практики и допускает их корректировку федеральным парламентом в процессе рутинного законотворчества, в ходе обновления по мере необходимости нормативных основ деятельности исполнительной власти. Федеративные качества системы при этом сохраняются, поскольку обеспечено решающее условие — участие в данном процессе субнациональных сообществ (там же, с. 34) и их выбранных в парламент представителей.

Покажем также на примере России и США, как проявляется взаимодействие институтов выборов и назначений.

В унитарном политическом устройстве России институт выборов, действуя параллельно с институтом назначения, проявляется на разных уровнях административного деления государства. Например, могли сосуществовать назначение губернатора и выборность на уровне местной общины или города. При этом введение выборных должностей служило, во-первых, цели ограничения власти административной и, во-вторых, было дополнительным властным инструментом иерархических управленческих структур. Само значение выборной должности определялось, как правило, тем объемом правительственных поручений, т.е. поручений центральной власти, которые исполнялись соответствующим лицом. Примером может служить создание в XVIII веке — выборной по сути — довольно сильной и влиятельной должности предводителя дворянства. Исполнение такого рода выборных должностей называлось «службой по выбору» и представляло собой одну из повинностей местного населения в пользу административной власти, что понимали современники. Так, общественный деятель и писатель А. А. Головачев писал: «Многие думают, что на-

чало нашего самоуправления следует считать с учреждения дворянских и городских выборов. Но это только показывает, какие смутные понятия существуют у нас о централизации и самоуправлении. Правом выборов местным обществом не предоставлялось никакого права распоряжаться каким бы то ни было делом, от них требовалось указание тех лиц, которым губернская администрация могла верить известную долю власти. Затем эти лица делались такими же органами центральной власти, как и непосредственно ею назначенные» (Головачев, 1872, с. 148).

Исторический документ: «Священное право дворян есть право выборов, коим оно поставляет чиновников на государственную службу» (Манифест Императора Николая I от 6 декабря 1831 г.. Цит. по: Витте, 1903, с. 59)⁷.

Именно из среды выборных рекрутировались затем административные чиновники, для которых «служба по выбору» была формой предварительного отбора для работы в государственных и правительственных учреждениях. Этот порядок сохранялся и в СССР. Так, в 1962 г. В. М. Манохин писал: «В настоящее время у нас существуют два основных способа комплектования личного состава государственных органов, а также общественных организаций: выборность и назначение. ...Порядок назначения связан с такими факторами, как единство управления единым фондом социалистической собственности, обеспечением государственных интересов, государственной дисциплиной в выполнении народнохозяйственного плана и др. Поэтому программа КПСС говорит о постепенном переходе к выборности работников государственных органов» (Манохин, 1962, с. 113). Причем, даже при переходе к выборности сохраняется необходимость утверждений избрания тех или иных лиц вышестоящими государственными органами (там же, с. 114). Похожий порядок сохраняется и в современной России. Его иллюстрацией является «призыв на государственную службу» депутатов Государственной Думы, из среды которых назначаются полномочные представители президента во вновь образованных федеральных округах, министры и т. д.

В европейских странах и США, напротив, безусловно доминирует институт выборов. В то же время президент США самостоятельно проводит назначения до 1,5 тысяч чиновников федеральных ведомств. Назначения на высшие федеральные должности президент осуществляет «по совету и с согласия Сената», высшего выборного органа страны (Саликов, 1998, с. 124). В данном случае сочетание выборности и назначения позволяет, с одной стороны, значительно сэкономить общественные силы за счет применения процедуры назначения, а с другой стороны, обеспечивает приоритет выборного начала при занятии наиболее важных управленческих позиций в системе государственной власти.

А вот как взаимодействуют институты властной иерархической вертикали во главе с центром и институты самоуправления и субсидиарности.

⁷ Манифест отражал личную ответственность императора за выполнение провозглашенных принципов, по сложившейся традиции не подлежал отмене и поэтому фиксировал, как правило, самые общие положения (Омельченко, 1989, с. 6), имеющие основополагающий характер.

В России, где доминирует институт властной иерархической вертикали во главе с центром, институты самоуправления всегда имели дополнительный характер. На протяжении всей истории нашей страны самоуправляющиеся структуры являлись подчиненным элементом, «вложенным» в иерархическую систему, и действовали по общим, установленным сверху правилам. Характерным примером является история испокон веку существовавших самоуправляющихся сельских и городских общин. Целью такого самоуправления, как писал в свое время А. Д. Градовский, было «привлечь общественные силы к участию в государственной администрации, а значит, ввести общественные установления в круг правительственных установлений» (Градовский, 1878, с. 20). Другими словами, верховная власть определяла круг задач, требовавших решения на местном уровне, а затем к исполнению этих задач привлекались общины или выборные от них представители.

Российские исследователи, независимо от их убеждений, всегда признавали самоуправление как «жизнь создающее и утверждающее начало», которое, тем не менее, не разъединяет людей или территориальные общности, но сближает их в едином общем государстве, усиливает государственное целое (Яценко, 1912, с. 786). Как отмечал А. Ахиезер, в России система выборных «излюбленных» людей (старост, голов, целовальников и др.) никогда полностью не исчезала и «была официально признана основанием всего административного устройства» (Ахиезер, 1997, с. 121). Попытки выстроить систему местного и государственного управления на разных началах рано или поздно вызывали между ними противоречия и приводили в конце концов к реформе одного на началах другого (Витте, 1903, с. 18). Российская история знает немало примеров того, как самоуправление и выборность на местном уровне «встраивались», в конце концов, в систему централизованного управления.

В отличие от Древней Руси с ее земскими соборами, дополнявшими княжескую и власть и собиравшимися, как правило, по указанию князя, у скандинавских и германских племен народные самоуправляющиеся собрания были доминантой политической жизни. Как писал в свое время В. Н. Латкин, цитируя шведского историка Рамберта, народные самоуправления отличалось тем, что «именно на них лежал центр тяжести управления государственными делами, и король вполне зависел от последних..., что последние установят, то утверждается королем», (Латкин, 1885, с. 14).

В современной политической практике США, где доминируют институты самоуправления и субсидиарности, тем не менее, постоянно действуют альтернативные им институты властной вертикали во главе с центром. Так, принцип верховенства союзного законодательства предоставляет право федеральному правительству издавать нормативные акты прямого действия, обязательные для структур исполнительной власти. И хотя их принятие является скорее исключением, малохарактерным для стиля исполнительной и законодательной власти, оно каждый раз оставляет особенно памятный след в истории федеративных отношений этой страны (Каменская, 1998, с. 27). Гораздо чаще на протяжении всей истории государства используется другая политическая процедура, обусловленная определенным верховенством федеральной власти — денежные трансферты отдельным регионам в виде федеральной помощи. Эксперты Комитета по межправительственным отношениям США еще в 1955 г. в од-

ном из первых своих докладов высказывали мысль о том, что программы федеральной помощи если и не низводят штаты до положения территориально-административных районов унитарного государства, то уж никак не способствуют цели их сохранения как особых целостных политических сообществ субнационального уровня (Каменская, 1998, с. 29–30). Тем не менее, выражаемое этим фактом действие институциональной формы, которая свойственна альтернативному для федеративных систем институту властной вертикали во главе с центром, конечно же, не изменяет сущности всей системы политических институтов федеративной политической системы США. Денежные трансферты, перечисляемые регионам, лишь выравнивают их позиции в политической и экономической конкуренции в сравнении с другими штатами страны.

Отметим также специфику взаимодействия дополняющих друг друга политических институтов многопартийности и демократического большинства, с одной стороны, и общих собраний и единогласия, с другой стороны, в разных политических системах.

В США это взаимодействие проявляется, прежде всего, на уровне штатов. Анализ выборов в региональные органы власти показывает, что южные и частично западные штаты этой страны фактически остаются однопартийными. Как отмечают специалисты, «двухпартийная система на федеральном уровне соседствует с однопартийными системами штатов» (Каменская, 1998, с. 44). Отсутствие борьбы и сменяемости партий в этих штатах обусловлено исторически сложившимся единогласием граждан по поводу политических сил, выражающих их интересы. Такое сочетание альтернативных политических институтов, отвечая реальным требованиям общественной жизни, лишь повышает устойчивость политической системы страны в целом.

Взаимодействие политических институтов выражается не только в их сосуществовании в различных политических системах, но и во взаимном влиянии. Это часто приводит к такому изменению комплементарных институтов под влиянием базовых, что, при сохранении внешней формы, коренным образом меняется их внутреннее содержание. Ярким примером этого служат метаморфозы института многопартийности в унитарных государствах.

Об этом явлении писали, например, авторы монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного». В условиях господства формационного подхода, в начале 1980-х годов авторы с трудом добились возможности опубликовать в СССР свои взгляды. В монографии отмечено, что в ряде стран, таких как Индия, Шри-Ланка, Малайзия, Ливан и др., многими исследователями при анализе политических процессов во внимание принимаются лишь формальные конституционные аспекты, а также та деятельность, которая лежит на поверхности политической жизни (выборы, парламентские заседания и процедуры и т. п.). В то же время реальный политический процесс, реальное функционирование государственности остаются большей частью вне поля зрения либо им придается второстепенное значение (Эволюция восточных обществ ... , 1984, с. 296). Такой политической реальностью признавалась, в частности, модификация заимствованной этими странами многопартийной системы. В восточных обществах институт многопартийности воплощался, в конце концов,

в форме доминирования одной партии, на основе которой строилась иерархическая вертикаль власти в государстве. Авторы монографии приводят ссылки на труды Р. Котхари, Г. Кришны и других индийских ученых, которые подробно разрабатывали концепцию «политической системы с доминированием одной партии» для определенного типа стран. В дальнейшем эта концепция получила признание со стороны многих западных социологов и была оценена как адекватная для таких государств (Эволюция восточных обществ ..., 1984, с. 550). Аналогичная ситуация при внедрении многопартийной системы имела место в Мексике, где де-юре действует многопартийность, а де-факто у власти более 70 лет находилась одна и та же «институционно-революционная партия», трижды менявшая свое название (Ворожейкина, 2010), в Турции, в которой сохраняется однопартийное правление (Федотова, 1997, с. 58), в Египте, где по сути действует однопартийная система с назначением лидера (Mc Depmott, 1988) и т. д.

История России также демонстрирует итоги попыток внедрения многопартийной системы в политическую жизнь страны в конце XIX века. В результате они привели к господству одной партии, на основе которой была воссоздана уничтоженная в ходе революций исторически присущая стране иерархическая вертикаль власти во главе с руководящим центром, которым стал ЦК КПСС. Этот и другие примеры показывают, что в унитарных государствах многопартийность содействовала, в конечном счете, восстановлению политической системы с доминированием институтов, изначально присущих X-матрицам.

Институт обращений по инстанциям и институт судебных исков также сосуществуют в практике каждой страны. При этом их сочетание определяется типом доминирующей матрицы.

Например, в России, где исторически доминирует X-матрица и политический институт обращений по инстанциям, институт судебных исков тем не менее, постоянно расширяет сферу своего действия. Правоведы постоянно отмечают, что необходимо сохранять и расширять возможности граждан защищать свои права как в административном порядке (путем обращения по инстанциям), так и в судебном. Именно такое сочетание отечественные юристы считают наиболее демократичным и подходящим для нашего государства. На протяжении долгой истории правоведы соглашались с тезисом, что «у нас должны оставаться оба эти канала обжалования, ибо чем больше путей ликвидации беззакония, тем демократичнее сама система обжалования» (Вопросы советского государственного права, 1958, с. 226; Лория, 1970, с. 113).

Подробный разбор соотношения судебного и административного порядков разбора жалоб дает, например, в своей работе В. А. Ремнев (Ремнев, 1984). Он отмечает, что «судебный и административный способы рассмотрения жалоб — это не исключают, а взаимосвязанные, взаимообогащающие и дополняющие друг друга подсистемы единого демократического института права жалобы» (Ремнев, 1984, с. 50). При этом если административная жалоба — это жалоба *общая*, с более широким спектром действия и применения, то жалоба гражданина в суд — «всегда *специальная* жалоба, ее автором может быть только лично заинтересованное в решении данного вопроса лицо или его законный представитель» (Бахрах, 1987, с. 41). Кроме того, общая жалоба допускается даже на действия судьи, в то время как возможность

специальной жалобы в этом случае не допускается, другими словами, право на специальную жалобу (или судебного иска) намного уже абсолютного права на общую (административную) жалобу. Кроме того, право решения вопросов по общей административной жалобе имело приоритет по решениям в связи со специальной (судебной) жалобой. Так, в СССР «вышестоящий орган государственного управления во многих случаях может отменить по мотивам целесообразности акт нижестоящего органа, признанного *судом законным* [курсив мой — С.К.]» (Бахрах, 1987, с. 42–43), если на эти действия была направлена административная жалоба. Поэтому можно видеть, что круг судебных исков гораздо уже круга обращений по инстанциям — доминирующего института унитарной политической системы.

Также следует отметить, что наличие судов дополняет, но не меняет общих контуров политической системы с доминированием институтов иерархической вертикали власти во главе с центром, характерным для Х-матрицы. Это было очевидно для специалистов, анализировавших советскую правовую систему, когда они отмечали, что «...судебные органы не контролируют работу органов управления и не являются по отношению к ним вышестоящей инстанцией» (Лория, 1970, с. 113). «Вступившее в силу решение суда, — писал Д. И. Полумордвинов, — связывает государственный орган лишь постольку, поскольку перед последним возникает необходимость иметь суждение точно по тому самому вопросу, о котором постановлено решение, и лишь по отношению к тем лицам или правопреемникам тех лиц, спор которых разрешен этим решением» (Полумордвинов, 1964, с. 163).

Институты обращений и судебных исков сосуществуют и в странах с доминированием Y-матрицы. Так, в ряде западноевропейских стран для разбора жалоб от населения на действия органов государственной власти, кроме традиционных судов, действует специально созданная для этих целей система административной юстиции. Ее органы действуют либо в составе активной администрации и напрямую зависят от нее, как, например, во Франции, Италии, Люксембурге, Турции или ЮАР, либо в виде специальных административных судов, как в Германии, Австрии, Швеции или Финляндии (Боннер, 1969, с. 99), независимых при этом от общих судов. Такие административные трибуналы разбирают, например, во Франции, жалобы о правомерности избрания выборных должностей органов местного управления, споры последних между собой по поводу распределения налогов, справедливость административных актов в отношении прав частных лиц, жалобы на злоупотребления чиновников и др. (там же, с. 100). Интересно, что члены и председатели таких трибуналов назначались правительством по предоставлению министра внутренних дел и с согласия министра юстиции (там же, с. 101).

Что же касается, например, США, то в них, в соответствии с принятой правовой доктриной, контроль за деятельностью административных органов призваны, прежде всего, осуществлять общие судебные органы. В связи с этим разбор жалоб на действия этих органов ведется со второй половины XX века в специализированных судах, созданных для этой цели, таких как Налоговый суд, Претензионный суд и др. (Хаманева, 1997, с. 128–129). Практика омбудсменов не получила в этой стране широкого развития, эта должность с весьма ограниченными полномочиями введена

лишь в нескольких штатах и не приносит, как отмечали американские исследователи, ожидаемых результатов (Жданов, 1971, с. 74). Характерно, что наиболее влиятелен омбудсмен штата Гавайи, где он действует с 1974 г. Видимо, это можно объяснить иной культурно-институциональной средой данного островного штата где, как можно предположить, до его включения в состав США доминировали институты X-матрицы.

Преимущественно судебный разбор жалоб на действия должностных лиц был также характерен и для Великобритании (Жданов, 1973, с. 82). Но с 1974 г. здесь действует дополнительный (по отношению к судебному контролю) институт административного контроля за деятельностью органов государственной власти всех уровней, который дополняет работу уполномоченного Парламента по делам администрации (Бойцова, 1993, с. 48). Роль данного института, включающая теперь и «местных омбудсменов», состоит в разборе жалоб на «плохое управление». Введение данного института очевидно дополняет систему политических институтов стран с Y-матрицей. Как заметил по этому поводу известный британский правовед, «старое предположение о том, что выборные представители смогут обеспечить достаточные гарантии против злоупотребления властью должностными лицами, уступило место новому признанию необходимости в профессиональной защите *вне юрисдикции суда* [курсив мой — С.К.] (Бромхед, 1978, с. 143).

В целом можно видеть, что в странах англосаксонской правовой традиции баланс института судебных исков и института обращений по инстанциям гораздо более смещен в пользу первого по сравнению с рядом стран континентальной Европы. Тем не менее, для всех этих стран, где доминирует Y-матрица, институт судебных исков играет более важную роль в решении проблем защиты прав.

Вызывает интерес взаимодействие институтов обращений по инстанциям и судебных исков в европейских социалистических странах в период их нахождения в зоне влияния СССР. На мой взгляд, в этих странах исторически доминировали институты Y-матрицы, но после войны по независящим от них глобальным политическим причинам в них стали насаждаться институты X-матрицы, что приводило к созданию необычных институциональных форм. Одной из таких отмеченных специалистами правовых новелл были созданные для рассмотрения жалоб и споров в области государственного управления особые юрисдикции, которые не входили ни в судебную систему — как это было характерно для западных стран, ни в структуру того административного органа, при котором они состояли, — что было нормой для Советского Союза (Хаманева, 1984, с. 98). Такие гибридные формы отражали неустойчивый институциональный порядок стран Восточной Европы, который просуществовал — с исторической точки зрения — относительно недолго. Тогда же была отмечена практика возвращения к административным судам в некоторых из этих стран для рассмотрения жалоб, что связывалось исследователями «с национальными особенностями страны, ее традициями, обстановкой, а также историческим опытом прежних лет» (Хаманева, 1984, с. 108). И типом латентно доминирующей институциональной матрицы, как я предполагаю.

Еще одним примером внедрения в федеративную политическую систему институциональных форм унитарного политического устройства служит узаконен-

ная практика разного рода петиций. «Петиции в западной демократии существуют давно, а в последнее время они становятся электронными. На сайте Белого дома в разделе We the People (Мы — народ) можно оставить любое предложение. Правительство до недавнего времени отвечало ... на все петиции, собравшие 25000 (в последнее время порог повышен до 100000) подписей.... На сайте германского бундестага также есть раздел для онлайн-петиций, и там есть пре- и постмодерация — специальная комиссия решает, публиковать ли обращение, а после 50 000 подписей обсуждает его на открытом заседании» (Как правильно пенять государству, 2013).

Говоря о специфике взаимодействия доминантных и комплементарных институтов, следует особо отметить изменение содержания последних по сравнению с тем, который они имеют в альтернативной политической системе. В качественно иной институциональной среде комплементарные институты и их формы «абсорбируются», доминантными институтами и становятся часто их продолжением, а не носителями иного содержания⁸. Поэтому точнее было бы говорить о квази-институтах, например, выборов или самоуправления, действующих при доминировании унитарных институтов. Соответственно, несколько иной характер имеет, например, институты назначений или властной вертикали, действующие в условиях доминирования федеративных политических институтов. Квази-характер комплементарных институтов, дополняющих систему базовых, связан с инвариантностью институциональных матриц, а также принципом доминантности базовых институтов, задающих особенности проявления институтов комплементарных (подробнее об «институциональном изоморфизме» см. в главе 9, параграф 9.2).

Итак, используя положения развиваемой теории институциональных матриц, или X-Y-теории, можно увидеть, что внешне похожая политическая жизнь разных обществ, в которых функционируют, казалось бы, одинаковые организационные формы, имеет в своем основании систему либо унитарных, либо федеративных базовых политических институтов. Два типа политической структуры представляют собой два типа институционализации процесса передачи прав отдельного гражданина общественным структурам для организации совместных действий в едином государстве, два способа достижения политического консенсуса. Через тот или иной институциональный комплекс в государствах обеспечиваются, в конечном счете, мобилизация общественных сил на достижение коллективных целей, а также согласование индивидуальных, локальных (местных) и общегосударственных интересов, т. е. реализуются основные функции политической подсистемы в обществе.

⁸ Перенос политических терминов из одной институциональной среды в другую приводит к непониманию между теми, кто их привносит, и той средой, которая пытается их использовать (Appadurai, 1997, p. 36). Например, англичанин Горсей в своих «Записках о Московии» 1909 г., описывая Земский собор 1584 г., писал, что был «собран парламент», смоленский воевода Филон Кмит в письме к польскому королю Стефану Баторию называет Земский собор 1580 г. «сеймом», а ливляндский дворянин Георг Брюнно именует собор 1613 г. «рикседагом» (Черепнин, 1978, с. 94). По сути же эта была совершенно иная форма, соответствующая политической X-системе и направленная на достижение единогласия, а не демонстрации воли демократического большинства.

Non in omnes omnia conviniunt
(Не всё подходит всем)

Цицерон

Коммунитарные и индивидуалистские идеологии

Идеология как элемент институциональной матрицы — это «подводная часть айсберга» огромного и богатого мира представлений, идей и образов, норм и правил поведения, которые существуют как глубинные устоявшиеся нормативы социального действия, «впечатанные» в общественное сознание и постоянно воспроизводимые и развивающиеся. В отличие от базовых экономических институтов, определяющих правила хозяйствования, и политических институтов, регулирующих способы совместной организации социальной жизни, идеологические институты сохраняют и передают следующим поколениям нормативные представления о структуре общества, месте и действиях человека в ней и об отношениях людей как социальных субъектов друг к другу.

С точки зрения институционального и макросоциологического подходов идеология может быть рассмотрена как институциональный каркас культуры, что позволяет «встроить» ее в структуру социальной системы и выделить специфические функции, отличные от функций экономической и политической подсистем. Кроме того, переход от культуры к идеологии при анализе социальных систем, подробно аргументированный ранее в главе 2, позволяет точнее сфокусировать исследование. Социологи нередко замечают, что, пытаясь объяснить непонятные социальные феномены, «мы имеем массу непроверенных и большей частью не допускающих точной оценки предположений, сводящихся исключительно к наклеиванию ярлычка «культура» (Сото, 2004, с. 228). Другими словами, за термином «культура» экономисты и социологи часто прячут свое незнание, непонимание закономерностей наблюдаемых процессов. В теории институциональных матриц, или X-Y-теории, напротив, речь пойдет о конкретных институтах идеологических подсистем.

Здесь полезно вслед за Эрнандо де Сото повторить язвительное, но весьма точное, на мой взгляд, высказывание одного из влиятельных и известных политических аналитиков США Фарида Закарии: «Культура — это рискованный сюжет... Я имею в виду культуру как объяснение социальных явлений.... Ссылки на культуру популярны, потому что интеллектуалам это по вкусу.. Они вносят в изучение общества дух тайны и труднодостижимости... <но> За многими культурными вкусами, установками и предпочтениями лежат сформировавшие их политические и экономические силы» (Zakaria, 1999. Цит. по: Сото, 2004, с. 228). Именно эти взаимосвязи идеологической, политической и экономической подсистем, подмеченные и американским аналитиком, анализируются в настоящем исследовании.

Представленный в теории институциональных матриц подход отличается от марксистской модели базиса и надстройки, где политика и идеология выступают в качестве отражений экономического базиса. Он также отличен от подхода Луи Альтюссера, основателя школы структуралистского марксизма, наоборот, полагавшего идеологию и политику в качестве условий существования экономики. Также я не разделяю в этом вопросе взглядов Антонио Грамши, уважаемого мною ученого и гражданина, отстаивавшего независимость идеологии, как и политики, от экономики.

В теории институциональных матриц все три общественные подсистемы рассматриваются как равнозначные, как суть проекции одного живого социального организма. Поэтому особенность применяемого подхода к анализу идеологии состоит в том, что она понимается не только как набор идей, содержащихся в головах людей, но как их «социальное основание», то есть набор базовых институтов, регулирующих осознанное и неосознанное поведение людей в обществе друг относительно друга и по отношению к социуму в целом. В данном случае я соглашаюсь с представлениями Л. Альтюссера, предлагавшего рассмотреть идеологию и идеологический аппарат государства как набор общественных институтов и предложившего свой дескриптивный набор таких институтов (Альтюссер, 2011/1970). Идеология, как уже отмечалось, «запускает» социальные процессы (Аберкромби, Хилл, Тернер, 1997, с. 109), которые играют решающую роль в построении позиционной структуры общества и самоидентификации индивидов в этой структуре, во взаимодействии с экономическими и политическими институтами.

7.1. Понятие идеологии

Впервые термин «идеология» был использован в эпоху Просвещения во Франции в XVIII веке и означал науку, раскрывающую законы возникновения идей и знаний, разрушающих предрассудки и способных к применению в социальных реформах (Collins, 1999, т. 1, с. 228). Затем содержание термина развивалось, ученые разных европейских стран дополняли представление об идеологии и исследовали различные ее стороны. К настоящему времени сложилось понимание идеологии как совокупности идей и взглядов, отражающих в систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу, служащих закреплению

и развитию определенного типа общественных отношений (Философская энциклопедия, 1964, т. 2, с. 229). Выражая коренные социальные интересы в форме ценностей, идеалов, нормативных требований и программ поведения, идеология обеспечивает сплочение социальной общности, стимулирует солидарность (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 143). По определению Т. Парсонса, функцией идеологии является, во-первых, поддержание основных институционализированных в обществе ценностей и, во-вторых, оформление и поддержание надлежащих мотивационных обязательств индивидов перед обществом (Парсонс, 1998, с. 132). В соответствии с этими определениями идеологическая подсистема обеспечивает интеграцию членов общества на основе общих представлений, образование социальных механизмов связи и единства действий индивидов и социальных групп, формирование правил-норм отношений между индивидами и социальными общностями разного уровня, т. е. закрепление и трансляцию устойчивых образцов поведения.

Здесь необходимо еще раз специально остановиться на специфике понимания идеологии в теории институциональных матриц, отметить, на что обращается первостепенное внимание, а какие стороны идеологии выступают как менее важные, показать, чем отличаются изложенные на страницах этой книги взгляды на идеологию от других известных подходов.

С одной стороны, в теории институциональных матриц, или X-Y-теории, идеи не рассматриваются как основная причина и источник исторического развития, существующие вне человека и вне конкретного общества в виде Абсолютной, или Вечной идеи. Такой подход развивается в идеалистической философии, и наиболее известными в этой области являются работы Г.В.Ф. Гегеля (Гегель, 1974). В социологии на основе этих представлений формировались взгляды одного из ее величайших представителей Макса Вебера. Его известный тезис о «функции идеологии как независимой социальной переменной» разделяется многими социологами (Birnbaum, 1953). При таком подходе идеи как глубинные ориентации членов общества рассматриваются в качестве основного фактора, определяющего направления общественного развития, что М. Вебер пытался доказать в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма» (Вебер, 1990). В отличие от данной точки зрения, теория институциональных матриц не рассматривает идеологические (как, впрочем, политические или экономические) отношения в качестве приоритетных — они все представляются равно значимыми и необходимыми для социального воспроизводства обществ, поскольку представляют собой по сути «проекции» неразрывного социального целого.

С другой стороны, в X-Y-теории не акцентируются особенности идеологии, исследованные в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они обращали основное внимание на зависимость идеологии от классовой принадлежности, особого группового интереса. Выделяя в своем анализе присущий обществам антагонистический характер, вызванный постоянно осуществляемой борьбой классов, те же свойства антагонистичности исследователи обнаруживали и в общественной идеологии. Для Маркса и Энгельса идеология хотя и отражает характер матери-

альной жизни общества, но исследуется ими неотделимо от носителей идей — человека или социальных групп. Такой подход был изложен в их классической работе «Немецкая идеология», где они показывали, что в основе идеологического отражения действительности лежат групповые общественные интересы (Маркс и Энгельс, 1956).

В отличие от ряда вышеупомянутых классиков, гипотеза о сущности институциональных матриц концентрирует внимание на тех свойствах институциональных структур, которые обеспечивают целостность и непрерывность исторического развития обществ. Это означает, что при рассмотрении идеологии внимание направляется, прежде всего, не на различия, а на поиск общих идеологических оснований, поиск таких правил отражения материальных условий жизни, которые свойственны основной массе членов данного общества, независимо от их классовой и социальной принадлежности. В форме каких бы политических, правовых, религиозных или этических взглядов не выступала идеология, какие бы нормы поведения не транслировала, предстоит обнаружить ее глубинное содержание, выделить в ней базовые, институционализированные обществом идеи, нормы, правила, отношения людей к социальной действительности и друг другу, определяемые типом доминирующей институциональной матрицы.

При таком рассмотрении идеология понимается не только как «воображаемые отношения индивидуумов с реальными условиями их существования», или как «концептуальные представления о мире», но как имеющая материальное бытие, выражением чего служат разные виды массового практического поведения. Идеология как материальная практика, предполагающая социальные отношения, формирует субъективные координаты человеческой деятельности. Задача состоит в том, чтобы выделить существующие независимо от конкретных индивидов и групп латентные общественные нормы, которые каждое поколение застает как сложившиеся, продолжающие регулировать массовое социальное поведение. Основное внимание направлено на выявление базовых общественных идей, проявляющих себя как основная тенденция, общее основание меняющихся взглядов, воззрений, идеологических концепций, совершенствующихся норм и правил социального поведения и обеспечивающих воспроизводство соответствующей социальной системы.

На эту особенность реализации идеологии в социальных системах обращал внимание цитированный выше Альтюссер, отмечавший реализацию идеологии в общественных институтах, ритуалах и практиках. Я также разделяю его тезис о том, что «идеологии свойственно обладать некоей структурой и функционированием, которые превращают ее в *неисторическую* реальность, то есть *все-историческую*, в том смысле, что эти структуры и функционирование являются в некоторой своей форме неизменными и наличными в том, что мы называем *цельной историей*...» (Альтюссер, 2011/1970). Продолжая эту линию рассуждений, Альтюссер провокационно заявляет, вслед за Марксом, но уже в позитивном смысле, что «у идеологии нет истории», она вечна как бессознательное (по Фрейду), у которого также нет истории (там же). Другими словами, идеология в его понимании представляет собой вездесущее, трансисторическое, неизменное в своей форме на протяжении

веков, что соответствует введенному нами понятию *базового института*¹. Идеология как институт поддерживает необходимое для экономического роста «поддержание консенсуса (единства взглядов) по базовым принципам и ориентирам развития между основными группами и социальными слоями, особенно в рамках политической, хозяйственной и интеллектуальной элиты страны» (May, 2002, с. 15). Она также формирует общие платформы взаимодействия в политической сфере общества.

**Определение идеологии
как базового института**

Базовый идеологический институт представляет собой устойчивые, сложившиеся на формальном и неформальном уровнях общественные ценностные универсалии, которые определяют правила и характер взаимодействия людей, а также критерии «правильных-неправильных» социальных действий.

В экономической сфере, как уже отмечалось, идеология поддерживает принятие решений о направлениях использования общественного продукта, создаваемого населением страны. В политической сфере доминирующая идеология является критерием справедливости того или иного государственного порядка и складывающейся системы властных отношений. Другими словами, в базовых идеологических институтах реализуется исторически закрепленное отражение в общественном сознании законов устройства общества в целом и его экономической и политической сфер. В этом смысле идеологическая подсистема обусловлена, во-первых, типом всей социальной системы, во-вторых, она связана со спецификой других образующих ее сфер и находится под их влиянием, и, в-третьих, одновременно сама определяет их. Так реализуется принцип тройной зависимости, характеризующий, согласно приведенному ранее определению Фомы Аквинского, сущность социальных систем.

Итак, основная функция базовых идеологических институтов состоит в рационализации массовым сознанием типа общества и формировании соответствующих систем ценностей, разделяемых большинством населения. Существование идеологических институтов уменьшает для членов общества издержки на формирование представления об окружающей социальной действительности, способствует адаптации к социуму и создает запретительные механизмы в виде разного рода табу, несоблюдение которых существенно повышает транзакционные издержки во всех сферах общественной жизни (Мельников, 2011, с. 29). Тем самым через действие базовых идеологических институтов обеспечивается системная интеграция общества. Идеология поддерживает систему складывающихся экономических отношений и политических порядков. При этом, в отличие от экономической системы,

¹ Во многом соглашаясь с Альтюссером при рассмотрении идеологии, я, тем не менее, не могу поддержать его тезис о том, что «идеология существует только в субъекте и для субъекта». Скорее, я поддерживаю его утверждение о том, что функция идеологии в том, чтобы «конституировать» действия конкретных индивидуумов в субъекты, «трансформировать» их в субъекты. «Идеологии свойственно навязывать (не акцентируя на этом внимания) очевидности как очевидности...» (Альтюссер, 2011/1970), когда она выступает в форме надсубъектных и внесубъектных универсалий, представленной структурой базовых институтов.

обеспечивающей воспроизводство материальных условий существования социума, идеология обеспечивает воспроизводство подчинения членов общества «правилам установленного порядка» (Альтюссер, 2011/1970), не осознаваемыми порой самими людьми способами приобщения к системе правил и норм, господствующих в определенном обществе.

Когда речь идет о взаимообусловленности идеологических, экономических и политических институтов, о влиянии идеологии на характер массовых действий индивидуумов в хозяйственной и политической деятельности, то следует отметить близость такого подхода к позиции Вернера Зомбарта. В свое время он также ставил перед собою задачу отыскания «духа той хозяйственной эпохи», которую он исследовал. «Хозяйство есть объективный дух», полагал Зомбарт, и, в отличие от некоей абстрактной человеческой натуры и свойственного ей общего набора идей, этот «дух есть нечто укорененное в социальных устоях, нравах и обычаях данного народа» (Зомбарт, 1931, с. 33–36, 323). В терминах теории институциональных матриц подразумеваемый Зомбартом «дух хозяйственной эпохи», собственно, и представляет собой одну из проявленных, относящихся к определенному периоду исторического времени, форм перманентно существующих базовых идеологических институтов.

В идеологии, как в экономике или политике, имеет место преемственность. Развиваясь, жизнь вкладывает в исходные матричные формы базовых идеологических институтов обновленные смыслы, формируя тем самым современные, адекватные изменяющемуся общественному бытию и сознанию системы воззрений и правил поведения. Но сохраняющееся при этом основное содержание базовых институтов по-прежнему реализует укоренившееся понимание того, какие главные свойства и содержание человеческих действий, взглядов, конкретных идей в наибольшей мере соответствуют выживанию и развитию данного общества как развивающегося целого в данных ему материальных условиях. Что лежит в основе этого воспроизводства? Схематически причины сохранения сущности идеологических институтов показаны на рис. 22.

Рис. 22. Материальная обусловленность идеологических институтов в теории институциональных матриц

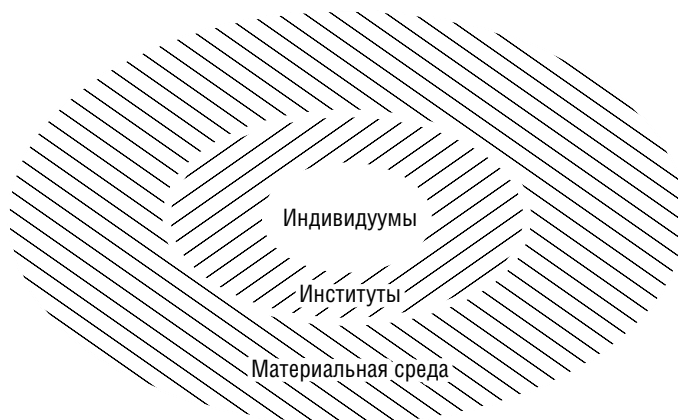

Рисунок демонстрирует в грубой схематичной форме логику того, что в долговременной исторической перспективе базовые идеологические институты в социальной системе складываются в результате взаимодействия членов общества с материальной средой. «Стартуя» от уровня индивидов, осмысляющих условия существования и накапливающих жизненный опыт, в обществах формируется определенная ментальность, то есть характерные эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, устойчивые особенности видения мира в разных материальных и культурных средах. В ходе исторической практики эти особенности закрепляются в структурах идеологических институтов, определяющих правила со-действия членов данного общества.

Базовые идеологические институты проявляют себя в различных институциональных формах: стереотипах действия и мышления, нормах, рецептах поведения, в конкретных концепциях и доктринах, возникающих периодически в общественном сознании. Как институты в теории институциональных матриц обособляются от организаций, которые мы видим на поверхности общественной жизни, и понимаются как глубинные правила, определяющее характер взаимодействия этих организаций, так и базовые идеологические институты — это некое общее содержание, сущность, проявляющаяся в разнообразных взглядах, позициях, религиях, идеях.

В табл. 4 отражены различия в наборах идеологических институтов, служащих выполнению аналогичных общественных функций в разных институциональных матрицах.

Таблица 4

Функции и содержание идеологических институтов в X- и Y-матрицах

Функции идеологических институтов	Базовые институты коммунитарной идеологии X-матрицы	Базовые институты индивидуалистской идеологии Y-матрицы
<i>Детерминанта социального действия</i>	Коллективизм	Индивидуализм
<i>Нормативное представление о социальной структуре</i>	Эгалитаризм	Стратификация
<i>Доминирующие социальные ценности</i>	Порядок	Свобода
<i>Трудовая мотивация</i>	Ориентированная на благополучие	Денежно-ориентированная
<i>Привычные стереотипы мышления</i>	Интегрализм (холизм, континуальность)	Специализация (редукционизм, дискретность)

Для Х-матриц характерна коммунитарная идеология и свойственный ей комплекс базовых институтов, а для Y-матриц — индивидуалистская идеология с иным институциональным набором.

Из множества функций идеологии как интегративной подсистемы общества в качестве важнейших выбраны пять. Такими функциями, являются:

- во-первых, поддержание детерминант социального действия, т. е. устойчивых правил, определяющие характер взаимодействия между членами общества;
- во-вторых, обеспечение нормативных представлений о социальной структуре, исторически закреплённых в общественном сознании как естественные, справедливые, ожидаемые;
- в-третьих, трансляция представлений о «правильном» характере общественного устройства, определяющих массовое поведение и порождающих определённые ценностные установки;
- в-четвертых, воспроизводство определенной трудовой мотивации и значимых стимулов трудовой деятельности;
- в-пятых, поддержка привычных стереотипов мышления самого общества, наиболее адекватных экономическому и политическому устройству общества с доминантой той или иной институциональной матрицы.

Одни и те же функции реализуются посредством разных наборов институтов в Х- или Y-матрице. Как отмечала В.Ф. Чеснокова, писавшая под псевдонимом «К. Касьянова», народы имеют примерно одинаковый набор ценностей, однако по-разному ранжируют их, отдавая приоритет одним ценностям перед другими (Касьянова, 1994). Такое ранжирование служит своеобразной поддержкой для одних видов деятельности и препятствием — для других. Общественный, закреплённый в истории выбор в пользу коммунитарного или индивидуалистского набора идеологических институтов (при сохранении альтернативного, но с меньшим рангом) обусловливается значимостью этих институтов для сохранения и развития того или иного государства. Рассмотрим подробнее каждый из наборов идеологических институтов.

7.2. Базовые институты коммунитарной идеологии Х-матрицы

Для государств, где доминирует Х-матрица, характерной является **коммунитарная идеология**.

В чистом виде коммунитарная идеология выражает укоренившееся в обществе осознание того, что приоритетными являются права и интересы социального коллектива или общества в целом по сравнению с правами и интересами отдельной личности. Коммунитарная идеология реализуется в определенных социальных отношениях, или институтах, а также соответствующих им нормативных видах социального поведения, когда общественные, разделяемые массовым сознанием ценности превалируют над ценностями отдельных лиц или групп населения.

Зачастую в культуре стран, где коммунитарная идеология является доминирующим базовым институтом (конфуцианской, буддистской, православной, исламской,

социалистической), такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, свобода, свободный рынок не получают столь же массового распространения, как в «родных» этим идеях странах. Более того, политика стран Запада иногда понимается как «империализм прав человека» и вызывает порой враждебную реакцию (Честнов, 1999, с. 77).

В российской традиции коммунитарная идеология представлена известным понятием соборности. Первоначально понятие соборности, внедренное в широкий оборот славянофилами в конце XIX — начале XX века, понималось как «совокупность религиозно-философских взглядов, идей, направленных на единение людей на основе православия и традиционной народной нравственности» (Большой толковый словарь русского языка, 1999, с. 1224). В современной культурологии соборность трактуется более широко. По А. С. Ахиезеру, категория соборности, выработанная русской мыслью, констатирует существующую в массовой культуре с древнейших времен «первичность Мы» (Ахиезер, 1997, с. 87; 1999, с. 457). В коммунитарной идее соборности присутствуют традиции общей ответственности за целое, идущие из глубин истории государства. Как указывал в свое время в «Вехах» С. Булгаков, слово «общественный» имеет в этом случае особенный, сакраментальный характер, тогда как понятие «личного» является крайне непопулярным (Цит. по: Галковский, 1995, с. 11).

Коммунитарная идеология проявляет себя и в понимании того, что такое общество. В этой связи чрезвычайно интересен лингвистический анализ понятия «общество» в государствах с доминированием коммунитарной идеологии — странах Восточной Азии и России.

В своем докладе «The Self-Description of Society in East Asia» (Самоописание общества в Восточной Азии), представленном в 2010 г. на XVII Мировом социологическом конгрессе в Гетеборге (Швеция), проф. Акахори (Akahori) из Токио продемонстрировал следующую этимологию слова «общество». В японский язык описывающий его иероглиф пришел из Китая, Кореи и Вьетнама. Начертание иероглифа отражает идею святости места пребывания проживающих вместе людей. Несмотря на попытки японских интеллектуалов конца XIX в. заимствовать термин «общество» с присущим ему значением из западной традиции, прижилось обозначение, характерное для восточных стран (Sako, 2007, 2008; Takezawa, 2010). Если для стран Запада термин *society* (подробнее об этом в следующем параграфе) означает совокупность отдельных индивидов и отражает антропоцентрическую идею (Akahori, 2010, р. 6), то для стран Азии «общество» (*shakai* по-японски) — это «идейное единение». Указывая на эти кардинальные различия в понимании общества как такового, автор призывает к развитию незападных теорий общества, более адекватных для описания реальности азиатских стран (Aki-hori, 2010, р. 7).

В русском языке слово «общество» также происходит от значения «целое». Владимир Даль в известном «Толковом словаре...» определял общество как «собрание людей, товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями» (Даль, 1988, т.2., с. 634). Общество происходит от слова «общать», или «считать вместе, за-

одно» (там же). Другими словами, в России также ключевой идеей в понятии общества является идея единства, которое объемлет входящих в него членов, общество строится как бы «сверху», с приоритета целого над его элементами.

Коммунитарная идеология реализуется во взаимодействии идеологических институтов, поддерживающих коллективизм, эгалитаризм, порядок, трудовую ориентацию на благополучие в целом и интегрализм (холизм, континуальность) в восприятии мира.

Институт коллективизма как один из базовых институтов коммунитарной идеологии, свойственной государствам с Х-матрицей, выражает принцип социального действия, при котором связи и отношения между людьми опосредованы общественно значимыми коллективными целями, разделяемыми — явно или латентно — взаимодействующими субъектами. Коллективизм — это социальное отношение с необходимостью следовать общим, а не индивидуальным целям, когда приоритетом служит сохранение и развитие коллективной структуры, а не личное развитие. Коллективизм предполагает сплоченность, единство нормативных ценностных ориентаций, коллективную идентичность и общую ответственность за результаты деятельности.

Коллективизм как норма отношений (хотя и постоянно нарушаемая) между людьми часто проявляется как специфическая черта государств, характеризующихся доминантой Х-матрицы, и это отмечено в многочисленных социологических, антропологических и культурологических исследованиях, художественной литературе, наблюдениях, пословицах и т. д. Например, описывая японское общество, социолог из США Рут Бенедикт пишет, что «японцы любят жить коллективно, им крайне трудно отделить себя от коллектива и действовать самостоятельно. У них такое ощущение, что действовать самостоятельно — значит, предать» (цит. по кн.: Шабанова, 2000, с. 133). Широко известны коллективизм и «артельность» российского общества, сохраняющаяся на протяжении исторического развития нашего государства. Например, такая поговорка 1930-х годов, независимо от того, является ли она подлинно народной или сконструированной, чрезвычайно показательна для этой преемственности — «Миром да собором да советским хором» (Государственный архив..., л. 222).

Идеологический институт коллективизма тесно связан экономическими и политическими базовыми институтами Х-матрицы. Так, в политэкономических доктринах коллективизм отождествляется с экономической системой, при которой общественные и государственные формы собственности являются господствующими, т. е. с редистрибутивной экономикой. Выражением действия института коллективизма в политической сфере служит институт общих собраний и единогласия, на которых коллективно принимаются решения относительно проблем, касающихся всего общества. Коллективизм, т. е. признание приоритета общественных целей над индивидуальными, служит основой принятия таких решений.

Другим базовым идеологическим институтом в государствах с Х-матрицей является **институт эгалитаризма**. Он отражает исторически сложившееся нормативное представление о социальной структуре, предполагающей общественное равенство.

Эгалитаризм (от франц. *egalite* — равенство) известен как концепция, проповедующая равенство как принцип организации общественной жизни. Однако в теории институциональных матриц эгалитаризм рассматривается не только в качестве идеологической доктрины, но как один из базовых институтов, т.е. как социальное отношение, постоянно воспроизводящееся в сознании и действиях людей. Эгалитаризм как основание социальной структуры предполагает, что для всех членов общества действуют правила равной необходимости в исполнении общественных обязанностей и равного доступа к пользованию общественными благами. Социальная дифференциация может быть основана лишь на «естественных» различиях (пол, возраст, образование, престиж, авторитет) и не предполагает социальных обменов и закрепления наследственных неравенств. Эгалитаризм подразумевает, что получаемое вознаграждение пропорционально, прежде всего, доле ответственности социальных субъектов в решении общих задач.

Если носители индивидуалистской идеологии, например, неоконсерваторы, отвергают эгалитаризм, считая его противоречащим свободе и природе человека (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 626), то в коммунитарной идеологии эгалитаризм рассматривается как естественное право любого человека на участие в социальной жизни и занятие в ней тех или иных социальных позиций. Не стратификация, но равенство возможностей индивидов рассматриваются как доминирующий принцип построения социальной структуры.

Следует отметить интеллектуальную традицию, при которой эгалитарность закрепляется за стадией развития первобытных обществ, еще не затронутых процессами социального и имущественного расслоения и базирующихся на всеобщей уравнительности (см., например, Fried, 1967). В такой традиции эгалитаризм характеризует «прошлое» человечества. Ей противостоит традиция понимания эгалитарного общества как идеального общества будущего. Эти футуристические представления, с одной стороны, отражают «ностальгическую тоску» по принципам первобытного равенства (Шевелёв, 2010, с. 197). С другой стороны, они опираются на представления о «новом человеке», способном осуществить коммунистические идеалы (известные представителями такого рода взглядов — Томас Мор, Томазо Кампанелла, Джерард Уинстенли, Грахх Бабёф, Анри Сен-Симон, Франсуа Фурье, Роберт Оуэн и др.).

В российской культуре институт эгалитарности выражался в характерной для страны «общинности» с равными правами членов общины, поддерживаемыми круговой порукой. Эгалитарное равенство было лозунгом Французской революции и стало законом в России (затем СССР) после Октябрьской революции 1917 г. В СССР его отражением стало понятие «социального равенства». Социологические исследования, проводимые в современной постсоветской России, показывают, что эгалитаризм массового сознания продолжает оставаться характерной чертой населения нашей страны (Рывкина, 2006, с. 82).

Еще одним базовым институтом, характерным для коммунитарной идеологии X-матрицы, является **институт порядка**, который закрепляет в массовом сознании основной «правильный» принцип устройства общественной жизни.

Особое внимание проблеме общественного порядка уделял основатель социологии Огюст Конт (1798–1857). Порядок означает, с одной стороны, признание необходимости сохранения и продолжения традиций, и, с другой стороны, признание роли социальной организации в детерминации поведения индивидов (Артемов, 2000, с. 195). Порядок на первый план выдвигает взаимозависимость социальных субъектов, необходимость принорования людей к сложившимся отношениям. Порядок, в отличие от свободы, непосредственно предполагает дисциплину и самоограничение индивидуальных намерений ради достижения общих целей. На первый план выходит понимание того, что индивиды действуют не «в безвоздушном пространстве», особенности которого могут не приниматься ими во внимание, а в ограничивающей их действия социальной среде. «Ты зависишь от действий других людей, как и они зависят от твоих» — вот идея порядка. Об этом образно, но точно писал Антуан де Сент-Экзюпери в своей незаконченной книге-притче «Цитадель»: «порядок — это общее дело, где каждый в помощь благодаря другому» (Сент-Экзюпери, 2000, с. 382).

Институт порядка предопределяет ограниченность индивидуального выбора рамками социальных установлений, вытекающих из общности людей и факта их совместного проживания на единой территории, в сложившейся системе социальных отношений. Такого рода «отношения идеальной зависимости» Этьен Барраль, например, полагает основополагающими во взаимосвязи индивида и общества в Японии (Барраль, 1993, с. 20. Цит. по: Шабанова, 2000).

В России, если иметь в виду стабильные, а не революционные периоды ее истории, идея порядка также играет системообразующую и более существенную роль, чем альтернативная ему идея свободы индивидов. А.Л. Янов даже назвал одну из своих статей «Российские либералы против русской истории» (Янов, 1997), подчеркивая неудачи попыток внедрения либеральных ценностей свободы в нашей стране.

В современной России общественное мнение по-прежнему предпочитает порядок свободе. Этим вопросам было посвящено исследование «Евробарометр в России», которое провел Центр социологических исследований Российской академии народного хозяйства в 2013 г. Было получено следующее распределение ответов на вопросы о порядке и свободе (рис. 23): 63 % ответили, что порядок важнее свободы; 18 %, т. е. практически в три раза меньше, полагают, что свобода важнее порядка; 19 % респондентов не определились с ответом (Напреенко, 2013).

Более глубокий семантический анализ полученных результатов выявил, что в пользу свободы высказались в основном те респонденты, у которых нет политических ассоциаций со словом «свобода» — для них это «природа», «дом и отдых», «свобода передвижения» и свобода жизни». Те же, кто связывает со свободой политические смыслы — неважно, позитивные или негативные — предпочитают ей порядок (там же). Другими словами, даже среди тех, кто считает свободу более важной, она в ряде случаев никак не связана с соответствующими социальными институтами.

Рис. 23. Распределение ответов на вопрос о том, что важнее — порядок или свобода, Россия, 2013

Основу формирования социальных систем составляет совместный труд поколений в определенных материальных условиях. Поэтому особенности складывающейся трудовой мотивации образуют один из базовых идеологических институтов институциональных матриц. Коммунитарная идеология Х-матрицы включает в себя мотивацию к достижению благосостояния в целом, а не только «заработать деньги». На эту особенность трудовых отношений, характерную, в частности, для азиатской системы, обратил внимание американский ученый Стивен Роузфилд (Rosefelde, 2013), противопоставивший ее западной ориентации на утилитарную полезность.

Ориентированная на благополучие трудовая мотивация² выражается в том, что участники трудовой деятельности учитывают, как правило, более широкий круг условий и последствий выполняемой работы, чем только материальное вознаграждение. При этом речь идет о поддержке не только индивидуального, но и группового благополучия. Стремление к благополучию, в котором представлены материально-экономические, эмоциональные, умственные, досуговые, психологические, моральные, духовные компоненты, выводит индивидов за рамки сугубо «материальной заинтересованности». Недаром стремление «заработать побольше», уважаемое в западных странах, в таких странах как Россия и Китай, скорее осуждается. С этой точки зрения получает новое осмысление характерная для нашей страны традиция меценатства таких представителей «рыночной экономики» рубежа XIX–XX вв., как купцы и фабриканты. В отличие от меценатов-аристократов, поддерживающих искусство, как правило, «из высоких побуждений», российские предприниматели сознательно направляли «растлевающую силу денег на благие деяния». Тем самым

² В предыдущих изданиях книги «Институциональные матрицы и развитие России» этот институт не рассматривался.

они компенсировали моральные и социальные «издержки высоких доходов» в обществе с коммунитарной идеологией.

Доминирование ориентированной на благополучие трудовой мотивации определяет особенности формирования системы стимулов, которые не сводятся преимущественно к денежному вознаграждению. В главе 5 в параграфе 5.2 были рассмотрены особенности института служебного труда в экономической сфере Х-матрицы. Было показано, что с рабочим местом связаны не только доходы, но также «идея служения» и разнообразный набор социальных благ.

Особенности отношения к труду в странах, где доминируют Х-матрицы, например, в России, часто связываются лишь с особенностями менталитета проживающего в них населения (Касьянова, 1994; Пушкарев, 1995 и др.). Анализ же институциональных особенностей, выражающих целесообразность закрепления в исторической памяти такого характера трудовой мотивации, внимания уделяется меньше. Точнее сказать, этот материал имеет разрозненный характер: отдельные сведения можно найти в работах правоведов, антропологов, историков, социологов и др., поэтому необходима специальная работа для его систематизации. В настоящее время такая работа мною еще не закончена, ее результаты будут представлены к опубликованию позже.

По сравнению с предыдущими изданиями книги состав идеологических институтов дополнен также институтом, закрепляющим привычные стереотипы мышления относительно окружающего мира. Общность этих стереотипов позволяет населению стран с доминированием той или иной матрицы лучше понимать друг друга при выполнении самых разнообразных социальных действий и формирует ожидания определенного рода при прямых и опосредованных взаимодействиях. В странах с доминированием Х-матрицы такие привычные стереотипы мышления могут быть охарактеризованы как **Интегрализм (холизм, континуальность)**.

Обычно особенности мышления понимаются исключительно как элемент менталитета. *Менталитет* — это особый духовный универсум, который включает в себя латентные умственные и психические установки, характеризующие склад (манеру) мышления, и отражающий устойчивые эмоциональные и рациональные стандарты и стереотипы восприятия действительности (Нуждин, 2001). В то же время отмечается, что менталитет «является регулятором поведения (бытия-в-мире) какой-либо группы людей» (там же). Кроме того, помимо регулятивной функции, менталитет играет роль стабилизатора в системе социальных отношений, т. к. развитие и существование общества зависит от того, насколько успешно оно передаёт от одного поколения к другому свои обычаи, нравы, навыки и идеалы (там же).

С этой точки зрения имеет место «отрыв» ментальных характеристик от их носителей, что предполагает существование отмеченных особенностей не только в головах людей, но и «в снятом виде» на уровне социальных норм. Другими словами, происходит институционализация важнейших стереотипов мышления на формальном и неформальном уровнях. Каждое новое поколение встречается с ними в процессе социальных взаимодействий как с данностью, с характерным элементом институциональной среды, в которой ему предстоит действовать.

Взаимосвязь ментальных моделей и институтов, характерных для населения государств, где доминируют X и Y-матрицы, подробно представлена в ряде наших совместных работ с российским нейропсихологом Юрием Александровым (Александров, Кирдина, 2012; 2013; Alexandrov, Kirdina, 2011; 2013). Несколько лет Ю.И. Александров руководил проектом, который ставил своей задачей сравнительное изучение субъективного мира и коллективных социальных представлений (ментальных моделей) жителей разных стран. Исследования опирались на теорию функциональных систем и концепцию системогенеза, разработанные П.К. Анохиным (Анохин, 1980), а также на системно-эволюционную теорию (Швырков, 2006; Александров, 2004). В этих исследованиях было показано, что для незападных культур характерно интегральное, холистическое понимание мира, когда *ничто в природе не изолировано и все взаимосвязано, поэтому изоляция элементов от целого может вести лишь к заблуждениям*. Подчеркивалось, что эти различия обнаруживаются уже при сопоставлении древнего Китая с Грецией (VIII — III вв. до нашей эры) и продолжают сохраняться до сих пор, характеризуя особенности современных азиатских стран по сравнению с Северной Америкой и Европой. В свою очередь, Кюннен с соавторами (Kühnen at all, 2001) показали, что по оппозиционным критериям «холистичность — аналитичность восприятия» граждане России также попадают в «незападную» группу вместе с испытуемыми из Малайзии, не отличаясь от последних, но достоверно отличаясь от «западных» испытуемых из США и Европы.

Превалирующие «незападные» компоненты в российском мышлении отмечают также российские исследователи (Александров, Александрова, 2009). Они касаются и особенностей восприятия социального времени. Отмечается, что в России, в отличие от западной традиции, время в большей степени воспринимается как целостное, непрерывное, нерасчленимое (Веселкова, 2000), что отражается в понятии «континуальность мышления».

Проявлением института интегрализма (холизма, континуальности) в разных сферах служат, например, характерная для стран с X-матрицей нелюбовь к тщательной проработке деталей инженерных и социальных технологий, стремление к «большим проектам», сложности трудовой специализации при одновременной способности находить общие решения, популярность абстрактных идей и непопулярность их прикладной проработки и т. д.

Институты коллективизма, эгалитаризма, порядка, трудовой мотивации на благополучие и интегрализм (холизм, континуальность), формирующие институциональный комплекс коммунитарной идеологии, тесно взаимосвязаны. Эта связь проявляется, например, в том, как восточные религии и православие, характерные для стран с X-матрицей, трактуют место человека в мире. Здесь личности присуще смирение, «уничтожение, что паче гордости», обусловленное пониманием того, что человек, предстоящий перед Богом — частица внешнего по отношению к нему, единого, общего мира. Тем самым постулируется причастность человеческого существования к некоему более важному и масштабному, чем собственная личность, и именно через эту причастность миру <некоторые российские философы даже писали — Миру — С.К.> восточная традиция утверждает величие человека (Малявин, 1995, с. 294).

Коммунитарная идеология может рассматриваться как «вертикальная» социальность иерархизированного общества (там же, с. 303), институты которого поддерживают приоритет общественной целостности, подчинение интересов личности «миру, который включает в себя локальную общность, сход, но также весь народ, человечество и даже Вселенную» (Ахиезер, 1997, с. 82). Во многих конкретных странах можно найти иллюстрации данного положения. Так, российское общество, как признано в многочисленных культурологических исследованиях, характеризуется распространением общинных и коллективных ценностей в сознании населения. Если мы посмотрим на историю китайского общества, то также можем увидеть, что «конфуцианская цивилизация, безусловно, основана на признании авторитета общества, его власти над индивидом» (Федотова, 1997, с. 201). Конфуцианство определяет справедливым порядок, при котором каждый член общества занимает положенное ему место, и общество как целое доминирует над любым из своих граждан (Философская энциклопедия, 1964, т. 2, с. 55). Отличительной чертой японского общества также является приоритет семейных и коллективистских ценностей, доминирование идеи принадлежности людей своему сообществу, когда сообщество очевидно превалирует над индивидом (Федотова, 1997, с. 201).

Сходный смысл несет в себе и коммунистическая идея, освобожденная от политических и экономических нагрузок, приобретенных в ходе попыток ее реализации. Коммунизм представляет собой совокупность религиозных и нравственных учений, идеалом которых является наличие всех имущественных прав не у отдельного человека, а у общины, союза, народа, человечества. Коммунизм как учение обозначал идеалом братскую жизнь людей. Идеи коммунизма были распространены в античных городах, среди древнекитайских философов, их придерживались Платон и Пифагор. Коммунистическое учение было распространено в Африке, Сирии, Египте, Палестине и др. странах (Энциклопедический словарь, 1895, т. 15, с. 881–883). В Европе коммунизм как «чистая идея» получил свое развитие в «Утопии» Мора и «Civitas soli» Кампанеллы. В новейшей истории, как известно, коммунизм становился официальной доктриной ряда стран — СССР, Китая, Кубы, Анголы, Мозамбика и др.

С точки зрения теории институциональных матриц доктрина коммунизма представляет собой одно из воплощений коммунитарной идеологии, когда Мы ставится выше Я, а ценности достижения блага общественного превышают ценности блага частного. Именно поэтому идея коммунизма получила в свое время распространение и массовую поддержку в тех странах, где доминирует Х-матрица.

«Социалистическое прошлое, — пишет Лебедева, — не стоит рассматривать как отход от исторической прямой, а стоит задуматься над тем, почему именно в России идеи коммунизма нашли столь благодатную почву для распространения и практического воплощения» (Лебедева, 2000, с. 206). Подход к анализу этого явления с точки зрения свойственной России институциональной матрицы показывает, что марксизм и социализм являлись наиболее передовой и теоретически обоснованной в тот период общественной доктриной, отражающей принципы свойственной российскому обществу коммунитарной идеологии (Кирдина, 2006). Поэтому они были

восприняты массовым сознанием и даже были реализованы в конкретном экономико-политическом режиме. Но со временем догматический характер идей научного коммунизма, закрытых для критики и тоталитарно господствовавших, привел к нарушению одного из объективных требований взаимодействия базовых доминантных и комплементарных институтов. Следствием этого стало отторжение коммунистических идей и поиск новых концепций, соответствующих социетальному типу российского общества на новом этапе его развития.

7.3. Базовые институты индивидуалистской идеологии Y-матрицы

Идеологические институты транслируют в массовом сознании сменяющих друг друга поколений определенный нормативный тип общества. С этой точки зрения интересен этимологический анализ слова «общество» в странах, где доминируют институты Y-матрицы. В большинстве европейских стран, также как в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии, население говорит на одном из языков романской группы, развившихся от некогда единого латинского языка. Общество по латыни — это *societas*, в свою очередь произошедшее от существительного *socius* (товарищ, друг, союзник). Исторически второе предшествует первому, то есть термин «общество» появился, чтобы обозначать объединение взаимодействующих дружески (союзнически) настроенных друг по отношению к другу субъектов. Можно видеть, что в языке, как и ментальности этих народов, общество формируется «снизу» и рассматривается как соединение в группы отдельных людей, между которыми возникают устойчивые связи. Это «базирующее на индивиде» понятие общества в западных странах отличает его от понятия общества в ряде стран с X-матрицей, что было показано в предыдущем параграфе.

Еще одна особенность обществ с Y-матрицей — высокая значимость идеи субсидиарности, которая выражает доминирующее социальное отношение обществ такого типа³. Термин «субсидиарность» был введен в употребление Римским папой Пием XI в 1931 г. для обозначения фундаментального, как он полагал, принципа христианской социальной доктрины (Oxford English Dictionary, 1989, p. 59). Субсидиарность обосновывает подчиненность, дополнительность всех общественных структур по отношению к главной доминанте социального развития — личности. Субсидиарность обозначает безусловный приоритет личности по отношению ко всем светским и церковным организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является.

С того времени термин получил широкое распространение в различных областях социальной и экономической жизни, поскольку оказался адекватным выражением

³ В предыдущем издании книги «Институциональные матрицы и развитие России» комплекс идеологических институтов Y-матрицы обозначался термином «субсидиарная идеология». Этот термин не прижился, для его объяснения все время приходилось говорить о ее индивидуалистском характере. Поэтому в настоящей работе для обозначения комплекса идеологических институтов Y-матрицы принят термин «индивидуалистская идеология».

важнейшего принципа, внутренне присущего западному обществу. Например, тождественное применение термина «субсидиарность» характерно для анализа федеративных отношений, что было показано в предыдущей 6-й главе. В складывающихся между территориальными образованиями отношениях субсидиарность означает приоритет прав ближайшей к индивидууму территориальной общности по отношению к общности более далекой от него, например, приоритет органов власти местных *комьюнити* над региональными властями, или органов управления штатов и земель по отношению к федеральным властным структурам.

Явление субсидиарности имеет гораздо более почтенный возраст, чем введенный для его обозначения термин. На протяжении всей истории развития западных обществ осознание субсидиарности, первичности Я по отношению к Мы, являлось основанием доминирующих в этих государствах идеологий — был ли это культ античных героев, или религия христианства в форме католичества или протестантизма, или концепции либерализма.

Основным принципом социального действия при индивидуалистской идеологии, определяющим характер поведения субъектов, является **институт индивидуализма**. В социальной философии индивидуализм рассматривается как совокупность философских, политических, экономических и религиозных доктрин, признающих автономию индивидуального человека в социальных действиях.

В теории институциональных матриц, или X-Y-теории индивидуализм выделяется как один из базовых институтов, т.е. глубинное постоянно воспроизводящееся социальное отношение. Сущность его заключается в том, что доминантой социального поведения в обществах с Y-матрицей является ориентация индивидуума на собственные интересы, стремление к индивидуальной выгоде. В разнообразных социальных отношениях обособление индивидуальных интересов и признание их главенствующими является общепринятой, естественной нормой, разделяемой большинством населения. Индивидуализм как институт, как социальное отношение закрепляет приоритет индивидуального выбора по сравнению с обязанностями, вытекающими из взаимозависимости членов социального сообщества. Индивидуализм показывает, что в конкуренции индивидуальных и социальных интересов первые, как правило, побеждают.

Индивидуализм свойственен всем теориям естественного (римского) права, отмечают юристы. Само это право, начиная с Гуго Гроция, выводится из природы атомизированного индивида (Козлихин, 2000, с. 8), а правопонимание имеет либерально-индивидуалистический характер, поскольку основывается на признании самоценности автономного индивида как равного с другими субъекта права (там же, 2000, с. 9). Поэтому теорию естественного права часто называют антропоцентристской (см., например, Честнов, 1999, с. 75).

Осознание индивидуализированной, «личностной» специфики европейской духовной цивилизации широко осознано также культурологами и философами. Вот, например, как пишет об этом В. В. Малявин: «Фундаментальная догма европейской мысли заключена в представлении о неизменяющемся в потоке времени Эго, имеющего свой центр, ... будь то «трансцендентальный субъект», индивидуальная душа

или «неповторимая личность»» (Малявин, 1995, с. 292). Индивидуализм определяет регламентированность и «атомарность» западных обществ, когда совокупность определенных прав и обязанностей закрепляется на каждой социальной ступени, обязательно доходя до уровня отдельного гражданина.

Пронизывающий общество институт индивидуализма имеет самые разнообразные проявления. Так, в религии он связан с протестантизмом, где более важными полагаются прямые отношения между индивидом и Богом, не опосредованные церковью как социальным, коллективным сообществом, и декларируется положение об индивидуальной избранности при спасении. В социологии и экономической теории проявлением индивидуализма служит известный принцип «методологического индивидуализма», характерный для социологического и экономического мейнстрима западных стран. Методологический индивидуализм представляет аналитическую предпосылку, в соответствии с которой все социологические выводы могут строиться на основании характеристик отдельных индивидов (Социологический словарь, 1997, с. 168). Аналогичное понимание методологического индивидуализма характерно и для экономической теории (Кирдина, 2013). В социологии данный подход возник в свое время как оппозиция взглядам Э. Дюркгейма, утверждавшего, что характеристиками индивидов в рамках социологического анализа можно с уверенностью пренебречь. В политике выражением индивидуализма служит противопоставление прав граждан власти государства, а в экономике — оправдание частной собственности и свободной конъюнктуры на рынке.

В массовой культуре индивидуализм выражается в стереотипах поведения в разных социальных структурах — от семьи до корпорации или территориального образования и государства. В семье свидетельством института индивидуализма может служить распространение брачных контрактов, закрепляющих индивидуальные права супругов в организации семейной жизни и пользования результатами совместной деятельности. Следы индивидуализма видны в ряде характерных выражений, пословиц и поговорок, относящихся практически ко всем сферам жизни: «Мой дом — моя крепость», «Homo homini lupus est» («Человек человеку волк»), «Благосостояние частное есть начало и основание общественного», «Человек, его права и свободы — высшая ценность», «It is your own business» («это ваше личное дело») и т. д. — все эти и другие известные тезисы в той или иной форме отражают в массовом сознании проявления этого базового института.

Наряду с индивидуализмом, в комплексе идеологических институтов Y-матрицы присутствует **институт стратификации**, в котором закреплено исторически сложившееся в обществе нормативное представление о социальной структуре. Согласно ему общественной нормой является стратификация, т. е. сохраняющееся во времени социальное неравенство. Стратификация в данном случае понимается не просто ранжирование, или иерархически устроенная социальная структура, выделенная по управленческому признаку. Такое определение стратификации характерно для эмпирических исследований, проводимых в рамках субъективистской парадигмы, когда стратификация выступает как совокупность ранжированных групп, например, от неквалифицированных рабочих до высших администраторов.

В отличие от этого стратификация как базовый идеологический институт понимается, вслед за представителями функционалистской теории социальной стратификации, как «эволюционная универсалия» (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 225), обеспечивающая социальную интеграцию определенного типа обществ. Основоположники данной теории Кингсли Дэвис и Уилберт Мур, а также их последователи трактуют стратификацию как «функциональную предпосылку всех обществ», а социальное неравенство — «как неосознанно развитый механизм, с помощью которого общества гарантируют, что наиболее важные места по справедливости занимают самые квалифицированные люди» (Collins, 1999б, с. 241). Значимые критерии и основания конкретных эмпирически выявляемых стратификаций постоянно меняются, но сохраняется неизменность стратификации как принципа построения социальной структуры. В отношении обществ, в которых доминируют институты Y-матрицы, следует безусловно согласиться с этим утверждением. И, хотя, как отметил в своем интервью руководитель расположенного в Париже Центра изучения современности Павел Крупкин, в так называемые «золотые годы» капитализма (1940–80-е гг.) большинство западных стран «дружно уменьшали неравенства в своих обществах» (Почему общества с социальным расслоением..., 2011), принцип стратификации остается основой социальной структуры в этих странах.

Стратификация как институт согласуется с системой других базовых экономических и политических институтов в Y-матрице. Так, действие института конкуренции, приводящей к победе одних и проигрышу других, не может не опираться в идеологическом отношении на признание социального неравенства как естественной необходимой нормы. В политической сфере очевидна связь института выборов с идеологическим институтом социальной стратификации, поскольку выборы, с одной стороны, предполагают наличие неравных позиций разных кандидатов и сравнение их избирателями в ходе голосования. С другой стороны, выборы формируют последующее социальное неравенство, придавая избранному лицу более высокий статус, не равный статусу его избирателей.

Следующий базовый идеологический институт, функцией которого является формирование норм в отношении важнейших принципов устройства общественной жизни — это **институт свободы**. Именно свобода выступает в обществах Y-матрицы основным критерием при оценке системы справедливости или несправедливости социальных отношений, прежде всего между индивидом и другими членами общества.

Свобода как социально-психологическая категория представляет собой универсальную ценность, поскольку в этом смысле она подразумевает способность, умение и возможности индивидов достигать важных, значимых для них целей. Это — широко исследуемый гуманитарными науками феномен.

Но как социологический феномен свобода исследована не так глубоко, и здесь еще не сложилась конвенциональная терминология, определяющая особенности свободы как социологической категории. В современной России одной из первых и наиболее глубоких попыток заполнить этот пробел послужила монография представителя нового поколения Новосибирской экономико-социологической школы Марины Ша-

бановой «Социология свободы: трансформирующееся общество» (Шабанова, 2000). В этой и других работах Шабанова ставит и решает задачу построения эмпирической теории свободы, которая выступает для нее средством изучения современного российского общества. В монографии дан анализ наиболее интересных для социологов концепций свободы и рассмотрены важнейшие отечественные и зарубежные работы по данной проблематике. Выполненный обзор литературы представляет собой отдельный научный результат. Осуществленный Шабановой отбор авторов и работ позволяет и другим социологам, вслед за нею, опереться на солидную источниковую базу при исследовании феномена свободы в рамках социологической науки.

В теории институциональных матриц свобода трактуется как идеологический институт, определяющий основной принцип устройства общественной жизни в странах с доминирующей Y-матрицей, который исторически закреплён в общественном сознании и постоянно воспроизводится. Принцип свободы означает самостоятельность и независимость действий социальных субъектов от действий других лиц, невмешательство их в дела друг друга. Один из эмпирически выявленных М. Шабановой образов свободы, сложившихся в сознании современного российского населения, характеризует такого рода социальное отношение как «уход от общества с его связями и взаимозависимостями, отказ от всех обязательств» в самостоятельную независимую жизнь (Шабанова, 2000, с. 102).

Если институт индивидуализма акцентирует внимание на характере взаимодействия между людьми, их ориентацию на индивидуальный, а не общественный интерес, то институт свободы подчеркивает невмешательство социума и общественных структур в действия индивида, какими бы интересами и ценностями тот ни руководствовался. Институт свободы определяет уровень автономии человека от социума, возможность индивида действовать по своему усмотрению, обеспеченную отсутствием преград в виде общественных установлений.

Известно, что все разновидности либеральных концепций свободы защищают автономию личности, объявляют ее свободу высшей ценностью и связывают ее со становлением экономического и политического либерализма. Анализ классических и неоклассических концепций свободы, выполненный Шабановой (Шабанова, 2000, с. 45), показывает, что свобода в них рассматривается как внутренне присущее обществам западного типа свойство. Гарантом и мерой свободы является частная собственность, условием индивидуальной свободы является экономическое устройство рыночного типа, которое, по мнению классиков западной социологии, обеспечивает одновременно свободу политическую и гражданскую (Friedman, 1982, p. 11; Хайек, 1992, с. 81–82).

Еще раз следует подчеркнуть, что в теории институциональных матриц свобода рассматривается как базовый институт, т.е. социальное отношение определенного рода, постоянное и неизменное правило взаимодействия разнообразных социальных субъектов. Свобода — это такое социальное отношение, когда субъекты реализуют право действовать как автономно существующие, и признают право действовать точно так же за другими субъектами. Идеология либерализма, например — одна из конкретных институциональных форм проявления этого базового института.

Идеологический комплекс институтов Y-матрицы включает в себя также **институт денежно-ориентированной трудовой мотивации**. Выделение данного института связано со значимостью трудовой сферы в общественной структуре, что требует специального анализа идеологического каркаса, поддерживающего специфику и характер трудовых отношений. Превалирование денежного вознаграждения в системе ожиданий и стимулов работников, как и других участников экономического процесса, связано с тем, что именно деньги выступают основным источником получения благ и услуг, необходимых для воспроизводства социальных субъектов. Я уже отмечала, что в условиях рыночной экономики Y-матрицы работники являются полными собственниками своей рабочей силы, существуют также собственники производственных и иных активов, а в экономике доминируют отношения обмена, опосредуемые деньгами. Соответственно, денежные средства в первую очередь обеспечивают доступ ко всей совокупности благ и услуг.

Приведем замечательное наблюдение Т. Парсонса, показавшего пронизывающую роль денежно-ориентированной мотивации на достижение прибыли в странах с рыночной экономикой. Он писал: «Так, если взять наиболее известный пример — «мотив прибыли», играющий столь важную роль в экономических дискуссиях, то он вовсе не является психологической категорией. Верный взгляд, скорее, состоит в том, что система «свободного предпринимательства» в экономике, основанная на деньгах и рынке, определяет ситуацию и поведение от делового предприятия до человека таким образом, что люди стремятся к прибыли как условию выживания и мере успеха своей деятельности. Следовательно, какие бы интересы не руководили индивидом, будь то достижение, самоуважение, восхищение со стороны других и т. д., не говоря уже о том, что можно купить за деньги, — все они превращаются в деятельность по производству прибыли» (Парсонс, 1998, с. 46) и «зарабатыванию денег»

Еще один новый, по сравнению с предыдущим изданием книги, институт, который предлагается рассмотреть в составе индивидуалистской идеологии Y-матрицы — это институт, закрепляющий массовые, привычные стереотипы мышления. Логика «перетекания» ментальных характеристик в социальные нормы и институты была показана в предыдущем параграфе при рассмотрении института интегрализма (холизма, континуальности), характерного для коммунитарной идеологии X-матрицы. В индивидуалистской идеологии Y-матрицы институтом с аналогичными функциями выступает альтернативный ему **институт специализации (редукционизма, дискретности)**. В его основе лежат закрепленные и воспроизводящиеся в массовом сознании и социальных действиях редукционистские представления о мире как состоящем из обособленных объектов. Соответственно, работа с этими обособленными объектами находится в центре внимания, а контекст и целостность, элементами которой являются эти объекты, представляются менее значимыми. Для такого представления характерны также особенности восприятия социального времени, органичными свойствами которого выступают дискретность и «интервальность», предполагающие фиксацию точных сроков (Веселкова, 2000).

Как было показано в наших совместных работах с Ю. И. Александровым (Александров, Кирдина, 2012, 2013; Alexandrov, Kirdina, 2011, 2013), опирающихся на международные исследования, представители западных стран чаще характеризуются дискретным, аналитическим типом мышления. Такое мышление направлено на специализированное изучение «частей целого», а не на целое, и отличается соответствующей стратегией решения проблем. При этом не следует забывать, что любой взрослый индивид обладает «обеими когнитивными системами», интегральной и дискретной, но в зависимости от особенностей страны проживания он/а может использовать в большей степени одну в ущерб другой, что ведет к выявляемым на популяционном уровне различиям в вероятности выборе стратегии при решении идентичных проблем. Другими словами, в населении каждой страны представлены люди с обоими типами ментальности, но эти типы распределены по разным странам неравномерно. То же относится и к институтам. Закрепляющие привычные стереотипы мышления идеологические институты интегрализма (холизма, континуальности) и специализации (редукционизма, дискретности) сосуществуют в институциональных структурах разных стран, но одни из них имеют доминирующий характер. В странах с доминированием Y-матриц преобладает второй из них. Благодаря действию этого института, страны Y-матрицы отличаются тщательностью разработки технологий, разветвленными системами правил, вниманием ко множеству деталей в производстве товаров и услуг, вплоть до подробных всеобъемлющих инструкций, а также точностью их выполнения.

Особенности индивидуалистской идеологии, обусловленные комплексом рассмотренных институтов индивидуализма, стратификации, свободы, денежно-ориентированной трудовой мотивации и специализации (редукционизма, дискретности) проявляют себя в том, как возникающие в обществах с Y-институциональной матрицей абстрактные, общегуманитарные, на первый взгляд, доктрины или теории приобретают, в конечном счете, такую форму, где акцентируется противопоставление интересов личности интересам целого. Это характерно и для религиозных, и для научных идеологических систем. Примером такой модификации принципов христианства в западных обществах является развитие католичества и особенно протестантизма, а также доктрина субсидиарности, которая, как отмечено выше, принята сейчас в качестве фундаментального принципа христианской социальной доктрины в римско-католической церкви.

В сфере науки в качестве примера на эту же тему можно привести своеобразную мутацию идеологемы *civil society*, или гражданского общества. Как известно, в Новое время (XVII в.) концепция гражданского общества была введена в оборот трудами Томаса Гоббса и Джона Локка. Для них гражданское общество (*societas civilis*) было антитезой нецивилизованному «естественному» состоянию общества и ассоциировалось, прежде всего, с государством и системой его властных органов, создаваемых гражданами.

Действительно, вот как определял гражданское общество Томас Гоббс в своей работе «О гражданине» (ч. 3 «Основ философии», гл. 5 «О причинах возникновения государства») в 1646 г.: «Созданное таким образом единение называется госу-

дарством или гражданским обществом (*societas civilis*) <курсив мой — С.К.>... Следовательно, государство (*civitas*), если дать ему определение, есть единая личность, чья воля на основании соглашения многих людей должна считаться волею их всех, с тем, чтобы оно имело возможность использовать силы и способности каждого для защиты общего мира» (Гоббс, 1989, с. 330).

Джон Локк, современник Гоббса, также понимал гражданское общество не как антитезу государству, но полагал, что *civil society* и есть государство, возникающее вполне определенным образом из добровольного соглашения свободных, равных и независимых граждан. Он писал в 1667 г.: «Когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда, существует политическое, или гражданское общество, ... и это переносит людей из естественного состояния в государство» (Локк, 1988, с. 312). По мнению Локка, очевидно, что для гражданского общества, или государства, характерно добровольное признание личностью главенства общества над собой, а отнюдь не противопоставление интересов личности или групп интересам целого в лице государства.

Таким образом, можно видеть, что характерное для Века Просвещения осознание роли и прав личности — «гражданина» — в историческом и социальном процессе означало одновременно становление и рост значимости государства. Укрепление государства, прежде всего институтов власти, обеспеченное законами, было синонимично развитию гражданского общества.

Однако позже, в XVIII веке Великие шотландцы (к которым относят Дэвида Юма, Адама Фергюсона и Адама Смита) дали свое представление о гражданском обществе, как «специфическом по своему устройству и независимому от государства» (Квашницкий, 2006, с. 97). Согласно их взглядам, гражданское общество представляет собой полностью индивидуализированные и непринудительные отношения, в отличие от общественных и политических институтов государства. Как писал позже «крестный отец США» Томас Пейн, «Гражданское общество — благо, а государство — неизбежное зло. Чем совершеннее гражданское общество, тем менее оно нуждается в регулировании со стороны государства» (http://ru.wikipedia.org/wiki/гражданское_общество). Великие шотландцы базировали свои представления о гражданском обществе на идее о том, что именно индивид является основным элементом общества. Впервые эта мысль, как полагает Витольд Квашницкий в цитированной выше работе, была высказана голландцем Бернаром де Мандевилем в 1714 г. в его знаменитом труде «Басня о пчелах, или Частные пороки — общественное благо». Мандевилл показывал, что распространение устойчивых социальных институтов — у него речь шла о языке, законе, знании, рынке, — есть результат спонтанной самоорганизации, независимых и ненасильственных действий членов общества. Точка зрения Мандевиля на возникновение социального порядка была альтернативой взглядам Томаса Гоббса, представленным в «Левиафане». Если Гоббс полагал, что улучшение функционирования общества осуществляется через власть и признание силы правителей, то для Мандевиля оно было следствием индивидуального, децентрализованного взаимодействия всех членов общества. С этой точки

зрения, самоорганизация людей, формирующих гражданское общество, является основной силой развития общества, в отличие от противостоящих ей политических институтов, характеризующих государство.

Отмеченное «переименование» исходного (от Локка и Гоббса) понятия гражданского общества западной мыслью подробно описал в своей работе специалист в области геополитики и международных отношений Владимир Максименко. Он показал, как от идей Дж. Локка в странах Запада осуществлялся переход к пониманию гражданского общества как «общества автономных индивидов», «совокупности отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти», как «общества, организованно противостоящего государственной власти» (Максименко, 1999, с. 114).

Приведенные примеры модификации религиозных и научных идей в западных обществах показывают, как неумолимо, независимо от убеждений и взглядов конкретных людей, действуют базовые институты индивидуалистской идеологии, «приводя в соответствие» содержание возникающих концепций природе доминирующей Y-матрицы в этих странах. Парсонс, посвятивший специальное исследование развитию западной идеологии, писал: «Институционализированные еще во времена Ренессанса и Реформации главные образцы ценностных ориентаций в общих чертах оставались неизменными. Конечно, вокруг ценностей разворачивались бесконечные конфликты, но по большей части они касались конкретных частных и не затрагивали существа дела» (Парсонс, 1968).

На современном этапе наиболее ярким подтверждением этого тезиса является идеология либерализма. Либерализм, возникший в Западной Европе в XVIII веке, представляет собой совокупность интеллектуальных, культурно-нравственных, политических и экономических установок, ориентированных на признание личности, ее свободы и реализации как высшей ценности общества (Мовсесян, 1999, с. 43). «Современные либералы считают, что неприкосновенность прав и свобод, автономизация личности имеют столь фундаментальное значение, что никакие соображения пользы, экономического процветания или государственного могущества не могут служить основанием для их нарушения» (там же, с. 43). Широкое распространение концепций либерализма в западных обществах связано с их соответствием доминирующему в государствах с Y-матрицей комплексу идеологических институтов. Поэтому в западных странах либерализм, развивающий традиционные для этих обществ представления о месте личности в системе социальных отношений, воспринимается как естественная и «правильная» идеология.

7.4. Взаимодействие доминантных и комплементарных идеологических институтов

Комплексы коммунитарной (X-матрица) и индивидуалистской (Y-матрица) идеологии взаимодействуют в каждом государстве и предполагают друг друга. Как писал Михаил Бахтин, «идея начинает жить... только вступая в существенные диалогические отношения с другими *чужими* идеями» (Бахтин, 1979, с. 100). То же спра-

ведливо и в отношении альтернативных комплексов идеологических институтов. Их различие и своеобразие, отражающее ориентацию преимущественно на личные интересы или интересы общественного целого, становятся очевидными при их существовании в рамках конкретных обществ.

Взаимодействие идеологических институтов одновременно предполагает историческое сохранение доминанты одной из идеологий — коммунитарной или индивидуалистской — в институциональной структуре государства. Доминанта институциональной матрицы позволяет понять, почему одни и те же идеи и ценности, имеющие, по мнению культурологов, общечеловеческий характер, по-разному проявляют себя в разных государствах, порой «с точностью до наоборот».

Так, роль институциональных матриц в «преломлении» общегуманитарных идей видна при сопоставлении развития христианства в странах Запада и России. Как известно, христианство в них опирается на комплекс одних и тех же канонических текстов, изложенных в Библии, включающей Ветхий и Новый завет, или Евангелие. Тем не менее, в западной христианской доктрине, как было показано выше, доминирует субсидиарная индивидуалистская идеология. Это выражается в подчеркивании приоритетного значения личности по отношению к групповым и социальным структурам. В связи с этим доктрина субсидиарности постоянно развивается во множестве папских энциклик, посвященных выяснению моральной сущности христианства (Wogoman, 1976).

В то же время российское православие, опирающееся, казалось бы, на то же учение Иисуса Христа, формирует иное понимание личности, основным достоинством которой является признание своего подчиненного положения по отношению к Богу и окружающему миру. «Молитва горделивых — негодна Господу; когда же душа смиренного скорбит, то Господь непременно послушает ее», — писал Преподобный Силуан Афонский (1866–1938), канонизированный недавно православной церковью (Сретенский календарь-ежегодник, 1999, с. 461). Смирение личного перед Высшим, выделенное православием в качестве важнейшей христианской идеи и рассматриваемое как основная добродетель, воплощает в себе, в конечном счете, идеалы коммунитарной идеологии, которые альтернативны западным ветвям христианства. Необходимым атрибутом православной Литургии является также постоянная молитва «о властях» («о власть имущих»), а нормой жизни православного христианина является подчинение власти.

Разная трактовка одних и тех же христианских заповедей связана в данном случае «с разными целями и типами массового поведения, с разными формами государства и легитимизации государственной жизни, большого общества» (Ахиезер, 1999, с. 51), с доминированием в государствах разных институциональных матриц.

В современной практике аналогичные различия можно наблюдать при сопоставлении текстов Конституций, являющихся главными законодательными документами большинства стран.

С одной стороны, идея конституции является общечеловеческой идеей оформления базисных ценностей, по поводу которых в обществе существует фундаментальное согласие, или консенсус. Эти ценности представляют собой основу социального

порядка. В странах, где Конституция принята, она представляет собой главный государственный закон, определяющий основные приоритеты и цели развития государств.

С другой стороны, реализация конституционной идеи, само содержание Конституций и набор отражаемых в них идей в странах с разными доминирующими матрицами, может быть различным. Так, Конституция США начинается с Билля о правах каждого гражданина государства. При этом формулировки составлены преимущественно в таких выражениях, которые устанавливают предел власти государства по отношению к гражданам (США: Конституция и права граждан, 1987, с. 21). В свою очередь, Конституция Российской Федерации сначала обозначает общность, единство всех граждан страны. Ее первые слова: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...», и только затем следует: «утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие...» (Конституция Российской Федерации, 1997, с. 3). Эти сопоставления показывают, что на содержание общих, казалось бы, идей комплекс базовых идеологических институтов, который соответствует преобладающей институциональной матрице государства, оказывает определенное влияние.

Более того, альтернативные заимствуемые идеологические институты трактуются, как правило, по-иному и «приноравливаются» к доминирующим в стране идеологическим нормам. В качестве примера можно привести восприятие свободы, которая в России во времена революции воспринималась не как элемент индивидуалистской идеологической конструкции, а как выражение коммунитарной идеологии, свойственной основной институциональной матрице нашего государства. «В 1917 г., — пишут Орлов и Лившин, анализируя «письма во власть», — практически нет ощущения свободы без социальной компоненты; справедливость воспринимается подчеркнуто эгалитарно. Отсюда характерное представление революционной эпохи: свобода не есть наиболее полное воплощение и раскрытие индивидуальности, а скорее — уравнивание всех в социальном статусе и материально-имущественном отношении» (Орлов, Лившин, 1999, с. 79–80. Цит. по: Шабанова, 2000).

Альтернативным и симметричным примером того, как воспринимаются институты коммунитарной идеологии в рамках обществ с доминированием индивидуалистских идеологических институтов, может служить концепция «коммунальной свободы», в которой западная социология трансформирует альтернативные по отношению к главной институциональной матрице этих стран идеи порядка. Концепция «коммунальной свободы», которая развивается в последние десятилетия, подчеркивает коллективистские перспективы социального поведения в противовес индивидуалистическим. Коммунальная свобода, по определению Дж. Дьюи, это свобода, «обладание которой всеобщее и совместно, которая поддерживается и регулируется благодаря социально организованному и разумному контролю» (Кэмпбэлл, 1992, с. 116. Цит. по: Шабанова, 2000). То есть сам порядок понимается здесь через призму привычной для этих стран идей свободы, но как свободы организованной.

Доминирование базовых идеологических институтов той или иной матрицы не отменяет того, что в распространенных в конкретном обществе взглядах, кон-

цепциях, философских системах, нормах и правилах поведения выражают себя одновременно и комплементарные институты. Независимо от того, как они представлены — явно или скрыто, в теневых, «самиздатовских», нелегальных и прочих формах, они взаимодействуют с доминантными институтами и дополняют их действие. Наиболее сильно и широко проявляют себя комплементарные идеологические институты в периоды кризисного состояния общества или при смене, модификации задач социального развития.

Новейшая история западных государств показывает примеры того, как и при каких условиях идеологии, опирающиеся на не свойственный таким странам комплекс коммунитарных институтов, получают значительное распространение. Можно видеть, что возникновение различных концепций «общества всеобщего благоденствия», «теорий общественного благосостояния» и других, вытекающих из коммунитарного идеала, совпадает с этапами экономического и социального кризисов, когда доминирующие идеологические институты уже не справляются в достаточной мере со своими функциями. В эти периоды в экономической, политической и идеологической сферах более явно проявляют себя институты комплементарные, характерные для X-матрицы. Так, в возникших в период экономического спада и кризиса концепциях нового, или социального либерализма признается позитивная роль государства в экономической и социальной жизни, разумеется, в том случае, если государственное регулирование способствует реализации ценностей, защищающих права и свободу человека (Шабанова, 2000, с. 48; Рубинштейн, 2012).

Осознание необходимости внедрения альтернативных институтов, соответствующих коммунитарной идеологии, проявилось в европейских государствах также при создании Европейского экономического сообщества. В условиях «Объединенной Европы» принцип субсидиарности все активнее дискутируется в Европейском Парламенте в связи с вероятной ревизией норм Римского права в целом. Пересмотр роли этих основополагающих для европейской цивилизации принципов связан с необходимостью того, чтобы явно обозначить сферу действий Европейского Сообщества, особенно тогда, когда те или иные функции могут быть лучше исполнены всем сообществом как целым, чем государствами — членами сообщества индивидуально (Times, 1982, 18 Sept. 7/5). После финансово-экономического кризиса, разразившегося в 2008 г., предполагается увеличить число и значение новых общеевропейских организаций для обеспечения единой экономической политики на территории стран-членов ЕЭС.

В государствах, где исторически доминирует X-матрица, усиление роли альтернативных идеологических институтов также совпадает с периодами трансформаций и крупных социальных реформ.

Так, в нашей стране перестройка, начавшаяся с середины 1980-х годов, ознаменовалась усилением и распространением либеральных и демократических ценностей в общественном сознании, активным освоением российскими учеными и политиками соответствующих научных концепций и теорий из западных стран и т. д. Внедрение институциональных форм, соответствующих институтам свободы, индивидуализма, стратификации, денежно-ориентированной трудовой мотивации

и специализации (редукционизма, дискретности) охватило все сферы жизни — от развития свободной прессы и средств массовой информации до индивидуальных грантов, получаемых на исследования большинством российских ученых. Само содержание трансформационного процесса в значительной мере обуславливалось распространением альтернативных идеологических институтов. Так, в модели трансформации российского общества, разрабатываемой Т. И. Заславской, «широта и надежность прав и свобод человека» определяется как важнейшее качество формирующихся базовых институтов (Заславская, 1999, с. 150).

Аналогичный процесс активного заимствования многих ценностей западного мира в социальную практику был характерен и для китайского общества 1970–1980-х годов, в период развертывания крупных социально-экономических и политических реформ (Малевич, 2000). До сих пор в современном Китае, переживающим период активного внедрения рыночных отношений, стоит задача «наилучшей привязки личного интереса к интересам комьюнити» (Xiaoping, 2010, p. 77), т. е. формирования механизмов для проявления индивидуалистских ценностей на коммунальном уровне.

Взаимодействие идеологических институтов, наряду со взаимодействием доминантных и комплементарных экономических и политических институтов, необходимо поддерживает устойчивость социальных систем. Одновременно обеспечивается институциональная конкуренция. В ходе взаимодействия доминантных и комплементарных институтов идет постоянная «проверка на прочность» правил и норм поведения, соответствующих базовым идеологическим институтам, а также происходит непрерывное развитие институциональных форм, в которых они находят свое выражение.

Часть третья.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ**

Революция есть средство выживания традиции.

А. И. Фурсов

Устойчивость институциональных матриц и революции

Устойчивость институциональных матриц Дуглас Норт, один из первых исследователей данного феномена, связывал с возрастающей отдачей, заложенной в их природе (Норт, 1997а, с. 129) и «способностью институциональных матриц к самоподдержанию» (там же, с. 23). Устойчивость институциональных матриц является одним из главных факторов «зависимости от пути предшествующего развития» (*path dependence*), который наблюдается в истории древних и современных государств — пути экономической и политической эволюции «не могут быть повернуты вспять (или наоборот) в результате незначительных событий или ошибок» (там же, с. 129). Попытки кардинально изменить исторически сложившееся доминирующее положение институциональной матрицы приводят, как показано в данной главе, к ослаблению или разрушению государств.

Революции, часто воспринимаемые как коренное обновление общественного устройства, выступают ответной спонтанной реакцией самоорганизующегося общества на деятельность по изменению инкрементных траекторий исторического развития. Революции не изменяют, но восстанавливают доминирующее положение институциональной матрицы, пошатнувшееся в результате активности социальных групп.

8.1. Path dependence, возрастающая отдача и неузвимость институциональных матриц

Институциональные матрицы, доминирующие в институциональной структуре того или иного общества, являются своего рода «несущим каркасом» и отражают присущую ему форму *социаль-*

ной интеграции на социетальном уровне. Еще Т. Парсонс полагал, что основной проблемой социологии как теоретической дисциплины является изучение интеграции в социальных системах. «Социология, — писал он, — должна заниматься широким кругом черт, факторов и последствий «интегративных состояний» социальных систем самых разных уровней, начиная с семьи и других малых групп, через многие промежуточные уровни типа локальных сообществ и формальных организаций и кончая обществами как таковыми и даже системами обществ» (Парсонс, 1972, с. 27). В качестве методологии для анализа социальных систем Парсонсом был разработан структурно-функциональный подход, признанный мировой социологией в качестве классического направления социальных исследований. Теория институциональных матриц развивается в русле этого подхода, но в то же время предлагает иное решение задачи поиска «интегративных состояний» общества как социальной системы. Ни в науке, ни в обыденной жизни при чтении книг не прекращаются беседы с «властвующими из гроба авторами», как написал в 1922 г. Александр Грин в «Алых парусах».

Парсонс, анализируя социальные системы, выделял в них четыре подсистемы с функциями, которые они выполняют по отношению к системам как целому. Функцией экономической подсистемы Парсонс считал адаптацию социума к внешним физическим условиям; функция политической системы состоит в обеспечении «коллективного целедостижения» путем организации членов общества; за идеологической подсистемой Парсонс закрепил функцию трансляции и воспроизводства образцов, сохранение латентных свойств социальной системы. По этим положениям теория институциональных матриц, или X-Y-теория, и структурно-функциональный подход Парсонса занимают по сути близкие, весьма сходные позиции, поскольку речь идет о рассмотрении тех же срезов общества с аналогичными функциями. В чем же различие?

Следующей, четвертой функцией, необходимой для существования социальной системы, Парсонс полагал функцию интеграции. Ее выполнение он вменял органам социализации, под которыми в работах разных лет понимал либо институты и обычаи, либо социальные общности, комьюнити и т. п. (Толкот Парсонс, 1994, с. 104–153). Теория институциональных матриц, продолжая логику Парсонса, закрепляет функцию интеграции социальной системы не просто за институтами, но за конкретной институциональной матрицей, в которой определенным образом интегрированы экономические, политические и идеологические институты. В институциональных X- и Y-матрицах интеграция приобретает конкретное содержание, задавая основания социетальной типологии реально существующих социальных систем.

Интегрированность базовых институтов предопределяет специфический характер связей между ними. Это связи не столько механического, сколько более тонкого и глубинного характера, связи, обусловленные морфологическим единством. Базовые институты отражают типологические особенности институциональной матрицы в целом, они идентичны ее внутренней сущности: в каждом из институтов, образующих X или Y-матрицу, проявляет себя ее природа. Институты в матрице связаны

между собой органически, выражают себя посредством «смежных» институтов и бросают друг на друга ощутимый отблеск, через каждый из них «просвечивают» все остальные институты и определяется тип образуемой ими институциональной матрицы.

Изучение межинституциональных взаимодействий и взаимозависимости институтов — не новость для современной науки. Многие ученые отмечают определенное единство институтов, действующих в одной социальной среде, социальной системе. Объяснение подобного единства чаще всего связывают с культурой, общностью «культурного пространства», в котором социальные субъекты взаимодействуют посредством наработанных экономических, политических и иных институтов. Так, весьма популярны отсылки к специфике национальной, в том числе хозяйственной, культуре при объяснении особенностей экономической деятельности. В этой связи можно отметить получившие широкое признание глобальные исследования Рональда Инглхарта (Инглхарт, 2000), Фонса Тромпенаарса (Тромпенаарс, 2004), Геерга Хофстеде (Hofstede, 2000), Шаломы Шварца (Schwartz, 2008) и др. Ученые акцентируют внимание на выявлении особенностей национальных культур, их проявлений как на макро-, так и на микроэкономическом уровне. Изучаются механизмы межинституционального взаимодействия, обеспечивающего взаимную интеграцию элементов культуры и различных компонентов институциональной системы, исследуются явления «институциональной комплементарности». Как отмечает В. В. Липов (Липов, 2010), интерес к этому феномену проявился в России и Украине со второй половины 1990-х гг. и постоянно растет. Об этом говорят работы В. Н. Умникова (2003), С. В. Фатеевой (2006), В. М. Полтеровича (2007), В. В. Вольчика (2009), самого В. В. Липова (2001, 2009, 2010) и др. философов, культурологов и экономистов¹.

В теории институциональных матриц предлагается иное объяснение взаимозависимости и исторической устойчивости базовых институтов. Во-первых, эта зависимость рассматривается как существенно более жесткая. Во-вторых, ее причинами, как уже отмечалось, служат характеристики внешней по отношению к социуму условия материальной среды. Под их влиянием складывается такая система институтов, в которой каждый ее функциональный компонент (экономические, политические или идеологические институты) суть элементы целостного функционального комплекса — институциональной матрицы, и их возникновение и развитие вторичны по отношению к задачам, выполняемым институциональной матрицей в целом. Базовые институты существуют лишь как ее элементы для исполнения определенных функций.

Формирование институциональных матриц определяется законами самоорганизации сложных систем во внешней среде. Самоорганизация выражается в создании из хаоса определенных структур, которые есть не что иное, как «определенным образом организованные процессы в среде» (Курдюмов, 1990, с. 4). Институциональные

¹ В теории институциональных матриц явление комплементарности институтов впервые было отмечено в 2000 г. (Кирдина, 2000, с. 30).

матрицы представляют собой такого рода структуры, локализованные в определенных участках внешней материально-технологической среды. Они складываются под влиянием необходимости организовать общественную жизнь так, чтобы оптимально использовать преимущественно коммунальную или некоммунальную материально-технологическую среду для выживания и развития социального сообщества.

Связь содержания конкретных институтов с характером окружающей материально-технологической среды не раз отмечалась в научной литературе. Например, автор концепции социоестественной истории и одновременно известный исследователь культуры и ценностей китайского общества Э.С. Кульпин утверждает: «Любой элемент этой системы ценностей не противостоит, но создает условия для функционирования технологии заливного рисоводства» (Кульпин, 1995, с. 223). Таким образом автор указывает на не очевидную, но глубинно присутствующую взаимосвязь коммунального характера основной земледельческой технологии возделывания риса и конфуцианской идеологии древнего Китая. Идеология конфуцианства обеспечивала, по его мнению, оптимальные условия для развития этой высокопроизводительной технологии традиционного Дальнего Востока, а последняя, в свою очередь, являлась мощной опорой конфуцианской системы ценностей.

Роль свойств материальной среды для формирования другого типа институтов, а именно политической системы, в отношении российского государства отмечал в XIX в. Анатолий Леруа-Болье (Leroy-Beaulieu), автор многотомного труда «L'Empire des Tsars et les Russes». Он писал, что «в России централизация возникла благодаря самой природе: неизмеримые равнины Восточной Европы созданы для административной централизации, так же, как и для политического единства» (цит. по Витте, 1903, с. 51).

Отмеченное этими и другими исследователями значение внешних условий для формирования основных общественных институтов поддерживает тезис о том, что коммунальность или некоммунальность материально-технологической среды является определяющим фактором устойчивости институциональных X- и Y-матриц, выраженной в стабильной взаимной однозначности образующих их экономических, политических и идеологических институтов.

Рис. 24. Роль материально-технологической среды в становлении типа институциональной матрицы

Устойчивость институциональных матриц и сохранение внутренней структуры базовых институтов каждой из общественных сфер определяют направления и «коридор» экономической, политической и идеологической эволюции социальных систем, преемственность происходящих изменений. Современная наука для выражения данного свойства выработала понятие *path dependence* (эффект тропы), что соответствует вебленовскому пониманию развития институциональных форм «на основе понятия кумулятивной каузальности/причинности» (Веблен, 2006, с. 14). С этой точки зрения история понимается как кумулятивный процесс адаптации средств к целям, изменяющимся по мере развития процесса, когда и агент, и окружающая его среда являются результатами предшествующего процесса» (Веблен, 2006, с. 26), процесса, при котором социальные институты «выступают действенным фактором отбора» (Веблен, 1984 (1899), с. 200).

Таким образом, можно говорить о наличии «институциональных, или структурных мостов, определяющих направления эволюции обществ» (Парсонс, 1998, с. 55). Их исследованию американский ученый посвятил одну из своих крупных работ «Societies: Evolutionary and comparative perspectives» (Parsons, 1966a). При анализе общества социолог, по утверждению Парсонса, несмотря на происходящие крупные изменения, может различить столько же факторов преемственности с прошлым как в отношении XX и XIX веков, так и предшествовавших им столетий (Парсонс, 1998, с. 188).

Еще до того, как Парсонс опубликовал свою работу, с аналогичной эволюционной гипотезой выступил американский экономист Армен Алчиан (Alchian, 1950): он указывал на зависимость траектории движения обществ от предшествующего развития и обосновывал, тем самым, их институциональную устойчивость. По его мнению, всепроникающая конкуренция должна устранять более слабые институты и способствовать выживанию и развитию тех институтов, которые способны лучше решать человеческие проблемы (Алчиан, 2006 (1950), с. 45–47).

В дальнейшем работы в направлении *path dependence* с подчеркиванием того, что «история имеет значение», стали популярными среди экономистов — наиболее известны работы Б. Артура, П. Дэвида, С. Лейбовица и С. Марголиса². Для сторонников *path dependence* институциональный процесс носит инкрементный характер, а изменения — какие бы реформы не предпринимались, — не совершаются дискретно. Показывается, что в ходе реформ или технологических изменений часто происходит «перетекание», часто весьма полное, содержания старых стандартов

² В направлении *path dependence* можно выделить две тенденции. Один круг авторов подчеркивает, что могут исторически выбираться и закрепляться неэффективные технологии и институты (Arthur, 1989; David (1985); Krugman, 1994, а также Алчиан в своих поздних работах). Другие авторы высказывают сомнение в закреплении неэффективных норм и стандартов, они рассматривают *path dependence* как опору на наиболее адекватные сложившимся условиям, а потому эффективные для данной среды технологические стандарты, правила и институты (Liebowitz, Margolis, 1990, 1995; North, 1989, 1990), в результате чего увеличивается устойчивость институциональной среды, как предполагал Алчиан своей работе 1950 г. Я также являюсь сторонником данного понимания *path dependence*.

и институтов в новые, хотя и модернизированные. При любых изменениях «политические и экономические организации, которые образовались вследствие существования институциональной матрицы, стремятся сохранить институциональную структуру» (Норт, 1997б, с. 9). Выбор вчерашнего дня является точкой отсчета для дня сегодняшнего: институциональная структура ставит сам выбор в зависимость от нее³.

В отношении институциональных матриц справедливо наблюдение нашего поэта (а поэты часто являются стихийными философами!) Иосифа Бродского из его Нобелевской лекции 1987 г. о природе социальных структур. Как многие великие поэты, Бродский глубоко чувствовал законы общественного развития и, в частности, писал, что «...форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся себя навязать настоящему, а зачастую и будущему...» (Бродский, 1992, с. 2). В связи с этим поэт говорит «о диктате продолжения своего существования», характерного и для социальных структур, и для деятельности человека. Что бы ни делал человек — но как только он создает что-либо, тотчас происходит акт «немедленного впадения в зависимость» от того, что уже сделано (Бродский, 1992, с.6). Разве не об этом же, пусть и на своем «научном» языке говорят сторонники направления *path dependence* в институциональных исследованиях?

В рамках X-Y-теории *path dependence* трактуется как закономерность развития институциональных структур, обусловленная «неуязвимостью» главенствующей институциональной матрицы. В непрерывном процессе создания и апробации различных институциональных форм «долгосрочную прописку» в обществах получают те, которые либо соответствуют природе доминирующей институциональной матрицы, либо комплементарны, но смогли «подстроиться» под основные «правила институциональной игры» и занять присущее им в данных условиях подчинительное положение. Именно такую логику институционального развития мы наблюдали в прошлом и видим в настоящем.

Лежащая в основании *path dependence* целостность институциональных матриц, обеспечивая непрерывность «интегративных состояний» общественных систем, является не только, вернее, не столько теоретически выделенным их свойством, сколько отражает реалии общественной жизни. История свидетельствует, что под влиянием деформирующих воздействий социальных субъектов, не понимающих природу

---

³ Трудно удержаться от того, чтобы не продемонстрировать интереснейший пример в этой связи. В России XVIII века «нижние чиновники», то есть не имевшие чина по Табели о рангах и потому не получавшие из казны жалованья, по установленному правилу должны были «довольствоваться добровольными дачами от просителя». Это распоряжение неизменно повторялось в Указах от 23 мая 1726 г., 13 июля 1726 г., 30 ноября 1738 г. и т. д. (Ефремова, 1993, с. 100). В современной России, «наследующей самой себе», невозможность найти удовлетворительных технологий в борьбе с коррупцией связана, на наш взгляд, и с тем, что не учитывается эффект *path dependence*. Кто знает, может, следует найти принимаемые обществом формы легализации ряда подобных практик и поставить их «под государственный контроль», а не бороться с ними, вовлекая в коррупционные схемы все больше и больше «борцов с коррупцией»?

присущих обществу институциональных матриц, последние постоянно «проверяются на прочность». Это выражается в напряжениях, возникающих в общественной структуре, рассогласованности параметров экономического, политического и социального развития, разнонаправленных тенденциях институциональных преобразований и т. п. Тем не менее, можно с уверенностью предположить, что в длительной исторической перспективе, пока государства существуют, неуязвимость институциональных матриц сохраняется. Это обусловлено как наблюдаемым усилением характерных свойств материально-технологической среды (коммунальной для одних стран и некоммунальной — в других), так и устойчивостью внутренних институциональных связей.

Вот что писал по поводу отмеченного тренда Е. Н. Стариков, рассматривая китайское общество с доминированием Х-матрицы: «пирамидальные редистрибутивные структуры имеют свою собственную логику развития, свой собственный генотип, который, будучи укоренен в данной исторической (этнической) общности, приводит к ее восстановлению» (Стариков, 1996, с. 39). Даже при завоевании этих народов другими или после народных восстаний кто-то новый вновь заполняет пустующее императорское кресло, как это было в Китае не раз (там же). Аналогичная редистрибутивная структура сохраняется в Китайской Народной Республике и сегодня. Не является ли осознание закономерностей преемственности и активное применение этого закона в социальной и экономической политике одним из главных факторов современных успехов этой страны?

Как известно, с явлением *path dependence* тесно связана возрастающая отдача институтов (Arthur, 1994) и наличие положительных обратных связей. Напомним, определение *path dependence*, данное одним из основателей этого направления Полом Дэвидом: «динамический процесс, развитие которого обусловлено его собственной историей, называется зависимостью от пути развития. Таким образом, это понятие является достаточно общим по своему охвату и его можно в равной степени отнести как к эволюционным этапам развития..., так и к социальной динамике, включая социальное взаимодействие между экономическими или политическими агентами, которое характеризуется положительной обратной связью» (Дэвид, 2006 (2005), с. 183). Трудность принципиального изменения траекторий развития предполагает, что характерная для государства институциональная среда ограничивает возможный выбор реальных путей в будущем. Опора на сложившиеся структуры, прижившиеся в том или ином обществе, позволяет минимизировать издержки, неизбежно возникающие при формировании новых институтов. Поэтому инкрементный процесс в логике *path dependence* порождает положительные обратные связи и феномен возрастающей отдачи посредством экономии на издержках «институционального строительства».

Явления положительных обратных связей в структуре институтов, образующих Х- и Y-матрицы, отмечались многими исследователями, не использовавшими соответствующую терминологию, но наблюдавшими такого рода эффекты.

Проанализируем взаимосвязи институтов в Y-матрице. Карл Поланьи, наиболее близко подошедший к пониманию единства внутреннего устройства как рыночных,

так и редистрибутивных обществ, писал об этом в уже цитировавшейся работе «The Livelihood of Man». Описывая рыночные экономики (Y-экономики в нашей терминологии), Полани отмечал, что характерным мотивом обмена является рациональный личный интерес. При обмене — основном институте рынка — создаются определенного типа организации, закрепляющие права и обязанности участников. Необходимые для обменов права санкционируются соответствующим политическим порядком и устройством экономики в форме частной собственности. В совокупности они задают природу общества и типичную моду организаций, ценностей, логику действия (Polanyi, 1977, р. xxxiv-xxxv), усиливая действие друг друга.

Частная собственность как основа рыночной экономики не может доминировать без политической системы, построенной на определенных принципах. Их единство выражается в создании соответствующих финансовых механизмов, обеспечивающих воспроизводство и экономических, и политических отношений определенного рода. В их основе лежит известная со времен Рима максима «N'impose qui ne veut» (кто не участвует в установлении налога, тот не платит его). Действительно, совместное действие экономических и политических институтов привело европейские страны к формированию системы парламентской власти, и ядром, вокруг которого складывались современные конституционные системы, было приобретение полномочий в сфере финансов (Амеллер, 1967, с. 368). Главной темой встреч в самой большой зале Вестминстерского дворца, где английские короли средневековья собирали достойных своего внимания подданных, чтобы «поговорить» (франц. *parler*), была тема сбора налогов, и из этих встреч «вырос» в дальнейшем английский парламент. «Основное в финансовых полномочиях парламента лежит в праве народного представительства соглашаться или не соглашаться на взимание налогов. Все остальное по сравнению с этим правом... представляется собранием формальных аксессуаров» (Вопросы советского бюджетного права..., 1940, с. 18. — Цит. по: Дроздова, 1998, с. 704). Социолог Макс Вебер также отмечал политическое и экономическое единство европейской социальной системы: каждый город, являвшийся политическим центром, по сути «рыночное поселение» и имеет в качестве экономического центра местный рынок (Вебер, 1994, с. 310).

С экономическими и политическими институтами Y-матрицы тесно связаны идеологические институты, что также давно осознано многими исследователями. Например, вот что можно прочесть в дореволюционных российских изданиях. В предисловии к работе С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», вышедшей в 1903 г., сказано, что декларация прав человека и требование свободы личности означают прежде всего свободу экономического поведения и торжество частной собственности (Витте, 1903, с. xvii). А это, в свою очередь, непосредственно связано с развитием парламентаризма и участием выборных представителей народа в законодательной власти.

Таким образом, все институты Y-матрицы выстраиваются таким образом, чтобы закрепить подчиненность формируемых общественных структур по отношению к главной структурной единице, образующей западное общество — личности или самой мелкой территориальной общности. В свою очередь, личный интерес состав-

ляет основную мотивацию участников производственного процесса к достижению прибыли, регулирующей рыночную экономику и формирующей основные ориентиры для участников рынка. Закономерно, что в таком типе обществ естественна идея главенства личности, поскольку именно атомарный социальный субъект составляет основу экономической системы как ориентированный на прибыль частный собственник, и политической — как избиратель, формирующий все стоящие над ним структуры власти. «Основные ценности западной цивилизации органично вытекают из особенностей экономического развития этой общности людей, и к ним относят и неприкосновенность частной собственности, и значимость отдельного индивида» (Лебедева, 2000, с. 203).

Точно также тесные связи характеризуют институты в Х-матрице. Уже упомянутый К. Поланьи увязывал возникновение редистрибуции как формы организации экономики с возникновением адекватной политической системы. «Центральность» (centricity) как свойство такой экономики означает одновременно и «центральность» власти: в идентифицируемом центре устанавливаются права и обязанности, откуда затем через матрицу формальных правил и власти они определяют движение вещей и людей» (Polanyi, 1977, р. xxxiv-xxxv там же).

Действительно, комплекс институтов унитарно-централизованного политического устройства, характерный для Х-матрицы, определяет и функционирование экономической сферы. Отношения редистрибуции, включающие в себя аккумуляцию-согласование-распределение материальных ценностей и прав, не могут реализовываться вне соответствующей управленческой системы, базирующейся на политическом институте иерархической вертикали власти во главе с центром. Успешное функционирование экономического института верховной условной собственности оказывается увязанным с действием политических институтов общих собраний и единогласия, обеспечивающих, в том числе, кооперацию участников экономического процесса, а институт назначений укрепляет действие экономического института служебного труда. Коммунитарная идеология, составляющая ценностную основу государств с институциональной Х-матрицей, одновременно реализуется в действии политического института единогласия, посредством которого достигается выработка и исполнение решений в политической системе.

Тесная взаимосвязь институтов приводит к тому, что, поддерживая друг друга, они обеспечивают возрастающую отдачу в процессе экономической, политической и социальной деятельности. В свою очередь, взаимосвязанные явления возрастающей отдачи и *path dependence* все чаще рассматриваются как значимые элементы самоусиливающего механизма (self-reinforcing mechanism) при принятии решений в организационной, политической и других сферах (Sydow et al., 2005). Как отмечают Дж. Кох, М. Айзенд и А. Петерманн (Koch et al., 2009), возрастающая отдача и *path dependence* проявляются как две стороны одной медали. Другие теоретики отмечают, что возрастающая отдача представляет собой род *path dependence*, третьи рассматривают ее как источник *path dependence*, а иные — как ее центральный элемент (Thambisetty, 2009, р. 3). Как бы то ни было, общим является признание тесного сосуществования этих эффектов. Это объясняется тем, что динамический

процесс принятия любого рода решений, в том числе и на макроуровне, представляет собой ситуацию повторяющихся действий в рамках определенной стратегии. Однажды заданное направление (*path*) ограничивает пространство выбора; в свою очередь, принимаемое решение при этих ограничениях требует меньших затрат, поскольку в определенной мере следует ранее сформировавшемуся образцу (паттерну) действий, а это означает возрастающую отдачу. С каждым новым решением все более проявляется действие самоусиливающего механизма, сохраняющего неуязвимость институциональных матриц, изначально доминирующих в стране.

Подытоживая анализ устойчивости институциональных матриц, еще раз следует подчеркнуть, что речь идет о преемственности, но не о неизбежной повторяемости социальных форм, об устойчивости, но не косности, о сохранении и воспроизводстве базовой институциональной структуры, на основе которой «пышно зеленеет» и плодоносит разнообразными институциональными формами древо постоянно развивающейся общественной жизни.

8.2. Революции как свидетельство устойчивости институциональных матриц

Теоретическое предположение об устойчивости институциональных матриц, вытекающее из анализа их свойств и подкрепленное данными исторических исследований, позволяет по-новому осмыслить суть происходящих в обществах изменений, как эволюционных, так и революционных. Анализ обширного материала о социальных революциях во Франции, России и странах Юго-Восточной Азии, выполненный на основе положений X-Y теории, или теории институциональных матриц, порождает новый взгляд на природу и причины революций.

В данном параграфе защищается тезис о том, что революция является моментом эволюционного процесса, она представляет собой спонтанное возвращение общественных структур к исходной институциональной матрице, деформированной в результате неосознанных действий социальных субъектов внутри государства или под влиянием внешних воздействий. Через революции восстанавливается непрерывность исторического процесса как поступательного движения по спирали развития, неизбежное возвращение общества «к самому себе», к своему собственному пути (рис. 25).

Такое суждение кажется парадоксальным, но он возвращает читателей к исходному значению понятия «революция». Слово *revolve* в переводе с латинского языка означает «возвращение» (Полный латинский словарь, 1862, с. 735), «откатывание, круговорот» (Латинско-русский словарь, 1994, с. 671). Производный от него термин «революция» появился в XIV веке в естественных науках и означал «вращательное движение, хождение по кругу». Например, Николай Коперник озаглавил свою знаменитую работу «Об обращении небесных кругов», что в оригинале звучало как «De Revolutionibus Orbium Celestium» (1543).

В XVII в. термин «революция» был заимствован политической философией и стал обозначать циклическую смену правителей или всей политической элиты

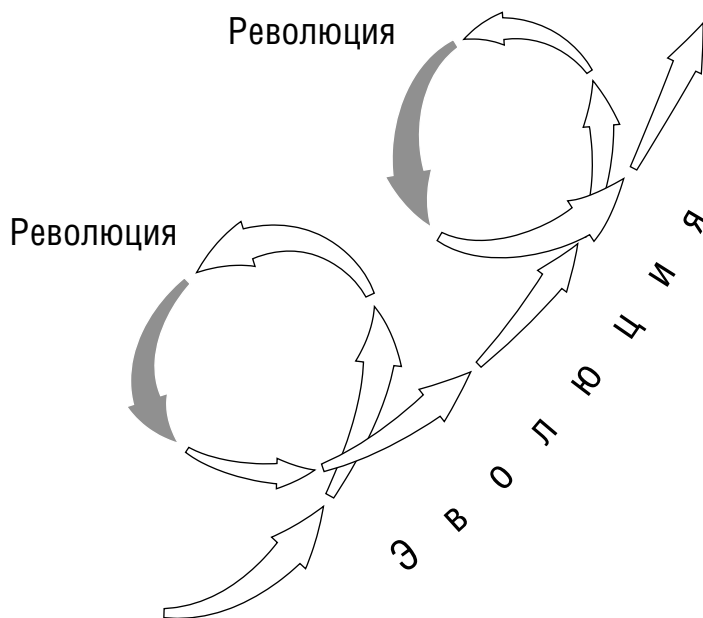

Рис. 25. Революции как возврат к эволюционной спирали развития

в истории государства. В тот период понятие революции относилось к процессу «прохождения через стадии цикла, которые, в конечном счете, ведут назад к идентичному или подобному состоянию» (Collins, 1999б, с. 148). Затем такое понимание революций было забыто, и они стали пониматься «с точностью до наоборот».

Современные концепции революции, принятые в обществоведении, в значительной мере базируются на работах К. Маркса и его оценках и трактовке событий Великой французской революции 1789 г. Марксистская теория революций акцентирует внимание на радикальных изменениях в экономической и политической организации общества, смене основных форм социальной жизни. Со времени Маркса революции понимаются как коренное изменение общества в ключевых аспектах, ведущих к изменению характера этого общества. Сегодня подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим, многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка.

В то же время многие факты не укладываются в это объяснение. В популярных социологических изданиях отмечается, что многие из известных революций, например, революции в Индии, сопровождавшиеся сменой правительств и династий, да и многие другие, не означали коренного перелома в господствующем способе производства (Социологический словарь, 1997, с. 269). Современных социологов и политологов также приводят в смущение многочисленные так называемые «цветные» революции в постсоветских республиках и непрекращающиеся с 2011 г. «революции» в арабском мире. Большинство наблюдателей так и не могут зафиксировать кардинальных изменений в социальном устройстве. Более того, весь мир на экранах

своих телевизоров зачастую наблюдает «попятные движения» после так называемых революций, когда в ходе последовавших за ними выборов к власти приходят силы, противоположные «революционным идеям» победившей, казалось бы, толпы. Таким образом, не вся реальная история и современность могут быть объяснены в теоретических рамках современных концепций революции.

Как соотносится понимание революций в теории институциональных матриц с наиболее распространенными современными взглядами?

В исследованиях революций со второй половины XX века можно выделить два оппонирующих друг другу подхода. Тот, который со времен К. Маркса доминирует в социологическом и политологическом дискурсе, можно назвать «модернистским», он характерен, прежде всего, для западной науки. Другой подход, в противоположность первому, можно назвать «традиционалистским», и его придерживаются некоторые российские исследователи, ученые стран Юго-Восточной Азии, Израиля, а также редкие представители из стран Запада.

Подробный анализ концепций, которые можно отнести к «модернистскому» направлению в исследовании революций, дает Петер Штомпка в своей фундаментальной работе «Социология социальных изменений». Он выделяет четыре главных школы в современных западных теориях революций (Штомпка, 1996, с. 376–388), которые разделяют представление о революции как коренной ломке социального порядка, но отличаются между собой своим ответом на вопрос о причине революций.

- Во-первых, известна бихевиористская, или поведенческая теория, предложенная в 1925 г. П. Сорокиным (Sorokin, 1967). Причины революций он усматривает в подавлении базовых инстинктов большинства населения и бессилии властей воздействовать на изменяющееся поведение масс.
- Во-вторых, выделяется группа психологических теорий, примерами которых служат концепции Джеймса Дэвиса (Davies, 1962) и Теда Гурра (Gurr, 1970). От анализа поведенческих рефлексов и базовых инстинктов они переходят к проблеме комплексных мотивационных ориентаций. Причину революций они видят в болезненном осознании массами своей нищеты, несправедливости, что поднимает их в результате на бунт.
- В-третьих, развиваются так называемые структурные теории, сосредотачивающиеся при анализе революций на макроструктурном уровне при отрицании психологических факторов. Напрямую следуя Марксу, эти теории условием революции полагают кризис экономики и политики, который рассматривается ими преимущественно в контексте классовых и групповых отношений. Современным представителем этого направления Штомпка считает Тэду Скокпол (Skocpol, 1979).
- Наконец, четвертая группа, как отмечает Штомпка, включает в себя политические теории революций, которые рассматривают только политическую сферу общества, а революцию — как результат нарушения баланса власти и борьбы соперничающих группировок за управление государством. Этот подход характерен, например, для Чарльза Тилли (Tilly, 1978, 1984).

Этот беглый пересказ концепций революции, развиваемых в рамках подхода, названного нами «модернистским», показывает, что, несмотря на различия, их объединяет акцент на выделении поведенческих компонент, на рассмотрении социальных групп и индивидов как акторов социального действия. Данные концепции разрабатываются в рамках субъективистского подхода, и основное внимание в них обращается, прежде всего, на движущие силы и механизмы, определяющие коллективную деятельность людей. Характерным для перечисленных концепций является также признание того, что революции создают принципиально новый общественный порядок в политической и экономической сфере, т.е. качественно новые формы социальной жизни.

Иные акценты в понимании революций расставляют авторы, чьи исследования условно отнесены к «традиционалистскому» направлению. Основное внимание здесь уделяется рассмотрению преемственности и восстановлению институтов, исторически сложившихся в стране, что и составляет содержание революций. Так, одна из наиболее известных «революций», осуществившихся в азиатских странах — японская революция 1868 г., напрямую называется Реставрация Мэйдзи, и, как отмечают специалисты, ее основное содержание и мировоззрение — это «утопия, опрокинутая в прошлое» (Webb, 1968. Цит. по: Eisenstadt, 1992, p. 391). Аналогичный вывод в отношении французской революции был сделан неоднократно цитировавшимся на страницах этой книги А.де Токвилем. Почти 150 лет назад он писал, что «революция не должна была изменить характер нашей цивилизации, как считали иные, ...изменить суть фундаментальных законов, лежащих в основе человеческих обществ у нас на Западе» (Токвиль, 1997, с. 23).

Анализируя ход происходивших революций в странах Юго-Восточной Азии после второй мировой войны, исследователи также задавались вопросом, не является ли революция в азиатских обществах средством восстановления прежнего, доколониального порядка? Ученый из Бирмы М. Аун-Тхвин подчеркивал, что в этих странах «традиция становится на службу революции, а революция оказывается средством выживания традиции перед лицом колониализма и капитализма» (Aung-Thvin, 1985, p. 156). Таким образом, революции становятся средством модификации традиции в соответствии с требованиями современного мира и способствуют приспособлению изначально присущих обществу институтов к изменившимся условиям.

Еще определеннее высказывается Ф. Тихелман, который на примере Индонезии 1950–1960-х годов показал, что индонезийское государство, освободившееся в 1945 г. от колониальной зависимости Голландии, обеспечило в стране не что иное, как возрождение «азиатского способа производства» (Tichelman, 1980). Другой автор, М. Саркисянц, также считал, что в Юго-Восточной Азии «революционное обновление традиционных архетипов этих обществ происходит путем возвращения к исходной, «чистой» форме» (Sarkisyan, 1984, p. 187). Ученый обращал внимание на то, что с точки зрения основной массы населения, и, прежде всего, крестьян, революции носили консервативный, реставрационистский характер. Подтверждением этого тезиса служит успех революций именно в том случае, когда имела место

преемственность центральной революционной власти и традиций сильного и державного центрального правительства (Революция и традиция..., 1987, с. 6).

Как интерпретируются вышеперечисленные и иные антиколониальные революции с точки зрения X-Y-теории? Можно предположить, что в отмеченных регионах Юго-Восточной Азии под влиянием колониальных режимов со стороны западных государств осуществлялись агрессивные попытки внедрения качественно иной институциональной системы, присущей странам с Y-матрицей. Эти действия находились в противоречии с социальной природой азиатских государств, которую определяла доминирующая в них X-матрица, и присущей им материально-технологической средой. Рано или поздно это не могло не привести к отторжению чуждых институциональных форм, что и проявилось в ходе антиколониальных революций.

Аналогичным образом «восстанавливает самое себя» и доминантная Y-матрица. Примером может служить известная эпоха французских революций в период с 1789 по 1871 год. А. де Токвиль, сравнивая Францию первой половины XIX века с Францией до революции 1789 г., объяснял причину революции сверхцентрализацией правительственной и местной власти (Tocqueville, 1956). Это же противоречие в устройстве политической системы Франции отмечал наш соотечественник С. Ю. Витте, считавший причиной французских революций несоответствие парламентской формы правления как основы политического строя французского государства, и административного устройства централизованных местных учреждений (Витте, 1903, с. 31–35). С точки зрения теории институциональных матриц, в стране осуществлялись действия по внедрению политических институтов из альтернативных систем государственного устройства, точнее, предпринимались усилия по деформации политической структуры федеративного типа в направлении, характерном для унитарно-централизованных политических систем. Аналогичные попытки агрессивно осуществлялись и в экономической сфере. В годы после первой революции государство стало устанавливать цены, конфисковывать запасы продовольствия, ввело систему принудительного снабжения, рационирование, в административном порядке требовало совместной уборки урожая всеми жителями деревни (Ойкен, 1996, с. 82–83). Следствием всех этих действий стала следующая французская революция, означавшая стихийный возврат французского общества к имманентной его природе федеративной по сути политической структуре и рыночному меновому хозяйству, что обуславливалось природой доминирующей в государстве институциональной матрицы.

«Восстановительный» характер имели и так называемые революции в государствах постсоциалистической Восточной Европы. После войны в результате сильного внешнего влияния со стороны СССР они оказались вынуждены развивать у себя институты альтернативной общественной системы, противоречащие исторически доминировавшей институциональной матрице в большинстве этих стран. Когда в связи с ликвидацией СССР это влияние ослабло, то восточно-европейские страны смогли относительно быстро восстановить исторически свойственный им институциональный порядок.

Развиваемое в X-Y теории понимание революции в значительной мере совпадает с подходами современных институционалистов. Во что пишет по данному поводу польский ученый Витольд Квашницкий: «В политических и социальных науках слова «эволюция» и «революция» используются для описания, по существу, противоположных процессов, хотя оба слова имеют схожую латинскую этимологию. Несмотря на использование их в противоположных значениях, оба означают раскручивающееся, или перекручивающееся, движение... <здесь наш польский коллега также обращает внимание на то, что «именно в этом смысле слово «revolution» было использовано Николаем Коперником в его фундаментальной работе *De revolutionibus orbium coelestium* 1543 г.>. ... Современное использование этих слов предполагает наличие двух различных механизмов развития, что представляется обманчивым. Эволюционные и революционные процессы управляются одними и теми же механизмами развития, различие заключается только в степени изменений: эволюция ассоциируется с медленными, постоянными, последовательными изменениями, а революция — с относительно быстрыми изменениями, которые в соответствующем масштабе времени рассматриваются как мгновенные» (Квашницкий, 2006/1996, с. 94).

Другим теоретическим аргументом в поддержку развиваемого в теории институциональных матриц положения о сущности революций могут служить замечания крупнейшего авторитета неоинституционализма, лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта. Исследование революций он не ставил своей основной задачей, но ряд его замечаний оказывается в этом конкретном вопросе чрезвычайно интересным. Как уже отмечалось, Норт указывает на способность институциональной матрицы к самоподдержанию, введя для этого даже специальный термин «эффект блокировки» (Норт, 1997а, с. 23). Он писал, что «наличие механизмов самоподдержания институциональной матрицы свидетельствует о том, что, несмотря на непредсказуемость конкретных краткосрочных тенденций развития, общее направление развития в долгосрочной перспективе является более предсказуемым и с трудом поддается возвращению вспять» (там же, с. 134). Именно поэтому он ставил задачу выявления институциональных матриц различных обществ, без чего, как признавал Норт, не могут быть поняты траектории их различающегося исторического развития.

В историческом развитии революции скорее спонтанны, чем закономерны. И даже по прошествии некоторого времени можно видеть, что действительность оказывается гораздо менее революционной, чем ожидали революционеры (Норт, 1997б, с. 10). Можно полагать, что революции происходят в случае, когда общество не реформирует себя сознательно, в русле свойственного ему направления исторической эволюции. Если же при нарушении институционального соответствия между основными сферами общества или внутри одной из них реформы или революции не осуществляются, то это может привести к гибели общественного организма, его распаду, либо к капитуляции перед внешними условиями.

Разумеется, что с точки зрения общественного прогресса более предпочтительным, по сравнению с революциями, является осуществление разумных экономических, социальных и политических реформ в государстве в соответствии с соотношением его доминантной и комплементарной матриц. Создаваемые в ходе реформ

структуры зависят от степени, в какой информационная обратная связь является точной и позволяет формировать верные модели (Норт, 1997б, с. 12). Такой путь возможен, когда природа общества осознана, когда развита наука, способная дать необходимые обоснования и рекомендации. Если же предпринимаемые реформы противоречат социетальной природе общества, если не происходит их коррекции в результате «обратных связей», то возрастает вероятность революции.

Революция аналогична вспышке болезни в человеческом организме и, как и болезнь, освобождает организм от накопившихся вредных воздействий и восстанавливает его жизнеспособность. В этом смысле революцию следует рассматривать позитивно. Хотя она и является более болезненным средством в сравнении с социальными реформами, но, в конечном счете, революция позволяет предотвратить процесс уничтожения общества перед лицом внешних угроз или в результате внутреннего распада.

Широко известным примером такого распада является история Римской империи. Если интерпретировать причины ее разложения в терминах теории институциональных матриц, то они представляются следующим образом. Во-первых, в обществе был нарушен принцип взаимообусловленности базовых экономических и политических институтов. Во-вторых, были предприняты попытки изменения социетального типа общества, выразившиеся в крайнем искажении форм общественной жизни в направлении, противоположном природе свойственной Риму Y-матрицы. Аналогичное предположение, но в иных терминах высказывал в своих последних работах К. Поланьи, основываясь на материалах историка с мировым именем Михаила Ростовцева. Так, он писал, что в Риме накануне падения развивалось противоречие между рыночной экономической системой и редиistribuтивным в целом характером политической системы (Polanyi, 1977, p. 276).

Опираясь на приводимые М. Ростовцевым факты (Ростовцев, 1924, с. 294- 304; Rostovzeff, 1926) и основные положения X-Y- теории, ситуацию, сложившуюся в Римской империи накануне ее падения, можно реконструировать следующим образом.

- ☉ В политической системе Рима усилиями императоров со II века стали устанавливаться правила и социальные формы, заимствованные у восточных территорий, включенных в состав империи в ходе завоевательных войн. Реформы Диоклетиана и Константина в III в. уже напрямую были направлены на создание восточного военного абсолютизма, для этого была заимствована идея, составлявшая основу хозяйственной жизни Египта.
- ☉ В соответствии с этими реформами в империи была введена чиновничья иерархическая вертикаль власти, деятельность которой стала приходить в противоречие с деятельностью выборных городских советов и их исполнительных органов, а также ассоциаций свободных ремесленников, купцов и т.д. Ответственность перед Римом за сбор налогов несли назначенные чиновники, в то время как поступление этих налогов полностью регулировалось городскими советами. Для приведения политических институтов во взаимное соответствие прежде выборная служба в городских советах была сделана

обязательной повинностью. Была также введена круговая порука всех жителей данной территории за уплату налогов в государственную казну.

- Одновременно происходила деформация экономической сферы. Государство прикрепило к земле крестьян, сделав их колонами, т. е. крепостными государства. Аналогичная ситуация наблюдалась в отраслях промышленности. Были введены обязательные поставки от владельцев мастерских в казну определенного количества предметов по установленной цене. В случае неисполнения требований владельцы прикреплялись к мастерским вместе с рабочими. Если и это не помогало, государство «национализировало» некоторые отрасли, прежде всего транспорт, морские и речные торговые суда, забирая их в казну.
- Тем самым возникло противоречие между экономическими институтами, естественными для Y-матрицы римского государства, и насаждаемыми формами, соответствующими альтернативным институтам X-матрицы. Такого рода экономические преобразования, как и политическая реформа центральной власти, объединявшая несоединимые элементы — идею магистратуры римского народа с абсолютной монархией восточного типа — привели к разрушению империи и послужили источником гражданской войны. Но революции в государстве не произошло.

Ослабевшая Римская империя разделилась на две части, и ее западная часть была завоевана племенами варваров. Именно им было суждено восстановить и развить на развалинах могущественного государства изначально свойственные ему институты, определенные, в конечном счете, свойствами некоммунальной материально-технологической среды в этом регионе.

Исторические уроки Рима показывают устойчивость институциональных матриц. Пришедшие на территорию прежней Римской империи новые народы, начав овладевать материальной средой и создавать новые государства, невольно воссоздали и основные институты, свойственные Y-матрице. Тем самым была обеспечена преемственность норм Римского права в западноевропейской истории, получившего общественный статус «естественного права», и продолжена эволюция основных экономических, политических и идеологических форм на европейском континенте.

8.3. X-матрица земельной собственности в России: иллюстративное приложение

Задача данного параграфа — показать возможности X-Y-теории в анализе известных, казалось бы, фактов о развитии земельных отношений с начала российской государственности и до последних лет. С помощью вторичного анализа собранных рядом отечественных исследователей данных будет показана историческая устойчивость доминирующей институциональной X-матрицы в сфере земельной собственности, сфере, всегда являвшейся объектом жарких дискуссий и неоднократного масштабного реформирования.

Обращение к данному материалу с позиций теории институциональных матриц вызвано, в том числе, тем, что сами историки земельных отношений, нуждаясь

в выборе парадигмы осмысления исторического процесса, не находят ее в других теоретических концепциях. Например, им часто приходилось основываться на формационном подходе, поскольку, как пишет Н. А. Горская, «попытки отойти от этого понимания, подняться на более высокий уровень осмысления исторического процесса путем употребления понятий «цивилизационный подход», «доиндустриальное», «индустриальное» и «постиндустриальное общество» пока не принесли желаемого результата» (Собственность на землю..., 2002, с. 9). Названные подходы не позволяют выяснить закономерности социально-экономического развития земельных отношений в российском обществе. Но используемый российскими исследователями — в силу отсутствия других адекватных теоретических схем — формационный подход также не является достаточным. Попытки анализировать земельные отношения в терминах европейских концепций, как отмечают российские историки, непродуктивны. Например, известное европейское понятие «феодалная собственность» (прежде всего на землю) не является для нас «полной частной собственностью», как это имело место за западными границами России (там же, с. 42). Поэтому можно констатировать, что историческая наука, анализируя факты, формирует перед обществоведами и экономистами запрос на адекватную методологию социального анализа и необходимый категориальный аппарат, позволяющие увязать наблюдаемые явления.

Налицо и заинтересованность с противоположной стороны. Для чего необходимы исторические исследования экономистам и обществоведам, тем более теоретикам? Исторические сопоставления в обществоведении можно рассматривать как аналог экспериментальных данных в естественных науках. Здесь в качестве условий и приборов эксперимента выступает научная методологическая схема, которую предоставляют в распоряжение историков экономические и социальные теории. Теоретико-методологическая схема, выступая в качестве «инструмента или своего рода лабораторного прибора», позволяет фиксировать и отслеживать «неизменные параметры» исторического процесса, не принимая во внимание «неважные», постоянно меняющиеся факторы и характеристики многообразной общественной жизни. Неслучайно, что часто именно исторические исследования лежат в основе достижений и нобелевских премий ряда неонституционалистов.

Итак, с одной стороны, социально-экономические теории дают возможности для упорядочивания и целенаправленного анализа исторического материала. Свидетельством этого может служить приложение (в свое время) идей формационного подхода в исторических исследованиях. С другой стороны, история, исторические исследования выступают своеобразным фильтром для оценки теоретических концепций, предлагаемых сегодня обществоведами. Исторические данные позволяют верифицировать и углубить социально-экономические теории. Историки предоставляют в распоряжение всех обществоведов драгоценный фактический материал, на основе которого можно дополнительно аргументировать — или опровергнуть, — положения тех или иных предлагаемых концепций. Поэтому осмысление земельных отношений в России с позиций представлений X- Y-теории может иметь обоюдный интерес — и для разработчиков, использующих новую теорию для анализа

исторических данных, и для историков, которым дается возможность иным образом систематизировать накопленную информацию.

Каковы наиболее важные выводы в отношении института земельной собственности, иллюстрирующие справедливость теории институциональных матриц, можно сформулировать? Они связаны с тем, что в сфере земельных отношений оказывается возможным найти неопровержимые факты того, что в России исторически и постоянно доминируют институты X-матрицы.

Первый вывод состоит в том, что на протяжении нашего долгого исторического пути доминирующим институтом, регулирующим поземельные отношения, следует считать институт **верховой условной собственности**. Как отмечалось ранее, в этом названии соединяются идеи М. И. Ростовцева и Л. В. Черепнина о верховной собственности государства на землю и условная собственность владения землей служилыми людьми, как ее называет Н. А. Горская (*Собственность на землю...*, с. 27). Данный институт постоянно порождает соответствующие ему *формы земельной собственности*, наиболее жизнеспособные в аграрном хозяйстве страны.

В чем сущность этого института? Во-первых, всегда существуют формальные и неформальные ограничения, в которых фиксируется право центральной власти в отношении земли, находящейся во «владении» и пользовании основных социальных субъектов. Во-вторых, верховная власть, являясь, по сути, собственником земли, определяет условия, выполнение которых обязательно для тех, кому эта земля передается во владение и пользование. Причем эта схема действует на всех уровнях иерархической властной вертикали — каждый верхний уровень определяет условия для нижнего, в свою очередь, условия для него самого формируют стоящие выше звенья.

Уже в Киевской Руси (X–XI вв.), как писал Черепнин, у нас преобладала верховная государственная собственность на общинные земли, реализовавшаяся путем взимания дани (Черепнин, 1953). В домонгольской Руси формами землевладения, в которых выражал себя институт верховной условной собственности, помимо государственной собственности (в тот период ей соответствовала так называемая княжеская собственность — не путать с княжеской вотчиной), были также монастырские и церковные владения. Монастыри и церковь получали земли в результате княжеских пожалований, а также при государственной поддержке в ходе освоения новых территорий. В дальнейшем эти земли пополнялись за счет вотчин, передаваемых живущими (в дар) или умершими (по завещаниям) владельцами.

С середины XV в. формируется еще один сегмент, регулируемый институтом верховной условной собственности. Это — система условного землевладения в виде поместий — неотчуждаемой земельной собственности, обусловленной службой жалователю земли. В Судебнике 1497 г. поместные земли прямо рассматриваются как великокняжеские (Памятники Русского права, 1955, с. 356), то есть подлежащие ведению центральной княжеской власти. Верховенство центральной власти и условность поместного землевладения сводились к запретам продавать и дарить землю, но не запрещались права наследования. В обязанности помещиков входила деятельность по организации аграрного производства на переданных землях и по-

печение о работающих на них крестьянах, поступление в казну податей. Условием получения поместья было также несение тягот государственной службы (прежде всего, военной). С раздачи поместных земель началось создание слоя служилых землевладельцев.

Через 400 лет характер поместной (к 1850 г. она называлась помещичьей) собственности на землю сохранился. Как признавал даже Н. И. Тургенев, известный ненавистник крепостного права, «русский помещик имеет не только права в отношении своих крепостных, но и обязанности, возложенные на него законом... Таким образом, само его право на землю до известной степени ограничено условиями» (Тургенев, 2001, с. 409).

В отношении монастырских и церковных земель также сохранялась определяющая роль верховной власти. Здесь и контроль за приобретениями, обмены монастырских земель на государственные, земельные конфискации, испомещение на монастырских землях служилых людей и т. п. (Собственность на землю..., с. 26). Именно верховенство государственной власти над церковными землями, рассмотрение их как резерва государственной земельной собственности и обусловило проведенную в дальнейшем Петром I массовую секуляризацию церковных земель.

Накануне крестьянской реформы 1861 г. государственные, помещичьи и церковные земли, «население которых было обязано выплатами правителю государства, продолжали повсеместно преобладать над территориями, находящимися в частном владении» (там же, с. 15). Еще более определенно высказывается Л. В. Милов, один из авторитетнейших исследователей конца XX века по исследованию особенностей исторического процесса в феодальной России. Он писал, что «частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности» (Милов, 1998, с. 558).

Реалии советского периода российской истории не нуждаются в специальных комментариях — характер социалистической собственности, находящейся в распоряжении колхозов и совхозов, имел ярко выраженный условный характер, и условия распоряжения землей определялись органами соответствующих уровней власти.

Российские реформы конца 1990-х годов также не изменили принципиального положения. Согласно статистике, в начале 2000-х гг. 83 % сельхозугодий находились в частной собственности у 11 млн. граждан. Но в реальности частный характер землепользования не подтверждается. Поскольку, «во-первых, эти земли на отдельные участки для индивидуальных собственников в подавляющем большинстве не размежеваны, то есть де-факто земля не приватизирована, во-вторых, крестьяне в основной массе верны коллективным формам работы как более эффективным в современных условиях, в-третьих, ведение рентабельного сельского хозяйства без государственной помощи невозможно» (Собственность на землю..., с. 521). Другими словами, фактически дольщики, или номинальные владельцы земельных паев не могут обособить свой участок и вести на нем самостоятельное хозяйство, реализовать участок, сдать в аренду и т. д. К аналогичным выводам приходят и зарубежные исследователи. Так, Стефен Вегрен делает вывод о том, что земельная

реформа в России носит незавершённый характер, поскольку доля реальной частной собственности в стране очень мала. Он также отмечает, что регистрация долевой собственности не предполагала, какой конкретно участок земли был закреплён за конкретным собственником, поэтому фактически права собственности были оформлены всего лишь документально (Wegren, 2009).

С этой точки зрения интересно проанализировать опыт одной из передовых в сфере реформирования земельных отношений Саратовской области конца 1990-х гг., который часто истерически трактовали как «распродажу земли» и уход государства из этой сферы. Реализация принятого (в опережение федерального) регионального Закона о земле и связанные с ним мероприятия показали: именно участие и роль правительства Саратовской области, областной думы, слаженная работа региональных и муниципальных органов обеспечивали действенный контроль за оборотом земельных участков, мониторинг земель и развитие экономики землепользования. Права собственности на землю имеют в области ограниченный законами и нормативными правовыми актами характер (Собственность на землю..., с. 543–549). Более того, постановление губернатора № 490 от 20 июня 1997 г. «Об установлении нормативной цены земли на территории Саратовской области» закрепляло верховенство региональной и федеральной властей (в соответствии с принятым распределением полномочий между регионами и федеральным центром) в регулировании земельного рынка.

Следует подчеркнуть, что институт верховной условной собственности, действующий в аграрной сфере российского государства, не является неким кентавром «власти и собственности» (Васильев, 1982; Плискевич, 2008 и др.), неразвитой и отсталой институциональной формой. Напротив, структура названного института может быть проанализирована при помощи стандартных категорий «пучка полномочий», используемых в современном институциональном анализе. Институт верховной условной собственности расщепляется на права распоряжения (закрепленные за верховной властью), владения (переданные землевладельцам, например, помещикам и монастырям, колхозам, аграрным объединениям) и использования (до советской власти это была община в разных ее формах, после революции — колхозы и совхозы). Последовательное развитие института собственности таково, что осуществление прав владения и использования последовательно сближаются. Этапами этого сближения в свое время была передача земли от помещиков к крестьянским общинам в 1861 г., затем — от государства после национализации земли в ходе Октябрьской революции — колхозам и совхозам, в постсоветский период — добровольно создававшимся сельскохозяйственным организациям.

Современное состояние института верховной условной собственности на землю подразумевает тщательную правовую проработку и законодательное обеспечение всего сложного пучка полномочий собственности между основными социальными субъектами, имеющими отношение к земле, разработку нормативной базы, необходимых инструктивных и регулятивных документов, работу по информационно-правовой пропаганде, обучение всех участников и т. д.

Проявление института верховной условной собственности в аграрной сфере позволяет зафиксировать наше внимание на основополагающем его отличии от института частной собственности. Оно заключается в том, что в X-экономиках объект собственности часто не может быть четко обособлен «по горизонтали» и «по вертикали». «Малые» объекты собственности не обособляются, а являются «вложенными» как составная часть в более масштабный объект. В основе этого лежит коммунальный характер материально-технологической среды, и земля в России, как это специально будет проанализировано в главе 10, исторически является именно таким объектом. То есть коммунальную среду можно разделить «на бумаге», но ее нельзя расчленить физически, и это составляет материальную предпосылку невозможности развития отношений частной собственности. Поэтому каждый раз естественно формируется верховная условная собственность, где верхний уровень, распоряжающийся коммунальным по характеру средством производства, определяет условия использования его составных частей отдельными хозяйствующими субъектами.

Другой вывод, который вытекает из приложения теории институциональных матриц и ее раздела об X и Y-экономиках к анализу земельных отношений, состоит в следующем. Внимательный анализ исторического и современного материала показывает, что в России никогда не существовало частной собственности на землю в полном, классическом ее понимании: имели место так называемые **квази-частные формы** земельной собственности.

Исторически первой формой индивидуальной крупной земельной собственности, имеющей квази-частный характер, являлись княжеские села и охотничьи угодья, положившие начало княжеской вотчине. Княжеская вотчина была отделена от государственных земель. Затем к вотчинным землям князя прибавились боярские села, полученные путем княжеских пожалований. Появились боярские (дружинные) вотчины, затем вотчины стали получать в свое распоряжение и дворяне. Вотчина являла собой владение, передаваемое по наследству, вотчинник имел право отчуждать свою землю без санкции князя. Но даже «владение полученной по наследству вотчиной не являлось индивидуальной частной собственностью» (Собственность на землю..., с. 43). Во-первых, само начало вотчинного землевладения приурочивается к элементу дружинному (то есть военно-служилому), таким образом, получение вотчин связывается со службой и исходит от верховной власти. Во-вторых, за те или иные провинности можно было лишиться вотчины. В-третьих, права распоряжения вотчинами существенно ограничивались государством (особенно это касалось княжеских вотчин). В-четвертых, уже в московском царстве с вотчины отбывается такая же обязательная служба, как и с поместья, то есть становится еще более выраженным условный характер вотчинной собственности.

Все это характеризует вотчины как квази-частные формы, по содержанию не совпадающие с феодальной земельной собственностью европейских государств. «Для средневековья и раннего нового времени России применяемое относительно феодального государства и феодалов (а тем более относительно других социальных слоев и крестьянства в целом) понятие «феодальная собственность» (прежде всего на землю), не является «полной частной собственностью» (Собственность на землю..., с. 42).

Другой формой индивидуальной земельной собственности, аналогичной частной, многие считают крестьянскую собственность после земельной реформы 1861 г. и, особенно, поле столыпинской реформы 1906–1907 гг. Насколько это справедливо?

Крестьянское право на землю после освобождения, как отмечал В. В. Леонтович, «не представляло собой субъективного права в гражданско-юридическом смысле» (Леонтович, 1995, с. 206). Это было право собственности, принадлежавшее крестьянину в составе общины. Общины делились на переделывающиеся и беспеределные. Именно последние, беспеределные общины характеризовались подворно-наследственным крестьянским землевладением. В отличие от переделных общин, подворные общины утрачивают — временно или навсегда — земельно-распределительные функции. Но это не отменяло других функций общины. В условиях чересполосицы крестьяне продолжали быть связаны общими сроками сева и уборки урожая, которые определяла община. В общинном владении оставались угодья общего пользования (пастбища, выгоны, иногда леса). На общинном сходе решались дела о раскладке податей и т. д. Да и сама собственность крестьянского двора на землю могла быть реализована только внутри общины, смысл которой и был в совместном владении землей при индивидуальном ведении хозяйства каждым двором. Таким образом, действительно не представляется справедливым приравнять права крестьянина в составе подворной общины к правам реального частного собственника земли.

Через 50 лет после передачи земель помещиков в собственность крестьянской общины был сделан еще один шаг в сторону совмещения прав владения и пользования землей. В ходе столыпинской реформы создавались условия выхода крестьян из общины «на отруба» с принадлежащим им земельным участком. Стал ли «отрубной» крестьянин частным собственником? Во-первых, земельные участки, с которыми выходили крестьянские семьи, были невелики, и реформа не решила проблемы малоземелья, характерной для России начала XX века. Во-вторых, лишь часть новых отрубников и хуторян смогла сделать что-то для улучшения своего земледельческого хозяйства. Основная масса частично разорялась, частично продавала землю и уходила в город, частью включалась в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела (Ахиезер, 1997, с. 308), что подтверждают и данные других исследователей данного вопроса. Наконец, деятельность нового слоя проходила в условиях крестьянского раскола, вызванного столыпинской реформой. За период до 1 сентября 1914 г. только 26, 6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск (Дубровский, 1963, с. 211). Тем не менее, даже государственная поддержка не смогла обеспечить массовой «приватизации» земли в ходе столыпинской реформы.

Наконец, можем ли мы считать реальными частными земельными собственниками нынешних фермеров и различные сельскохозяйственные объединения, образовавшиеся на базе прежних колхозов и совхозов? Что касается сельхозпредприятий, то выше уже говорилось, что приватизации земли де-факто не произошло, в большинстве случаев она осуществлена лишь де-юре, то есть «на бумаге». Анализ развития фермерских хозяйств также не подтверждает полномасштабной реализации ими

прав частной собственности. Кроме того, класс фермеров достаточно малочислен. С 1994 г. его доля в аграрном производстве России колеблется на уровне 2%, а условия деятельности в решающей мере зависят от поддержки государства (Калугина, 2002, с. 17).

Особенностью функционирования квази-частной формы земельной собственности является ее «вспыхивающее-затухающий» характер. Возникая в результате проводимых сверху реформ как специфическая и особенная, она со временем по юридическому и реальному статусу сближается с формами верховной условной собственности. Так, повсеместно отмечается сближение юридического статуса вотчины и поместья в течение XVII века (Собственность на землю..., с. 21). В дальнейшем также была обоснована неправомерность тезиса о качественном различии обычной и подворной общины. Историки доказали, что трактовать общинное (передельные общины) и подворное (беспередельные общины) землевладения, которые явились результатом столыпинской реформы, как «докапиталистические» и «капиталистические» — неверно. «Было бы ошибкой утверждать, что подворное землевладение носило чисто капиталистический характер, а общинное было пережиточным, докапиталистическим» (там же, с. 154). Между ними было больше сходства, чем различий. Наконец, известным является сближение статусов индивидуально-коллективной (колхозной) и государственной (совхозной) форм земельной собственности.

Таким образом, историческая память России не содержит устойчивых феноменов функционирования частной земельной собственности. Внедряемые формы имели квази-частный характер, и действовали они в условиях доминирования верховной условной собственности на землю.

В то же время ретроспектива земельных отношений от момента основания русского государства до наших дней ярко показывает, что на протяжении всей российской истории продолжается трудный **поиск оптимального соотношения** двух названных форм собственности, и это третий вывод, который можно сделать из истории российских земельных отношений.

В современной экономической теории вопрос соотношения частных и публичных (общественных, коллективных) форм собственности подробно обсуждается, поскольку является важным компонентом экономической жизни западных стран. На языке институциональной экономической теории определение оптимальности такого соотношения можно считать поиском институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, вернее, институциональными формами, в которых они выражают себя на поверхности хозяйственной жизни. Как шел поиск такого оптимума в аграрной (земельной) сфере России?

Экспертно суммируя разные оценки, можно заметить, что квази-частная (и личная) форма собственности всегда занимала подчиненное положение и была распространена существенно меньше по своему значению и объему. Имеющиеся данные позволяют предположить, что в разные исторические периоды она охватывала не более трети всех земель России (Русского государства, Российской империи), используемых в аграрном производстве.

Например, какова была доля вотчинных земель в средние века? Соотношение вотчин и поместий постоянно менялось — то превалировала раздача поместий, то раздача вотчин. Но если грубо предположить, что в период их широкого распространения в среднем пропорция поместий и вотчин была примерно одинакова (такое предположение позволяют сделать приводимые на страницах книги «Собственность в России...» данные), то долю вотчин, или квази-частной собственности к середине XVII в. можно оценить на уровне 25–30 %⁴.

Во времена известной аграрной реформы 1906–1907 гг., проводившейся под руководством П. А. Столыпина, несмотря на активную государственную поддержку крестьян, желавших выйти из общины, они также не стали преобладающей социальной группой. За период до 1 сентября 1914 г. выделилось около одной пятой всех крестьян (Ахиезер, 1997, с. 304), причем процесс выделения крестьян из общины носил затухающий характер: «подавляющее число домохозяев (74%) на десятом году реформы, а точнее по состоянию на 1 января 1916 г., оставалось в общине... Немало вышедших вновь вернулось в общину» (Холодков, 1995, с. 58).

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ходе реформ 1990-х годов. Закон РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизация колхозов и совхозов создали в начале 1990-х гг. предпосылки для самостоятельного ведения хозяйства любым желающим. С каждым годом фермерских хозяйств становилось все больше и больше. Но, начиная с 1994 г., темпы прироста фермерских хозяйств стали сокращаться. При этом стал нарастать процесс разорения крестьянских хозяйств. Начиная с 1997 г. число хозяйств, прекративших свою деятельность, стало превышать число вновь создаваемых хозяйств (Калугина, 2000, с. 15). Если в 1997 г. число фермерских хозяйств по сравнению с предыдущим годом сократилось на 1.5 тыс., то в 1998 — на 4.3 тыс., в 1999 — на 4.1 тыс., а в 2000 г. — уже на 9.1 тыс. Причины этого явления многообразны. В данном случае важно зафиксировать Ваше, читатель(ница), внимание на количественном результате, совпадающем в тенденции с предыдущими аграрными реформами.

Верховная условная собственность на землю в России все время преобладает, в то время как частные (квази-частные) формы собственности являются менее распространенными, но необходимыми комплементарными элементами в общей структуре земельной собственности.

Всплеск роста квази-частной собственности приходится, как правило, на периоды так называемых либеральных реформ. Они, в свою очередь, следуют после кризисов, когда доля квази-частных форм ничтожна. После окончания периода кризиса или по истечении срока активной реформаторской деятельности доля земли в квази-частной собственности снова уменьшается. И если она уменьшается до такой

⁴ Оценка выполнена на основании данных примерных расчетов Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, приведенных на с. 25 книги «Собственность на землю...»: в середине XVII в. духовенству принадлежало 16 % земель, дворцовому ведомству — 8, черносошному крестьянству и др. свободному населению, зависимому от системы государственной собственности — 20, боярам и дворянам (владельцам вотчин и поместий) — 56 %. Половина этой величины и составляет примерно 25–30 %.

Рис. 26. Соотношение форм собственности на землю в России

степени, что верховная условная собственность начинает тотально доминировать, страна вновь приходит к аграрному кризису. Поэтому таким важным является определение пропорций, в которых должны быть представлены и та, и другая равно необходимые формы земельной собственности.

Устойчивость и выбор конкретных социально-экономических форм, в которых реализуются отношения земельной собственности в России, обуславливался, в конечном счете, не политической волей властей (как представляется сторонникам кардинальных преобразований), и не спецификой менталитета и культурных образцов (как утверждают сторонники консервативного хода вещей). В каждый момент времени проведение земельной политики представляет собой последовательно формирующийся труднейший компромисс между различными группами интересов, действующими в аграрной сфере. Та или иная организационная форма, меняющаяся во времени, но следующая руслу исторической эволюции, является обусловленным временем решением задачи аграрной безопасности страны, выживания государства как целого и развития его сельского населения. Другими словами, устойчивость экономического выбора диктуется целесообразностью. Экономические отношения формируются в тесной и непосредственной связи с условиями ведения сельскохозяйственного производства, территориальными различиями в климате, плодородии почвы, системах земледелия и т. д.

Показательны в этом плане история и устройство крестьянской общины. Ограничимся здесь лишь наблюдениями экономического характера, не анализируя роль общины в социальной и административно-поселенческой структуре российского государства. Во-первых, можно видеть, что

община являлась элементом экономического механизма, обеспечивающего непрерывность аграрного производства в условиях рискованного земледелия, характерного для большей части страны. Во-вторых, община обеспечивала выживание каждого отдельного крестьянина. Так, система полос, часто дурно понимаемая, по сути, служила страховым условием получения определенного уровня урожая каждой крестьянской семьей. В условиях нестабильного климата чересполосица нивелировала влияние месторасположения участка и ограждала крестьянские хозяйства от разорения. «Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый — на взгорках» (Собственность на землю..., с. 159). Так что семья оставалась с хлебом и могла нести тягло по выплате податей, идущих на общегосударственные расходы. В-третьих, имела свои основания и система переделов, периодически запрещаемых центральным правительством, особенно во времена столыпинских реформ. Их целью было приведение во взаимное соответствие наличных сил крестьянских семей и того объема сельскохозяйственного труда, который надлежало выполнить общине для выполнения своей экономической роли в масштабах государства. Рост или уменьшение семей имели следствием соответствующее изменение площади обрабатываемых участков. В-четвертых, в условиях общины суммарные издержки на освоение новых технологий были существенно меньше. Так, переход от традиционного трехполья к более совершенным севооборотам для подворной деревни был более труден, чем для общинной (там же, с. 155). Со временем, как отмечают исследователи, задача совместного выживания членов общины заменялась задачей поддержания исправных хозяйств и воспроизводства рабочей силы, а затем — и задачей повышения доходности совместно используемых земель (там же, с. 176).

В заключение сошлемся на результаты одного из новейших исследований Г.М. Соколова, в котором автор проанализировал современное законодательство в сфере земельных отношений с позиций теории институциональных матриц (Соколов, 2013). Автор провел контент-анализ правового массива федеральных законов, президентских указов, постановлений правительства и др. нормативных документов, принятых за период с 1990 по 2012 гг. и касающихся вопросов регулирования земельных отношений. Сделанные Соколовым выводы подтвердили наличие вышеуказанных трендов и закономерностей.

Так, он пишет, что «на первый взгляд может показаться, что институт земельной собственности в России претерпел существенные изменения в постперестроечный период: была разрешена приватизация земли, отменена монополия государства на землю, провозглашена частная собственность. С начала 1990-х гг. основной вектор институционального дизайна в земельной сфере был направлен на развитие полноценного и всеобъемлющего земельного рынка» (Соколов, 2013, с. 128). Действительно, в работе показано, что в начале исследуемого периода (до 1997 года включительно) в принимаемых нормативно-правовых актах преобладало наличие норм, присущих базовым институтам У-экономики.

Однако затем законодатель все больше внимания уделяет таким регулятивным нормам, которые присущи базовым институтам исторически доминирующей в России X-экономики: устанавливаются правила государственного контроля за использованием земли (институт верховной условной собственности), регулируется бесплатное предоставление земельных участков (институт редистрибуции) и т. п. На новейших эмпирических данных было продемонстрировано, что за 10 лет попытки кардинально изменить сложившийся в земельной сфере институциональный порядок трансформировались в деятельность по модернизации институтов X-матрицы, а не осуществлению качественных изменений. Так проявил себя эффект *path dependence*: годами накопленный опыт использования X-институтов оказался предпочтительнее. Соколов также сопоставил динамику направленности законодательных инициатив с оценками общественного мнения соответствующих периодов и показал их взаимную когерентность.

В то же время автор отмечает, что на современном этапе развития земельных отношений в нашей стране идет активный процесс поиска необходимого институционального баланса между доминантными и комплементарными институтами. Формы земельных отношений совершенствуются и развиваются в сторону их разнообразия, соответствия более сложным задачам и цивилизованным отношениям: земля как объект собственности в настоящее время может покупаться и продаваться, сдаваться в залог, передаваться по наследству, закладываться в банк и т. д. Однако в целом проведенный анализ законодательной базы позволил автору сделать вывод о том, что институциональная основа земельных отношений по-прежнему стабильна: при комплементарной функции институтов Y-экономики действие институтов X-экономики остаётся в России доминирующим (Соколов, 2013, с. 128).

Все течет, все меняется...
В изменениях мы находим свое предназначение

Гераклит Эфесский

IX Логика институциональных изменений

Выявленная в X-Y-теории фундаментальная устойчивость институциональных матриц не означает «замороженности», неизменности характеристик общественной жизни — институциональным исследованиям вообще чужд *презентизм*, или абсолютизация настоящего. Соотношение институциональных матриц, определяя веер потенциально возможных социально-экономических и политических преобразований и логику развития социальных форм, не отменяет постоянного совершенствования институциональной среды и активной роли социальных субъектов в этом процессе.

Деятельность по конструированию институтов находится в центре исследований тех ученых, которые работают в русле субъективистского подхода, поскольку для них поведение индивидов и социальных групп является главным объектом изучения. В рамках же объективистского подхода, который используется в данной книге, можно указать лишь на некоторые тенденции институциональных изменений, а также попытаться определить их закономерности. Такого рода ограничения связаны с трактовкой институтов, принятой в теории институциональных матриц. Институты, возникающие в рамках национального государства в результате исторического опыта социального взаимодействия с окружающей средой, понимаются как своего рода аттракторы, задающие, в конечном счете, систему предпочтений и направляющие действия экономических и политических акторов (Боулс, Гинтис, 2006, с. 313). В какую сторону направлены эти изменения, каковы их источники и можно ли спрогнозировать пределы институциональных преобразований? Некоторые ответы на поставленные вопросы предлагаются в этой главе.

9.1. Институциональные изменения как развитие институциональных форм

Что в данном случае понимается под институциональными изменениями? Для ответа на этот вопрос вновь вернемся к определению базовых институтов, принятому в настоящей работе. В теории институциональных матриц такие институты рассматриваются как найденные в ходе общественной практики и постоянно воспроизводящиеся наиболее существенные и устойчивые социальные отношения, которые позволяют обществу выживать и развиваться как целостному организму. Базовые институты поддерживают самодостаточность обществ в ходе исторической эволюции, независимо от воли, желания и действий конкретных социальных субъектов «здесь и сейчас».

Базовые институты по содержанию и определению отличаются от множества других институтов, которые являются объектом рассмотрения в современных теориях социологического и экономического институционализма. В большинстве случаев сторонники таких теорий исходят из пластичности институтов, преимущественное внимание уделяют их субъектной стороне и, соответственно, возможностям их «конструирования» и целенаправленного формирования. Об этом уже говорилось в главе 1.

В той же главе (п.1.3) постулировано одно важнейших допущений Х-У-теории о том, что в понятии базовых институтов глубинные, относительно постоянные структуры институциональной среды аналитически обособляются от ее динамичного «поверхностного» слоя, представленного институциональными формами. Институциональные формы — это отражение базовых институтов в конкретных законодательных актах, технологиях принятия решений, организационных формах хозяйствования, идеологических предпочтениях и пр. Динамичные во времени институциональные формы определенным образом «оформляют» действие глубинных базовых институтов доминирующей и комплементарной институциональных матриц. Таким образом институциональная структура выстраивается на основе иерархического соподчинения институциональных форм базовым институтам, в ее основе лежит своего рода изоморфизм, соответствие элементов «поверхностного слоя» фундаментальным структурам. Благодаря этому институциональная система выстраивается как иерархически устроенное целое.

Примерами институциональных форм являются:

- ☉ в экономике это конкретные формы связи между хозяйствующими субъектами — контракты или механизм планирования, организационно-правовые формы действующих в экономической сфере субъектов, порядок установления цен и т. д.
- ☉ в политической сфере институциональные формы выражаются в принятых принципах территориального устройства, различных процедурах выборов, способах оформления централизованной или федеративной власти, в разнообразии структур руководящих органов государства и пр.

- ☞ в идеологической сфере институциональные формы представлены теми или иными национальными идеями, доминирующими ценностями, конкретными доктринами, научными концепциями и философскими теориями в качестве обоснования государственной идеологии и др.

Во всех общественных сферах институциональные формы меняются в результате социальной деятельности, исторически развиваются и, одновременно, воспроизводят, выражают в обновленном виде основополагающие базовые институты. Институциональные формы образуют живую институциональную среду общества, они изменчивы, постоянно модифицируются, имеют исторически преходящий характер. Очевидно, что «никакая институциональная система никогда не является вполне однородной в смысле единодушного принятия ее целостности, и различные степени приятия могут стать очагами конфликта и изменений... Фундаментальные процессы, благодаря которым сохраняется преемственность социальных систем и их важнейших институциональных производных, порождают передвижки в распределении власти и (экономических) позиций среди неравных групп и категорий людей в обществе и в их отношении к предпосылкам социального порядка» (Эйзенштадт, 1999, с. 85). Такие передвижки, возникающие как в результате внутренних импульсов, так и под влиянием внешнего окружения, требуют новых, адекватных складывающимся условиям, институциональных форм, в которых закрепляется очередной уровень легитимизации социальных взаимодействий. Поэтому институциональная среда, образованная многоликими институциональными формами, подвижна и обусловлена историческим, временным, культурным контекстом. В отличие от них, базовые институты как элементы институциональных матриц общества, поддерживающие фундаментальные процессы сохранения социальной преемственности и общественной эволюции, неизменны, устойчивы и постоянно транслируют свое содержание.

В соответствии с разграничением базовых институтов и институциональных форм процесс институциональных изменений понимается как процесс совершенствования институциональных форм, соответствующих базовым институтам доминантной и комплементарной институциональных матриц в конкретном обществе. Такой подход отличается от известных концепций институциональных изменений, в которых не принимается во внимание соотношение доминантной и комплементарной институциональных матриц общества и роль этого соотношения в выборе траекторий развития.

В то же время такое понимание близко тому крылу отмеченных ранее исследований в рамках *path dependence*, где признается значение институциональных матриц как определенного «фильтра» успешности или неуспешности постоянно предпринимаемых социальных инноваций. Как писал Норт, «экономия от ограничения видов деятельности, взаимодополняемость, сетевые внешние эффекты в рамках институциональной матрицы делают институциональные изменения непрерывными и зависимыми от траектории развития» (Норт, 1997б, с. 17).

Что же нового для понимания и анализа институциональных изменений, в дополнение к исследованиям в русле *path dependence*, дает теория институциональных матриц, или X-Y-теория?

С одной стороны, в ней также поддерживается тезис обусловленности настоящего и будущего прошлым, признается, что «любой конкретный процесс развития покоится, в конечном счете, на предшествующем развитии... любой процесс развития создает предпосылки для последующего развития» (Шумпетер, 1982, с. 156). Помимо классиков науки, здесь можно сослаться и на классика литературы Льва Толстого, повторив, что писатели и поэты часто выступают в роли глубоких социальных философов. Отмечая зависимость от прошлого и от социального окружения в любом человеческом поступке, Толстой писал: «каждое действие их, кажущееся им произвольным для самих себя, в историческом смысле непроизвольно, а находится в связи со всем ходом истории...» (Толстой, 1978–1985, с. 11). В свою очередь, если воспользоваться медицинской метафорой, то можно сказать: постановка социально-экономического диагноза и прогноза «лечения» невозможна без анамнеза предыдущей динамики состояний общества и условий его существования, что констатирует теория институциональных матриц.

С другой стороны, помимо признания того, что «история и институты имеют значение», X-Y-теория уточняет, *где и какие именно* институты имеют значение прежде всего.

Во-первых, разделяя страны по типу доминирующей в них институциональной X- или Y-матрицы, можно изучать соотношения доминантной и комплементарной матриц в каждый исторический период. Наблюдаемые в ретроспективе социальные потрясения, спады, периоды роста или стабильного развития оказывается возможным соотносить с мощностью и силой действия институтов X- и Y-матрицы в пространстве институциональных форм, с изменениями показателей институционального баланса (подробнее об этом в следующем параграфе 9.3). Выявляемые закономерности оказываются интересны не только сами по себе, их можно использовать в политике для последующего институционального дизайна, т. е. организации направленных институциональных изменений.

Во-вторых, X-Y-теория дает возможность использовать новый аналитический ракурс, позволяет «препарировать» историю в разрезе каждого из 30 взаимосвязанных базовых институтов в экономической, политической и идеологической сферах, подробно описанных в главах 5–7. При этом речь идет не только о новом языке описания, но и о часто скрытых и ранее мало исследованных социальных структурах, важных для функционирования общества как социального целого.

В чем отличие подхода к анализу институциональных изменений в X-Y теории от концепций субъективистского направления, базирующихся в основном на принципе «методологического индивидуализма» (Кирдина, 2013б)? Авторы последних концентрируются на роли социальных взаимодействий в организации институциональных изменений. Такая позиция наиболее четко представлена в работах российского экономиста В. Л. Тамбовцева и реализована в различных концепциях «институционального рынка», прекрасный обзор которых представлен в одной из его статей (Тамбовцев, 1999). К этому классу концепций Тамбовцев относит теорию «индуцированных институциональных инноваций» В. Раттена и Ю. Хайями, «распределительную» теорию институциональных изменений Г. Лайбкепа, концепцию

конкурентного рынка институтов С. Пейовича и др. Д. Норт, как и его сторонники, также делают акцент на сознательном выборе норм, на институциональном конструировании и экспорте институтов (Нуреев, Латов, 2006).

В отличие от такого рода концепций, X-Y-теория сосредотачивает внимание на определении рамок и ограничений, которые накладывает на выбор институциональных форм природа свойственных обществу институциональных матриц. Диалектика развития заключается в том, что в социальных системах (как и в других нелинейных открытых системах) существуют собственные тенденции и закономерности развития, связанные с образованием и воспроизводством их структуры. Кроме того, они изменяются под воздействием внешних факторов и сил (Курдюмов, 1990, с. 6). С этой точки зрения институциональное развитие и институциональные изменения можно понимать как последовательно сменяющие друг друга фазы саморегуляции, приводящие через временные хаосы и кризисы к возобновлению процесса саморазвития социальных систем. Если в ходе такого развития создание, внедрение и аккультурации новых необходимых институциональных форм опережают процесс разрушения старых, тогда можно говорить о прогрессивном развитии. Если интенсивность второго процесса выше — то наблюдается временный регресс.

Очевидно, что процесс формирования, прорастания новых институциональных форм и отбрасывания отживших опосредуется человеческой деятельностью. Ее смысл часто заключается в том, чтобы цикличность развития оказалась не столь резкой и болезненной, какой она может быть, осуществляясь стихийно. Понимая и принимая «взлеты и падения» как историческую неизбежность, социально-экономическая практика, тем не менее, вырабатывает способы сделать этот процесс более продуктивным и менее разрушительным, адаптируясь к внешним и внутренним вызовам и создавая адекватные институциональные формы. Как отмечал в своей нобелевской лекции Д. Норт, «ключом к долговременному росту является обеспечение не аллокационной, а адаптационной эффективности. Эффективные политико-экономические системы порождают гибкие институциональные структуры, способные преодолевать потрясения и перемены, неизбежные даже при успешном развитии» (Мировая экономическая мысль..., 2004).

При этом сама скорость институциональных изменений тоже имеет значение. Так, в отношении одной из общественных подсистем — экономики, Р. Капелюшников писал: «успешность функционирования экономики связывается ... с ее открытостью, отсутствием институциональной ригидности, способностью быстро меняться по мере поступления новой информации и накопления новых знаний» (Капелюшников, 2006, с. 225). Быстрота реакции и скорость реагирования на изменившиеся условия, наряду с надежностью создаваемой институциональной среды, становятся важными показателями качества институциональных изменений. Поэт и философ Иосиф Бродский заметил, что XX век дал миру лишь одну новую (по сравнению со всем предшествующим периодом развития культуры) идею — идею ускорения: «XX век ничего не выдумал, кроме одной вещи — концепции скорости, или ускорения...» (Шишов, Якович, 2010). Нет сомнения, что при исследовании институциональных изменений скорость их проведения зачастую также становится критиче-

ской в определении их эффективности и целесообразности. Задача измерения такой скорости — новый вызов для современных институционалистов.

При анализе институциональными изменений я, вслед за многими исследователями, обращаю внимание на их внутренние и внешние причины.

В качестве главной **внутренней** причины институциональных изменений выступает усложнение реальности самого общества, внутренний запрос на новые легитимные формы совместного сосуществования. Такое усложнение включает в себя развитие материально-технологической среды, увеличение масштабов производства, вовлечение новых ресурсов в хозяйственную деятельность или исчерпание прежних, развитие новых технологий, рост экологических и иных ограничений, диктующих более изощренные способы решения проблем и т. д. Новая реальность характеризуется также расширением социальных потребностей и культурных запросов проживающего на территории государства населения, как вследствие личностного роста жителей, так и в ходе процессов социального сравнения, когда население знакомится с иными, более совершенными культурными образцами и старается их достичь. В современном все более глобальном обществе значение последней причины еще более возрастает.

Нарушение равновесных тенденций в отношениях между социальной системой и ее окружением, сопровождаемое ростом напряженности и конфликтов, требует конструирования новых, соответствующих усложнившимся условиям, связей в масштабах всего общества. Как известно из теории управления, сложность управляющей системы должна быть соразмерна сложности управляемого объекта. В обществе роль такой управляющей системы играет в том числе и институциональная среда. Она формируется многообразными институциональными формами, различными организациями и учреждениями, законодательными документами, юридическими нормами и т. д. И эта институциональная среда должна быть достаточно развитой и сложной, адекватной потребностям экономического, социального и политического развития страны. Она выступает в качестве внешней среды для социальных акторов и экономических агентов, она принимает, «одобряет» или «не одобряет» их действий.

Отдельные участники или группы участников предлагают различные комбинации и организации, их действия не подчиняются единому плану ввиду сложности социальной системы, но при определенных условиях происходит как бы сцепка этих разрозненных действий, и некоторые из предложенных практик оказываются приемлемыми для большинства акторов и поддерживают развитие системы в целом. А. Алчиян, один из авторов упомянутой эволюционной гипотезы экономического развития, говорил об этом так: «Успех определяется экономической системой, осуществляющей всеохватывающую отбраковку, а не человеком, осуществляющим поиск пути, ведущего к оптимуму» (Алчиян, 2006 (1950), с. 48).

Если институциональная среда не в состоянии выполнить требуемые функции, то параметры развития конкретных обществ ухудшаются. Выражением этого служат сокращение объемов производства национального валового продукта, снижение качества продуктов и услуг, падение уровня жизни населения, а также ухудшение от-

носительного положения страны в сравнении с другими государствами. В этих условиях в обществе усиливается потребность в институциональных изменениях, и они приобретают более выраженный характер по сравнению с периодами естественного реформирования, постоянно сопровождающего ход общественной жизни.

В некоторых случаях изменения, которые носят, казалось бы, внутренний характер, инициируются внешними факторами. Например, при выработке правил внутри страны реформаторы могут руководствоваться заимствованными внешними образцами из других стран, даже если те страны и не настаивают на этом. Вот как в свое время описывал такого рода деятельность влиятельный министр финансов дореволюционной России С. Ю. Витте в своей книге «Самодержавие и земство» (1903): «в комиссии, вырабатывавшей Положение 1864 г. о земских учреждениях, и в Государственном Совете во время заседаний никто не вспоминал об отечественных «укладах» самоуправления. Ссылались на иностранное законодательство вообще, на английский парламент, на местное самоуправление Франции, Австрии, Бельгии, Сардинии, на Дж. С. Милля... Оригиналы и образцы земских учреждений были не свои, чужие, позаимствованные из стран конституционного режима» (Витте, 1903, с. 70). Образ такого заимствования представлен на рис. 27.

Рис. 27. Реформаторы России (страны с доминированием Х-матрицы) планируют реформы по образцу стран с доминированием Y-матрицы

Однако в ходе реализации замысла земские учреждения оказались поставленными «под строгую административную опеку старых бюрократических учреждений», поскольку не существовало и не было создано самой ячейки самоуправления — мелкой земской единицы в виде «всесословной общины» (Витте, 1903, с. 74). Поэтому постепенно земства все более последовательно подчиняются надзору губернаторов, личный состав земств становится ему подконтролен, их компетенция изменяется (Витте, 1903, с. 79). Несмотря на неоднократные попытки властей дореволюционной России усовершенствовать законодательство о земских учреждениях, активность многих представителей на местах, даже собравшийся в 1904 г.

общероссийский Земский съезд, издаваемый журнал «Самоуправление» и т. д., фактически земства не имели реальной самостоятельности и зависели в своей деятельности от центральных учреждений. Ссылаясь на почти столетнюю историю губернских и уездных учреждений, в том числе на реформы Императрицы Екатерины II, в которых применение выборного начала также не сделало этих учреждений органами реального самоуправления, Витте объясняет результат работы земских учреждений XIX века таким образом: «Ошибочно было бы приписывать эти следствия исключительно низкому нравственному уровню общества..., но корень неудачи лежит глубже — в ошибочности самой системы» (Витте, 1903, с. 175), выбранной реформаторами, для наших российских условий.

Таким образом, даже при внедрении заимствуемых извне институциональных норм внутренняя среда является более важным фактором, определяющим перспективы проектируемых институциональных изменений.

Помимо внутренних, существуют также **внешние** причины, или факторы институциональных изменений. Они проявляются в тех случаях, когда какое-либо государство попадает в сферу влияния более сильной страны. Если эти государства характеризуются разным типом доминирующих институциональных матриц, то содержанием таких изменений становится навязывание более слабому государству тех институциональных моделей, которые привычны и характерны для государства более сильного. В основе этого лежит естественное стремление более влиятельной стороны к унификации экономического, социального и политического пространства, поскольку это позволяет ей с большей эффективностью реализовывать собственные задачи в поле своего влияния.

Современная история дает примеры такого рода навязанных институциональных изменений. Так, после второй мировой войны СССР — победившая держава, содействовал развитию в освобожденных им от фашизма странах Восточной Европы собственного институционального порядка, опирающегося на свойственную нашему государству X-матрицу. Как правило, это противоречило сущности Y-матриц, доминировавших в большинстве этих государств. Однако под экономическим, политическим, военным давлением СССР несколько послевоенных десятилетий эти государства внешне проявляли себя как государства с доминантой институтов X-матрицы. Тем не менее, когда внешнее воздействие СССР, прекратившего свое существование, естественным образом пресеклось, эти страны вновь стали развивать у себя те институциональные формы, которые соответствовали их привычным институциональным матрицам. Относительно быстрый переход к рыночной и федеративной модели развития в европейских «бывших социалистических» странах, по сравнению с Россией, обусловлен спецификой доминантной для них Y-матрицы (подробнее см. Kirdina, 2001). Поскольку это же матричное устройство характерно для всех европейских стран, то многие восточно-европейские страны становятся органической частью Европейского Экономического Союза и других организаций объединенной Европы.

Альтернативным по содержанию, но аналогичным по сути примером внешних навязываемых изменений являются попытки внедрения рыночных и феде-

ративных институтов, предпринимаемые со стороны США в отношении соседних латиноамериканских стран. Здесь речь идет о навязывании доминирующих Y-моделей странам, где исторически доминируют институты X-матрицы. Под влиянием США страны Латинской Америки и Карибского бассейна периодически подвергаются попыткам полного перекроя своих политических и экономических порядков по образцу Y-матрицы, но каждый раз это заканчивается тяжелыми кризисами и возвращением к доминированию исторически присущих им институциональных X-структур. Здесь также имеет место несоответствие предлагаемых институциональных форм доминирующим институциональным матрицам этих государств, что порождает трудно разрешимые коллизии для латиноамериканских стран и непонимание происходящих в этих странах процессов со стороны теоретиков и политиков США. На это прямо указывает Д. Норт. Он пишет, что «собственная институциональная модель стран Латинской Америки оставалась отличительной чертой исторического процесса на этом континенте, несмотря на то, что после завоевания независимости эти страны восприняли набор правил, аналогичных той британской институциональной традиции, которая определила характер развития Северной Америки» (Норт, 1997а, с. 133). В последние годы, как только США ослабили свое давление на соседей в связи с операциями на Ближнем Востоке, а также необходимостью преодоления последствий финансово-экономического кризиса, специалисты отмечают «левый дрейф» в странах Латинской Америки (Давыдов, 2008) и расцвет «государственно-центричной матрицы» (термин М. Cavarozzi).

Оба примера показывают, что даже если на некоторое время под влиянием внешних условий, например, военно-политической агрессии или экономического давления, страны, казалось, меняли свой характерный институциональный облик, латентно он сохранялся и со временем обязательно проявлял себя в качестве общественной доминанты. История каждый раз демонстрирует, что навязывание государствам альтернативных институциональных моделей приводит, в конечном счете, к сдерживанию в них темпов социального и экономического развития, ухудшению положения населения и часто заканчивается революциями (о чем подробнее было написано в предыдущей главе), или иным отторжением институтов, противоречащих доминантной институциональной матрице.

Говоря в дальнейшем о логике институциональных изменений, я не буду иметь в виду описанный способ насильственного внедрения нового институционального порядка «со стороны», т.е. изменений под влиянием внешних причин. Предметом рассмотрения будут ситуации, когда общество выступает как независимый социальный субъект проводимых преобразований, действующий в рамках присущей обществу эволюции. Такой идеальный вариант институциональных изменений (идеальный с точки зрения минимизации социальных потерь) был описан в свое время А. де Токвилем. Он писал, что когда становится очевидным, что прежние институциональные формы дряхлеют и разрушаются, отмеченные вялостью и упадком, тогда «новые начала, постепенно и с осторожностью вводимые в жизнь старого общества, оживляют его, не уничтожая все старое полностью, и наполняют свежими силами»

(Токвиль, 1997, с. 22). Современные синергетики определяют тот же процесс в следующих терминах: инициирование внутренних сил самоорганизации в сочетании с разумным внешним воздействием представляет собой главный способ «быстро выходить на сложные, адекватные данной экономической и социальной среде, структуры, которые устойчиво в ней самоподдерживаются и правильно функционируют» (Курдюмов, 1990, с. 3).

Институциональные изменения совершаются людьми. Они являются результатом человеческой практики, в ходе которой непрерывно осуществляется складывание и конструирование различных институциональных форм. Если эти формы позволяют решать возникающие новые проблемы, они фиксируются в общественном сознании, легитимизируются и приобретают статус нормы. Норма в данном случае трактуется как стандарт, правило социального поведения, закрепленное правовыми актами, соответствующей системой организаций и включает в себя также сложившиеся формы социального контроля по их исполнению. В ходе изменений происходит своего рода «аккультурация» институциональных форм, когда они, вступая во взаимодействие с данной институциональной средой, усваивают ее элементы. Социальное творчество может создавать множество разнообразных форм вдали от «институционального ядра» общественной системы, которые в дальнейшем могут терять свою социальную энергию. Но такого рода диссипативные процессы также являются необходимым элементом институциональных изменений. Из теории самоорганизации (духа которой я придерживаюсь при анализе социальных систем) следует, что «диссипативные процессы, диффузия — не зло, не фактор разрушения, а важное свойство процессов самоорганизации, необходимое для выхода на аттрактор..., это хаос на микроуровне, необходимый для выхода на аттрактор, т. е. структуру» (Курдюмов, 1990, с. 12–13). Институциональные матрицы, как отмечалось выше, представляют собой такого рода социальные аттракторы.

С точки зрения X-Y-теории процесс выработки новых норм явно или латентно соотносится с природой институциональных матриц конкретного общества. Институциональные формы, соответствующие доминантной матрице, приживаются, действуют и развиваются в качестве определяющих. Если же на эту роль претендуют нормы, оформляющие институты комплементарной для данного общества матрицы, они либо модифицируются, адаптируются под доминирующий институциональный формат, либо имеют преходящий и временный характер. Можно предположить, что в исторической перспективе скрытой внутренней пружиной развития возникающих институциональных форм и общественных норм является тенденция ко все более тщательному и адекватному отражению в них особенностей доминантной матрицы и отработка «правильного» размещения в институциональном пространстве тех форм, которые имеют дополнительный комплементарный характер. Аналогично тому, что жизнь человека древние философы определяли как «путь к самому себе», так и развитие общества предполагает все большее познание им собственной природы и реализацию ее в необходимых для данного времени и места институциональных формах.

Таким образом, путь институциональных изменений представляет собой процесс самоидентификации общества с учетом опыта прошлого, как позитивного, так и негативного, в новых изменяющихся условиях. Этот процесс может происходить стохастически, вслепую, методом проб и ошибок, но может опираться на научные, продвинутые формы рефлексии общественного развития. Теория институциональных матриц представляет одну из возможных опор для осуществления сознательного процесса институциональных изменений.

Как изучать институциональные изменения? Ученые, занимающиеся этими исследованиями, подчеркивают важность исторического анализа (см., например, обзор в: Alston, 1996, p. 25). Поскольку институты исторически специфичны, их изучение требует понимания исторического контекста, из прошлого они начинают свой путь, и поэтому прошлое является необходимым фокусом анализа. «Даже после революций «строители» институтов не стартуют из исторического вакуума» — обрздно замечал Ли Альстон (там же).

Кроме того, понимание институциональных изменений не снимает задачи их измерения, которая остается одной из наиболее сложных в институциональном анализе. В сборнике работ «Empirical studies in Institutional Change» (1996), специально посвященном этим проблемам, Альстон обращает внимание на следующие возможности (Alston, 1996, p. 29–30):

- на первое место он ставит проведение сравнительных межстрановых исследований, что позволяет соотносить эффекты действия институтов в разных странах и, соответственно, выявлять их особенности и сравнивать «силу действия»;
- во-вторых, он отмечает плодотворность методик социологических опросов (прежде всего экспертных) для оценок институциональной динамики;
- в-третьих, подчеркиваются возможности анализа законодательного процесса, в ходе которого устанавливаются формальные правила. Использование количественных оценок включает в себя как динамику числа комиссий, принятых законов и т. п., так и анализ численности пользующихся теми или иными институциональными правилами;
- в-четвертых, отмечается возможность проведения статистических тестов для анализа связи факторов и результатов институциональных изменений;
- в-пятых, изучение институциональных изменений невозможно без проведения исследования типа *case study* (анализ случаев); этот метод до сих пор остается наиболее распространенным (а порой и единственно возможным) эмпирическим методом анализа институциональных изменений, как и основой построения более широких теорий в этой сфере.

Изложенная Альстоном программа исследования институциональной динамики широко задействована в данной книге и ряде других наших работ, посвященных анализу институциональных изменений (см. Кирдина, Кирилук, Толмачева, Рубинштейн, 2010; Кирдина, 2013а и др.). Постоянное уточнение некоторых теоретических положений Х-У-теории позволяет формировать более прочную основу для использования количественных методов анализа в этой сфере.

9.2. Источники институциональных изменений

Каковы источники институциональных изменений? В отличие от причин, т. е. поводов и оснований для осуществления институциональных изменений, источники представляют собой способы и формы осуществления последних.

Первым источником институциональных изменений является то, что В.И. Ленин называл «живым творчеством масс». Речь идет о сознательной или стихийной деятельности социальных групп по преодолению возникающих препятствий на пути общественного развития. Различные группы могут преследовать при этом свои собственные интересы. Результаты их деятельности соотносятся между собой в ходе постоянных взаимодействий. Те организационные решения и формы, в которых достигается разумный компромисс между интересами данной социальной группы и обществом в целом, приобретают устойчивый характер и институционализируются. Иными словами, институциональные изменения порождаются сложными, разнонаправленными межгрупповыми взаимодействиями в социальной структуре общества, формируются «внутри» государства.

Другим важным источником изменений является **институциональный обмен** между государствами. Рецепции в виде заимствования и усвоения социальных институтов иных обществ (или предшествующих периодов) — известный механизм социальной эволюции, описываемый многими авторами (см., например, Фигатнер, Перепелкин, 1996; Франчук, 2001). Особое внимание проблемам «приживаемости» заимствуемых институтов уделяется в работах В.М. Полтеровича (Полтерович, 1999, 2004, 2007, 2008).

С точки зрения X-Y-теории важно отметить, что данный процесс по-разному протекает при взаимодействии стран с однотипными и различающимися доминантными институциональными матрицами.

Особый интерес представляют институциональные *обмены между государствами с различной матричной институциональной природой*. Как ранее отмечалось, характер институциональной матрицы как формы интеграции базовых институтов определяет различающийся набор преимуществ и проблем для развития государств, которым они свойственны. Еще Н. Данилевский, описывая, например, различные цивилизации, обращал внимание на то, что они являются «созидательными» в неодинаковых областях деятельности (Данилевский, 1869). Одни из них характеризуются высокими достижениями в организационно-правовой области, другие — в духовном и культурном развитии и т. д. Аналогично этому, строение доминирующей в стране институциональной матрицы также в значительной мере задает ряд особенностей социального развития, которые необходимо иметь в виду. Так, государства с доминантой X-матрицы чаще отличаются сохранением традиций, обеспечением культурной преемственности, преимущественным развитием кооперации разного рода. Государствам с Y-матрицей эти особенности свойственны в меньшей степени, зато для них характерны более высокая инновационная и технологическая активность, разнообразие структуры производства и потребления, наличие многообразных «достижительных» мотиваций. Институциональные обмены между

государствами с разными доминирующими матрицами способны компенсировать недостающие факторы общественного развития, усиливая тем самым социально-экономические позиции страны.

Можно привести немало примеров такого рода компенсирующих институциональных заимствований. Так, известен экспорт странами X-матрицы патентов, социальных и промышленных технологий и оборудования из западных государств и встречный поток образованной рабочей силы, фундаментальных научных открытий и культурных ценностей в страны с доминированием Y-матрицы.

Внедрение заимствуемых институциональных форм часто наблюдалось в истории нашей России. Так, автор неинституциональной концепции экономической истории Н. П. Дроздова пишет: «Начиная с Петра I, правительство постоянно стремилось приспособить экономическую и правовую систему России к международным стандартам. Система коллегиального управления в начале XVIII века была построена по «шведской модели». Знаменитая «Табель о рангах» — результат заимствования австрийской практики. Формирование министерской системы, кодификация российских законов в начале XIX в. проводились с учетом западноевропейского опыта. По своей форме свод гражданских законов является заимствованием из иностранных кодексов конца XVIII и начала XIX вв. Реформа денежной системы С. Ю. Витте строилась на теоретических основах, разработанных Р. Пилем для Великобритании» (Дроздова, 1998, с. 705). А. Н. Олейник исследовал постсоветские российские реформы как процесс сознательного формирования новой институциональной системы на основе заимствования институциональных образцов из стран с развитой рыночной экономикой (Олейник, 1997). Описание такого рода заимствований на микро-уровне подробно представлено на страницах нашей работы 1996 г. (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 206–216) на примере конкретной отрасли — городского жилищного хозяйства.

Практика показывает, что успешность рецепции институциональных форм зависит от соблюдения ряда важных условий. Во-первых, необходимо решить задачу по определению им «подходящего места» в существующем институциональном порядке, имея в виду комплементарный характер переносимых норм. Так, В. А. Найшуль в этой связи отмечает, что заимствованная Японией (где доминирует X-матрица) у стран с доминированием Y-матрицы судебная система для разрешения гражданских конфликтов используется в этой стране значительно реже, чем в странах Запада (Найшуль, 1996), и не в том виде. Мы пришли к аналогичным выводам в ходе многолетнего мониторинга эксперимента по внедрению частного менеджмента в жилищное хозяйство г. Новосибирска, организованного американской стороной (US AID) в 1992–1996 гг. по согласованию с местными властями. Была выявлена метаморфоза частных управленческих компаний в форму муниципального унитарного предприятия, более адекватную условиям российской институциональной среды того времени (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 233).

Во-вторых, условием успешности институциональных обменов является соответствие внедряемых форм нормам как формального, так и обычного права. Успех достигается там, где новая практика или закон поддерживаются не только санкциями, но и силой общественного мнения. Внедряемые нормы «писаного права» будут жизнеспособны

собны, если они следуют нормам обычного права, а не противоречат им. Если этого нет, то такие заимствования будут вызывать мощное сопротивление. Известны, например, попытки отменить «с подачи» американской послевоенной администрации систему традиционных дзайбацу в Японии в 1946 г. Результатом стала не отмена, но модернизация этой формы хозяйственной организации в систему взаимосвязанных кейрецу.

Говоря об институциональных обменах между государствами, в основе которых лежат различающиеся институциональные матрицы, следует подчеркнуть следующее. Такого рода обмены обычно бесперспективны, если направлены на замещение базовых институтов доминирующей матрицы, например, ставят целью переход от преимущественно редистрибутивной экономики к рыночной, или внедрение унитарного политического устройства взамен федеративного. В соответствии с эмпирически выведенным законом устойчивости доминантных институциональных матриц, это пока невозможно.

Поэтому в ходе таких обменов, тем более в случае свободного, сознательного, а не вынужденного процесса, заимствуются отдельные элементы, готовые институциональные формы, конкретные способы организации экономической или политической жизни, или идеологические нормы. Определенные для внедрения формы из альтернативной институциональной среды апробируются в условиях конкретного общества. Это происходит в процессе адаптации, в попытках встраивания нового элемента в сложившуюся институциональную среду. Как правило, происходит своеобразная аккультурация заимствуемых форм, когда они, вступая во взаимодействие с данной институциональной средой, усваивают ее природу. Внутренним содержанием этого процесса является соотнесение заимствуемой формы — вольное или невольное, с природой доминантной институциональной матрицы общества с целью определения места заимствуемого элемента в существующей институциональной среде.

В отличие от этого, *обмен институциональными формами между странами с доминантой одной и той же матрицы* предполагает прямое заимствование таких форм у тех стран, в которых они в каждый данный период времени представляются наиболее развитыми и успешно апробированными. Сходство институциональной среды и общность доминирующих базовых институтов в этом случае обеспечивают возможность «копирования» этих форм, и обычно не требуется длительного процесса адаптации, а лишь приспособление их к специфическим — национальным, культурным и прочим особенностям государства.

Характерным примером является заимствование коммунистической идеологии, которая развивалась в нашей стране в первой половине XX века, рядом стран Юго-Восточной Азии, в частности, Китае, где она также стала доминирующей. Из экономических институциональных форм частым объектом заимствований являлась система планирования, разработанная отечественными учеными и практиками в 1920-х годах. Что касается политической сферы, то здесь следует выделить организацию территориальных образований по национальному признаку. Как отмечалось в главе 6, этот опыт административного деления, успешно апробированный в свое время в СССР, был затем использован в Китае, Индии и других странах. Если в государствах с доминированием Y-матрицы такой принцип представляется неадекватным их фе-

деративной структуре и приводит к постоянным конфликтам внутри страны, то для государств Х-типа выделение в составе страны административных национальных образований является успешной и исторически устойчивой институциональной формой государственного и политического устройства, поддерживающего их целостность.

Рассматриваемый источник институциональных изменений в форме институциональных обменов неизбежно сопровождается явлением *институционального изоморфизма*. Теории институционального изоморфизма первоначально разрабатывались в социологии организаций (DiMaggio, Powell, 1983).

Понятие *изоморфизм* отражает процесс гомогенизации, или ограничивающий процесс, который вынуждает единицу популяции походить на другие единицы, существующие в условиях той же среды (Hawley, 1968), требует от них определенной совместимости. Изоморфизм является следствием того, что неоптимальные формы выбраковываются из популяции (Hannan, Freeman, 1977), если им не удастся приспособиться к ней. Соответственно, институциональный изоморфизм предполагает обязательную адаптацию институтов в процессе их внедрения в иную институциональную среду, обращает внимание на необходимость их приспособления к тем условиям, в которых им предстоит действовать (рис. 28).

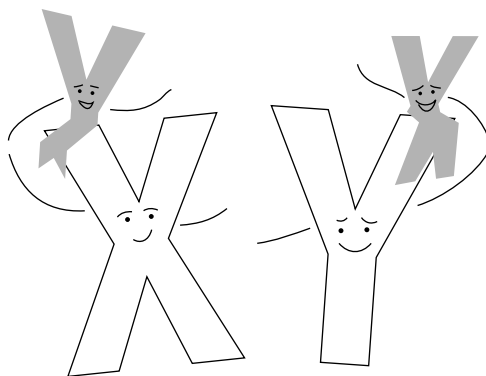

Рис. 28. Институциональный изоморфизм заимствуемых институтов

Пол Димаджио и Уолтер Пауэлл обращают внимание на некоторые правила переноса институтов или правил из одной структуры в другую. Они выделяют следующие механизмы организации этого процесса. Во-первых, речь идет о миметическом переносе, т. е. посредством «подражательного поведения» фирм или организаций. Во-вторых, выделяется нормативный перенос институтов, когда идет процесс обучения «по одинаковым учебникам», следствием чего является реализация одних и тех же правил теми, кто учился по этим учебникам, пусть и в разных организациях. В-третьих, отмечается принудительное внедрение институтов, когда государственные и надгосударственные организации и агентства осуществляют внешний контроль с помощью единообразных и кодифицированных норм, правил, процедур (ДиМаджио, Пауэлл, 2010, с. 8–12).

В настоящее время явление институционального изоморфизма рассматривается не только на уровне организаций, но также при взаимодействии стран в рамках

«глобального общества» (Девятко, 2001) и в теориях международных отношений (Никитченко, 1996). На этих уровнях проявляются те же особенности институционального изоморфизма, что и при институциональных обменах между организациями.

В соответствии с явлением институционального изоморфизма — независимо от уровня, на котором происходит обмен, и способа, которым осуществляется заимствование институтов, т. е. «пересаживание» их из одной среды в другую, — необходимым условием является приспособление и адаптация институтов к той системе, куда они встраиваются. Ранее уже было отмечено, что в условиях доминирования институтов X- или Y-матрицы действие альтернативных, комплементарных институтов имеет опосредованный характер. Понятие институционального изоморфизма позволяет уточнить это положение. Комплементарные институты, действующие в условиях доминирования альтернативной институциональной матрицы, должны рано или поздно стать изоморфны этой системе, иначе будут отторгнуты. Соответственно, характер их проявления, как и свойства, несмотря на свойства тех институтов, «копией» которых они, на первый взгляд являются, оказываются иными. Первая вышедшая в России на эту тему монография С. С. Утиновой «Изоморфный рынок труда в России» показывает, как проявляет себя рыночный Y-институт наемного труда в условиях современной России, где доминируют институты X-матрицы (Утинова, 2003).

Критерием успешности и завершенности институционального обмена выступает установление устойчивых связей между заимствованными институциональными формами и собственной институциональной средой данного общества. На деле это означает, как правило, существенную модификацию внедряемого элемента, при которой может даже сохраниться привнесенное название, но изменяется его суть, что диктуется объективными требованиями доминирующей институциональной матрицы.

В качестве примера можно вспомнить позаимствованную в России времен НЭПа из модели Y-экономики такую институциональную форму, как трест. В американской экономике тресты представляли собой частнособственнические монополистические объединения, которые были крупнейшими игроками рынка (первым был Standard Oil Trust, основанный Джоном Д. Рокфеллером в 1863 г.). В России же, где даже во времена НЭПа доминировала модель X-экономики, тресты с момента их внедрения рассматривались сугубо как государственные органы, работа которых заключалась в контроле за рыночными процессами в определенных отраслях, что четко фиксировалось соответствующими инструкциями. Тресты действовали самостоятельно на основе утверждаемых типовых уставов, но уже к началу 1930-х гг. превратились в промежуточное административное звено иерархической модели управления промышленностью.

Другим примером может служить упоминавшийся ранее пример заимствования Россией из институциональной среды западноевропейских стран такой институциональной формы, как партии. В соответствии с Манифестом от 17 октября 1905 г., закрепившим право политических партий участвовать в законодательной деятельности, в Российской Империи активизировался процесс создания и функционирования разнообразных партий, соперничавших друг с другом за лидирующее положение в структурах власти. Результатом многолетнего апробирования этой не характерной для нашего

государства институциональной формы стало ее приспособление (после Великой Октябрьской социалистической революции) к природе доминирующей в стране институциональной матрицы. Это выразилось в использовании заимствованного образца «партия» для оформления действия базового института иерархической вертикали власти во главе с центром. Такой формой стала иерархическая система организаций КПСС, деятельность которых руководилась и направлялась Центральным Комитетом во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС, являвшимся одновременно руководящим властным центром в политической системе страны. Партийные съезды, как отмечалось, заменили собой «вселенские соборы» и воплотили требование действия институт единогласия, свойственного политической системе доминирующей институциональной матрицы России. В постсоветской России место партий в политической структуре продолжает оставаться неопределенным. По-видимому, продолжается поиск адекватного встраивания этого инструмента, характерного для институциональной Y-матрицы, в политическую систему нашей страны.

Наблюдения показывают, что **направленность** институциональных обменов, т. е. заимствование институциональных форм у государств с однотипной или альтернативной институциональной матрицей, зависит от фазы общественного развития конкретного государства. Так, в период кризисов преобладают заимствования институциональных форм у государств с доминантой иной институциональной матрицы. В главе 5 приводились данные о том, как в период экономических кризисов западные государства активно обращаются к формам, разработанным в государствах с X-матрицей. Речь идет о механизме планирования, развитии общественных работ, государственной политике по обеспечению дополнительной занятости, разнообразных мерах государственной финансовой поддержки и др. Известной иллюстрацией этого положения являются действия президента США Рузвельта в 1930-е годы. После экономического кризиса он применил нестандартные решения, означающие, по сути, государственное регулирование экономики. Рузвельт утвердил для большинства компаний так называемые «кодексы честной конкуренции», обязавшие их принимать на работу определенное количество безработных. За счет этих мер в течение 3 лет было создано 10 млн. рабочих мест при 15 млн. безработных, имевшихся на начало периода этих преобразований (Грищенко, 1999, с. 105). В главе 5 также было показано на конкретных примерах, как кризисное положение в государствах с X-матрицей активизирует их обращение к институциональным формам, успешно апробированным и развитым в странах Запада.

Когда же общество переходит к фазе стабилизации, оно чаще обращается к институциональным формам из тех стран, которые характеризуются той же институциональной матрицей.

Итак, процесс институциональных изменений означает ревизию и обновление исходной институциональной среды, когда активизируется деятельность по приведению ее в соответствие с новыми условиями. Содержанием процесса институциональных изменений является создание новых и модернизация существующих институциональных форм, наряду с внедрением модифицируемых по ходу институциональных форм из альтернативной среды.

9.3. Поиск институционального баланса и пределы преобразований

В ходе институциональных изменений постоянно решается задача поиска динамического *институционального баланса*, т.е. соответствующего времени, возможностям государства и внешним вызовам приемлемого соотношения институциональных форм для реализации доминантных и комплементарных базовых институтов. При институциональном балансе альтернативные базовые институты поддерживают друг друга, сглаживаются возможные негативные последствия тотального превосходства доминантной матрицы, а действие комплементарных институтов ограничивается необходимыми пределами.

Как же найти институциональный баланс? Почему в одних случаях заимствование альтернативных институциональных форм приводит государства к кризисам и социальным потрясениям, а в других случаях способствует их дальнейшему развитию и процветанию? В каких случаях надо отказываться от внедрения форм, развитых в иной институциональной среде, а когда необходимо настоятельно встраивать их в общественную жизнь? Как проложить курс между Сциллой вероятной революции и Харибдой возможного загнивания нереформируемого общества (рис. 29)?

Практика социальной деятельности ряда государств уже научилась получать ответы на эти вопросы, свидетельством чему является их успешное экономическое и социальное развитие. Но в каких научных понятиях и категориях абстрагировать успешную (и неуспешную) практику с тем, чтобы предложить научные обоснования для эффективного институционального дизайна в экономической, политической и идеологической сферах разных стран?

В теории институциональных матриц критерием успешности институциональных заимствований является такое встраивание альтернативных форм в хозяйствен-

Рис. 29. В поисках институционального баланса

ную, политическую и идеологическую среду, которое не нарушает доминирования присущей государству институциональной матрицы. Это означает, что при внедрении новых форм необходимо «сохранение опор», т.е. приоритета матричных институциональных структур, задающих направления эволюции страны. Такое представление соответствует сформулированному Александром Богдановым (настоящая фамилия Малиновский) принципу отбора социальных комплексов, отмеченное в его знаменитом труде «Тектология, или Всеобщая организационная наука» (1912–1922). Богданов писал, что «в обществе, в отдельном его классе, во всяком коллективе из числа вновь возникающих человеческих группировок, отношений, идей удерживаются и сохраняются те, которые соответствуют постоянным и общим условиям его жизни, а распадаются и исчезают, те, которые в противоречии с ним» (Богданов, 1989. Цит. по: Франчук, 2001, с. 106).

«Правильное» сочетание институциональных матриц и соответствующих им институциональных форм обеспечивает целостность и динамичность развития социальных и хозяйственных систем. В то же время, как и все естественные системы, общества развиваются циклично. «Вдохи» и «выдохи» социальных систем, их подъемы и кризисы, имеют, таким образом, неизбежный и каждый раз исторически преходящий характер. Мы не можем их отменить, но можем попытаться понять, что способствует естественному и безболезненному проявлению этих процессов, а что их осложняет, увеличивая социальные издержки и снижая эффективность социально-экономического развития.

Надо прямо сказать, что при проведении направленных институциональных изменений более успешны так называемые западные страны, где исторически доминирует Y-матрица. В них взаимодействие управленческих структур и обществоведов исторически имеет достаточно тесный характер. Интеллектуальное сообщество этих стран за прошедшие века проделало огромную работу (вольно или невольно выполняя идеологический «государственный заказ»), убедив население и правительства в справедливости и незыблемости основ исторически установившегося в них институционального социального порядка¹.

Даже монументальный анализ капиталистического общества, выполненный в свое время К. Марксом, который показал пороки и причины кризисов рыночной экономики, несправедливость политической системы и «буржуазную ангажированность» идеологии, а потому призывавший к социальной революции, не убедил народы этих стран в необходимости изменения природы базовых общественных институтов. Более того, свойственные западному обществу институты там полагаются наиболее правильными, а потому целесообразными для распространения во всех странах мира. Марксова критика была воспринята в них лишь с прагматической целью улучшить действие этих институтов и компенсировать связанные с их доминированием издержки альтернативными институциональными формами.

---

¹ В отличие, например, от российской интеллигенции, которая, разделенная на «почвенников» и западников», более 200 лет постоянно предъявляет обществу две альтернативные стратегии «правильного» пути.

Осознав особенности своего общественного устройства, народы и правительства европейских и североамериканских государств, также как Австралии и Новой Зеландии, сконцентрировали свои усилия на поиске компенсаторных механизмов, призванных уменьшить негативные тенденции действия институтов Y-матрицы, и весьма в этом преуспели. Можно видеть, что в этих странах преобладает очень аккуратное и под строгим общественным, в том числе и научным, контролем, встраивание необходимых альтернативных элементов в институциональную среду, что приводит к их постепенной «аккультурации» в соответствии с типом доминирующей институциональной матрицы и снижает неблагоприятные последствия возможных «шоков».

Поучительным является пример развития канадского федерализма. Канада относится к странам, где доминируют институты Y-матрицы. В свое время канадская модель федерации, учрежденная Актом о Британской Северной Америке 1867 г., отличалась сильной концентрацией власти в руках центра. В отличие от проекта Американской федеративной системы, в канадской модели важнейшие функции власти и неограниченные финансовые полномочия были отнесены к ведению федерального правительства. В то же время в политической системе Канады были сохранены парламентские механизмы правления, характерные для британской традиции (Турунок, 2000, с. 56). Как же развивалась эта модель, которую исследователи относили к «квазифедерации», поскольку между центральными и провинциальными уровнями управления были отношения скорее старшинства, чем равноправия, характерного для чисто федеративной модели? История показала, что в течение более чем 130 лет канадская политическая модель, встроенная в институциональную систему Y-матрицы, «эволюционировала из квазиунитарной структуры в подлинно федеративную систему, в которой провинции играют все более активную и агрессивную роль...» (Турунок, 2000, с. 57). Особенно эти процессы активизировались со второй половины XX века. Как отмечал М. Эсман в сравнительном исследовании модернизации федеративных систем США и Канады, «история канадского федерализма начиная с 1950-х годов — это история постепенного ослабления власти центра» (Esman, 1984, p. 21).

Что же касается стран с доминированием институтов X-матрицы, то здесь институциональные изменения совершаются часто более болезненно и менее эффективно. Являясь частью научного сообщества, именно его (а прежде всего, себя), я готова обвинить в такой ситуации. Для стран с доминированием институтов X-матрицы, в том числе в России, научная мысль не является столь консолидированной в осознании институциональной природы общества, здесь постоянно звучат призывы и предлагаются обоснования смены вектора институциональной эволюции, что не способствует проведению последовательной политики и направленному институциональному дизайну. Поэтому чаще работает метод «проб и ошибок», чем интеллектуально обоснованные рецепты.

С одной стороны, известны примеры достаточно корректного встраивания заимствуемых западных институциональных форм, когда бережно сохраняется присущая обществу природа матрицы и доминирующее положение ее базовых ин-

ституты. Одним из таких примеров является современный Китай. Как отмечают специалисты, его реформы являются чрезвычайно продуктивными. Уже на протяжении двух десятилетий КНР поддерживает прирост своего ВВП на уровне 7–10% в год. Успех реформ, стабильность и постепенность при их проведении связывается с сохранением здесь базовых общественных институтов. Так, в экономической сфере рынку отведено место преимущественно на микроуровне, что позволяет распространить конкуренцию на условия хозяйствования (Портяков, 1998б), но в то же время не нарушить целостность экономической среды. Сохраняется и приоритетное положение базовых политических и идеологических институтов. «Китай осуществляет свои реформы при сохранении мощной «пирамидальной» основы общественного устройства, руководящей роли компартии и идеи «Великого Кормчего» (Ядов, 1999, с. 70).

Другим положительным примером являются такие страны Юго-Восточной Азии, как Япония, Тайвань, Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Таиланд. «После длительных и незавершенных попыток осуществить либеральную модель преобразований в своей стране, Япония, а затем и Таиланд, сделали подлинный скачок, обратившись к применению западных технологий и собственной инновационной деятельности при сохранении тех социокультурных основ, которые всегда рассматривались как препятствия на пути перехода этих стран к современному состоянию» (Федотова, 1997, с. 71). Таким образом, можно говорить о том, что на практике доказана возможность и полезность такого синтеза X- и Y-институциональных моделей, когда отдельные элементы чужого исторического опыта западных стран успешно встраиваются в институциональную среду государств с доминирующей X-матрицей.

Возможно, для этих стран заменой научного анализа выступает восточная мудрость и приверженность азиатских культур постепенным «пошаговым» изменением (хотя и здесь, конечно, случались социальные потрясения).

В то же время гораздо более массовыми являются альтернативные примеры. Как правило, они связаны с попытками заменить доминирующее положение X-матрицы в институциональной структуре страны. В данном случае работают все из названных выше механизмов переноса институтов — миметический, подражательный и принудительный, но их целью является не приспособление переносимых институтов к X-среде этих стран, а обеспечение институционального изоморфизма по отношению к странам-донорам, «поставляющим» свои Y-институты.

Так, известны примеры «десятков развивающихся государств (особенно в Тропической Африке, но не только), которые послушно следовали на протяжении не одного десятилетия рекомендациям МВФ и МБРР и оказались в глубоком и затяжном структурном кризисе, были маргинализированы, т. е. остались на обочине мирового хозяйства» (Симония, 1999, с. 16). В данном случае речь идет о попытках замещения Y-институтами институциональной среды стран, характеризующихся доминированием X-матрицы, без учета данного фактора. Следствием этого является не рост экономического и социального развития, как в странах, приспособляющих альтернативные формы к исходным, базовым институтам, а, наоборот, ухудшение параметров развития. Как отмечал Эрнандо де Сото, в этих странах «юристы

чрезмерно поглощены изучением западных законов» (Сото, 2004, с. 190), а не изучением законов и порядков, порождаемых их собственным народом.

Специалисты периодически отмечают, что большинство институциональных заимствований на Востоке «не выдержали проверки временем» (Зарубежный Восток..., 1974, с. 43), что «в арабских странах восприятие буржуазных институтов, как правило, является лишь восприятием формы, но не содержания» (Муромцев, 1976, с. 77), а «скопированная с политических систем капиталистического Запада организация общества в целом не прижилась и не могла прижиться в большинстве государств Азии и Африки» (Зарубежный Восток..., 1974, с. 432).

Как не процитировать в этой связи поучительные высказывания представителей стран с доминированием институтов Y-матрицы о невозможности внедрить законы, не соответствующие практике! Мудро и справедливо замечал в свое время судья Верховного Суда США Оливер Венделл Холмс: «законы есть порождение не логики, но опыта» (Сото, 2004, с. 155). Ему вторит Бруно Леони (Италия), когда отмечает: «...закон можно скорее открыть, чем предписать, и... никто и никогда не обладает в обществе такой властью, чтобы диктовать ему свою волю в качестве закона» (Leoni, 1972, p. 10). О невозможности прямого заимствования опыта западных стран писал и британский философ Арнольд Тойнби, анализируя итоги демократизации в африканских странах в начале 1960-х гг.: «западный культурный элемент обесмысливается и утрачивает свою ценность в отрыве от родного культурного окружения» (Тойнби, 1991, с. 581).

Показателен опыт «институциональной вестернизации» латиноамериканских стран, широко известный благодаря работам перуанского экономиста Эрнандо де Сото. Они были переведены на многие языки, в том числе и на русский. «В Латинской Америке, например, четырежды после освобождения от испанского владычества в 1820-х гг. пытались осуществить реформы, нацеленные на создание капиталистического общества. И всякий раз после начального периода всеобщих восторгов латиноамериканцы отшатывались от капитализма и рыночной экономики» (Сото, 2004, с. 16). «Они реструктурировали долги, брали под контроль инфляцию, осуществляли либерализацию торговли, приватизировали государственную собственность... и обменивали на нее долги, а также проводили радикальные налоговые реформы. ...латиноамериканцы импортировали все — от английских твидовых костюмов и ботинок Church до машин 'Форд Модель Т'. Они изучили французский и английский по радиопередачам и пластинкам. Они танцевали чарльстон и привыкли к жвачке» (Сото, 2004, с. 210). «Но они так и не научились создавать капитал», писал Эрнандо де Сото, то есть не стали странами с рыночной экономикой.

Чтобы разобраться с причинами такого положения дел, де Сото, который является сторонником «капиталистического пути» для стран Латинской Америки, в 1994 г. создал специальную исследовательскую группу. Ее целью было выяснить, достигли ли успеха международные финансовые организации, 30 лет спонсировавшие программы легализации существующих в странах Латинской Америки форм собственности и ее оформления как частную собственность, способную порождать капитал. «Группа много месяцев занималась просеиванием архивов Казначейства

США и международных организаций, но не нашла ничего даже отдаленно похожего на успешные реформы» (Сото, 2004, с. 172). Не стали успешными аналогичные попытки внутренних правительств. «В Перу, например, за последние 400 лет, со времени испанского владычества правительства не менее 22 раз предпринимали попытки ввести земельную собственность в рамки закона <речь идет о законе, закрепляющем права частной собственности на землю — С.Л.>. Процент успеха — нуль. Мы связывались с управлениями земельной собственности в других странах <латиноамериканского континента> и получили везде одинаковый ответ: большинство программ не имели никакого успеха, либо результаты были совершенно мизерными» (Сото, 2004, с. 173). Другими словами, постоянные попытки «перекроить» институциональную среду этих стран по лекалам Y-матрицы, оказались фактически безрезультатными.

В нашей стране, отличающейся большой сопротивляемостью к внешним воздействиям в силу ее геополитического положения, пространственных масштабов и хозяйственной мощи, внедрение альтернативных институциональных форм, хотя и сопровождалось высокими издержками, но рано или поздно под действием законов институционального изоморфизма, «перемалывало» внешний опыт для собственных нужд. Сошлемся на мнение специалистов и некоторые исторические примеры. Как отмечают историки, в России с ее постоянными реформами, заимствованными с Запада, «миметическая модель развития... постоянно приводила к псевдоморфозу (О. Шпенглер), т. е. переработке западных образцов в соответствии с русскими национальными традициями» (Дроздова, 1998, с. 705). Другими словами, заимствованные экономические и другие институты принимали привычные для местных традиций формы, изменяясь и приспособляясь к существующим в стране условиям. Н. П. Дроздова (1998) объясняет это законом экономии транзакционных издержек в сложившейся институциональной структуре России. Изменения требуют дополнительных затрат для социальных субъектов и экономических агентов, и последние, стремясь их минимизировать, сопротивляются изменениям, что возвращает ситуацию в прежнее русло и устойчивое состояние, снижая издержки транзакций.

В этой связи поучительна история постоянных «политических демократизаций» системы верховной централизованной власти в России. Так, в смутные времена начал XVII в. был разработан договор («конституция») М. Салтыкова, одобренный Боярской Думой и заключенный 4 февраля 1610 г. с королем Польши Сигизмундом. «Конституция» устанавливала ограничения верховного управления и предусматривала передачу значительной части власти от государя Боярской Думе. Это была, как отмечает А. Л. Янов, попытка создания конституционной монархии в те времена, когда ею еще «в Европе и не пахло» (Методология анализа политической традиции, 2000, с. 72). Весной 1610 г. «Москва присягнула Боярской Думе как временному правительству» (Ключевский, 1988, т. III, с. 41), которое должно было выбрать царя. Российская корона была передана польскому королевичу Владиславу. В дальнейшем актом земского ополчения служилых людей от 30 июня 1611 г. власть была передана триумvirату его предводителей Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому. Однако после ополчения Минина и Пожарского был созван избирательный земский собор,

который «выбрал на царство» Михаила Романова, подписавшего при воцарении «ограничительную запись. Его преемник Алексей, также *выбранный* на царство, уже не дал на себя «письма». При воцарении Федора не было применено и выборное начало» (Энциклопедический словарь, 1900, т. 28, с. 462). В следующий смутный период русской истории, уже в XVIII веке, 25 февраля 1730 г. Анна Иоанновна разорвала «Кондиции» Верховного Тайного Совета, ранее подписанные ею как условие получения российской короны. По этим «кондициям» она должна была делить с Советом свою власть по всем важнейшим вопросам управления государством. Взамен этого она по челобитной от дворянства и шляхетства согласилась принять «самодержавство» и «благоразсудно править государством». Верховный Тайный Совет был уничтожен, его члены были отдалены от Двора, сосланы в свои деревни и в Сибирь, некоторые были казнены (Энциклопедический словарь, 1890, т.1, с. 793). Во времена смуты конца XX века очередной Верховный Совет также пытался ограничить исполнительную власть высшего лица в государстве. В ответ на это в 1993 г. президент РФ Б. Н. Ельцин издал указ 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предписывающий высшему органу государственной власти — Съезду народных депутатов и его законодательному, распорядительному и контрольному органу — Верховному Совету прекратить свою деятельность. Этот указ противоречил действующей тогда Конституции РФ. Противостояние «Белого дома», где заседал Верховный Совет, и исполнительной власти в лице президента закончилось «разгоном» Верховного Совета с помощью милиции и военных. Тем самым в России была установлена форма президентской республики с более широкими, по Конституции РФ 1993 г., полномочиями президента, чем это определялось Конституцией 1978 г. (с изменениями 1989–1992 гг.).

Аналогичные закономерности наблюдаются в истории реформирования института иерархической вертикали власти региональных структур в России. Периодически предпринимались попытки вывести города из подчинения региональных властей, и каждый раз приходилось снова встраивать их в вертикаль власти. В 1718 г. Петр I при вторичном преобразовании центрального и областного управления решил создать городские магистраты и вывел их из подчинения губернаторов и воевод. Магистраты были судебно-административными структурами, им были подведомственны суды между гражданами, финансовые вопросы (раскладка податей и отбывание повинностей). Они подчинялись главному магистрату и были вне иерархии территориальной структуры. Но в 1727 г. главный магистрат был упразднен, а магистраты снова стали в зависимость от областных правителей. Во все города (а также пригороды и провинции) вновь были направлены воеводы, подчинявшиеся губернаторам. Когда в 1743 г. главный магистрат был восстановлен, Елизавета оставила его в зависимости от губернаторов и воевод — последние могли даже брать бургомистров под стражу (Брокгауз, Эфрон, т. 9, с. 321–330, статья «Городь»).

То же с судебной системой. Исторически в России фактически существовало в разных формах «отправление правосудия административными учреждениями». Историки, описывая реформы государственного управления XVIII и XIX вв., подчеркивают, что роль губернаторов по отношению к судебной системе, оставалась

прежней. От него могла исходить инициатива возбуждения дела, надзор за судебным следствием, он мог вмешиваться в рассмотрение дел. Более того, Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г. сохранял за ним установленное еще 1775 г. важнейшее правомочие в сфере суда — право утверждать приговор. Тем самым сохранялась зависимость суда от администрации (Ефремова, 1993, с. 157–158). В современной России сохраняются аналогичные черты. Председатель Конституционного суда РФ Марат Баглай, выдержки из интервью которого уже приводились в главе 6 (параграф 6.2), отмечал, что «в самых крайних случаях ... мы обращаемся к президенту как главе государства и гаранту Конституции. Он должен обеспечивать выполнение всех законных актов, в том числе и постановлений Конституционного суда» (Пинскер, Уварова, 1998, с. 17).

Можно предположить, что стихийное сопротивление активному проникновению западных норм в институциональную практику страны и действие законов институционального изоморфизма способствовали сохранению Россией своей политической и хозяйственной самостоятельности. Исследовательница из Франции Валери Бёнс на основе исторического анализа показала, что глубокие российские реформы в XIX и XX вв. были тесно связаны с изменениями в международной системе и заимствованием ряда зарубежных образцов и норм в российскую практику. В то же время сравнительный анализ реформ Александра II и М. Горбачева, а также реформ предшествующих периодов привел ее к выводу, что «реформы ведут к более слабой, но более либеральной России» (Bunce, 1993, p. 129). Таким образом, отказ от несвойственного России в той мере, как странам Европы и Северной Америки, либерализма означал усиление ее позиций. Я связываю это с сохранением институционального баланса в пользу доминирующих институтов X-матрицы после нарушающих этот баланс «либеральных реформ». Как правило, в системе рано или поздно включаются внутренние механизмы, тормозящие прием таких ненужных, ослабляющих страну инноваций. «Сверх-внедрение» альтернативных форм приводит к эффекту экзостинга (exhausting effect), т. е. дальнейшего ограничения внедрения в систему этих форм.

Теория институциональных матриц, или X-Y-теория позволяет очертить лишь методологические рамки, ограничивающие характер и глубину институциональных изменений, целесообразных для той или иной страны. Дальнейшая работа связана с тем, чтобы сформировать количественные индикаторы, позволяющие определять пропорцию институциональных форм, соответствующих доминантным и комплементарным институтам, при которой можно ожидать успешного и поступательного экономического, политического и социального развития.

Различное сочетание в институциональной структуре общества форм и процедур обоих типов определяется множеством факторов разной степени важности — условиями внешнего окружения, геополитической ситуации, фазой исторического развития, характером траектории — восходящей, стабильной или ниспадающей — в тот или иной период времени. Большое значение имеют и культурные факторы. Можно предположить, что соединение теории институциональных матриц с исследованиями культуры и достижениями мировой культурологии будет весьма

плодотворным для решения практически важной задачи формирования необходимого институционального баланса.

На нынешнем этапе работы можно высказать лишь предварительные соображения относительно вероятных пропорций доминантных и комплементарных институтов. Исходя из общетеоретических положений, разрозненных пока наблюдений и анализа некоторой статистики по истории экономического развития зарубежных стран и России, можно предположить, что критическим уровнем для внедрения альтернативных институциональных форм является показатель в 30–40%. При превышении этого значения возрастает угроза потери доминирующего положения базовых институтов. Если же доля альтернативных институциональных форм становится слишком мала, то их компенсирующая роль в преодолении стихии действия доминантных институтов не проявляется в должной мере, и это также ведет к кризисным состояниям общества. Подтверждение этого предположения необходимыми статистическими и эмпирическими данными составляет основную задачу, которую я ставлю перед собой на предстоящие годы.

Понимание логики институциональных изменений в терминах теории институциональных матриц дает дополнительный шанс движения общества к его действительной свободе, понимаемой как «осознанная необходимость». Согласно тонкому замечанию Ф. И. Шеллинга, основной характер истории любого человеческого общества состоит в том, что в ней объединяются свобода и необходимость, и она возможна лишь благодаря этому единству (Schelling, 1979, s. 242). Свобода предполагает выбор народом пути в соответствии со своими культурными, экономическими, политико-правовыми, идеологическими условиями. Необходимость проявляет себя в том, что целенаправленное общественное развитие протекает в объективно существующих рамках, накладываемых свойствами институциональных матриц, которые определяют возможное пространство «социальных состояний» конкретных обществ.

Однако в этом направлении сделаны лишь первые шаги. Осознание необходимой корректирующей роли дополнительных институтов требует не только поиска количественных пропорций институционального баланса, важно определять механизмы их распространения, неодинаковые для разных стран, о чем писал Оливье Бланшар. Я согласна с ним в том, что «данная проблема, вероятно, будет одним из важных направлений исследований в будущем» (Бланшар, 2006 (2000), с. 377).

Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история ее требует другой мысли, другой формулы...

А. С. Пушкин

Теория институциональных матриц о прошлом, настоящем и будущем России

При изложении основных понятий теоретической гипотезы об институциональных матрицах на страницах книги неоднократно использовались иллюстрации из истории и современности России для раскрытия тех или иных положений. Но при этом не давалось цельной картины развития страны.

В данной главе предпринята попытка применить развиваемую теорию институциональных матриц в качестве основной методологии анализа экономико-политического развития российского общества. Возможно, предложенные в теории система понятий и законов смогут стать одним из вариантов той «формулы», о которой говорил Пушкин, «формулы», позволяющей глубже понять историю России и яснее представить реальные альтернативы будущего развития.

Другой известный поэт Давид Самойлов писал столетие спустя, что «России нужны слова о России». Я живу здесь, связываю с ней свое будущее и будущее моих внуков, которые прибавляются в нашем семействе. Поэтому я не могу оставаться в стороне от попыток «понять Россию умом» и тем самым, возможно, помочь моей Родине лучше справляться с неизбежными проблемами.

10.1. Коммунальность материально–технологической среды России

Определяющее влияние на развитие экономических, политических и идеологических институтов в стране (в том числе и в России) оказывает характер материально–технологической среды, что проявляется с момента возникновения государства. Ранее в ходе специально предпринятого исследования были

проанализированы особенности материально-технологической среды, в которой складывалось и развивалось российское государство (Кирдина, 1999г). Было показано, что преимущественно материально-технологическая среда нашей страны характеризуется свойством коммунальности. Такие особенности требуют объединения усилий всех социальных групп в государстве и централизованного управления для того, чтобы данная среда эффективно функционировала как среда производственная. По мере исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России углублялась и возрастала, свойство коммунальности распространялось и становилось характерным не только и не столько для ресурсной, природной среды, но и для важнейших технологических систем и отраслей общественной инфраструктуры.

Напомним, что *коммунальная материально-технологическая среда*¹ характеризуется внутренней неразрывностью, что предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Такие технологические системы, представляя собой естественные монополии, «могут управляться только как единое целое. Никакая конкуренция между частями и элементами этих систем немыслима, и, во всяком случае, нецелесообразна» (Богачев, 2006, с. 208).

Коммунальный характер основных средств производства — в широком смысле этого слова, включая используемые в хозяйстве природные ресурсы — просматривается уже с IX века — начала истории русского государства. Прежде всего, он проявлялся в аграрной сфере, где использование земли, в силу ряда перечисленных ниже факторов, требовало общей, совместной ее защиты и обработки. Неблагоприятный климат в тех местах, где расселились славянские племена, образовавшие затем древнерусское государство, обусловил применение специфических технологий обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсеčno-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий попеременно на разных этапах земледельческих работ. Поэтому возделывали землю, как правило, несколькими семьями или всем селением.

Особенности российского климата, не позволяющие развивать на нашей территории характерные для западных стран институциональные формы, известны (см., например, Паршев, 2000). Во-первых, это холодные зимы. Естественной-физической границей России совпадает с изотермой января, соответствующей средней температуре этого месяца -80С. Если сравнить наш климат с другими северными странами, к примеру, со Скандинавией и Канадой, то видим, что в Скандинавии благодаря теплоту Гольфстриму январская температура составляет +20С, что означает более мягкие и менее продолжительные зимы. А самый северный крупный город Канады Эдмонтон находится на широте Курска, и если в Канаде основная часть населения проживает южнее этой границы, то у нас, наоборот, севернее. Как писал И. Солонен-

---

¹ Впервые понятие «коммунальности» материально-технологической среды введено в работах (Бессонова, Кирдина, О'Салливан. 1996, с. 20–24; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996, p. 16–17). См. также Литвинцева, 2004, с. 50–51.

вич, 48%² территории страны находится в области вечной мерзлоты, нет ни одной незамерзающей морской гавани. Там, где почвы славятся черноземом, страна страдает от засухи, а где достаточно влаги — суглинки (Солоневич, 1991, с. 75).

Вторая особенность нашего климата — длинные зимы, что сокращает период строительных и сельскохозяйственных работ. Если в Германии строительный сезон продолжается в среднем 10 месяцев в году, то в южной России — 5–6 месяцев, а в северной — 3 месяца (Солоневич, 1991, с. 74). Период сельскохозяйственных работ в земледелии составляет до 4–6 месяцев. Низкая урожайность сельскохозяйственных культур в условиях холодного климата требует привлечения к обработке гораздо больших площадей, чем в странах Западной Европы. Например, в средние века французский аграрий мог прокормить семью из четырех человек с 5 гектаров пашни, русскому же требовалось земли в шесть раз больше (Валянский, Калужный, 1998, с. 5).

Природно-климатические условия ставили древнерусских земледельцев перед незнакомой европейским крестьянам трудно разрешимой задачей: земли нужно обработать много, а сроки проведения сельскохозяйственных работ — коротки. Решением являлась концентрация значительных групп работников в общине, что позволяло экономить организационно-управленческие («транзакционные») издержки. Убедительную аргументацию этого положения, со ссылкой на множество исторических свидетельств, приводит в своих работах Л. В. Милов (Милов, 1997, 1998).

Применяемая технология обработки земли в виде подсечно-огневой системы также способствовала закреплению общинных, коллективных форм хозяйства и собственности. Распространение огневого хозяйства было обусловлено, во-первых, отсутствием значительного количества пашни в лесистых местах первичного расселения славян, и, во-вторых, его высокой сравнительной эффективностью. Урожаи на *лядах* — полях, получаемых в результате вырубki леса и пожара мелкого кустарника, были очень выгодны. В первые годы они достигали с одного посеянного зерна «от 7 до 15 зерен, иногда до 25–30» (Энциклопедический словарь, 1897, т. 21, с. 695), не требуя никаких удобрений, в то время как средний урожай на российских землях в тот период составлял 3 или 4 зерна с одного посеянного. Именно по этой причине огневая система земледелия активно применялась в России вплоть до начала XX века как в северных и приозерных, богатых лесами районах, а также при хозяйственном освоении новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке.

Когда по истечении 5–6 лет земля истощалась, она запускались под древесную поросль, т. е. забрасывались на 1,5–2 поколения, и только внуки ныне хозяйствующих крестьян возвращались к ее обработке. Коллективный характер труда на огневой пашне и постоянный переход на другие сельскохозяйственные участки не способствовали закреплению частных прав собственности на определенные земельные участки. Вся земля, как находящаяся в обработке, так и в перспективе к ней предназначенная, считалась общей (или княжеской, или царской, или государственной по мере развития истории), общими усилиями возделывалась и совместно охранялась от набегов

² По современным данным этот показатель для России составляет 65 %.

иных племен. Другими словами, земля как основное средство производства и перспективного выживания представляла собой не тот конкретный участок, который нынче обрабатывался, а все то пространство, которое совместно использовалось сегодня и предназначалось к обработке в будущем, что требовало его охраны общими усилиями. Это означало коммунальный характер земли как средства производства, что требовало единого управления и обеспечения в динамике общего доступа к различным ее частям (участкам).

Другие формы использования земли, аналогичные западноевропейским образцам, оказывались неэффективными. С точки зрения рыночных критериев, земледелие на Руси было бы совершенно неприбыльным занятием. На это в свое время указывал знаток прусского сельского хозяйства Август Гакстгаузен (Haxthausen), побывавший в России в 1840-х годах и сделавший выкладки относительно доходности хозяйств в Верхнем Поволжье. Он заключил свои изыскания следующим советом своим соотечественникам: «Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе — лучше всего будет отказаться от подарка, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги» (Пайпс, 1993, с. 47). Это высказывание представляет собой заключение независимого эксперта позапрошлого века о проблематичности фермерской организации хозяйства в условиях России и подтверждает особое свойство российской земли как коммунального средства сельскохозяйственного производства.

Леса на Руси также были элементом коммунальной материальной среды. Лесные промыслы, наряду с земледелием, служили вторым условием выживания наших предков. Известно, что лесная полоса России изобиловала неистощимым количеством дичи и необыкновенным разнообразием пушного зверя. Меда также было сколько угодно, а реки и озера кишели рыбой. Леса, озера и реки, дававшие значительную часть внутреннего валового продукта, с самого начала считались общим достоянием и находились, как правило, в коллективной или «государевой» собственности и в общем пользовании.

Наряду с землей и лесами, основу коммунальной материально-технологической среды России составляла система речных путей. Совместными усилиями варягов и славян реки, протоки, озера были соединены между собой посредством волоков и каналов. Таким образом, эта основанная на речных путях транспортная система, функционировавшая и летом, и зимой, формировалась как общее, одинаково ценное для всех достояние и требовала совместного использования и защиты. В «ключевых местах» транспортной речной системы ставились города и крепости. Речные пути обеспечивали общий для всех выход на внешние рынки, прежде всего, в Византию, куда все российские регионы того времени вывозили летом по речным путям мед, шкурки, воск.

Внутренние рыночные отношения внутри российского государства практически не складывались. По свидетельству В. О. Ключевского, в первые века нашей истории незаметно хозяйственных различий по почвенным и ботаническим полосам, поэтому во всех зонах развивались аналогичные отрасли: земледелие, звероловство и бортничество (Ключевский, 1987, т. 1, с. 80). В этих условиях торговый

обмен был целесообразен в основном с чужими странами. Поэтому население того времени было заинтересовано в охране созданной коммунальной системы речных путей, по которым проходил основной путь «из варяг в греки». Защита и купеческое использование этого пути были, по мнению ряда историков, одной из основных экономических задач призванных славянами варяжских князей и их дружин.

Итак, с самого начала российской государственности можно видеть, что основные условия производства, обеспечивающие выживание русского общества, были по своей сути коммунальными. Это значит, что они требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования, что и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на специфической условно-верховой собственности и централизованном политическом управлении. Соответственно формировалась идеология, подразумевающая приоритет общего блага, необходимого для выживания всех, над частными интересами.

В ходе исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России не уменьшалась, а постоянно возрастала. При этом центр тяжести все больше перемещался с природной среды (земельных ресурсов, лесов, недр и др.) на материально-техническую инфраструктуру.

Прежде всего, коммунальность осталась характерной чертой для ресурсной среды аграрного производства, так как за прошедшие столетия природно-климатические условия страны практически не изменились. Развиваемые в сельском хозяйстве технологии лишь приспосабливались к этим условиям, стараясь более эффективно использовать факторы производства, но не могли кардинально их изменить. Поэтому на всех этапах российской истории преобладали коллективные формы организации сельскохозяйственного труда, основанные на общественных (коллективных) формах собственности на землю. Если, например, в Грузии и Литве, а также у финского населения, процент общинного землевладения к началу XIX века был равен нулю, то в Великороссии он составлял от 98% на севере и востоке до 89% на юге и западе (Качоровский, 1900, с. 71).

Технологическая и экономическая целесообразность общественных форм в российском земледелии, обусловленная материальными условиями ведения хозяйства, является существенным аргументом, объясняющим их историческую устойчивость. Эта устойчивость наиболее ярко проявлялась в периоды, когда осуществлялись попытки изменения отношений собственности и форм производства в аграрном секторе. Во времена известной аграрной реформы 1906–1907 гг., проводившейся под руководством П. А. Столыпина, доля крестьян, желавших выйти из общины, несмотря на активную государственную поддержку, была относительно невелика (об этом подробнее было написано в главе 8, параграф 8.3). На экономическую причину этого нежелания указывали исследования, проводившиеся в тот период времени. Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже (Кауфман, 1919, с. 147). Приходилось признать, что община как форма организации хозяйства не изжила себя, и решение о ее ликвидации не было достаточно обоснованным экономически. Не случайно в начале XX века — артели, а при советской власти — колхозы

и совхозы — вновь становятся основной формой организации сельскохозяйственного производства.

В ходе современных реформ, как и в начале века, распространение индивидуальных фермерских хозяйств не стало таким массовым, как ожидалось. В настоящее время фермерские хозяйства обрабатывают примерно 2% сельскохозяйственных площадей. Рост числа фермерских хозяйств, как и доля принадлежащих им земельных угодий, с середины 1990-х годов практически прекратился и уже несколько лет находится на стабильном уровне (Калугина, 1998, 2000; Kalugina, 1998).

Особенности коммунальной материальной среды наложили свой отпечаток на специфику процессов индустриализации в России. Они проявились в том, что развитие российской промышленности осуществлялось преимущественно на основе общественных (казенных, государственных) форм собственности и единого централизованного управления. Свидетельством этого является строительство первых казенных заводов при Петре I на государевых землях с последующей их передачей в управление промышленникам. Казна также беспроцентно ссужала частных предпринимателей средствами для устройства фабрик и заводов, которые они затем возвращали в виде необходимой стране продукции. При этом первым предпринимателям России был гарантирован «государственный заказ» и дарован целый ряд льгот, за которыми стояло еще более существенное участие государства в развитии первых фабрик (Россия, 1991, с. 276):

- казна снабжала первые частные фабрики инструментами и орудиями производства,
- за счет казны выписывались мастера из-за границы,
- для работы на этих казенных, переданных предпринимателям предприятиях, приписывались государственные крестьяне,
- промышленникам предоставлялось освобождение от государственной службы, временные льготы от податей и пошлин, беспошлинный ввоз из-за границы машин и инструментов, свобода от воинского постоя и т. д.

Главной задачей российских предпринимателей, или условных владельцев фабрик, заводов, рудников и казенных земель было «служить государству», т. е. поставлять в казну производимую на этих производственных мощностях продукцию по указным ценам и в необходимом для казенных надобностей объеме. Если эти условия не соблюдались, государство изымало предприятия обратно в казну или передавало другому, более эффективному управляющему.

Развитие российских железных дорог на территории страны в данных нам природно-климатических и геополитических условиях также, в конечном счете, стало возможным в результате деятельности общественного субъекта — государства (Караваева, 1996, с. 55). Первая железная дорога, открытая в 1838 г., была введена в действие частным предпринимателем. Но уже следующая дорога (1848 г.) достраивалась за счет казны, поскольку созданное для этих целей общество было не в состоянии завершить ее постройку. До конца 1850-х годов строительством и эксплуатацией железных дорог продолжала заниматься казна, но с 1857 г. их постройка вновь была передана в частные руки и организовано Главное общество российских

железных дорог. Тем не менее, и в этот период «редко постройка какой-либо дороги обходилась без пособия казны или без гарантии, по которой казна, ввиду малодоходности дороги в первое время, вынуждена была приплачивать большие суммы» (Энциклопедический словарь, 1893, т. 11, с. 781). По состоянию на 1 января 1890 г. доля дорог в собственности правительства составляла лишь 29,4%, а остальная, преобладающая часть принадлежала частным владельцам. Но уже к 1898 г. это соотношение изменилось кардинально — доля казенных железных дорог увеличилась до 63,3% (рассчитано по кн.: Россия, 1991, с. 357). Это было связано с тем, что, начиная со второй половины 1890-х годов, эксплуатация действующих и строительство новых дорог все более сосредотачиваются в руках государства. Только за период 1894–1897 гг. более половины (протяженностью 6820 верст из 13392) частных дорог было выкуплено казной и перешло в руки государства (рассчитано по кн.: Россия, 1991, с. 356). Со временем государство стало основным собственником железнодорожной сети, что сохранилось в России до настоящего времени.

Сравнение процесса создания железнодорожной сети в России с развитием железных дорог во Франции, Германии, Англии позволяет предположить, что необходимость действий российского государства как основного организатора и собственника была не следствием воли отдельных его чиновников или самодержавных амбиций руководителей. Она была обусловлена свойствами нашего пространства и материальной среды, хозяйственное использование которых оказывалось более эффективным в едином производственном и управленческом процессе. Такая организация, как показывает историческая практика, позволяла экономить общественные издержки и развивать национальное хозяйство.

Современный железнодорожный транспорт России, на долю которого в конце XX века приходилось 80% грузовых перевозок (по тонно-километрам) и 41% пассажирских перевозок (в пассажиро-километрах), продолжает являться важнейшим элементом коммунальной материально-технологической среды в России. Для сравнения отметим, что в Англии, например, железные дороги осуществляют всего 3% всех перевозок (Оправдано ли..., 1998, с. 4–5). В других западных странах перевозки по железным дорогам также значительно уступают автомобильному транспорту, который занимает лидирующее место в системе транспортных коммуникаций.

Нынешняя организация сети российских железных дорог, напоминающая, по образному выражению специалиста 1920-х годов по районированию И. А. Александрова, скелет рыбы, учитывает геополитические особенности страны, и, прежде всего, ее протяженность с запада на восток: к магистралям под острым углом примыкают линии второго и третьего порядка. Это отличает, например, нашу железнодорожную систему от США, где страна пересечена параллельными линиями обособленных железных дорог между основными производственными центрами. Нашу же железнодорожную сеть разрезать, расчленить невозможно, она — моноцентрическая. Каждая дорога обслуживает свой сектор, и строить другую дорогу в каждом таком секторе оказывается нецелесообразно, так как это чрезвычайно дорого.

Такая схема российской железнодорожной сети позволяла достигать больших скоростей движения и низкой себестоимости перевозок. Эти ее преимущества

сохранились даже в условиях кризиса национальной экономики в конце 1990-х годов. По данным академика РАН В. А. Персианова, директора Института проблем управления транспортом, российские железные дороги позволяли обеспечивать производительность 1 млн. 300 тыс. тонно-километров на одного занятого на перевозках. Это в 2,5–3 раза выше, чем в Европе — Англии, Франции и Германии, также в Китае, находящемся на пике экономического подъема — здесь этот показатель составлял лишь 450–470 тыс. тонно-километров на одного занятого. При этом средний железнодорожный тариф на перевозки у нас в 8–10 раз ниже, чем в любой железнодорожной сети стран Запада (Оправдано ли..., 1998, с. 4–5). Л. С. Федоров, зав. сектором производственной инфраструктуры ИМЭМО РАН, отмечал, что, в сравнении с США, время оборота вагонов у нас в 2–3 раза меньше, несмотря на то, что расстояния перевозок больше (там же). Приведенные данные свидетельствуют об экономичности железных дорог России и целесообразности реализованных при их строительстве и функционировании технических и организационных решений.

Признание коммунального характера железнодорожной транспортной сети впервые отмечено на уровне государственного законодательства. В принятом в 1998 г. законе Российской Федерации «О федеральном железнодорожном транспорте» определено, что «Железнодорожный транспорт является единым производственно-технологическим комплексом», и это закрепляет невозможность его организационно-экономического расчленения.

Последовательное углубление коммунального характера материально-технологической среды нашего государства выражалось в особенностях организации не только аграрной сферы, системы речных путей или железнодорожного транспорта, но и в устройстве других важнейших отраслей, составляющих основу российской экономики — энергетики, централизованных коммуникаций теплоснабжения, жилищно-коммунального хозяйства городов, системы трубопроводного транспорта. Сегодня, как и железные дороги, данные отрасли представляют собой единые технологические комплексы, могут эксплуатироваться только в таком качестве, а их расчленение или технически невозможно, или чрезвычайно дорого для общества на современном этапе.

Таким единым производственно-технологическим комплексом являлась (и является, несмотря на организационные преобразования) Единая энергетическая система (ЕЭС России), включающая в себя энергостанции, связанные передаточными линиями — ЛЭП. Все потоки электроэнергии внутри ЕЭС регулировались Центральным и Объединенными диспетчерскими управлениями. Формирование ЕЭС в такой конфигурации было вызвано потребностями развития производства и жизнеобеспечения населения, при этом выбранная технологическая схема позволяла достигать этих целей с минимальными издержками. В рамках ЕЭС обеспечивалась значительная «экономия от масштаба», которая увеличивалась за счет протяженности России в широтном направлении, поскольку технологические особенности системы позволяли и позволяют использовать для покрытия суточного пика потребления в ее восточной части «спящие» мощности западных регионов.

По уровню технологии и организации развития ЕЭС опережала все известные аналоги в мире. Несмотря на то, что уровень резервных мощностей у нас был заметно ниже, чем в системах США или Западной Европы, Россия не знала аварий, даже приблизительно сопоставимых по масштабам с происшедшими в США, например, аварии электросистем в районе Нью-Йорка в 1966 и 1977 г. (Скрыпник, 1997, с. 38). Стабильное обеспечение электроэнергией производства и населения долгое время было характерной чертой экономики страны. Экономическая эффективность, которой отличалась российская энергетика, достигалась по энергетической системе в целом, в то время как отдельные региональные системы могли быть дефицитными или избыточными по электроэнергии.

Экономическая целесообразность такой организации производства и потребления электроэнергии, как и технологическое единство ЕЭС, являлись и являются материальной преградой приватизации отрасли и не позволяют реализовать в ней эффективные в других условиях чисто рыночные схемы. Даже специалисты журнала «Эксперт», отличающегося ориентацией на преимущественно рыночное развитие экономики страны, тем не менее, признавали, что в России невозможна организация рынка электроэнергии. Они обращали внимание на следующие причины. «Во-первых, в производстве энергии технологически невозможно использование такого важного ... инструмента хозяйствования, как складирование продукции: вся произведенная энергия мгновенно отгружается в магистральные линии РАО и столь же мгновенно потребляется. Во-вторых, ...Единая энергосистема опять же технологически не позволяет определить, кто чью энергию потребил: производители сбрасывают всю энергию в единый котел (магистральные линии электропередач), а потребители (через посредника, местное АО-энерго) стоят у общей раздачи» (Сиваков, Латынина, 1998, с. 26). Таким образом, коммунальность российской энергетики объективно требует преимущественно нерыночных форм регулирования производства и сбыта электроэнергии в стране.

Прошедшая реформа электроэнергетики 2002–2008 гг., уничтожившая, казалось бы, РАО ЕЭС, при внимательном анализе позволяет обнаружить интересные тенденции. Вопреки заявленным на «старте реформ» целям проведенные мероприятия по созданию новых холдинговых структур позволили воссоздать (через систему материнских компаний и структуру владения акциями) иерархическую вертикаль энергетики, разомкнутую при «первой приватизации». Произошло уточнение видов собственности в разных сегментах отрасли: в энергосетевом комплексе сохраняются государственные естественно-монопольные компании с присущими механизмами централизованного хозяйства, а в генерирующих и сбытовых компаниях представлены частные компании. Однако впоследствии ряд масштабных аварий (наиболее резонансными были авария в энергосистеме Москвы в мае 2005 г. и на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г.) привел к усилению роли государственного управления также и в сфере производства электроэнергии. Более того, уже поставлен вопрос о частичном возврате к старой системе (Полтерович, 2012, с. 25).

Коммунальным, по сути, является и один из самых современных видов транспорта — трубопроводный. Он обслуживает в основном нефтегазовый сектор. Так, газотрубопроводы занимают абсолютно доминирующее положение в транспорте

газа. Если общая протяженность газопроводов на начало нынешнего тысячелетия составляла в мире около 950 тыс. км, то российских — около 550 тыс. км (Корякин, 2000, с. 17). При этом особенности расположения газовых провинций — в арктической климатической зоне, вдалеке (на расстоянии 3,5 тыс. км) от территории основного размещения населения и промышленности — обусловили необходимость концентрации общегосударственных усилий на добыче и особенно транспортировке газа, поскольку доля транспортных затрат, с учетом транзита по территории, составляет в себестоимости газа почти 78% (там же, с. 18). Специалисты отмечают, что экономика-географическая специфика России предопределяет нерентабельность любого коммерческого внутрироссийского массового использования Северо-Тюменского газа. Единственную альтернативу они видят в том, что институциональным принципом устройства отрасли могут быть лишь централизация и приоритет плано-государственного начала, которые необходимо усиливать (там же, с. 45–47). «Экономисты понимают, что российская экономика... может успешно развиваться и процветать лишь как единый ....многоярусный и представленный различными секторами комплекс при сохранении пронизывающих ее воедино скрепов, прежде всего единых энергетических и транспортных систем» (Турунок, 2000, с. 55).

Централизованное теплоснабжение также является важнейшим элементом современной коммунальной производственной и социально-бытовой инфраструктуры страны. Наличие центральных тепловых коммуникаций — отличительная особенность России. В более благоприятных природно-климатических условиях, характерных, например, для наших европейских соседей, теплоснабжение развивалось по другому пути. Там преобладают децентрализованные тепловые системы, вплоть до автономных агрегатов для отдельных жилых или производственных зданий. В России же именно централизация теплоснабжения позволила обеспечить быстрое развитие производства и относительно комфортные условия проживания населения в условиях холодного климата и больших расстояний.

Социальная инфраструктура современной России, в отличие от прошлых веков, также характеризуется коммунальным характером. В первую очередь это относится к отечественному жилищно-коммунальному хозяйству, которое отличается наличием общих инженерных коммуникаций — теплоснабжения, водообеспечения, канализации. Коммунальный характер жилищной сферы позволил решить важные социальные задачи. Так, к исходу XX века благодаря централизованным системам жизнеобеспечения показатели обеспеченности жилищ теплом и горячей водой в городах России вплотную приблизились к аналогичным показателям наиболее развитых стран мира.

Коммунальность жилищной сферы во многом объясняет невозможность проведения ее тотальной приватизации. Проведенный нами мониторинг жилищной реформы 1992–1997 гг. в городах показал, что в «материальном ядре» жилищной системы, представленным землей, на которой стоят жилые дома и располагаются объекты их жизнеобеспечения, приватизации практически не произошло. Приватизация коснулась в основном уровня отдельных квартир. Тормозом тотальной жилищной приватизации «оказался коммунальный характер обеспечивающей инфраструктуры.

При наличии централизованных технологических систем тепло-, водоснабжения, канализации и т. п. невозможно обособленное управление содержанием отдельного жилого дома» (Бессонова, Кирдина, 1996, с. 122). Создание ТСЖ (товариществ собственников жилья) и управляющих компаний увеличивает глубину проникновения «частного начала» в эксплуатацию жилищного фонда. Однако сохранение собственности государства на землю и инженерные коммуникации, наличие жилищных субсидий и централизации основной части жилищных финансов продолжают оставаться характерной особенностью жилищного хозяйства страны. Создание акционерных обществ со стопроцентным государственным участием для развития жилищного строительства в регионах, начатое с 2009 г. указывает на не только сохранение, но и углубление этой тенденции (подробнее см. Бессонова, 2009).

В современных условиях коммунальность становится характерной и для информационно-инфраструктуры. На Всероссийском совещании глав региональных государственных телерадиокомпаний (ГТРК) в июне 1998 г. была поддержана «стратегия создания единого производственно-технологического комплекса, объединяющего государственные электронные СМИ» (Борейко, 1998), которая вызвана к жизни экономической нецелесообразностью создания преимущественно своих каналов в каждом регионе.

В итоге, как отмечает И. А. Ильин, в рамках российской государственности народами данной территории была создана общая (интегрированная) технологическая и научно-техническая система производства с соответствующей специализацией и кооперацией. Причем выстроенная не по принципу территориальной диверсификации, а узкой, порой предельной, специализации с учетом единства народно-хозяйственного комплекса. Эта система формировалась на протяжении всей истории, в нее вложены огромные ресурсы практического всего народа и рассчитана она на обслуживание потребностей всех. Существование такой системы также объективно и не зависит от чьего-либо мнения по этому поводу» (Ильин, 1993, с. 143). О том, что экономика России характеризуется преобладанием коммунальных по сути отраслей, косвенно свидетельствует статистика. В 2010 г. доля основных фондов «коммунальных» отраслей³ составляла 54,7% в совокупной структуре отечественного хозяйства (рассчитано по: Российский статистический ежегодник, 2011).

Итак, можно видеть, что коммунальность производственной среды России, обусловленная данными нам природно-географическими и геополитическими условиями, сохраняется и вызывает к жизни определенные технологии, как инженерные, так и институциональные, а также задает способы организации государственной жизни. И сто лет назад, и сейчас, российские и зарубежные исследователи отмечали и продолжают отмечать это в своих работах.

³ К «коммунальным» отраслям отнесены: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; транспорт и связь; государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг.

10.2. Реконструкция некоторых периодов российской истории

Преимущественно коммунальная среда определяла и продолжает определять рамки эволюции, возможности преобразования и перспективы развития российского общества. Можно наблюдать, что через революции и «перестройки» происходит последовательное самоусиление свойственных России доминантных институтов в экономике, политике и идеологии. Несмотря на неоднократные попытки политических сил внутри страны заместить эти базовые институты качественно иными, несмотря на активные институциональные обмены с соседними странами, прежде всего с Западной Европой, история России представляет собой неуклонное движение в рамках доминирующей X-матрицы при одновременном поиске институционального баланса со взаимодействующей Y-матрицей институтов. История страны постоянно это подтверждает. Но, как верно заметил А.С. Ахиезер, для многих обществоведов «история и современность представляют собой две рядоположенные реальности», и изучение первой до сих пор весьма мало обогащает исследования современности. В теории институциональных матриц, или X-Y-теории предпринимается попытка преодолеть этот разрыв и предложить методологический и аналитический инструментарий для анализа непрерывного процесса развития институциональных форм с помощью единой системы понятий.

Доминантная матрица России, с одной стороны, являлась необходимым условием проводимых на ее основе преобразований, а с другой, определяла естественный предел и глубину осуществляемых реформ. В случае, если институциональные заимствования или внутренняя преобразовательная деятельность соответствовали ее природе, происходили активная адаптация и встраивание новых форм, а затем на их основе — расцвет и быстрое развитие государства. Если же реформы вступали в противоречие с сущностью институциональной матрицы, то они либо носили затяжной характер, либо не достигали поставленных целей, лишь отвлекая силы общества на свое осуществление, что приводило к ослаблению и даже завоеванию государства, а порой требовало революций. В истории страны представлены примеры и того, и другого рода заимствований и преобразований.

В свое время укреплению русского государства способствовало восприятие Россией из Византии христианской религии в той ее форме, которая затем получила дальнейшее развитие в православии. Идея христианства сыграла интегративную роль для окончательного оформления государства, в котором базовые институты экономики, политики и идеологии образовали внутреннее единство и поддерживали друг друга. Византийское христианство попало в Древней Руси на благодатную почву, потому что его основополагающие идеи служения и соборности оказались адекватными природе доминантной институциональной матрицы.

X-Y-теория позволяет также по-новому оценить значение институциональных переносов, активно осуществлявшихся в русском государстве в XIII-XV вв., в период так называемого татаро-монгольского завоевания. Историки не раз отмечали заимствование уставов из Золотой Орды. Так, Ф. И. Леонтович отмечает целый ряд норм и структур, перенятых политической, общественной и административной

практикой московской Руси из монгольского права. По его мнению, речь идет о воззрении на государя как верховного собственника, прикреплении крестьян и закрепощении посадских людей, идее об обязательной службе и местничестве служилого «сословия», о копировании монгольских палат при учреждении московских приказов и проч. (Леонтович, 1879). Хотя ему не удалось найти каких-либо указаний на то, что в руках московского правительства действительно находились изученные им монгольские уставы, но сходство действующих порядков, отмеченное Ф. И. Леонтовичем, разделяли и другие историки — Н. П. Загоскин, В. И. Сергеевич, И. Е. Энгельман и др. (Энциклопедический словарь, 1898, т. 11, с. 556).

Тождественность доминирующих институциональных матриц нашего государства и Золотой Орды (заимствовавших отмеченные административные правила у Китая, см. Покровский, 2013, с. 79) послужила основой того, что ряд почерпнутых Русью у монголов форм оказались жизнеспособными в наших условиях и содействовали в дальнейшем развитию страны (эту идею передает рис. 30).

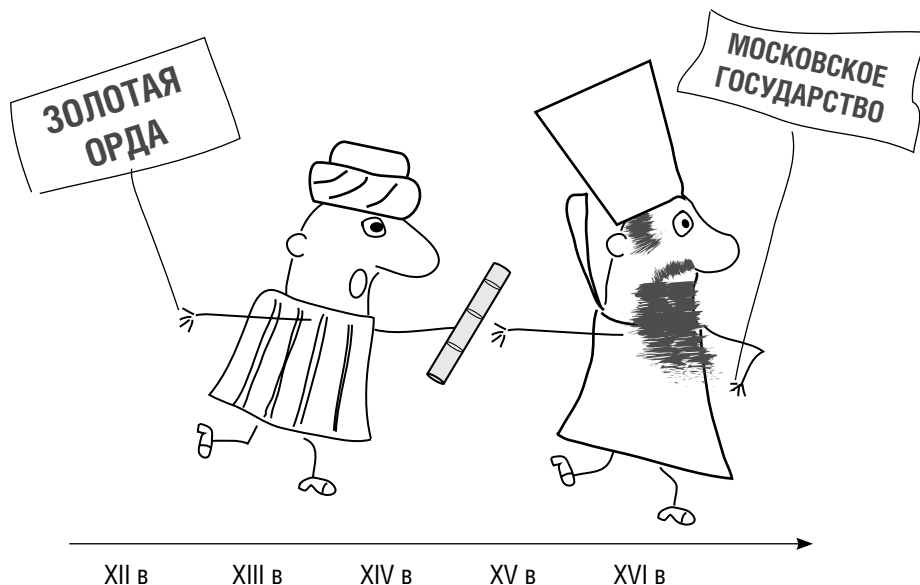

Рис. 30. «Институты Золотой Орды ускоряют развитие Московского государства»

Например, такой готовой институциональной формой стало установленное татарами «число», определявшее размер дани в обязательном для князей окладе. Кроме того, князья, получавшие ярлык на великое княжение, добились от татарских ханов права самостоятельно собирать дань с русских земель и лично или через своих послов доставлять ее в Орду. Тем самым развилась и получила свое закрепление система центральных организаций в виде Приказов, обеспечивающая сбор и распределение средств с территорий в «общий котел». Данная система поддерживалась

складывающейся на территории страны поселенческой структурой, в которой города служили опорой. В свое время С. Ю. Витте вслед за П. Н. Милюковым писал, что «самостоятельного городского населения у нас не существовало, так как городское торгово-промышленное сословие развито было очень слабо. Русский город был прежде всего не торгово-промышленным, а правительственным или военным центром, поэтому и в населении его преобладал служилый военный элемент» (Милюков, 1896, с. 178; Витте, 1903, с. 56). От татар были также переняты принципы организации единой централизованной системы дорог в виде ямов, в свою очередь, позаимствованных Чингисханом из Китая (А было ли иго?, 1997, с. 46). Они стали органическим элементом институциональной среды в коммунальных условиях русского государства.

Следствием нововведений по централизации ресурсов и территориального управления стало укрепление экономической мощи русского государства, позволившее избавиться от татарского ига. Как писал позже величайший русский историк Н. М. Карамзин, «Москва обязана своим величием ханам» (Энциклопедический словарь, 1893, т. 11, с. 556). Сложившееся в этот период Московское царство стало одним из сильнейших государств того времени. Это проявлялось как в международном авторитете, так и в благосостоянии его граждан. Например, история сохранила свидетельства иностранных путешественников того времени, утверждавших, что российский крестьянин был гораздо зажиточнее своего собрата в Германии или Франции.

Преобразования Петра I также получают свою оценку с точки зрения теории институциональных матриц. В. О. Ключевский метко писал, что «Петр начал свои реформы с ландратов, а кончил приказной избой». Петровские реформы, основанные на заимствовании институциональных форм из стран Западной Европы, зачастую противоречили природе и строю сложившихся российских учреждений. Преодолеть это противоречие, т. е. изменить природу доминантной институциональной матрицы, не удалось даже Петру Великому, и, сохранив заморские названия, многие нововведения были восприняты лишь в той мере, в которой они способствовали решению реальных проблем страны.

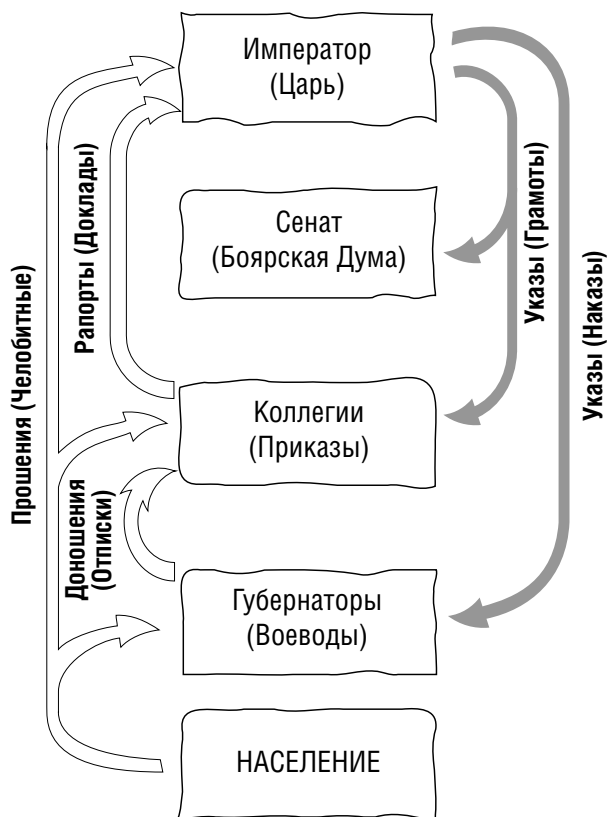
Так, необходимое развитие промышленности происходило преимущественно на основе характерной для государств с Х-матрицей передачи казенных имуществ в пользование частным подрядчикам. Именно по этому пути пошел Петр I. Как было показано в предыдущем параграфе, в этот период активно раздавались права на пользование недрами, передавались в управление предприимчивым людям царские заводы и промыслы, распространились разного рода казенные заказы. С эпохи Петра I ведут свою родословную многие династии талантливых российских заводчиков и промышленников — Демидовы, Морозовы и др.

Предпринятое Петром I по западному образцу введение губерний также в конечном счете укрепило базовые экономические и политические институты, присущие российскому государству. По сути, введение губерний поставило местных руководителей в более четкое подчинение царской власти и послужило «большему упорядочению и обеспечению денежных сборов», т. е. определило объемы денежных потоков от губерний к центру и наоборот. Распространяемое по инициативе Петра

I коллегиальное начало также было трансформировано в соответствии с базовым институтом единогласия при принятии решений, что соответствовало природе доминантной для нашей страны X-матрицы.

Институт обращений по инстанциям, сохранивший свое значение, при Петре I стал реализовываться в новых, модернизированных формах. На рис. 31 показана преемственность процесса циркуляции обращений населения в центр верховной власти во времена Петра I по сравнению с порядком допетровской эпохи.

Рис. 31. Циркуляция обращений в системе российской государственной власти в XV–XVIII вв. (в скобках даны названия в допетровскую эпоху)
 Источник: Материалы из учебника «Организация работы с документами» (Кудряев и др., 1998, с. 6–10).

Можно видеть, что порядок движения обращений «снизу» и поступление распоряжений «сверху» сохранились в созданной Петром I системе государственного управления. В то же время происходила дальнейшая формализация процесса движения обращений, расширилась законодательная и инструктивная база подготовки большинства обозначенных на рисунке документов, укрепился инстанционный характер системы государственных учреждений. Несмотря на кажущиеся сумбур и хаотичность в принятии и исполнении решений в петровское время, действие большинства институтов, в том числе и института обращений по инстанциям, приобретает все более легитимный характер, получает дальнейшее правовое оформление.

Петровские реформы, «подправляемые жизнью» по ходу своей реализации, означали в результате укрепление и модернизацию основных (соответствующих X-матрице) экономических, политических и идеологических институтов нашего государства, а не привели к их замене, как декларировалось. В то же время слишком бурное «догоняющее» развитие, начатое Петром I, наряду с положительными элементами, имело далеко идущие негативные последствия. Активное внедрение не только научно-технических новшеств, но и чуждых обычаев и ценностей спровоцировало внутренний раскол общества. По мнению многих мыслителей XIX–XX веков агрессивная политика Петра I стала одной из важнейших предпосылок революционных бурь, потрясших Россию в начале XX века (Лебедева, 2000, с. 204).

Русские революции в рамках X-Y-теории также получают свою трактовку. Их неизбежность, как можно предположить, была связана с тем, что через революции общество спонтанно, стихийно искало пути возврата к доминанте институциональной X-матрицы, которую пытались заменить на альтернативную Y-матрицу в ходе предпринимаемых еще со времен Петра I экономических и политических реформ. Когда реформы приводят к разрушению сложившейся институциональной структуры, а новой не складывается, тогда нарушается весь строй социальной жизни. Нарастающая дезорганизация приводит в конце концов к падению уровня жизни основной части населения, часто на фоне растущей социальной дифференциации, что становится «спусковым крючком» для выражений массового недовольства и революционных действий. Очевидная направленность реформ рубежа XIX–XX веков на замещение базовых институтов доминантной матрицы, а не на адекватное встраивание альтернативных институциональных форм, привела Россию в первые десятилетия XX века к известным социальным потрясениям, спровоцировавшим революции 1905 и 1917 гг.

В политической сфере такой попыткой была осуществленная в 1864–1890 гг. земская реформа. Еще С. Ю. Витте писал в конце XIX века, что строй земских, или местных учреждений, как он определялся реформой, находился в противоречии с характером центрального управления (Витте, 1903). Местным учреждениям предложено было функционировать в форме самоуправляющихся структур на основе выборного начала. В то же время система центральных учреждений имела унитарную природу, сохраняя соответствующие ей институты иерархии власти, назначения руководителей и др. В своей записке Витте, ссылаясь на пример Франции, указывал, что противоречивый характер устройства систем местного и центрального управления рано или поздно приводит к нестабильности общества и социальным революциям (там же, с. 31). Предотвращение таких последствий возможно было лишь на основе целостной административной реформы, предполагающей общие начала управления, но этого в свое время сделано не было. Восстановление единых начал управления центральными и местными учреждениями в соответствии с базовыми политическими институтами, присущими России, было осуществлено уже после революции 1917 г.

Проводимые в стране в конце XIX — начале XX века экономические преобразования, подстегнув, с одной стороны, экономический подъем, в конце концов спрово-

цировали революцию. Слишком далеко зашедшее «развитие капитализма в России» пришло в противоречие с природой базовых экономических институтов. «Попытки ускоренного перевода российской экономики на рельсы «западной модели», сняв одни противоречия российского хозяйствования, вызвали к жизни новые, разрешившиеся в формах, более болезненных, чем ранее» (Лебедева, 2000, с. 205).

В целом можно предположить, что перенос европейских институциональных норм в хозяйственную практику страны в эти годы, вопреки видимым достижениям, Россию относительно ослабил, а не укрепил ее положение на мировой арене. По оценкам экспертов, несмотря на успехи индустриализации в 1861–1913 гг., разрыв между Россией и другими крупнейшими державами по размерам национального дохода на душу населения *увеличивался*. Он составлял к концу периода 2/5 от аналогичного французского показателя, 1/3 — германского, 1/5 — британского и 1/8 — США (История России..., 1996, с. 107). После кратковременного подъема развитие капитализма в стране привело к истощению общественных и экономических сил страны, что обусловило поражение России в первой мировой войне. Потребовалась революция, чтобы восстановить естественный ход исторической эволюции в рамках, задаваемый доминантной институциональной матрицей российского государства.

Как можно трактовать советский период нашей истории в рамках теории институциональных матриц? Можно выделить в этом периоде две одновременно действовавшие, но противоречивые тенденции.

С одной стороны, характер большинства осуществляемых преобразований находился в прямом соответствии с природой X-матрицы, исторически доминировавшей в стране. Так, в идеологической сфере основное место заняла идеология коммунизма, провозглашавшая приоритет общественного блага по отношению к личности. Ее внутреннее содержание находилось в прямом соответствии с присущей нашему государству коммунитарной идеологией. Именно поэтому коммунистические идеи получили в тот период такое распространение и поддержку среди основной массы населения, «заместив» в массовом сознании православные ценности. В политической сфере развивались и усиливались институты унитарно-централизованного государства. В экономике редистрибутивные отношения и другие институты X-экономики приобретали всеохватывающий характер. Такая институциональная структура содействовала росту экономического потенциала страны и вернула стране статус мировой державы. Восстановление доминирующего положения институтов X-матрицы во всех общественных сферах советского государства немало этому способствовало.

С другой стороны, в СССР плохо соблюдались требования институционального баланса, нарушался принцип необходимого взаимодействия базовых и комплементарных институтов. В институциональной среде не поддерживалось необходимое соотношение X- и Y-элементов в экономике, политике и идеологии советского общества. Тотальное искоренение институциональных форм, соответствующих альтернативным институтам Y-матрицы, привело к структурным искажениям во всех общественных сферах, и, как следствие, к ухудшению социально-экономического положения страны.

В экономике свидетельством такого нарушения было повсеместное развитие преимущественно государственной собственности, серьезные ограничения для действия иных форм собственности и свертывание механизмов, аналогичных механизмам рыночного регулирования хозяйственной жизни. Это привело к «теневизации» значительного сегмента экономики, где альтернативные формы развивались латентно, скрыто, вне общественного контроля. В результате в СССР нерационально использовались хозяйственные ресурсы страны и снижались общие показатели экономической эффективности, что проявилось в стагнации темпов экономического развития, или, как стали позже говорить, к «застою». Этот период наступил в конце 1970-х — начале 1980-х гг. (конец X — XI пятилетки), когда, согласно официальной статистике, темпы экономического роста упали до 2,5–3 % в год.

В политической сфере тотальное доминирование централизации управления и унитаризма не компенсировалось в должной мере развитием выборов, самоуправления и других альтернативных, дополнительных форм политического устройства. Такое положение не позволяло консолидировать социальные усилия на решение стоящих перед страной задач, приводило к отчуждению значительных слоев населения от участия в политической жизни и снижению достижительных мотиваций.

В сфере идеологии, как известно, практически отсутствовали ценности, которые бы стабилизировали положение личности в условиях господства общественной коммунистической идеи. Неприятие индивидуальной свободы выбора — от убеждений до музыкальных пристрастий, ограниченные возможности проявления и реализации индивидуальных особенностей вне коллективистских структур, уравнилельные тенденции привели к тому, что граждане СССР переставали идентифицировать себя с советским обществом, игнорировали его ценности и отвергали устаревшие поведенческие нормы. Следствием этого стала «внутренняя» («на кухне») и внешняя эмиграция населения страны, что сокращало личностный потенциал социального развития всего государства.

Результатом нарушения институционального баланса, т. е. недостаточности необходимых комплементарных институтов и свойственных им институциональных форм стала неспособность институциональной среды поддерживать динамичное развитие. Образно говоря, страна вынуждена была долгие годы «стоять на одной ноге», процесс стал хроническим, что и привело к социально-экономическому и политическому коллапсу СССР и необходимости перестройки всей системы общественных отношений.

10.3. Институциональные преобразования в постсоветской России: сбывшиеся прогнозы

Как назвать период российской истории после распада Советского Союза в 1991 г.? Научное направление «транзитология», изучающее историю постсоциалистических стран, определяет этот период как *transition*, т. е. переход. Но переход от чего и к чему? В отношении наших западных соседей по «социалистическому лагерю» общепризнанным содержанием этого перехода является движение от со-

циализма к капитализму, или от командной экономики к рыночной. В отношении России однозначного мнения нет. Спектр оценок включает самые разные описания этого периода. На одном полюсе можно найти описание реформ как реализации заговора извне с целью «погубить Россию». Другие авторы говорят о готовности страны к преобразованиям, поскольку налицо было «наиболее благоприятное условие для реформ — усталое общество, утомленное предшествующими политическими сражениями» (Мау, 1999). На другом полюсе их определяют как «либеральная революция» (Белояр, 2013), т. е. скачок к новым формам управления государством на основе ценностей либерализма и др. Радикальное несовпадение оценок определяется в значительной мере взглядами оценивающих.

С точки зрения теории институциональных матриц, или X-Y-теории, этот период можно назвать периодом «институциональных преобразований», поскольку шел активный процесс внедрения новых, модернизации старых и ликвидации устаревших институциональных форм.

С точки зрения объективистского подхода данный период новейшей российской истории позволяет увидеть, на мой взгляд, как «природа обществ нам навязывается», и что они «могут изменяться, как и все естественные явления, только соответственно управляемым им законам». Так писал в свое время процитированный в главе 2 Эмиль Дюркгейм, один из основоположников объективистского подхода в социологии. Даже если не принимать во внимание, «какие имеются у нас налицо общественные элементы, какие основы выработаны историей, какие идеалы продолжают жить в народном сознании или выражались в течение нашей тысячелетней истории» (Аксаков, 1886, с. 299), при кардинальных попытках их изменения они очевидно проявят себя. Это подтверждается ходом экономических, политических и идеологических преобразований России в 1990–2000-е гг.

С точки зрения X-Y-теории в сфере институциональных преобразований можно выделить два этапа — до и после 2000 г., различающихся между собой направленностью проводимых институциональных изменений.

Содержанием первого этапа преобразований после распада СССР, судя по словам и делам реформаторов из верховной власти, стал демонтаж доминирующей X-матрицы с ее, казалось, изжившими себя институтами, и замена их на институты альтернативной Y-матрицы. В экономике это выражалось в тотальном замещении институциональной системы, основанной на государственной собственности, иной системой экономических институтов, базирующихся на частной собственности, или приватизация в широком смысле этого слова. В политической сфере была поставлена задача замены прежнего унитарного государства на федерацию с развитием соответствующих ее природе демократических институтов — выборов, развития начал самоуправления, модернизации судебной системы. В сфере идеологии произошел отказ от системы коммунистических ценностей и начался поиск новых адекватных идей. Отправной точкой при этом послужило провозглашение прав человека как высшей общественной ценности.

Первый этап связан с «лихими» **1990-ми гг.** Политологи называют этот период реформ «ельцинским» по имени первого президента России Б.Н. Ельцина. В этот

период происходило повсеместное «шоковое» внедрение разнообразных экономических, политических и идеологических институциональных Y-новелл, почерпнутых из учебников и практических рекомендаций советников из развитых западных стран. Внедрение мировых образцов происходило часто без учета специфики российского государства и материально-технологических условий его существования, а «усталое утомленное общество» практически не участвовало в разработке и реализации предложенных стратегий. Справедливости ради следует отметить, что предпринимались попытки общественных дискуссий, в том числе и со стороны академического сообщества. Но дискредитация в массовом сознании прежних научных достижений в виде политической экономии социализма и отсутствие в среде российских ученых проработанной теоретической и консенсусной альтернативы проводимым преобразованиям не позволили научному сообществу представить реалистичную систему необходимых мер.

Тем не менее, «природа общества проявила себя», и в ходе преобразований стали проявляться объективные ограничения заимствуемых институциональных форм. В экономической сфере выявилось, что приватизация не содействовала росту экономической эффективности в той мере, как это ожидалось. В 1999 г. правительство констатировало, что, «несмотря на то, что в результате массовой приватизации 58,9 процента предприятий стали частными, ряд поставленных целей не был достигнут: не сформирован широкий слой эффективных частных собственников; структурная перестройка экономики не привела к желаемому повышению эффективной деятельности предприятий...» (О Концепции управления..., 2000, с. 25).

Наиболее выпукло ограничения приватизации проявились в отраслях, в наивысшей степени характеризующихся коммунальностью — эти отрасли стали «основными бастионами, о которые разбивались волны тотальной рыночной приватизации». Так, не смогли осуществиться планы разделения и полной приватизации так называемых естественных монополий. Они остались в сфере государственного руководства, были признаны «становым хребтом российской экономики» и продолжают находиться в основном в федеральной собственности. В сельском хозяйстве так и не был окончательно решен вопрос о частной собственности на землю. Достиг своего предела рост фермерства, как было показано 8.3. Доля фермерских хозяйств составляет незначительную часть в производстве сельскохозяйственной продукции — через 20 лет реформ в 2013 г. она составляет 8,5 % (АККОР, 2013).

Не произошло ожидаемой массовой приватизации жилищного сектора. Тормозом приватизации жилья стал коммунальный характер поддерживающей его функционирование инженерной инфраструктуры. Хотя квартиры большей частью находятся в собственности граждан, сохранилась общая (преимущественно муниципальная) собственность на жилой фонд в целом, государственные субсидии на эксплуатацию жилого фонда и собственность муниципальных образований и регионов на земельные участки, на которых располагаются дома, и инженерные коммуникации.

Также и во всех других отраслях хозяйства «чисто частные и смешанные иностранные производства остались микроэкономическими по российским меркам и не вырвались за рамки малого бизнеса» (Макаревич, 1999, с. 232). Это означало,

что декларируемые цели приватизации не были достигнуты, и доля частного сектора в экономике страны не стала столь значимой, как ожидалось⁴.

Проблемы дальнейшей приватизации возникли также в связи с неблагоприятными социальными последствиями, которые относят на ее счет — резким расслоением населения по материальному благосостоянию, расхищением государственной собственности, ростом организованной преступности за счет подпитки ее этими похищенными средствами и т. д.

Положительными итогами первого этапа экономических реформ можно считать начавшиеся процессы изменения конфигурации структуры собственности, неэффективной и неповоротливой накануне перестройки, ее приспособление к задачам организации усложняющегося экономического пространства.

Во-первых, появилась категория смешанных предприятий, которую некоторые относят к частным формам собственности, хотя правильнее считать ее модернизированной государственной. Большинство этих предприятий подпадает под определение того, что следует считать государственным предприятием, данным Европейским центром государственного предпринимательства в 1984 г. «Государственное или с учетом государства предприятие — всякое предприятие, в котором государство, государственное учреждение или общины, прочие государственные предприятия являются в отдельности или совместно, прямо или косвенно собственником доли капитала, размеры которого либо превышают половину капитала предприятия, либо, будучи меньшей в капитале предприятия, позволяют государству одним фактом своего существования или сообразуясь с особыми правами располагать действительной властью на предприятии» (Bizaguet, 1988, p. 9). Именно это имеет место в большинстве российских «открытых для участия государства» акционерных обществах (ОАО) в той или иной форме — через преобладающую долю акций, главенство в управлении, «золотую акцию» и т. д. Так называемые смешанные предприятия, наращивающие свой потенциал, стали с 1996 г. настоящими локомотивами и опорами экономики Российской Федерации (Макаревич, 1999, с. 232).

Во-вторых, в 1990-е годы стала меняться структура самой государственной собственности. Шел активный поиск реального «хозяина» производств, размещенных на территории огромной страны. Если в 1991 г. соотношение федеральной, региональной и муниципальной собственности составляло 66, 19 и 15 % соответственно, то к исходу десятилетия эта пропорция составила 45, 39 и 16 % (там же, с. 230). Наиболее динамично утверждались в качестве реальных собственников субъекты Российской Федерации. С этой целью начался отзыв принадлежащих им пакетов акций, переданных в траст коммерческим банкам и компаниям, стали аннулироваться эмиссии, «разводнявшие» их участие в АО, при участии региональных правительств стали создаваться смешанные предприятия, холдинги и финансово-промышленные группы (ФПГ). Регионы также активно переподчиняли себе федеральное и корпо-

⁴ Официальная статистика по структуре собственности в России существенно завышает роль частных форм собственности (Кирдина, 2013а). Подробный качественный и количественный анализ структуры собственности в современной России будет представлен далее в главе 11, п. 2.

ративное имущество и активы (там же, с. 239). Федеральный центр также активизировался как экономический субъект, стали создаваться крупные федеральные государственные компании на базе принадлежащих правительству пакетов акций предприятий и банков, не способных погасить свои долги перед казной. В 1999 г. в стране насчитывалось около 100 ФПГ с государственным участием (там же).

В-третьих, в ходе первого этапа реформ шел интенсивный отбор подходящих и выбраковка неэффективных институциональных форм и управленческих технологий. В итоге в широких масштабах и в исторически короткие сроки были освоены и апробированы передовые организационно-экономические формы и процедуры, предложенные современной цивилизацией, сформирован значительный контингент соответствующих кадров, осуществлена массовая компьютеризация, качественно изменились потребительские стандарты населения.

Окончание первого этапа институциональных преобразований в экономической сфере связано, прежде всего, с осознанием ограниченных возможностей приватизации. «Достигнув пика, массовая приватизация исчерпала себя, хотя и не остановилась», отметил в тот период эксперт Ассоциации российских банков Л. Макаревич (Макаревич, 1999, с. 230).

В политической сфере на первом этапе реформа была ликвидирована КПСС как фактический центр верховной власти, выполнявшая также функцию согласования и координации интересов, и этот центр не сразу был восполнен созданием новых российских институтов с аналогичными функциями (Проблема субъектности..., 1998). Только после драматических событий 1993 г., известных как «разгон Верховного Совета» и «расстрел Белого дома», стала формироваться «супер-президентская» республика с централизмом и иерархией институтов власти, то есть властная вертикаль во главе с президентом. Такая модель предполагает всенародное избрание харизматического лидера на пост главы государства и наделение его широкими полномочиями, особенно в сфере контроля за деятельностью правительства и государственной администрации (Ачкасов, 1995, с. 67).

В то же время введение в действующую Конституцию принципа выборности глав областей и краев при полном отсутствии у центра каких-либо правовых возможностей смещения их с должности привело к значительному ослаблению властной вертикали (там же). Осознание пределов дальнейшей федерализации страны также обозначило смену вектора преобразований в политической сфере.

В идеологической сфере страны в первый этап институциональных преобразований тестировались новые индивидуалистские ценности. Массовые социологические опросы тех лет показывали, что население страны, особенно молодежь, стало все больше их поддерживать. Исследования на основе этнометрического метода Г. Хофстеде показывали в 1989 г. значение индекса индивидуализма у российских студентов на уровне 39, а в 2001 г. — 53 (Латова, Латов, 2007).

Второй этап реформ начинается с конца 1990-х — начала 2000-х годов и продолжается по настоящее время. Он совпал с деятельностью выбранного в 2000 г. президента В. В. Путина. Особенностью второго периода стала переориентация социально-экономической политики от повсеместного внедрения институтов Y-матрицы

в сторону модернизации институтов Х-матрицы. Задача кардинальной «вестернизации» уже не стояла на повестке дня: начинался поиск нишевых пространств для комплементарных институтов Y-матрицы. Этого изменения не могло не произойти, поскольку оно обусловлено, в конечном счете, объективно присущими нашему государству свойствами материально-технологической среды. Ее особенности все более проявляют себя и, соответственно, осознаются. Примером может служить проведенный на уровне правительства РФ анализ проблем функционирования жилищно-коммунального хозяйства территорий в ходе зимнего периода 2000/2001 гг. Были отмечены разрозненные действия региональных властей и хозяйственных организаций, что спровоцировало несанкционированные отключения электроэнергии, которые привели к разморозке котельных и проблемам подачи тепла большим группам населения. Причиной послужил разрыв традиционных цепочек поставщиков и потребителей энергоресурсов, который не был восполнен действием рыночных механизмов. Был наглядно продемонстрирован нерасчленимый характер инженерной городской инфраструктуры и потребность в едином, централизованном управлении ею, невозможность «сброса коммунальной структуры на регионы» и выведение их из-под координирующей роли федерального центра.

Стало очевидным не только для российских политиков, но и для экспертов международных организаций, что технико-экономический фактор явился решающим в определении судьбы так называемых естественных монополий. Признанием коммунального характера важнейших отраслей производственной инфраструктуры послужило изменение государственной политики в отношении электроэнергетического комплекса, газовой отрасли, комплекса железных дорог и т. д. Целесообразность новой политики наше правительство сумело донести и до МВФ. Борьба с естественными монополиями, характерная для первого этапа реформ, начинает заменяться программами реструктурирования, учитывающими невозможность их расчленения. Основное внимание смещается к поиску адекватных форм управления этими структурами со стороны государства в целях более полного обеспечения социальных и производственных потребностей в их услугах для всей страны.

Таким образом, на втором этапе институциональных реформ в экономике резко усиливается роль верховных условных форм собственности и возрастает значение государственных структур как экономических акторов. Как замечают эксперты, экономические отношения все более институционализируются вокруг иерархической вертикали власти, формализуются правила взаимодействия корпоративных структур и органов центрального и регионального руководства, отрабатываются механизмы согласования их действий. Отмечается, что «по мере упорядочения вертикали власти и более четкого распределения ролей между различными ее ступенями согласование также будет становиться более упорядоченным» (Перегудов, 2000, с. 125), что означает усиление роли общественных структур в регулировании хозяйственных отношений.

Аналогичные по сути процессы происходят и в политической сфере. Выяснилось, что прямое копирование и встраивание западных институциональных форм в политическую систему страны не позволяет решать реальные проблемы, поскольку

ку в условиях России эти формы не выполняют в полной мере своих функций. Как отмечалось в докладе сотрудников Института экономики РАН, «модель российского федерализма практически однозначно «спроецировалась» с административно-территориального деления бывшей РСФСР, менее всего рассчитанного на то, чтобы когда-либо на деле стать основой государстве федеративного типа» (Социально-ориентированные функции государства..., 1998, с. 18–19).

Прежде всего, в конце 1990-х годов более тщательно анализируются возможности и перспективы института федерации в контексте российской специфики. Уже не только практики, но и теоретики отмечают, что федерация в постсоветской России носит в значительной степени формальный характер, поэтому приходится постоянно уточнять ее содержание применительно к условиям страны. В те годы говорилось об ассиметричной федерации, «укреплении федерализма путем тихой унитаризации» (Железнов, 2002), «иерархическом федерализме» (Митрохин, 1997), «переговорном федерализме» и других его квази-формах. В результате было признано, что «федерализм как политический институт ... оказывается скорее привнесенным извне, нежели порожденным обществом изнутри» (Полищук, 1998), что России свойственны иные институты государственного устройства. С точки зрения теории институциональных матриц, речь идет о необходимости развития таких институциональных форм, которые бы не заменяли, но дополняли свойственные России базовые институты унитарно-централизованного политического устройства.

Реальная практика подтверждает справедливость этого утверждения. Со второй половины и, особенно, конца 1990-х годов стала усиливаться роль центра как носителя верховной власти. Это выразилось, с одной стороны, в укреплении властной вертикали путем создания федеральных округов во главе с назначенными представителями президента (О полномочном представителе президента..., 2000). Задачей новой управленческой структуры стала координация деятельности входящих в округа регионов при решении общих федеральных задач. С другой стороны, возникающие политические конфликты все чаще решаются путем принятых центром решений, легитимность которых подтверждается Конституционным и Верховным судами России. По сути, федерализм начинает пониматься как осуществление «справедливого» распределения ресурсов, власти, ответственности между уровнями государственного управления — федеральным, региональным и муниципальным, в рамках единой иерархической вертикали. Соответственно определились и черты современной номенклатуры государственных чиновников. Выделены три основных группы — президентская (утверждаемые главой государства министры и их первые заместители, судьи, адмиралы и генералы), затем номенклатура премьер-министра, и далее местная — это назначенцы местных глав республик, краев и областей (Бабиченко, 1998).

Однако вопрос о властной вертикали в отношении региональных и муниципальных органов власти, относящихся к органам местного самоуправления, по-прежнему до конца не решен. Как известно, текст Конституции Российской Федерации и Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержат на этот счет противоречивые нормы. С одной сторо-

ны, статья 12 Конституции России подразумевает, что «Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (Конституция РФ, 1997, с. 6). С другой стороны, Закон предусматривает контроль государства за местным управлением в форме наделения его отдельными государственными полномочиями, как со стороны федеральных органов, так и со стороны субъектов федерации. Таким образом, закон трактует самоуправление как составной элемент общей системы государственной власти, а сами органы местного самоуправления выступают в роли «слуги двух господ» (Мачульская, 1996). Несоответствие данных отношений присущим политическому устройству нашей страны институциональным рамкам приводит к незатухающим конфликтам губернаторов и мэров, обозначившимся с начала перестройки. Распределение прав и ответственности между иерархическими уровнями управления также становится центральным вопросом при осуществлении социальной политики (Гонтмахер, 1999), установлении правил межбюджетных отношений (Кирдина, 1999в), законотворчества и т. д.

Наряду с укреплением доминирующего положения политических институтов X-матрицы продолжается модификация заимствованных институциональных форм — выборов, форм самоуправления и т. д. Они все более приспосабливаются к практическим потребностям управления, учитываются возникающие по ходу их реализации проблемы, постоянно совершенствуются и обновляются регулирующие их законодательные акты.

В ходе завершившихся в декабре 1999 г. выборов в 3-ю Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации, а также досрочных выборов президента России в мае 2000 г. активно проявили себя свойственные институциональной матрице нашего государства базовые институты назначения, по отношению к которым институт выборов является комплементарным. Свидетельством стала выраженная в ходе выборов массовая поддержка «назначенного» предыдущим президентом страны Б. Н. Ельциным своего будущего преемника В. В. Путина, который победил уже в первом туре голосования⁵. Такой поворот соответствует системе политических институтов X-матрицы: последующий глава государства назначается действующим лицом, а принцип единогласия воплощается через выборы, резуль-

⁵ Процедура поиска преемника не была простой. Сначала 23 августа 1998 г. президент России Б. Н. Ельцин, объявив об отставке правительства под руководством С. В. Кириенко и назначении премьер-министром В. С. Черномырдина, назвав его своим преемником на посту президента и кандидатом для президентских выборов 2000 г. Но поскольку Государственная Дума РФ кандидатуру Черномырдина не утвердила, он, пробыв две недели в статусе «исполняющего обязанности», был заменен Е. М. Примаковым, также человеком весьма немолодым. Поиски преемника продолжались, и 12 мая 1999 г. на должность премьер-министра был назначен и затем утвержден С. В. Степашин с аналогичным прицелом. Однако, не прошло и полгода, как в августе 1999 г. новым премьер-министром «с подачи» президента Ельцина был назначен В. В. Путин, которого затем в новогоднем обращении к народу страны Б. Н. Ельцин объявил своим преемником. Ельцин заявил о досрочном сложении собственных полномочий и предложил населению проголосовать за Путина на ближайших президентских выборах. С 31 декабря 1999 г. Путин был исполняющим обязанности президента РФ, 7 мая 2000 г. был избран, а через четыре года переизбран президентом России.

татом которых должно стать признание назначенного преемника всем населением страны⁶. Таким образом, в это период была найдена и прошла предварительную апробацию форма реализации базового института назначения и комплементарного по отношению к нему института выборов в отношении первого лица государства. Данный механизм стал использоваться в дальнейшем.

Другим свидетельством названной тенденции является персональный состав 3-й Государственной Думы 1999 г. — подавляющее большинство в ней составили нынешние и предыдущие «назначенцы» всех уровней — от муниципального до федерального. При этом наметилась тенденция перехода депутатов на работу в структуры исполнительной власти высших уровней. Таким образом, восстанавливалась практика «службы по выбору», характерная для России и отмеченная на страницах книги в главе 6 (параграф 6.4). Вновь стала проявляться функция выборных органов как отбора и поставщиков кадров в исполнительные органы государственной власти. Выборы стали играть корректирующую роль при назначении высших руководителей на их посты. Так, министр по делам национальностей, выставивший свою кандидатуру на выборах в Государственную Думу в декабре 1999 г. и набравший считанное число голосов, был затем снят со своей должности — выборы стали сигналом о том, что деятельность данного министра не поддерживается населением.

Доминирующая институциональная матрица нашего государства и свойственные ей базовые политические институты проявили себя также в характере судебной реформы. В конце 1996 г. был подписан Конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации». В соответствии с принятой ранее в 1991 г. Концепцией судебной реформы, закон реализовал записанный в Конституции России принцип отделения судебной власти от исполнительной и законодательной, закрепил самостоятельность судов, а также независимость, несменяемость и неприкосновенность судей. Но анализ практики 1990-х годов выявил отличия от первоначального замысла.

Во-первых, действовал и продолжает действовать принцип назначения руководителей федеральных судов — председатели Верховного и Высшего Арбитражного судов назначаются Советом Федерации по представлению президента. Судьи этих судов обязаны своими назначениями председателю суда, поскольку он делает на них представление президенту (Афанасьев, 1999, с. 99). Во-вторых, не стал нормой принцип гражданского самоуправления в организации системы мировых судей. Анализируя закон 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации», специалисты отмечали, что в нем речь идет, по сути, о формировании еще одной государственной судебной инстанции, т. е. о судьях местных, но не мировых (там же, с. 101). В-третьих, в отличие от практики западных стран, судебные решения не имеют у нас силы юридического прецедента, т. е. на их основе не вносятся изменения в законодательство (там же, с. 109). Хотя российские суды, наряду с президентом, правительством и депутатами всех уровней имеют право законодательной

---

⁶ Известно, что в Мексике, где также доминируют институты Х-матрицы, выборы нового президента аналогично носят характер плебисцита в отношении назначенного действующим президентом страны преемника (Ворожейкина, 2010).

инициативы, но на общих основаниях. Наконец, «одним из противоречивых вопросов, относящихся к институционализации системы органов государственной власти субъектов РФ, является вопрос о том, входят ли в нее судебные органы. Конституция РФ умалчивает об этом и не содержит нормы, посвященной судебной системе субъектов Федерации. Судостроительство в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ отнесено к ведению РФ...» (Нарутто, 1999, с. 33). В связи с этим, а также на основе анализа конституций и уставов субъектов РФ юристы нередко полагают, что с точки зрения западных стандартов «фактически единой судебной системы в России нет» (там же).

Таким образом, выявилось, что реальное развитие судебной системы не совпало с тем проектом, который был заимствован из практики стран с иным устройством политической системы. Содержание судебной реформы самой жизнью «приводится в соответствие» с природой доминирующей институциональной матрицы. Свидетельством этого является развитие многообразных институциональных форм, в которых реализуется свойственный российскому обществу базовый институт обращения по инстанциям X-матрицы — аналог института судебных исков в Y-матрице.

Развитие института обращений в постсоветской России подробно рассматривалось в главе 6, параграфе 6.2. Здесь можно отметить, что, хотя о развитии этого института не говорили так много и громко, как о развитии судебной системы, предпринимались многочисленные шаги по его развитию. Так, проявлениями данного института служат общественные приемные, открываемые на выборах кандидатов на высшие посты различных уровней власти — от мэра до президента. Основной функцией этих приемных, ставших нормой политической жизни, является сбор жалоб и обращений избирателей. В ряде случаев эти приемные продолжают свою работу и после окончания выборов.

Институт обращений по инстанциям приобрел новые формы своей реализации, восстанавливающее его значение в функционировании управленческой структуры и политической системе. С конца 1990-х годов в нормативных документах, определяющих деятельность органов государственного управления, важнейших хозяйственных структур и т. д. обязательно прописан порядок приема обращений (предложений, заявлений и жалоб) от различных социальных субъектов, предусмотрена ответственность по ним. Для примера приведена схема, на которой обозначен порядок работы с обращениями граждан в Управлении президента Российской Федерации (рис. 32). Регулирующие этот порядок конкретные нормы составляют основу аналогичных норм в системе политических и экономических органов власти современной России.

На схеме можно видеть, что поступающие обращения направляются не только непосредственно президенту, но передаются в средства массовой информации, особенно в случае, если заявление имеет важное общественное значение, а также в информационный фонд, который распределяет поступающие сигналы в иные федеральные и региональные органы власти, где обращения должны быть рассмотрены. Включение средств массовой информации в правовой порядок рассмотрения обращений модернизирует институциональную форму, соответствующую данному

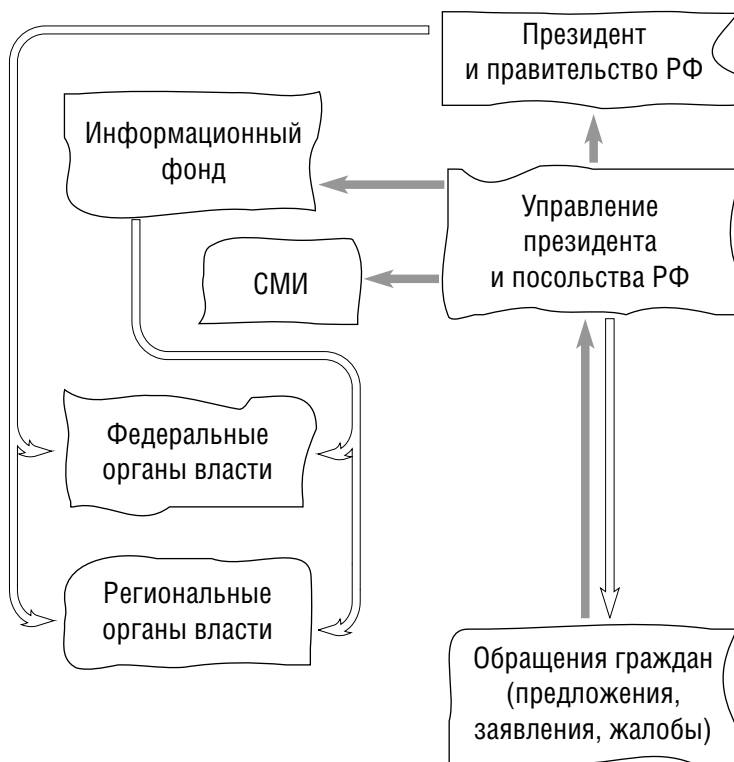

Рис. 32. Порядок работы с обращениями граждан в Управлении Президента Российской Федерации

института, на новом этапе развития страны. Заявителям направляются ответы по поводу рассмотренных обращений. В случае необходимости президент направляет поручения рассмотреть поступивший сигнал находящимся в подчинительной зависимости федеральным и региональным властям.

Восстановление роли института обращений воплощает также характерная для России форма деятельности руководителей разного уровня иерархии «советоваться с народом». Целью таких встреч высшего руководства с представителями тех или иных социальных групп является корректировка принимаемых решений по самым разным вопросам. Ушедшая в тень в ходе перестройки, эта форма вновь активизировалась на втором этапе институциональных преобразований в современной России. С 1999 г. встречи президента с представителями основных социальных групп — женщинами, бизнесменами, представителями средств массовой информации, спортсменами, учеными, студентами стали регулярной практикой руководства. С 2001 г. берет свое начало история «прямых линий» первого лица РФ — президента для непосредственного диалога с народом страны, использующая основные российские каналы теле- и радиосвязи. Если на первом «Разговоре с В. Путиным» 24 декабря

2001 г. было задано более 2 млн. вопросов, из которых президент ответил на 46, то на «Прямой линии» 25 апреля 2013 г. от граждан поступило более 3 млн. вопросов, из них на 85 был дан ответ в прямом эфире.

Другим проявлением данного института являются участвовавшие поездки представителей высшего руководства по регионам страны с целью инспекций, т. е. выявления основных проблем, и сбор «на местах» непосредственных обращений населения и местных руководителей об имеющихся проблемах. Наконец, вновь воссоздается практика создания Советов по самым разным вопросам и на самых разных уровнях — от Государственного Совета при президенте или Совета по пенсионной реформе до реорганизации Российского союза промышленников и предпринимателей на всех уровнях. Их создание обусловлено не только действием института обращений, но и действием института общих собраний и единогласия, без которого невозможно эффективное функционирование политической системы в унитарно-централизованном государстве.

Распад административной системы управления, осуществлявшей прием обращений и жалоб через свои региональные подразделения, компенсируется созданием иного рода организаций, служащих этим целям, по инициативе снизу. Примером являются межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия, представляющие собой добровольные объединения республик, краев, областей и автономных округов и республик. К середине 1990-х годов было создано 8 таких ассоциаций, объединяющих регионы центральной России, Черноземья, Северо-Запада, Северного Кавказа, Приволжских территорий, Урала, Сибири и Дальнего Востока и Забайкалья. Созданные первоначально с целью горизонтальной кооперации регионов, они, как свидетельствует опыт, стали активно выполнять функцию подачи коллективных обращений от региональных руководителей высшим правительственным чиновникам, обязательно присутствующим на регулярно проводимых встречах ассоциаций. Выступая перед федеральными органами совместно в рамках единой организации, региональные руководители усиливают вес своих обращений, заявок и предложений.

Подытоживая приведенные факты, можно сделать вывод о том, что в политической сфере российского общества с конца 1990-х годов все более доминируют исторически свойственные стране базовые институты Х-матрицы, а комплементарные институты занимают соответствующее им подчиненное положение.

В идеологической сфере с начала 2000-х гг. также происходят изменения. Пик приверженности индивидуалистским ценностям, как показывают некоторые данные социологических исследований, был пройден. Так, уже упоминавшийся индекс индивидуализма, измеренный по методике Г. Хофстеде, уменьшился среди российских студентов с 53 в 2001 г. до 45 в 2004 г. (Латова, Латов, 2007). Кроме того, большинство современных работников разделяли ценности коллективизма, и их доля практически не уменьшалась. Так, исследование Е. А. Гулянской, посвященное изучению организационной культуры, показало, что большинство респондентов по-прежнему идентифицирует себя с коллективистами (63 %), и лишь 37 % — с индивидуалистами (Гулянская, 2008, с. 194).

В целом имела место следующая динамика ценностных ориентаций населения. Как свидетельствовали данные массовых опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» и другими научными центрами (Пантин, Лапкин, 1999, с. 148–160), здесь выделяются три этапа. С 1990 по 1993 г. наблюдался рост ценностей свободы, демократии, прав человека, в то время как значение идеологических ценностей, характерных для советского периода — интернационализма и коллективизма — падало. Во втором периоде (1994–1997-е гг.) характерными чертами были доминирование деидеологизированных ценностей — семьи, безопасности, труда, порядка и т. п., а также ценностное размежевание между элитными и массовыми группами. Третий период, начало которого фиксируется с 1997 г., отличается оживлением в широких слоях населения российского общества ценностей, связанных с государственным патернализмом, признанием роли государства как единственной силы, обеспечивающей порядок и само функционирование экономики, восстановлением в модернизированном виде ценностей советского варианта.

В конце 1990-х годов граждане, ориентированные на традиционные русские и советские ценности, а также на прагматическое сочетание традиционных и западных ценностей при главенстве русских традиций, составляли от 70 до 85 % (Пантин, Лапкин, 1999, с. 158). При этом доминирование коллективистских ценностей вновь стало характерным для всех возрастных групп российского населения. «Хотя современное молодое поколение, судя по массовым опросам, отличается большей интернальностью, т. е. опорой на собственные силы, конкурентоспособностью, инновативностью, демократизмом, ценности коллективизма и взаимосоотрудничества остаются здесь столь же выраженными, что и у старших» (Ядов, 1999, с. 72). «Спасутся все или никто» — осознание этого факта, вытекающее из принципов взаимной солидарности и коллективизма, распространяется в среде научной общественности и политических кругах (Львов, 2000, с. 7). Возрождение коллективистских ценностей и признания главенствующей роли государства в общественной жизни, сопровождаемое осознанием необходимости воссоздания национальной солидаризирующей идеи, отражает восстановление доминирующей роли базовых институтов коммунитарной идеологии.

Соответственно стали меняться контуры системы ценностей, которая может быть принята в качестве общественного консенсуса. Если на первом этапе институциональных преобразований несомненной доминантой предлагались права и свободы личности, то на втором этапе встала задача поиска новой адекватной реалиям страны национальной идеи. Практически все политические силы страны оказались едины в том, что эта идея не может быть заимствована, а должна быть выработана на российской почве. Признанием этого явились лозунги предвыборной думской кампании 1999 г. Все победившие в ходе этой борьбы политические объединения, преодолевшие 5%-й барьер — Коммунистическая партия Российской Федерации, «Единство» («Медведь»), «Отечество — Вся Россия», Союз правых сил, Блок Жириновского и «Яблоко» — в той или иной форме провозгласили необходимость объединения граждан и опору страны на собственные силы.

Отсутствие новой консолидирующей идеи — ее поиски продолжаютсЯ до сих пор в 2013 г., — по-прежнему служит препятствием выделения в стране так называемого среднего класса. Его основной функцией (помимо массового потребления) является роль культурного интегратора, а это с необходимостью требует наличия комплекса общественно признанных норм, ценностей и моделей поведения (Попова, 2000). С точки зрения теории институциональных матриц этот комплекс не может не базироваться на исторически присущих стране институтах коммунитарной идеологии, но выражающие его «идеологические слоганы» еще не сформулированы и не овладели массовым сознанием.

«Социальное государство» стало одной из ценностей, тестируемых на статус национальной идеи. Материалы социологических опросов показывали: представления о том, что «власть должна заботиться о людях», устойчиво доминирует в общественном сознании (табл. 5).

Таблица 5

На каком из следующих принципов, на Ваш взгляд, должно быть устроено общество, в котором Вы хотели бы жить?

	Ноябрь 2001	Февраль 2006	Декабрь 2006	Декабрь 2007	Декабрь 2010
Власть должна заботиться о людях	66	68	74	66	65
Люди должны иметь возможность добиваться от власти того, что им нужно	33	28	21	30	29
Затрудняюсь ответить	3	4	5	4	6

Источник: Левада-центр. Пресс-выпуск 14.01.2011. О взаимоотношениях власти и общества.

С 2001 г. ответы на вопрос о том, какие принципы устройства общества являются для россиян наиболее желательными, показывают устойчивую тенденцию: две трети полагают, что власть должна заботиться о людях, и не более трети считают, что люди должны сами добиваться от власти того, что нужно.

Таким образом, второй этап преобразований отличается сменой вектора в сторону развития институциональных форм, свойственных базовым институтам X-матрицы во всех основных сферах общественной жизни — экономике, политике и идеологии. Проявилось качественное своеобразие общественной системы России, развивающейся в условиях преимущественно коммунальной производственной и социальной инфраструктуры. Оценки целесообразности прямых институциональных заимствований из опыта западных стран стали более сдержанными. Общество переориентируется на самостоятельную выработку таких норм и правил, которые,

в конечном счете, отвечают природе его институциональной матрицы. Этот сложный процесс продолжается.

Дополнительным свидетельством смены вектора преобразований служит активизация с 2000-х гг. институциональных обменов со странами, имеющими в своей основе ту же X-матрицу, что и Россия. Это выражается в усилении наших политических и экономических контактов на Востоке, прежде всего, с бывшими азиатскими советскими республиками, Китаем и Индией, странами Юго-Восточной Азии⁷. Также в этот период активизировались международные контакты с этой группой стран на парламентском уровне. За период 2004–2008 гг. у партии «Единая Россия» были подписаны соглашения с партиями из Японии, Китая, Монголии, стран СНГ и Латинской Америки (<http://www.edinros.ru/rubr.shtml?110112>). Тем самым определяется сфера поиска институциональных образцов и осознается значение опыта этих стран для развития России. Особое значение для России может иметь, на мой взгляд, опыт Японии: еще 40 лет назад Т. Парсонс писал, что эта страна «может стать моделью модернизирующихся незападных обществ» (Парсонс, 1998/1971, с. 182).

Доминирование институциональных обменов со странами, где доминирует та же матрица, свидетельствует, как отмечалось в главе 9, о переходе к стабильной фазе общественного развития.

В предыдущем издании книги 2001 г. данная глава 10 была заключительной. В ней после анализа институциональных преобразований 1990-х-начала 2000-х гг. были сделаны прогнозы относительно того, что ждет Россию в перспективе.

Я не согласна с Карлом Поппером, который считал ошибочной «веру в то, что задачей социальных наук является обнаружение законов эволюции общества для того, чтобы предсказывать будущее» (Popper, 1964, p. 106). На мой взгляд, иной более важной, интересной и увлекательной задачи у общественной науки нет. В свое время Нильс Бор сказал: «Предсказывать очень трудно, особенно предсказывать будущее». Однако в науке именно объяснительные и прогностические способности той или иной концепции доказывают, в конечном счете, ее состоятельность. Лозунг, заявленный еще при основании социологической науки О. Контом *savoir c'est pouvoir* (знать, чтобы помочь) также предполагает необходимость конкретных выводов из теоретических или эмпирических исследований. Поэтому в 2001 г. в заключении главы было предложено авторское видение будущего развития России, сформированное в результате приложения разрабатываемой теории институциональных матриц к наблюдаемым фактам трансформации российского общества 1990–2000-х годов.

Спустя более чем десятилетие оказалось интересно проверить, насколько оправдались эти прогнозы. Поэтому я оставляю тот текст, который был написан более 10 лет назад, без содержательных изменений, но дам к нему последовательные комментарии в скобках с пометкой: *факт 2013*. В них будет отражено то, что уже сделано в том направлении, которое прогнозировалось в 2001 г. Прогнозы носили качествен-

⁷ О создании экономических и политических союзов России на постсоветском пространстве и в рамках БРИКС см. далее в главе 11.

ный характер. Для их проверки использовался анализ принятых законов и постановлений правительства федерального уровня.

В 2001 г. предполагалось, что перспективы институциональных преобразований в России будут состоять в продолжении наметившихся с конца 1990-х годов тенденций.

В экономике основные общественные усилия все более будут направляться не столько на программы приватизации, сколько на выработку эффективных моделей функционирования государственной собственности. С одной стороны, здесь будет продолжен поиск эффективной конфигурации государственной собственности, определение принадлежности различных производственных и социальных объектов федеральному, региональному или муниципальному уровням государственного управления, с уточнением их прав и ответственности

(факт 2013: действительно, с 2007 г. появилась новая организационно-правовая форма — государственные корпорации, их анализ см. Кирдина, 2008; Kirdina, 2010. Ввиду значимости новой формы в разрезх российской статистики по структуре форм собственности с 2010 г. «собственность госкорпораций» выделяется отдельной строкой).

С другой стороны, во всех сферах будет расширяться действие новой модели управления в виде договоров (контрактов). Договорные отношения постепенно будут заменять экономически неэффективную и социально устаревшую административно-командную модель управления экономикой. Впервые значение договорной управленческой модели было отмечено уже в 1995 г. (Бессонова, Кирдина, 1995). Новая складывающаяся управленческая модель получила также название договорного, или трансактивного планирования (Казанцев, 1997). В отличие от так называемых «встречных планов советской эпохи», трансактивное планирование предполагает наличие договора, равноправие контрагентов в отношениях предприятие-государство и конкурс в поиске исполнителя контракта.

(факт 2013: 5 апреля 2013 г. принят Федеральный закон РФ N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Он «регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности ..., обеспечения гласности и прозрачности..., предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок». Таким образом, созданы законодательные основы «договорной управленческой модели» во взаимодействии государственных структур с экономическими контрагентами.

факт 2013: 21 ноября 2012 г. Государственной Думой РФ принят в первом чтении внесенный правительством законопроект «О государственном стратегическом планировании». Он определяет основные принципы и содержание деятельности по организации государственного стратегического планирования ... и бюджетной политики, а также <соответствующие> полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций»).

Определение структуры государственной собственности и внедрение описанной модели договорного управления является первым направлением дальнейших институциональных преобразований в экономике.

Другим, не менее важным направлением, продолжает быть поиск оптимального соотношения между государственными и негосударственными структурами, определение и закрепление ниш для рыночных, частных форм, а также мер государственного регулирования их деятельности. Наличие частных собственников, вернее, коммерческих структур, в отраслях хозяйства составляет важную черту современного и перспективного этапа институциональных преобразований российского государства. Только в этом случае возможно сравнение эффектов институциональных форм, характерных для институтов частной и общей собственности, предотвращение затратного характера экономики и осознанное совершенствование институциональной экономической структуры. Коммунальный характер материально-технологической среды в России, определяющий невозможность тотальной приватизации хозяйства, не снимает задач поиска эффективного сочетания разнообразных форм собственности и развития соответствующих хозяйственных механизмов.

(Факт 2013. 26 апреля 2013 г. Госдума РФ приняла в первом чтении правительственный законопроект о государственно-частном партнерстве. На уровне регионов такие законы приняты в 69 субъектах РФ. Первый был принят в 2006 г.: закон от 25.12.2006 № 627–100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» ...).

В политической сфере перспективы институциональных преобразований состоят в дальнейшей модернизации властной иерархической вертикали и разумном перераспределении полномочий, прав и ответственности между уровнями управления — от федерального до муниципального. При этом основу такого перераспределения составляет и будет составлять договорный процесс, предусматривающий добровольное согласие всех участников и соблюдение их прав и интересов.

(Факт 2013: В Бюджетном послании президента России Федеральному Собранию РФ (Бюджетное послание ..., 2007) было обозначена необходимость реформы межбюджетных отношений, чтобы законодательно закрепить полномочия между уровнями публичной власти и бюджеты всех уровней бюджетной системы.

Факт 2013: Распоряжением правительства РФ от 8 августа 2009 г. N 1123-р была одобрена Концепция межбюджетных отношений и организации бюджетного процесса в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до 2013 г. В ней были подведены итоги предыдущей работы по развитию бюджетного процесса и зафиксировано создание законодательной базы разграничения расходных полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Также была скорректирована дальнейшая программа в связи с кризисом 2008 г.).

Другим направлением является осуществление мер государственного контроля за ходом выборов и создание механизмов, позволяющих оптимально сочетать выборное и назначенческое начало в кадровой политике.

(Факт 2013: В 2003 г. была разработана, а в 2004 г. прошла приемочные испытания вторая очередь Государственной автоматизированной системы (ГАС) «Выборы». Она позволяет в режиме он-лайн обрабатывать результаты голосования на выборах любого уровня. В 2012 г. во время выборов президента РФ все избирательные участки были оборудованы видеокameraми с целью уменьшить фальсификации в ходе выборов. Эту практику предложено сделать постоянной).

Факт 2013: В 2004 г. после теракта в Беслане прямые выборы глав региональных субъектов были отменены и заменены президентскими назначениями. Однако в апреле 2012 г. Госдума приняла закон о возвращении выборов губернаторов. Законом одновременно установлен так называемый «президентский фильтр»: предложения о кандидатурах на должность высшего должностного лица субъекта РФ предварительно вносятся президенту, который после консультаций представляет рассмотренных кандидатов для избрания на должность).

Также будет продолжен поиск компромисса при определении границ функционирования судебной системы нашего государства. Принцип полного разделения властей в его чистом виде оказывается неработоспособным в наших условиях, что ставит задачу поиска собственных адекватных решений. Прежде всего, они будут связаны с модернизацией системы сбора и обработки обращений, являющихся основным сигнальным механизмом регулирования политической сферы.

(факт 2013: 2 мая 2006 г. был принят Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Через 7 лет, 18 мая 2013 г. в статью 1 этого закона были внесены изменения. Они распространили его действие на обращения объединений граждан, включая юридических лиц, не только в органы государственной власти и местного самоуправления, как было ранее, но и в государственные или муниципальные учреждения и иные организации, осуществляющие публично значимые функции. Таким образом сфера действия института обращений по инстанциям была существенно расширена).

Факт 2013: С 2000 гг. в управленческую практику стали внедряться телефоны «горячих линий», с 2005 г. начали функционировать «электронные приемные» всех органов исполнительной власти — от президента до муниципальных органов, принимающие обращения по электронной почте и в режиме он-лайн. Появилась новая форма общественных слушаний с целью обсуждения возможных экологических последствий намечаемой хозяйственной деятельности на прединвестиционной стадии и ранних стадиях инвестиционного процесса. Слушания стали обязательной нормой на уровне регионального и местного законодательства. В мае 2013 г. премьер-министр Д. А. Медведев подписал постановление о публичном аудите госинвестиций, что стало еще одной формой участия граждан в процессе принятия решений и проявлением института обращений).

В идеологической сфере формирование национальной идеи из лозунга становится задачей конкретных научных коллективов и деятелей культуры. Эта тема широко обсуждается в средствах массовой информации. С одной стороны, такая идея должна выражать свойственные коммунистической идеологии институты коллективизма, порядка и эгалитаризма. С другой стороны, она не может не быть новой по форме, современной, принимаемой основной массой российского населения. Обсуждавшаяся в начале 2000-х гг. доктрина субсидиарного государства, содержащая в себе нормы доминирования государства-целого, но включающая известные компоненты субсидиарной идеологии — один из возможных вариантов перспективной национальной идеи. Независимо от того, какая именно идея займет господствующее положение в общественном сознании, ее окончательная формулировка и массовое приятие населением станет свидетельством интеграции экономических, политических и идеологических институтов российского общества на новом этапе его развития.

(факт 2013: Поиски национальной идеи, способной интегрировать российское общество, продолжаются. В ее основу предлагалось положить идею «суверенной демократии», введенную в оборот в 2005–2006 г. заместителем руководителя президентской администрации. Она являлась одной из главных идеологией на думских и президентских выборах в России 2007–2008 гг. Идея не получила популярности. Идеологический тезис «Россия как гражданское общество», продвигаемый либерально настроенной частью населения, также не стал массовой ценностью. В последние годы чаще звучит термин «гражданское участие», в том числе и в послании президента Федеральному собранию в декабре 2012 г. (см. также Кирдина, 2012). Тем самым население не противопоставляется власти как «отдельное общество», а подчеркивается совместный характер деятельности всех социальных групп. Незавершенность поисков актуальной национальной идеи свидетельствует о незаконченности этапа институциональных преобразований. Когда «новое слово будет найдено», тогда завершится переходная фаза к тому состоянию, которое, видимо, будет обозначаться этим словом).

Одновременно во всех названных общественных сферах — в экономике, политике и идеологии, — очевидно происходит расширение «правового поля», соответствующего природе нашего государства. Давно отмечено, что «самое «право» не есть нечто само для себя и само по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно видеть свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и идее высшей нравственной справедливости» (Аксаков, 1886, с. 20). Право представляет собой форму артикуляции жизненно важных общественных принципов, признаваемых социумом и задающим границы социального поведения («Где нет закона, нет и преступления»). Если в ходе первого этапа реформ 1990-х годов во всех сферах общества происходило складывание тех норм и принципов, которые наиболее адекватны «жизни и идее нашего общества», то на втором этапе они получают свое общественно признанное, т. е. правовое оформление.

(Факт 2013: Законодательная правовая среда становится все более «плотной». К настоящему времени приняты основные Кодексы, регулирующие отношения во всех значимых сферах общественных отношений (Трудовой, Бюджетный, Налоговый, Уголовный, Земельный, Водный и т. д.). Ежегодно возрастает число принимаемых федеральных законов. При этом если в 1990-е гг. доля новых законов составляла более 60 %, то после 2010 г. — около 30 % (Кирдина, Рубинштейн, 2013). Таким образом, в последние годы идет уточнение законодательства, т. е. принятие поправок и дополнений в действующие федеральные законы. Одновременно в сфере принятия законов отчетливо наблюдается эффект «возрастающей отдачи» — несмотря на рост числа законов, сроки их прохождения в Госдуме сокращаются: от 664 дней в среднем в 1994–1995 гг. до 122 дней — в 2012 г. (там же). Одновременно наблюдается рост числа принимаемых «подзаконных актов» — указов президента, актов правительства, распоряжений министерств и ведомств).

Подводя итоги, можно видеть, что в целом сделанные на качественном уровне прогнозы сбылись. По-видимому, теория институциональных матриц, или X-Y-теория оказалась в состоянии представить научные средства для осознания и прогнозирования происходящих в институциональной среде изменений. Следующая задача, решение которых находится уже за пределами настоящей книги, состоит в разработке количественных методик институционального анализа на основе предложенной теории.

Эволюция действует в полярностях. Существованию нужны полярные противоположности — мужчина и женщина, жизнь и смерть, любовь и ненависть — чтобы создать движение; иначе будет только молчание.

Ошо

Динамика современного мира в зеркале теории институциональных матриц, или X-Y-теории

Одним из направлений критики теории институциональных матриц уже много лет является ее якобы статичный характер. В значительной мере такое понимание спровоцировано тем, что объектом исследования в X-Y-теории выступают устойчивые матричные структуры, а в качестве одного из социологических оснований построения теории предъявлен структурный функционализм Т. Парсонса (который, кстати, тоже часто критиковался за нединамичность своего подхода вопреки его постоянным разъяснениям о том, что это не так). Рассматриваемые в теории институциональных матриц особенности и источники институциональных изменений, как и в книге 2001 г., уже изложены в главе 9. В то же время при подготовке 3-го переиздания написаны две новые главы с целью дать более развернутый ответ на этот и другие вопросы. В качестве ответа представлены некоторые новые гипотезы и результаты, полученные за прошедшие годы. В данной главе обсуждаются глобальные институциональные циклы и динамика соотношения институциональных матриц внутри государств с целью формирования адекватного внешним и внутренним вызовам институционального баланса.

11.1. Глобальные институциональные циклы и устойчивость биполярности

Категория биполярности (если не принимать во внимание использование этого термина в естественных науках) наиболее часто применяется в такой отрасли социальных наук, как глобальные исследования. В них биполярность означает разделение сфер влияния, наличие полюсов экономической и политической

силы в виде двух государств или групп стран, вплоть до создания внутри каждого полюса военно-политических союзов и выстраивания барьеров между ними. Биполярность с этой точки зрения — одна из возможных тенденций международной системы развиваться вокруг двух полюсов влияния. Известный американский дипломат и лауреат Нобелевской премии мира Генри Киссинджер выделял в этой связи три возможных тенденции. Он полагал, что мир может быть однополярным с гегемонией одного глобального игрока, биполярным или пребывающим в состоянии политического хаоса (Киссинджер, 1997). Ряд исследователей с таким хаосом отождествляют так называемую многополярность, полагая ее переходной фазой от однополярного к биполярному миру (Арин, 2001), хотя тезис о многополярности современного мира по-прежнему имеет немало поклонников у современных исследователей, среди которых А. Г. Дугин, Г. А. Зюганов, W. Brown, D. Murray, S. Turner etc.

Что касается однополярности, то сторонники такого представления о структуре международных отношений опираются на известный тезис Ф. Фукуямы о наступлении «конца истории» в связи с победой институтов и ценностей западного либерализма во всем мире. Например, А. Л. Страус утверждает, что «униполярность представляет собой конечную точку эволюции», а наступление эпохи однополярного мира просто «отмечено печатью неизбежности» (Страус, 1997, с. 27).

В свою очередь, группа сторонников биполярности не является однородной. Здесь представлены различные позиции. Так, В. П. Кирсанов полагает, что биполярность существовала лишь во времена противостояния СССР и США, во времена Холодной войны, то есть во второй половине XX века. По его мнению, «ничего подобного противостоянию этих полюсов не случилось в истории международных отношений ни XIX в., ни в более ранний период. И ничего похожего не предвидится в будущем» (Кирсанов, 2009, с. 137).

Другая точка зрения заключается в том, что биполярность характеризует прежде всего текущую ситуацию. Так, А. Г. Яковлев, работающий в Институте Дальнего Востока РАН, отстаивает тезис о том, что в современном мире есть два четких полюса, причем один полюс (Запад) является монолитным, а другой весьма рыхлым, состоящим из автономных компонентов, куда входят Россия, Китай и Индия (Яковлев, 2000).

Третья точка зрения представлена в работах известного историка В. Б. Тихомирова. На его взгляд, «на глобальном уровне мировая общественная система всегда была и остается в первом приближении биполярной, что проявляется в ее структурно-инварианте». По мнению ученого, однополюсность вообще противоречит законам природы. Мир просто обречен быть биполярным, ибо полюса «должны дополнять друг друга в рамках единства противоположностей» (Тихомиров, 1997, с. 54–55).

Мое понимание биполярности ближе всего именно к данной позиции. В то же время в рамках сравнительного институционального анализа, а именно, X-Y-теории, биполярность понимается несколько иначе, чем в представленных выше геостратегическом и геополитическом подходах, а также в иных, таких как цивилизационный, мир-системный (Э. Валлерштайн), технократический и др. подходы.

В данном случае биполярность означает постоянную представленность в мировом масштабе двух групп стран и государств, отличающихся доминированием либо X-, либо Y-матрицы. При этом речь не идет о политическом противостоянии, «антагонизме жизненных интересов» или идеологической борьбе двух групп стран, но об их взаимодействующем сосуществовании. Характер этого сосуществования (дружественный, противодействующий или иной) определяется причинами, выходящими за рамки теории институциональных матриц.

Однако, оставляя в стороне вопрос о способах сосуществования так называемых X- и Y-стран (т. е. стран, где устойчиво доминирует та или иная институциональная матрица), можно попытаться, тем не менее, определить масштабы их соотношения в разные исторические периоды. Часто цифры оказываются информативнее многословных объяснений. «Потому что все оттенки смысла Умногое число передает», писал поэт Николай Гумилев в знаменитом стихотворении «Слово» (Гумилев, 1995/1921). В качестве обобщающего показателя «мощности» каждой страны был выбран уровень валового внутреннего продукта (ВВП), производимого тем или иным государством в течение года. Сопоставительная динамика суммарных выпусков ВВП группами X- и Y-стран может рассматриваться в качестве первого приближения искомого соотношения.

Необходимость анализа долгосрочной динамики потребовала обращения к базе данных, обобщающей основные экономические показатели большинства стран за предыдущие столетия. Таким источником стала известная база данных Мэддисона⁸ (Maddison Database, 2010), или таблицы Мэддисона, где представлена многолетняя динамика сопоставимых уровней ВВП ряда стран до 2008 г., измеренного в млн. Geary-Khamis долларов 1990 г.

Предстояло решить три задачи: 1) выбрать период анализа, 2) сформировать и обосновать выборку стран с доминированием X- и Y-матриц и 3) провести собственно расчеты.

Во-первых, оказалось, что представленные в базе данные с XII в. до 1820 г. разрозненны и неполны — они охватывают лишь небольшой круг стран, что не позволяет провести убедительных сопоставлений за этот период. Поэтому за начальную точку отсчета принят 1820 г., начиная с которого в базе имеются данные по достаточно широкому кругу стран, что позволяет сформировать представительную выборку для решения поставленной задачи.

Во-вторых, к странам с доминированием институциональной X-матрицы отнесены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи (поскольку Россия в представленной базе отдельно не выделялась до 1920-х гг.). К странам с доминированием Y-матрицы отнесены 12 западноевропейских

⁸ Ангус Мэддисон (1926–2010), заслуженный профессор факультета экономики университета в Гронингене (Нидерланды), посвятивший свою жизнь созданию базы данных об экономическом развитии государств, начиная с XII века. Его данные имеют высокую репутацию в научном мире и часто используются многими специалистами при проведении исторических межстрановых сопоставлений. В настоящее время работы по поддержанию базы данных выполняют участники «Проекта Мэддисона», созданного после его смерти (<http://www.ggdc.net/maddison/test/maddison-project/>).

стран, включая Австрию, Бельгию, Великобританию, Германию, Данию, Италию, Нидерланды, Норвегию, Финляндию, Францию, Швецию, Швейцарию и, а также 4 западных страны за пределами Европы — Австралия, Новая Зеландия, Канада и США. Входящие в выборку страны производили и производят не менее 75% мирового ВВП, что делает ее вполне репрезентативной для анализа процессов на глобальном уровне.

При формировании выборки учитывались два главных фактора: *самоидентификация* рассматриваемых стран и специфика *института собственности*. Первый фактор важен потому, что отражает независимую от наблюдателя характеристику. В свою очередь, второй фактор напрямую связан со спецификой доминирующей институциональной матрицы. Ранее в главе 8 говорилось о том, что институты в матрице связаны морфологически, т.е. представляют собой разные стороны единого целого, каждый из институтов той или иной матрицы несет на себе «отблеск», отпечаток всего набора образующих ее институтов. Поэтому какой бы из характерных институтов X- или Y-матрицы мы не взяли, он дает основания судить о специфике всей матрицы в целом.

Первый из факторов, т.е. самоидентификация, достаточно очевидно обособляет включенные в выборку страны с доминированием Y-матрицы. Каждая из них осознает себя частью так называемого западного мира, в том числе и такие бывшие колонии Великобритании, как Австралия и Новая Зеландия.

Выделение стран с доминированием X-матрицы в представленной выборке также достаточно определенно обособляет их как страны с иным, «незападным» генетическим кодом. Япония, как уже отмечалось ранее, рассматривается японскими и зарубежными исследователями как страна, которая, обратившись к применению западных технологий, сохранила свои коммунитарные социокультурные основы, которые непонимающим Западом всегда рассматривались как препятствия на пути перехода этих стран к современному состоянию (Федотова, 1997, с. 71). Несмотря на свою включенность в «пул» развитых стран, Япония позиционирует себя как государство, в отношении которого западные описания часто неверны. Социолог Ейко Икегами для описания развития социальных процессов в Японии использует специальную категорию *not-axial modernity* (не-осевая модернизация), что нашло отражение в его докладе на Мировом социологическом конгрессе в Швеции в 2010 г. (Кирдина, 2010, с. 164). Бразилия сама называет себя «незападным» государством, а зарубежные обозреватели, более того, полагают, что ее надо считать «коммунистической» страной (Trevor, 2010). Доминирование X-матрицы в Китае выражается его конфуцианской древней историей, коммунистическим прошлым и социалистическим настоящим. Индия, несмотря на долгие годы Великобританского владычества и внедрение английского в качестве государственного языка, также по-прежнему ассоциирует себя с Востоком, а не Западом. Принадлежность России к странам с доминированием X-матрицы подробно была рассмотрена в предыдущей главе 10.

Второй из факторов характеризует структуру собственности в выбранных странах. Доминирование частной собственности как основополагающего института Y-экономики исторически характерно для Австрии, Бельгии, Великобритании,

Германии, Дании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Франции, Швеции, Швейцарии, а также Австралии, Новой Зеландии, Канады и США. Для них очевидным является различие двух главных форм собственности — частной и публичной, находящейся под управлением соответствующих уровней государственной власти — от федерального до муниципального.

Однако в странах с X-матрицей, которые, как правило, заимствуют «общемировую» правовую кодификацию из западных стран, такое разделение часто затруднено. Очевидно, что верховная условная собственность не ложится в «прокрустово ложе» чуждых ей категорий. Поэтому косвенным указанием на то, что этот вид собственности действует в выбранных нами странах, является невозможность напрямую использовать юридическую кодификацию с разделением на частную и публичную формы собственности⁹. Во всех государствах, включенных в выборку X-стран, можно видеть эту особенность.

Рассмотрим сначала структуру собственности в России, подробно проанализированную в Кирдина, 2013а. В современной ее структуре, помимо частной и государственной форм собственности, выделяются еще 22 вида. Укрупненная группировка форм собственности, наряду с частной и государственной, включает в себя муниципальную, смешанную российскую, совместную российскую, затем иностранную собственность, а с 2010 г. — также собственность государственных корпораций.

Неоднозначность группировок форм собственности в России имеет долгую историю и отражает нерешенность одной из важнейших проблем отечественной цивилистики (гражданского права) — понимания сути юридических лиц. Как пишут современные учебники по теории гражданского права, в России «вопрос о сущности юридического лица так и остается открытым» (Статус юридических лиц, 2006, с.6). Более того, авторы отмечают, что в этом вопросе в отечественной цивилистической науке не наблюдается, к сожалению, существенного продвижения (Толстой, 2000, с. 103).

Основные сложности связаны с сохраняющейся невозможностью четко обособить хозяйственные и имущественные права того или иного субъекта от государственного участия. В мировой практике западных стран распространены теории юридического лица в качестве обособленного имущества. Если владельцами имущества той или иной юридической формы являются частные лица, то такие юридические лица формируют частных (*private*) собственников. Если владельцы — органы государственного управления разных уровней (от верхнего, федерального до нижнего, местного), то такая собственность является государственной (*government*), общественно управляемой. Но в России на протяжении всей ее истории не удавалось обособить объекты собственности таким явным образом, поскольку «государственное имущество даже при создании на его базе какого-либо юридического лица все равно оставалось государственной собственностью» (Статус юридических лиц, 2006, с. 4). В советское время выходом из этого юридического тупика послужила

⁹ В дальнейшем предполагается усовершенствовать методiku, базирующуюся на этом подходе, и добавить количественно измеряемые параметры.

концепция двухуровневой государственной собственности, предложенная А. В. Венедиктовым (Венедиктов, 1940, 1949, с. 657–672) и поддержанная С. Н. Братусем (1947), О. С. Иоффе (1958) и многими другими цивилистами (Гражданское право, 1998, с. 176). Согласно этой теории «в основе правосубъектности юридического лица лежит не только единство государственной собственности, но и оперативное управление ее частями» (Статус юридических лиц, 2006, с. 4). Другими словами, на верхнем уровне сохранялось единство государственной собственности, то есть фиксировалась её принадлежность советскому государству и всему советскому народу, а на втором уровне право оперативного управления передавалось различным юридическим лицам, которые могли вступать друг с другом в правоотношения.

В ходе рыночных реформ конца XX века, как свидетельствует статистика, также не удалось полностью разграничить формы собственности на частную и государственную, поскольку присутствует ряд промежуточных форм. Более того, сама статистика становится запутанной и непоследовательной, ориентируясь, возможно, на задаваемые политические приоритеты.

Что касается Китая, то его структура собственности также характеризуется аналогичными промежуточными формами. Помимо государственной и частной, она включает в себя совместную китайскую и смешанную китайскую, а также иностранную формы (Чжен, 2010, с. 13). Кроме того, несмотря на почти три десятилетия приватизации, внимательные наблюдатели отмечают, что «около 50 процентов ВВП находится в собственности или контролируется государством» (Szamosszegi, Kyle, 2011, р. 1. Цит. по: Полтерович, 2012, с. 19).

Также как для России и Китая, запутанность и неоднозначность форм собственности, как и отсутствие доминирования частной собственности, характерны для крупнейшей страны Латинской Америки — Бразилии. Здесь уместно сослаться на цитированные ранее работы перуанского экономиста Э. де Сото. На основании проведенных им и его командой многолетних исследований де Сото утверждает, что в латиноамериканских странах большинство программ по закреплению частных прав (де Сото анализирует прежде всего земельную собственность) «не имели никакого успеха, либо результаты были совершенно мизерными» (Сото, 2004, с. 173).

При отнесении «самой большой демократии мира» Индии к группе стран, где доминируют институты Х-матрицы, также целесообразно отметить особенности собственности на землю в этой стране. До завоевания Индии англичанами условный верховный характер собственности на землю был очевиден — основной формой владения землей была община (Балаев, 2000, с. 106). В ходе колонизации английское управление стало внедрять характерные для Великобритании (страны с доминированием институтов Y-матрицы) частные формы собственности. Тем не менее, сохранились признаки владения земельными участками, характерные для института условной верховной собственности, отмеченные знатоком земельной индийской (и не только) общины Л. Б. Балаевым. К ним относятся перечисление условий владения землей (обязательность обработки), наличие верховного собственника земельных участков, а также прямое указание на то, что община в Индии не разложилась и «не выродилась» в частную собственность (Балаев, 2000, с. 280, 279, 113).

Анализ отношений собственности в Японии также показывает следы условной верховной собственности, не укладываемой в рамки типичного западного разделения на частную и публичную формы. Переход от национальной системы права, отличавшейся «партикуляризмом и фрагментарностью» (Еремин, 1977, с. 94) к современным правовым нормам происходил в ходе «реставрации Мэйдзи» (1868 г.), которую иногда называют незавершенной буржуазной революцией, т. е. «революцией Мэйдзи»¹⁰. После этого периода в значительных масштабах осуществлялась рецепция западных правовых норм японским правом. Разделение форм собственности на частную и публичную была одной из таких норм. Известно, что своим возникновением такая теория разделения видов права обязана еще римским правоведам классического периода. За этим разделением, как известно, стоит разделение на частные и публичные блага. Но в Японии, как отмечали сами японские правоведы, такое разделение не всегда однозначно. Еще в 1970 г. Т. Минэмура писал что «теория правового блага, пытающаяся объяснить разделение публичного и частного блага, отвечает, как говорится, вопросом на вопрос и оставляет без разрешения основную проблему разделения публичного и частного» (Минэмура, 1970, с. 61–62. Цит. по: Еремин, 1977, с. 101). В этом же ключе высказываются и правоведы группы Суэкава, с точки зрения которых деление на публичное и частное право весьма приближенно (Хогаку номон, 1972, с. 44–46. Цит. по: Еремин, с. 101). В связи с этим они считали необходимым выделить новую область права, которую с японского на русский язык перевели как «социальное право»¹¹. Это промежуточное право трудно (как и в российской цивилистике) объяснить на языке привычных западных юридических норм. Его рассматривают как «существующее между публичным и частным правом в качестве третьей правовой области, не принадлежащей ни к публичному, ни к частному праву», как правовое явление, отвечающее за «политизацию экономики» и трактуют как «публицизацию частного права» или «взаимопроникновение частного и публичного прав» (Минэмура, с. 63–64. Цит. по: Еремин, с. 102), как «срединную форму между частным и публичным правом» (Хогаку номон, с. 15. Цит. по: Еремин, с. 101). Короче говоря, институты собственности в Японии, плохо интерпретируемые в терминах институтов, Y-матрицы, оказываются ближе по своему устройству к институтам X-матрицы.

После определения периода анализа, а также построения выборки соответствующих стран и ее обоснования, можно приступить к запланированным расчетам. Они опирались в основном на данные Мэддисона. Но поскольку его таблицы заканчивались 2008 г., то данные за 2009–2012 гг. были рассчитаны следующим об-

¹⁰ Обозначение одного и того же периода «реставрацией» теми, кто увидел в этом процессе восстановление традиционных присущих японскому обществу институциональных структур, и «революцией» с точки зрения тех, кто концентрировался на обновлении институциональных форм, в очередной раз показывает роль взглядов исследователей (*ideological bias*) в социальном анализе.

¹¹ Напомним в связи с этим специфику понимания термина «общество» в японском языке, подробно рассмотренную в 5.1.

разом. Были взяты заключительные показатели уровня ВВП за 2008 г. из Maddison Database, а годовые приросты ВВП 2009/2008, 2010/2009 и 2012/2011 были посчитаны на основе базы данных Мирового банка (Worldbank Database, 2013). Затем соответствующая динамика, опирающаяся на абсолютные значения ВВП 2008 г. из базы Мэддисона и рассчитанные индексы из базы Мирового банка, была добавлена к траектории до 2008 г. Итоговые результаты расчетов показаны на графике (рис. 33).

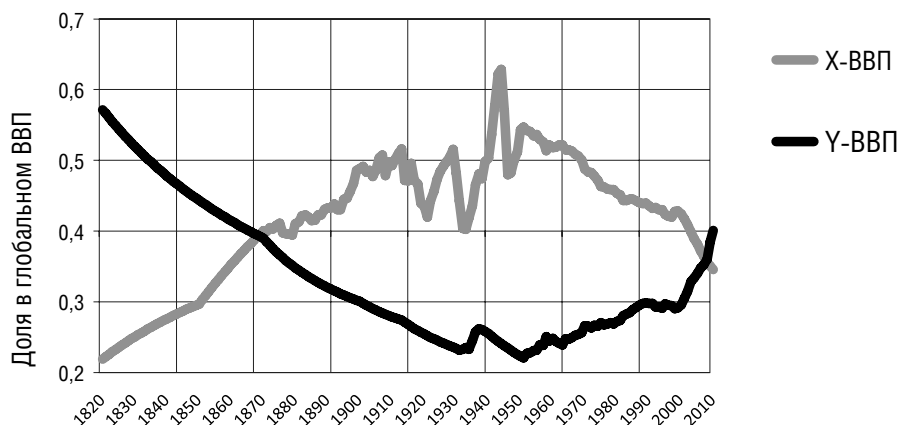

Рис. 33. Соотношение стран с доминирующими X- и Y-институциональными матрицами в мировом ВВП, 1820–2012, %

Напомним, что к странам с доминированием институциональной X-матрицы отнесены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи. К странам с доминированием Y-матрицы отнесены европейские страны Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария, а также Австралия, Новая Зеландия, Канада и США. Включенные в выборку страны производят не менее $\frac{3}{4}$ мирового ВВП.

Наложение двух графиков (суммарной доли ВВП выбранных стран с доминированием X-матрицы и суммарной доли ВВП с доминированием выбранных стран Y-матрицы) позволяет увидеть волновой (циклический) процесс. Применительно к доступным данным наблюдается 140-летняя волна, в ходе которой происходит смена мирового лидера: с 1820 г. (как можно предположить, и до него, хотя полных данных по нашей выборке стран нет¹²), в мировом ВВП лидировали страны X-матрицы. Начиная с 1870 г. начинается преобладание стран Y-матрицы, которые стали производить более половины мирового ВВП. Максимальный разрыв между этими группами стран наблюдался в 1950–60-е годы, а с 1970 г. он начал сокращать-

¹² Андре Франк полагает, что азиатские страны доминировали в мировой экономике с 1400 до 1800-х гг. и даже называет экономику того периода *sinocentric*, т. е. китаецентристской (Frank, 1998, p. 126).

ся. С 2008 г. страны X-матрицы вновь начали выходить на лидирующие позиции, то есть превосходить страны Y-матрицы в производстве ВВП. Причем, как показывают цифры за 2009–2012 гг., этот разрыв постепенно увеличивается.

Таким образом, на наших глазах меняется глобальная конфигурация основных мировых игроков в мировом хозяйстве. Преобладание стран X-матрицы в мировом ВВП сопровождается так же, как можно видеть, ростом значимости X-институтов в странах с доминированием Y-матрицы. После кризиса 2008–2009 гг. усиление государственного регулирования и централизованного управления, следование идеологии «общего выживания» становятся в них все более популярными.

Исходя из роли материально-технологической среды в формировании институциональных матриц, можно предположить, что изменившиеся условия воспроизводства в планетарном масштабе (осознание пределов роста ресурсов, экологические ограничения, рост взаимозависимости национальных экономик) приводят к необходимости замены мирового институционального порядка. Лучше приспособленные к таким ограничительным особенностям материально-технологической среды страны с доминированием X-матрицы занимают в глобальной экономике более важное место.

Полученные результаты подтверждают высказанные ранее в ряде работ соображения о циклическом характере соотношения «центра и периферии», или доминирующих полюсов в глобальном мире. Прежде всего, отмеченные тренды исследуются в теории мировой системы (The World System, 1998; Эллман, 2001, с. 2). Ее сторонники фиксируют начало становления мировой «биполярной» системы с двух древнейших государств Западной Азии: Египта и Месопотамии (см. Frank, 2000, The World System, 1993/1998; World System Theory, 2000). Теория институциональных матриц, или X-Y-теория также выделяет эти два государства как первых известных истории репрезентантов с альтернативными доминирующими матрицами (см. главу 4).

«Целое ... формирует сами части и их отношения между собой, которые, в свою очередь, преобразуют само целое», — так определял глобальную систему с входящими в нее центральными и периферийными регионами Андре Гундер Франк (Frank, 1998, xxvii). Другими словами, внутренняя динамика полюсов глобальной системы заложена в самой ее структуре. Такое понимание и знание фактов дают основания школе последователей Франка последовательно критиковать евроцентризм с его тенденциями уменьшать вклады других культур и регионов. Как иронично замечает, например, Майкл Эллман, «хотя специалистам давно известно, что вплоть до 1820 г. Китай, Индия и Япония производили большую часть мирового продукта (см. Maddison, 1998, p. 40), многие люди даже не догадываются об этом» (Эллман, 2001, с. 3).

Специалисты по мировой истории, в частности, упомянутые авторы новой теории мировой системы Андре Франк и Барри Гиллс, уже 20 лет назад указывали на то, что Запад занимает в мире позицию гегемона с недавних (в историческом времени) пор и неизбежно временно. Разобраться с причинами этого стало одной из главных задач книги А. Франка «ReORIENT: Global Economy in the Asian Age»,

изданной в 1998 г. «В этой книге, — писал Франк, — сделана попытка объяснить в терминах мировой экономики то, как Запад занял свое место и насколько вероятно то, что эти позиции он вскоре потеряет» (Frank, 1998, p. 5). Об этом можно также прочесть в работе «The World System: Five Hundred Years or Five Thousands?» (редакторы А. Г. Франк и Б. К. Гиллс), где отмечалось: «Мы снова находимся в одном из чередующихся периодов гегемонии и конкуренции в мировой экономической системе, который предвещает обновленный сдвиг гегемонии в западном направлении через Тихий океан (The World System..., 1998, p. 47). О том же пишет норвежский ученый Эрик Райнерт: «Мир входит в новую эру — эру, отмеченную двумя существенными изменениями. Первым является начало конца доминирования Запада — это не конец Запада, но все же. Вторым является азиатский «Ренессанс», потому что XXI столетие будет столетием китайских и индийских экономических систем» (Райнерт, 2013, с. 47).

Исследователи обращают внимание на взаимозависимость двух групп стран. Так, «возвышение Европы» пятьсот лет назад невозможно объяснить без учета роли притока драгоценных металлов, который шел с американского континента, или без учета роли торговли с Азией — глобальная мировая система была уже тогда. Точно также современное развитие азиатских стран связывается с импортом технологий из современных лидеров технологического прогресса — Европы и затем сменивших ее в этой роли США.

Соглашаясь с выводами А. Франка и его коллег, в то же время я согласна и с критикой их концепции как сугубо экономической. Вслед за Джорджем Модельски я поддерживаю необходимость мультидисциплинарного подхода при анализе изменений в мировой системе, отдавая должное анализу политики, общества и культуры (Modelski, 2013). Теория институциональных матриц позволяет реализовать, на мой взгляд, именно такой более широкий подход.

С этой точки зрения взаимозависимость стран в биполярном мире выражается не только в обмене экономическими ресурсами и благами, на что обращает внимание теория мировых систем. Большое значение имеют институциональные обмены во всех основных общественных сферах. Точно также биполярность находит свое выражение не только в концентрации материально-технологического потенциала в каждой из групп стран, но и в укреплении и развитии институциональных структур и связей. В конечном счете, именно они становятся вехами так называемого «нового мирового порядка», складывающегося на рубеже XX–XXI веков (Киссинджер, 1997).

На одном полюсе этого порядка концентрируются западные страны с доминированием институтов Y-матрицы. Они все более укрепляют сотрудничество между собой. Переговоры о создании зоны свободной торговли между США и ЕЭС, которые находятся уже в стадии завершения (по состоянию на июль 2013 г.), отражают эту тенденцию. Создаваемый в результате новый «экономический блок» дополняет институты взаимодействия западных государств в других областях, в частности военно-политической в рамках Североатлантического договора (NATO).

На другом полюсе, включающем группы стран с доминированием Х-матрицы, идут параллельные процессы. Во-первых, здесь расширяется количество региональных союзов. В 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую вошли Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан. Целью ШОС является стабильность и безопасность в регионе, экономическое, энергетическое, научное и культурное сотрудничество. Дальнейшая интеграция расположенных на евразийском пространстве стран выражается созданием Евразийской экономической комиссии в ноябре 2011 г. Ее задача — обеспечение условий развития Таможенного Союза и Единого экономического пространства, объединяющих Россию, Казахстан и Белоруссию. С октября 2011 г. к Таможенному союзу присоединилась Киргизия, другие страны ЕврАзЭС (Узбекистан и Таджикистан) также рассматривают эту возможность. На другом полушарии планеты в декабре 2011 г. создано Сообщество латиноамериканских и карибских государств (СЕЛАК), в которое вошли 33 государства. Тем самым впервые создано объединение стран Западного полушария, в составе которого отсутствуют США и Канада. Временное руководство в этой организации осуществляет «тройка» стран — Чили, Венесуэла и Куба.

Во-вторых, между странами с доминированием институтов Х-матрицы впервые после времен социализма сформировано «межконтинентальное объединение» БРИКС (BRICS), названное по первым буквам входящих в него стран — Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской республики (South Africa на английском языке). До февраля 2011 г. альянс включал 4 первых государства и назывался БРИК.

Сокращение БРИК впервые было предложено Джимом О'Нейлом в аналитической записке одного из крупнейших в мире инвестиционного банка Голдман-Сакс в ноябре 2001 г. Специалисты банка рассчитали тогда, что к 2050 г. экономики этих четырех стран вместе превысят суммарный размер экономик самых богатых стран мира (тогда это была «Большая семерка»). В то время аналитики не предполагали политической координации между этими странами, равно как и создание общих экономических или торговых союзов. Но, как еще в 1869 г. писал наш замечательный поэт Ф.И. Тютчев, «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...». Прижилась не только введенная аналитиками аббревиатура. Начавшиеся с 2006 г. регулярные встречи министров иностранных дел, а с 2008 г. — руководителей государств БРИК положили начало их более тесному сотрудничеству. Проводимые с 2009 г. саммиты на уровне первых лиц, с привлечением экспертов и представителей деловых кругов постоянно расширяют сферы и углубляют связи между странами. Речь идет не только о развитии многосторонних отношений, но и создании собственного банка развития, укреплении национальных валют и отказе от доллара и евро в расчетах между странами БРИКС, сближении фондовых площадок и т. д. Одновременно расширяется количество структур для координации экономической и политической деятельности между странами. Созданы Деловой Совет БРИКС, Консорциум экспертных центров стран БРИКС, совместные статистические службы публикуют общую консолидированную статистику. Страны БРИКС также ре-

гулярно представляют согласованную точку зрения по важнейшим политическим и экономическим глобальным проблемам. Зачастую она не совпадает с подходами западных стран и дополняет их новым содержанием (например, позиции по направлениям реформы ООН и мирному решению ливийского вопроса на саммите 2011 г., урегулированию отношений вокруг Ирана и Сирии на саммите 2012 г.). Стратегической целью проводимых саммитов является «постепенная трансформация БРИКС в полноформатный механизм взаимодействия по важнейшим вопросам мировой экономики и политики», как объявил на 4-м саммите в марте 2012 г. в Нью-Дели лидер российской делегации Д. А. Медведев.

С точки зрения теории институциональных матриц, или X-Y-теории страны БРИКС характеризуются исторически присущим доминированием X-матрицы с ее институтами унитарного политического устройства, редистрибутивной экономики и коммунитарными ценностями, и комплементарным характером институтов Y-матрицы, а именно, федеративного политического устройства, рыночной экономики и индивидуалистическими ценностями. Поэтому их объединение не случайно, а имеет глубокие институциональные основания. Оно вызвано не только схожими масштабами экономик и местом в разделении общественного труда. Общность матричных общественных структур создает объективные возможности для взаимопонимания и плодотворных институциональных обменов для стран БРИКС, даже при том различии культур и стадий развития, которые многие полагают непреодолимым препятствием для углубления сотрудничества и дальнейшей их интеграции.

Сопоставляя данные о соотношении X- и Y-стран, а также характер и формы их взаимодействий, можно зафиксировать следующий тренд. Глобальные институциональные циклы в биполярном мире выражаются не только в изменении сопоставительных масштабов групп X- и Y-стран. Они сопряжены с динамикой организационных форм, отражающих глубину взаимосвязей каждого из полюсов глобального биполярного мира.

Глядя назад на общее прошлое человечества и заглядывая вперед в его общее будущее, можно предположить дальнейшее оформление каждого из полюсов во все более взаимосвязанную структуру, т. е. развитие различного рода международных альянсов внутри каждой из групп стран. Будет происходить укрепление биполярности мира, что будет способствовать снижению хаоса и укреплению стабильности международных отношений. Другой прогноз состоит в том, что со временем будет осознано и артикулировано идеологическое единство стран X-блока. Если западные страны имеют общую выработанную за предыдущие десятилетия надежную идеологическую платформу для взаимодействия в виде разделяемых народами этих стран общих ценностей, которые называют демократическими, либеральными и т. п. (более сжатое название — идеологические институты Y-матрицы), то X-страны находятся на пути к этому. Возможно, теория институциональных матриц с ее нейтральной в культурно-цивилизационном отношении терминологией может оказаться полезной при решении этой задачи. Тем самым она может способствовать формированию более сбалансированного и гармоничного циклично развивающегося мира.

11.2. Современные государства в поисках институционального баланса

Как в политологии баланс сил рассматривается в качестве главного способа стабилизации международной системы, так и внутри страны достижение институционального баланса служит важным условием устойчивого социально-экономического развития. Поэтому баланс доминантных и комплементарных институтов, складывающийся под воздействием внешних и внутренних причин, становится стратегически значимым для каждой страны. Так, говоря об экономической политике третьего тысячелетия, Дэвид Коландер пишет, что на смену политики «правильных цен» пришел «современный подход к политике, построенный на принципе «правильных институтов» (Коландер, 2006/2000, с. 390).

Институциональный баланс, или сосуществование X- и Y-институциональных форм в социальных системах, объективно необходимо, поскольку тотальное доминирование одного типа институтов порождает системные риски. Давно известно, что «недостатки — это продолжение достоинств». Точно также неограниченное комплементарными институтами продолжение действия «достойных» доминантных институтов проявляет, в конечном счете, их недостатки.

Здесь можно привести медицинскую аналогию с раковым заболеванием. В его основе лежит естественный механизм деления клеток, обеспечивающий развитие живых организмов. Рак же представляет собой неконтролируемое, «сверх меры» развитие клеток, что приводит к угрозе жизни. Борьба с ним — введение процесса клеточного деления в нормальное русло. Аналогично борьба с тотальностью доминантных институтов — посредством развития комплементарных институтов — способствует нормализации общественной жизни.

Основные риски унитарности и федерализма, редистрибуции и рынка, превалирования коммунитарных или индивидуалистских ценностей известны, здесь приводятся лишь некоторые, и читатель наверняка сможет продолжить этот список.

Системными рисками, или дефектами, укорененными в самой системе институтов X-матрицы, можно считать следующие (порядок перечисления не соответствует ранжированию):

- ➊ слияние экономической и политической власти в условиях централизации экономики и унитарности государственного устройства. Результатом является концентрация у одной группы лиц непропорционального объема власти имущественных прав. Это явление упомянутые ранее ученые Е. Н. Стариков, Р. М. Нуреев, Н. М. Плискевич и др. называют феноменом «власти-собственности»;
- ➋ гипертрофированная роль личных связей в условиях централизованного управления (например, система «блата» в СССР) и излишне высокая зависимость результатов управления от личности руководителя;
- ➌ слабость горизонтальных связей при наличии «пирамид и пирамидок»; процесс многочисленных согласований порождает необходимость каждый раз осуществлять «вертикальный зигзаг», действуя «через верх», а не напрямую

(Стариков, 1996), что сдерживает процесс принятия своевременных эффективных решений;

- жесткость, ригидность системы управления и ее неспособность реагировать на текущие изменения в связи с преобладанием импульсов «сверху вниз» при слабости обратных связей «снизу вверх»;
- напряженность между регионами и центром, порождаемая иерархическим характером структуры государственного управления — в России, например, оно известно с древних времен как борьба «структур земли и княжеской власти» (Тихомиров, 1946, с. 21–23). Это противостояние обостряется в кризисные периоды;
- бюрократизация иерархических структур и вызванный этим кадровый застой. Следствием являются резкие скачки в замене правящих групп по команде «сверху». В России такие «революционные замены» класса управленцев происходили во времена Ивана Грозного IV, введшего опричнину; в эпоху Петра I происходило возвышение служилых людей в противовес боярам; при Сталине сменяемость руководящих кадров обеспечивалась в процессе регулярных «партийных чисток». Современным примером, наблюдаемым и переживаемым в момент написания этих строк, служит реформа Российской академии наук, инициированная правительством России в июне 2013 г. после безуспешных 20-летних попыток РАН «самореформироваться»;
- *кризисы недопроизводства*, природа которых коренится во всей системе институтов Х-экономики и соответствующих им институциональных форм. Можно назвать не менее дюжины провоцирующих такие кризисы факторов:
  - 1) Процесс согласования — необходимая фаза института редистрибуции, — приводит к запаздыванию получения необходимых ресурсов и, соответственно, к временному лагу между потребностью в ресурсах и ее фактическим удовлетворением. Поэтому или затягиваются сроки исполнения работы, или работа выполняется вовремя, но некачественно.
  - 2) Сосредоточение в редистрибутивном центре фаз аккумуляции–согласования–распределения, а также отмеченный выше разрыв в сроках между аккумулярованием заявок на ресурсы и их распределением провоцирует центр распределять «вниз» ресурсов меньше, или, — что для финансов почти одно и то же — с опозданием. Эта разница («рента согласования») остается в центре и расходуется по его усмотрению (часто внутри центра), что постепенно подрывает основы производства. Действие этого перераспределительного («снизу-наверх») финансового механизма накануне перестройки подробно описано нами много лет назад (Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России, 1996, с. 85–96);
  - 3) Поскольку издержки согласования могут быть высокими, то из возможных комбинаций учета интересов всех участников выбираются наиболее простые. Это может не соответствовать реальной сложности производственной структуры, приводить к недоиспользованию ее потенциальных возмож-

ностей и, соответственно, недопроизводству продукции и услуг. Более того, потребность в согласованиях, являющихся внутренней частью хозяйственного процесса, отвлекает на эти цели часть общественных ресурсов (трудовых, временных, материальных), что ведет к уменьшению объема ресурсов, используемых непосредственно в производстве, и, соответственно, снижает общую результативность;

4) Необходимость согласования ограничивает также гибкость и реактивность в проведении необходимых хозяйственных маневров, что приводит к временному «омертвлению» трудовых, материальных и финансовых ресурсов и недостаточной эффективности их использования.

5) Гарантированное «бюджетное финансирование» в условиях фиксированных производственных связей сдерживает инициативу поиска новых заказчиков работы и дополнительного производства с тем, чтобы их заинтересовать. Одновременно «мягкие бюджетные ограничения» (Я. Корнай) не стимулируют развитие анти-затратных технологий;

6) Действие институтов кооперации и служебного труда (при отсутствии конкуренции между отдельными работниками и коллективами, в т. ч. за рабочие места) может означать, что коллектив не нуждается в «выскачках» с новаторскими предложениями и более высоким уровнем производительности труда. Наиболее успешные могут представлять угрозу для остальных, поскольку вынуждают тех «тянуться» за ними. Поэтому вероятно, что окружение будет так или иначе тормозить успешных и инновационных. В результате общий уровень производительности падает или, по крайней мере, растет недостаточно быстро. Более того, институт кооперации содержит в себе предпосылку «равнения на слабого», что уменьшает общие трудовые усилия коллектива участников хозяйственной деятельности. Зачем всей команде бежать быстро, если слабейший придет к финишу последним, и вся команда все равно проигрывает?

7) Достижение новых и лучших результатов поощряется с запаздыванием, поскольку требуется согласование по необходимому дополнительному перераспределению средств, и это затрудняет создание эффективных мотивационных механизмов;

8) В редистрибутивном цикле «аккумуляция-согласование-распределение» критерии для оценки новых продуктов и услуг затруднены, поскольку, как правило, происходит сравнение с прежними результатами («от достигнутого»). Недостаточны стимулы к разработкам нового, и поэтому модернизация производства и внедрение достижений научно-технического прогресса в Х-экономиках всегда «идут туго»;

9) Сравнительно высокий социальный статус лиц, занимающихся процессами аккумуляирования-согласования-распределения (в современной России их называют «эффективными менеджерами» разного уровня), привлекает в эту сферу наиболее способных людей, что приводит к их оттоку из непосредственного производства и предпринимательской сферы;

10) Сильные взаимосвязи, жесткая сцепленность элементов в редистрибутивной экономической системе (например, нормативы обеспеченности ресурсами в зависимости от численности занятых) сдерживают стремление избавляться от отживших звеньев. Они живут так долго, как их поддерживает система, и избавление от них часто возможно лишь в ходе ее кризиса (на макро-уровне) или ликвидации (когда речь идет о системах микро-уровня);

11) Солидарная ответственность в общей системе хозяйственных связей имеет своей обратной стороной многократно описанную «коллективную безответственность», что приводит к отсутствию четкой связи между затратами и результатами. Следствием этого является снижение мотивации к экономии ресурсов, повышение материалоемкости, снижение эффективности производства продукции и услуг;

12) Необходимость выживания всех, причастных к функционированию коммунальной среды, ведет к перераспределению ресурсов в интересах всех одновременно, в том числе от эффективных — к неэффективным. Тем самым лучшие ограничиваются в дополнительных источниках развития.

В свою очередь, среди *системных рисков, укорененных в Y-матрице* и проявляющихся в случае недостаточной компенсаторной роли комплементарных институтов X-матрицы, можно выделить такие:

- глубокое социальное расслоение, порожденное совокупным действием экономических и идеологических институтов. Оно включает в себя как дифференциацию по доходам, которая имеет тенденцию к постоянному росту, так и неравенство в доступе к прочим благам и услугам на все более развитых рынках. Отражением данной проблемы является нынешнее глобальное неравенство в потреблении, когда 20 % наиболее обеспеченных людей планеты потребляют более 85 % мировой продукции и услуг;
- относительно быстрое, но неравномерное социально-экономическое развитие с перманентными кризисами перепроизводства, после которых следуют спад и депрессия. Кризисы усиливают социальное неравенство, еще более перераспределяя общественные доходы в пользу наиболее обеспеченных членов общества (для борьбы с этой тенденцией, например, в странах ЕС с 2014 г. бонусы банкиров будут ограничены размером их базовой зарплаты, максимум — двумя (Колчестер и др., 2013);
- безработица, которая является следствием действия института наемного труда. Как уже отмечалось, в странах Y-матрицы существует так называемый «нормальный уровень» безработицы, но во времена экономических потрясений она существенно возрастает;
- монополизация в экономике, возникающая как следствие института конкуренции и в то же время способная ограничить конкуренцию. В результате создаются неоправданные привилегии для монопольных структур и ограничиваются возможности для независимых рыночных субъектов;
- сращивание высших политических структур и богатейших слоев населения в силу действия института выборов. Материальная и финансовая поддерж-

ка выборов позволяет различным группам продвигать своих представителей в структуры власти. По аналогии с таким характерным риском Х-стран, как «власть-собственность», в данном случае можно предложить термин «собственность-власть» (В. И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» определил это явление как «финансовую олигархию»);

- пренебрежение общественными интересами в пользу частных, выраженное в незаинтересованности рыночной экономики производить так называемые общественные блага, хищническое использование ресурсов, производство экологических загрязнений и т. п.;
- отчуждение членов общества (в широком смысле слова), поскольку институты Y-матрицы формируют образ жизни, в котором «каждый сам за себя», распад социальных связей, рост одиночества и другие неблагоприятные социальные последствия;
- консьюмеризация общества, или создание «общества потребления», в котором все увеличивающийся спрос населения на разнообразные товары и услуги выступает основным фактором экономического развития. Как следствие таких приоритетов — отставание в духовном и культурном развитии социума, что вынуждает «ввозить мозги» из других стран;
- вызванное институтом прибыли стремление к реализации произведенных товаров «любой ценой», лоббирование их производства и продажи порой в ущерб социальным интересам. Примером могут служить оружейные, табачные, алкогольные лобби, добивающиеся политической поддержки своей экономической деятельности, вплоть до законодательного уровня.

Системные риски Х- и Y-институциональных матриц имеют внутреннюю причину, они «встроены в них», поэтому их можно лишь смягчить, но не устранить, поскольку они самовоспроизводятся и глубоко укоренены в самой структуре матриц. Предотвратить тотальное господство доминантных институтов и элиминировать возможные риски возможно действием комплементарных институтов.

Однако при взаимодействии альтернативных институтов — идет ли речь о встраивании институтов в среду с доминированием Х- или Y-матрицы, возникает опасность *коррупции*.

В европейских языках слово «коррупция» (от лат. *corruptio* — порча) имеет более широкий смысл, чем просто «продажность политиков». На институциональном уровне коррупцию можно рассматривать как теневой, т. е. не находящийся под общественным контролем, результат взаимодействия альтернативных, относящихся к разным матрицам институтов. Так, взаимодействие экономических институтов купли-продажи (Y-матрица) и института редистрибуции (Х-матрица) порождает взятки бизнеса редистрибутивному центру; при взаимодействии политических институтов судебных исков (Y-матрица) и обращений по инстанциям (Х-матрица) могут возникать теневые отношения в юридических структурах, включая политическое давление на судей. В свою очередь взаимодействие идеологических институтов порядка (Х-матрица) и свободы (Y-матрица) может провоцировать подкупы полицейских и т. д. На мой взгляд, анализ коррупции с позиций *методологического институцио-*

нализма (Кирдина, 2013б), т. е. выявление ее причин в связи с нарушениями институциональных балансов — перспективная тема, еще ждущая своих исследователей. Можно лишь заметить, что коррупция выше там, где процесс формирования институционального баланса осуществляется стихийно, методом «проб и ошибок». Там, где этот процесс является частью осознанной, обоснованной и просчитанной политики, где общество сознательно выработало меры по ее ограничению, коррупция (искоренить которую невозможно) становится менее распространенной.

Рассмотрение многих известных проблем (не только коррупции) с позиций институционального баланса позволяет дать их иную трактовку. Так, актуальной темой, непосредственно относящейся к предмету исследований данной книги, является *дискуссия о соотношении иерархии и сетевых структур*. В экономике рынков ассоциируют с сетевой, горизонтальной (Дерябина, 2013), а редистрибуцию — с иерархической структурой. Характерным является мнение о том, что «в течение последних четырех столетий идет неуклонный процесс перехода от традиционной иерархической структуры общества к сетевой, от натуральной экономики к рыночной, от феодализма к капитализму» (Ясин, 2003, с. 31). В качестве доказательства приводятся подходы А. Смита и Л. Вальраса, модель Эрроу-Дебре и т. д., где обосновывается вывод о том, что индивидуальных субъектов координирует рынок, т. е. сеть. Поэтому иерархия не нужна, особенно в современном мире, где управление инновациями требует преимущественно горизонтальных структур (Мильнер, Орлова, 2013). Хотя это мнение составляет основу экономического мейнстрима, можно с ним поспорить. На мой взгляд, из того факта, что общество перешло от феодальной формы бытия к капиталистической, не следует, что иерархическая структура общественной организации уступила или уступает место сетевой структуре.

Иерархическая и сетевая структуры — это своего рода «спаренные инструменты», посредством которых осуществляется жизнедеятельность любой социально-экономической формации. Данные структуры всегда действуют совместно, дополняют друг друга. При этом каждая из них выполняет свойственные ей функции. Иерархическая структура обеспечивает целостность социальной системы, определенный порядок и устойчивость. Важнейшее качество такого рода структуры — это способность быстрого тотального реагирования системы на *внешние* возмущения. Не случайно данное качество признано биологами в качестве гипотезы, объясняющей зарождение жизни на земле и эволюцию видов.

Напротив, сетевая структура «отвечает» за существование степеней свободы в поведении экономических и социальных субъектов, она порождает многовариантность взаимодействий, возможность оптимизационного поведения (за это ее любят либеральные философы и экономисты) и, наконец, инновационную активность новаторов. То есть она лучше реагирует на *внутренние* возмущения и обеспечивает необходимое многообразие. Но вместе с тем сетевая структура общественной организации, если ее рассматривать отдельно от иерархической структуры, непременно предполагает неустойчивость сетевой среды. На этот факт обратил внимание И. Р. Пригожин: «Если система *структурно устойчива* относительно вторжения новых единиц, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые

единицы («инноваторы») погибают. Но если структурные флуктуации успешно приживаются (например, если новые единицы размножаются достаточно быстро и успевают «захватить» системы до того, как погибнут), то вся система перестраивается на новый режим функционирования: ее активность подчиняется новому «синтаксису» (Пригожин, 1986, с. 251), т. е. в ней выстраивается новая иерархия.

Экономика стремится, с одной стороны, к сохранению своей целостности, упорядоченности и устойчивости, а, с другой стороны, к изменению той же целостности и развитию технологий, производству новых видов благ и модернизации управления, что означает нарушение устойчивости и старой упорядоченности. Достижение этих альтернативных целей невозможно ни без иерархической, ни без сетевой структуры общественной организации. Поэтому ни та, ни другая не могут подменять или вытеснять друг друга. Обе они совершенствуются по мере усложнения экономики и выступают во все новых формах. Поиск гармоничного сочетания иерархической и сетевой структур в средах с доминированием Х- или Y-институтов — это поиск адекватного «времени и месту» институционального баланса.

Принимая определенную предзаданность характера эволюции социально-экономических систем, связанную с типом доминирующей институциональной матрицы, одновременно следует отметить, что внутри этого процесса происходят постоянные изменения, колебания соотношения доминантных и комплементарных институтов, институциональные балансы динамичны. Такой подход близок взглядам нашего соотечественника Н. Д. Кондратьева на процессы социальных изменений. Исследователи трудов Кондратьева подчеркивают, что он различал два типа социально-экономических изменений: эволюционные, характеризующиеся необратимостью (соответственно, неповторимостью) и циклически-волнообразные (обратимые и, стало быть, повторяемые). Связь между выделением изменений второго типа в группу с особым статусом, и общей концепцией автора теории «длинных волн» экономической конъюнктуры, очевидна. Менее очевидна теоретическая значимость кондратьевского стремления акцентировать атрибут необратимости (и, соответственно, неповторимости) фундаментальных изменений, подчеркивание их эволюционного характера. Такой взгляд придает социальной эволюции дополнительный смысл, связывая его не только с идеей непрерывности, но и с принципом однонаправленности, — в противоположность циклически-волновым изменениям, постоянно меняющим свое направление (Давыдов, 1998). Применение этого принципа в теории институциональных матриц означает, что циклические, меняющие свое направление изменения социально-экономической системы не отменяют ее движения по эволюционному пути, определенному типом доминантной институциональной матрицы. Вслед за Ю. Н. Давыдовым я могу повторить что «важно констатировать факт логически неизбежного ...соприсутствия «на единой «генеральной линии» эволюции двух взаимоисключающих перспектив, каждая из которых представляется необратимо однонаправленной» (Давыдов, 1998, с. 57).

Циклический характер долговременной динамики институциональных балансов, то есть оптимальных для определенного периода времени соотношений

Х- и Y-институтов, означает не возврат в исходное состояние, но переход в новое, хотя и частично подобное исходному. Это подобие обуславливается сохранением социальной природы общества, что на языке теории институциональных матриц означает сохранение доминирующего положения исторически присущей крупному государству матрицы институтов. При этом глубина «проникновения» комплементарных институтов постоянно колеблется.

Если пропорция между Х- и Y-институциональными формами слишком сильно отклоняется от соотношения, естественного для данной страны в рассматриваемых условиях, то, как отмечено ранее, в 8.2, возможен социальный взрыв, революция. По существу, революции (если не иметь в виду «верхушечные перевороты», обусловленные борьбой различных группировок элиты за власть) — это быстрые фазовые переходы социальной системы в пространстве Х- Y-институтов. С этой точки зрения политическая история России последних столетий может быть проинтерпретирована следующим образом: суть революционных ситуаций, периодически возникающих на рубеже веков, — это срыв «модернизационных» процессов, в ходе которых шло постепенное усиление Y-институтов. Когда доля Y-институтов достигает некоего критического уровня, система резко возвращается в состояние с более адекватным институциональным балансом, где преобладают Х-институты. С. Ю. Малков в 2011 г. предложил следующую схему иллюстрации описанной динамики (рис. 34).

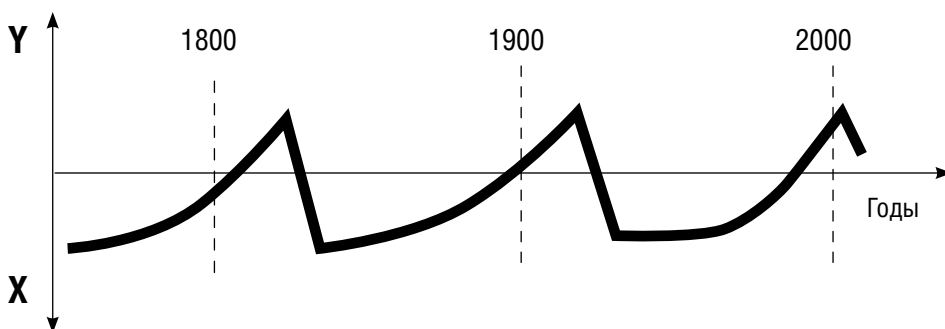

Рис. 34. Динамика институциональных балансов в истории России в координатах Х-, Y-институтов

Горизонтальная линия на схеме означает некоторую «оптимальную пропорцию» институтов, в окрестностях которой колеблются значения институционального баланса. Слишком сильное отклонение от этого оптимального значения при достижении критических значений вызывает возвратное движение. Глядя на график, можно предположить, что критические значения были одинаковыми в рассматриваемые периоды, но речь об этом не идет. Пока трудно говорить о конкретных пропорциях, поскольку ситуация еще не исследована на количественном уровне. Такая цель поставлена, но ее решение — за пределами данной книги. График следует рассматривать лишь как отражение качественных закономерностей динамики институционального баланса в рамках определенного «коридора».

Одной из иллюстраций такого рода колебательного процесса могут служить отмеченные рядом авторов (см., например, Chua, 1995) циклы усиления и ослабления роли государства в экономике, включая смену политик национализации и приватизации. В.М. Полтерович назвал их НП-циклы (Полтерович, 2012, с. 30) и показал для ряда стран. Наиболее очевидны НП-циклы в экономической истории государств Латинской Америки, где автор насчитал пять таких «поворотов». «Так, в частности, в Мексике за первым «прорыночным» периодом 1867–1910 гг. последовали национализация 1910–1940 гг., приватизация 1940–1958 гг. и новая национализация в 1958–1983 гг., сменившаяся в 1983 г. очередным приватизационным бумом. В Чили, Перу, Бразилии, Аргентине, Уругвае — всюду, хотя и не синхронно, наблюдались аналогичные НП-циклы. В Малайзии после 1957 г. доминировала политика приватизации вплоть до 1970 г., когда началась интенсивная национализация, а в 1980 г. произошла очередная смена политики» (Полтерович, 2012, с. 30). Макроциклы в странах Латинской Америки анализирует также А.В. Бобровников (Бобровников, 2004). В Южной Корее аналогичные циклы наблюдаются в политике по отношению к чеболям — они то жестко контролируются руководством страны, то в их отношении допускается свобода (Ланьков, 2003).

Динамика институциональных балансов связана также с процессом создания и отмирания институциональных форм в ходе своего рода «естественного отбора». Предлагаются, создаются, внедряются разнообразные их варианты, но закрепляются те, которые необходимы. С. Лейбовиц и С. Марголис показали в своих работах, что примеры «избыточной инерции», предполагающей длительное существование худших стандартов или институтов, являются либо непродолжительными, либо навязанными властями, либо вымышленными (Liebovitz, Margolis, 2001, с. 156). Отвергая таким образом тезис о закреплении неэффективных стандартов и институтов, они в то же время отмечают «эффект блокировки», который возникает в связи со складывающейся структурой стандартов и институтов, и роли предшествующего развития в институциональном отборе.

Сложности и закономерности поиска институционального баланса можно показать на примере ряда стран. Для этого обратимся к национальному опыту СССР, России, США, Японии и Китая и покажем несколько типичных ситуаций.

Так, в опыте СССР можно найти пример ослабления доминантных институтов Х-экономики, что спровоцировало разбалансировку экономического механизма и проявление в теневых формах (иное в советское время было невозможно) институтов Y-экономики. Речь идет об экономических реформах 1950–60-х гг. Традиционно эти реформы трактуются как позитивные. Однако рассмотрение их через призму соотношения доминантных и комплементарных институтов позволяет увидеть, что их реализация приводила к нарушениям необходимого институционального баланса. Реформы представляли собой такую сшибку элементов рыночного механизма (Y-экономики) и планомерного хозяйствования (X-экономики), при которой народное хозяйство СССР стало малоуправляемым: именно в ходе этих реформ, как полагают некоторые экономисты, стал нарастать процесс дезорганизации экономики. По сути, «возник затратный механизм, в котором затраты приобрели ста-

тус результатов» (Якушев, 1990). До указанных реформ действовала двухуровневая система цен на средства производства и средства потребления, прибавочный продукт концентрировался в налоге с оборота, и этот период представлял собой «эпоху собственно противозатратной модели в политике общественного воспроизводства». Сближение налога с оборота и прибыли с 1953 г., а затем реформа 1965 г. означали, по С. Губанову, крах противозатратного механизма (Губанов, 1992). Кроме того, в середине 1950-х годов был ослаблен институт Х-эффективности, регулировавший соотношение затрат и результатов. Это не только подрывало эффективность прежней советской экономической модели, но стало, по мнению Г. А. Явлинского, роковым для нее: «В середине 50-х годов в истории советской плановой экономики произошло знаменательное событие, до сих пор еще не привлекавшее того внимания, которого оно на самом деле заслуживало. Именно тогда Политбюро впервые не смогло принять решение о единовременном пересмотре норм выработки для всех работников промышленности, транспорта и связи — как оно делало все предыдущие годы сталинского режима. Практически прекратился плановый централизованный пересмотр норм труда. Это было началом конца социализма, смертным приговором системе, исполнение которого лишь растянулось потом на 35 лет» (Явлинский, 1995, с. 163). Другими словами, механизмы снижения издержек (Х-эффективности), имманентно необходимые в модели Х-экономик, стали отключаться.

Отмеченные факты привели к тому, что функционирование советской легальной экономики становилось все более несбалансированным, нарастал дефицит. Дефицит стал материальной основой становления слоя подпольных «советских предпринимателей эпохи развитого социализма» — так называемых цеховиков. Подпольная продукция производилась официальной государственной структурой, а продавалась неофициальной теневой структурой. Или наоборот — продукция производилась теневой структурой, но сбывалась через государственные торговые организации. Такая «прививка» рыночных институтов оказалось возможной ввиду ослабления институтов в модели Х-экономики — «слабая институциональная среда способствует усилению произвола...» (Стиглиц, 1998, с. 30). Другими словами, непродуманный институциональный дизайн (формирование и внедрение новых институциональных форм) без понимания важности институционального баланса вызвал, в конечном счете, непредвиденные и неблагоприятные последствия.

Следующий пример относится к истории новейшей России и демонстрирует отмеченный ранее «эффект блокировки», когда оказывается невозможным преодолеть эффект *path dependence* при попытках изменить институциональную структуру. Речь идет об известной ситуации рыночных реформ «ельцинского» периода первой половины 1990-х годов, когда взаимодействие между так называемыми олигархами и высшими органами государственной власти страны было весьма интенсивным, хотя имело скрытый для общества характер. Непонимание объективных оснований этого процесса спровоцировало многих ученых-теоретиков, вслед за журналистами и политтехнологами, сфокусироваться на личностной и этической оценках этого феномена, увидеть здесь лишь борьбу индивидуальных интересов, коррупционные явления и т. п. Глубинные, институциональные основания «любви и ненависти» между

бизнесом и властью до сих пор остаются вне исследовательского поля современных исследователей. На мой взгляд, этот драматический период истории современных российских реформ показал невозможность деятельности частных (квази-частных) форм рыночной экономики вне рамок характерного для X-экономики института верховной условной собственности, который задает им ограничения и условия деятельности. Как бы не стремились «новые русские» всех периодов реформ «откупиться» от этих рамок, или инвестировать все больше средств для их преодоления, этого пока еще никогда — если иметь в виду достаточно длительную перспективу, — и никому не удавалось. В «лихие девяностые» само центроостремительное движение новых собственников, создавших феномен «семьи» восстановило, в конечном счете, роль центра, поскольку они объективно в нем нуждались.

Пример успешного со-действия институтов X- и Y-экономики (в условиях доминирования X-матрицы) дает опыт послевоенной Японии. В этой стране в свое время было найдено удачное и эффективное сочетание плановых начал с преимуществами рыночной экономики. Ранее отмечалось, что в 1946 г. американская администрация в ходе так называемых Союзнических реформ пыталась разрушить традиционную для Японии систему дзайбацу, но национальные силы страны — от народа до бюрократии — не поддерживали этих планов. В результате практически все дзайбацу были реформированы в кэйрецу (в переводе с японского «иерархический порядок»), которые до сих пор контролируют основную часть экономики страны. Их особенностью является группировка предприятий вокруг определенного банка, который финансирует все компании группы, что исключает возможность их поглощения другими участниками рынка. Дзайбацу, как и южнокорейские чеболи¹³ (они отличаются лишь произношением, но пишутся одними и теми же иероглифами) — это многоотраслевые группы фирм (конгломераты, финансово-промышленные группы, холдинги), находящиеся под единым административным и финансовым контролем и в собственности определенных семей. Они существуют при поддержке правительств, находятся под их защитой и пользуются специальными привилегиями.

В 1951 г. в Японии был принят Закон о содействии рационализации предприятий. Согласно ему был определен круг предприятий, пользующихся преимуществами при получении кредитов и налоговыми льготами, при условии их прибыльности и подчинению контроля со стороны правительства. Государство на общенациональном уровне координирует научно-техническую политику, поддерживает продвижение продукции на внешние рынки, дает рекомендации по модернизации предприятий, направлениям импорта и экспорта, регулирует поток финансовых средств для инвестиций. Комиссия по внешней торговле анализирует международные технологические контракты и в случае невыгодности для Японии предлагает их пересмотреть.

¹³ В Южной Корее в 1961 г. банки были национализированы, и президент страны Пак Чжон Хи «назначал» кандидатов в олигархи, т. е. руководителей чеболей. Банки страны давали им кредиты, а также гарантии под кредиты на Западе. Руководители чеболей были обязаны следовать правительственным рекомендациям по росту экспорта — пусть даже в ущерб собственной прибыли (Ланьков, 2003). Президент практиковал «обеда с олигархами», в которых проявлялось неформальное действие института верховной условной собственности.

Важным элементом институциональной структуры управления экономикой является индикативное планирование (Спандарьян, 1990; Лукашенко, Побываев, 1994; Фишер, 1995). В трудовой сфере Японии сочетание X- и Y-институтов выражается в создании профсоюзов при сохранении системы пожизненного найма, когда ставки заработной платы определяются в зависимости от стажа работы, возраста и состава семьи (Липов, 2010, с. 189). Более подробный анализ этой системы дан ранее в 5.2.

Аналогичный пример эффективного встраивания Y-институтов в среду с доминированием институтов X-матрицы можно найти в современном Китае. Продолжая строить «социалистическое государство», здесь под контролем со стороны китайского правительства и руководства Китайской компартии внедряются новые институциональные формы Y-матрицы во всех сферах общественной жизни (подробнее см. Институциональный анализ китайской модели..., 2010). По словам председателя КНР 2011 г., Китай «решительно перешел к упреждающей финансовой политике и умеренно мягкой денежно-кредитной политике, ввел в действие комплексную программу по увеличению внутреннего спроса и стимулированию экономического роста, значительно увеличил государственные инвестиции, провел широкомасштабную реорганизацию промышленности, обеспечил продвижение научных инноваций и технологической модернизации, заметно увеличил социальные пособия и перешел на более активную политику обеспечения занятости... Все иностранные компании, зарегистрированные в Китае, — китайские предприятия. К их инновациям, производству и бизнес-операциям в Китае такое же отношение, как к деятельности китайских предприятий... Мы приняли режим управляемого плавающего валютного курса на основе рыночного спроса и предложения с привязкой к корзине валют... Реформы в Китае носят комплексный характер, охватывая экономическую перестройку, реформу политической системы, культурную и социальную перестройку... Тот факт, что в Китае наблюдается устойчивый, быстрый экономический рост и социальная стабильность ... доказывает, что политическая система Китая подходит китайским национальным условиям и отвечает требованиям общего экономического и социального развития (Интервью Ху Цзиньтао, 2011).

Опыт США демонстрирует альтернативный пример целенаправленного внедрения X-институтов с целью усилить действие ослабленных доминантных Y-институтов и сформировать необходимый и институциональный баланс. Речь идет о «Новом курсе» Теодора Рузвельта (американского президента от Демократической партии в 1933–1939 гг.) после Великой депрессии. В этот период обществом и выражавшим эту позицию крупным бизнесом в лице Национальной Ассамблеи промышленников и Торговой палаты было признана целесообразной большая концентрация президентской власти для осуществления мероприятий по спасению экономики страны (Козлихин, 1981, с. 72). Федеральные власти взяли на себя регулирование финансов, промышленности, транспорта, трудовых и социальных отношений. Господствовавшая до 1933 г. теория о том, что государство не должно ущемлять частную инициативу в финансовой сфере, была отброшена (Лан, 1976, с. 359). Кредитно-денежная политика стала объектом особого внимания руководимого Рузвельтом правительства: «центр тяжести банковского законодательства 1933–1935 гг. — ... в усилении роли

государства в кредитной системе и во всей экономике страны... Государство стало крупнейшим кредитором частного хозяйства» (Лан, 1876, с. 361).

Конгресс делегировал президенту ряд прав, принадлежавших ему как законодательной власти, президент получил также специальный аппарат для координации деятельности различных административных учреждений и планирования политики, в результате президентский аппарат к 1939 г. насчитывал 900 тыс. чел. (Козлихин, 1981, с. 74). Президент принимал решения о финансировании за счет государства общественных работ, имел право реорганизации органов исполнительной власти, ограничивал своими решениями объемы добычи и транспортировки нефти сверх установленных лимитов, мог изменять на 50 % торговые тарифные ставки, регулировать экспорт ряда товаров, а также был наделен правом изменять золотое содержание доллара (см. Закон о регулировании сельского хозяйства 1933 г.). Перелом наметился даже в позиции Верховного суда: те конституционные положения, которые прежде толковались как накладывающие ограничения на осуществление государственной исполнительной властью своих полномочий, теперь превратились в источник практически неограниченных регулирующих полномочий государства (Козлихин, 1981, с. 74–75). Другими словами, в политической сфере США резко увеличилась роль таких форм, которые характерны для институтов Х-матрицы, прежде всего института иерархической вертикали власти во главе с центром. В экономической сфере усилилась роль кооперации вместо конкуренции, а также института служебного труда.

Проводимая Рузвельтом политика, конечно, не изменила доминирующего положения институтов Y-матрицы. Наиболее угрожающие этим институтам реформы действующий конгресс «не пропустил». Так, в 1937 г. он не принял предложенные президентом проекты ограничения в сфере трудовых отношений о максимальной рабочей неделе и минимальной заработной плате, о реформе судебной системы, о включении в 1939 г. всех независимых агентств в состав министерств и др. (Козлихин, 1981, с. 74). Тем не менее, факт смещения институционального баланса в пользу нехарактерных для США институтов в годы «Нового курса» является общепризнанным и принят как важнейшее объяснение восстановления экономики страны после Великой Депрессии.

Рассмотренный опыт разных стран позволяет также выдвинуть гипотезу о парадоксальных закономерностях динамики институционального баланса. Можно видеть, что во время войн, посткризисной рецессии или другие периоды нарушения «нормального» хода социально-экономического развития целенаправленно изменяются соотношения доминантных и комплементарных в пользу последних. Другими словами, социальные системы «спасают себя», расширяя сферу действия для альтернативных, дополнительных институтов и институциональных форм, как, например, в только что описанном опыте США после Великой депрессии.

Поиски институциональных балансов происходят не только в процессе сосуществования альтернативных институтов Х- и Y-матрицы. В экономической и политической практике идет поиск комбинированных институциональных форм. В экономике таким примером могут служить известные государственно-частные партнерства (обзор см. Дерябина, 2010). В политике такой комбинированной фор-

мой является административный договор, а именно, та его разновидность, которая предусматривает договорные отношения между уровнями управленческой иерархии, когда «один из субъектов обладает какими-либо специальными полномочиями в отношении другого контрагента» или договор «государства с гражданином». «В таком договоре нет и не может быть полного равенства сторон. В сфере его действия властные полномочия по осуществлению исполнительного распорядительной (управленческой, административной) деятельности принадлежат только одной стороне, в то время как другая такими полномочиями не обладает» (Новоселов, 1969, с. 43–44). Несмотря на распространение таких договоров в современной России, это явление по-прежнему даже в учебниках рассматривается как новое и недостаточно осмысленное явление (Административное право..., 2003), ибо сама природа государственного управления предполагает императивность односторонних юридически-властных волеизъявлений, в договорные связи исходят из равенства их участников.

Характерно, что в правовой сфере нашей страны дискуссии о целесообразности развития административных договоров активизируются в переходные периоды, когда предпринимаются попытки замены матрицы доминирующих базовых институтов Х-матрицы. Так, в дореволюционной России в начале XX века применение такой правовой формы, как административные договоры, не было учтено законодателями и они оказались практически забытыми (Розенфельд, Старилов, 1996, с. 48), зато получили поддержку частной научной общественности в краткий период НЭПа в 1920-х гг. (там же; см. также Новоселов, 1969, с. 41).

Динамика институциональных балансов, различающихся в разные периоды и зависящая от внешних и внутренних вызовов, с которыми сталкиваются страны, не может, тем не менее, не отражать общесистемных закономерностей, в том числе количественных, которые характерны для любых систем. Поиски этих количественных закономерностей в рамках теории институциональных матриц, как уже не раз отмечалось — задача, решение которой еще предстоит.

В современной литературе выдвигаются различные гипотезы о количественных показателях строения и функционирования социальных систем. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. активно обсуждались вопросы о поиске золотого сечения в социальных системах (Сорока, 1984; Давыдов, 1988, 1991). Согласно теории В. И. Кузьмина и А. В. Жирмунского, отдельные числа ряда золотого сечения являются критическими константами в процессе развития систем, при переходе через которые изменяется режим функционирования системы (Кузьмин, Жирмунский, 1986). Я рассматриваю данный подход как одно из будущих направлений в исследовании количественных институциональных закономерностей. К настоящему времени оказывается возможным лишь зафиксировать соотношение «больше-меньше» в пропорции институциональных форм, что означает доминирование одних групп институтов по отношению к альтернативным, комплементарным.

Такое доминирование наблюдается в группе стран, отнесенных к государствам Х-матрицы. Многовековая история России, ряда стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки изобилует попытками приватизации общественной и государственной собственности и внедрением, как правило, «сверху» рыночных институтов.

Тем не менее, в конечном счете, после этих реорганизаций верховная условная собственность вновь увеличивала свои масштабы — посредством ли национализации, или развития государственного сектора, или путем усиления государственного влияния в так называемых «частных», или, точнее, коммерческих структурах. Повторяемость этого процесса доказывает устойчивость редистрибутивных экономик и свойственных им институтов в этих государствах.

Политическая система в государствах с Х-матрицей также характеризуется сохранением своего институционального ядра. Свидетельством этого являются многочисленные реформы по децентрализации управления, проводимые в политической сфере этих стран. Сошлемся на пример России. Как отмечают специалисты, самые крупные дореволюционные административно-территориальные реформы — Петровские реформы 1707–1710 гг., губернская реформа Екатерины II в 1775–1785 гг. и земская реформа 1864 г., были нацелены на децентрализацию власти и развитие самоуправления территориальных единиц. На деле указанные реформы приводили в итоге к большей централизации государственной власти, чем это было накануне реформ (Ключевский, т. 4, 1988; Градовский, 1883; Павленко, 1997). Таким образом, проявлялась устойчивость базовых институтов, характеризующих унитарно-централизованное политическое устройство России.

Другим примером является уже упомянутый в главе 6 факт заимствования института многопартийности и демократического большинства странами с унитарной политической системой. Исторический опыт по созданию партий в России, Индии, странах Юго-Восточной Азии широко известен. Результаты этого процесса во всех названных странах и регионах имели идентичный характер: апробирование института многопартийности приводило, тем не менее, к тому, что реально оставалась одна партия. В ее доминировании выражалось как действие института властной иерархической вертикали во главе с центром, так и связанных с ним институтов общих собраний и единогласия при принятии решений. В России такой институциональной формой стала Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), в Китае — Коммунистическая партия Китая, во Вьетнаме — Народная партия трудящихся Вьетнама и т. д.

Аналогичные процессы регулярно происходят в сфере идеологии. В истории нашей страны, известной большинству читателей, можно выделить периоды, когда общественное сознание начинает активно заимствовать свойственные Европе идеи и ценности. Каждое поколение имеет своих «почвенников» и «западников». В конце XX — начале XXI века этот процесс выражается в распространении доктрин либерализма, демократического устройства, обозначении приоритета прав личности как основного критерия при решении возникающих проблем и т. д.

Результатом попыток внедрения индивидуалистских идеологических институтов является, тем не менее, модернизация институтов коммунитарной идеологии, сохраняющих свое доминирующее значение. Не меняя своей природы, коммунитарные институты, соответствующие природе Х-матрицы, каждый раз возрождаются в новых, более соответствующих времени и духу эпохи, формах.

Устойчивостью отличается и институциональное устройство экономики, политики и идеологии в странах с Y-матрицей.

Рыночная экономика постоянно характеризуется доминированием свойственных ей институтов частной собственности, обмена, конкуренции, наемного труда и прибыли. Действие тех или иных институциональных форм, воплощающих альтернативные экономические институты, на самом деле усиливает роль и значение первых, свойственных данной институциональной матрице. Так, государственное регулирование, роль которого то повышается, то уменьшается в западных странах, приводит, в конечном счете, к возрастанию силы и значения основных участников рынка, расширению масштаба деятельности частных фирм, вплоть до создания монополий и транснациональных корпораций. Например, создание сектора муниципального жилья, в котором действуют аналоги института редистрибуции, включающие распределение жилья по очереди, усиливает в целом конкуренцию на рынке, в данном случае жилищном, что содействует росту его суммарной эффективности. Координация действий участников рынка, все чаще используемая в экономической практике западных стран, лишь поддерживает действие института прибыли как доминирующего отношения в рыночных экономиках.

Институциональной устойчивостью характеризуется и политическая сфера. Периодические процессы централизации власти в федеративных структурах не означают их превращения в унитарные политические системы. Укрепление федерального уровня управления означает, как правило, более строгое разграничение полномочий между центральной властью и самоуправляющимися субъектами федерации в реализации разнообразных хозяйственных и политических задач. В итоге имеет место законодательное усиление позиций локальных общностей разного уровня при сохранении принципов федерализма.

В сфере идеологии постоянный и неизменный характер индивидуалистских институтов западных обществ заключается в следующем. Какая бы идеологическая система ни была принята обществом (мифологическая, религиозная или научная), в ней так или иначе выявляется, подчеркивается идея приоритета личности и ее прав в отношении выстраиваемых «над нею» общественных структур. В эпоху господства мифов она выражалась в культе античных героев, католическое христианство выделяет идею субсидиарности, являющейся, по утверждению глав церкви, фундаментальным принципом христианской доктрины, в науке проявлением такого рода идеологических институтов является доминирование концепций либерализма — экономического и политического.

В целом политика, направленная на поиск институционального баланса, остается, на мой взгляд, излишне идеологизированной. Осуществляя выбор в пользу того или иного института, общества разных стран в лице своих представителей в управленческих структурах часто руководствуются не только «задачами момента», но и своими политическими пристрастиями. В этой связи хочу сослаться на призыв Эрнандо де Сото о том, что пора выйти за пределы общественных дебатов, «застывших на противостоянии «правых» и «левых», и забыть, наконец, об этих старых битвах» (Сото, 2004, с. 220). Прагматизм и опора на научные достижения могут стать более надежными помощниками в формировании институциональных балансов, способствующих процветанию народов. Думаю, нет таких ученых, которые не мечтали бы внести в это дело свой посильный вклад.

Как только появляется кто-то, готовый свернуть горы, сразу за ним идут другие, готовые свернуть ему шею.

М. М. Жванецкий

XII

Дискуссия

Как бы автору ни казалось, что текст или доклад достаточно ясно отражает авторскую позицию, у читателя или аудитории, как правило, возникают вопросы. Это может быть связано как с проблемами изложения, так и с явлением, которое психолог Леон Фестингер (Leon Festinger, 1919–1989) назвал термином «когнитивный (познавательный) диссонанс». Он фиксирует тенденцию личности отказываться от той информации, которая бросает вызов ее убеждениям, или вообще отрицать ее. Очевидно, что мы не хотим слышать вещи, которые могут омрачить нашу аккуратно выстроенную систему взглядов и убеждений. Поэтому, как ни парадоксально, новые теории, особенно в экономике и социальных науках, имеют своих потенциальных сторонников и оппонентов еще до того, как будут предъявлены. Декларация наших теоретических взглядов в этом смысле лишь помогает четче определиться с кругом концептуальных единомышленников или противников. Поэтому я скептически отношусь к тому, что кого-то можно в чем-то убедить или переубедить. Мои внуки, многому научившие меня, раз за разом демонстрируют, в том числе, и эту истину.

Тем не менее, на некоторые часто задаваемые вопросы (*frequently asked questions*, или FAQ), повторявшиеся в разных аудиториях за прошедшие годы, будут даны ответы в этой заключительной главе. Книгу, как известно «пишут двое — писатель и читатель». Темы, вокруг обсуждения которых наиболее часто концентрировались читатели работ по теории институциональных матриц, или X-Y-теории, определили тематику первого параграфа.

Во втором параграфе будут рассмотрены проблемы приложения теории институциональных матриц. Наука — это не только

знание, но и умение им пользоваться. Является ли новое знание достаточно операциональным для того, чтобы применять его на практике? Что, кроме сбывающихся прогнозов, может предложить новая теория? Ответов здесь гораздо меньше, зато больше дискуссионных вопросов и перспективных планов. Этими планами, своего рода «мостами в будущее», заканчивается книга.

12.1. FAQ: ответы на часто задаваемые вопросы

Несмотря на то, что теория институциональных матриц, или X-Y-теория включена в словари и энциклопедии (Матрица институциональная..., 2003; Институциональных матриц теория, 2010), в том числе и электронные (Википедия. Политическая культура), ее критика и обсуждения продолжаются. Дискуссии в различных профессиональных и национальных аудиториях, на форумах, в статьях и переписке высветили основной круг возникающих вопросов. Перед тем как последовательно дать ответы на наиболее характерные из них, следует в очередной раз высказать методологическое соображение по поводу того, что представляют собой институциональные матрицы. Отражая существующие в социуме отношения, они в то же время представляют собой одну из моделей реальности. Я не сторонница того, чтобы рассматривать «модель как реальность», что характерно, например, для постмодернизма (Гречко, 2000, с. 168). Институциональные X- и Y-матрицы скорее идеальные типы в веберовском смысле, инструмент, упорядочивающий наше восприятие многообразных видов и форм социальных отношений, существующих и развивающихся в реальной жизни. При этом, как отмечалось, речь идет о наиболее устойчивых, стабильных, постоянно повторяющихся в человеческой истории институциональных связях и формах.

А теперь перейдем собственно к дискуссии, или ответам на вопросы.

? *Вопрос:* В истории сначала возникают государства с доминированием X-матрицы?

➞ Нет, исторический анализ первых известных в истории государств, например, Египта и Месопотамии (Глава 4, см. также работы К. Поланьи (Polanyi, 1977) показывают, что государства с доминированием X- и Y-институтов сосуществуют хронологически параллельно.

? *Вопрос:* Государства с доминированием X-матрицы — это, как правило, диктаторские и тоталитарные государства?

➞ Нет. Хотя риск развития диктаторских режимов в таких странах выше, тем не менее, диктаторскими могут быть и государства с доминированием институтов Y-матрицы (известны диктаторы Древнего Рима, диктаторы в Италии и Германии накануне второй мировой войны). Как отмечал Д. Битхэмб, «могут быть как капиталистические демократии, так и капиталистические диктатуры» (Beethham, 1993, p. 67). Об этом же предупреждал Карл Поланьи, отмечая, что «свободные рынки могут войти в противоречие с общественными требованиями, и результатом этого окажется фашизм» (цит. по: Сото, 2004, с. 15).

? *Вопрос:* Почему в теории институциональных матриц не рассматривается культура?

⇒ В этой теории объектом анализа являются не культурные, а социальные системы, ограниченные границами государств. Я разделяю позицию нашего соотечественника известного социолога Питирима Сорокина и американского социолога Толкотта Парсонса о «несовпадении» границ культурных и социальных систем (подробнее см. глава 1, параграф 1.4). Культурные системы гораздо шире и характеризуют цивилизации или группы стран — так, культуры включают язык, письменность, способы исчисления, религиозные верования и т. д. В реализуемой нами модели общества культура представлена в сильно «усеченном» виде через структуру базовых институтов, образующих идеологическую подсистему общества как социальной системы. Специфическая функция идеологической подсистемы состоит в обеспечении социальной интеграции на основе транслирования важнейших общественных ценностей, без которых проблематично выживание и развитие социального целого.

? *Вопрос:* В чем отличие теории институциональных матриц, выделяющей в структуре обществ два типа доминирующих матриц (X- и Y), от известной оппозиции «Восток-Запад»?

⇒ «Восток-Запад» — наиболее устойчивая парадигматика культурологической мысли, выработанная для первичной типологии мировой культуры. Эта парная категория выражает дихотомию поляризованного целого всемирной культуры, воплощенную в противоположных моделях культурной идентичности (Культурология, 1997, с. 118; Ерасов, 1998, с. 247–249). Для культурологов основным объектом рассмотрения является как раз то, от чего абстрагируется теория институциональных матриц — культурно-смысловые системы, семантические поля, символика, религиозные, философские и художественные особенности, т. е. культура в ее традиционном понимании.

В отличие от этого, макросоциологическое понятие институциональной матрицы выделяет в структуре обществ базовые социальные институты, существующие независимо от культурного контекста: в обществах с разными культурами может доминировать одна и та же институциональная матрица. Взаимодействие институциональных матриц, регулирующих воспроизводство обществ, независимо от специфики носителей разных культурных традиций. Поэтому понятие институциональной матрицы противостоит понятию культурно-исторического типа (см. например, Данилевский, 1869), при котором основной упор делается на своеобразии, локальном характере и относительной замкнутости культурных систем. Структура и характер институциональной матрицы не меняется в зависимости от культурного контекста. Как мужчины и женщины в мире могут одеваться в разные одежды, говорить на разных языках и проживать в разных странах, сохраняя свою приверженность полу с набором присущих признаков, так и институциональные матрицы могут быть представлены в различных культурно обусловленных «одеждах» (институциональных формах), но сохраняют свои особенности.

Несовпадение оппозиции «Запад-Восток» и теории институциональных матриц проявляется также в их применении к анализу конкретных стран, и, прежде всего, России. Если в рамках системы понятий институциональных матриц Россия однозначно относится к обществу с доминированием базовых институтов Х-матрицы, то применение концепции «Запад-Восток» не позволяет четко идентифицировать Россию в предложенных понятиях и закрепляет за ней «промежуточное положение». Эти и другие различия сведены в таблице 6.

В координатах «Запад-Восток» нашу страну «умом не понять», потому что «Россия между Западом и Востоком» (Брянчанинов, 1913. Цит. по: Улунян, 2000, с. 65), потому что «страна-то ведь наша особая, стоящая между молотом Европы и наковальней Азии, долженствующая так или иначе их помирить» (Менделеев, 1907, с. 13). На мой взгляд, вытекающая из такой постановки «самобытность России» постоянно противопоставляет нас всему остальному миру и не помогает в прагматическом взаимодействии с другими государствами.

Еще одно важное отличие состоит в общем пафосе обеих аналитических моделей. Дихотомия «Восток-Запад» противопоставляет восточные и западные государства (вспомним строфу Р. Киплинга о том, что «... им не сойтись никогда»), концентрируется на их различиях. В теории институциональных матриц, наоборот, подчеркивается сосуществование в каждом из государств Х- и Y-матрицы (хотя одна доминирует). Тем самым Х-Y-теория создает предпосылки для осознанного взаимодействия и институциональных обменов между странами.

Таблица 6

Различия между аналитическими моделями «Запад-Восток» и «институциональные Х- и Y-матрицы»

Сравниваемые параметры	«Запад-Восток»	«институциональные Х- и Y-матрицы»
Объект анализа	Культура (цивилизация)	Общество как социальная система
Предмет анализа	Смысловые и символические системы	Базовые институты
Главный фактор дихотомии	Специфика ментальности как исторически сложившихся способов отражения условий существования	Особенности материально-технологической среды (коммунальной или некоммунальной)
Результат применения к анализу России	Россия — промежуточная евразийская цивилизация, которую нельзя отнести к Западу или Востоку	Россия — общество с доминированием институтов Х-матрицы, институты Y-матрицы — комплементарны

? *Вопрос:* Как теория институциональных матриц, или X-Y-теория соотносится с российским теоретическим наследством?

➔ Обращаясь к исследованию социальных систем, X-Y-теория следует духу российской школы экономической мысли (подробнее см. Кирдина, 2003б). Как отмечал Л. И. Абалкин, «для российской школы экономической мысли характерно признание примата общего, народнохозяйственного подхода над деятельностью и мотивацией индивидуума» (Абалкин, 2003, с. 19). Такой предмет исследования обозначили стоящие у истоков национальной экономической школы Н. С. Мордвинов и А. К. Шторх (Ольсевич, 2003, с. 36), представившие иной взгляд на человека как участника экономической деятельности. В человеческой природе представители российской школы экономической мысли выделяют не столько эгоистическое, как А. Смит и его последователи, сколько социальное начало. Об этом свидетельствуют, например, взгляды Н. Д. Кондратьева с его представлением о «двойственной естественно-социальной природе человека» и А. В. Чаянова, отмечавшего «социальность человеческой органической природы» (Ольсевич, 2003, с. 47–48).

Социальность, или то, что объединяет человеческую деятельность в рамках социальных систем, отражается в системе институтов. Поэтому переход от анализа на принципах «методологического индивидуализма» к исследованиям в духе «методологического институционализма» (Кирдина, 2014), реализованный в X-Y-теории, продолжает, на мой взгляд, как исследования российских экономистов XIX в., так и линию советской политической экономии XX века. X-Y-теория поддерживает также тенденцию глубокого исследования нерыночных, «некапиталистических» систем, характерную для российской и советской науки. Как писал А. В. Чаянов, «с помощью одних лишь категорий капиталистического хозяйства мы будем не в состоянии экономически осмыслить действительность, поскольку очень большая часть хозяйственной жизни, ... основана не на капиталистических, а на совершенно иных принципах» (Tschayanoff, 1924, s. 577).

В то же время развитие экономической, как и любой другой, теории представляет собой последовательное обогащение и углубление понятийного аппарата с целью лучшего понимания существа исследуемых процессов. Альберт Эйнштейн писал по соответствующему поводу: «Для сравнения мы могли бы сказать, что создание новой теории не похоже на разрушение старого амбара и возведение на его месте небоскреба. Оно скорее похоже на восхождение на гору, которое открывает новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между нашей отправной точкой и ее богатым окружением. Но точка, от которой мы отправлялись, еще существует и может быть видна, хотя она кажется меньше и составляет крохотную часть открывшегося нашему взору обширного ландшафта» (Эйнштейн, 2003, с. 146). Опираясь на достижения российской (и не только) экономической и социологической мысли, теория институциональных матриц дополняет их развитием терминологии, применимой к анализу не только отечественного общества и экономики.

Соотносясь с наследством российской экономической мысли, хочу также подчеркнуть, что критически отношусь к тенденциям в понимании отечествен-

ного хозяйства и общества, сложившимся в среде российских обществоведов-эмигрантов. Для них было характерно оценивать различия между Россией и Западом как «различия уровня, но не качества». Такое понимание было заложено, например, в американской послевоенной историографии выходцами из России, преподававшими в Йеле, Гарварде и др. университетах США: среди них наиболее известны Михаил Карпович, русский историк, ведший семинар в Гарварде в 1947–1948 гг., Георгий Вернадский, экономист Александр Гершенкрон и др. (Малиа, 1997, с. 71–72). Это весьма поверхностное, на мой взгляд, понимание.

? *Вопрос:* В чем специфика понимания институтов в теории институциональных матриц?

⇒ Часто институты рассматриваются как сконструированные людьми правила. Потребности акторов играют при таком понимании центральную роль. Приведем характерное определение: «потребность личности в осуществлении трансакций приводит к возникновению институтов как нормативных моделей социально-психологической и экономической адаптации, снижающих уровень межличностной конкуренции за счет создания информационных ориентиров и упорядочения жизнедеятельности в условиях типичных взаимодействий, обеспечивающих удовлетворение потребностей отдельного человека или группы за пределами области прямого физического контроля, в рамках которой можно ожидать предсказуемости реакции окружающей среды на собственные экономические действия» (Мельников, 2011, с. 25).

В X-Y-теории основное внимание обращается на функции институтов не для «обслуживания» акторов, а для обеспечения целостности социальной системы, ограниченной рамками государства, приуроченной к условиям определенных свойств материально-технологической среды. Другая особенность состоит в том, что предметом анализа выступают наиболее стабильные, глубинные и устойчиво воспроизводящиеся элементы институциональной среды — базовые институты. Они, в отличие от мобильных и изменчивых институциональных форм, образуют «жесткий каркас» человеческих взаимодействий в экономической, политической и идеологической сферах.

Выделение только указанных сфер означает, что в теории институциональных матриц не рассматриваются обеспечивающие воспроизводство личности институты семьи, образования, религии. В ней выделены так называемые социальные институты, т.е. институты, основной функцией которых является обеспечение воспроизводства социальных систем, в составе которых выделены экономические, политические и идеологические подсистемы.

? *Вопрос:* Как теория институциональных матриц соотносится с формационной теорией Карла Маркса?

⇒ Маркс как представитель общества с доминированием Y-матрицы изучал преимущественно историю лучше известных ему западных стран. Для стран с доминированием институтов X-матрицы он предложил термин «азиатский способ производства», но углубленно их не исследовал (в отличие от теории

институциональных матриц, где Х-общества и Y-общества — равноценные объекты анализа). Именно поэтому марксова «пятичленка» (развитие общества через такие 5 стадий, как рабовладение — феодализм — капитализм — социализм — коммунизм), неприменима, по мнению ряда историков, в полной мере к развитию России с ее доминантой Х-институтов. «Марксистская теория в ее советском варианте была особенно плохо применима для объяснения особенностей подлинного исторического развития России. Марксистская схема истории представляет собой набор мнимо универсалистских обобщений, основанных на общепринятой западноевропейской периодизации исторического процесса (античность, Средневековье, «Новое время»), выраженной в социально-экономических категориях смены рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций ... Большинство проблем подлинного развития России плохо вписываются в эту схему» (Малиа, 1997, с. 69). Вопрос о том, почему же, тем не менее, марксизм прижился, например, в России и Китае, представляется чрезвычайно интересным (об этом см., Кирдина, 2006, с. 19–39; Кирдина, 2011).

Теория институциональных матриц, также как и теория способов производства Маркса, рассматривает материальные условия в качестве основных факторов детерминации институционального порядка. В ней рассматриваются те же важнейшие взаимосвязанные сферы общества: экономика, политика и идеология. Но, в отличие от марксовых схем, речь не идет об экономическом детерминизме — все сферы равноправны, отражая различные стороны одного целого.

Еще одно важное различие состоит в понимании революций. Для Маркса они знаменуют переход к новой стадии прогрессивного линейного процесса общественного развития. В теории институциональных матриц революции — момент эволюционного процесса, в ходе которого происходит возврат на «естественную» траекторию спиралевидного развития с доминированием исторически присущей государству институциональной матрицы.

? *Вопрос:* Какие из авторов и концепций наиболее близки теории институциональных матриц?

➞ Кроме рассмотренной выше марксовой концепции с «азиатским способом производства», следует отметить следующие: концепция Карла Поланьи (Polanyi, 1977), который выделил обменные и редиистрибутивные типы хозяйственных отношений — они, в отличие от реципрокных, формируют социально-экономический тип общества-государства; ордолиберальная концепция Вальтера Ойкена (Eucken, 1940), где выделяются два типа «хозяйственных порядков» — спонтанные рыночные и центрально-регулируемые; концепция «раздаточной экономики» О. Э. Бессоновой из Новосибирска (Бессонова, 1993, 1997); концепция Стивена Роузфилда (Rosefelde, 2002, 2004, 2008) из США об экономиках типа А (рыночно-ориентированных) и типа В (культурно-регулируемых). Также можно найти некоторое сходство между характеристиками обществ с доминированием Х-матрицы и «гидравлическими обществами» (Wittfogel, 1959), а также «экономиками дефицита» (Корнаи, 1990).

? *Вопрос:* В теории институциональных матриц исторические факты и иллюстрации играют очень важную роль. Но автор, как известно, не является профессиональным историком. Насколько убедительны и полны приводимые исторические свидетельства?

⇒ Я согласна, что многим профессиональным историкам, изучающим узкие темы с помощью архивных источников и специализированных исследований, может показаться странным, когда некто, никогда не занимавшийся исследованиями в данном направлении, пытается заявить об открытии здесь неизвестных закономерностей или увидеть новое в пространстве фактов, специалистам-профессионалам этой области достаточно хорошо известных. На стыке общеэкономических и исторических исследований такого рода вопросы возникают нередко. Вот один из ответов, который отражает мое мнение в этой связи: «совершенно очевидно, что для понимания исторических процессов необходимы как специалисты, способные к освещению частных исторических эпизодов на основе первичных источников, так и специалисты (генералисты), способные к обобщению в более широких перспективах тех фактов, которые были открыты ранее другими специалистами» (Элман, 2001, с. 7). Полагаю, что общесоциологическая и экономическая теория способны выступить в роли такого генералиста. Концептуальные схемы, построенные на обобщении (генерализации) многих исторических фактов, могут быть затем заново приложимы к конкретным изучаемым историками сферам и по-иному сфокусировать их исследовательский интерес. Пришедшие из социологии и экономики теории могут предлагать рассмотрение уже известных исторических феноменов в новых, возможно, непривычных и неожиданных ракурсах. Известный пример — теория общественно-экономических формаций К. Маркса, которую историки многие годы использовали как методологическую основу систематизации исторических явлений.

? *Вопрос:* X-Y-теория выделяет всего два типа матриц. Насколько это адекватно сложности нашего мира и наблюдаемой социально-экономической реальности? Не слишком ли это большое упрощение?

⇒ На мой взгляд, принцип простоты представляет собой важное требование, необходимое при построении научной теории. Многие известные ученые полагали простоту гипотез одним из наиболее решающих критериев их корректности. В этом находит свое выражение гармония самого мира с его внутренними тенденциями к ограничению излишнего разнообразия. Как свидетельствуют данные науки, за различием и сложностью постоянно обнаруживаются ритмы, повторения, симметрии. Они находят свое выражение в «способности природы создавать все многообразие материального мира, используя лишь ограниченный набор элементов. В них находит свое последнее основание сама возможность существования законов науки и, в частности, законов сохранения. Само призвание науки как бы и заключается в нахождении за видимой сложностью мира его невидимой простоты» (Космос был ... сотворен, 2000). Поэтому выделение таких устойчивых и «простых», зачастую дуальных констант составляет одну из задач науки.

Кроме того, авторы упреков в том, что «две матрицы — это слишком мало», возможно, забывают, что зачастую мир рассматривается как одномерный, где государства последовательно расположены вдоль одного модернизационного вектора, различаясь уровнем развития. Выделяя два типа матриц, доминирование которых задает характерные направления социальной эволюции, теория институциональных матриц добавляет, по существу, новую дополнительную размерность в привычные современные «одномерные» схемы анализа. Как известно, рассуждения в духе теории модернизации, а теперь и глобализации рассматривают лишь один магистральный путь социально-экономического развития — от недоразвитых «капиталистических и демократических форм» к развитым, характерным для современных США и Европы. С этой точки зрения теория институциональных матриц не упрощает реальность, а, наоборот, приближается, на мой взгляд, к выявлению важных различий институционального устройства государств, развивавшихся в неодинаковых материальных условиях.

Наконец, выделение двух «идеальных типов» институциональных структур, т.е. X- и Y-матриц, не говорит о том, что мы имеем два «грубых» кластера внутренне однородных внутри себя стран. Повторю, что «модель реальности не означает самой реальности». Среди общественных систем в границах определенных государств нет чистых типов — ни институциональных, ни территориальных. Более того, в одно и то же время в социальной структуре могут быть представлены не только сочетания разных институциональных форм, но и «разные времена», имеет место симультативность, или одновременность разновременного: скопление, нагромождение разных времен и очень сложная диалектика их взаимосвязи (Гречко, 2000, с. 167). Дело, однако, «в конечном балансе сил, в ведущей определенности» (Гречко, 2000, с. 169) — именно в этом смысле можно говорить о доминировании той или иной матрицы. В то же время многообразие сочетаний доминирующих и комплементарных институциональных матриц может быть бесконечным.

? *Вопрос:* Для чего нужна новая теория? Какая у нее миссия?

☞ Повторю, что наука — это не только знание, но и умение им пользоваться. Поэтому, как полагал известный советский философ Г. П. Щедровицкий, «надо рассматривать все знания с точки зрения употребления их в деятельности и в мышлении, а не с точки зрения истинности» (Щедровицкий, 2003 с. 185), и трудно с ним не согласиться.

Из множества причин полезности социальных и экономических теорий остановлюсь на самой, на мой взгляд, злободневной, связанной с необходимостью развивать новую теорию для познания нашего российского (и не только) общества.

Известно, что у социологических и экономических теорий особая роль, поскольку они развиваются и закрепляются в определенных социально-гуманитарных и глобальных политических контекстах. Например, популярная сегодня концепция модернизации, или *modernity*, изначально разрабатывалась с опреде-

ленной целью. Историки науки доказывают, что «она отразила стремление США интеллектуально подчинить себе страны «третьего мира», освободившиеся от прямой колониальной зависимости, и по возможности включить в сферу своего идейного влияния социалистические страны во главе с Советским Союзом» (Бокарев, 2010).

Действительно, в прочитанной 17 января 2006 г. в «Президент-отеле» (г. Москва) лекции «Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал?» Крейг Калхун следующим образом охарактеризовал идеи основоположников теории Т. Парсонса и Э. Шилза: есть традиционные страны с устоявшейся веками иерархией рангов и статусов, и есть более динамичные демократичные страны. Традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу. Поэтому традиционные страны отстают в своем развитии, они остались в Средних веках, в прошлом. А демократические развитые страны определяют лицо современности. Миссия США и других развитых стран заключается в том, чтобы привести отсталые традиционные страны в современность (Калхун, 2006). По словам Калхуна, «это было основано на той аксиоме, что правительства и народы так называемых традиционных стран должны будут принять с энтузиазмом теоретические предсказания и политические предписания, которые дают им ученые из Гарварда, Оксфорда или Беркли. Поскольку считалось, что все они должны хотеть стать современными, все должны достичь уровня развития современного мира, это вытекало из самой постановки вопроса — из дихотомии между традиционным и современным миром. Центральным агентством по разработке теории модернизации был Совет по социальным наукам» (там же). На разработку и распространение этой теории, как свидетельствуют цитируемые авторы, были выделены значительные деньги из государственных и частных фондов, в частности, Фонда Форда. Деловые круги поддерживали развитие данной теории, поскольку справедливо полагали, что страны, принявшие теорию модернизации, примут и американские инвестиции. Для политиков было важно, что создается потенциал для большого количества рабочих мест для экспертов, отправлявшихся в страны «третьего мира» в качестве советников правительств. Несмотря на критику теории модернизации как «изнутри», так и снаружи, она по-прежнему задает один из доминирующих (наряду с теорией глобализации) дискурсов в мировой социологии.

То же справедливо в отношении экономических теорий. В середине XX века Джон Гэлбрейт определенно указывал на их связь с целями развития общества. Он подчеркивал то содействие, которое теория оказывает осуществлению власти и передаче обществу некоего «принятого представления». Это представление может не совпадать с реальностью, но оно существует и «используется как заменитель реальности для законодателей, государственных служащих, журналистов, телевизионных комментаторов, профессиональных пророков — фактически всех, кто выступает, пишет и принимает меры по экономическим вопросам...» (Гэлбрейт, 1976, глава 1, п. 2).

В связи с этим уместно привести поучительный факт по поводу того, что отечественная наука пока плохо справляется с такого рода задачами. 7 сентября 2008 г. в передаче Global P S на канале CNN американский журналист обсуждал со своими коллегами из Европы (Германия), Африки (Кения) и Японии ситуацию после российско-грузинского конфликта. Явно иронизируя, он спросил, обращаясь к немецкому коллеге: «Начала ли Европа праздновать по поводу разрушения мира однополярного и перехода к миру многополярному, в котором Россия заявляет свое место?» В ответ немолодой уже журналист ответил, что ситуация выглядит не как переход к многополярному, но биполярному миру, в котором Россия пытается противопоставить себя американскому «центру силы». «Но, — и здесь прозвучала интересная для российских обществоведов констатация, — если во времена СССР они могли представить миру идеи, привлекательные для многих других государства, например, Китая или стран третьего мира, то сегодня России представить миру нечего». Чем не вызов для наших философов, социологов и экономистов?

В этом контексте теория институциональных матриц может рассматриваться как альтернативный теоретический проект, полезный для понимания незападного мира и отражающий его специфику в адекватных научных понятиях. Для России, в силу исторических и географических особенностей умевшей понимать и Восток, и Запад, представляется естественным предложить соответствующую теоретическую методологию. При этом ни критицизм по отношению к западным теориям, ни создание доморожденных теорий «про особенную Россию» не являются, на мой взгляд, плодотворными попытками. Вызов состоит в том, чтобы предложить новые теоретические рамки для понимания и объяснения социальных процессов в обоих полушариях, то есть предложить «объемлющую теорию», социально нейтральная терминология которой окажется приемлемой для наших соседей «по обеим сторонам». Это могло бы стать реальным вкладом в преодоление ограничений доминирующей Western-based (основанной на характерных для Запада предпосылках) теории в современном академическом сообществе (подробнее см. Kirdina, Sandstrom, 2012).

Одной из платформ, где может быть апробирована объединяющая роль теории институциональных матриц, становится структура БРИКС. Среди представителей государств, входящих в это относительно молодое объединение, сохраняется интеллектуальное доверие и уважение к России. Опираясь на это доверие, а также учитывая сходство базовых социальных институтов наших стран и вытекающую отсюда идентичность проблем модернизации и социально-экономического развития, именно в рамках БРИКС возможна реализация альтернативного теоретического проекта в глобальном масштабе.

- ? *Вопрос:* Как используется (и используется ли?) теория институциональных матриц?
- ➞ Расхожее выражение «нет ничего практичнее хорошей теории» — это постоянный вызов теоретикам, которые зачастую предпочитают наслаждаться красотой

или сложностью построений и обсуждать свои теории в основном с коллегами-теоретиками. На мой взгляд, теория должна стремиться быть приложимой, и основная ее польза состоит не только в способности классифицировать прошлое, но и заглядывать в будущее. Ранее в главе 10 уже говорилось, что одним из практических следствий хороших теорий служат прогнозы — особенно если они сбываются. Для этого теория должна быть достаточно элегантно и в меру абстрактной: «жертвуя реалистичностью, мы повышаем точность наших предсказаний» (Радаев, 2008, с. 119). Повторюсь, что прогнозы, основанные на теории институциональных матриц и опубликованные в предыдущем издании книги более десяти лет назад, в основном уже реализовались — они описаны в параграфе 10.3.

Кроме того, положения X-Y-теории использовались в практике управленческого консультировании концерна «Росэнергоатом» по выбору организационно-правовой формы. В работе Кирдина, 2004 на с. 188–212 показано, как рекомендованная в ходе консультирования форма государственной корпорации, первоначально не принятая руководством концерна, фактически оказалось реализованной через несколько лет.

Из работ российских авторов, ученых ближнего и дальнего зарубежья известно, что теория институциональных матриц выступает также в качестве либо методологической основы, либо объясняющей концепции. Некоторый обзор такого применения представлен в Kirdina, 2008. В наших работах с коллегами мы используем положения теории институциональных матриц для анализа эволюции банковской сферы России (Верников, Кирдина, 2010; Kirdina, Vernikov, 2013), изучения особенностей реформ в КНР (Институциональный анализ китайской модели..., 2010), институционального дизайна земельных отношений (Соколов, 2013) и развития инновационной сферы (Камко, 2012) в постперестроечной России.

Наконец, теория институциональных матриц, или X-Y-теория используется в учебном процессе — она включена в программы кандидатских минимумов по социологии и экономике, а также в десятки университетских курсов по социологии, экономике и политологии, которые преподаются в учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также некоторых стран СНГ.

Тем не менее, прикладные аспекты теории институциональных матриц разработаны, на мой взгляд, еще недостаточно. Пока не имеется хороших формализованных методик, которые можно было бы активно применить в исследовательской, политической и управленческой практике. А ведь мы живем в такое время, когда вопрос «как делать» интересует людей гораздо больше, чем вопрос «что происходит» (Радаев, 2008, с. 122). Это значит, что нужны конкретные, основанные на количественных методах процедуры, чтобы можно было оценить складывающиеся в обществе институциональные балансы, уровень критичности в соотношении доминантных и комплементарных институтов и т. д. Конечно, в использовании количественных методов следует избегать крайностей, о которых в свое время предупреждали классики социологии. Так, в 1956 г. Питирим

Сорокин опубликовал в США книгу «Причуды и заблуждения современной социологии». В ней он развенчивал «убогий эмпиризм», обидно назвав его «квантофренией» (цит. по: Голосенко, 1998, с. 19). Поэтому роль социологических теорий состоит не только и не столько в создании новой «основы калькулирования», но в формировании определенного социального видения, придания нового качества представлениям об обществе.

Некоторые трудности приложения X-Y-теории в обоих названных аспектах (количественном и качественном) рассматриваются в следующем параграфе.

12.2. Проблемы приложения теории институциональных матриц и освоения «методологического институционализма»

Сначала остановимся на ограничениях приложения теории институциональных матриц, связанных с ее исходными предпосылками. Набор предпосылок, как известно, задает эвристичность теорий лишь в отношении определенного круга задач. «Сила любого ... аналитического подхода, по-видимому, должна состоять не в безудержном стремлении решить буквально любую задачу и «застолбить» как можно больше объектов исследования, а, наоборот, в том, чтобы проявить способность к рефлексии второго порядка — связанной с осознанием и осмыслением неизбежных границ и содержательных возможностей собственного подхода» (Радаев, 2008, с. 120). Более того, «ученые несут этическую ответственность за то, чтобы информировать общество об ограниченности своих моделей и возможном неправильном использовании результатов своих исследований» (Коландер и др., 2010, с. 13). Поэтому заключительный параграф в книге имеет смысл посвятить именно этой стороне дела.

Обозначенные в главе 1 исходные постулаты задают и одновременно ограничивают направления дальнейшей разработки и использования теории институциональных матриц. В ней основное внимание направлено на изучение устойчивых, существующих как рамки для социального поведения, глубинных общественных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития государств. В этом случае институциональные структуры обладают приоритетом — онтологическим и методологическим — перед акторами. («Социальное существование» общества автономно по отношению к индивидуальному — эту парадигмальную идею разрабатывал в свое время основатель социологии Огюст Конт). Исследование направлено на изучение этих исторически сложившихся базовых институтов, выступающих внешним фактором для взаимодействия социальных групп. Такие предпосылки определяют ограничения, которые следует иметь в виду при использовании теории институциональных матриц и распространении получаемых на ее основе результатов на те или иные классы социально-экономических явлений и процессов.

Первое ограничение — это адекватность самой категории институциональных матриц прежде всего по отношению к исторически устойчивым социально организованным сообществам, имеющим собственную историю. В первую очередь это

государства, исторически долго сохраняющие контуры территориальной и политической целостности. Очевидно, что история большинства стран включает в себя периоды сжатия и расширения занимаемого ими пространства, некоторого изменения состава образующих их территориальных общностей, смену форм политической организации и т. п. Тем не менее, в отношении большинства древних и современных государств можно говорить о наличии обозначенных выше контуров. Это означает, что к анализу эволюции большинства государств теория институциональных матриц вполне применима.

В то же время ее приложение ограничено в отношении, во-первых, догосударственных форм социальной организации (племен, родовых общин и др.), прекративших, как правило, свое существование. Во-вторых, X-Y-теория слабо применима к изучению небольших стран, особенно находящихся на границе групп государств с разным типом доминирующих институциональных матриц (если государства находятся внутри группы однородных стран, теория институциональных матриц «работает» достаточно хорошо). Пограничный характер и относительно малые размеры определяют большую роль внешних факторов (влияние соседних стран) для «маленьких государств». Поэтому в разные периоды исторического развития они могут тяготеть то к одному, то к другому типу институциональной структуры, что затрудняет выявление «родовой» структуры базовых институтов. Прибалтийские страны бывшего СССР — яркий пример такого рода.

Второе ограничение связано со структурным представлением об обществе как объекте исследования. Фокус внимания на структурных характеристиках означает, что исходной точкой исследования является статика. Динамика в данном случае предстает как развертывание институциональной структуры. Такой подход является достаточно распространенным в социальных науках. В свое время еще Огюст Конт ввел формулу: «прогресс есть развитие порядка». При таком подходе выявленная в теории институциональных матриц социальная статика означает солидарность в пространстве, в то время как социальная динамика может рассматриваться как сохранение или изменение солидарности социальных структур во времени. Поэтому в X-Y-теории упор делается на преемственности социальных отношений и их влиянии на последующее развитие общества прежде всего посредством сложившейся структуры этих отношений. Принятая аксиоматика ограничивает применение X-Y-теории для анализа иных движущих сил социально-экономических процессов, связанных прежде всего с деятельностью личностей и групп людей в историческом процессе — для таких исследований более продуктивны иные подходы. Хотя теория институциональных матриц и позволяет определить «коридоры эволюции» тех или иных государств, она не дает достаточного аппарата для объяснения того, какими конкретными способами будет организовано (или может быть организовано) движение по этим коридорам.

Здесь можно привести следующую аналогию: определяя площадь квартиры, можно пренебречь кривизной Земли. Но при расчете траектории космической ракеты эту кривизну необходимо принимать во внимание. Так и в нашем случае — на основе теории институциональных матриц прогнозируются и могут быть «рассчитаны»

долгосрочные траектории развития государств, но для анализа текущих локальных ситуаций она не так необходима.

Третье ограничение накладывается на временные параметры тех процессов, для объяснения которых целесообразно использование теории институциональных матриц. Она плохо работает для «ситуационного анализа» мимолетных (в историческом смысле) явлений. В то же время X-Y-теория обладает достаточно хорошими эвристическими возможностями для объяснения динамики долгосрочных процессов, как в ретроспективном, так и в перспективном планах. Также она позволяет «вылавливать» из множества возникающих институциональных форм те, которые имеют наибольшую вероятность закрепления в действующих социально-экономической и политической структурах и в отношении которых можно ожидать широкой общественной поддержки. Критерием выступает обычно соответствие той или иной формы природе институциональной матрицы и ее вкладу в формирование необходимого институционального баланса.

Другими словами, теория институциональных матриц хорошо объясняет факторы отбора тех или иных практических решений, но плохо объясняет факторы их выбора. Связано это с тем, что отбор по своей сути — это детерминированный (укорененными «генетическими» характеристиками) процесс; результат отбора предсказуем и достаточно однозначен в рамках теории институциональных матриц. Выбор же представляет собой недетерминированный процесс, который социальный субъект осуществляет в пространстве альтернатив, руководствуясь самыми разными соображениями. Результат выбора заранее мало предсказуем, часто он происходит как бы случайно, определяется актуальным соотношением политических и экономических сил, внешними и внутренними обстоятельствами развития страны. Для прогнозирования конкретного выбора теория институциональных матриц не может применяться как адекватное методологическое средство. Здесь целесообразно использовать иные социологические, политические или даже социально-психологические концепции.

Подводя некоторый итог, скажу, что теория институциональных матриц при анализе истории обществ акцентирует внимание, прежде всего, на постоянном, непреходящем. Философ начала XIX в. Фридрих Вильгельм Шеллинг полагал основной характеристикой истории объединение свободы и необходимости: история возможна лишь благодаря этому единству (Shelling, 1979, s. 242). Если субъективистские подходы, направленные на изучение деятельности социальных групп, главное внимание уделяют фактору свободы в истории, то теория институциональных матриц, развиваемая в рамках объективистского подхода, большее внимание уделяет необходимости в истории. Выражением этой необходимости служат исторические константы обществ — самовоспроизводящиеся и этим сохраняющие свою природу институциональные матрицы. Общество при таком взгляде на него предстает не как пространство действий, явлений, определяемых выбором человека, но как глубоко лежащая за общественными явлениями и действиями социальная сущность; мысль ученого движется от анализа внешних факторов к исследованию возможных обуславливающих их причин. Такими сущностями, генетическими причинами обще-

ственных феноменов являются институциональные матрицы общества, порождающие его постоянно развивающиеся и исторически преходящие институциональные среды.

Теория институциональных матриц также задает определенный взгляд на общество, когда экономические, политические и идеологические институты сосуществуют все вместе, содействуя и оказывая друг на друга одновременное взаимное влияние. Их невозможно «рядоположить и измерить» по отдельности, поскольку тогда теряется целостность общества и единство восприятия целого — социальной системы. При таком подходе старые линейные и фрагментарные процедуры и инструменты анализа становятся непригодными. Это создает трудности формирования количественных методик на основе традиционной и «массово применяемой» математики. Наши попытки создания системы формальных индикаторов, отражающих действие различных институтов, как и разработку адекватных математических моделей (Кирдина, Малков, 2008; 2010), пока трудно признать успешными.

Поиск адекватного математического инструментария для выражения социальных и экономических закономерностей — известная проблема. Проблемы взаимопонимания и высокие «издержки согласования» при совместной работе обществоведов и математиков часто приводят к тому, что оказывается трудным соединить передовые достижения из обеих групп наук. Поэтому нередки ситуации, когда «периферия математики выдается за авангард экономики» (Балацкий, 2012, с. 144). Я понимаю, что такого рода объективные трудности существуют. Тем не менее, работа по поиску количественных инструментов для приложения теории институциональных матриц продолжается.

Непросто осуществить и «качественное приложение» X-Y-теории, сформировав на ее основе иное видение структуры общества и имеющихся проблем. В терминах теории коммуникаций, оперирующей «сообщениями» (messages), взгляд на общество с позиций теории институциональных матриц представляет собой «целостное сообщение», и этот целостный образ я надеюсь передать читателям. Кеннет Боулдинг писал в свое время, что «значение сообщения — это то изменение, которое оно производит в образе» (Boulding, 1956. Цит. по: Маклюэн, 2003, с. 16). Поэтому важным приложением теории институциональных матриц я полагаю изменение в образе общества, сложившегося в современной экономической и социологической науке, а также в массовом сознании. Если X-Y-теория поможет Вам, читатель(ница), по-другому взглянуть на общество, даст дополнительное его видение, значит, я смогла поделиться новым изобретенным инструментом для понимания того, что было до нас, есть сейчас и будет в будущем.

Основная трудность такого приложения теории институциональных матриц связана с тем, что она вступает в противоречие с доминирующим экономическим и социологическим дискурсом, базирующимся на принципе *методологического индивидуализма*.

Хотя ученые, посвятившие специальные монографии анализу методологического индивидуализма, скептически относятся к тому, чтобы достичь окончательной договоренности по поводу его содержания (Udehn, 2001), вполне достаточно вве-

сти следующее рабочее определение: методологический индивидуализм «предполагает объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения». С такой трактовкой согласны Л. Лахманн, Дж. Элстер, М. Аоки и др. (Hodgson, 2007, р. 98–99), а также Стивен Люкес (Lukes, 1973. Цит. по: Ходжсон, 2003, с. 98). Социальный субъект — таковым может полагаться как индивид, так фирма и даже государство — служит главной отправной точкой теоретического анализа (Шаститко, 2002, с. 36). Хотя индивидуализм не представляет собой «апологию эгоизма», тем не менее, согласно данному принципу, все экономические и социальные феномены анализируются «через призму» индивидуальных действий субъектов разного уровня.

Принцип «методологического индивидуализма» терминологически был введен в программу экономических исследований Й. А. Шумпетером в середине XX века. Он, как отмечается, «дал название тому, что уже и так объединяло неоклассических авторов и отличало их от своих классических предшественников» (Допфер, 2008, с. 112). С тех пор этот принцип господствует в социологии, экономике и даже в институциональных исследованиях, прежде всего в неинституциональной теории. Институты здесь рассматриваются как «правила игры», сознательно созданные индивидами для организации взаимодействия с целью структурирования стимулов обмена и уменьшения транзакционных издержек при максимизации полезного эффекта (Норт, 1997 с. 16). Порой их понимают как социальные организации, «формирующие долговременные рутинизированные схемы поведения» индивидов (Ходжсон, 2003 с. 37) или как устойчивые стереотипы индивидуальных действий — «рутины» (Нельсон, Уинтер, 2002) и т. п. Во всех этих случаях исследователи исходят из предпосылки методологического индивидуализма, предполагающего объяснение становления и развития институтов «в терминах индивидуального человеческого поведения». Как отмечает О. И. Ананьин, даже основатель новой институциональной экономики Д. Норт пишет о том, что экономика «отказывается от изучения того контекста (курсив мой — С.К.), в котором делается выбор» (Ананьин, 2013, с. 34), концентрируясь собственно на экономическом поведении.

Исключение составляют исследования, проводимые в рамках системной парадигмы (подробнее Кирдина, 2014). По своему определению системная парадигма направлена на изучение другого уровня, «слоя» реальности, обладающего эмерджентными, по отношению к индивидуальному уровню, свойствами. Хотя все «слои» социально-экономической реальности взаимосвязаны, и один зависит от другого, тем не менее, свойства верхнего уровня (являющегося предметом рассмотрения в системной парадигме) несводимы к элементам уровня индивидуумов и не выводимы из них. Соответственно, опора на принцип методологического индивидуализма не позволяет решать научные задачи изучения социальных и экономических систем в целом.

В работах экономистов и социологов, неудовлетворенных возможностями методологического индивидуализма, оппозицией ему нередко выступает принцип методологического холизма. В этом случае речь может идти, как полагают его сторонники, о рассмотрении общества как целостной системы, отличающейся от суммы

образующих его индивидов. Соглашаясь «по духу» с такой трактовкой, считаю необходимым рассмотреть данный принцип более тщательно.

Принцип методологического холизма — это гносеологическая философская предпосылка, исследуемая со времен Аристотеля (IV век до н.э.). Суть холизма состоит в понимании того, что «целое больше суммы своих частей». При этом холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения возникающих при взаимодействии элементов в системе новых качеств или свойств, отсутствующих у элементов.

В гносеологии холизм противостоит редукционизму, при котором специфика целого «ищется» в составляющих его частях, а само целое понимается как набор образующих его первичных элементов. Методологический редукционизм и методологический холизм по-разному интерпретируют системы, рассматривая их либо как аддитивные, в которых система образуется как сумма своих частей, либо как эмерджентные или целостные, с наличием особых качеств. Живые и социальные системы принадлежат, как правило, ко второму виду.

Редукционизм и холизм, также как анализ и синтез — два комплементарных познавательных приема, эффективных для решения различных исследовательских задач, и они достаточно широко используются в разных системах знания, как естественнонаучных, так и социально-гуманитарных. Каждый из этих приемов полезен, но, будучи гипертрофированным, может терять свое гносеологическое значение (Новый философский словарь, 2013). Ограничения методологического редукционизма могут свести высшее к низшему, отказав высшим формам в специфике и самостоятельности. Это характерно, например, для биологизма при рассмотрении социальных систем. В свою очередь, абсолютизация целостности может приводить к отрыву высшего от низшего как в структурном, так и в генетически-эволюционном отношении. Это может выражаться в пренебрежении к анализу механизмов обеспечения целостности социально-экономических систем, а также в излишней абстракции используемых категорий, что было характерно, на мой взгляд, для политической экономии социализма.

Методологический холизм и методологический редукционизм являются частью общей системы научного познания и необходимо предполагают друг друга (Новая философская энциклопедия, т. 3, 2001, с. 430). В то же время в разных науках они получают, как правило, свое конкретное содержание в зависимости от предметного поля.

В экономической и социологической теории *принцип редукционизма находит свое выражение в принципе методологического индивидуализма*. Как отмечается, например, в соответствующей статье «Словаря терминов по институциональной экономике», «в экономической теории методологический индивидуализм представляет собой реализацию общепризнанного принципа методологического редукционизма, поскольку выводит свойства системы (экономики) из свойств ее элементов» (Литвинцева, 2001). Используя упрощенные модели *homo economicus*, данный принцип позволяет выявить некоторые закономерности экономического поведения, преимущественно на микроуровне, и, что важно, широко использовать математическое моделирование для анализа экономических процессов.

Что же касается принципа *методологического холизма*, то в обществоведении он до сих пор декларировался, если можно так сказать, «напрямую», *без уточнения его специфики в отношении его предметного поля*.

Поскольку динамическая целостность социально-экономической системы обеспечивается структурами действующих в ней институтов, то неслучайно, что в экономике впервые термин *холизм* стал применяться представителями институциональной экономической теории, точнее, традиционного, или оригинального институционализма (*original institutionalism*). Пионером в использовании термина *холизм* был Аллэн Грочи (Allan Gruchy), употребивший его в 1947 г. (Toboso, 2001, p. 768). С тех пор в институциональной теории не прекращаются дебаты между сторонниками методологического индивидуализма и методологического холизма в отношении того, какой из принципов более релевантен для анализа институциональных и организационных изменений. Участники дискуссий отмечают, что представители новой институциональной теории опираются преимущественно на принцип методологического индивидуализма, в то время как сторонники традиционного институционализма используют обычно холистический подход. Однако полной ясности по поводу того, что означает объяснение в терминах холистического подхода, нет даже среди его сторонников (Toboso, 2001, p. 767–770).

В чем же находит свое выражение холизм, предполагающий рассмотрение экономики и общества как системного целого? Только ли в том, что он является альтернативным способом объяснения поведения индивидов характером социальной системы (Watkins, 1952. Цит. по: Тамбовцев, 2008, с. 135)?

На мой взгляд, с этим можно поспорить. Напомним, что холистический подход означает работу с чертами системы, не сводимыми к свойствам входящих в нее элементов и не выводимыми из них. Но индивидуумы со своим поведением являются как раз элементами системы, и поэтому их изучение — какие бы факторы не принимались при этом во внимание — не позволяет судить о свойствах экономической системы в целом. Поэтому вряд ли можно признать «холистический» подход традиционных институционалистов в полной мере проявлением принципа методологического холизма при анализе экономики.

Исходя из того, что целостность социальных и экономических систем обеспечивается структурами институтов, объектом анализа при холистическом подходе, на мой взгляд, могут быть прежде всего институты. Поэтому реализацией методологического холизма при анализе экономических систем является *методологический институционализм*.

Под методологическим институционализмом¹⁴ понимается подход к исследованию любой социальной, в том числе экономической системы (от микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных

¹⁴ В отличие от термина «методологический институционализм» в науковедении, когда при анализе развития научных направлений речь идет об «институционализации методологий», характеризующих структуру и развитие науки (Фролов, 2002, 2008; Марача, 2003).

и неформальных правил (институтов) и *объяснение* общественных явлений в терминах функционирования и изменения институциональной структуры.

Хотя базирующийся на этом принципе анализ не нов для социологов, политологов и применяется также в экономических исследованиях (неявно на него опирались К. Поланьи, В. Ойкен и другие представители сравнительного институционального анализа), его осмысление находится, по-видимому, на начальном этапе. В свое время, как было отмечено выше, появление термина «методологический индивидуализм» послужило оформлением концептуального отличия двух групп экономистов (неоклассиков и приверженцев классической политэкономии) спустя десятилетия после фактического размежевания между ними. Очевидно, осознание специфики альтернативного теперь уже по отношению к принципу методологического индивидуализма подхода на основе методологического институционализма также займет некоторое время.

Вводя в оборот этот новый термин, подчеркну, что методологический институционализм не следует понимать лишь в онтологическом смысле, имея в виду институты как объект анализа. Речь идет об ином взгляде (*vision*) на социальную и экономическую реальность, когда институты полагаются главной исследуемой причиной наблюдаемых феноменов и различий (как при методологическом индивидуализме такой причиной понимается определенное рамками исходных постулатов поведение индивидов). Другими словами, основное внимание уделяется контексту, в котором действуют индивиды — системе правил, институциональной среде.

Одной из редких пока работ, где, среди прочего, вводится и обсуждается термин методологический институционализм (*methodological institutionalism*), является препринт (discussion paper) Пита Кейзера из Утрехтского университета, посвященный методологическому анализу изучения институтов в социологии и экономике. Сутью введенного им понятия *methodological institutionalism* он считает *уровень* объяснения того или иного устоявшегося явления и *связанность с действующими на этом уровне правилами*, идет ли речь о правилах внутри фирмы или на макроуровне (Keizer, 2007, p.13–14). Задача состоит в выделении наиболее стабильного институционального уровня, регулирующего деятельность тех или иных акторов, и его последующего изучения, и я в целом согласна с такой трактовкой.

Принцип методологического институционализма обращает наше внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения — институты.

Чтобы продемонстрировать трудности такого видения, обратимся к метафоре, которая, выступая посредником между известным и неизвестным, позволяет «навести внимание на путь адекватной вербализации» (Кузьмина, 2006, с. 50). Метафорически институты в обществе можно представить как силовые линии электромагнитного поля, формирующие саму его структуру. Как и силовые линии, институты непосредственно невидимы, хотя и существуют, и мы можем их фиксировать. Посредством магнитного поля осуществляется взаимодействие между движущимися заряженными частицами. Аналогично, при посредстве институтов осуществляется взаимодействие активных социально-экономических субъектов, институты

упорядочивают эти взаимодействия. Как брошенные железные опилки распределяются вдоль силовых линий магнитного поля, создаваемого постоянным магнитом, так и люди — «вброшенные» в социальную жизнь, распределяются по «силовым институциональным линиям». Институт обмена сопоставит друг другу продавцов и покупателей, действующих по определенным рыночным правилам. В свою очередь, институт редистрибуции задает взаимодействие центра и связанных с ним участников редистрибутивного экономического процесса. В институтах фиксируются важные для стабильного развития соглашения, найденные социальными акторами в ходе противоречивых и порой конфликтных взаимодействий и исторически закрепившиеся. Поэтому с позиций методологического институционализма экономика, например, — это не взаимодействующие агенты, а система правил, по которым они взаимодействуют (Дози, 2012, с. 38).

По Д. Норту, институты являются целостной конструкцией, включающей в себя формальные (конституции, общее право, инструкции) и неформальные (соглашения, нормы и кодексы поведения) ограничения на человеческие действия, равно как и принуждения к их исполнению (North, 1993; см. также: Норт, 1997, с. 16)¹⁵. Как при попытке переместить железные опилки с силовых линий можно наблюдать их возвратное движение, так и механизм санкций в случае отклонения поведения людей от принятых норм возвращает их к действию по существующим правилам.

Заметим, что бытующее разделение институтов на так называемые «формальные» и «неформальные» представляется нам неточным, хотя и весьма распространено. При таком разделении речь идет лишь о правилах деятельности в формальной и неформальной сферах. Поэтому сам термин «институт» является в данном случае лишним, избыточным. Например, законы представляют собой законы, а не институты, точно также как традиции — это традиции, а не институты. Организации или фирмы также не являются институтами, если исследуются с точки зрения своего устройства.

Потребность употребить понятие «институт», или встать на позиции методологического институционализма, возникает тогда, когда речь действительно идет о новом исследуемом явлении, о таких сплавах формальных и неформальных ограничений, которые действуют с неизбежностью «силовых линий» и структурируют общество (и его подсистемы) как исторически воспроизводящую структуру человеческих взаимодействий. Институт рынка, или институт собственности, или институт федерации — вот когда необходимо употребление термина «институт». Институтам принадлежит системообразующая роль в общественной жизни, поскольку они поддерживают ее «каркас», формируют комплекс возможного и предсказуемого поведения, уменьшают неопределенность в обществе. Институты также поддерживают функционирование социальных систем в изменяющейся внешней среде и при эндогенных изменениях в обществе — росте образования, изменении демографиче-

¹⁵ Аналогичное определение дают социологи: институты представляют собой "устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности" (Современная западная социология, 1990, с. 117).

ских параметров, уровня развития территории и др. В них находит свое выражение общественный консенсус по важнейшим жизненно необходимым условиям развития. Если нет институтов, то нет и социальных систем.

Итак, принцип методологического институционализма, явно порой не осознаваемый, но уже используемый зарубежными и российскими исследователями, означает приоритетное рассмотрение особых свойств социальных и экономических систем — в данном случае институтов, — которые отсутствуют у составляющих систему индивидов. Ядро связанных с этим принципом предпосылок только формируется, но методологи экономической науки уже могут его «высветить» в работах, относимых к направлению сравнительного институционального анализа. Поскольку ученые данного направления заняты изучением экономических систем как целого, то они невольно опираются на принцип методологического институционализма, поскольку институты обеспечивают целостность исследуемых ими объектов. Представленный О. И. Ананьиним свод общих методологических принципов этого направления, обозначаемого также как экономическая компаративистика, уже был представлен в первом параграфе главы 1. Он включает в себя холистический подход, разработку универсального языка для описания исследуемых систем, определение их как институциональных структур, сравнительно-типологический метод анализа и интерпретативную методологию (Ананьин, 2002, с. 9–10, 12).

Предпосылка методологического индивидуализма (отражающая редукционистский подход в общественных науках) и предпосылка методологического институционализма (как отражение холистического подхода) формируют принципиально различные взгляды на характер функционирования и развития социальных и экономических систем и дополняют друг друга. Как человек меняет очки «для близи» и «для дали» в зависимости от необходимости рассмотреть те или иные явления и предметы, так и ученый в зависимости от своих исследовательских задач может опереться на тот или иной корпус исходных предпосылок. Как отмечает В. С. Автономов, «экономическая наука по природе своей обречена на методологический плюрализм. В отличие от естественных наук она не является точной, в ней в принципе невозможен решающий эксперимент, с помощью которого мы могли бы выбрать одну теорию и отбросить другую» (Автономов, 2013, с. 59).

Исследования, базирующиеся на принципе методологического индивидуализма, составляют сегодня мейнстрим экономики и социологии, а теоретические подходы на основе принципа методологического институционализма занимают скорее маргинальное положение. То, что методологический институционализм как осознанная предпосылка не является характерным, сдерживает возможности приложения теории институциональных матриц, или X-Y-теории. Тем не менее, у нее открытое будущее, частью которого она, хочется верить, уже является.

Omnia mutantur, nihil interit
(Все меняется, ничего не исчезает)

Овидий

Заключение

Что нового можно узнать, обосновывая и проверяя выдвинутую гипотезу об институциональных матрицах? Что выступает для меня самыми важными результатами исследования, которыми хочется поделиться с читателем на заключительных страницах книги?

Во-первых, вновь повторю замечание из введения о том, что изучение институциональных X- и Y-матриц представляется мне одной из попыток преодолеть знакомое, видимо, многим и описанное еще В. О. Ключевским состояние человеческого духа, когда он «тяготится хаотическим разнообразием воспринимаемых им впечатлений, скучает непрерывно льющимся их потоком» (Ключевский, 1904–1910, т. 2, с. 238). Наш ум, продолжал он, стремится «эти мелочные, разбитые или разорванные явления объединить отвлеченной мыслью, сводя их в цельное мирозерцание», и если это нам удастся, мы лучше понимаем реальность. Даже если это всего лишь наша иллюзия, мы, тем не менее, приближаемся к состоянию покоя и гармонии с окружающим миром, к чему, думаю, все мы стремимся. Рассмотрение социальной реальности через призму институциональных матриц не раз позволяло мне получать ответы на те вопросы, которые до этого казались необъяснимыми, помогало различать временное, то, чему суждено измениться, и неизменное, которое не исчезает и сохраняется, и в этом для меня — одно из главных значений разрабатываемой теории.

Во-вторых, теория институциональных матриц, или X-Y-теория пытается дать свой ответ на тот исторический вызов, перед которым уже не одно столетие стоит общественная российская наука. В чем он? С точки зрения большинства западных теорий, происходящее в России часто воспринимается как парадокс, как исключение из общего правила, как логически необъясненное

противоречие. Поэтому так часто и в самой России, и извне звучат призывы кардинальных изменений государственного устройства и всего хода российской жизни. Но еще в Евангелии от Матфея сказано «Чего не понимаешь, тому можешь только дивиться, а отвергать его не дерзай» (Библия, Мф 8, 27). Поэтому первым шагом является принятие нашей реальности такой, какова она есть. А вторым — попробовать найти научное, объективное обоснование устойчивости этого «парадокса и противоречия». Ведь до тех пор, пока в социальных науках не сформулирован общий закон, в рамках которого это противоречие может быть объяснено, оно воспринимается как досадное недоразумение, как проявление чьей-либо злой воли или плод субъективных человеческих заблуждений. Путь к преодолению этого противоречия заключается в поиске того неизвестного всеобщего закона, в рамках которого российские реалии явились бы частным случаем. Теория институциональных матриц — одна из попыток обнаружить такой закон. Она предлагает формирование новых научных рамок и системы понятий и категорий, в которых российская действительность, которую, казалось, «умом не понять», методологически корректно может быть соотнесена с тенденциями мирового развития. Таким образом, изложенная X-Y-теория дополняет научный арсенал концепций, в которых ставится задача понять российскую историю с позиций всеобщего закона, которого не может не быть, если мы придерживаемся материалистического взгляда на природу развития обществ.

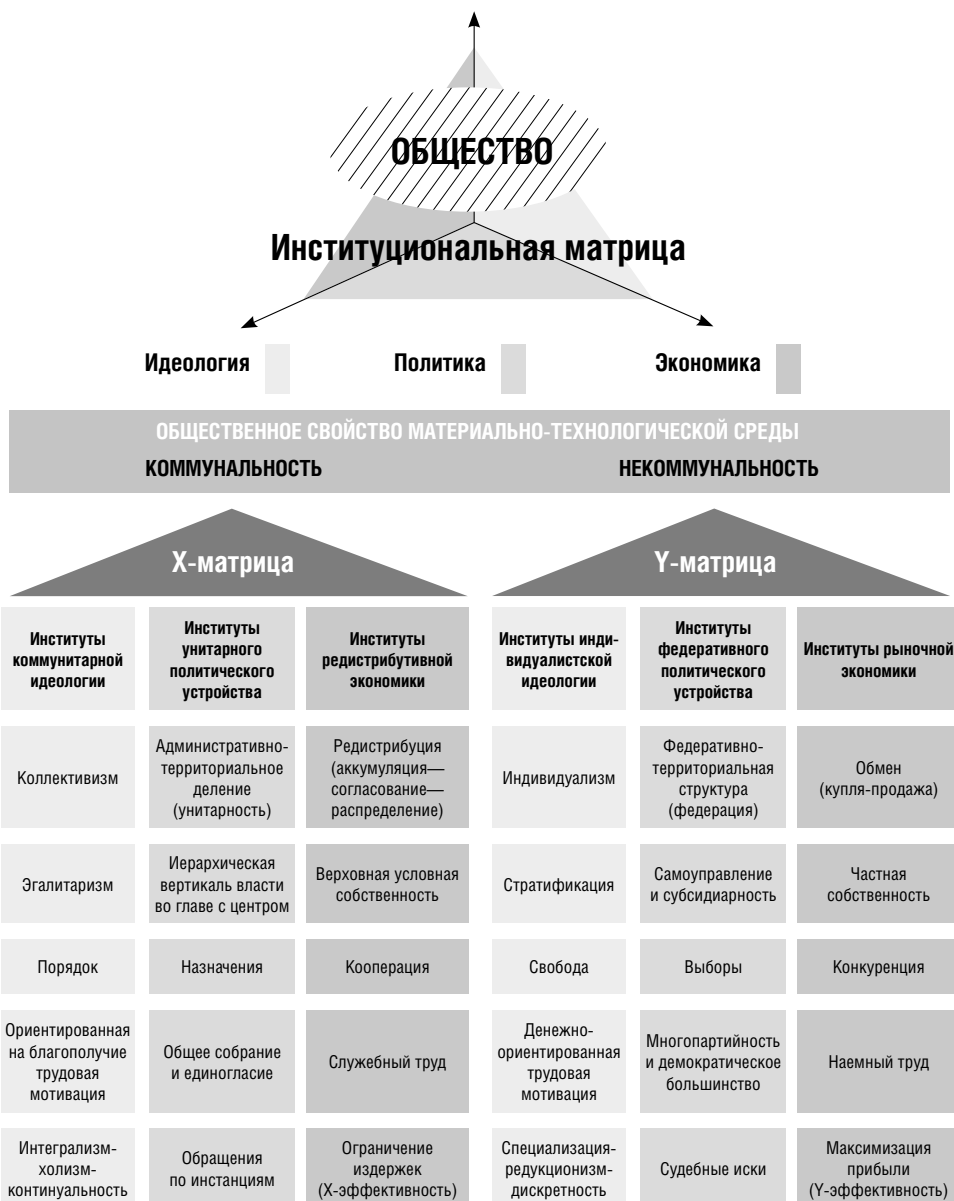
В-третьих, познавательное значение теории институциональных матриц не исчерпывается ее полезностью для России. Обществоведов всегда искушала задача разработки теорий, которые бы на едином терминологическом языке объясняли социальную ситуацию в разных странах и в разные исторические эпохи. И это не только отражение вечной потребности мысли, стремящейся просто понять суть сложные вещи. Это необходимо и с практической точки зрения для того, чтобы корректно сопоставлять результаты культурного, экономического и политического развития отдельных государств и частей мира и прогнозировать тенденции возможных изменений. Кроме того, без таких универалистских теорий вряд ли возможно понять, объяснить и использовать зарубежный и часто привлекательный опыт социально-экономических и политических реформ. Усилившиеся в эпоху глобализации международные контакты ученых, представивших мировому социологическому сообществу разноликие картины социальной жизни своих стран, служат здесь дополнительным катализатором. Невозможность «уложить» происходящие в государствах процессы общественного развития «в прокрустово ложе» имеющихся понятий требуют формирования нового общенаучного языка и теорий, адекватно описывающего изменившуюся реальность и однозначно воспринимаемого специалистами разных наций. Многие ученые в мире пытаются сегодня это сделать. Задача, таким образом, состоит в выработке общего набора понятий, построении своеобразной системы отсчета, относительно которой можно строить разнообразные рассуждения. Чтобы та или иная система могла выполнять роль системы отсчета, она должна быть практически неизменяемой. Только в этом случае она задает постоянную единообразную координатную сетку, в которой исследуемые объекты размещаются в разные моменты времени. X- и Y-матрицы можно использовать в необходимой роли своеобразной системы отсчета для анализа социальных процессов.

В-четвертых, гипотеза об институциональных матрицах дает новые основания научного дискурса по ряду давно обсуждаемых наукой проблем. Одной из таких дискуссий в общественных науках является полемика об эффективности и неэффективности институтов. В 1950 г. Арменом Алчианом (США) была выдвинута эволюционная гипотеза, предполагающая, что всепроникающая конкуренция должна устранять более слабые институты и способствовать выживанию и развитию тех институтов, которые способны лучше решать человеческие проблемы (Alchian, 1950). Тем самым фактически постулировано положение о присущей институтам эффективности, об их способности наилучшим образом регулировать общественную жизнь. Это положение было принято широким кругом ученых и составляет одну из методологических основ направления *path dependence* в институционально-эволюционных исследованиях. В то же время обосновывается и противоположный тезис об устойчивости неэффективных институтов. На это неоднократно указывают Д. Норт (North, 1981; Норт, 1997а), обсуждая проблему выживания неэффективных — с его точки зрения, вернее, с точки зрения рыночной теории — институтов собственности в странах «третьего» мира, В. М. Полтерович, автор гипотезы об институциональных ловушках в переходной России (Полтерович, 2001; 2004) и др.

X-Y-теория предлагает новую систему критериев эффективности или неэффективности экономических, политических и идеологических институтов. Она основывается на выделении в структуре общества доминантной и комплементарной матриц и определении необходимого институционального баланса, или соотношения доминантных и комплементарных институтов. Институты, поддерживающие это соотношение, будут эффективны, разрушающие его — неэффективны и, скорее всего, преходящи.

В заключение отметим, что в теории институциональных матриц сделана попытка описать социальную реальность как двуединое целое, как стремящееся к гармонии единство двух важнейших альтернатив общественного развития, представленных двумя типами институциональных матриц. Дальнейшие исследования будут направлены на то, чтобы сделать это представление явным и обоснованным для большинства ученых и практиков, определить количественные параметры этого единства. Хочется привести точно выражающие эту мысль слова Германа Гессе, осознававшего необходимость решения аналогичной творческой задачи (Hesse, 1963, p. 76): «Будь я музыкантом, я без труда мог бы написать двухголосную мелодию, состоящую из двух линий, из двух тональностей и нотных рядов, которые бы друг другу соответствовали, друг друга дополняли, друг с другом боролись, друг друга обуславливали, во всяком случае, в каждый миг, в каждой точке ряда, находились бы в теснейшем и живейшем взаимодействии. И всякий умеющий читать ноты мог бы прочесть мою двойную мелодию, всегда бы видел и слышал к каждому тону его противотон, брата, врага, антипода. Так вот, то же самое, эту двухголосность и вечно движущуюся антитезу, эту двойную линию я стремлюсь выразить в своем материале. Вот стоящая передо мной дилемма и задача. Можно много говорить здесь об этом, а вот разрешить их нельзя. Пригнув оба полюса жизни друг к другу, записать на бумаге двухголосность мелодии жизни мне никогда не удастся. И все-таки я буду следовать смутному велению изнутри и снова и снова отваживаться на такие попытки. Это и есть та пружина, что движет мои часы».

«Дерево понятий» теории институциональных матриц, или X-Y-теории

Терминологический словарь теории институциональных матриц, или X-Y-теории

А

Административно-территориальное деление, или Унитарность (Administrative-territorial division, от Unitarity) — базовый политический институт *X-матрицы*, определяющий территориальную организацию государства при *унитарном политическом устройстве*. В отличие от территориального деления государства как географического явления, политический институт административно-территориального деления определяет правила взаимодействия частей государства как целого, т.е. политическое устройство государства. Для него характерны следующие черты: во-первых, входящие в государство территориальные образования не являются в политическом отношении суверенными, существует иерархия статусов территорий; во-вторых, имеет место административная соподчиненность территориальных единиц при верховенстве высшего государственного уровня, или центра; в-третьих, существует единое поле компетенции, или круга полномочий, подлежащих общему ведению центра и соподчиненных административно-территориальных единиц. Как правило, действуют общие принципы и единая система организации власти во всех территориальных образованиях. Государственная территория рассматривается как единый объект управления, поэтому формирование административно-территориальных единиц часто обуславливается общегосударственными задачами. Государство строится «сверху» путем распространения действующих политических правил на вновь присоединяемые регионы, иерархические вертикальные отношения доминируют над горизонтальными связями. *Комплементарным институтом* по отношению к институту

административно-территориального деления, или унитарности в X-матрице выступает политический институт *федеративно-территориальной структуры*, или *федерации* в Y-матрице.

Б

Базовые институты (*Basic institutions*) характеризуют социетальный уровень рассмотрения *общества* как социальной системы. Они представляют собой глубокие, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ. В понятии базовых институтов выделяется стабильная составляющая институтов, действующих в экономике, политике и идеологии. Поэтому базовые институты представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою самодостаточность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов «здесь» и «сейчас». Главной функцией базовых институтов является поддержание целостности общества в единстве образующих его подсистем (*экономики, политики и идеологии*) и, соответственно, регулирование каждой из них. Специфика формирующихся базовых институтов носит объективный характер и обусловлена внешней *материально-технологической средой*. Триплексы базовых институтов в экономике, политике и идеологии образуют два исторически устойчивых типа, получивших название X-матрица и Y-матрица. Базовые институты отличны от мобильных, изменчивых *институциональных форм*, в которых они проявляются в общественной жизни. Базовые институты взаимообусловлены, определяют содержание и поддерживают функционирование друг друга, образуя определенную систему.

Биполярность институциональная, или Институциональная биполярность (*Institutional bipolarity*) означает постоянную представленность в мировом масштабе двух групп стран, отличающихся доминированием либо X-, либо Y-матрицы. При этом речь не идет о политическом противостоянии, «антагонизме жизненных интересов» или идеологической борьбе двух групп стран, но об их взаимодействующем сосуществовании. Укрепление институциональной биполярности способствует снижению глобального хаоса и укреплению стабильности международных отношений. Понимание институциональной биполярности в теории институциональных матриц, или X-Y-теории отличается от явления биполярности, изучаемого в рамках геостратегического, геополитического, цивилизационного, технократического и мир-системного подходов.

В

Верховная условная собственность (*Supreme conditional ownership*) — базовый экономический институт X-матрицы, регулирующий правила закрепления благ между хозяйствующими субъектами в *редистрибутивной экономике*, или X-экономике. Элементы института условной верховной собственности впервые обозначили и исследовали российский историк М. И. Ростовцев (1910) и советский специалист по граж-

данскому праву А. В. Венедиктов (1948). Данный институт означает, что владельцем основных ресурсов и средств производства признается — явно или латентно — общество в целом. Это предполагает возможность их использования по устанавливаемым верховным уровнем управления правилам и на определенных условиях. В каждый исторический период в разных странах неизбежно обозначаются признанные представители общественного интереса — от князей, царей или императоров до государственных органов исполнительной власти высшего уровня. Даже если объекты собственности распределены между использующими их хозяйствующими субъектами, подразумевается выполнение условий, наложенных верховным уровнем управления (хозяйствующим центром). Изменения правил доступа к благам со стороны верховного уровня управления определяются состоянием и ролью значимых для всего общества ресурсов и условий производства. Если распределение объектов собственности не обеспечивает со стороны использующих ее хозяйственных субъектов необходимого вклада в суммарную экономическую эффективность или используется с ущербом для общественных интересов, действуют механизмы изъятия или передачи объектов собственности другим, более эффективным хозяйствующим субъектам. Хотя конфигурация и структура собственности постоянно меняется, приспосабливаясь к внешним и внутренним вызовам, сохраняется роль верховного уровня управления как основного регулятора отношений собственности. *Комплементарным институтом* по отношению к институту верховной условной собственности в *X-матрице* выступает экономический институт *частной собственности* в *Y-матрице*.

Взаимообусловленность базовых институтов (Basic institutions' interdependence) — свойство *институциональных матриц*, означающее устойчивое взаимное соответствие экономических, политических и идеологических институтов, подходящих друг к другу как «ключ к замку», в каждой из X- и Y- матриц. Взаимообусловленность базовых институтов связана со специфическим характером связей между ними. Это связи не механического, а морфологического характера, определяемые принадлежностью к одному общему целому. Базовые институты отражают типологические особенности каждой институциональной матрицы и идентичны ее внутренней сущности: в любом из институтов, образующих X- или Y-матрицу, проявляет себя ее природа. Институты в матрице связаны между собой органически и выражают себя посредством «смежных» институтов, взаимно обуславливая действие друг друга.

Возрастающая отдача институтов (Increasing returns of institutions) обусловлена эффектом положительной обратной связи при одновременном действии института, координирующего деятельность все большего количества социальных акторов. Проявление связанной с этим «экономии от масштаба» приводит к возрастанию функциональных параметров институтов. Опора на сложившиеся институциональные структуры, прижившиеся в том или ином обществе, позволяет минимизировать издержки, неизбежно возникающие при формировании новых институтов. В этом же направлении действуют «эффекты обучения» социальных акторов при использовании возможностей, предоставляемых институциональной средой, рост

адаптивных ожиданий в ходе применения существующих институтов и усиление по этим причинам их динамической устойчивости. Возрастающая отдача институтов выражается в том, что вложения в последовательное (без принципиальной ломки) развитие институциональной среды приводят к существенно большей ее отдаче. Возрастающая отдача институтов связана с инкрементным процессом развития в логике 'path dependence' (зависимости от предшествующего пути) и позволяет существенно экономить на издержках нового «институционального строительства».

Выборы (Election) — базовый политический институт *Y-матрицы* и характерного для нее *федеративного политического устройства*. Институт выборов определяет порядок формирования кадров руководителей всех уровней власти — от местного до федерального — «снизу», на выборной основе. Институт выборов характеризуется следующими чертами: обязательность, т.е. признание их императивным легитимным способом формирования представительных и исполнительных органов власти; периодичность, связанная с временными рамками полномочий действующих властных органов для предотвращения узурпации власти; свобода участия в выборах населения страны; альтернативность, т.е. наличие нескольких выборных кандидатов; независимый статус избирательных комиссий; возможность отзыва депутатов и смещения избираемых лиц в порядке импичмента. *Комплементарным институтом* по отношению к институту выборов в *Y-матрице* выступает политический институт *назначений в X-матрице*.

Д

Денежно-ориентированная трудовая мотивация (Pecuniary-oriented labor attitudes) — базовый идеологический институт *Y-матрицы*, определяющий ценностную специфику трудового вознаграждения в комплексе институтов *индивидуалистской идеологии*. Институционально закрепленное превалирование денежного вознаграждения в системе ожиданий и стимулов работников, как и других участников экономического процесса, связано с тем, что деньги выступают практически единственным средством получения благ и услуг, необходимых для воспроизводства социальных субъектов. Причины доминирования денежно-ориентированной трудовой мотивации вызваны особенностями *рыночной экономики Y-матрицы*: работники являются полными собственниками своей рабочей силы и взаимодействуют с обособленными собственниками производственных и иных активов на основе *института обмена (купли-продажи)*, опосредуемого деньгами. *Комплементарным институтом* по отношению к денежно-ориентированной трудовой мотивации в *Y-матрице* выступает идеологический институт *ориентированной на благополучие трудовой мотивации в X-матрице*.

Доминантности-комплементарности принцип (Dominance-complementarity principle) определяет характер взаимодействия базовых институтов в обществе и отражает эмпирически наблюдаемый феномен со-действия в социальной жизни институтов обеих матриц и соответствующих им *институциональных форм*.

Устойчивое доминирование одной из матриц (см. *Инвариантность доминантности институциональных матриц*) необходимо предполагает действие институтов альтернативной матрицы. Институты главенствующей матрицы называются *доминантными*, а институты альтернативной матрицы — *комплементарными*. Нарушения принципа доминантности-комплементарности (при попытках заместить доминантные институты комплементарными или, наоборот, тотально ограничить действие комплементарных институтов) приводят к сбоям и проблемам в общественном развитии, вплоть до распада государств. Отражением действия принципа доминантности-комплементарности в социальной жизни является *институциональный баланс*.

Доминантные институты (Predominant institutions) — институты той матрицы, которая исторически доминирует и главенствует в институциональной структуре государства. При этом *комплементарные институты* из альтернативной матрицы имеют вспомогательное значение, обеспечивая необходимую устойчивость институциональной среды. Как в генетике доминантный ген, «подавляя» необходимый рецессивный ген, задает основные признаки живого организма, так и доминантные институты определяют основные правила взаимодействия во всех общественных подсистемах, задают рамки и ограничения для проявления *комплементарных институтов*.

И

Идеология (Ideology), или идеологическая сфера в рамках теории институциональных матриц понимается как одна из общественных подсистем, наряду с *политикой* и *экономикой*. Основная функция идеологии состоит в рационализации типа общества и институционализации соответствующих систем ценностей и норм, определяющих массовое поведение населения, в том числе в экономической и политической сферах. Тем самым идеология обеспечивает системную интеграцию общества и составляет основу его солидарности, содействуя закреплению и развитию определенного типа общественных отношений. В теории институциональных матриц выделяется два типа идеологии и соответствующих идеологических институтов — *коммунитарная идеология* как элемент институциональной *X-матрицы* и *индивидуалистская идеология* как элемент институциональной *Y-матрицы*.

Иерархическая вертикаль власти во главе с центром (Vertical hierarchical authority with centre on the top) — базовый политический институт *X-матрицы* и характерного для нее *унитарного политического устройства*. Данный институт определяет принципы построения системы органов управления (исполнительной власти) в унитарных государствах. В такой системе действует «матрешечный» принцип организации власти, когда органы управления всех уровней власти образуют общую иерархическую систему. Центр, являющийся вершиной властной вертикали, определяет условия функционирования подчиненных ему органов управления низших уровней и порядок делегирования полномочий между органами государственной власти «сверху вниз», на основе правил, определяемых

верхним уровнем управления. При этом условием передачи властных полномочий органам нижнего уровня управления является их надделение «сверху» необходимыми материальными и финансовыми ресурсами. В унитарных государствах центр, независимо от того, какая институциональная позиция ему соответствует — князь, император или президент — является основным гарантом осуществления политических прав социальных субъектов. *Комплементарным институтом* по отношению к институту иерархической вертикали власти во главе с центром в *X-матрице* выступает политический институт *самоуправления и субсидиарности* в *Y-матрице*.

Инвариантность доминантности институциональных матриц (*Invariance of institutional matrices' dominance*) — фундаментальное свойство институциональных матриц, означающее устойчивость доминирующего положения одной из них в институциональной структуре общества. Доминирующее положение той или иной матрицы определяется в начале государственной истории под влиянием свойств *материально-технологической среды* и сохраняется как при попытках изменить его при внешнем давлении со стороны других государств, так и при разрушительных действиях социальных субъектов внутри страны. Нарушение доминантности исторически присущей государству институциональной матрицы приводит к его разрушению. Инвариантность доминантности институциональных матриц означает сохранение социетального типа общества и определяет русло, «исторический коридор» эволюции конкретных обществ, задает общее направление траектории социальных изменений. Подтверждением инвариантности доминантности институциональных матриц являются *революции*. Инвариантность доминантности институциональных матриц поддерживает гармонизирующую глобальное развитие *институциональную биполярность*.

Индивидуализм (*Individualism*) — базовый институт *индивидуалистской идеологии* в *Y-матрице*. Индивидуализм как институт означает закреплённость формальных и неформальных правил, поддерживающих стремление социальных акторов к получению индивидуальной выгоды. Индивидуализм подчеркивает значение индивида и признание его интересов главенствующими в разнообразных социальных отношениях. Индивидуальный выбор является приоритетным по сравнению с обязанностями, вытекающими из взаимозависимости членов социального сообщества, а в конкуренции индивидуальных и социальных интересов первые, как правило, побеждают. *Комплементарным институтом* по отношению к институту индивидуализма в *Y-матрице* выступает идеологический институт *коллективизма* в *X-матрице*.

Индивидуалистская идеология (*Individualistic ideology*) — тип идеологии, свойственной *Y-матрице*, когда «Я доминирует над Мы». Комплекс институтов индивидуалистской идеологии поддерживает социальные нормы, признающие приоритет прав и интересов индивидуума по отношению ко всем организациям, ассоциациям и другим социальным структурам, в которые он включен. Социальные структуры имеют дополнительный и подчиненный характер по отношению индивидууму,

который полагается главной доминантой социального действия. Базовыми институтами индивидуалистской идеологии являются институты *индивидуализма, стратификации, свободы, денежно-ориентированной трудовой мотивации и специализации-редукционизма-дискретности*. Комплементарным комплексом институтов по отношению к индивидуалистской идеологии в Y-матрице является комплекс институтов *коммунитарной идеологии* в X-матрице.

Институциональная биполярность (Institutional bipolarity) — см. *Биполярность институциональная (Institutional bipolarity)*

Институциональная матрица (Institutional matrix) <от лат. ‘matrix’ — матка; исходная первичная модель, порождающая последующие воспроизведения чего-либо> — исторически сложившаяся система *базовых институтов*, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем — *экономики, политики и идеологии*. Институциональные матрицы обеспечивают целостность общества как социальной системы и возможности его поступательного развития при наличных материальных условиях. Институциональные матрицы базовых институтов лежат в основе меняющихся эмпирических состояний конкретных обществ, они постоянно воспроизводятся в ходе исторического развития, выражаясь в мобильных *институциональных формах*. В теории институциональных матриц, или X-Y-теории выделено два типа институциональных матриц — X-матрица и Y-матрица. Данное определение институциональной матрицы развивает идеи К. Полањи (1957) и Д. Норта (1981), которые первыми обратили внимание на феномен институциональных матриц.

Институциональные обмены (Institutional interchange) представляют собой трансляцию по формальным и неформальным каналам готовых *институциональных форм*, доказавших свою эффективность в тех или иных государствах. В ходе институциональных обменов между странами осуществляется заимствование и апробация сходных или альтернативных институционализированных способов решения экономических, политических и идеологических проблем, которые встраиваются в институциональную среду общества-реципиента. Обмены между государствами с доминированием альтернативных институциональных матриц имеют своим результатом приспособление и модификацию заимствуемых институциональных форм в соответствии с природой главенствующей X- или Y-матрицы, часто при сохранении названия или других внешних атрибутов заимствованной формы. Это явление получило название *институционального изоморфизма*. В период стабильного развития страны преобладает трансляция готовых институциональных форм из государств с идентичным типом доминирующей матрицы. В периоды кризисов активизируются обмены с государствами, где превалирует альтернативная институциональная матрица. Институциональные обмены содействуют модернизации институциональной среды и приведению ее в соответствие с изменяющимися внешними и внутренними условиями. Под институциональными обменами в теории

институциональных матриц, или X-Y-теории понимается процесс, осуществляемый в ходе свободного выбора необходимых институциональных форм, а не навязанные внешними силами институциональные изменения.

Институциональные формы (*Institutional forms*) — конкретные установленные образцы, инструкции, правила, нормы и т.д., в которых закрепляется формальный и неформальный порядок взаимодействия социальных субъектов. Законодательные акты, системы организации труда, политические процедуры, формы хозяйственных связей между экономическими субъектами, системы трудовых стимулов — все они представляют собой институциональные формы. Применительно к экономике вопрос о разделении конкретных институциональных форм (как эмпирически наблюдаемых явлениях) и институциональной структуры (как совокупности институциональных отношений, направляющих ход экономических процессов) в России впервые был поставлен О.И. Ананиным (1996). В теории институциональных матриц, или X-Y-теории, развитие институциональной среды рассматривается как процесс модернизации и совершенствования институциональных форм, в которых реализуются социальные взаимодействия в разных типах обществ. В отличие от глубинных инвариантных *базовых институтов*, сохраняющих свое содержание, соответствующие им институциональные формы мобильны, пластичны, изменчивы. Поэтому они легко заимствуются и распространяются. Внутреннее содержание институциональных форм, присущих государствам с одним типом *институциональной матрицы*, качественно меняется, когда они начинают использоваться в государствах с иным типом доминирующей институциональной матрицы. Этот процесс приспособления и модификации заимствуемых форм называется *институциональным изоморфизмом*.

Институциональные циклы (*Institutional cycles*) представляют собой повторяющиеся сменяющие друг друга периоды последовательного доминирования стран с разным типом *институциональных матриц* в глобальном масштабе. При сохранении *институциональной биполярности* происходит смена доминирующих полюсов. Предварительные исследования динамики структуры мирового ВВП выявили цикл (волну) продолжительностью примерно в 140 лет. Так, в 1870-хх гг. преобладание стран *X-матрицы* сменилось доминированием стран *Y-матрицы*, которое достигло наивысшей точки в середине XX в. Затем начался процесс уменьшения их роли, и с 2008–2010 гг. в мировом ВВП возрастает доля стран с доминантой X-матрицы. Циклическая институциональная динамика полюсов глобальной системы заложена в самой ее структуре

Институциональный баланс (*Institutional balance*) служит выражением *принципа доминантности-комплементарности* и означает соотношение, пропорцию *институциональных форм*, соответствующих *базовым институтам X- и Y-матриц*, в определенные моменты времени в той или иной стране. Несмотря на колебания этого соотношения под влиянием активности социальных субъектов, оно отличается преобладающей ролью в институциональной среде тех форм, которые соответствуют *доминантным базовым институтам*. Количественные пропорции

институциональных форм, характерных для доминантных и *комплементарных* институтов, меняются в зависимости от задач развития общества. Поиск их оптимального соотношения, при которых преимущества и недостатки альтернативных институциональных форм уравнивают друг друга, т. е. достижение адекватного месту и времени институционального баланса, составляет одну из основных задач социально-экономической политики каждой страны.

Институциональный изоморфизм (*Institutional isomorphism*), впервые отмеченный П. Димаджо и У. Пауэллом (1983), характеризует явление адаптации заимствуемых *институциональных форм* в процессе их внедрения в иную институциональную среду. Он означает процесс гомогенизации, или ограничивающий процесс, который вынуждает заимствуемую форму походить на другие, существующие в условиях той же среды. Институциональный изоморфизм выделяет необходимость приспособления заимствуемых институциональных форм к тем условиям, в которых им предстоит действовать. Невозможность достижения институциональной совместимости приводит к их «выбраковке» институциональной средой и отторжению. Выражением институционального изоморфизма часто служит сохранение названия заимствуемой формы при необходимом изменении ее содержания (например, форма трестов, заимствованная из практики США «нэповской» Россией в 1920-е гг.).

Интегрализм-холизм-континуальность (*Integralism-holism-continuity*) — базовый идеологический институт комплекса *коммунитарной идеологии*, свойственной *X-матрице*. Он закрепляет привычные и воспроизводящиеся в массовом сознании холистические стереотипы мышления относительно окружающего мира как целостного и взаимосвязанного, поэтому изоляция элементов от целого и временная дискретизация не являются типичными ментальными стереотипами. Общность стереотипов мышления позволяет населению стран с доминированием *X-матрицы* лучше понимать друг друга при выполнении разнообразных социальных действий и формирует ожидания определенного рода при прямых и опосредованных взаимодействиях. Институционализация важнейших стереотипов мышления на формальном и неформальном уровне означает, что каждое новое поколение встречается с ними в процессе социальных взаимодействий как с данностью, с характерным элементом институциональной среды, в которой ему предстоит действовать. *Комплементарным институтом* по отношению к институту интегрализма-холизма-континуальности в *X-матрице* выступает идеологический *институт специализации-редукционизма-дискретности* в *Y-матрице*.

К

Коллективизм (*Collectivism*) — базовый идеологический институт комплекса *коммунитарной идеологии*, свойственной *X-матрице*. Институт коллективизма поддерживает такой принцип социального действия, при котором связи и отношения между людьми опосредованы не столько индивидуальными, сколько надличност-

ными общественно значимыми целями, разделяемыми — явно или неявно — взаимодействующими субъектами. Коллективизм институционализирует социальные нормы, при которых следовать важным для коллектива и общества важнее, чем индивидуальным целям, когда приоритетом служит сохранение и развитие коллективной структуры, а не решение личных задач. Коллективизм предполагает сплоченность, единство нормативных ценностных ориентаций, коллективную идентичность и общую ответственность за результаты деятельности. *Комплементарным институтом* по отношению к институту коллективизма в *X-матрице* выступает идеологический институт индивидуализма в *Y-матрице*.

Коммунальность (*Communitality*) — общественное свойство *материально-технологической среды*, проявляющееся в ходе ее использования населением в ареале возникновения и существования государства. Впервые данное понятие введено в 1996 г. (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996). Коммунальность означает, что материально-технологическая среда может использоваться в хозяйственном и социальном процессе преимущественно как единая нерасчленимая система, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Такая среда является условием выживания всего общества, состоит под единым управлением и требует совместной эксплуатации и защиты. Коммунальность материально-технологической среды означает неразрывность связей между формирующими ее элементами и существование ее как единого целого, функционирующего в форме общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и потреблено по частям. Преимущественно коммунальная материально-технологическая среда обуславливает доминирование институциональной *X-матрицы*. Альтернативным по отношению к коммунальности свойством служит *некоммунальность* материально-технологической среды.

Коммунитарная идеология (*Communitarian ideology*) — тип идеологии, свойственный *X-матрице*, когда «Мы доминирует над Я». Комплекс институтов коммунитарной идеологии поддерживает социальные нормы, признающие приоритет общественных, коллективных ценностей над индивидуальными. Базовыми институтами коммунитарной идеологии являются институты *коллективизма, эгалитарности, порядка, ориентированной на благополучие трудовой мотивации и интегрализма-холизма-континуальности*. Комплементарным комплексом институтов по отношению к коммунитарной идеологии в *X-матрице* является комплекс институтов *индивидуалистской идеологии* в *Y-матрице*.

Комплементарные институты (*Complementary institutions*) — институты, характерные для определенного типа *институциональной матрицы* (*X-* или *Y-матрицы*), но действующие в государствах, где доминирует альтернативный тип институциональной матрицы (*Y-* или *X-матрицы*, соответственно). Институциональная структура любого государства характеризуется одновременным сосуществованием институциональных форм, выражающих действие *доминантных* и *комплементарных* институтов, «дополняющих до целого» институциональную

среду. Действие комплементарных институтов, подчинено *принципу доминантности-комплементарности*. Рациональное взаимодействие институциональных форм, свойственных доминантным и комплементарным институтам, обеспечивает эффективное функционирование каждой из общественных подсистем и поддерживает *институциональный баланс*. Роль комплементарных институтов усиливается, как правило, в периоды общественных кризисов.

Конкуренция (Competition) — базовый экономический институт *Y-матрицы*, регулирующий взаимодействия хозяйствующих субъектов в *рыночной Y-экономике*. Конкуренция, или соперничество хозяйствующих субъектов в получении лучших производственных условий и средств для своей деятельности, а также вознаграждения за ее результаты, обеспечивает в рыночных экономиках эффективное использование дефицитных ресурсов. Комплементарным институтом по отношению к институту конкуренции в *Y-матрице* является экономический институт *кооперации* в *X-матрице*.

М

Максимизация прибыли, или Y-эффективность (Profit maximization, or Y-efficiency) — базовый экономический институт *Y-матрицы*, который служит главным сигналом обратной связи в *рыночной Y-экономике*. Он означает, что экономические субъекты используют условия рыночной среды для того, чтобы увеличить прибыль, реализуя свой продукт для максимально возможного числа потребителей по выгодной для себя цене. Получение и максимизация прибыли означают, что деятельность экономических субъектов признана и оценена обществом. Данный институт играет наиболее важную роль в саморегуляции рыночных экономик. *Комплементарным институтом* по отношению к институту максимизации прибыли, или *Y-эффективности* в *Y-матрице* выступает экономический институт *ограничения издержек*, или *X-эффективности* в *X-матрице*.

Материально-технологическая среда (Material and technological environment) — обусловленная природными условиями социальная и производственная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения, с присущими им технологиями и системами управления. Материально-технологическая среда обладает определенными общественными свойствами, которые проявляются в процессе вовлечения элементов природной среды в хозяйственный оборот при совместной социально-экономической деятельности. Несмотря на постоянные технические и иные новшества, материально-технологическая среда в ареале возникновения государства воспроизводит сформировавшиеся на заре его истории свойства *коммунальности* или *некоммунальности*, соотношение которых формирует специфику материально-технологической среды. В теории институциональных матриц, или *X-Y-теории*, материально-технологическая среда рассматривается в качестве основного фактора, который определяет соотношение *X-* и *Y-*институциональных матриц, задающее социетальный тип *общества*.

Методологический институционализм (*Methodological institutionalism*) является отражением общенаучного принципа холизма в обществоведении, и дополняет методологический индивидуализм, соответствующий общенаучному принципу редукционизма в общественных науках. Под методологическим институционализмом понимается подход к исследованию любой социальной, в том числе экономической системы (от микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов) и объяснение общественных явлений в терминах функционирования и изменения институциональной структуры. Данное определение развивает подход П. Кейзера, который ранее ввел понятие методологического индивидуализма (Keizer, 2007). Методологический институционализм означает приоритетное рассмотрение особых свойств социальных и экономических систем — институтов, которые отсутствуют у составляющих систему индивидов. Опирающиеся на принцип методологического институционализма социологи и экономисты (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, К. Поланьи, В. Ойкен и др.) заняты изучением социальных и экономических систем как целого, а потому исследуют институты, обеспечивающие целостность исследуемых объектов. Для методологического институционализма характерны холистический подход, разработка универсального языка для описания исследуемых систем, определение их как институциональных структур, сравнительно-типологический метод анализа. Теория институциональных матриц, или X-Y-теория, опирается на принцип методологического институционализма.

Многopартийность и демократическое большинство (*Multi-party system with the rule of democratic majority*) — базовый политический институт Y-матрицы, определяющий порядок формирования важнейших государственных решений при *федеративном политическом устройстве*. Институт многopартийности и демократического большинства подразумевает, что основной политической силой в государстве, определяющей характер принимаемых решений, являются партии. Партии представляют собой организованные группы людей, объединенных общими интересами, обладающих собственностью и стремящихся в конкурентной борьбе с другими группами занять (или предоставить своим представителям) лидирующие позиции в структурах власти. Принятие решений властными структурами обеспечивается избранными от партий представителями на основе принципа демократического большинства, заимствованного еще из Римского права. *Комплементарным институтом* по отношению к институту многopартийности и демократического большинства в Y-матрице выступает политический институт *общих собраний и единогласия* в X-матрице.

Н

Наемный труд (*Contract, or short and medium term, labor*) — базовый экономический институт Y-матрицы, регулирующий организацию труда в *рыночной Y-экономике*. Институт наемного труда регулирует привлечение общественных сил к труду и их воспроизводство в условиях *частной собственности* и означает труд

работника по контракту (трудовому договору) на предприятии, собственником которого он не является. При данном институте трудовые отношения имеют характер рыночного обмена, или *купли-продажи* рабочей силы. *Комплементарным институтом* по отношению к институту наемного труда в Y-матрице выступает экономический институт *служебного труда* в X-матрице.

Назначения (Appointment) — базовый политический институт X-матрицы, регулирующий порядок замещения управленческих позиций при *унитарном политическом устройстве*. Институт назначений предполагает, что руководители нижестоящих управленческих структур, как правило, назначаются «сверху». Одновременно осуществляется наделение назначаемых лиц необходимыми ресурсами, или правами использовать те или иные ресурсы для выполнения своих должностных обязанностей. «Сверху» прописывается и порядок исполнения должностей. Даже если имеют место выборы руководителей, то всегда предусматривается механизм, опосредующий право вышестоящих органов управления влиять на кадровый состав нижестоящих звеньев. *Комплементарным институтом* по отношению к институту назначений в X-матрице выступает политический институт *выборов* в Y-матрице.

Некоммунальность (Non-communality) — общественное свойство, *материально-технологической среды*, проявляющееся в ходе ее использования населением в ареале возникновения и существования государства. Впервые данное понятие введено в 1996 г. (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996). Некоммунальность означает технологическую обособленность важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда формируется как совокупность разрозненных технологических объектов, способных функционировать автономно, и не требует единого управления. Преимущественно некоммунальная материально-технологическая среда обуславливает доминирование институциональной Y-матрицы. Альтернативным по отношению к некоммунальности свойством служит *коммунальность* материально-технологической среды.

О

Обмен, или купля-продажа (Exchange, or buying-selling) — базовый институт Y-матрицы, регулирующий порядок движения благ в *рыночной Y-экономике*. Обмен означает двустороннее движение товаров (услуг) между экономическими субъектами, ориентированными на прибыль, получающуюся для каждого в результате сделки. *Комплементарным институтом* по отношению к институту обмена в Y-матрице выступает экономический институт *редистрибуции* в X-матрице.

Обращения по инстанции (Appeals to higher levels of hierarchical authority) — базовый политический институт X-матрицы, выполняющий роль

механизма обратной связи при *унитарном политическом устройстве*. Обращения по инстанциям формируют необходимую информационную основу для принятия и контроля исполнения решений по всей иерархической вертикали власти во главе с центром. Также институт обращений обеспечивает защиту интересов и прав отдельных граждан, социальных групп и территориальных единиц различного уровня. К обращениям относят разного рода сигналы (предложения, заявления, жалобы), поступающие по инстанциям снизу вверх, поскольку верхний уровень контролирует нижний. Возникновение новых органов в управленческой структуре одновременно предполагает создание специализированных служб по приему соответствующих сигналов для оценки их деятельности. Движение и исполнение обращений регулируется законодательными и нормативными актами. Реализация данного института по мере исторического развития увеличивает права и свободы граждан, а также степень их участия в общественной жизни страны. *Комплементарным институтом* по отношению к институту обращений по инстанциям в X-матрице выступает политический институт *судебных исков* в Y-матрице.

Общество (Society) в теории институциональных матриц понимается как социальная система, подсистемами которой являются *экономика, политика и идеология*. Общество в данном случае понимается как объективная реальность «сама по себе» (*sui generis* по Э. Дюркгейму), которая неразложима на индивидов или социальные группы. В теории институциональных матриц структура общества представлена системой его *базовых институтов*.

Общие собрания и единогласие (General assembly with the rule of unanimity) — базовый политический институт X-матрицы, регулирующий порядок формирования общегосударственных решений при *унитарном политическом устройстве*. Он задает правила принятия и обеспечение исполнения основных государственных решений, требуя общего собрания представителей всех уровней управления и важнейших социальных групп. Принимается, в конечном счете, то решение, по поводу которого достигается единогласие участвующих в собрании представителей. При этом, с одной стороны, закрепляется солидарная ответственность представителей разных социальных групп и управленческих структур перед обществом в целом (интересы которого отражает верховный центр управления), выполнять данное решение. С другой стороны, обеспечивается внутреннее единогласие членов этих структур и групп по поводу принимаемых на себя обязательств. *Комплементарным институтом* по отношению к институту общих собраний и единогласия в X-матрице выступает политический институт *многопартийности и демократического большинства* в Y-матрице.

Ограничение издержек, или X-эффективность (Cost limitation, or X-efficiency) — базовый экономический институт X-матрицы, который служит главным сигналом обратной связи в *редистрибутивной X-экономике*. Понятие X-эффективности впервые было определено Х. Лейбенштайном (1966) и означа-

ло, что экономические структуры, действующие в слабоконкурентной среде (у Лейбенштайна речь шла о частных фирмах монопольного типа или государственных предприятиях), минимизируют свои издержки не под давлением конкуренции, а за счет использования нерыночных и, как правило, внутренних ресурсов, например, экономии от масштаба, внутрипроизводственных инноваций, внутренней мотивации и др. В теории институциональных матриц X-эффективность рассматривается на макроуровне и предполагает, что в условиях отсутствия давления конкуренции (как это имеет место в редистрибутивных X-экономиках) эффективное функционирование хозяйственной системы достижимо при условии ограничения издержек как в ее составных элементах, так и во всем народнохозяйственном комплексе в целом. Данный институт играет наиболее важную роль в саморегуляции редистрибутивных X-экономик. *Комплементарным институтом* по отношению к институту ограничения издержек, или X-эффективности в X-матрице выступает экономический институт *максимизации прибыли*, или Y-эффективности в Y-матрице.

Ориентированная на благополучие трудовая мотивация (*Wellbeing-oriented labor attitudes*) — базовый идеологический институт X-матрицы, определяющий ценностную специфику трудового вознаграждения в комплексе институтов коммунистической идеологии. Данный институт воспроизводит ценности таких форм организации труда, при которых участники трудовой деятельности могут достигать благополучия в целом, а не только получать материальное вознаграждение. При этом речь идет о поддержке не только индивидуального, но и группового благополучия. Стремление к благополучию, в котором представлены материально-экономические, эмоциональные, умственные, досуговые, психологические, моральные, духовные компоненты, выводит индивидов за рамки сугубо «материальной заинтересованности». Более того, стремление «заработать побольше» скорее осуждается, чем рассматривается в качестве приемлемой социальной нормы. *Комплементарным институтом* по отношению к ориентированной на благополучие трудовой мотивации в X-матрице выступает идеологический институт *денежно-ориентированной трудовой мотивации* в Y-матрице.

П

Политика (*Politics*), или политическая сфера рассматривается в теории институциональных матриц, или X-Y-теории как одна из общественных подсистем, наряду с экономикой и идеологией. Основная функция политической подсистемы состоит в обеспечении условий коллективного целедостижения, поэтому политика представлена как институциональный комплекс в сфере власти, обеспечивающий мобилизацию общественных сил и ресурсов для достижения главных коллективных целей. В соответствии с этим институты политической системы организуют правила и определяют формы взаимодействия индивидов, социальных групп, территориальных общностей и государства как целого для решения общих задач. Политика как общественная подсистема включает в себя формы государственного устройства,

организацию системы власти и общие механизмы принятия и исполнения решений в обществе. Выделяются два типа институциональных комплексов функционирования политических подсистем — *унитарное политическое устройство* как элемент институциональной *X-матрицы* и *федеративное политическое устройство* как элемент институциональной *Y-матрицы*.

Порядок (Order) — базовый идеологический институт *X-матрицы*, определяющий доминирующие социальные ценности в комплексе институтов *коммунитарной идеологии*. Порядок выдвигает на первый план взаимозависимость социальных субъектов, необходимость принорования действий людей к сложившимся отношениям, предполагает дисциплину и самоограничение индивидуальных намерений для общего блага. Другими словами, порядок признает ограниченность индивидуального выбора рамками социальных установлений. Порядок означает, с одной стороны, необходимость сохранения и продолжения традиций, и, с другой стороны, признание ограничивающей роли социальной организации в детерминации поведения индивидов. *Комплементарным институтом* по отношению к институту порядка в *X-матрице* выступает идеологический институт *свободы* в *Y-матрице*.

Р

Редистрибутивная экономика, или X-экономика (Redistributive economy, or X-economy) — тип экономики, свойственный *X-матрице*, когда преобладает движение товаров и услуг к центру и от него — идет ли речь о передвижении объектов физически или меняется порядок права их присвоения без каких-либо изменений в действительном размещении ресурса. Термин «редистрибутивная экономика», примененный К. Поланьи сначала при анализе древних обществ, позже стал использоваться им для описания одного из доминирующих типов экономических трансакций (наряду с рынком и реципрокностью), характерного также для современных экономик (Polanyi, 1968). Подобные экономики, в отличие от рыночных, пока не имеют единого общеупотребительного наименования, и называются по-разному. К. Маркс (1853) определял их как «азиатский способ производства», полагал отсталыми и обозначил лишь некоторые присущие таким экономикам свойства. В. Ойкен (Германия) называл их «централизованно-управляемые экономики» и впервые указал на равноправие рыночных и нерыночных экономик, параллельно сосуществующих в истории (Eucken, 1939). В дальнейшем Поланьи дал институциональный анализ такого рода редистрибутивных экономических систем (Polanyi, 1957). О.Э. Бессонова (Россия), предложившая институциональную теорию хозяйственного развития России, использует понятие «раздаточная экономика» (Бессонова, 1993). С. Роузфилд (США) называет такие экономики — в отличие от «экономик категории А», или рыночных саморегулирующихся экономик, характерных для западных стран, — ««экономика-ми категории В», или культурно-регулируемыми системами, которые, на его взгляд, характерны для азиатских стран (Rosefelde, 2005), и т. д. В теории институциональных матриц, или X-Y-теории выделяются следующие основные институты реди-

стрибутивной экономики: *верховная условная собственность, редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение), кооперация, служебный труд и ограничение издержек (Х-эффективность)*. Комплементарным институциональным комплексом по отношению к редистрибутивной экономике, или Х-экономике в Х-матрице выступает *рыночная экономика, или Y-экономика в Y-матрице*.

Редистрибуция, или аккумуляция-согласование-распределение (*Redistribution, or accumulation-coordination-distribution*) — базовый институт *Х-матрицы*, определяющий движение благ в *редистрибутивной, или Х-экономике*. В отличие от обмена, предполагающего две стороны, что выражается соответствующей ему парой категорий купля-продажа, редистрибуция предполагает пару хозяйствующих субъектов и опосредующего их взаимодействия центра, благодаря которому происходит согласование движения хозяйственных потоков в редистрибутивных Х-экономиках. Такая модель отношений описывается тройкой категорий «аккумулирование — согласование — распределение», отражающих процессы сбора, аккумулирования производимых отдельными хозяйствующими субъектами в рамках *верховной условной собственности* продуктов, совмещаемых посредством центра с направлением ресурсов и вновь производимой продукции для дальнейшего производства и потребления. В работах К. Поланьи этот процесс представлен как «storage-cum-redistribution» (Polanyi, 1977).

Революция (*Revolution*) < от лат. ‘revolver’ — возвращение; откатывание, круговорот > рассматривается как спонтанный процесс, в ходе которого восстанавливается роль доминирующей *институциональной матрицы* в обществе, поврежденной вследствие внешнего вмешательства или попыток социальных субъектов внутри страны повсеместно внедрить альтернативные *институциональные формы*. В результате революций вновь усиливается значение *доминантных институтов*, которые накануне были подавлены влиянием альтернативных *комплементарных институтов*. Революция рассматривается как момент эволюции, благодаря которой на новом историческом витке обеспечивается необходимый *институциональный баланс* в основных общественных подсистемах — *экономике, политике и идеологии*. Революции восстанавливают естественную непрерывность исторического процесса и возвращают его в рамки эволюционного развития по пути, определенному типом доминирующей институциональной матрицы.

Рыночная экономика, или Y-экономика (*Market economy, or Y-economy*) — тип экономики, свойственный *Y-матрице*. Рыночная экономика представляет собой институциональный комплекс, обеспечивающий интеграцию обособленных собственников и производителей, ориентированных на прибыль, в едином хозяйственном процессе. Основными институтами рыночной Y-экономики являются институты *частной собственности, обмена (купли-продажи), конкуренции, наемного труда и максимизации прибыли (Y-эффективности)*. Комплементарным институциональным комплексом по отношению к рыночной Y-экономике в Y-матрице выступает *редистрибутивная Х-экономика в Х-матрице*.

С

Самоуправление и субсидиарность (Self-governance and subsidiarity) — базовый политический институт *Y-матрицы*, определяющий принципы организации государственного управления при *федеративном политическом устройстве*. Самоуправление и субсидиарность являются «двумя сторонами одной медали» и отражают принцип создания органов управления «снизу». Самоуправляющиеся территориальные общности на основе соглашения друг с другом формируют органы более высокого уровня и передают им необходимые для их деятельности материальные и финансовые ресурсы. Субсидиарность в федеративных отношениях означает приоритет прав низовых, более мелких территориальных структурных единиц по отношению к формируемым ими самими территориальным органам более высокого уровня. *Комплементарным институтом* по отношению к институту самоуправления и субсидиарности в *Y-матрице* выступает политический институт *иерархической вертикали власти во главе с центром* в *X-матрице*.

Свобода (Freedom) — базовый идеологический институт *Y-матрицы*, определяющий доминирующие социальные ценности в комплексе институтов *индивидуалистской идеологии*. Свобода как идеологический институт отражает основные ценности устройства общественной жизни, исторически закрепленные в общественном сознании, среди которых доминирует самостоятельность социальных субъектов и их независимость от действий других лиц, а также невмешательство в дела друг друга. Институт свободы фиксирует высокий уровень автономии человека в социуме и постулирует известную независимость индивида от системы сложившихся в обществе социальных отношений. *Комплементарным институтом* по отношению к институту свободы в *Y-матрице* выступает идеологический институт *порядка* в *X-матрице*.

Симметричность (Symmetry) — свойство *институциональных матриц*, проявление закона симметрии в социальной жизни. Симметричность находит свое выражение в том, что во-первых, выделены две противостоящие друг другу институциональные *X-* и *Y-матрицы*. Во-вторых, базовым экономическим, политическим и идеологическим институтам в *X-матрице* симметрично соответствуют определенные экономические, политические и идеологические институты в *Y-матрице*. Они служат для выполнения аналогичных функций, необходимых для функционирования общества, но различаются своим содержанием, поскольку складывались в условиях разной *материально-технологической среды*.

Служебный труд (Employed, or unlimited term labor) — базовый экономический институт *X-матрицы*, регулирующий организацию труда в *редистрибутивной X-экономике*. Впервые термин введен О. Э. Бессоновой (1993) в разрабатываемой ею теории раздаточной экономики. Институт служебного труда регулирует привлечение общественных сил к труду и их воспроизводство в условиях *верховой условной собственности*. Служебный характер труда закрепляет обязанность и право граждан

в государствах с редистрибутивной экономикой трудиться на объектах верховной условной собственности и затем претендовать на соответствующую долю получаемых в результате производственной деятельности материальных и прочих благ, необходимых для обеспечения собственного воспроизводства. Служебный труд предполагает централизованное регулирование трудовых процессов. *Комплементарным институтом* по отношению к институту служебного труда в X-матрице выступает экономический институт *наемного труда* в Y-матрице.

Специализация–редукционизм–дискретность (*Specialization– reductionism– discrecety*) — базовый идеологический институт комплекса *индивидуалистской идеологии* в Y-матрице. Он закрепляет привычные и воспроизводящиеся в массовом сознании редукционистские стереотипы мышления об окружающем мире как состоящем из обособленных объектов. Соответственно, специализированная работа с этими обособленными объектами находится в центре внимания, а контекст и целостность, элементами которой являются эти объекты, представляются менее значимыми. Для такого представления характерны также особенности восприятия социального времени, органичными свойствами которого выступают дискретность и «интервальность», предполагающие фиксацию точных сроков. Институционализация важнейших стереотипов мышления на формальном и неформальном уровне означает, что каждое новое поколение встречается с ними в процессе социальных взаимодействий как с данностью, с характерным элементом институциональной среды, в которой ему предстоит действовать. *Комплементарным институтом* по отношению к институту специализации–редукционизма–дискретности в Y-матрице выступает идеологический институт *интегрализма–холизма–континуальности* в Y-матрице.

Стратификация (*Stratification*) — базовый идеологический институт комплекса *индивидуалистской идеологии* в Y-матрице, закрепляющий исторически сложившееся в обществе нормативное представление о социальной структуре. В ее основе лежит социальное неравенство, «неосознанно развитый механизм, с помощью которого общества гарантируют, что наиболее важные места по справедливости занимают самые квалифицированные люди» (Collins, 2, с. 240). В обществах с доминированием институтов Y-матрицы стратификация понимается как «эволюционная универсалия» (Российская социологическая энциклопедия, 1998, с. 225), обеспечивающая социальную интеграцию такого типа обществ. Значимые критерии и основания конкретных эмпирически выявляемых стратификаций постоянно меняются, но сохраняется неизменность стратификации как принципа построения социальной структуры. *Комплементарным институтом* по отношению к институту стратификации в Y-матрице выступает идеологический институт *эгалитаризма* в X-матрице.

Судебные иски (*Legal suits*) — базовый политический институт Y-матрицы, выполняющий роль механизма обратной связи при *федеративном политическом устройстве*. Институт судебных исков защищает интересы участников политической деятельности. Судебные иски и принимаемые по ним судебные решения явля-

ются основным механизмом обратной связи, поскольку на их основе закрепляются новые и модифицируются прежние правила взаимодействия в политической сфере общества. Независимая судебная власть выступает основным гарантом прав населения, организаций, территориальных общностей и субнациональных образований в государствах с доминированием институтов Y-матрицы. *Комплементарным институтом* по отношению к институту судебных исков в Y-матрице выступает политический институт *обращений по инстанциям* в X-матрице.

У

Унитарное политическое устройство (Unitary political structure) — специфика политической подсистемы с присущим ей комплексом базовых институтов в X-матрице. Спецификой унитарного политического устройства является централизация и иерархия органов исполнительной власти и государственного устройства в целом. Унитарное политическое устройство включает в себя базовые политические институты *административно-территориального деления (унитарности), иерархической вертикали власти во главе с центром, назначений, общих собраний и единогласия, обращений по инстанциям*. Комплементарным институциональным комплексом по отношению к унитарному политическому устройству в X-матрице выступает *федеративное политическое устройство* в Y-матрице.

Унитарность (Unitarity) — см. *Административно-территориальное деление (Administrative-territorial division)*.

Ф

Федеративное политическое устройство (Federative political structure) — специфика политической подсистемы с присущим ей комплексом базовых институтов в Y-матрице. Спецификой федеративного устройства является построение политических структур и государственных образований «снизу» и сохранение определенной суверенности территориальных общностей и социальных субъектов, формирующих эти структуры. Федеративное политическое устройство включает в себя базовые политические институты *федерации, самоуправления и субсидиарности, выборов, многопартийности и демократического большинства, судебных исков*. Комплементарным институциональным комплексом по отношению к федеративному политическому устройству в Y-матрице выступает *унитарное политическое устройство* в X-матрице.

Федеративно-территориальная структура, или Федерация (Federative-territorial structure, or Federation) — базовый политический институт Y-матрицы, определяющий порядок взаимодействия частей государства и государства как целого при *федеративном политическом устройстве*. Институт федерации предусматривает, во-первых, четкое разграничение компетенций федерального уровня власти и субъектов федерации и, во-вторых, суверенность и равноправие образующих

государство территориальных образований. При федеративно-территориальной структуре организация системы управления внутри разных территориальных образований может существенно отличаться. Действие института федерации выражается также в том, что горизонтальные связи между территориальными субъектами доминируют над вертикальными отношениями между ними и федеральным правительством. *Комплементарным институтом* по отношению к институту федеративно-территориальной структуры, или федерации в Y-матрице выступает политический институт *административно-территориального деления, или унитарности* в X-матрице.

Ч

Частная собственность (*Private ownership*) — базовый экономический институт Y-матрицы, регулирующий правила закрепления благ между хозяйствующими субъектами в *рыночной экономике*, или Y-экономике. Институт частной собственности закрепляет за независимыми обособленными лицами или организациями всю полноту прав и ответственности по владению, использованию и распоряжению экономическими ресурсами и жизненными благами. Частные собственники самостоятельно определяют порядок делегирования своих прав иным субъектам. *Комплементарным институтом* по отношению к институту частной собственности в Y-матрице выступает экономический институт *верховной условной собственности* в X-матрице.

Э

Эгалитаризм (*Egalitarianism*) — базовый идеологический институт комплекса коммунитарной идеологии в X-матрице. Эгалитаризм <от франц. ‘egalite’ — равенство> выражает исторически сложившееся нормативное представление о социальной структуре, в основе которой лежит общественное равенство. Равенство подразумевает не нивелировку или уравнительное распределение, но равные возможности для членов общества по управлению и доступу к общественным благам, как и равную необходимость в исполнении общественных обязанностей. Эгалитарность подразумевает, что получаемое вознаграждение пропорционально, прежде всего, доле ответственности социальных субъектов в решении общих задач. Социальная дифференциация не предполагает социальных обменов и закрепления наследственных неравенств. *Комплементарным институтом* по отношению к институту эгалитарности в X-матрице выступает идеологический институт *стратификации* в Y-матрице.

Экономика (*Economy*), или экономическая сфера представляет собой одну из трех основных общественных подсистем (наряду с *политикой* и *идеологией*), рассматриваемых в теории институциональных матриц, или X-Y-теории. В сфере экономики общество организует деятельность по вовлечению и использованию ограниченных, дефицитных ресурсов для удовлетворения человеческих потребностей. Экономика рассматривается как комплекс институтов, в которых закрепляются спо-

события взаимодействия хозяйствующих субъектов с конкретной *материально-технологической средой*, позволяющие получать оптимальный результат и обеспечивать целостность и непрерывность хозяйственной деятельности всего общества. Выделяются два типа экономик, характеризующихся качественно различными институциональными комплексами — *редистрибутивные*, или *X-экономики X-матрицы* и *рыночные*, или *Y-экономики Y-матрицы*.

X (латинск.)

X-матрица (X-matrix) — одна из двух институциональных матриц, или комплекса базовых институтов в сферах экономики, политики и идеологии, которые формируются в условиях *материально-технологической среды*, отличающейся свойством коммунальности. X-матрица образована следующими институциональными комплексами: *редистрибутивной*, или *X-экономики, унитарного политического устройства* и *коммунитарной идеологии*. Институциональная X-матрица определяет социетальный тип общества как государственного образования, который сохраняется в процессе его исторической эволюции. Институциональная X-матрица альтернативна институциональной Y-матрице.

X-экономика (X-economy) — см. *Редистрибутивная экономика (Redistributive economy)*

X-эффективность (X-efficiency) — см. *Ограничение издержек (Cost limitation)*

Y (латинск.)

Y-матрица (Y-matrix) — одна из двух институциональных матриц, или комплекса базовых институтов в сферах экономики, политики и идеологии, которые формируются в условиях *материально-технологической среды*, отличающейся свойством некоммунальности. Y-матрица образована следующими институциональными комплексами: *рыночной*, или *Y-экономики, федеративного политического устройства* и *индивидуалистской идеологии*. Институциональная Y-матрица определяет социетальный тип общества как государственного образования, который сохраняется в процессе его исторической эволюции. Институциональная Y-матрица альтернативна институциональной X-матрице.

Y-экономика (Y-economy) — см. *Рыночная экономика (Market economy)*

Y-эффективность (Y-efficiency) — см. *Максимизация прибыли (Profit maximization)*

Литература

1. 50 лекций по микроэкономике. В 2-х томах. М.: Экономическая школа, 2000.
2. *Akahori S.* The Self-Description of Society in East Asia. Paper distributed at ISA 2010 World Congress in Sweden, RC 16 “Sociological Theory”.
3. *Alchian A.* Uncertainty, Evolution and Economic Theory // *J. of Political Economy*. 1950. № 58.
4. *Alchian A., Demsez H.* Production, Information Costs, and Economic Organization. // *American Economic Review*, 1972, vol. 62, December.
5. *Alexandrov Yu., Kirdina S.* Mentality, Institutions and “Effect of Increasing Returns” // *Психология и экономика* (Psychology and Economics). 2011, Т. 4, № 2.
6. *Alexandrov Yu., Kirdina S.* Toward Integration of Social Mental and Institutional Models: Systemic Approach // *Montenegrin Journal of Economics*. March 2013. Volume 9. Number 1.
7. *Alston L. J.* Empirical Work in Institutional Economics: An Overview. In: *Empirical Studies in Institutional Change*. / Alston I.J., Eggertsson T., North G.C. (eds.) / N-Y: Cambridge University Press, 1996.
8. *Appadurai A.* Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1997.
9. *Arthur, W.B.* Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *Economic Journal*, 97, 1989.
10. *Arthur, W. B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: University of Michigan Press., 1994.

11. *Augsburg T.* Becoming interdisciplinary: An introduction to interdisciplinary studies. Dubuque, Iowa: Kendall Hunt Publishing, 2005.
12. *Aung-Thvin M., Toungoo A.* Burma in Southeast Asian Studies// J. of South-east Asian Studies. Singapore. 1985. V. 16. № 1.
13. *Ausch S.* Theory and Practice of CMEA cooperation. Budapest: Akademiai Klado, 1972.
14. *Beetham D.* Liberal Democracy and the Limits of Democratization. // Prospects for Democracy: North, South, East, West. / Held D. (ed). Oxford^ Polity Press, 1993.
15. *Bessonova O., Kirdina S., O'Sullivan R.* Market Experiment in the Housing Economy of Russia. Novosibirsk, 1996.
16. *Bessonova O., Kirdina S., O'Sullivan R.* Market Experiment in the Housing Economy of Russia. Novosibirsk, 1996.
17. *Birnbaum N.* Conflicting interpretation of the rise of the capitalism: Marx and Weber// British Journal of Sociology. 1953. 4 (June).
18. *Bizaguet A.* Le secteur public et les privatizations. Paris: Presses universiteires de France. 1988.
19. *Blaug M.* Great economists since Keynes. An introduction to the lives and works of one hundred modern economists. Ch. Leibenstein, Harvey. London: Edward Elgar, 1998.
20. *Blurton-Jones N. G.* Growing points in human ethology: another link between ethology and social sciences? — In: Growing points in ethology / Eds P. P. Bateson R. A. Hinde. Cambr. Univ. Press, 1976.
21. *Boulding K.* The Image. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956.
22. *Bryman A.* Social Research Methods. Oxford, 2004 (2001). 2nd edition.
23. *Brzezinski Z., Huntington S.* Political Power: USA-USSR. New York, Viking Press, 1964.
24. *Bunce V.* Domestic reform and international change: the Gorbachev reforms in historical perspective //Internat. Organization. 1993. Winter, vol. 47, N 1.
25. *Caroll G. R.* Organizational Ecology// Annual-Review-of-Sociology. 1984. 10. P. 71–93.
26. *Cavarozzi M.* Autoritarismo y democracia (1955–1996). La transicion del Estado al mercado en la Argentina. Buenos Aires, Ariel, 1997.
27. *Cavarozzi M.* Beyond Transitions to Democracy in Latin America// J. of Latin American Studies. V. 24, (October). 1992.
28. *Cavarozzi M.* Mexico's Political Formula, Past and Present/ The Politics of Economic Restructuring. State-Society Relations and Regime Change in Mexico/ Maria Lorena Cook, Kevin J. Middlebrook, Juan Molinar Horcasitas (eds.) Center for U.S. — Mexican Studies, Univ. of California, San Diego, 1994.
29. *Childe V. G.* Man Makes Himself. London: Watts, 1936.
30. *Churchward L.* Contemporary Soviet Government. London: Routledge and Kegan 1968.
31. *Coase R. H.* The Nature of the Firm. // Economica. Volume 4. Issue 16, November, 1937.

32. *Collins* (Большой толковый социологический словарь)/ Пер. с англ. Т. 1 (А–О). — М.: Вече, АСТ, 1999а.
33. *Collins* (Большой толковый социологический словарь)/ Пер. с англ. Т. 2 (П–Я). — М.: Вече, АСТ, 1999б.
34. *Comte A.* Course de Philosophie Positive. V. 1. — Paris, 1907.
35. *David P.A.* Clio and the economics of QWERTY. *American Economic Review* 75, 1985.
36. *Davies J.C.* Toward a theory of revolution// *American Sociological Review*. 1962. №27.
37. *Davis R.S.* The Federal Principle. A Journey Through Time in Quest of a Meaning. Berkeley etc.: University of California Press, 1978.
38. *Davydova I.* Die Novosibirsker Sociologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums // *Oswald Ingrid, Possek Ralf, Stykow Petra, Wielgolis Jan* (Hg.) *Sozialwissenschaft in Russland*. Bd 2. Berlin, 1997.
39. *De Alessi L.* Property rights, transaction costs, and X-efficiency: An essay in economic theory // *The American economic review*. 1983. Vol. 73. № 1.
40. *DiMaggio P., Powell W.* The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // *Amer. Sociol. Rev.* 1983. Vol. 48, N 2.
41. *Duffy W., Neoberger E.* Toward a Decision-Theoretic Approach to the Study of Economic Systems. // *Jarbuch der Wirtschaft Osteuropas*, 1972, vol. 3 № 1.
42. *Earle T.* Political domination and social evolution. In: *Ingold T. (ed.), Companion Encyclopedia of Anthropology*. London: Routledge, 1994.
43. *Eisenstadt S.N.* Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // *International Social Science Journal*. 1992. 44, 133.
44. *Eisenstadt S.N.* Social Evolution and Modernity: Some Observations on Parsons' Comparative and Evolutionary Analysis: Parsons' Analysis from the Perspective of Multiple Modernities // *The American Sociologist*. Winter 2004.
45. *Elias N.* The retreat of sociologists into the present: Theory, Culture and Society. 1987. №4.
46. *Encyclopedia of Sociology*. Macmillan Publishing Company/ E. F. Borgatta, M. L. Borgatta. N.-Y., etc., 1992.
47. *Engels F.* The origin of the family, private property and the state. In *K. Marx and F. Engels (eds.) Selected Works in One Volume*. New York: International Publishers, 1972 (1884).
48. *Esman M.* Federalizm and Modernization. Canada and the U.S. // *Pulius*, 1984, № 14.
49. *Eucken W.* Die Grundlagen der Nationalökonomie. Jena: Gustav Fischer, 1939.
50. *Frank A.G.* ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
51. *Fried M.H.* The Evolution of Political Society: an Essay in Political Economy. New York: Random House, 1967.
52. *Friedman Friedman M.* The Methodology of Positive Economics. In: *Essay in Positive Economics*. Chicago, The University of Chicago Press, 1953.
53. *Friedman M.* Capitalism and Freedom/ With the assistance of Rose D. Friedman. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1982.

54. *Gemici K.* Karl Polanyi and the antinomies of embeddedness. // *Socio-Economic Review*. 2008. Vol. 6, No. 1.
55. *Gershenkron A.* Continuity in History and Other Essays. — Cambridge, Mass.: The Belknap Press, 1968).
56. *Glassman R.* Democracy and Despotism in Primitive Societies: a Neo-Weberian Approach to Political Theory. New York: Associated Faculty Press, 1986.
57. *Gneist R.* Selfgovernment: Communalverlassung und Verwaltungsgerichte in England. Berlin: Springer, 1871.
58. *Granovetter M.* Interview // *Swedberg R.* Economics and Sociology. Redefining Their Boundaries: Conversations with Economists and Sociologists. Princeton University Press, 1990.
59. *Gregory C.A.* Exchange and Reciprocity// *Companion Encyclopedia of Anthropology*. (33). Humanity, Culture and Social Life. — London and New York: Routledge, 1994.
60. *Grodzins M.* The Sharing of Functions// *Elazar D.*, ed. *The Politics of American Federalism* Lexington, Mass.: Raytheon, 1969.
61. *Gurr T.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.
62. *Hannan M. T., Freeman J. H.* The Population Ecology of Organizations. *American Journal of Sociology*. 82, 1977.
63. *Hawley A.* Human Ecology. In: *Sills D. L.* (ed.). *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan, 1968.
64. *Hayek F.A.* Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. London: Routledge. 1982.
65. *Hayek F.* The Constitution of Liberty. — London: Routledge, 1960.
66. *Hazard J.* The Soviet System of Government. 5th ed. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
67. *Healey P.* Collaborative Planning: Shaping Places in Fragmented Societies. Vancouver: UBC Press, 1997. 338 p. Available from: UMI ProQuest Direct, Bell & Howell, Ann Arbor (MI, USA)/
68. *Hesse H.* Autobiographical Writings. New York: Farrar, Streuss & Giroux, 1963.
69. *Hofstede G.* Cultures and organizations: software of the mind. N.-Y.: McGraw-Hill, 2000.
70. *Hodgson G.* Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // *Organization Studies* 28 (1), 2007.
71. *Hurst J.W.* Law and the conditions of freedom. Madison: Univ. of Washington Press, 1956.
72. *International Encyclopedia of Sociology*. V. 1, 2. London. Chicago, Salem Press Inc. 1995.
73. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. The Macmillan Company & The Free Press. 1968. V. 4. A. Economic Thought: The Institutional School.
74. *Johnson Ch.* Revolutionary change. Boston: Little, Brown and Co, 1966.
75. *Joostens F.* Literary Space: Paradise of Solipsism or Social Arena? (In Dutch). *Tijdschrift-voor-Sociale-Wetenschappen*, 1988, 33, 2, Apr-June, p. 115(132. Available from: CD-ROM Sociofile, 1974 — June 1997. Sociological Abstracts. Production: Silver Platter.

76. *Kalugina Z.* Paradoxes of the agrarian reform in Russia. Novosibirsk: Institute of Economics & Industrial Engineering. SB of RAS, 1998.
77. *Keizer P.* The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers. 07–25. Tjalling C. Koopmans Research Institute — Utrecht School of Economics, Utrecht University, 2007.
78. *Keynes J.M.* The end of Laissez-Faire, in The collected Writings of John Mayard Keynes. V. IX, Essays in Persuasion. London: Macmillan, 1972.
79. *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interests and Money. London: McMillan, 1936.
80. *King P.* Federalism and Federation. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1982.
81. *Kirdina S.* A shift in the prevailing institutional models of the global order: is a new cycle starting? In: V Forum of Leading Economists from China and Russia, October 24, 2012. Beijing: Renmin University of China, 2012.
82. *Kirdina S.* From Marxian School of Economic Thought to System Paradigm in Economic Studies: The Institutional Matrices Theory // Montenegrin Journal of Economics. Vol.8. Number 2. October 2012.
83. *Kirdina S.* Fundamental Difference in the Transformation Process between Russia and East European Countries // Berliner Osteuropa Info, № 16/2001.
84. *Kirdina S.* Institutional Matrices Theory as Methodology for Theoretical and Empirical Research in Russian Social Sciences. Presentation for Social Theory Conference (RN29). European Sociological Association, Innsbruck, Tyrol, Austria, September 11–13, 2008. <http://www.kirdina.ru/doc/news/25aug08/1.pdf> просмотр 25 июля 2013 г.
85. *Kirdina S.* Prospects of Liberalization for S&T Policies in Russia: Institutional Analysis // Sociology of Science and Technology, 2010, vol. 1, № 2.
86. *Kirdina S.* The System of Political Institutions in Russian Society: Limits of Transformation// Russian Sociology Today. Moscow: Institute of Sociology, 1998.
87. *Kirdina S., Vernikov A.* Evolution of the Banking System in the Russian Context: An Institutional Analysis. // Journal of Economic Issues. Vol. 47, № 2. June 2013.
88. *Knight F.* Risk, Uncertainty and Profit. Boston, 1921.
89. *Koch J., Eisend M., Petermann A.* Path Dependence in Decision-Making Processes: Exploring the Impact of Complexity under Increasing Returns. In: Business Research 2 (1). 2009.
90. *Koopmans T., Montias J.* On the Description and Comparison of Economic Systems. // Eckstein A. (ed.) Comparison of Economic Systems. Theoretical and Methodological Approaches. — Berkely: University of California Press, 1971.
91. *Kornai J.* Economics of Shortage, Vol. I and II. Amsterdam and New York: North-Holland Publishing Company, 1980.
92. *Kornai J.* The System Paradigm. W.D. Institute Working Papers 278: William Davidson Institute at the University of Michigan, 1998.
93. *Krippner G.* The Elusive Market: Embeddedness and the Paradigm of Economic Sociology // Theory and Society. 2001. Vol. 30, No 6.
94. *Krugman P.* Peddling prosperity. New York: Norton, 1994.

95. *Kühnen U., Hannover B., Roeder U., Shah A.A., Schubert B., Upmeyer A., Zakaria S.* Cross-Cultural variations in identifying embedded figures. Comparisons from the United States, Germany, Russia, and Malaysia// *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001. V. 32.
96. L.J. Henderson on the social system/ Ed. by B. Barber. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
97. *Lee C.K.* Citizenship, Hegemony, Authoritarianism. / ESA 10th Conference "Social Relations in Turbulent Time". Programme Book. Geneva: Universite de Geneve, 2011.
98. *Leibenstein H.* Allocative Efficiency vs. X-Efficiency // *American economic review*. 1966. Vol. 56. № 3.
99. *Leibenstein H.* General X-efficiency theory and economic development. N.Y. etc: Oxford Un. Press, 1978.
100. Lenski G.E. Power and Privilege: a Theory of Social Stratification. New York: McGraw-Hill, 1966.
101. *Lensky G.E., Lenski J.* Human Societies: An Introduction to Macrosociology. Third Edition. McGRAW-HILL International book company, 1978 (1970).
102. *Leoni B.* Freedom and the Law. Los-Angeles: Nash, 1972.
103. *Leroy-Beaulieu A.* L'Empire des Tsars et les Russes. — Paris: Hachette, 1881–1889.
104. *Liebenstein H.* Allocative Efficiency vs. X-Efficiency / *American Economic Review*, Vol. 56, №3. June, 1966.
105. *Liebovitz S.J., Margolis S.E.* The Economics of QWERTY: Theory, History and Policy. N.Y.: University Press, 2001.
106. *Liebowitz, S. J., Margolis, S.E.* Path dependence, lock-in and history,» *Journal of Law, Economics, and Organization*, 1995, 11.
107. *Liebowitz, S. J., Margolis, S.E.* The fable of the keys. *Journal of Law and Economics*, 1990, 22.
108. *Lijphart A.* Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty One Countries. New Haven and London: Yale University Press, 1984.
109. *Livingston W.S.* A Note of the Nature of Federalism// Wildawsky A., ed. *American Federalism in Perspective*. Boston: Little, Brown, 1967.
110. *Livingston W.S.* Federalism and Constitutional Change. Oxford: Clarendon Press, 1956.
111. *Lovelock J.E.* Gaja: A New Look at the Life on Earth. Oxford: Oxford University Press, 1979.
112. *Lukes S.* Individualism. Oxford: Blackwell, 1973.
113. *Maddison A.* Chinese Economic Performance in the Long Run. Paris, OECD, 1998.
114. Maddison Database <http://www.ggdc.net/MADDISON/oriindex.htm>) просмотр 12 сентября 2010
115. *Marshall A.* Principles of Economics., bk V, ch. XIII. Eight Edition. London: Macmillan, 1925.
116. *Marx K.* A Contribution to the Critique of Political Economy, trans. N.I. Stone. Chicago: Charles H. Kerr, 1904.
117. *Mc Depmott A.* Egypt from Nasser to Mubarak: A Flawed Revolution. New York: Croom Helm, 1988.

118. *McLuhan E., Constantineau W.* The Human Equation. The Constant in Human Development from Pre-Literacy to Post-Literacy — Book 1. Publisher: BPS Books. Published: Feb 11, 2011.
119. *Meyer A. G.* The Soviet Political System. An Interpretation. — New York: Random House, 1965.
120. *Mirowski P.* Markets Come to Bits: Markomata and the Future of Computational Evolutionary Economics // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 63, №2, June, 2007.
121. *Modelski G.* ReOrient: Global Economy in the Asian Age by Andre Gunder Frank. // *International History Review*, <https://faculty.washington.edu/modelski/ReOrient-review.html> просмотр 25 марта 2013
122. *Montias J.M., Ben-Ner A., Neoberger E.* Comparative Economics.- Church Harwood Academic, 1994.
123. *Morgan L. H.* Ancient Society. Chicago: Charles H. Kerr, 1877.
124. *Neoberger E., Duffy W.* Comparative Economic Systems: A Decision-Making Approach. Boston: Allyn and Bacon, 1976.
125. *Neumann J., Morgenstern O.* The Theory of Games and Economic Behavior. — Princeton: Princeton University Press, 1944.
126. *North D. C.* Epilogue: economic performance through time// Alston J. / Eggertsson T. / North D.C. (eds): Empirical studies in institutional change. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1996.
127. *North D. C.* Five Propositions about Institutional Change. — EconWPA, Economic History series, # 9309001, 08 Sep 1993.
128. *North D. C.* Institutional Change and Economic History// *Journal of International and Theoretical Economics*. 1989. № 1.
129. *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1990.
130. *North D. C.* Structure and Change in Economic History. N.-Y.: Northon, 1981.
131. *Noyes C. R.* The Institution of Property. New York: Longman's Green, 1936.
132. *Osaghae E.A.* A Reassessment of Federalism as a Degree of Decentralisation. Piblius// *The Journal of Federalism*. Winter 1990. V. 20. № 1.
133. *Oxford English Dictionary*. 2nd ed. V. XVII. Oxford: Clarendon Press, 1989.
134. *Pareto V.* Euvres completes. Tome V. Les systemes socialistes. Libraire DROZ, Geneve, 1965, p. 110.
135. *Parsons T.* General theory in sociology// *Sociology today*/ Ed. by R. K. Merton, L. Broom, L. S. Cottrell. N.-Y.: Basic Books, 1959, Harper, 1965.
136. *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Eglewood Gliffs/ (NJ): Prestige-Hall, 1966a.
137. *Parsons T.* The political aspect of social structure and process// *Varieties of political theory*/ Ed. by D. Easton. Englewood Cliffs (NJ). Prestige-Hall, 1966b.
138. *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society. N.-Y: Free Press, 1956.
139. *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917–1923. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972.

140. *Polanyi K.* The Economy as Instituted Process. /The Sociology of Economic Life. Edited by Mark Granovetter and Richard Swedberg. Boulder, CO: Westview Press, 1957.
141. *Polanyi K.* Economic Sociology in the United States: Lecture given at the Institute for Cultural Relations, Budapest, Oct 9, 1963. Cit. by: Polanyi, Karl. The Livelihood of Man. N.-Y. Academic Press, Inc., 1977.
142. *Polanyi K.* The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity). N.-Y.: Academic Press, Inc, 1977.
143. *Polanyi K., Arensberg C., and H. Pearson.* Trade and Market in the Early Empires; Economies in History and Theory. Glencoe, Ill.: Free Press, 1957.
144. *Popper K. R.* The Poverty of Historicism. New York: Harper and Row, 1964 (1957).
145. *Pratt A. C.* Coordinating Employment, Transport and Housing in Cities: An Institutional Perspective. Urban-Studies, 1996, №3, №8, Oct, p. 1357–1375. Available from: CD-ROM Sociofile, 1974 — June 1997. Sociological Abstracts. Production: Silver Platter.
146. *Ritzer G.* Postmodern Social Theory. New York: The McGraw-Hill Companies, 1997.
147. *Rosefelde S.* Asian Economic Systems. World Scientific Publishing Company Inc., 2013.
148. *Rosefelde S.* Comparative Economic Systems: Culture, Wealth, and Power in the 21st Century. Malden, Massachusetts & Oxford: Wiley-Blackwell, 2008 (2005, 2002).
149. *Rosenberg N.* Karl Marx on the Economic Role of Science// J. of Political Economy, 1974, №82.
150. *Rostovtzeff M.* A History of the Ancient World. Oxford: Clarendon Press, 1926.
151. *Rostowzew M.* Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. -Leipzig-Berlin, 1910.
152. *Sako T.* Nani ga Shakai to Yobarete Itaka? (What is called as Shakai?) // Gendaifukushi Kenkuyu, №7, 2007.
153. *Sako T.* Shakai Gainen no Saikentou (Reassessment of Shakai Concept) // Jimbun Gakuho, №392, 2008.
154. *Samuelson P., Scott A.* Economics: An Introductory Analysis. Toronto: McGraw-Hill Co. of Canada, 1966.
155. *Sandstrom G.* Instead of capitalism vs. socialism: a proportion-seeking review of two contemporary approaches in China and Russia. Montenegrin Journal of Economics, vol. 8, # 4: 43–60, 2012 .
156. *Sarkisnyans M.* On the place of caodaism, culturally and politically// J. of Asian history. Wiesbaden, 1984. V. 18. №2.
157. *Schelling F. W.* System des transzendentalen Idealismus. Leipzig, 1979.
158. *Schelling T. C.* The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.
159. *Schumpeter J.* Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Munchen und Leipzig. Verlag von Duncker & Humblot, 2 Auflage, 1926.
160. *Schwartz S.* Cultural value orientation. M.: PH HSE, 2008.
161. *Segal H. P.* Solutions beyond systems analysis. Science. 2010, 467, 276.

162. *Service E.* Primitive Social Organization: an Evolutionary Perspective. New York: Random House, 1962.
163. *Simmel G.* Grundlagen der Sociologie. Individuum und Gesellschaft, 2, Aufl. Berlin, 1920.
164. *Sir Leonard Wooley.* Prehistory. N.-Y.: Harper and Row, 1963. V. 1. Part 2.
165. *Skinner B. F.* Are theories of learning necessary? // Psychological Review, 57, 1950.
166. *Skockpol T.* States and Social Revolution. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
167. *Sorokin P.* Society, Culture and Personality. — N.-Y., 1962.
168. *Sorokin P.* The Sociology of Revolution. — N.-Y.: Hovard Fertig, 1967 (1925).
169. *Spencer H.* Essays Scientific, Political and Speculative (1852). N.Y.: D. Appleton and Company, 1982.
170. *St. Thomas Aquinas.* Decem libros ethicorum. — Bk 1, sect. 1; Summa theologiae. IIa, IIae, q. 58, q. 47, 11.
171. *Steward J.* Theory of Culture Change. Urbana: University of Illinois Press, 1955.
172. *Stinchcombe A. L.* Economic Sociology. — N.-Y.: Academic Press, Inc., 1983.
173. *Stoner-Weiss K.* Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, New Jersey: Princeton-Univ. Press. 1996.
174. *Sydow J., Schreyögg Gjo, Koch J.* Organizational paths: Path dependency and beyond, Working Paper, Freie Universität Berlin. 2005.
175. *Szamosszegi A., Kyle C.* An Analysis of State-owned Enterprises and State Capitalism in China. Washington, U.S.-China Economic and Security Review Commission, Capital Trade, Incorporated, 2011.
176. *Takezawa Shoichiro.* Shakai towa Nanika (What is Society?), Tokyo: Chokoronshinsha, 2010.
177. *Thambisetty S.* Increasing Returns in the Patent System: Institutional Sources and Consequences for law. LSE Law, Society and Economy Working Papers 7/2009. London School of Economics and Political Science: Law Department. 2009.
178. *The Penguin Dictionary of Sociology.* Penguin Books, 1984, p. 111.
179. *The World System: Five Hundred Years or Five Thousands? / Frank A.G & Gills B.K.* (eds). London and New York: Routledge, 1998.
180. *Tichelman F.* The social evolution of Indonesia: The asiatic mode of production and its legacy. The Hague etc., 1980.
181. *Tilly C.* Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. N.-Y.: Russel Sage Foundation, 1984.
182. *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Reading MA: Addison-Wesley. 1978.
183. *Times.* 1982. 18 September. 7/5. Цит. по: Oxford English Dictionary. 2d ed. V. XVII. Oxford: Clarendon Press, 1989.
184. *Toboso F.* Institutional individualism and institutional change: the search for a *middle way* mode of explanation. // Cambridge Journal of Economics, 25 (6), November, 2001.
185. *Tocqueville A.* L'ancien Regime et la Revolution. Paris, 1956.
186. *Toynbee A.J.* A Study of History. V. 1–12. — London — New York — Toronto, 1939–1961.

187. *Trevor L.* Why the West Must Realize Brazil is a “Communist” Country. // *New Zeal*, December, 23, 2010. <http://www.trevorloudon.com/2010/12/why-the-west-must-realize-brazil-is-a-communist-country/> просмотр 15 июля 2013
188. *Tschayanoff A.* Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme // *Arch, für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik*. Bd 51. H. 3. Tubingen, 1924.
189. *Udehn L.* Methodological individualism: Background, history and meaning. London: Routledge, 2001.
190. *Urri J.* Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.
191. *Veblen T.* Theory of the Leisure class. N.-Y., 1899.
192. *Wallerstain I.* Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Centure Paradigms. Cambridge: Polity Press, 1991.
193. *Waszynski S.* Die Bodenpacht. Agrargeschlichtliche Papyrusstudien. Bd.1. Die Privatpacht. — Leipzig: B.G. Teubner, 1905.
194. *Watkins J. M. N.* Ideal Types and Historical Explanation // *The British Journal for the Philosophy of Science*, 1952, vol. 3.
195. *Webb H.* The Japanese Imperial Institution in the Tokugawa Period. New York: Columbia University Press, 1968.
196. *Weber M.* Roscher and Knies. The Logical Problems of Historical Economics. trans. and intro. Oakes G. New York and London: Free Press, 1975.
197. *Wegren S. K.* Land Reform in Russia: Institutional Design and Behavioral Responses. / New Haven: Yale University Press, 2009.
198. *Wei X.* Rethinking China’s Economic Transformation. New York: Global Scholarly Publications, 2010.
199. *White L.* Energy and the Evolution of Culture// *The Science of Culture*. N.-Y.: Grove Press, 1949.
200. *White L. A.* The Evolution of Culture. New York: McGraw-Hill, 1959.
201. *Wittfogel K. A.* Oriental despotism: A comparative study of total power. New Haven: Yale Univ. Press, 1959.
202. *Wittfogel K. A.* Oriental despotism: A comparative study of total power. New Haven: Yale Univ. Press, 1959.
203. *Wogoman J. P.* Christian Method of Moral Judgment. 1976. V. 142.
204. *Wolf Ch.* Markets and Governments. — London: Cambridge, 1988.
205. *World System History. The Social Science of Long-Term Change* / Denmark R.F. at al (eds) London & New York: Routledge, 2000.
206. Worldbank Database (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> просмотр 5 февраля 2013
207. *Xiaoping W.* Rethinking China’s Economic Transformation. New York: Global Scholarly Publications, 2010.
208. *Zakaria F.* The Politics of Port // *State Magazine*, 1999, March 16.
209. *А было ли иго?* // *Родина*, 1997, № 3–4.
210. *Абалкин Л. И.* В поисках самоопределения российской школы экономической мысли // *Очерки истории российской экономической мысли*. Под ред. Л.И. Абалкина. М: Наука. 2003.

211. *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь*/ Пер. с англ. Под ред. С. А. Ерофеева. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997.
212. *Абульханова К.А., Александров Ю.И., А.В. Брушлинский.* Комплексное изучение человека// Вестник РГНФ. 1996. N3.
213. *Автономов В.С. «Другой канон» в истории экономической мысли/ Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция.* Материалы IX международного симпозиума по эволюционной экономике, 8 — 10 сентября 2011 г., Россия, Московская область, г. Пущино. / Отв. редакторы В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. — М.: Институт экономики РАН, 2013.
214. *Административное право Российской Федерации (Алехин А.П., Кармолицкий А. А. Козлов Ю.М.).* — М.: ИКД Зерцало-М, 2003.
215. *Айзенштадт Ш. Н.* Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность// THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2.
216. *Акименко А., Алексеев А., Лавров А., Шувалов В.* Путь к совершенной модели административного устройства. // Федерализм, 1996, № 2.
217. АККОР. 16.02.2013 состоялся XXIV съезд АККОР. 16 февраля 2013. <http://akkor.ru/news/16-02-2013-sostoyalsya-xxiv-sezd-akkor.html> просмотр 12 июля 2013
218. *Аксаков И. С.* Сочинения. — М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886, т. 2.
219. *Алаев Л.Б.* Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
220. *Александров Ю.И.* Введение в системную психофизиологию //Психология XXI века / Под ред. В. Н. Дружинина. М.: Пер Се, 2004.
221. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: ИП РАН, 2009.
222. *Александров Ю.И., Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и ментальные модели. // СОЦИС, 2012. № 8.
223. *Александров Ю.И., Кирдина С. Г.* Коэволюция институтов и ментальных моделей. В: Эволюционная и институциональная экономика: теория, методология, практика исследований. Том 2. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013 (то же в: Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. № 1 (130), февраль, 2013).
224. *Алчиян А. (1950).* Неопределенность, эволюция и экономическая теория. / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
225. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования). // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). (1970).
226. *Амеллер М.* Парламенты. Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира. — М.: Прогресс, 1967.
227. Анализ данных социологического опроса посетителей официального сайта администрации Краснодарского края за 4 квартал, с. 2011 года. Официальный сайт администрации Краснодарского края <http://admkrain.kuban.ru/content/section/717/detail/24974/> (Электронный ресурс, просмотр 10 мая 2013 г.)

228. *Ананьин О. И.* Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. Научный доклад. — М.: Институт экономики РАН, 2002.
229. *Ананьин О. И.* Концепция экономической трансформации постсоветского общества (некоторые методологические уроки). // *Мировая экономика и международные отношения*, 1996, № 6.
230. *Ананьин О. И.* Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2013.
231. *Ананьин О. И.* Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005.
232. *Андреев Д.* Роза Мира. М.: Товарищество «Клышников-Комаров и Ко», 1993.
233. *Анохин П. К.* Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.
234. *Арин О. А.* (Алиев Р. Ш.) Двадцать первый век: *мир* без России. М.: Альянс, 2001.
235. *Артемьев Г. П.* Политическая социология. Курс лекций. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000.
236. *Атаманчук Г. В.* Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. — М.: Славянский диалог, 1996.
237. *Атаян И. М.* Книжное обозрение// СОЦИС, 1997, № 12.
238. *Афанасьев М.* Испытывая политические институты// Pro et Contra, Весна 1999.
239. *Ахизер А.* Хозяйственно-экономические реформы в России: как приблизиться к пониманию их природы?// Pro et Contra, Лето 1999.
240. *Ахизер А. С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
241. *Ачкасов В. А.* Президент РФ и Государственная Дума: перспективы взаимоотношений. // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. — Ленинград: ЛГУ, 1995, № 5.
242. *Бабиченко Д.* Кремль готовит «показательные процессы». // СЕГОДНЯ. Вторник, 17 марта 1998, № 57.
243. *Балаев Л. Б.* Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.
244. *Баранов Г. С.* Модели и метафоры в социологии К. Маркса // *Социологические исследования*, № 6, 1992.
245. *Барраль Э.* Комплекс Ajase// Курьер ЮНЕСКО май 1993.
246. *Барсукова С.* Август 1998 года и отечественное предпринимательство// Pro et Contra, Весна 1999.
247. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Изд-во Питер, 2008.
248. *Бахматова Т. Г.* Исторические особенности изменения характера трудовой мобильности России и подходов к ее изучению / *Историко-экономические исследования*, 2002, № 1 (1).
249. *Бахрах Д. Н.* Общая и специальная жалобы// *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. — Ленинград: ЛГУ, 1987, № 6.
250. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. — М.: Советская Россия, 1979.

251. *Безобразов В. П.* Земские учреждения и самоуправление. — М.: Университетская тип., 1874.
252. Белояр А. Либеральная революция. / *Толковый словарь демократического новояза и эвфемизмов* <http://politike.ru/dictionary/472> просмотр 10 июля 2013
253. *Бём Ф., Ойкен В., Гроссман-Дёрт Г.* Наши задачи (ордо-манифест). Пер с нем. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006, том 4, № 4.
254. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995 (1966).
255. *Берендтс Э. Н.* Опыт системы административного права. Т. 1. Обзор истории административного права и истории его литературы. Вып. 5. Ярославль: Типо-литогр. Э. Г. Фальк, 1898.
256. *Бессонова О., Кирдина С.* Мониторинг жилищной реформы: от приватизации к новой модели управления // ЭКО, 1996, № 9.
257. *Бессонова О. Э.* Жилищная модель на современном этапе // ЭКО, 2009, № 7.
258. *Бессонова О. Э.* Жилье: рынок и раздача. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1993.
259. *Бессонова О. Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.
260. *Бессонова О. Э.* Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики, 2012. № 8.
261. *Бессонова О. Э.* Институциональная теория хозяйственного развития России: Автореф. Дис... д-ра социолог. наук. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.
262. *Бессонова О. Э.* Раздаток как нерыночная система // Известия СО РАН. Сер. Регион: экономика и социология, 1993а. Вып. 1.
263. *Бессонова О. Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
264. *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность, 1994, № 3.
265. *Бессонова О. Э.* Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы. // Экономическая наука современной России. 2007. № 2 (37).
266. *Бессонова О. Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.
267. *Бессонова О. Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.
268. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами. — М.: Российское Библейское общество, 1993.
269. *Бланшар О.* Что мы знаем о макроэкономике, чего не знали Фишер и Виксель. (2000). / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
270. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М: Дело ЛТД, 1994.

271. *Бобровников А. В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М.: ИЛА РАН, 2004.
272. *Богачев В. Н.* Народнохозяйственная эффективность и затратный механизм. Избранные труды. М.: Наука, 2006.
273. *Богачев В. Н.* Прибыль?! О рыночной экономике и эффективности капитала. М.: Наука, 1993а.
274. *Богачев В. Н.* Призраки и реалии рынка. М.: Институт экономики РАН, 1993б.
275. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах. М.: Экономика, 1989.
276. Бойцова В. В. Институт местного омбудсмана в Великобритании. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1993, № 3.
277. *Бокарев Ю. П.* Теории модернизации и экономическое развитие. www.perspektivy.info/.../teorii_modernizacii_i_ekonomicheskoe_razvitije_2010-04-13.htm просмотр 12 июня 2011 г.
278. *Большая советская энциклопедия.* — М.: Советская энциклопедия, 1953, 2-е изд. Т. 18.
279. *Большая советская энциклопедия.* — М.: Советская энциклопедия, 1973, 3-е изд. Т. 12.
280. *Большой толковый словарь русского языка.* — СПб.: Норинт, 1998.
281. *Боннер А. Е.* Обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1984, № 5.
282. *Боннер А. Т.* Буржуазная административная юстиция. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1969, № 1.
283. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
284. *Борейко А.* В медиа-холдинг войдут все// Сегодня. 1998, 11 июня, № 125.
285. *Боулс С., Гинтис Г.* Вальрасианская экономическая теория в ретроспективе. (2000). / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
286. *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юридическое издательство, 1947.
287. *Бродский И. А.* Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе. / Пер. с англ. — М.: Слово, 1992.
288. *Бромхед П.* Эволюция Британской Конституции. / Пер. с англ. / Отв. ред. В. А. Баранчикова. — М.: Юридическая литература, 1978.
289. *Бруннер К.* Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества// THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. — Осень 1993. Т. 1. Вып. 3.
290. *Брянчанинов А. А.* В годину лихолетья (1905–1906). Роман в 2-х ч. Харьков: Типография «Мирный труд», 1913.
291. *Буайе Р.* Теория регуляции: критический анализ. — М.: Наука для общества, РГГУ, 1997.

292. Бурдые П.// Большой толковый социологический словарь. — М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. Т. 2.
293. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «О бюджетной политике в 2008–2010 годах» // Правовед. — 2007. — № 10.
294. Важнейшие социально-экономические показатели развития России. Альбом статистических таблиц. М: Институт экономики РАН, 2007.
295. Валетов Т. Я. Заработная плата на крупной фабрике в России конца XIX-начала XX века (на примере товарищества мануфактур Н. Н. Коншина) / Историко-экономические исследования, 2002, № 1 (1).
296. Валлерштайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества// Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. — М.: Интеллект, 1998.
297. Валянский С., Калужный Д. У нас нет лишней земли// НГ-сценарии, 1998, № 4.
298. Васильев Л. С. Феномен власти-собственности// Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М.: Восточная литература, 1982.
299. Васильчиков А. И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных земских учреждений. — СПб.: Тип. Г. Мюллера, 1869–1871. Т. 1–3.
300. Вебер А. Нищета экономизма// Свободная мысль, 1997, март.
301. Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994.
302. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
303. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной (1898) / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
304. Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984 (1899).
305. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность / Отв. ред. В. К. Райхнер. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948..
306. Венедиктов А. В. Органы управления государственной социалистической собственностью. // Советское государство и право, 1940, № 5, 6.
307. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. — М.: Наука, 1989.
308. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988.
309. Верников А. В., Кирдина С. Г. Эволюция банков в X- и Y-экономиках. /Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост. Материалы VIII международного симпозиума по эволюционной экономике, г. Пушкино, Московская область, Россия, 17–19 сентября 2009 года. / Под редакцией В. И. Маевского и С. Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН, 2010.
310. Веселкова Н. В. Интегративная функция социального времени: фрагментация или сохранение целостности?// Межрегиональный семинар «Интегративные процессы в современной России: механизмы, субъекты, региональные модели», Екатеринбург, 25–28 июня 2000 г.
311. Википедия. Политическая культура. http://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_культура просмотр 24 июля 2013 г.

312. *Bumte C. Ю.* Самодержавие и земство. 2-е изд. Stuttgart, Verlag und Druck von J.H. W. Dietz Nacht (С.м.б.Н.), 1903.
313. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995 (переиздание 1886–1915 гг.).
314. *Волков В. В.* О концепции социальных практик в современных науках// Социологические чтения. Вып. 2. — М.: Институт социологии РАН, 1997а.
315. *Волков В. В.* Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации// Куда идет Россия?? Общее и особенное в современном развитии. — М.: МВШСЭН, 1997б.
316. *Володихин Д.* Ты не прав, XVI век? // Родина, зима 1997.
317. *Вольчик В.* Комплементарность и иерархия институтов в рамках хозяйственного порядка // Научные труды ДонНТУ. Сер. Экономическая. — Вып. 37–1. — Донецк, 2009. — С. 35–41.
318. *Вопросы советского бюджетного права.* / Под ред. М. И. Боголепова. — М.: Институт права, 1940.
319. *Вопросы советского государственного права.* — М.: Изд-во АН СССР, 1958.
320. *Ворожейкина Т.* Познается в сравнении: Вечно живой популизм. // Ведомости, 128 (2646), 14.07.2010.
321. *Воронцов В. П.* Судьба капиталистической России: Экономические очерки России. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907.
322. *Вэн-цзы.* Познание тайн. Дальнейшее развитие учения Лао-цзы./ Пер. с англ. М. О. Суворов, пер. с кит. Т. Клири. М: Изд-во «Гаолян», 1999.
323. *Галковский Д.* Русская политика и русская философия// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995. Т. 3.
324. *Гальперин В. М., Игнатъев С. М., Моргунов В. И.* Микроэкономика: Учебник. В 2-х томах. СПб.: Экономическая школа, 1998.
325. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. — М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998.
326. *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3-х т. — М., 1974.
327. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии// THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. — Зима 1993. Т. 1. Вып. 1.
328. *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т.1. М. Мысль. 1989.
329. *Головачев А. А.* Десять лет реформ. 1861–1871. — СПб.: Тип. Сущинского, 1872.
330. *Голосенко И. А.* Питирим Сорокин как историк социологии. // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998, №4.
331. *Гонтмахер Е.* Общественный договор как основа оптимальной социальной модели// Общество и экономика, 1999, № 10–11.
332. *Государственный архив Свердловской области.* Ф.Р. — 2266. Оп. 1. Д. 74. Л. 222.
333. *Градовский А. Д.* Закон и административное распоряжение по русскому праву. — СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1874.
334. *Градовский А. Д.* Начала государственного права. 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Тип. Морского Мин-ва, в гл. Адм-ве, 1892.

335. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. 3. Органы местного управления. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1883.
336. Градовский А.Д. Системы местного управления на Западе Европы и в России. — СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1878.
337. *Гражданское право*: Учебник. В 2 т. Т.1 / Отв. Редактор Е. А. Суханов. М.: БЕК, 1998.
338. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа. // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004, т. VII, № 1.
339. Гречко П.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме. // Общественные науки и современность, № 2, 2000.
340. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. Препринт. М: Изд-во «ИСЭПРЕСС», 2000.
341. Грищенко Н. Выбор — социальное государство. // Общество и экономика, 1999, № 10–11.
342. Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. М.: Изд-во «Ольга», 1996.
343. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. — М.: Госполитиздат, 1956.
344. Губанов С. К тенденции расширения воспроизводства и умножения общественного богатства. // Экономист, 1992, № 1.
345. Гулянская Е.А. Индивидуализм и коллективизм в системе ценностей организационной культуры современной России. Вестник Ставропольского государственного университета. Социологические науки. № 56. Ставрополь: СГУ, 2008.
346. Гумилев Слово, 1921. Цит. по: Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е. Евтушенко. Минск- Москва: Полифакт, 1995.
347. Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. — М.: Прогресс, 1969.
348. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М: Прогресс, 1976. <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Gelbreit/c1.html> просмотр 8 июня 2011 г.
349. Давыдов В. Современная левая альтернатива в латиноамериканском исполнении. // Мир перемен, 2008, № 1.
350. Давыдов А. А. Существует ли мера социальной гармонии? // Социологические исследования, 1988, N 5.
351. Давыдов А. А. Активность избирателей и целостность // Целостность социальных систем. М.: ИСАИ, 199.1
352. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1991 (1882). Т. II, IV.
353. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому // Заря, 1869, № 5–9.
354. Деборин А.М. Социально-политические учения нового времени.- М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1.
355. Девятко И. Ф. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и пост-

- советское общество (Аспекты-2001) / Под ред. А. Согомонова и С. Кухтерина. Вып.2. М.: Ин-т социологии РАН, Изд-во Стови, 2001.
356. *Дерябина М.* Горизонтальная экономика: контуры управления (О книге Б. Мильнера и Т. Орловой «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление // Вопросы экономики, № 7, 2013.
  357. *Дерябина М. А.* Теоретические и практические проблемы государственно-частного партнерства. М.: Институт экономики РАН, 2010.
  358. *Дерябина М. А., Кирдина С., Кондрашова Л.* Китай: новая траектория реформ. // Мир перемен, 2010, № 3.
  359. *Дерябина М. А., Кирдина С. Г.* Китай в условиях мирового кризиса // Вестник ИЭ РАН, 2010, № 3.
  360. *Диканский М. Г.* Квартирный вопрос им социальные опыты его решения. — Санкт-Петербург: Типография С.- Петербургского Градоначальства, 1908.
  361. *ДиМаджжо П. Дж., Пауэлл У. В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. / Пер. Г. Б. Юдина // Экономическая социология, 2010, т. 11, № 1.
  362. *Дози Дж.* Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы. // Вопросы экономики, № 12, 2012.
  363. *Долежан В. В.* Право граждан на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1981, № 3.
  364. *Допфер К.* Истоки мезоэкономики // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пушкино, Московская область. М: Институт экономики РАН, 2008.
  365. *Дорошенко Е. В.* Долгосрочные трудовые отношения как принцип производственного менеджмента в современной экономике. Автореф. канд. экон. н. Спец-ть 05.02.22. М.: ЦЭМИ, 2012.
  366. *Дроздова Н. П.* Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса// Экономическая теория на пороге XXI века-2. — М.: Юрист, 1998.
  367. *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963.
  368. *Дэвид П.* Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция. (2005). / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
  369. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990.
  370. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. — М.: Канон, 1995.
  371. *Евангелие от Иоанна.* / Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с параллельными местами. — М.: Российское Библейское общество, 1993.

372. *Евдокимов В. Б.* Влияние партий на формирование и отставку правительств в зарубежных странах. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1991, № 6.
373. *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Несводимость и экономика (полемиические заметки по поводу статьи А. Рубинштейна «"Группы и интересы": приглашение к дискуссии»). Вопросы экономики, 2007, № 3.
374. *Егоров Д. Г., Егорова А. В.* Самоорганизация экономического процесса с позиций нелинейной термодинамики // Общественные науки и современность, 2003, № 4.
375. *Ерасов Б. С.* Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока. Гл. VII. / Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия, М.: Аспект Пресс, 1999.
376. *Еремин В. Н.* Классификация права японскими юристами. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1977, № 1.
377. *Ефименко А. Я.* Исследования народной жизни. Т. I. Обычное право. — М.: Изд. В. И. Касперова, 1884.
378. *Ефремов И.* Час быка: научно-фантастический роман. — М.: Дружба народов, 1995
379. *Ефремова Н. Н.* Судостроительство России в XVIII — первой половине XIX века. — М.: Наука, 1993.
380. *Жданов А. А.* Жалоба в буржуазном административном процессе. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1971, № 6.
381. *Жданов А. А.* Об ответственности буржуазного государства за действия должностных лиц. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1973. № 6.
382. *Железнов Б. Л.* Укрепление федерализма, или тихая унитаризация? // Журнал «Казанский федералист», 2002, № 3.
383. *Зайцева Л. И.* Русские провидцы о российской государственности (середина XVI — начало XX вв.). Часть 1. XVI век. — М.: Институт экономики РАН, 1999.
384. *Зарубежный Восток и современность: основные закономерности и специфика развития освободившихся стран.* — М.: Гл. редакция восточной литературы, 1974.
385. *Заславская Т. И.* О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1985.
386. *Заславская Т. И.* О социальном механизме развития экономики // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. — Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1985.
387. *Заславская Т. И.* Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри. — М.: ВЦИОМ, МВШЭиСН, 1997.
388. *Заславская Т. И.* Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Социально-территориальная струк-

- тура города и села (Опыт типологического анализа). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.
389. *Заславская Т.И.* Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества// Социально-территориальная структура города и села (Опыт типологического анализа). — Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.
  390. *Заславская Т.И.* Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект. Глава 8// Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск: АО «Наука РАН», 1999.
  391. *Заславская Т.И., Бельнская И.М., Бородин С.М., Мучник И.В.* Социально-демографическое развитие села: региональный аспект. — М.: Статистика, 1980.
  392. *Заславская Т.И., Горяченко Е.Е., Мучник И.В. и др.* Развитие сельских поселений: Лингвистический анализ социальных объектов. — М.: Статистика, 1977.
  393. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социально-территориальная подструктура// Социология экономической жизни. — Новосибирск: Наука, 1991а.
  394. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991б.
  395. *Заславская Т.И., Федосеев В.И., Троцкий А.А.* К вопросу о социально-территориальной структуре экономического района// Изв. СО АН СССР. Сер. экон. и прикл. социологии. 1985. № 1. Вып. 1 и № 7. Вып. 2.
  396. *Зиновьев А.В.* Императивный характер депутатского мандата. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1984, № 1.
  397. *Зомбарт В.* Современный капитализм. — М.-Л.: Госиздат, 1931. Т. 1.
  398. *Зотов А.А.* Анализ социализма в творчестве В. Парето (работы 1898–1903 гг.)// СОЦИС, 2001, № 2.
  399. *Иванов Н.В.* Новосибирская социологическая школа (НСШ) / Социологическая энциклопедия, т.2. М: Мысль, 2003.
  400. Из выступлений Председателя Совета Министров П. А. Столыпина на заседаниях Государственного Совета 6 марта 1907 г., 5 декабря 1908 г., 15 марта 1910 г. и члена Государственного Совета С.Ю. Витте 15 марта 1910 г. // Вопросы экономики. 1990. №10.
  401. *Ильин И.* В поисках утраченной державности// Федерализм. Теория, практика, история, 1998, № 1(9).
  402. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. — М.: Изд-во «Республика», 1993.
  403. *Инглхарт Р.* Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. — М.: МШПИ, 2000. — С. 106–128.
  404. *Институты самоуправления: историко-правовое исследование.* — М.: Наука, 1995.
  405. *Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз / Под ред. С. Г. Кирдиной, Л. И. Кондрашовой // Вестник научной информации № 3. М.: Институт экономики РАН, 2010.*

406. Институциональных матриц теория. / Социологический словарь, с. 153–154. / Отв. редакторы Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М: ИНФРА-М, 2010.
407. Инструкция о порядке учета юридических лиц, их обособленных подразделений в Едином государственном регистре предприятий и организаций. Часть 1. (утв. Госкомстатом РФ 22.1.12. 1999, № ФС-1–24/64836 ред. от 07.12.2001). <http://zakonprost.ru/content/base/part/292586> просмотр 23 мая 2012
408. Интервью Председателя Комитета по обращениям и жалобам мэрии Санкт-Петербурга. ... // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1993, № 3.
409. Интервью Ху Цзиньтао. // Ведомости. 18.01.2011, 6 (2772) http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/253241/my_dolzny_otkazatsya_ot_mentaliteta_holodnoj_vojny_hu#ixzz1BVUwjOKG — просмотр 19.01.2011
410. *Иоффе О. С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Л.: Издательство ЛГУ, 1958.
411. История России. XX век / А. Н. Боханов, М. М. Горинов, В. П. Дмитренко и др. — М.: АСТ, 1996.
412. *Каганский В. Л.* Советское пространство: конструкция и деструкция// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995. Т. 1.
413. *Казанцев Н. М.* Об идее трансактивного планирования российской экономики// Альманах Центра общественных наук. Периодическое издание. — М., 1997. № 3. Декабрь.
414. *Калинин М. И.* Статьи и речи. 1919–1935. — М.: Политиздат, 1936.
415. *Калугина З. И.* Парадоксы аграрной реформы. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000.
416. *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал [Электронный ресурс] // Сайт Института общественного проектирования (ИНОП). — 2005–2006. <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> просмотр 12 июня 2011 г.
417. *Калугина З. И.* Трансформационные процессы в аграрном секторе России// Общество и экономика: Социальные проблемы трансформации. Сборник научных докладов к XIV Конгрессу Всемирной Социологической Ассоциации. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.
418. *Каменская Г. В.* Федерализм: мифология и политическая практика. — М.: ИМЭМО РАН, 1998.
419. *Камко Е. В.* Централизованное управление инновациями в России: институциональный анализ // *TERRA ECONOMICUS*. № 2, 2012.
420. *Капелюшников Р.* QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии. / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
421. *Караваева И.* О роли государства в развитии промышленного предпринимательства в России до 1917 г.// Вопросы экономики, 1996, № 9.
422. *Касьянова К. В.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
423. *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. — М., 1919.

424. Качоровский К. Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). — СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1900. Т. 1.
425. Квашиницкий В. Истоки эволюционной экономики (1996). / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
426. Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993.
427. Кирдина С.Г. Трудовые отношения в редистрибутивных экономиках: случай России. // Политика социального партнерства (российский и зарубежный опыт). М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003б.
428. Кирдина С.Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация./ Вопросы экономики, № 10, 2004а.
429. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 1-е изд.- М.: ТЕИС, 2000; 2-е изд. — Новосибирск: ИЭиОПП РАН, 2001.
430. Кирдина С.Г. История земельных отношений в России в свете теории институциональных матриц // Историко-экономические исследования (Иркутск), 2004б, № 1–2.
431. Кирдина С.Г. Постсоветский институционализм в России: попытка обзора. // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2004в. том 2, номер 2.
432. Кирдина С.Г. Институт земельной собственности в России./ Вопросы экономики, № 10, 2003а.
433. Кирдина С.Г. «Блеск и нищета» политической экономии социализма //Журнал экономической теории, № 2, 2006.
434. Кирдина С.Г. «Гражданское общество»: уход от идеологемы // СОЦИС (Социологические исследования), № 2, 2012.
435. Кирдина С.Г. Взгляд экономиста-социолога: заметки с XVII Мирового социологического конгресса, Гетеборг (Швеция), 11–17 июля. / Журнал Новой экономической ассоциации. № 7, 2010.
436. Кирдина С.Г. Институциональная модель политической системы России // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. — М.: Логос, 1999а.
437. Кирдина С.Г. Институциональные модели финансирования реального сектора. // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (18). 2013а.
438. Кирдина С.Г. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества (Гл. 21) // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск: АО «Наука РАН», 1999б.
439. Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН, 2013б.
440. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм. // Вопросы экономики, 2014 (в печати).
441. Кирдина С.Г. Направления модернизации бюджетного федерализма в реформируемой политической системе России// Федерализм, 1999в, № 4.

442. Кирдина С. Г. Политические институты регионального взаимодействия: пределы трансформации // *Общественные науки и современность*, 1998, № 5.
443. Кирдина С. Г. Почему марксизм укоренился в России и Китае, а не у себя на родине? Лекция в Шанхайском университете финансов и экономики в Центре марксистских исследований, 20.10.2011. <http://www.kirdina.ru/doc/news/24oct11/1.pdf>.
444. Кирдина С. Г. «Преимственность в российской экономической мысли — от Посошкова до институционализма» // *Очерки истории российской экономической мысли* / Под ред. академика Л. И. Абалкина. М.: Наука, 2003б.
445. Кирдина С. Г. Российские госкорпорации — ответ на глобальные экономические вызовы / «Глобализация: мифы и реальность». Материалы Международной научно-практической конференции, 20 ноября 2008 г. Тюмень: ТГАМЭУП, 2008.
446. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М: Наука, 2004.
447. Кирдина С. Г. X-эффективность и X-экономики: синтез теоретических подходов / *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007, № 2.
448. Кирдина С. Г. Экономическая эволюция как институциональная самоорганизация. // *Эволюционная теория: инновации и экономические изменения* (VI Международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пущино, 23–24 сентября 2005 г.) М: Институт экономики РАН, 2005.
449. Кирдина С. Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*, 1999, № 6.
450. Кирдина С. Г., Кирилук И. Л., Толмачева И. В., Рубинштейн А. А. Российская модель институциональных изменений: опыт эмпирико-статистического исследования. // *Вопросы экономики*, 2010 № 11.
451. Кирдина С. Г., Малков С. Ю. Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация. Научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2010.
452. Кирдина С. Г., Малков С. Ю. Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пущино, Московская область. Отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. М.: Институт экономики РАН, 2008.
453. Кирдина С. Г., Рубинштейн А. А. Возрастающая отдача российской власти (на основе анализа законодательного процесса 1994–2012 гг.). / *Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике*. Под ред. С. Г. Кирдиной, В. И. Маевского. СПб.: Нестор-История, 2013.
454. Кирсанов В. П. Социальная природа биполярного мира. // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*, 2009, № 36.
455. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
456. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М: Наука, 2004.

457. *Клейнер Г.Б.* Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России. — М.: ЦЭМИ, 2001.
458. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9-и т. — М.: Мысль, 1987 (переиздание 1904–1910).
459. *Клямкин И.* Российская власть на рубеже тысячелетий// Pro et Contra. Весна. 1999.
460. *Князев С.Д.* Принципы российского избирательного права. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1998, №2.
461. *Коваль В.П.* Особенности правового режима политических партий в Швеции. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1981, №1.
462. *Козлихин И.Ю.* Высшие органы власти США в годы «нового курса» (1933–1939 гг.). // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1981, №4.
463. *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право. // Государство и право, 2000, №3.
464. *Коландер Д. и др.* Финансовый кризис и провалы современной экономической науки. // Вопросы экономики, 2010. №6.
465. *Коландер Д.* Экономическая наука нового тысячелетия: как она нашла свой путь и каков он? (2000). / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. — М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
466. *Колчестер М., Энрич Д., Луккетти А.* Банкиры ЕС заработали свыше 1 млн евро. // Ведомости, 17.07.2013.
467. *Константинов И.Ф.* К вопросу о правовом регулировании народного контроля. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1967, №6.
468. Конституция Российской Федерации. — М.: Проспект, 1997.
469. Конституция Соединенных Штатов Америки. — М.: ТОО «Иван», 1993.
470. Конституция СССР и расширение судебной защиты прав граждан. // Советское государство и право, 1978, №11.
471. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики, 2002, №4.
472. *Корнаи Я.* Дефицит. — М: Наука, 1990.
473. *Королев А.И.* Роль народного правотворческая в возникновении советского права. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1958, №1.
474. *Корякин Ю.И.* Природный газ России: две стратегические роли: Докл. Министрству атомной энергетики. 16 марта 2000 г. — М.: Росэнергоатом, 2000.
475. Космос был ... сотворен. Неизвестный автор. Удаленный веб-ресурс. Просмотр 9 марта 2000 г.
476. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М.: «Дело ЛТД», 1993. Пер. с англ. (1988).
477. *Кочев В.А.* Общие собрания, сельские сходы граждан и Советы. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1990, №4.

478. *Кознен-Хуттер Ж.* Социология и проблемы современного общества// Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований.- М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998.
479. *КПСС о работе с письмами трудящихся.* — М.: Издательство политической литературы, 1984.
480. *Кравченко С. А.* Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. — М.: Изд-во «МГИМО» Университет, 2012.
481. *Крапчан (Кирдина) С. Г.* Вас тут не стояло, а впрочем...Итоги одного социального эксперимента.// ЭКО. 1992, № 12 .
482. *Крапчан (Кирдина) С. Г.* Село Российской Федерации: Социально-региональная структура. — Новосибирск: Наука, 1989.
483. *Крюков В. А.* Институциональная структура нефтегазового сектора: Проблемы и направления трансформации. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.
484. *Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год.* / Под общей ред. Т. И. Заславской.. — М.: Логос, 1999.
485. *Кудряев В. А. и др.* Организация работы с документами: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 1998.
486. *Кузьмин В. И., Жирмунский А. В.* Модель критических уровней развития систем. Ч. 2. Критические константы в процессе развития. Препринт N 18. Владивосток, 1986.
487. *Кузьмина М. А.* Метафора как элемент методологии современного научного познания. //СОЦИС, №2, 2006.
488. *Кульпин Э.* Феномен России в системе координат социоестественной истории// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания.- М.: Аргус, 1995. Т. 1.
489. *Кульпин Э. С.* Социоестественная история: предмет, метод, концепции. — М.: Рос. открытый ун-т, Центр социоестественных исследований, 1992.
490. *Культурология. XX век. Словарь.* — СПб.: Университетская книга, 1997.
491. *Курдюмов С. П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. Препринт №45 за 1990 г. М.: ИПМ им. Келдыша АН СССР, 1990.
492. *Кушнир А.* Ирония судьбы, или Пожизненный найм. // Кадровые решения, 2003, № 5. http://www.profiz.ru/kr/5_2003/1125/ — просмотр 7 сентября 2012 г.
493. *Кэмпбэлл Дж.* Свобода и сообщество// Вопросы философии, 1992, № 12.
494. *Лан В. И.* США: от первой до второй мировой войны — М.: Наука, 1976 (1947).
495. *Ландман М.* Георг Зиммель: контуры его мышления// Георг Зиммель. Избранное. — М.: Юрист, 1996. Т. 2.
496. *Ланьков А.* Чэболь: гибель гигантов? // Русский журнал, 26 августа и 2 сентября 2003 г.
497. *Латин Н. И.* Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация// Журнал социологии и социальной антропологии, 2000а, № 3.
498. *Латин Н. И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры// СОЦИС, 2000б, № 7.
499. *Ларина Н. А., Кисельников А. А.* Региональная политика в странах с рыночной экономикой: Учеб. пособие. НГАЭиУ. — М.: Экономика, 1998.

500. Латинско-русский словарь. Дворецкий И.Х. — М.: Русский язык, 1994.
501. *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси. Историко-юридическое исследование. — СПб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1885.
502. *Латова Н.В., Латов Ю. В.* Вестернизируется ли ментальность молодых россиян? // Модернизация экономики и общественное развитие. Кн. 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007.
503. *Лебедева Н. Н.* Цивилизационная форма хозяйствования: институциональные основы // Экономическая теория на пороге XXI века-3. — М.: Юрист, 2000.
504. *Лебенстайн Х.* Аллокативная эффективность в сравнении с X-эффективностью. / Теория фирмы.: Сб. тр. — С-Пб., Экономическая школа, 1995.
505. *Леонтович В. В.* История либерализма в России: 1762–1914. / Пер. с нем. И. Иловойской. — М.: Русский путь; Полиграфресурсы. — (Вып. 1). М. 1995.
506. *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). — Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879.
507. *Липов В.* Случайность и стимул: синергетика и экономическая теория развития // Философия хозяйства. — 2001. — № 3. — С. 197–206.
508. *Липов В.* Теория инновационного развития: традиция как основа успеха // Экономические проблемы инновационного развития. — М.: ТЕИС, 2009. — С. 206–214.
509. *Липов В. В.* Национальная культура хозяйствования и дуализм комплементарности экономических систем: фактор физиологии мышления. // Бюлетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму. 2010. № 1 (3). Том 2.
510. *Литвинцева Г. А.* 2001. Словарь терминов по институциональной экономике. <http://vocabulary.ru/dictionary/96>, 2001. просмотр 2 марта 2013 г.
511. *Литвинцева Г. П.* Продуктивность экономики и институты на современном этапе развития России. Новосибирск: Наука, 2004.
512. *Локк Дж.* Сочинения: В 3-х т. — М.: Мысль, 1988.
513. *Лория В. А.* Роль административных жалоб в охране прав граждан. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Ленинград: ЛГУ, 1984, № 5.
514. *Лория В. А.* Существует ли административная юстиция в советском праве? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Ленинград: ЛГУ, 1970, № 1.
515. *Лукашенко О., Побываев С.* Японская экономическая реформа: опыт и уроки. // Вопросы экономики, 1994, № 4.
516. *Лурье С. В.* Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность, 1998, № 5.
517. *Львов Д. С.* Экономический манифест — будущее российской экономики. — М.: Экономика, 2000.
518. *Макаревич Л.* Структура собственности и борьба за ее передел в России в 1992–1999 гг. // Общество и экономика, 1999, № 10–11.
519. *Макаров В. Л.* О применении метода эволюционной экономики // Вопр. экономики. 1997. № 3.
520. *Макконел К. Р., Брю С. Л.* Экономикс. М: Республика, 1992.

521. *Маклюен Г. М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. Пер с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003.
522. *Максименко В.* Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. Зима, 1999.
523. *Малевич И. А.* Внимание, Китай. — Минск: Харвест, 2000.
524. *Малиа М.* Клио под надзором (Россия в американской историографии). // Родина, зима 1997.
525. *Малько А. В., Синюков В. Н.* Императивный мандат: прошлое и настоящее. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1992, № 2.
526. *Малявин В.* Россия между Востоком и Западом: третий путь?// Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. — М.: Аргус, 1995. Т. 3.
527. *Манохин В. М.* Об участии общественных организаций в формировании органов советского государственного управления. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Ленинград: ЛГУ, 1962, № 3.
528. *Марача В. Г.* Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Методология науки: проблемы и история. М.: ИФ РАН, 2003.
529. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд-е второе. М.: Госполитиздат, 1961.
530. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Соч. Т. 13. 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1959 (1859).
531. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Соч. 2-е изд. Т. 8. — М.: Госполитиздат, 1955.
532. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1968.
533. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. — М.: Госполитиздат, 1956.
534. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании// Соч. 2-е изд. Т. 2. — М.: Госполитиздат, 1955.
535. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. — М.: Смысл, 1999.
536. *Матрица институциональная в социологии.* / Социологическая энциклопедия, с. 609–610. М: Мысль. Том 1, 2003.
537. *Мау В.* Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития. // Вопросы экономики, 2002, № 7.
538. *Мау В. А.* Конституционно-правовые преобразования и экономические реформы// Общественные науки и современность, 1999, № 5.
539. *Мачульская И.* Слуга двух господ// Федерализм, 1996, № 1.
540. *Мельников В. В.* Неконкурентность поведения как фактор транзакционных издержек. // Terra Ecomomicus, том 9, №4, 2011.
541. *Менделеев Д.* К познанию России. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1907.
542. *Методология анализа политической традиции в России.* // Общественные науки и современность, № 2, 2000.
543. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М.: Росспэн, 1998.

544. *Милов Л.В.* К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе. // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. — М.: МВШСЭН, 1997.
545. *Мильнер Б., Орлова Т.* Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление. М.: Инфра-М, 2013.
546. *Милюков П.Н.* Очерки из истории русской культуры. Изд. 2-е. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896.
547. *Минэмура Т.* Хогаку гайрон (Общий очерк науки права). — Токио, 1970.
548. *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков.* Т. V. М.: Мысль, 2004.
549. *Митрохин С.* Модели федерализма для России// Федерализм, 1997, №1(5).
550. *Мовсесян А.* Социально ориентированная либеральная модель, ее особенности и эволюция// Общество и экономика, 1999, №10–11.
551. *Моисеев Н.Н.* Системная организация биосферы и концепция коэволюции. // Общественные науки и современность, №2, 2000.
552. *Момджян К.Х.* Социальная философия. / Философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001.
553. *Мордухович Л.М.* Политические взгляды Ю. Крижанича// Известия ВУЗов. Правоведение. 1962, №1.
554. *Морита А.* Сделано в Японии. История фирмы «СОНИ. — М.: Прогресс, 1990.
555. *Мрочек-Дроздовский П.* Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719). — М.: Университетская типография (Катков), 1876.
556. *Муромцев Г.И.* Политические системы арабских стран. // Правоведение. — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. 1976, №5.
557. *Мэнкью Н.Г.* Принципы экономике. 2-е изд., сокр. СПб.: Питер, 2002.
558. *Мюнц Э.* Леонардо да Винчи. Художник, мыслитель, ученый. /Пер. с англ. Т. 1. М.: ЗАО «БММ», 2007.
559. *Назарбаева Д.Н.* Демократизация политических систем стран Содружества Независимых Государств: опыт, проблемы, приоритеты. Дис. д-ра политич. наук. — М., 1998.
560. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
561. *Найшуль В.А.* О нормах современной российской государственности. «Сегодня», 23 мая 1996 г. <http://www.inme.ru/previous/norm.htm> 2 — просмотр 11 февраля 2006 г.
562. *Напреенко И.* У россиян нет общего представления о том, что такое свобода и порядок. // Ведомости, 20.05.2013.
563. *Народное хозяйство СССР в 1990 году.* — М.: Финансы и статистика, 1991.
564. *Нарутто С.В.* Теоретико-правовые проблемы конституционного принципа единства системы государственной власти в Российской Федерации. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1999, №4.
565. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений./Пер. с англ. М.: Дело, 2002.

566. *Немировский В.* Универсумная парадигма: российский социокультурный контекст // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. — М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998.
567. *Нестеренко А. Н.* Экономика и институциональная теория. М: УРСС, 2002.
568. *Никитченко А. Н.* Транснационализация демократии: (Третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис — полит, исслед. 1996. № 5, вып. 5.
569. *Николаева Л. А.* Задачи и методы деятельности комиссии советского контроля Совета Министров СССР. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1960, № 3.
570. *Никольский Н. М.* Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. // Исторический журнал, № 1–2, 1945.
571. *Новая философская энциклопедия.* В 4-х томах. М.: Мысль, 2000–2001.
572. *Новый философский словарь.* dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1332/ХОЛИЗМ — просмотр 25 февраля 2013 г.
573. *Новиков С. Г.* Вопросы организации работы Комиссии законодательных предположений Совета Национальностей Верховного Совета СССР. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1957, № 1.
574. *Новиков С. Г., Рагинский М. Ю.* Прокуратура в системе советского государственного аппарата. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1974, № 3.
575. *Новоселов В. И.* К вопросу об административных договорах. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1960, № 3.
576. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
577. *Норт Д.* Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики, 1997, № 3.
578. *Носов Н. Е.* Централизация и сословное представительство в России XVI в. (закон и действительность). / Общество, государство и право России и других стран Европы. Ранний и развитой феодализм. — М.: АН СССР..., 1983.
579. *Нуждин Н. А.* Менталитет человека как объект философского анализа // Проблема человека в свете современных социально-философских наук. Сборник научных трудов. Елабуга: Елабужский институт Казанского федерального университета. 2001.
580. *Нуреев Р. М.* Курс микроэкономики: Учеб. для вузов. 2-е изд., изм. М.: Норма, 2001.
581. *Нуреев Р. М.* Политическая экономия российской вертикали власти. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги? М.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2012.
582. *Нуреев Р. М.* Теория общественного выбора. М: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005.
583. *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010.

584. *Нуреев Р.М., Рунов А.Б.* Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти собственности в исторической перспективе) // Вопросы экономики. №6, 2002.
585. О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. №1024 (ред. от 29 ноября 2000 г.), 2000.
586. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе. Указ президента России В. В. Путина №849 от 13 мая 2000 г.
587. Обращения граждан: организация и порядок рассмотрения. Сборник нормативных актов. Изд-во 2-е. — М.: Юридическая литература, 1995.
588. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. — М: Прогресс, 1995.
589. *Ойкен В.* Основы национальной экономики. — М.: Экономика, 1996 (1939).
590. *Ойкен В.* Экономические системы// Die Grundlagen der Nationalökonomie. Godesberg: Verlag Helmut Kupper, 1947, s. 126–177. THESIS. Весна '93. Т. 1. Вып. 2.
591. *Окуньков Л.А.* Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. — М., 1996.
592. *Олейник А.* В поисках институциональной теории переходного общества // Вопросы экономики. 1997. № 10.
593. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2002.
594. *Ольсевич Ю.Я.* О специфике национальной школы экономической мысли в России // Очерки истории российской экономической мысли./ Под ред. Л. И. Абалкина. М: Наука, 2003.
595. *Омельченко О.А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). — М. Изд-во ВЮЗИ, 1989.
596. Оправдано ли копирование европейской модели реструктуризации железных дорог?// НГ-политэкономика, 1998, №6, март.
597. *Орджоникидзе С.К.* Статьи и речи. Т. 1.- М.: Госполитиздат, 1956.
598. *Орлов И.Б., Лившин А.Я.* Социологический анализ «писем во власть» (1917–1927-е годы)// СОЦИС, 1999, №2.
599. Основы экономической теории: Уч.-метод. пособие// Вопросы экономики, 1996, №5.
600. Как правильно пенять государству //Ведомости. 06.03.2013. http://www.vedomosti.ru/opinion/news/9794691/tri_strategii?full#cut (Электронный ресурс: просмотр 6 мая 2013)
601. *Павленко Н.* Екатерина Великая. (Гл. III. Торжество казанской помещицы. Параграф 2. Губернская реформа)// Родина. Весна 1997. №5.
602. *Павленко С.Ю.* Элемент демократии или закулисные сделки?// Pro et Contra. Зима 1999.
603. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме // — М.: Изд-во «Независимая газета», 1993.
604. Памятники Русского права. — М.: СОЦЭКГИЗ, 1955, вып. 3.

605. *Панов Р. В., Сорокин В. Д., Хохлов В. Ф.* Вопросы совершенствования с работами с обращениями граждан. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1984, № 5.
606. *Пантин В., Лапкин В.* Ценностные ориентации россиян в 90-е годы// Pro et Contra. Весна 1999.
607. *Папиашивили Ш. Г.* Совершенствование уголовного законодательства о должностных преступлениях. // Советское государство и право, 1979, № 4.
608. *Папченкова М., Лютова М.* Госинвестиции попадут под общественный контроль. // Ведомости, 13.05.2013. Электронный ресурс. Просмотр 13.05.2013.
609. *Парсонс Т.* Введение// Американская социология: перспективы, проблемы, методы. — М.: Прогресс, 1972.
610. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношение// Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Eglewood Gliffs. (NJ): Prestige-Hall, 1966, p. 5–29. THESIS. Весна '93. Т. 1. Вып. 2.
611. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. Функциональная теория изменения. Понятие общества: компоненты и их соотношения. // Американская социологическая мысль. Тексты / Под. ред. В. И. Добренькова. — М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996.
612. *Парсонс Т.* Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998 (1971).
613. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка. — М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2000.
614. *Патрушев С. В.* Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. Зарубежная политология в XX столетии, 2001, № 2.
615. *Перегудов С. П.* Крупная российская корпорация как социально-политический институт (опыт концептуально-прикладного исследования). — М.: ИМЭМО РАН, 2000.
616. *Печуркин Н. С.* Естественнаучная концепция развития биосферы и ноосферы. Избранные главы экологической биофизики. — Новосибирск: «Наука» Сибирское предприятие РАН, 1998.
617. *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния. Т. I, П. Пер. с англ. М: Прогресс, 1985.
618. *Пинскер Д., Уварова М.* Хранитель Основного закона. // Итоги, 30 июня 1998 г.
619. *Платон.* Соч.: В 3-х т. — М.: Мысль, 1971.
620. *Плискевич Н.* Система «власть-собственность» в современной России. // Вопросы экономики, 2008. — N 5
621. *Покровский Н. Е.* Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество// Журнал социологии и социальной антропологии, 2000, № 3.
622. *Покровский Н. Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2013.
623. *Полани К.* Два значения термина «экономический»// Неформальная экономика. Россия и мир. — М.: Логос, 1999.

624. *Поланьи К.* Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги (Глава из книги «The Great Transformation». N.Y.: Farrar & Pinehart, Inc. 1944. P. 68–76)// THESIS. Весна '93. Т. 1. Вып. 2. 1993.
625. *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс (перевод М. С. Добряковой). // Экономическая социология. Электронный журнал, том 3, №2, 2002.
626. *Поланьи К.* Экономика как институционально оформленный процесс. // Экономическая социология. 2002. Т. 3, N 2.
627. Политическая экономия. Словарь. — М.: Изд-во политической литературы, 1979.
628. Политическая экономия. Социализм — первая фаза коммунистического способа производства. — М.: Мысль, 1977.
629. *Полищук Л.* Российская модель «переговорного федерализма» (политико-экономический анализ)// Вопросы экономики, 1998, №6.
630. Полный латинский словарь. — М.: Тип. Каткова и Ко, 1862.
631. *Полтерович В. М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции. // Вопросы Экономики, 2008, №4.
632. *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы, т.35, вып.2, 1999.
633. *Полтерович В. М.* Элементы теории реформ. — М.: Экономика, 2007.
634. *Полтерович В. М.* Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. №3.
635. *Полтерович В. М.* Приватизация и рациональная структура собственности. — М.: Институт экономики РАН, 2012.
636. *Полтерович В. М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. №3.
637. *Полумордвинов Д. И.* Законная сила судебного решения. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1964.
638. *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Новосибирская экономико-социологическая школа: взгляд со стороны. / Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. / Под ред. М. В. Удальцовой. Новосибирск: НГАЭиУ, 2001.
639. *Попов Е. В., Татаркин А. И.* Миниэкономика = Minieconomy. М.: Наука, 2003.
640. *Попова И. П.* Интегративные ресурсы среднего класса// Межрегиональный семинар «Интегративные процессы в современной России: механизмы, субъекты, региональные модели», Екатеринбург, 25–28 июня 2000 г.
641. *Портяков В.* Реформа отношений собственности в КНР// Far Eastern Affairs. 1998а. №6.
642. *Портяков В. Я.* Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. — М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 1998б.
643. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве // Книга о скудости и богатстве И. Т. Посошкова / Ред., вступ. ст. и примеч. Б. Б. Кафенгауза. М.: Соцэкгиз, 1937.
644. Почему общества с социальным расслоением развиваются быстрее: мнения. Сайт «Информационное агентство «Rex», 17 октября 2011 г. www.iarex.ru/interviews/20445.html- просмотр 17 июля 2012 г.

645. *Пригожин И. Р.* Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
646. Проблема субъектности российской политики. Доклад коллектива авторов под руководством А. М. Миграняна. // Независимая газета, 18.02.1998.
647. *Протодьяконов. М. М.* Определение целесообразности тарифов. // Социалистический транспорт, 1938, № 8.
648. *Пушкарёв Л. Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки. // Отечественная история, 1995, №12.
649. *Пушкин А. С.* О втором томе «Истории русского народа» Полевого (1831)// Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 11. — М.: Воскресенье, 1996 (1949).
650. *Радаев Вад. В.* Новый институциональный подход: Построение исследовательской схемы // Журн. социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. № 3.
651. *Радаев Вад. В.* К методологии исследования социально-экономических систем и переходных состояний // Очерки теории и методологии / Под ред. А. В. Бузгалина. М.: Слово, 2002.
652. *Радаев Вад. В.* Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. — М.: Центр политических технологий, 1998.
653. *Радаев Вад. В.* Экономическая социология: Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 1997.
654. *Радаев Вад. В.* Экономические империалисты наступают. Что делать социологам? // Общественные науки и современность, 2008, № 6.
655. *Райнерт Э.* Об актуальности глобального кейнсианства и выборочной деглобализации. / Финансы и реальный сектор: взаимодействие и конкуренция. Материалы IX международного симпозиума по эволюционной экономике, 8 — 10 сентября 2011 г., Россия, Московская область, г. Пущино. / Отв. редакторы В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. — М.: Институт экономики РАН, 2013.
656. Революция и традиция в странах Азии: Реферативный сборник. — М.: АН СССР. ИНИОН, 1987.
657. *Ремнев В. И.* Право и жалобы в СССР. — М.: Юридическая литература, 1964.
658. *Ремнев В. И.* Соотношение судебного и административного порядка рассмотрения жалоб граждан. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1984, № 5.
659. Реформа в жилищном хозяйстве: Результаты новосибирского эксперимента (серия). — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995.
660. *Рисмухамедов И. А.* Концепции идеологии А. Грамши и Л. Альтюссера и их рецепция в современном неомарксизме. — Автореф. канд. дисс. (соц. наук). Спец-ть 22.00.01 — Теория, методология и история социологии. Санкт-Петербург: С.-ПбГУ, 2003.
661. *Ритцер Дж.* Современная социологическая теория. — СПб.: Питер, 2002.
662. *Робинсон Дж.* Экономическая теория несовершенной конкуренции. Пер с англ. М: Прогресс, 1986.

663. *Розенфельд В.Г., Стариков Ю.Н.* Проблемы современной теории административного договора. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1996, №4.
664. Российская социологическая энциклопедия. — М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1998.
665. Российский статистический ежегодник. Основные фонды РФ по основным видам деятельности на конец 2010 года, по полной учетной стоимости, в процентах к итогу. Стат. сб. М.: Росстат, 2011.
666. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Росстат. — М.: Росстат, 2011
667. Россия. Энциклопедический словарь. — Л.: Лениздат, 1991.
668. *Ростовцев М.И.* Очерк истории древнего мира. Восток. Греция. Рим. — Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1924.
669. *Роузфилд С.* Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть в XXI веке. М: РОССПЭН, 2004.
670. *Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. 2-е изд. С-Пб.: Алетейя, 2008.
671. *Рубинштейн А.Я.* К теории рынков опекаемых благ. Статьи 1 и 2. // Общественные науки и современность. — 2009. — № 1–2.
672. *Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии. Общественные науки и современность. №6. 2012.
673. *Русские экономисты (XIX — начало XX века).* Выпуск первый. — М.: Институт экономики РАН, 1997.
674. *Русские экономисты: XIX — начало XX века.* Т. 2. — М.: Институт экономики РАН, 1998.
675. *Рывкина Р.В.* Феномен постсоветского эгалитаризма массового сознания. // Общественные науки и современность. — 2006. — №5.
676. *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. — СПб.: Наука, 1998.
677. *Рянжин В.А.* Советский федерализм и территориальная организация государства. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1973, №1.
678. *Саликов М.С.* Сравнительный федерализм России и США. — Екатеринбург: Изд-во Уральской государственной юридической академии; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1998.
679. *Святловский В.В.* Жилищный вопрос с экономической точки зрения. — Санкт-Петербург: Тип. М-ва путей сообщения, 1902.
680. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс, 1968.
681. *Сент-Экзюпери де А.* Сочинения: повести, сказка, репортажи, очерки, письма. — М.: Изд-во «Книжная палата», 2000.
682. *Серов Д.О.* Строители империи. Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.

683. *Сиваков Д., Латынина Ю.* Энергетика абсурда// Эксперт, 1998, 13 апр., № 14.
684. *Симония Н.* Методологические проблемы анализа моделей социально-экономического развития// Общество и экономика, 1999, № 10–11.
685. *Ситнова И. В.* Институциональные изменения в современной России: активистско-деятельностный подход. М.: Перспектива, 2012.
686. *Скрыпник В. И.* Российская цивилизация: резервы общества и власти (Новая парадигма существования и развития России)// Информационный бюллетень ВНИИЦ Министерства науки и технологий РФ, 1997, № 5–6.
687. Словарь современной экономической теории Макмиллана. / Пер. с англ. М: ИНФРА-М, 2003.
688. *Смирнов П. И.* Дикость, варварство, цивилизация как идеальные типы// Вестник СПбГУ. Сер. 6. Вып. 3. 1998.
689. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М: Соцэкгиз, 1962.
690. Собственность на землю в России: история и современность. Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
691. Современная западная социология. Словарь. — М.: Изд-во политической литературы, 1990.
692. Современная западная теоретическая социология. Толкот Парсонс (1902–1979). — М.: ИНИОН РАН, 1994.
693. *Согрин В. В.* Теоретические подходы в российской истории конца XX века// Общественные науки и современность, 1998, № 4.
694. *Соколов Г. М.* Институциональный дизайн земельных отношений в России в постперестроечный период // Экономическое возрождение России, 2013. №1 (35).
695. *Соколов И. Я.* Предварительное обсуждение трудящимися проектов нормативных актов в советском государстве. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1968, № 4.
696. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. — М.: «Феникс», 1991.
697. *Сорока Э. М.* Структурная гармония систем. Минск: Наука и техника, 1984.
698. *Сорокин П. А.* К основанию социологической секции Исторического общества при Санкт-Петербургском университете // Запросы жизни, 1912, № 8.
699. *Сорокин П. А.* Социологические теории современности. — М.: ИНИОН АН СССР, 1992 (1928).
700. *Сото де Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Перев. с англ. М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.
701. *Сото де Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. — М.: Catallaxy, 1995 (1989).
702. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск: АО «Наука РАН», 1999.
703. Социально-ориентированные функции государства и регионов в контексте развития основ российского федерализма. Доклад./ Рук. научной группы С. Д. Валентей.- М.: Институт экономики РАН, 1998.

704. Социально-территориальная структура города и села (Опыт типологического анализа). — Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.
705. Социология: Словарь-справочник. Т. 1. Социальная структура и социальные процессы. — М.: Наука, 1990.
706. *Спандарьян В. Б.* Генезис японского чуда // Вестник АН СССР. 1990. — №6.
707. Сретенский календарь-сборник. — М.: Издание Сретенского монастыря, 2000.
708. *Стариков Е. Н.* Общество-казарма: от фараонов до наших дней. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.
709. Статус юридических лиц. Учебное пособие для вузов. (Д. А. Сумской). ЗАО Юстицинформ, 2006.
710. *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Лекция от 22 апреля 2011 г. на Ученом совете ф-та психологии МГУ. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000249/index.shtml> просмотр 11 июля 2011
711. *Стиглиц Дж.* Многообразные инструменты шире цели: Движение к пост-вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики, 1998, №8. То же на англ. яз.: Stiglitz J. More instruments and broader goals: Moving toward the post-Washington consensus. Helsinki: UNU / WIDER, 1998. (WIDER annual lectures; 2).
712. *Столыпин П. А.* Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906 — 1911 гг. М.: Молодая гвардия, 1991.
713. *Страус А. Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России. // Полис, 1997, №2.
714. *Строкань С.* Сто юаней за шкурку взяточника // Итоги, 1998, 11 авг.
715. Структура и воля // Большой толковый социологический словарь. Т. 2. — М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999.
716. *Стучевский И. А.* Землевладельцы государственного хозяйства Древнего Египта эпохи Рамсесидов. — М.: Наука, 1982.
717. США: Конституция и права граждан. — М.: Мысль, 1987.
718. *Тамбовцев В. Л.* Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность, 1999, №4.
719. *Тамбовцев В. Л.* Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность, №5, 2008.
720. *Тамбовцев В. Л.* Экономическая политика для российской экономики // Общество и экономика, 1996, №5.
721. *Тарасевич В. Н.* Что такое институт? (Опыт институциональной эволюции) // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований), 2010, т.2, №3.
722. *Тарнавский Г. С.* Прокуратура охраняет права и законные интересы граждан. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1984, №5.
723. *Тиунова Л. Б.* Разделение властей в РФ: конституционная модель. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1996, №4.
724. *Тихомиров В. Б.* “Глобальное супружество”: разумное единство противоположностей в мировой системе государств. // Полис. 1997. №2.

725. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946.
726. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории — М.: Прогресс, 1991.
727. *Токвиль де А.* Старый порядок и революция. — М.: Моск. философс. фонд, 1997 (1856).
728. *Толкот Парсонс. В.* Современная западная теоретическая социология. — М.: ИНИОН РАН, 1994.
729. *Толстой Л. Н.* Война и мир. Т. 3, ч. 1. / Собр. соч. в 22 т. Том 6. — М.: Художественная литература, 1978–1985.
730. *Толстой Ю. К.* К разработке теории юридического лица на современном этапе// Проблемы современного гражданского права: Сборник статей. М.: Городец, 2000.
731. *Тощенко Ж. Т.* О понятийном аппарате в социологии. // СОЦИС, 2002, № 9.
732. *Тромпенаарс Ф.* Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Минск: Попурри, 2004.
733. *Троцкий А. Я.* Социально-экономическое развитие села в условиях урбанизации. — Новосибирск: Наука, 1985.
734. *Тургенев Н.* Россия и русские. М: «Библиотека декабристов», 1907–1908. (2001).
735. *Турунок С. Г.* Федерализм, унитаризм, конфедерализм? // Общественные науки и современность, № 2, 2000.
736. *Тюменев А. И.* О формах земельных отношений по надписи обелиска Маништусу. // Вестник древней истории, № 4, 1946.
737. *Уильямсон О. И.* Экономические институты капитализма. — СПб.: Лениздат, 1996.
738. *Улунян А. А.* Русская геополитика: внутрь или вовне? // Общественные науки и современность, № 2, 2000.
739. *Умников В.* Комплементарность взаимодействия субъекта и среды. Управляемое общество: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. — М.: РГБ, 2003.
740. *Утинова С. С.* Изоморфный рынок труда в России. М.: Наука, 2003.
741. *Фатеева С.* Комплементарность в экономической культуре: понятие, формы и механизм действия: дис. ... д-ра филос. наук / С. Фатеева. — Р.-на-Дону, 2006.
742. Федерализм. Энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1997.
743. Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 4 марта 1998 г.// Сборник законодательства Российской Федерации, 1998, № 10.
744. *Федосеев В. И.* Сельское население региона: Территориальные различия условий жизни. — М.: Мысль, 1986.
745. *Федотова В. Г.* Как возможна социология в России и других незападных странах?// Журнал социологии и социальной антропологии, 2000, № 3.
746. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. — М.: Институт философии РАН, 1997.
747. *Фигатнер Ю. Ю., Перепелкин Л. С.* Эволюция макроинститутов государства и гражданского общества: Методология и теория социальной эволюции. М., 1996. (Препр. / Акад. естеств. наук. Междунар. ин-т теорет. и прикл. физики; № 14).

748. *Филиппов А. Ф.* Обоснование теоретической социологии: Введение в концепцию Георга Зиммеля. — М.: Юрист, 1996. Т. 2.
749. *Философская энциклопедия.* — М.: Советская энциклопедия, 1964.
750. *Фишер Г.* Еще раз о причинах “японского *экономического чуда*” // Российский экономический журнал, 1995, № 8.
751. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика. — М.: Дело, 1997.
752. *Флигштайн Н.* Поля, власть и социальный талант. Критический анализ теории нового институционализма // Летняя школа «Постсоветское общество: новые методы исследования и модели интерпретации». Центр социологического образования Института социологии РАН и Институт «Открытое общество», 30 июня — 12 июля 1999 г., Москва.
753. *Франчук В. И.* Общая теория социальных организаций. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2001.
754. *Фролов Д. П.* Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // Материалы научной сессии. Вып. 1: Экономика и финансы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
755. *Фролов Д. П.* Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки. // Вопросы экономики, № 11, 2008.
756. *Хайек Ф. А. фон.* Дорога к рабству. — М.: Экономика, 1992.
757. *Хаккарайнен М. В.* Рыночные отношения в России сквозь призму антропологической теории обмена. Санкт-Петербург: Междисциплинарный лекторий «Контекст», 2011. <http://www.contextclub.org/events/y2011/m3/n57> — просмотр 18.02.2013
758. *Хаманева Н. Ю.* Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997.
759. *Хаманева Н. Ю.* Право жалобы граждан в европейских социалистических странах. — М.: Наука, 1984.
760. *Ханин Г. И.* Экономические дискуссии конца перестройки. // ЭКО, № 12, 2008.
761. *Ханин Г. И.* Экономические дискуссии конца перестройки. // ЭКО, № 2, 2009.
762. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис, 1994, № 1.
763. *Хачатуров А. Е., Белковский А. Н.* Применимы ли в России традиции и опыт восточной школы менеджмента? // Менеджмент в России и за рубежом, 2005, № 1.
764. *Хвостова К. В., Финн В. К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997.
765. *Хлынов В.* Общегосударственное планирование рыночной экономики: опыт Японии. // Проблемы теории и практики управления. Вып. 2, 1997. 764.
766. *Хогаку номон* (Введение в науку права). / Под ред. Суэкава Хироси. — Токио, 1972.
767. *Ходжсон Дж. М.* Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пущино, 23–25 сентября 1996 г.). — М.: Изд-во «Япония сегодня», 1997.

768. Ходжсон Дж. М. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории /Пер. с англ. М: Дело, 2003.
769. Холодков В. В. Общинные традиции России// Финансы, 1995, № 6.
770. Хубиев К. А. Второе дыхание реформы. // Альтернатива: выбор пути. — М.: Мысль, 1990.
771. Чаянов В. К вопросу теории некапиталистических экономических систем. // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. — М.: Экономика, 1989 А. Tschayanoff. Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme // Arch. für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. Tübingen, 1924. Bd 51. H. 3. S. 577–613).
772. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции. Реориентация теории стоимости. Пер.с англ. М: Экономика, 1996.
773. Черепнин Л. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века). — Вопросы истории, 1953, № 4.
774. Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. М., МГУ, 1978.
775. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI-XVII вв. — М.: Наука, 1978.
776. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. М.: Наука, 2001.
777. Чернавский Д. С. Эволюционная экономика и теория развивающихся систем. В сб. Экономическая трансформация и эволюционная теория Й. Шумпетера. (5-ый международный симпозиум по эволюционной экономике, Пушкино, Московская обл., Россия, 25–27 сентября 2003 г.) М: Институт экономики РАН, 2004.
778. Чертков А. Н. Механизм разграничения полномочий между федеральными и региональными органами и повышение эффективности осуществления законодательной власти// Законодательство и экономика, 2007, № 1.
779. Честнов И. Л. Универсальны ли права человека? (Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1999, № 1.
780. Чечот Д. М. Административная юстиция: теоретические проблемы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
781. Чжен Ж. Инвестиционное обеспечение развития легкой промышленности (на материалах РФ и КНР): Автореф. дис. ... к.э.н. Санкт-Петербург: СПб ГУТиД, 2010.
782. Чирнинов А. М. Конституционно-правовые механизмы разграничения предметов ведения и полномочий. // Современные научные исследования и инновации. — Май, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2012/05/348>
783. Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права, М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858.
784. Чубайс А. Интервью на НТВ, февраль 2001.
785. Чупров А. И. Ученые труды. — М.: Изд-во Императ. Моск. ун-та, 1911. Ч. 3. Вып. 1.

786. *Шабанова М. А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. — М.: Московский научный фонд, 2000, Серия «Монография», № 8. X
787. *Шабанова М. А.* Социоэкономика (для экономистов, менеджеров, госслужащих): Учебное пособие. — М.: Статистика, 2012.
788. *Шарден де Т.* Феномен человека. — М.: Мир, 1987.
789. *Шарков М.* Неофедерализм. // Сенатор, апрель-май, 1998.
790. *Шаститко А. Е.* Новая институциональная экономическая теория. Третье издание. М: ТЕИС, 2002.
791. *Шахрай С.* На пути к правовому государству// Политика, 1998, № 3, март–апрель.
792. *Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики // Избранные труды / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во ИП РАН. 2006
793. *Шевелёв А. А.* Элитарность и эгалитаризм в современном российском обществе: теоретико-методологические основы трактовки./ Известия Алтайского государственного университета. Серия «Философия, социология, культурология», 2010, 2 (2).
794. *Шекспир У.* Сонет 11 (пер. А. Финкеля). / Библиотека великих писателей. Брокгауз — Ефрон. М: Изд-во Эксмо, 2004.
795. *Шелохаев В. В.* Доклад на VII международном симпозиуме «Куда идет Россия?», 16–17 января 2000 г.
796. *Шишов А., Якович Е.* Иосиф Бродский. Возвращение. Фильм 4-й. Документальный сериал: Россия, 2010.
797. *Шлиссер Э.* Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики, 2007, № 3.
798. *Шорина Е. В.* Закон о народном контроле в СССР. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — Ленинград: ЛГУ, 1980, № 4.
799. *Шпенглер О.* Закат Европы. — Новосибирск: АО «Наука», 1993.
800. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М.: Аспект Пресс, 1996.
801. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982.
802. *Шюре Э.* Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. — Калуга: Типография Губернской земской управы, 1914.
803. *Щедровицкий Г. П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций) / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т.5 ОРУ (5). — М. Путь, 2003.
804. Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пушкино, 23–25 сентября 1996 г.). — М.: Изд-во «Япония сегодня», 1997.
805. Эволюционный подход и проблемы переходной экономики: Доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пушкино, 12–15 сентября 1994 г.) — М.: ИЭ и ЦЭМИ РАН, 1995.
806. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. — М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984.

807. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект Пресс, 1999.
808. *Эйнштейн А.* Эволюция физики. — 2-е изд. М.: Тайдекс Ко, 2003.
809. *Элиас Н.* Социология как относительно автономная наука // Журнал социологии и социальной антропологии, 2000, № 3.
810. *Элман М.* Теория мировой системы. Доклад на IV Международной Кондратьевской конференции «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Москва, 15–17 мая 2001.
811. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М.: Политиздат, 1977.
812. *Энциклопедический словарь.* (41 основной том и два дополнительных). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1868–1906.
813. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. — М.: Начала-Пресс, 1991.
814. *Юдин Г.* «Экономическое и «социальное»: автономия сфер и дисциплинарные границы. // Вопросы экономики, 2010, № 8.
815. *Явлинский Г.А.* Экономика России: наследство и возможности. // Октябрь, 1995. № 7.
816. *Ядов В.* Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетних дискуссий социологов)// Общество и экономика, 1999, № 10–11.
817. *Ядов В.А.* Перестройка требует научного знания о социальном субъекте общественных процессов (вместо заключения)// Социология перестройки. — М.: Наука, 1990.
818. *Яковлев А.Г.* И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4.
819. *Якушев В.М.* Не разрушать, а созидать. // Альтернатива: выбор пути. — М.: Мысль, 1990.
820. *Янков В.А.* Типологические особенности арифметики Древнего Египта и Месопотамии. / Стили в математике: социокультурная философия математики. — СПб.: РХГИ, 1999.
821. *Янов А.* Российские либералы против русской истории // Дружба народов, 1997, № 1.
822. *Ясин Е.* Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4.
823. *Ющенко А.С.* Теория федерализма: Опыт синтетической теории государства. — Юрьев, 1912.

Краткое содержание книги

Книга «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» представляет собой 3-е издание (два первых издания книги с названием «Институциональные матрицы и развитие России» опубликованы в 2000 г., г. Москва и в 2001 г., г. Новосибирск). Основные положения и структура книги сохранены, но текст существенно переработан и расширен за счет включения новых фактов и дальнейшего развития основных положений теории институциональных матриц. Нынешнее издание по объему превосходит предыдущее почти в полтора раза.

Во **Введении** обоснована главная задача книги. Она состоит в том, чтобы представить работоспособную теоретическую гипотезу для корректного объяснения особенностей социально-экономического развития России и других незападных стран, для которых «плохо работают» концепции с рынка идей, где доминируют интеллектуалы «Большой четверки»¹. Одновременно решалась задача построения обобщающей социологической теории, терминология которой позволила бы рассмотреть особенности западных и незападных стран как «частные случаи» реализации общих закономерностей социально-экономического развития. Также поставлена задача эмпирически верифицировать предложенную систему научных понятий для соотнесения развития нашей страны с социальными процессами в других странах.

В книге основное внимание уделяется анализу глубинных базовых институтов, определяющих исторически складывающиеся и продолжающиеся тренды социально-экономического развития

---

¹ К «Большой четверке» относятся США, Великобритания, Германия и Франция. Термин предложен Грегори Сандстромом (Gregory Sandstrom).

современных государств. В этом смысле предлагаемая теория содержит в себе «критику методов» (Skinner, 1950) других теорий, которые не обращают внимания на значение укорененных в общественной структуре «институциональных матриц».

Также во введении обозначены требования к построению теорий в естественных и социальных науках для того, чтобы следовать им при разработке теории институциональных матриц (ТИМ). Показаны традиции российского обществоведения и специфика переживаемого «времени перемен» в постсоветской России как благоприятных факторов для разработки заявленной теории.

В первой части книги вводятся основные понятия и даются предварительные исторические иллюстрации для доказательства выдвинутых теоретических положений.

В **Главе 1** обозначены исходные постулаты теории институциональных матриц. Глава начинается с характеристики научного контекста ее создания. Представлен круг авторов, идеи которых оказали наиболее значительное влияние на формирование авторской гипотезы. Среди главных предшественников, составляющих *Top 12*² для ТИМ, французский философ и социолог Огюст Конт; немецкий философ, социолог и экономист Карл Маркс; французский социолог Эмиль Дюркгейм; американско-канадский экономист венгерского происхождения Карл Поланьи; группа ученых «государственной школы российской историографии» второй половины XIX в. (А. Д. Градовский, И. И. Дитятин, П. Н. Милюков, В. И. Сергеевич и др.); американский социолог российского происхождения Питирим Сорокин; американский социолог Толкотт Парсонс; американский экономист Дуглас Норт; американский экономист украинского происхождения Харви Лебенстайн; российский (советский) социолог Татьяна Заславская; российский (советский) культуролог Александр Ахизер; российский эконом-социолог Ольга Бессонова.

Определена принадлежность ТИМ к разработкам в области сравнительного институционального анализа. Это связано не только с общностью тематики, но и схожестью используемой методологии. Она включает холистический подход, выделение структуры институтов как основного предмета исследования, сравнительно-типологический метод анализа и разработку универсального системно-нейтрального языка для описания исследуемых систем (Ананьин, 2002, с. 9–12).

Обозначен материалистический (объективистский) подход, в рамках которого развивается ТИМ. Соответственно, вводится основное в данной теории понятие «базовых институтов». Под базовыми институтами понимаются глубинные, исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, обеспечивающие интегрированность разных типов обществ; они представляют собой исторические инварианты, которые позволяют обществу выживать, сохранять свою целостность и развиваться в данной ему материальной среде. В такой трактовке упор делается на отмеченное еще Торстейном Б. Вебленом свойство институтов служить важнейшими факторами естественного отбора форм жизни и человеческих отношений, адекватных общественным условиям (Веблен, 1984/1899, с. 200).

² От англ. *top* — верхний, первый, вершина, первое место. В данном случае — первые самые важные для ТИМ авторы из всего списка прочитанных работ.

Базовые институты, выражающие постоянно сохраняющиеся свойства институциональной среды того или иного общества, обособляются от «институциональных форм», в которых они представлены «на поверхности» социальной жизни. Институциональные формы мобильны, изменчивы, они рождаются и умирают, несут на себе отпечаток цивилизационного контекста и отражают усилия социальных групп по формированию соответствующих времени и месту правил социального общежития.

Наконец, в первой главе представлена используемая в ТИМ модель общества как социальной системы в трех его основных проекциях — экономической, политической и идеологической (рис. 1).

Рис. 1. Модель общества, используемая в ТИМ

Экономика, политика и идеология представляют собой сферы общественной жизни (и одновременно «проекции» общества как целого), каждая из которых выполняет определенную функцию в поддержании целостности социума. Экономическая сфера обеспечивает получение для членов общества ресурсов жизнедеятельности из ограниченной внешней среды. Политическая сфера создает условия коллективной организации для достижения общественных целей. Наконец, идеологическая сфера обеспечивает «нормирование» коллективной деятельности определенной системой ценностей, что создает основу коммуникации между членами внутри социума.

В Главе 2 раскрывается центральное для ТИМ понятие институциональной матрицы. Институциональная матрица — это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической. В разработке понятия институциональной матрицы продолжаются, таким образом, традиции марксистского и структуралистского подхода, который «склонен объяснять природу любого данного институционального порядка, и особенно его динамику, отправляясь от принципов «глубинной» или скрытой структуры» (Эйзенштадт, 1999, с. 64).

Обобщение соответствующей исторической, философской, экономической, социологической и культурологической литературы, как и эмпирические исследования, позволили предположить, что многообразные институциональные комплексы древних и современных государств можно представить как сочетание двух

институциональных матриц. Они имеют идентичную структуру, но отличаются *содержанием* образующих их экономических, политических и идеологических институтов (рис. 2). Эти матрицы названы X- и Y-матрицы, поэтому теорию институциональных матриц стали называть X-Y-теорией.

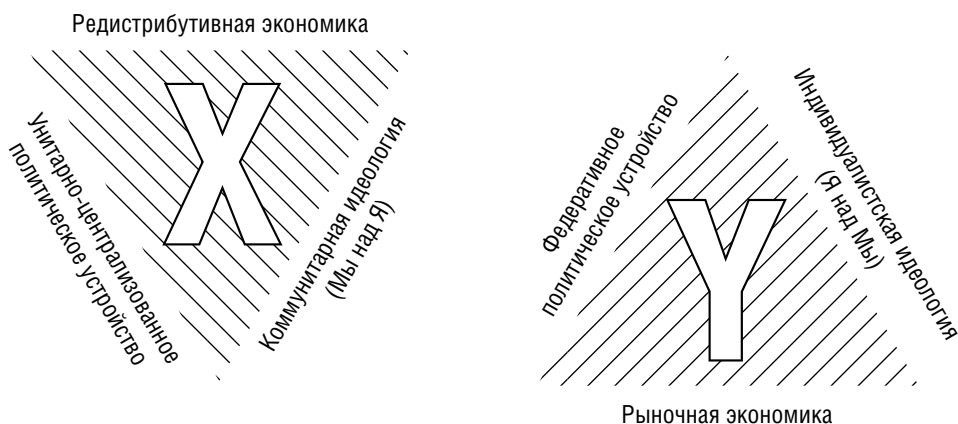

Рис. 2. Особенности X- и Y-институциональных матриц

Для **X-матрицы** характерны следующие базовые институты:

- ☉ в экономической сфере — институты редистрибутивной экономики (термин К. Поланьи, см. Polanyi, 1953). Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию;
- ☉ в политической сфере — институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства;
- ☉ в идеологической сфере — доминирование идеи коллективных, надличностных ценностей, приоритет Мы над Я, т. е. коммунитарная идеология.

Предполагается, что X-матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки.

Y-матрица образована следующими базовыми институтами:

- ☉ в экономической сфере — институты обменной рыночной экономики;
- ☉ в политической сфере — федеративные начала государственного устройства, т. е. федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство;
- ☉ в идеологической сфере — доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей, приоритет Я над Мы, или индивидуалистская идеология. Она означает примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер.

Предварительные исследования позволили предположить, что Y-матрица доминирует в общественном устройстве большинства стран Европы, в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии.

Институты преобладающей в обществе матрицы называются доминантными, а другой, подчиненной матрицы — комплементарными. Доминантные институты определяют тип социальной идентичности конкретных обществ, а комплементарные институты играют необходимую, но вспомогательную роль, обеспечивая устойчивость институциональной среды в той или иной сфере общества. Как в генетике доминантный ген, «подавляя» рецессивный, задает проявляющиеся признаки живого организма, так и доминантные институты определяют характер складывающейся в обществе институциональной среды, задают рамки и ограничения для действия комплементарных вспомогательных институтов. Схематически эти соотношения показаны на рисунке 3.

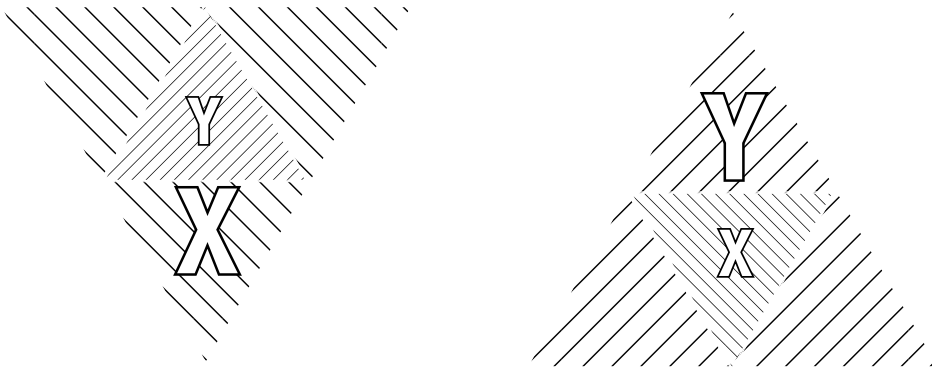

Рис. 3. Соотношения доминантных и комплементарных институциональных матриц

Свойство доминантности-комплементарности институциональных матриц означает, что мы имеем дело с диалектической моделью. В ходе взаимодействия матриц доминантных и комплементарных институтов на каждом этапе происходит диалектическое разрешение конфликта, и каждый раз «оппозиция противоположностей на новом качественном уровне является движущей силой развития» (Баранов, 1992, с. 134).

Глава 3 посвящена анализу материальных условий как главного фактора доминирования той или иной матрицы в институциональной структуре. Сначала представлен *background* и обзор исследований о роли материально-технологической среды в становлении институтов. В X-Y-теории материально-технологическая среда понимается как обусловленная природными условиями общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения, с присущими им технологиями и системами управления.

Общественные свойства материально-технологической среды проявляются в ходе ее использования для совместной социально-экономической деятельности, начиная с вовлечения элементов природной среды в хозяйственный и социальный оборот. Отмечено, что, несмотря на многообразие характеристик среды и постоянный технологический прогресс, она постоянно воспроизводит присущие ей

свойства **коммунальности** или **некоммунальности**. Впервые эти понятия были определены в 1996 г. в нашей совместной работе (Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996, с. 22–24; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996, p. 17–18).

Коммунальность означает такое общественное свойство материально-технологической среды, которое предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы распада всей системы. Коммунальность подразумевает неразрывность связей между элементами материально-технологической среды и ее существование как взаимосвязанного целого, состоящего под общим управлением. Примерами коммунальной среды являются древний путь «из варяг в греки», включающий реки, волоки и каналы Древней Руси, технология заливного рисоведения древнего и современного Китая, ирригационного орошения в Египте, системы централизованного теплоснабжения российских городов.

В свою очередь, некоммунальность означает возможность технологической разобщенности и обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их автономного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. Примерами некоммунальной среды являются фермерская система в сельском хозяйстве, автономные системы теплообеспечения.

Очевидно, что в любой стране имеются элементы как коммунальной, так и некоммунальной среды, но их соотношения различны. Если государство развивается в условиях преимущественно коммунальной среды, то в его институциональной структуре доминируют институты X-матрицы. Если среда в основном некоммунальная, то для нее более адекватны институты Y-матрицы.

В **Главе 4** сопоставляются институциональные структуры двух древнейших известных в истории государств — Древнего Египта и Месопотамии. Сравниваются природные условия и используемые технологии аграрного производства, структуры экономических и политических институтов, а также господствовавшие ценности и идеологии. Показано, что уже с самого начала государственного периода истории человечества в ней представлены государства с доминированием альтернативных институциональных матриц. В Египте доминировали институты X-матрицы — редистрибутивной экономики, унитарного политического устройства и коммунитарной идеологии. Месопотамия (Вавилония) показывает пример «государства государств», где решающую роль играли институты Y-матрицы — рыночной (обменной) экономики, федеративного политического устройства и индивидуалистской идеологии.

Если большинство историков считают оба государства весьма схожими между собой и относят их к одной группе стран Древнего Востока, то ТИМ позволяет вы-

явить глубинные институциональные различия в их устройстве. Это во многом объясняет неодинаковые траектории их дальнейшего социально-экономического развития.

Во второй части книги дается детальное описание институтов, образующих X- и Y-матрицы.

Глава 5 посвящена описанию экономических институтов. Сначала дается общая характеристика двух типов экономических систем, названных X- и Y-экономиками. Показано, что в изучении рыночных Y-экономик за последние более чем 200 лет сформировался богатый и разветвленный концептуальный и методологический инструментарий. В то же время исследование нерыночных редистрибутивных X-экономик ведется непоследовательно и с помощью весьма разнородных теоретических подходов. Такая неразвитость теоретической рефлексии полагается одной из причин их менее эффективного, по сравнению с Y-экономиками, развития в предыдущие десятилетия; она продолжает тормозить их развитие в современную эпоху «экономики знания».

Важнейшие институты, определяющие различие X- и Y-экономик — это институты, задающие порядок движения благ между экономическими субъектами — редистрибуция и обмен, соответственно. Их особенности показаны на рисунке 4.

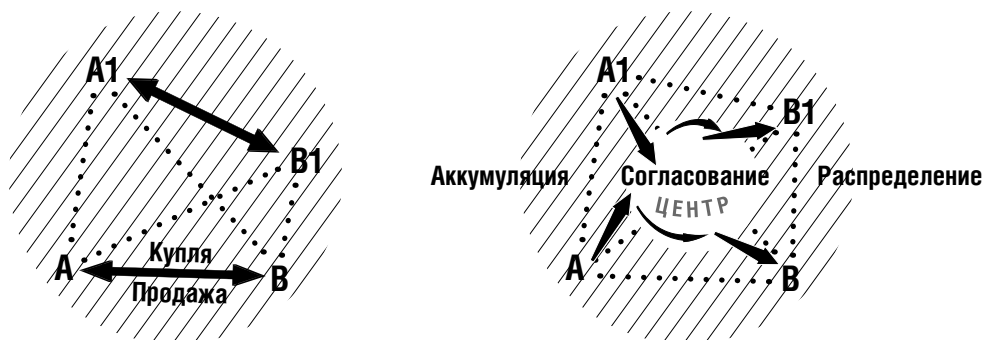

Рисунок 4. Схема взаимодействий хозяйствующих субъектов при обмене и редистрибуции

На первый взгляд отношения, возникающие между двумя хозяйствующими субъектами и в рыночных, и в редистрибутивных экономиках, идентичны — и в том, и в другом случае на поверхности явлений мы наблюдаем передачу ресурсов или произведенной продукции от условного субъекта А к субъекту В и, соответственно, обратное получение денежной или материальной компенсации за отчуждение переданных ценностей или оказанные услуги. Но институциональные механизмы этого видимого процесса различны, что и отражено на схеме.

В рыночной Y-экономике процесс горизонтального взаимодействия в формах «купли-продажи» выступает основным, главным, что и показано жирной стрелкой, соединяющей субъектов А и В в модели обмена. Пунктирные стрелки обозначают опосредованные связи рассматриваемых субъектов с другими участниками рынка. Эти связи выражаются в том, что условия сделок между конкретными

субъектами определяются складывающейся рыночной конъюнктурой, т. е. уровнем цен, издержек, наличием аналогичных и альтернативных товаров, действующими правилами и др.

В отличие от этого, в редистрибутивных Х-экономиках взаимодействие между субъектами А и В является следствием процессов аккумуляции, согласований и распределения, осуществляемых с участием центра (С). Поэтому названные процессы обозначены жирными стрелками, подчеркивающими главное содержание отношений редистрибуции, а непосредственные контакты между хозяйствующими субъектами в этом контексте — пунктирными стрелками.

Чем обусловлено формирование хозяйственного центра в модели Х-экономики? В коммунальной материально-технологической среде объективно требуется согласование хозяйственных транзакций не только между двумя совершающими их субъектами, но и с другими участниками хозяйственной жизни, поскольку все они действуют в условиях единого нерасчлененного технологического комплекса. В этом случае стремление экономических агентов к минимизации транзакционных издержек, выявленное Р. Коузом (Coase, 1937), приводит к тому, что основная масса необходимых согласований сосредоточивается в одном органе, который начинает выполнять функции центра. В нем аккумулируется необходимая информация, определяются очередность и иные правила пользования коммунальной средой, равно как и концентрируются ресурсы, необходимые для поддержания координирующей роли центра.

Поэтому, в отличие от модели обмена, предполагающего две стороны хозяйственного процесса, что и выражается соответствующей парой взаимопроникающих фаз «купля-продажа», схема редистрибуции включает в себя три стороны: пару хозяйствующих субъектов и опосредующего их отношения центра. Соответственно, в редистрибуции выделяются три составляющие ее фазы — «аккумуляция-согласование-распределение» (Polanyi, 1977, p. 40–41), которые касаются не только ресурсов (благ, услуг, продуктов), но и соотносимых с ними правовых норм (учета, контроля и т. д.).

Полный свод институтов редистрибутивных Х-экономик и рыночных Y-экономик, анализируемых в ТИМ, представлен в табл. 1. Видно, что выполняя одинаковые функции, эти институты отличаются своим содержанием.

При описании экономических институтов особое внимание уделено представлению институтов Х-эффективности (ограничения издержек) и Y-эффективности (максимизации прибыли), выполняющих функции сигналов обратной связи в моделях Х- и Y-экономик. Это — новая пара институтов, которая в предыдущих изданиях книги не рассматривалась. Они включены в анализ после запоздалого знакомства с работами Х. Лебенстайна, обозначившего различие между понятиями Х- и Y-эффективности (он также ввел эти понятия в научный оборот в 1966 г.). Включение этих институтов позволило, на мой взгляд, придать моделям Х- и Y-экономик законченный вид.

В экономической практике обычно доминирует модель либо Х-, либо Y-экономики, в то время как институты альтернативной модели выполняют необ-

Таблица 1

Функции и содержание институтов Х- и Y-экономик

Функции экономических институтов	Базовые институты Х-экономики	Базовые институты Y-экономики
Движение благ	Редистрибуция (аккумуляция-согласование-распределение)	Обмен (купля-продажа))
Закрепление благ	Верховная условная собственность	Частная собственность
Взаимодействие экономических агентов	Кооперация	Конкуренция
Организация труда	Служебный труд	Наемный труд
Сигналы обратной связи (эффективности)	Ограничение издержек (Х-эффективность)	Максимизация прибыли (Y-эффективность)

ходимую, но вспомогательную роль, обеспечивая устойчивость институциональной экономической среды. Глава заканчивается описанием примеров взаимодействия доминантных и комплементарных экономических институтов в разных национальных экономиках.

Глава 6 дает описание моделей унитарных и федеративных политических систем, характерных для Х- и Y-матриц. Унитарное политическое устройство Х-матрицы характеризуется централизацией и моноцентричностью управления, а также включенностью его территориальных образований как «подведомственных» в общую государственно-территориальную структуру. В свою очередь, федеративное устройство Y-матрицы поддерживает «составной» характер государства и функционирование независимых (относительно независимых) центров управления в образующих его территориальных частях.

В научной, прежде всего юридической, литературе понятия федеративности и унитарности зачастую используются лишь в отношении форм государственного устройства. Однако в книге показано, что эти термины несут в себе более глубокое содержание и отражают внутреннюю сущность политических систем и обществ в целом, построенных по унитарным или федеративным принципам. Отмечено также, что указание на федеративный характер в названии государства не всегда означает, что именно эти начала в нем доминируют. Так, преимущественно унитарный характер сохраняют многие страны, называющие себя федерациями, например, Россия.

Рассмотрены в деталях два типа институтов, которые доминируют при разных типах политического устройства (табл. 2). Выполняя одни и те же общественные функции (обозначены в левом столбце таблицы), базовые институты федеративных и унитарных политических систем имеют различное содержание и образуют качественно различные внутренне взаимосвязанные комплексы.

Таблица 2

Функции и содержание политических институтов X- и Y-матрицы

Функции политических институтов	Базовые институты X-матрицы	Базовые институты Y-матрицы
Территориальная организация государства	Административно-территориальное деление	Федеративно-территориальное устройство (федерация)
Устройство системы управления	Иерархическая вертикаль власти во главе с центром	Самоуправление и субсидиарность
Замещение управленческих позиций	Назначения	Выборы
Порядок формирования решений	Общее собрание и единогласие	Многopартийность и демократическое большинство
Механизмы обратной связи	Обращения по инстанциям	Судебные иски

Показано, что при всем многообразии конкретных политических систем, в конечном счете они характеризуются доминированием либо X-, либо Y-матрицы политических институтов, хотя и реализованных в разнообразных институциональных формах.

Глава заканчивается анализом взаимодействия унитарных и федеративных институтов в политических системах разных стран, когда одни из них выступают в качестве доминантных, а другие — в качестве комплементарных.

И та, и другая система доминирующих политических институтов может быть воспринята населением государства как принудительная, действующая на основе насильственно внедряемых изнутри или снаружи мер, и как справедливая, разделяемая жителями, действующая на основе «общественного договора». Условием, предпосылками такого договора является научное и практическое осмысление складывающихся в обществе политических моделей, их развитая социальная артикуляция (в виде адекватных правовых норм) и признание их гражданами и всеми социальными группами как естественной, эффективной и отвечающей общим интересам.

В **Главе 7** представлены комплексы институтов коммунитарной и индивидуалистской идеологии, соответствующие X- и Y-матрицам.

Сначала показана специфика анализа идеологии с позиций используемого в исследовании институционального подхода. При таком рассмотрении идеология понимается не только как «воображаемые отношения индивидуумов с реальными

условиями их существования», или как «концептуальные представления о мире», но как имеющая материальное бытие, выражением чего служат разные виды массового практического поведения. Идеология как материальная практика, предполагающая социальные отношения, формирует координаты человеческой деятельности. Задача состояла в том, чтобы выделить существующие независимо от конкретных индивидов и групп латентные общественные нормы, которые каждое поколение застает как сложившиеся, продолжающие регулировать массовое социальное поведение. Основное внимание направлено на выявление базовых общественных идей, проявляющих себя как основная тенденция, общее основание меняющихся взглядов, воззрений, идеологических концепций, совершенствующихся норм и правил социального поведения и обеспечивающих воспроизводство соответствующей социальной системы.

На эту особенность реализации идеологии в социальных системах обращал внимание Луи Альтюссер, говоря о том, что идеологии реализуются в различных общественных институтах, ритуалах и практиках, идеологическом аппарате государства (Альтюссер, 2011/1970). В книге также разделяется его тезис о том, что «идеологии свойственно обладать некоей структурой и функционированием, которые превращают ее в неисторическую реальность, то есть *все-историческую*, в том смысле, что эти структуры и функционирование являются в некоторой своей форме неизменными и наличными в том, что мы называем цельной историей...» (там же). Другими словами, идеология при таком понимании представляет собой вездесущее, транс-историческое, неизменное в своей форме на протяжении веков (там же), что соответствует введенному нами понятию *базового института*.

Идеология как институт поддерживает необходимое для социального развития и экономического роста «поддержание консенсуса (единства взглядов) по базовым принципам и ориентирам развития между основными группами и социальными слоями, особенно в рамках политической, хозяйственной и интеллектуальной элиты страны» (Мау, 2002, с. 15). Она также формирует общие платформы взаимодействия в политической сфере общества.

Так понимаемая идеология представляет собой своеобразный институциональный каркас культуры, что позволяет «встроить» ее в структуру социальной системы и выделить специфические функции, отличные от функций экономической и политической подсистем. Идеология «запускает» социальные процессы (Аберкромби, Хилл, Тернер, 1997, с. 109), которые играют решающую роль в построении позиционной структуры общества и самоидентификации индивидов в этой структуре.

Из множества функций идеологии как интегративной подсистемы общества в качестве важнейших выбраны пять:

- ➊ во-первых, поддержание детерминант социального действия, т. е. устойчивых правил, определяющие характер взаимодействия между членами общества;
- ➋ во-вторых, обеспечение нормативных представлений о социальной структуре, исторически закрепленных в общественном сознании как естественные, справедливые, ожидаемые;

- в-третьих, трансляция доминирующих социальных ценностей, т. е. представлений о характере общественного устройства, определяющих характерные ожидания, массовое поведение и порождающих определенные ценностные установки;
- в-четвертых, воспроизводство определенной трудовой мотивации и значимых стимулов трудовой деятельности;
- в-пятых, поддержка привычных стереотипов мышления самого общего свойства, наиболее адекватных экономическому и политическому устройству общества с доминантой той или иной институциональной матрицы.

Служащие выполнению этих функций базовые институты коммунитарной идеологии X-матрицы и индивидуалистской идеологии Y-матрицы представлены в табл. 3.

Базовые идеологические институты проявляют себя в различных институциональных формах: нормах, рецептах поведения, стереотипах действия и мышления, в конкретных концепциях и доктринах, в наборах ценностей, отраженных в общественном сознании. Хотя народы имеют примерно одинаковый набор ценностей, однако по-разному ранжируют их, отдавая приоритет одним ценностям перед другими

Таблица 3

Функции и содержание идеологических институтов X- и Y-матрицы

Функции идеологических институтов	Базовые институты коммунитарной идеологии X-матрицы	Базовые институты индивидуалистской идеологии Y-матрицы
<i>Детерминанта социального действия</i>	Коллективизм	Индивидуализм
<i>Нормативное представление о социальной структуре</i>	Эгалитаризм	Стратификация
<i>Доминирующие социальные ценности</i>	Порядок	Свобода
<i>Трудовая мотивация</i>	Ориентированная на благополучие трудовая мотивация	Денежно-ориентированная трудовая мотивация
<i>Привычные стереотипы мышления</i>	Интегрализм-Генерализация	Дискретность-Специализация

(Касьянова, 1994). Такое ранжирование служит своеобразной поддержкой для одних видов деятельности и препятствием — для других. Общественный, закреплённый в истории выбор в пользу коммунитарного или индивидуалистского набора идеологических институтов (при сохранении альтернативного, но с меньшим рангом) обуславливается значимостью этих институтов для сохранения и развития того или иного государства.

Глава заканчивается примерами взаимодействия доминантных и комплементарных идеологических институтов ряда стран в разные исторические периоды.

Третья часть книги посвящена сопоставительному анализу устойчивости институциональных матриц и институциональных изменений. За время, прошедшее после публикации первых двух изданий, одним из основных направлений критики ТИМ была ее якобы статичность и недостаточное внимание к анализу динамических аспектов. Поэтому в третьей части добавлены две новые главы, посвященные диалектике институциональной статики и динамики.

В **Главе 8** основной упор сделан на исследовании исторической устойчивости институциональных матриц. Устойчивость институциональных матриц Дуглас Норт, один из первых исследователей данного феномена, связывал с возрастающей отдачей, заложенной в их природе (Норт, 1997а, с. 129) и «способностью институциональных матриц к самоподдержанию» (там же, с. 23). Устойчивость институциональных матриц является одним из главных факторов эффекта «зависимости от пути предшествующего развития» (*path dependence*), который наблюдается в истории древних и современных государств — пути экономической и политической эволюции не «могут быть повернуты вспять (или наоборот) в результате незначительных событий или ошибок» (там же, с. 129). Попытки кардинально изменить исторически сложившееся доминантное положение институциональной матрицы приводят, как показано в данной главе, к ослаблению или разрушению государств.

Здесь также вновь подчеркивается роль внешних по отношению к социуму условий материальной среды, определяющих неуязвимость институциональных матриц. Формирование институциональных матриц следует законам самоорганизации сложных систем во внешней среде. Самоорганизация выражается в создании из хаоса определенных структур, которые есть не что иное, как «определённым образом организованные процессы в среде» (Курдюмов, 1990, с. 4). Институциональные матрицы представляют собой такого рода структуры, локализованные в определенных участках внешней материально-технологической среды.

Теоретическое предположение об устойчивости институциональных матриц, вытекающее из анализа их свойств и подкрепленное данными исторических исследований, позволяет по-новому осмыслить суть происходящих в обществах изменений, как эволюционных, так и революционных. Анализ обширного материала о социальных революциях во Франции, России и странах Юго-Восточной Азии, выполненный на основе положений Х-У теории, порождает новый взгляд на природу и причины революций.

Защищается тезис о том, что революция является моментом эволюционного процесса, она представляет собой спонтанное возвращение общественных струк-

тур к доминанте институциональной матрицы, деформированной в результате неосознанных действий социальных субъектов внутри государства или под влиянием внешних воздействий. Через революции восстанавливается непрерывность исторического процесса как поступательного движения по спирали развития.

Такое суждение кажется парадоксальным, но оно возвращает читателя к исходному значению понятия «революция». Слово *revolve* в переводе с латинского языка означает «возвращение» (Полный латинский словарь, 1862, с. 735), «откатывание, круговорот» (Латинско-русский словарь, 1994, с. 671). Производный от него термин «революция» появился в XIV веке в естественных науках и означал «вращательное движение, хождение по кругу». Например, Николай Коперник озаглавил свою знаменитую работу «Об обращении небесных кругов», что в оригинале звучало как «*De revolutionibus orbium coelestium*» (1543). Бытующее сегодня понимание революций как кардинальных изменений в экономической и политической организации общества базируется на работах К. Маркса и его оценках и трактовке событий Великой французской революции 1789 г.

В то же время ряд исследователей обращают внимание на восстановление в ходе революций тех институтов, которые исторически сложились в стране. Так, одна из наиболее известных «революций», осуществившихся в азиатских странах — японская революция 1868 г., напрямую называется Реставрация Мэйдзи, и, как отмечают специалисты, ее основное содержание и мировоззрение — это «утопия, опрокинутая в прошлое» (Айзенштадт, 1993, с. 203). Аналогичный вывод в отношении французской революции был сделан А. де Токвилем. Почти 150 лет назад он писал, что «революция не должна была изменить характер нашей цивилизации, как считали иные, ...изменить суть фундаментальных законов, лежащих в основе человеческих обществ у нас на Западе» (Токвиль, 1997, с. 23).

Отмеченные закономерности детально проанализированы на примере динамики земельной собственности России на протяжении последних столетий. Вторичный анализ данных, собранных рядом отечественных и зарубежных исследователей, показал, что институциональная основа земельных отношений в России остается стабильной: доминируют институты верховной условной собственности и др. экономические институты X-матрицы, в то время как институт частной собственности и другие институты Y-экономики имеют комплементарный характер. В то же время баланс X- и Y-институтов не статичен, а постоянно меняется. То же справедливо в отношении новейшего периода российской истории. Так, Г.М. Соколов на основе анализа российского законодательства 1994–2012 г. в сфере земельных отношений пришел к аналогичным выводам (Соколов, 2013, с. 128).

Глава 9 раскрывает особенности рассмотрения институциональных изменений в ТИМ. Подчеркивается, что фундаментальная устойчивость институциональных матриц не означает «замороженности», неизменности характеристик общественной жизни. Соотношение институциональных матриц, определяя веер потенциально возможных социально-экономических и политических преобразований и логику развития социальных форм, не отменяет постоянного совершенствования институциональной среды и активной роли социальных субъектов в этом процессе.

В соответствии с разграничением базовых институтов и институциональных форм институциональные изменения понимаются как процесс совершенствования институциональных форм. Такой подход отличается от известных концепций институциональных изменений, в которых не принимается во внимание природа доминантной институциональной матрицы общества и ее роль в выборе траекторий развития. В то же время такое понимание близко тому крылу исследований в рамках *path dependence*, где признается значение институциональных матриц как определенного «фильтра» успешности или неуспешности постоянно предпринимаемых социальных инноваций.

В дополнение к известному слогану «институты и история имеют значение» (*institutions and history matter*), X-Y-теория уточняет, *где и какие именно* институты имеют значение прежде всего. Кроме того, она дает новый аналитический ракурс, позволяя «препарировать» историю в разрезе каждого из 30 взаимосвязанных базовых институтов в сферах экономики, политики и идеологии, подробно описанных в главах 5–7. При этом речь идет не только о новом языке описания, но и о часто скрытых и ранее мало исследованных социальных структурах, важных для функционирования общества как социального целого.

В главе проанализированы внутренние и внешние источники институциональных изменений. Особое внимание уделяется «институциональным обменам» между государствами и их роли в развитии институциональной среды.

Рассматриваемый источник институциональных изменений в форме институциональных обменов неизбежно сопровождается явлением *институционального изоморфизма* (DiMaggio, Powell, 1983). Понятие *изоморфизм* отражает процесс гомогенизации, или ограничивающий процесс, который вынуждает единицу популяции походить на другие единицы, существующие в условиях той же среды (Hawley, 1968), требует от них определенной совместимости. Изоморфизм является следствием того, что неоптимальные формы выбраковываются из популяции (Hannan, Freeman, 1977), если им не удастся приспособиться к ней. Соответственно, институциональный изоморфизм предполагает обязательную адаптацию институтов в процессе их внедрения в иную институциональную среду, обращает внимание на необходимость их приспособления к тем условиям, в которых им предстоит действовать.

Критерием успешности и завершенности институционального обмена выступает установление устойчивых связей между заимствованными институциональными формами и собственной институциональной средой данного общества. На деле это означает, как правило, существенную модификацию внедряемого элемента, при которой может даже сохраниться привнесенное название, но изменяется его суть, что диктуется объективными требованиями доминирующей институциональной матрицы.

В качестве примера можно вспомнить позаимствованную в России времен НЭПа из модели Y-экономики такую институциональную форму, как трест. Так, в американской экономике тресты представляли собой частнособственнические монополистические объединения, которые были крупнейшими игроками рынка (первым был трест Standard Oil Рокфеллера в 1879 г.). В России, где даже во времена НЭПа до-

минировала модель Х-экономики, трест рассматривался как государственный орган, работа которого заключалась в контроле за рыночными процессами, что четко фиксировалось соответствующими инструкциями. Тресты действовали самостоятельно на основе утверждаемых типовых уставов, но уже к началу 1930-х гг. превратились в промежуточное административное звено иерархической модели управления промышленностью.

В главе также отмечено, что в процессе институциональных изменений постоянно решается задача поиска динамического *институционального баланса*, т.е. соответствующего времени, возможностям государства и внешним вызовам приемлемого соотношения институциональных форм для реализации доминантных и комплементарных базовых институтов. При «правильном» институциональном балансе альтернативные базовые институты поддерживают друг друга, сглаживаются возможные негативные последствия тотального превосходства доминантной матрицы, а действие комплементарных институтов ограничивается необходимыми пределами.

Обосновывается тезис о том, что при проведении направленных институциональных изменений в последние десятилетия более успешными были западные страны, где исторически доминирует Y-матрица. В них взаимодействие управленческих структур и обществоведов исторически имеет достаточно тесный характер. Интеллектуальное сообщество этих стран за прошедшие века проделало огромную работу (вольно или невольно выполняя идеологический «государственный заказ»), убедив население и правительства в справедливости и незыблемости основ исторически установившегося в них институционального социального порядка. Предполагается, что в странах с доминированием Х-матрицы предстоит проделать аналогичную работу.

Глава 10 иллюстрирует приложение теории институциональных матриц к анализу прошлого, настоящего и будущего развития России.

Поскольку в основе складывающегося институционального порядка лежат особенности материальной среды, то, прежде всего, подробно проанализированы преимущественно коммунальные характеристики материально-технологической среды России. Показано, что по мере исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России углублялась и возрастала. Свойство коммунальности распространялось и становилось характерным не только и не столько для ресурсных отраслей, но и для важнейших технологических систем и отраслей общественной инфраструктуры. Детальность проведенного анализа связана с тем, что подобные особенности обычно не принимаются во внимание в качестве значимого фактора институциональных изменений.

Затем положения ТИМ использованы для иной, по сравнению с историческим мейнстримом, реконструкции некоторых периодов отечественной истории. Так, «призвание варягов» (X в.), положившее начало российской государственности, трактуется как необходимость поддержания коммунальной инфраструктуры страны (тогда это была система речных путей, обеспечивавшая торговлю с Византией и другими государствами) и целостности формировавшегося древнерусского государства.

Далее, X-Y-теория обращает внимание на значение институциональных переносов, активно осуществлявшихся в русском государстве во времена так называемого татаро-монгольского ига (XIII-XV вв.). В этот период были заимствованы идея о воззрении на государя как верховного собственника, прикрепление крестьян и закрепощение посадских людей, идея об обязательной службе и местничестве «служилого сословия», монгольские палаты были скопированы при учреждении московских приказов (Леонтович, 1879), за годы «ига» была внедрена характерная для Золотой Орды система почтовых путей — «ямов», иерархическая система сбора дани в денежной форме и др. В конечном счете, это поспособствовало развитию Московского царства и, в дальнейшем, возвышению Руси.

Преобразования Петра I также получают иную оценку. В.О. Ключевский метко писал, что «Петр начал свои реформы с ландратов, а кончил приказной избой». Действительно, петровские реформы, основанные на заимствовании институциональных форм стран Западной Европы, зачастую противоречили природе и строю сложившихся российских учреждений. Преодолеть это противоречие, т.е. изменить природу доминантной институциональной матрицы, не удалось даже Петру Великому. Сохранив заморские названия, многие нововведения были восприняты лишь в той мере, в которой они способствовали решению реальных проблем страны и смогли встроиться в ее институциональную среду.

Заключительный параграф посвящен анализу содержания и перспектив реформ в постсоветской России. С точки зрения X-Y-теории в сфере институциональных преобразований выделены два этапа — до и после 2000 г., различающиеся между собой направленностью институционального дизайна (политики по созданию новых институтов).

В 1990-е гг., после распада СССР, содержанием преобразований стал демонтаж доминирующей X-матрицы с ее, казалось, изжившими себя институтами, и замена их на институты альтернативной Y-матрицы. Политологи называют этот первый период реформ «ельцинским» по имени первого президента России Б.Н. Ельцина. В экономике происходило тотальное замещение институциональной системы, основанной на государственной собственности, иной системой экономических институтов, базирующихся на частной собственности, что было приватизацией в широком смысле этого слова. В политической сфере была поставлена задача замены прежнего унитарного государства на федерацию с развитием соответствующих ее природе демократических институтов — выборов, развития начал самоуправления, модернизации судебной системы. В сфере идеологии произошел отказ от системы коммунистических ценностей и начался поиск новых адекватных идей. Отправной точкой при этом послужило провозглашение прав человека как высшей общественной ценности.

Второй этап российских реформ начинается с 2000-х гг. и продолжается по настоящее время. Он совпал с деятельностью выбранного в 2000 г. президента В.В. Путина. Особенностью второго периода стала переориентация социально-экономической политики от повсеместного внедрения институтов Y-матрицы в сторону модернизации институтов X-матрицы. Задача кардинальной «вестернизации» уже не стоит на повестке дня: идет поиск нишевых пространств для комплементарных институтов Y-матрицы.

Прошедшие 10 лет с момента предыдущего издания книги позволили проверить, насколько реализовались сделанные ранее прогнозы относительно перспектив институционального развития нашего общества. Прогнозы носили качественный характер, для их проверки использовался анализ принятых законов и постановлений правительства федерального уровня.

Прогнозы институциональной динамики в экономической и политической сфере в целом подтвердились. Так, договорная (контрактная) модель управления замещает прежнюю «административно-командную» управленческую модель. Продолжается поиск оптимального соотношения между государственными и частными структурами, а также новых форм их взаимодействия (например, законодательство о государственно-частном партнерстве). В политической сфере продолжается модернизация властной иерархической вертикали с перераспределением полномочий, прав и ответственности между уровнями управления — от федерального до муниципального. Также создаются механизмы кадровой политики, в которых сочетаются выборное и назначенческое начала. Наконец, происходит укрепление системы сбора и обработки обращений, являющихся основным сигнальным механизмом регулирования политической сферы стран с доминированием Х-матрицы.

Делается вывод о том, что ТИМ в состоянии представить научные средства для осознания и прогнозирования происходящих в институциональной среде изменений. Следующая задача, решение которой лежит уже за пределами настоящей книги, состоит в разработке количественных методик институционального анализа на основе предложенной теории.

Глава 11, появившаяся в новом издании книги, посвящена анализу динамики современного мира в зеркале теории институциональных матриц. В ней обосновывается наличие глобальных институциональных циклов и устойчивость биполярности. В данном случае биполярность означает постоянную представленность в мировом масштабе двух групп стран и государств, отличающихся доминированием либо Х-, либо Y-матрицы. При этом речь не идет о политическом противостоянии, «антагонизме жизненных интересов» или идеологической борьбе двух групп стран, но об их взаимодействующем сосуществовании. Характер этого сосуществования (дружественный, противодействующий или иной) определяется причинами, выходящими за рамки положений ТИМ.

В книге определены масштабы соотношения названных групп стран в разные исторические периоды. Необходимость анализа долгосрочной динамики потребовала обращения к базе данных, обобщающей основные экономические показатели большинства стран за предыдущие столетия. Таким источником стала известная база данных Ангуса Мэддисона (Maddison Database, 2010), где представлена многолетняя динамика сопоставимых уровней ВВП ряда стран (измеренная в млн. Geary-Khamis международных долларов 1990 г.), начиная со Средних веков и до 2008 г. Данные за 2009–2012 гг. были рассчитаны на основе показателей Мирового банка (Worldbank Database, 2013). Представлены обоснования выбора периодов расчета и критерии отнесения включенных в выборку стран в группы тех, где доминирует Х- или Y-матрица. Итоговые результаты расчетов показаны на графике (рис. 5).

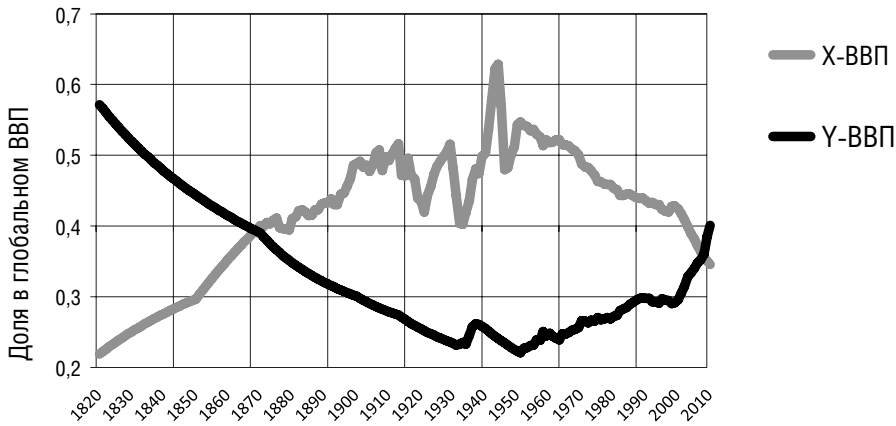

Рис. 5. Соотношение стран с доминирующими X- и Y-институциональными матрицами в мировом ВВП, 1820–2012, %.

В выборку стран, суммарно производивших в разные периоды не менее 75% мирового ВВП, включены те государства, по которым была представлена статистика с 1820 г. К странам с доминированием институциональной X-матрицы отнесены Китай, Индия, Бразилия, Япония и страны бывшего СССР, или Российской империи. К странам с доминированием Y-матрицы отнесены европейские страны — Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария, а также Австралия, Новая Зеландия, Канада и США.

Наложение двух графиков (суммарной доли ВВП выбранных стран с доминированием X-матрицы и суммарной доли ВВП с доминированием выбранных стран Y-матрицы) позволяет увидеть волновой (циклический) процесс. В отношении доступных данных наблюдается 140-летняя волна, в ходе которой происходит смена мирового лидера: с 1820 г. (и ранее, см. Frank, 1998, p.126) в мировом ВВП лидировали страны X-матрицы. Начиная с 1870 г. начинается преобладание стран Y-матрицы, которые стали производить более половины мирового ВВП. Максимальный разрыв между этими группами стран наблюдался в 1950–60-е годы, а с 1970 г. он начал сокращаться. С 2008 г. страны X-матрицы выходят на лидирующие позиции, то есть превосходят страны Y-матрицы в производстве ВВП. Причем, как показывают цифры за 2009–2012 гг., этот разрыв постепенно увеличивается.

Таким образом, на наших глазах меняется глобальная конфигурация основных мировых игроков в мировом хозяйстве. Преобладание стран X-матрицы в мировом ВВП сопровождается так же, как можно видеть, ростом значимости X-институтов в странах с доминированием Y-матрицы. После кризиса 2008–2009 гг. усиление государственного регулирования и централизованного управления, следование идеологии «общего выживания» становятся в них все более популярными.

Волновые процессы институциональной динамики наблюдаются не только на глобальном, но и на национальном уровнях. Поиск баланса доминантных и плементарных институтов, складывающийся под воздействием внешних и внутренних причин, становится стратегически значимым для каждой страны. Этот факт все более осознается политиками и исследователями. Так, говоря об экономической политике третьего тысячелетия, Дэвид Коландер пишет, что на смену политики «правильных цен» пришел «современный подход к политике, построенный на принципе «правильных институтов» (Коландер, 2006/2000, с. 390).

Динамику институциональных балансов демонстрируют Н-П-циклы, или циклы национализации-приватизации в странах Латинской Америки (Полтерович, 2012, с. 30), промышленная политика Японии, реформы современного Китая, Новый курс Ф. Рузвельта в США, перманентные дискуссии «славянофилов и западников» в российской политике и другие проанализированные в книге примеры.

В заключительной **Главе 12** (ее также не было в предыдущих изданиях) сделана попытка организовать заочную дискуссию с читателями книги. Во-первых, здесь даются ответы на типичные часто задаваемые вопросы (*frequently asked questions*, или FAQ), повторявшиеся в разных аудиториях за годы, прошедшие после опубликования первых изданий книги «Институциональные матрицы и развитие России» в 2000 и 2001 гг.

Во-вторых, дискутируются проблемы приложения X-Y-теории. С этой целью обозначены пределы и ограничения ее использования.

Первое ограничение связано с тем, что категория институциональных матриц адекватна, прежде всего, для исторически устойчивых социально организованных обществ, имеющих собственную историю. В первую очередь это государства, исторически долго сохраняющие контуры территориальной и политической целостности. В то же время ее приложение ограничено в отношении, во-первых, догосударственных форм социальной организации (племен, родовых общин и др.), прекративших, как правило, свое существование. Во-вторых, X-Y-теория слабо применима к изучению небольших стран, особенно находящихся на границе групп государств с разным типом доминирующих институциональных матриц (например, Прибалтийские страны).

Второе ограничение связано со *структурным* представлением об обществе как объекте исследования. Фокус внимания на структурных характеристиках означает, что исходной точкой исследования является статика. Динамика в данном случае предстает как развертывание институциональной структуры. Такой подход является достаточно распространенным в социальных науках. В свое время еще Огюст Конт ввел формулу: «прогресс есть развитие порядка». При таком подходе выявленная в теории институциональных матриц социальная статика означает солидарность в пространстве, в то время как социальная динамика может рассматриваться как сохранение или изменение солидарности социальных структур во времени. Поэтому в X-Y-теории упор делается на преемственности социальных отношений и их влиянии на последующее развитие общества прежде всего посредством сложившейся структуры этих отношений. Принятая аксиоматика ограничивает применение X-Y-теории для анализа иных движущих сил социально-экономических процессов, связанных прежде всего

с деятельностью личностей и групп людей в историческом процессе — для таких исследований более продуктивны иные подходы. Хотя теория институциональных матриц и позволяет определить «коридоры эволюции» тех или иных государств, она не дает достаточного аппарата для объяснения того, какими конкретными способами будет организовано (или может быть организовано) движение по этим коридорам.

Третье ограничение накладывается на временные параметры тех процессов, для объяснения которых целесообразно использование теории институциональных матриц. Она плохо работает для «ситуационного анализа» мимолетных (в историческом смысле) явлений. В то же время X-Y-теория обладает достаточно хорошими эвристическими возможностями для объяснения динамики долгосрочных процессов, как в ретроспективном, так и в перспективном планах. Также она позволяет «вылавливать» из множества возникающих институциональных форм те, которые имеют наибольшую вероятность закрепления в действующих социально-экономической и политической структурах и в отношении которых можно ожидать широкой общественной поддержки. Критерием выступает обычно соответствие той или иной формы природе институциональной матрицы и ее вкладу в формирование необходимого институционального баланса. Другими словами, теория институциональных матриц хорошо объясняет факторы отбора тех или иных практических решений, но плохо объясняет факторы их выбора.

Отмечена также общеметодологическая трудность в приложении теории институциональных матриц. Она связана с тем, что ТИМ вступает в противоречие с доминирующим экономическим и социологическим дискурсом, в основе которого лежит принцип *методологического индивидуализма*. В свою очередь, концептуальной предпосылкой X-Y-теории является гораздо менее распространенный в экономике и социологии принцип *методологического институционализма*. Под методологическим институционализмом понимается подход к исследованию любой социальной, в том числе экономической системы (от микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов) и *объяснение* общественных явлений в терминах функционирования и изменения институциональной структуры.

То, что методологический институционализм как осознанная предпосылка не является характерным принципом в экономических и социальных науках, сдерживает возможности приложения теории институциональных матриц, или X-Y-теории. Тем не менее, у теории открытое будущее, частью которого она, хочется верить, уже является.

В Заключении рассмотрено значение теории институциональных матриц, или X-Y-теории для понимания и прогнозирования социально-экономического развития России и его сопоставительного анализа с мировыми трендами.

Библиография книги содержит 822 источника на русском и английском языках за период с 1868 по 2014 г. (некоторые работы еще в печати).

Также в книге представлены «Дерево понятий» теории институциональных матриц, Терминологический словарь и Contents & Summary на английском языке.

Summary

The book “Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y theory” is now published as a 3rd edition (previous editions of the book titled “Institutional matrices and development of Russia” were published in 2000, Moscow and in 2001, Novosibirsk). The fundamental principles and structure of the book have been preserved, but the text was considerably revised and extended due to the inclusion of new facts and further development of the theory’s main principles regarding institutional matrices. The present edition exceeds the previous ones by almost one and a half times their volume.

The **Introduction** substantiates the main task of the book. It is to provide an efficient theoretical hypothesis to correctly explain the peculiarities of socio-economic development in Russia and other non-Western countries, for which the concepts of “market” by dominant intellectuals from the “Big Four”¹ have been found to “work poorly”. At the same time, the task of developing a general sociological theory was solved, so that language would permit us to consider the peculiarities of both Western and non-Western countries as “special cases” and thus to realize their common patterns of socio-economic development. The task was additionally set to empirically verify a proposed scientific system that could successfully correlate Russian development with social processes in other countries.

The book pays careful attention to analysing the breadth and depth of basic institutions that define the historical trends of socio-economic development in modern nation-states. In this respect, the proposed theory

---

¹ The “Big Four” includes the USA, Great Britain, Germany and France. This term was proposed by Gregory Sandstrom in his dissertation at the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (2010).

contains a “critique of methods” (Skinner, 1950) of other theories that do not pay adequate attention to the value of “institutional matrices” that are rooted in national social structures.

The Introduction likewise confirms the need to construct theories in the natural and social sciences that can be followed when developing institutional matrices theory (IMT). The rich tradition of Russian social science and the specific character of our experiences during the great “period of changes” in post-Soviet Russia are depicted as ultimately favourable factors for developing the macro-socio-economic theory elaborated in this text.

The first part of the book introduces the main ideas and provides preliminary historical illustrations as background to the proposed theory.

Chapter 1 designates the initial postulates of IMT. It begins by showing characteristics of the scientific context for its creation, as well as the authors that have most influenced the formation of the theory. The main predecessors make a *Top 12 list* for IMT including the French philosopher and social theorist August Comte (1798–1857); German philosopher, sociologist, and economist Karl Marx (1818–1883); French sociologist Emile Durkheim (1858–1917); Hungarian intellectual, forced to flee to Austria, USA and Canada Karl Polanyi (1886–1964); the group of scientists of the “state school of Russian historiography” of the second half of the XIX century (A.D. Gradovskiy, I.I. Dityatin, P.N. Milyukov, V.I. Sergeevich, et al.); Russian-American sociologist Pitirim Sorokin (1889–1968); American sociologist Talcott Parsons (1902–1979); American economist Douglass North (born 1920); Ukrainian-born American economist Harvey Leibenstein (1922–1994); Russian culturologist Alexander Akhiezer (1929–2007); Russian sociologist Tatiana Zaslavskaya (1927–2013); and Russian sociologist Olga Bessonova (born 1958).

IMT belongs in the sphere of comparative institutional analyses. This identifies not only a common theme, but also shares a similar methodology. This methodology: 1) proposes a holistic approach, 2) considers institutional structures of society as the primary focus of investigation, 3) applies a comparative typological method of analysis, and 4) develops a universal ‘neutral language’ to describe the investigated social systems (Ананьин <Ananyin>, 2002, pp. 9–12).

The historical-material approach creates a background within which IMT is being developed. The notion of “basic institutions” constitutes the main feature of the theory. Basic institutions are understood as profound, historically stable and permanently reproducing social structures of relations that provide integrity for different societies. They represent historical invariants for particular societies that preserve their integrity and development inside their unique material-technological environments. Such an interpretation places emphasis on the properties of institutions as the most important factors of selection in the special system of human relations, as it was pointed out by Thorsten B. Veblen (Veblen, 1984/1899, p. 200).

The basic institutions that express the constantly preserved properties of the institutional environment of a certain society are distinct from the particular “institutional forms” that are represented “on the surface” of social life. Such institutional forms are mobile and changeable; they born and die, bearing the impress of the civilizing context and reflecting the efforts of social groups in forming the rules of social community life with respect to the time and place.

The first chapter closes by representing the model of society as a social system, with three main subsystems in IMT, namely, economic, political and ideological (see Figure 1).

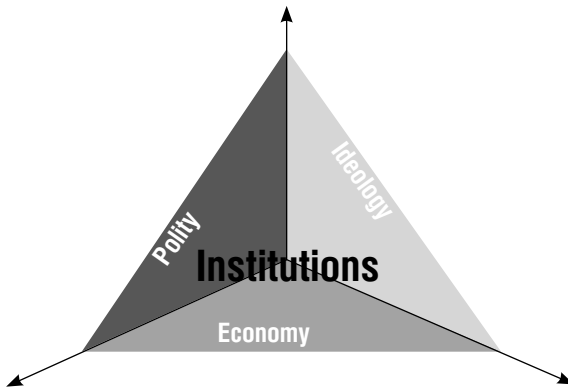

Figure 1. Model of society used in IMT

Economy, polity and ideology represent the main spheres of public life, each of which performs a definite function in the support of a society's integral unity. The economic sphere involves the cost and receipt of resources for life activities restricted to the external environment of a society's members. The political sphere creates the conditions for the collective organization to realise society's goals. Finally, the ideological sphere facilitates the "norming" of individual and collective activity defined by the system of values that make a basis for the communication and relations between members of society.

Chapter 2 explores the central notion of an 'institutional matrix' for IMT. An institutional matrix is a stable, historically arranged system of basic institutions that govern the interrelated functioning of the main social spheres, namely, economy, polity and ideology. The traditions of Marxian and structural thought — which tends "to explain the nature of any of these institutional procedures and, especially, its dynamics starting with the principles of 'deep' or concealed structure" (Эйзенштадт <Eisenstadt>, 1999, p. 64) — are thus continued in developing the notion of the institutional matrix. In my investigating the institutional matrix, I follow not only Douglass North, who described this term in his works (1989, 1990), but also Karl Polanyi approach (1957, 1977) who stressed the embeddedness of institutions (Gemici 2008).

The relevant historical, philosophic, economic, sociological, and culturological literature as well as empirical studies permit us to show that various institutional complexes of ancient and modern nation-states may be represented as a combination of two institutional matrices on a macro-level. They possess a common structure, but differ in the *content* of their economic, political and ideological basic institutions (see Figure 2). These matrices are named X- and Y-matrices, and the institutional matrices theory, therefore, carries a second name — X&Y theory.

The X-matrix is characterized by the following basic institutions:

- In the economic sphere — *institutions* of a "*redistributive economy*" (a term introduced by Karl Polanyi, 1953): Redistributive economies are characterized by a situation where the center (on the top) regulates the movement of goods and services, as well as the formal and informal rights of their production and use;

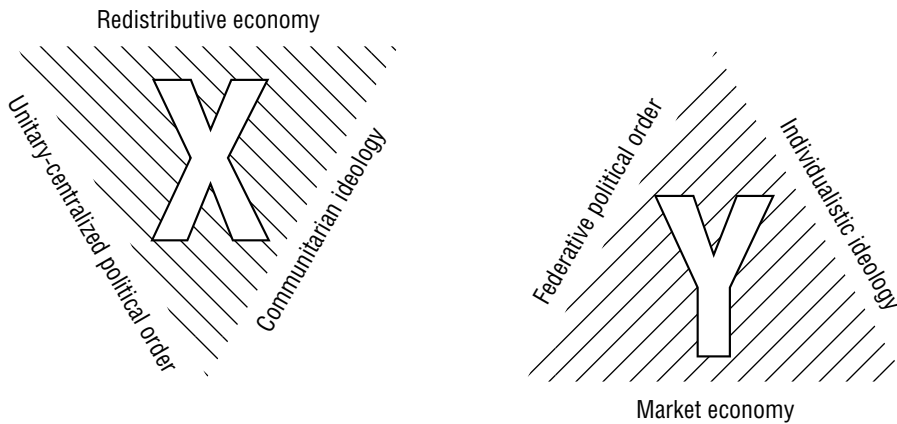

Figure 2. X & Y institutional matrices

- In the political sphere — *institutions of a unitary (unitary-centralized) political order*;
- In the ideological sphere — *institutions of communitarian ideology*: Their essence is expressed by the idea of preference towards collective, shared, public values and relations over individual, sovereign, private ones, the priority of “We” over “I.”

We contend that X-matrix institutions predominate in Russia, China, India, and in most Asian and Latin American countries.

The following basic institutions characterize the Y-matrix:

In the economic sphere — *institutions of a market economy*;

In the political sphere — institutions of a federative (federative-subsidary) political order;

In the ideological sphere — *institutions of individualistic ideology*: It proclaims the preference towards individual values and relations over collective ones, the priority of “I” over “We.”

Y-matrix institutions prevail in most European and North America countries, as well as in Australia and New Zealand.

In all societies and nation-states, X- and Y-matrices interact, with one of them permanently prevailing. Nevertheless, the matrices do not entirely exclude one another, given that both types of matrices co-exist concurrently in every given case. In other words, the social structure of any society can be singled out as a dynamic binary-conjugate structure of these two interacting, yet alternative institutional complexes. The domination of one of the matrices over the other is usually constant in the course of history. The institutions of the prevailing matrix, therefore, serve as a performance framework for additional institutions to the other matrix.

The institutions of the main matrix in a society are named “predominant” and the institutions of the other subordinate matrix are named “complimentary.” The predominant institutions define the type of social identity of specific societies, while complementary institutions are also “a must,” but they have an additive character and play a required, but

auxiliary role, providing for stability of the institutional environment in each definite social sphere. Just as the dominant gene in genetics “suppresses” the recessive one and sets the revealing features of a living organism, so it is also that predominant institutions define the character of the institutional environment occurring in a society, setting the frames and restrictions for the activities of complimentary auxiliary institutions. Schematically these ratios are shown on Figure 3.

Figure 3. Combinations of predominant and complementary institutional matrices

The main feature of the predominant and complementary institutional matrices means is that one deals with a dialectical model. Dialectical conflict resolution occurs at each stage in the interaction of the two types of matrices, and each time the “opposition of the contradictions on a new qualitative level is the driver of the development” (Баранов <Baranov>, 1992, p. 134).

Chapter 3 is dedicated to an analysis of material conditions as the main factor influencing the definitive matrix of an institutional structure. The background and a review of investigations on the role of the material-technological environment is represented in the establishment of institutions. The material-technological environment is represented by the nature conditioned productive and social infrastructure’s branches with their inherent technological and management systems, which provide the life conditions for human populations.

The social features of a material-technological environment are revealed by their uses for mutual social activity, starting with engaging elements of the natural environment in economic circulation. Despite multiple environmental characteristics and the ongoing technological progress, the material-technological environment maintains the social features of **communality** or **non-communality**. These latter notions were first defined in 1996 (Bessonova, Kirdina, O’Sullivan, 1996, p. 17–18).

Communality denotes that the material-technological environment can exist as a whole, integrated, and indivisible system, whose parts cannot be removed without threatening its integrity. A communal environment can function only in the form of public goods and cannot be divided into parts bought and sold by the unit. Accordingly, joint and coordinated

efforts by a considerable percentage of the population, as well as a unified and centralized government are needed. The institutional content of a nation-state, developing within a communal environment, is eventually determined by the tasks of coordinating the joint efforts towards a more effective public use. Examples of such communal environments are the ancient trade road “from the Varangians to the Greeks”, including a system of rivers, dikes and channels of Ancient Rus’, technologies of flooded rice growing in ancient and modern China, irrigative watering in Egypt, and centralized heating supply to Russian cities, etc.

Non-communality signifies the breaking of the material-technological environment into parts, wherein the latter function independently and are used private usage. A non-communal environment is reducible into separate, disconnected elements. Moreover, it is able to disperse and can exist as an aggregate of dissociated, independent technological objects. In this case, individuals, families or groups of people can involve parts of the non-communal environment in their economy, maintain their effectiveness, and use the results obtained on their own, without practically cooperating with other members of the society. When this is the case, the main function of institutions is to assure that interaction can take place between atomized economic and social agents. Examples of such non-communal environments are individual farming technologies in agriculture, autonomous diffuse heating supply in cities, etc.

IMT shows that all countries have elements of both communal and non-communal material-technological environments, but that their correlations are different. If the nation-state is being developed in the conditions of a principally communal environment, then X-matrix institutions prevail in the institutional structure. If the environment is mainly non-communal, then Y-matrices are more adequate.

Chapter 4 compares the institutional structures of two of the most famous ancient states in history — Ancient Egypt and Mesopotamia. The environmental conditions and the applied technologies of agrarian production and structures of the economic and political institutions as well as guided values and ideologies are compared. The evidence shows that starting at the very beginning of the nation-state period of human history states with two alternative prevailing institutional matrices have been represented. So, X-matrix institutions were predominant in Ancient Egypt — a redistributive economy, unitary political order and communitarian ideology. Mesopotamia (Babylonia), on the other hand, reveals an example of a “state of states”, wherein Y-matrix institutions play the leading role — a market (exchange) economy, federative political order and individualistic ideology.

Though most historians consider both states as rather similar and refer them as one group of countries in the Ancient Near East, instead IMT permits us to detect profound institutional differences in their arrangement. This serves to explain the considerably different trajectories of their further social and economic development in several aspects.

The second part of the book explains in detail the basic institutions forming X- and Y-matrices.

Chapter 5 is dedicated to the study of economic institutions. Firstly, the common characteristics of two types of economic subsystems are provided, named those found in X- and Y-economies. This reveals that the rich and various conceptual and methodological

tools have been formed over the past 200 years when studying market-based Y-economies. At the same time, investigations into redistributive-oriented X-economies have been conducted inconsistently and using rather un-integrated theoretical approaches. Such underdevelopment of theoretical reflection about X-economies is considered as one of the main reasons for their less effective elaboration compared to theories about Y-economies in recent decades. This situation continues to impede proportional development of economic theories in the current epoch of “knowledge economy”.

The most important institutions that define the difference between X- and Y-economies are those that involve *transfer of goods rules between economic agents*, that is, redistribution and exchange, respectively. Their peculiarities are shown in Figure 4.

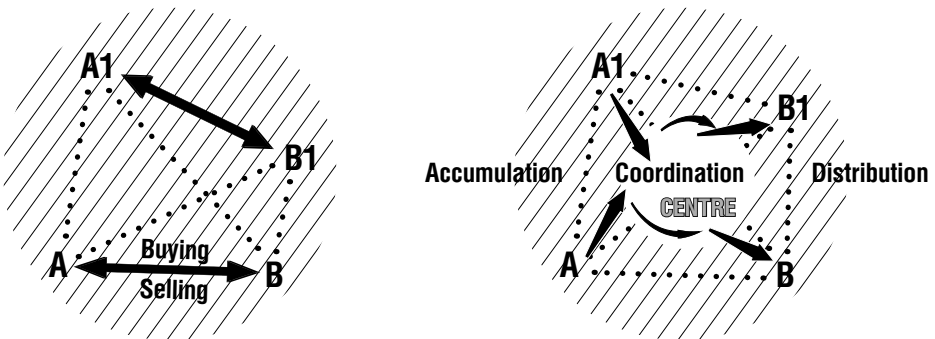

Figure 4. Interactions between economic agents in the exchange and redistribution models

The relations occurring between two economic entities both in market and redistributive economies are identical: in both cases we observe the transfer of resources or produce from a conventional subject A to subject B on the surface of events. Likewise, the reverse is a receipt of monetary or material compensation for the values transferred or services rendered. But the institutional mechanisms of this common procedure are different, as it is reflected in the diagram.

The procedure of horizontal interactions in the market Y-economy in the form of “purchase and sale” is the principal process, which is marked by the bold arrows connecting A and B subjects in an exchange model. The dashed arrows define indirect connections of the subjects with other market participants. These connections show that the terms and conditions of transactions between definite subjects are defined by the state of the market, i.e. by the level of prices and costs, the presence of similar and alternative goods, functioning rules, etc.

In contrast, the interaction between A and B subjects in redistributive X-economies are a consequence of processes of accumulation, coordination and distribution performed with the participation of an economic center (C). Therefore, the named processes are marked by bold arrows identifying the main content of redistributive relations, in addition to contacts between economic subjects that in this context are marked by dashed arrows.

What conditions the formation of the economic center in X-economies? The coordination of economic transactions in a communal material-technological environment is re-

quired not only between two subjects, but also with other participants in economic life, as they function in a communal technological complex. Economic agents strive to minimize the transaction costs detected by Ronald Coase (Coase, 1937), which means that the most important required coordination is centred in one body. This results in an accumulation of required information, defines the priorities and other rules of interactions in the communal sphere as well as the concentration of resources, which are required to support the coordinating role of the center in X-economies. The redistribution model is therefore distinct from the exchange model of economic processes, which is expressed by the relevant pair of interpenetrating *buying-selling* phases. The redistribution model includes not two, but three sides: a pair (at least) of economic subjects and the center that mediates their interactions. The three phases of *accumulation-coordination-distribution* (Polanyi, 1977, p. 40–41) are respectively distinguished, which pertains not only to resources (welfare, services and products), but also to the legislative norms (accounting, control and the like) associated with them.

The full set of basic institutions of redistributive X-economies and market Y-economies analyzed by IMT is represented in Table 1. It shows that these institutions differ by their content, though they perform similar functions.

Primary attention is paid to *X-efficiency (cost limitation)* and *Y-efficiency (profit maximization)* institutions that perform the functions of providing feedback signals in X- and Y-economic models. This highlights a new pair of institutions that was not considered in previous editions of the book. They are included in the analysis after acquaintance with the works of Harvey Leibenstein, who distinguished the differences between X- and Y-effectiveness (he introduced these notions into scientific use in 1966). The inclusion of

Table 1

INSTITUTIONS OF X- AND Y-MATRICES IN THE ECONOMY AND THEIR FUNCTIONS

Functions of economic institutions	Basic institutions of X-economy	Basic institutions of Y-economy
Transfer of goods	Redistribution (accumulation–coordination-distribution)	Exchange (buying-selling)
Regulating access to goods (property rights system)	Supreme conditional ownership	Private ownership
Interaction between economic agents	Cooperation	Competition
Labour system	Employed (unlimited term) labour	Contract (short and medium term) labour
Feedback loops (effectiveness indexes)	Cost limitation (X-efficiency)	Profit maximization (Y-efficiency)

Leibenstein's understanding of institutions permitted me to complete the models of X- and Y-economies in this book.

Usually one model of either X- or Y-economies dominates in economic practice, while the institutions of the alternative model perform a required as well as auxiliary role in ensuring that the national institutional economic environment is stable. The chapter thus finishes by describing examples of interactions between predominant and complementary economic institutions in different national economies in the pursuit of proper proportionality.

Chapter 6 describes models of unitary and federative political subsystems, which are typical for X- and Y-matrices. The unitary political order or an X-polity is characterized by centralization and mono-centricity of governance as well as engagement in the formation of "subordinate" areas in the total nation-state territorial structure. In its turn, the federative political order of a Y-polity supports the "component" character of nation-states and the functioning of (relatively) independent governance centers in the territories.

The available scientific literature, especially legal works, applies the notions of a federative and unitary character quite often, but as only relative forms of nation-state arrangement. This book depicts that these terms occur with deeper content and reflect the internal essence of political systems and communities as a whole, which are constructed under unitary or federative principles. It was also pointed out that specifying a federative character in the name of a nation-state does not always mean which basic institutions dominate it. Thus, a unitary political order preserves many countries naming themselves "federations" e.g., Russia, Brazil, India, etc.

Two types of institutions govern different types of political orders (Table 2) that are considered in detail. Performing the same public functions (in the left column of the table),

Table 2

INSTITUTIONS OF X- AND Y-MATRICES IN POLITY AND THEIR FUNCTIONS

Functions of political institutions	Basic institutions of X-polity	Basic institutions of Y-polity
Territorial organization of the state	Administrative-territorial division (unitarity)	Federative-territorial structure (federation)
Governance system (decision making flows)	Vertical hierarchical authority with center on the top	Self-governance and subsidiarity
Access to governing positions	Appointment	Election
Type of interaction in the order of decision making	General assembly with the rule of unanimity	Multi-party system with the rule of a democratic majority
Feedback loops	Appeals to higher levels of hierarchical authority	Legal suits

the basic institutions of federative and unitary political subsystems have different content (in the right two columns).

I have shown a variety of definitive political systems that are ultimately characterized by the predominance of either X- or Y-matrices of political institutions. This actual discrepancy over *communality* and *non-communality* has been realized in varied institutional structures, as the Chapter shows.

The chapter finishes by analysing the interactions of unitary and federative institutions via the political systems of various countries, which is seen when some of them dominate while the others are complementary.

Both systems of political institutions may be perceived by the population of a nation-state as being necessary and functioning based on various measures, which are implemented inside and outside and are shared by citizens based on “public agreement”. The conditions and background for such an agreement are a scientific and practical understanding of political models realized in a given society, including their development and social articulation (as adequate legal norms) and their recognition by citizens and all social groups as normative and effective in conforming to the common interests of the people.

Chapter 7 investigates the complexes of institutions of communitarian and individualistic ideology as shaped in X- and Y-matrices.

At first the specific analysis of ideology is depicted from the position of the investigator’s institutional approach. In this framework ideology is understood not only as “imaginary relations of individuals with real conditions for their existence”, or as “conceptual visions of the world”, but also as having practical existence, which is reflected by various types of mass behaviour. Ideology as a practice supposes social relations that form the coordinates of human activity. The task lies in separating latent public norms that exist independently of specific individuals and groups, which are met by each generation as they occur and continue to govern mass social behaviours. Careful attention is given to detecting basic public ideas, which reveal themselves as major tendencies, including common reasoning of changing viewpoints, opinions, concepts and ways of thinking about perfecting norms and rules of social behaviour and those that serve to reproduce the nationally ideal social system.

Louis Althusser paid attention to the peculiarity of realising ideology in social systems, saying that ideology is manifested in different social institutions, ceremonials and practices, including ideological state apparatus (Althusser, 2011/1970). He also shared the thesis that it is peculiar for ideology to possess a definite structure and functioning, which turn it into non-historical reality, i.e. an *all-historical one*, to the effect that these structures and functions are in their certain form indispensable and actual in the notion we name an integral history. In other words, ideology in such an understanding is represented by the ever-present, trans-historical, unchangeability in its shape across centuries (Ibid.), which conforms to the notion of a *basic institution* that I introduce with IMT.

Ideology as an institution supports the requirements for social development and economic growth, specifically “support of consensus (unity of opinions) under the basic principles and reference marks between the main groups and social layers, especially within

the political, economic and intellectual elites of the country” (May <Mau>, 2002, p. 15). It also makes possible the common platforms of interaction in the political sphere of a society. In this sense, ideology should not be perceived as merely a negative distortion of political reality, but rather as a framework for understanding how ideas shape the polity in any nation-state via its institutions.

Thus understood, ideology is represented as a peculiar kind of institutional cultural framework, which permits people “to embody” it in the structure of the social system and to point out its specific functions, which differ from the functions of the economic and political subsystems. Ideology “engages” social processes (Abercrombie, Hill, Turner, 1997, p. 109) that play a decisive role in constructing the positional structure of a society and how individuals self-identify in this collective structure.

Among the multiple functions of ideology as an interactive sub-system of society, five functions are selected as the most important:

- first, supporting the determinants of social development, i.e. of the stable rules that define the character of interrelations between society’s members;
- second, maintaining guideline opinions regarding social structure and identity, which are historically expressed in a nation-state’s social consciousness as characteristic, true and expected;
- third, transmitting dominating social values, i.e. the representations of the character of public arrangements that define typical social expectations, mass behaviours and initiate a definitive value system;
- fourth, reproducing crucial labour motivations and outlining considerable national incentives of labour activity;
- fifth, establishing a set of stereotypes for thinking about common (shared) property, which is most adequate for the economic and political arrangement of the society based on a definite institutional matrix (X- or Y-).

The basic institutions of X-matrix communitarian ideology and Y-matrix individualistic ideology that serve to enable these important social functions are represented in Table 3.

The basic ideological institutions reveal themselves in various forms: norms, behavioural formulas, stereotypes of action and thinking, definite concepts and doctrines, and sets of values reflected in national consciousness. Despite the fact that peoples around the world possess an approximately similar set of human values, nevertheless they range differently, giving priority to certain values instead of others (Касьянова <Kasyanova>, 1994). Such a range serves as a particular validation for one type of social-cultural activity and also as an obstacle for the others. Public choices made in favour of communitarian or individualistic ideological institutions manifest themselves in history (they preserve alternatives, in a smaller or larger proportional range) and condition the significance of various institutions that preserve and develop an identifiable nation-state.

The chapter ends with examples of interaction between predominant and complementary ideological institutions in a number of countries over several historical periods.

The third part of the book is dedicated to a comparative analysis of the stability of institutional matrices and institutional changes. A reflexive note about the book’s theory here seems necessary. During the period of time that passed since the publication of the first

Table 3

INSTITUTIONS OF X- AND Y-MATRICES IN IDEOLOGY AND THEIR FUNCTIONS

Functions of institutions	Basic institutions of X-ideology	Basic institutions of Y-ideology
Core principle of social actions	Collectivism	Individualism
Normative understanding of social structure	Egalitarianism	Stratification
Prevailing social values	Order	Freedom
Labour attitudes	Well-being-oriented	Pecuniary-oriented
Principles of common thinking	Integralism — holism — continuity	Specialization — reductionism — discrecity

editions, one of the main trends of IMT criticism was its alleged static character and insufficient attention to analysing dynamic aspects of polity, ideology and economy. Therefore the third part supplements the previous editions with two new chapters dedicated to the occurrence of institutional statics and dynamics.

Chapter 8 places the main emphasis on investigating the historical stability of institutional matrices. Douglass North, one of the first to investigate of this phenomenon, combined the stability of institutional matrices with the increasing returns peculiar to them, and the ability of institutional matrices to be self-supported (North, 1990). The strong stability of institutional matrices explains *path dependence* (the dependence from the way of the preceding development) potentially giving rise to ‘lock-in’. The history of ancient and modern states shows that the main paths of economic and political evolution cannot be turned the clock back (or reversed) as a result of the inconsiderable events or errors. Historical attempts to radically change the predominant position of an institutional matrix have resulted in the weakening or destruction of states, as depicted in this chapter.

This also again points out the role of external conditions of the material-technological environment in relation to society. These conditions define the robustness of the predominant institutional matrices. The formation of institutions follows the laws of self-organization of the complicated systems in the external environment. This self-organization is expressed in the creation of definite institutional structures from the chaos, which are none other than “processes organized in an environment in a definite way” (Курдюмов <Kurdyumov>, 1990, p. 4). Institutional matrices are represented by a sort of structure, localized in definite parts of the external material-technological environment.

Theoretical statements on the stability of institutional matrices, arising out of the analysis of their properties and supported by data of historical investigations, permit the real-

ization that the changes occurring in societies are evolutionary (or developmental) as well as revolutionary. The analysis of vast materials regarding social revolutions in France, Russia, and some countries of Southeast Asian countries, performed on the basis of X&Y theory, provides a new insight into the nature and reasons for these revolutions.

I promote the thesis that a revolution is a moment in the process of evolution (or development). It is represented by the spontaneous return of social structures to the predominant institutional matrix, which was had been deformed as a result of the unconscious actions of the social subjects inside a nation–state, or impacted by the external influences. The continuous character of historical processes as a progressive advance along the spiral of development is restored by revolutions (see Figure 5).

Such a judgment seems paradoxical, but it returns us to the initial meaning of “revolution”. From Latin, the word *revolvere* means “the return, the rolling back, the circulation”. The term “revolution” was relied upon in natural sciences during the fourteenth century, and meant “rotation movement, moving in a circle”. For example, Nicolas Copernicus named his famous work “On the Revolutions of the Heavenly Spheres” (*De revolutionibus orbium coelestium*, 1543). The current understanding of revolutions as the cardinal changes in the economic and political organization of a society is based upon the works of Karl Marx and his evaluations and interpretation of the events that occurred during and as a result of the French Revolution (1789–1799).

At the same time, a number of researchers pay attention to the restoration of institutions, which have been historically established in a country, during revolutions. Thus, one of the most famous “revolutions” having been realized in the Asian countries is the Japanese Revolution of 1868 (also Meiji Reform, or Renewal). According to experts, its main

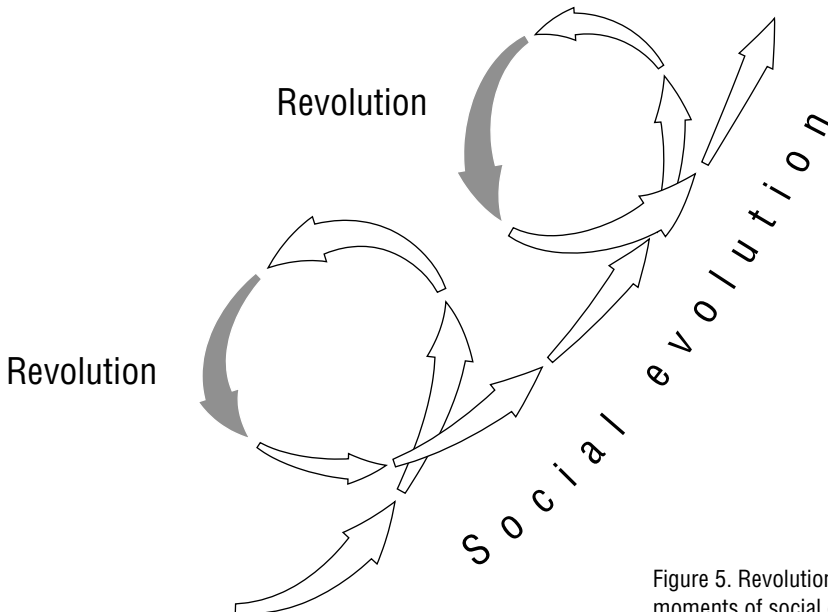

Figure 5. Revolutions as moments of social evolution

content and vision of the world is “a utopia inverted in the past” (Webb, 1968, cited in Eisenstadt, 1992, p. 391). On one hand, in the course of major administrative reforms, Japan again became a unitary state. New vertical executive power was created in accordance to the Japanese tradition of the eight century, and Confucian values were again hailed as the official state ideology. On the other hand, however, the Meiji Revolution was responsible for the emergence of Japan as a modernized nation by the early twentieth century. In fact, the renewed forms of basic institutions of the dominant X-matrix helped Japanese society to answer the challenges of modernization.

A similar conclusion regarding the preservation of deep institutional structure was made by Alexis de Tocqueville in relation to the French Revolution. Almost 150 years ago, he wrote that “the revolution should not have changed the character of our civilization as considered by the others ... It should not change the essence of the fundamental laws being the basis of the human societies here in the West” (Tocqueville, 1998/1856, p. 23). Tocqueville explained that the causes of the revolution were the super-centralization of governance at federal and local levels. From the IMT standpoint that policy threatened to replace the political order typical for the European countries with unitary-centralized political institutions. Similar attempts were made in the economy. The central government by administrative order set prices and confiscated food supplies, introduced a rationing system, required all villagers to participate in the harvest work and the like (Eucken, 1996/1939, p. 82–83). Finally, the French Revolution restored the dominant position of the Y-matrix in the institutional environment of French society, and contributed to the development of a market economy and federative political order.

At the turn of twentieth centuries, there was an effort in Russia to replace the historically dominant institutions with complementary ones. But in Russia’s case, it was an attempt to change the dominant position of X-matrix into Y-matrix institutions, not the other way around — namely, “building capitalism” and a multi-party political system. The Russian October (Bolshevik) Revolution reconstructed the dominant institutions into X-matrix institutions. That is, a redistributive economy, a unitary political order, and communitarian ideology came into being in the Soviet Union.

IMT competes with theories of market transition and societal transformation in explaining their causes and results for Eastern European (EE) countries. From the IMT point of view, the so-called modern “revolutions” that took place in most of the Eastern European states should be considered “restitutional” in character. After World War II, and as a result of powerful USSR’s influences, the EE-states were forced to develop institutions for a Soviet, X-matrix-social-system style as an alternative to Western capitalism, which contradicted the original institutional Y-matrix in most of these countries. When the Soviet influence weakened following the collapse of the USSR, the EE-countries were able to reconstitute their historic institutional order, and rather quickly.

The robustness of the dominant institutional matrices helps one understand their resistance to “contra-institutional reforms” in many nation-states. The relevant discourse has brought forth some new arguments that explain the “grassroots resistance” to deep marketization in many societies, and answers the question “Why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else?” (de Soto 2000).

In his book, *The Mystery of Capital*, Hernando De Soto — a well-known Peruvian economist — tackles the question of why some countries succeed in capitalism while others fail. According to De Soto (2000), the main problem lies in the legal structure of property and property rights. He argued that every developed nation in the world at one time went through the transformation from predominantly informal, extralegal ownership to a formal, unified legal property system, meaning a private property system. Private property allows people to create capital and facilitates other market institutions. In the book, De Soto shares facts from the history of Latin American about attempts in many countries to implement private property land rights in countryside and private property housing rights in urban areas. De Soto analyzes a wide range of special programs, supported by the World Bank and other international organizations, as well as inside reforms to develop private property systems in Latin American countries. He concludes that all of these efforts have failed.

In my research, I have also analyzed in detail the dynamics of land property in Russia during the last centuries (Кирдина <Kirdina>, 2003). My analysis of the data collected by a number of Russian and foreign researchers reveal that the institutional basis of land relations in Russia remains stable: The economic institutions of X-matrix dominate when the Y-matrix economic institution has a complementary character. At the same time, the balance between X- and Y-institutions is not static, but changes cyclically. The same is true regarding the newest period in Russia's history. This was confirmed by a study of Russian land legislation in the period 1994–2012 (Соколов <Sokolov>, 2013).

Both in Russia and Latin American countries, the resistance to a widespread private ownership of land is due to the predominance of X-matrix institutions in mainly communal environment. So, these nation-states need an adequate system of property rights that should be different from that of many Western countries, and they have been trying to do it by trial and error for a long time.

Chapter 9 reveals the peculiarities of considering institutional change using IMT. It points out that the fundamental stability of institutional matrices does not imply a “frozen state”, and invariability of public life. The correlation of institutional matrices, defining a set of possible social, economic, and political transformations, with the logical development of social forms, does not cancel the constant improving of the institutional environment and the active role of social subjects in this dynamic process.

Pursuant to the delimitation of basic institutions and institutional forms, institutional change are understood as a process of perfecting the institutional forms. Such approach differs from the concepts of institutional change, where the nature of the predominant institutional matrix of society and its role in the choice of social development trajectories is disregarded. At the same time, such an understanding is close to the branch of research in the framework of *path dependency*, in which the value of institutional matrices is recognized as a definite “filter” of success or failure of the permanently adopted social innovations.

Supplementing the well-known slogan that “institutions matter” (North, 1990), X&Y theory, first and foremost, specifies *where* and *which* institutions matter. Additionally, it provides a new analytical view that permits people/scholars to study history divided into

30 interrelated basic institutions in the spheres of economy, polity and ideology, described in detail in chapters 5–7. This way it deals not only with a new descriptive language, but also often faces concealed and previously not very well investigated social structures, which are important for the functioning of a society as an integrated unity.

The chapter analyses both internal and external sources of institutional change. Special attention is given to the “institutional exchanges” between nation-states, and their roles in the development of the institutional environment.

Institutional change in the form of the institutional exchanges are accompanied by the phenomenon of *institutional isomorphism*, according to Paul DiMaggio and Walter Powell (1983). The notion of *isomorphism* reflects a process of homogenization, or formative procedure, that forces one unit in population to resemble other units existing in the same environmental conditions (Hawley, 1968), thus requiring certain compatibility between them. Isomorphism is a consequence of rejecting the non-optimal forms of a population if they are unable to adapt to it (Hannan, Freeman, 1977). Institutional isomorphism supposes a compulsory adaptation of institutional forms, implemented into another institutional environment, thus paying attention to the need for adapting to the actual conditions.

The criterion for successful and complete conditions for institutional exchange is the establishment of stable connections between adopted institutional forms and the institutional environment of a particular society. In practice, this means the need for considerable modification of some implemented elements when the introduced name of an adopted institutional form may be preserved, but its essence changed. This determines the national requirements of the predominant institutional matrix in a nation-state.

I could present the institutional form of “trusts” as an example of a borrowed economic form from the Y-matrix economic model imported into Soviet Russia during the New Economic Policy (NEP) period (1921–1928). At that time, trusts in the US economy denoted private ownership and monopolistic unions that were the major market players (the first trust, “Standard Oil”, was established by John Rockefeller in 1879). In Soviet Russia, where even during the NEP period the X-economy model dominated, “trusts” (*tresti*) were considered state institutions that controlled market processes, fixed by relevant political instructions. At first, the trusts functioned by themselves, based on government approved articles of association, but it turned into intermediary administrative chains in a hierarchical model of industry control by the 1930s. Thereafter, they were completely absorbed by the vertical system of economic power in USSR, and becoming its integral element.

The Chapter also points out the important task of searching for a dynamic *institutional balance*, i.e. of relevance to the historical period, the capacities of the country and external challenges. The goal should be to find and support the optimal combination (cf. proportional balance) of predominant and complementary institutions. When the “correct” institutional balance is achieved the alternative basic institutions support each other, the possible negative influences of societal excesses from the predominant matrix are smoothed, and the relationship of complementary institutions is steadied by the required limits.

The book’s thesis contends that Western countries, in which Y-matrices have historically dominated, were more successful in recent decades conducting a directed institutional change. Here the interaction between governance structures and social scientists

(those who provide the economic and political ideas for other social groups) has a rather specific character. The intellectual communities of Y-matrix countries have accomplished major work over the last two centuries with regard to scientific reflection about the characteristics of Western societies. Thus, they have largely succeeded in persuading their respective peoples and governments in the overall fairness and inviolability of the historically established fundamental institutional system. Similar intellectually self-validating activities should be accomplished in countries with predominantly X-matrices in order to achieve a more equitable and culturally justified status quo.

Chapter 10 depicts the application of IMT to analysing the past, present and future development of Russia.

At the basis of Russia's current institutional order is the peculiar material-technological environment, which is predominantly communal. Historical developments of the communal material-technological environment in Russia are deep and widespread. Communal features of life in Russia grew and became typical not only for resource branches, but also for the most important technological systems and aspects of social infrastructure. I make a detailed analysis that connects the rise of communality in Russia with similar circumstances that are often disregarded by Y-matrix nation based historians, but which contribute as a considerable factor involving institutional changes.

The presented analysis reveals how IMT can be used to reconstruct other periods of our native history in contrast with the historical Y-matrix mainstream. Thus, "calling for the Varangians" (X century) to initiate Russian statehood is reinterpreted as fulfilling the need to support both communal infrastructure in the country (which was then only a system of river paths enabling trade with the Byzantine Empire and other states) and the integrity of forming the ancient Russian state.

Taken in this light, X&Y theory pays attention to the significance of institutional transfers, which were actively performed in the Russian state during the so-called Tatar-Mongol Yoke (XIII–XV centuries). In this period, the idea of viewing the sovereign as a supreme owner was articulated, as well as assigning peasants and tradespersons with the idea of compulsory service of "service class men". Elements of the Mongolian hierarchical system were duplicated when establishing the Moscow governance (Леонтович <Leontovich>, 1879). Also, a system of mail paths called "yams" was implemented during the period of "yoke", which was typical for the Golden Horde (borrowed from China). Additionally, a hierarchical system designed to collect monetary tributes was implemented. These decisions promoted the development of the Moscow kingdom and further exalted the Russian state.

Through the lens of IMT, Peter the First's reforms are also appraised differently. His well-known reforms in Russia were actually borrowed institutional forms from Western Europe, which often conflicted with the nature of historically Russian institutions. Thus, even Peter "The Great" could not change the character of the dominant institutional matrix in Russia. Having preserved their names of origin, many innovations were only measured by the solutions that they could provide for real problems in the Russian homeland. The essence of foreign forms has been modified in accordance with the dominant alternative institutional environment of the nation-state.

The Chapter's concluding paragraph is dedicated to analysing the content and perspectives of reforms in post-Soviet Russia. The X&Y methodology let us to mark two stages of institutional transformations: before and after 2000. These stages differ by the direction of the institutional design and the policies to create new institutions.

In the early 1990s, when the USSR broke up, the content of the transformations was to disassemble the hereto then the predominant X-matrix institutions, with its seemingly obsolete institutions, and to replace them with Y-matrix institutions. Political experts often call this first period of reforms the "Yeltsin era," named after the Russia's first post-Soviet president, Boris Yeltsin. The attempt to totally replace the planned institutional system, based on state ownership of property, with an alternative system of economic institutions, based on private ownership, occurred in the economy, known as "privatization" in its broadest sense. In the political sphere, the task was to replace the USSR's previous unitary state with a federation of regions aimed at developing democratic institutions similar to those of Y-matrix nations. These included elections, developing self-management, modernization of the legal judicial system, and such like. Rejection of communist values occurred in the ideological sphere and a search for new ideas began. Thus, the initial point was "declaring human rights" as the highest public value in Russia.

The second stage of Russian reforms started in the 2000s and continues into the present. It coincides with the presidency of Vladimir Putin (first elected in to office in 2000, and again in 2012). The essential feature of this second period has been the reorienting of social and economic policy away from the total implementation of the Y-matrix institutions and toward modernization and upgrading of the historically normative X-matrix Russian institutions. The cardinal task of "Westernization" is no longer on the political, economic, or ideological agenda, but the search for appropriate development of complementary Y-matrix institutions is nevertheless ongoing.

10 years having passed since the previous editions of this book now permit us to check the degree that earlier forecasts were realised relative to the institutional changes and development of Russian society. These forecasts had a qualitative character which required analysis of laws and resolutions adopted by the government at the federal level to test my predictions.

Forecasts regarding institutional dynamics in the economic and political sphere were confirmed totally. Thus, the contractual management model has grown to replace the previous "administrative and command" management model. The search for an optimal ratio between the state and private structures has continued as well as searches for the new forms of interaction (e.g. legislation on a public-private partnership). Modernizing the operative vertical hierarchy has continued in the political sphere with a redistribution of powers, rights and liability between governance levels: from federal to municipal. The mechanisms of new staffing policies have started to be created, which combine both election and appointment. Finally, the Russian government has fortified the system of gathering and processing appeals, which is the main signalling strategy for governance in the political sphere for the X-matrix countries.

One can conclude that IMT has shown to be able to provide scientific means for recognising and forecasting changes that occur in various institutional environments. The next

task, which solves beyond this book, is to develop quantitative methods of institutional analysis based on the proposed theory. Several papers have already been published to this effect over the past 10 years and our team continues to conduct research and gather data both in Russia and internationally with other colleagues who are applying the IMT framework.

Chapter 11, which appears in the new edition of the book, is dedicated to analysing contemporary world dynamics in the mirror of IMT. It reveals the presence of global institutional cycles and encourages the stabilising character of the bipolarity between the X- and Y-matrix countries. In the latter case, *bipolarity means the permanent representation of two groups of countries and states on the world scale according to X- and Y-matrix institutional structures. Thus, it deals not primarily with political opposition*, “antagonism of fundamental interests” or an ideological fight between two groups of countries, but rather with their complementary and dynamic interactive co-existence. The book outlines a scale of ratios among the X- and Y-matrix countries over different historical periods. This is done by analysing the long-term dynamics found in a database that generalises the main economic index (GDP) across the X- and Y-matrix countries for almost 200 years. The Maddison Project Database (2010) provides the data source, which was used to compare levels of GDP in millions of dollars (USD, 1990 base year). The data used for 2009–2013 came from the World Bank (World Bank Database, 2014). The Chapter presents reasoning for selecting this period for calculation and criteria for a sample of the specific countries included in each group, where X- or Y-matrices dominate. The results are shown below in Figure 6.

The selected countries produced at least 75 % of world GDP. Countries with predominant X-matrix institutions include China, India, Brazil, Japan and countries of the former USSR, or the Russian Empire. Countries with predominant Y-matrix institutions include European countries — Austria, Belgium, Great Britain, Germany, Denmark, Italy, Netherlands, Norway, Finland, France, Sweden, Switzerland — as well as Australia, New Zealand, Canada and the USA.

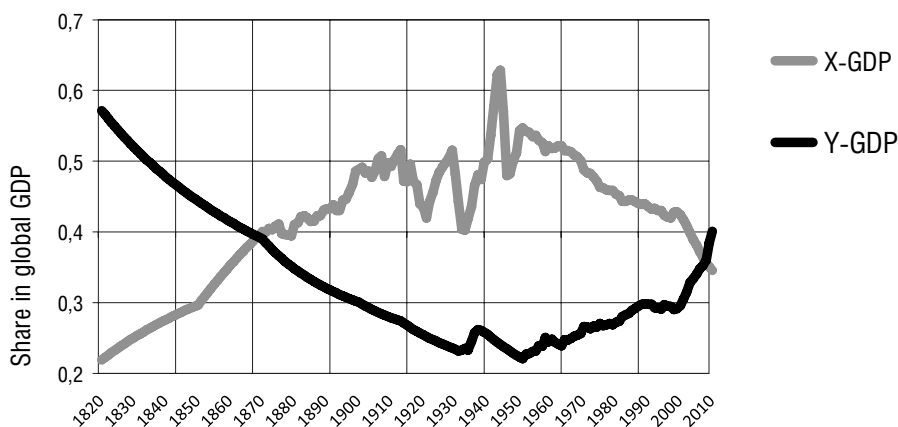

Figure 6. Countries with predominant X- or Y-institutional matrices combined as a ratio of world GDP %, 1820–2013

The two curves (total share of GDP of selected X-matrix and Y-matrix countries) indicate a wave (cyclical) process. A 140-year wave is observed from the available data, with changing world leadership. In 1820 (and before, see Frank, 1998, p.126), X-matrix countries led the world's GDP. Starting with 1870, Y-matrix countries start to dominate, producing more than half the world's GDP. The largest gap between these groups of countries was observed in 1950–1960, and then in the 1970's it started to reduce. Since 2008, X-matrix countries once again statistically returned to hold the leading positions, exceeding Y-matrix countries in GDP production. And according to the recent World Bank data for 2009–2013, this gap is gradually increasing.

Thus, we can roughly perceive the changing global configuration of the main countries in the world economy. The predominance of X-matrix countries in world GDP is also accompanied by the growing significance of X-matrix institutions in Y-matrix countries. One example of this, following the financial crisis of 2008–2009, the strengthening of state control and centralized management following an ideology of “common survival” become more and more popular even in Y-matrix countries.

The fluctuating waves of institutional dynamics are observed not only on the global, but also on the national levels. The search for balance in predominant and complementary institutions occurs under the influence of both external and internal reasons, which become strategically important for each country. This fact is becoming more comprehensively understood by politicians and scholars. Thus, in speaking of economic policy in the third millennium, David Colander writes that the “modern approach to policy built under the principle of the ‘correct institutions’ replaced the policy of the ‘correct prices’” (2006/2000, p. 390).

The dynamics of institutional balances is demonstrated by N-P cycles, or cycles of nationalization (N) — privatization (P) in the countries of Latin America (Полтерович <Polterovich>, 2012, p. 30), by industrial policy in Japan, reforms in modern China, the new course of Theodore Roosevelt in the USA, on-going discussions of “Slavophiles and Westerners” in Russian policy, as well as other examples analyzed in the book.

The final **Chapter 12** (also added after previous editions) attempts to organise and summarise the corresponding discussion with readers of the book. First of all, it provides answers to frequently asked questions (FAQ) or to questions that were repeated in different auditoria during the years that passed since publications of the editions in 2000 and 2001.

Secondly, the problems and challenges of applying IMT, or X&Y theory are discussed and its limits and restrictions of use are defined.

A first restriction is connected with the fact that the category of institutional matrices is appropriate, first of all, for *historically stable communities* and peoples that have their own history. These are nations, which have preserved the contours of territorial and political integrity historically. At the same time, IMT does not apply to pre-state forms of social organization (tribes, clans, etc.), which, have generally disappeared. Secondly, X&Y theory is only loosely applied to the study of small countries, especially those which border on states or groups of states with a different predominant institutional type (e.g., Baltic countries).

A second restriction is connected with the *structural* approach to society as an investigative focus. Attention is placed on structural characteristics, which means that the initial point of investigation is static. The dynamics in this case appears as institutional structures

are built and develop. Such an approach is sufficiently widespread in social sciences. August Comte, for example, introduced the formula “progress is the development of order”. So static social structures are detected by IMT, which means social dynamics may be considered as the preservation or change of social structural solidarity in space and time. The main focus for X&Y theory is therefore to identify the continuity of social relations and their influence on subsequent social development through structural relations. This structural static-dynamic axiom restricts the application of X&Y theory from analysing other driving forces of social-economic processes connected with the activities of individuals and groups of people in historical processes, for which other research approaches are more productive. Even though IMT permits us to discover the “corridors” of developing definite nation-states and institutions, it does not provide sufficient tools for explaining specific ways to organize (or if organization is possible) movement along these corridors.

A third restriction is laid on *the time periods* of structural change processes for which it is expedient to use IMT. It had tended to work ineffectively for “situational analyses” of sudden or short-term (in historical terms) social phenomena. At the same time, X&Y theory possesses rather good heuristic possibilities for explaining the dynamics of gradual or long-term processes retrospectively as well as prospectively. It also permits finding out about multiple appearing institutional forms, which possess the greatest probability to fix existing social and economic as well as political structures and for which it is possible to expect wide public support. The criterion for this is usually conformance to the historical-national institutional matrix and its composition in forming proportional institutional balance. Stated differently, IMT successfully explains human institutional environment as a selection factor for definite practical solutions, but it is not as effective explaining the features of human choices.

The general methodological difficulties in applying IMT are also pointed out. They connect with situations in which IMT opposes the predominant economic and social scientific discourse, which is based on the principle of *methodological individualism*. Instead, a much less widespread principle in economics and sociology of *methodological institutionalism* (Keizer, 2007; Кирдина <Kirdina>, 2013) is the conceptual prerequisite of X&Y theory. Methodological institutionalism is understood as an approach investigating any social, including economic, system (from micro- to macro-level) from the point of view of the formal and informal rules (institutions) supporting its integrity, development and *explanation* of public notions in the terms of functioning and change of the institutional structure.

The fact that methodological institutionalism is an intended pre-requisite is not a typical principle in economic and social sciences restrains the possibilities of applying IMT, especially outside of X-matrix nation-states. Nevertheless, the theory has an open future for global scholarship, a part of which, we believe, is here already.

The **Conclusion** considers the significance of IMT or X&Y theory for understanding and forecasting the social and economic development of Russia and offers a brief comparative analysis with world trends.

The book references more than 800 sources in Russian and English for the period from 1868 till 2014. As well, a “Terms Tree” of IMT or X&Y theory and a Glossary are added in the book.

Contents

Preface to the third edition	8
Acknowledgements	11
Preface to the second edition	13
Preface to the first edition	16
Introduction: Why do we need a new theory?	20

Part I.

FUNDAMENTAL NOTIONS AND HISTORICAL ILLUSTRATIONS

Chapter 1. The initial postulates of the institutional matrices theory, or X&Y theory	33
1.1. Scientific context of theory development: precursors and research fields.	34
1.2. The historical-material approach	42
1.3. The distinction between “basic institutions” and institutional forms	51
1.4. A systemic view on society: economy, polity and ideology	60
Chapter 2. The notion of an institutional matrix	66
2.1. Institutional matrix definition	66
2.2. Two types of institutional matrices: X- and Y-matrices	70
2.3. Characteristics of institutional matrices and complimentary institutions	73
Chapter 3. Communal and non-communal material-technological environment	79
3.1. The role of the material-technological environment: background	79
3.2. Communality/non-communality as a social feature of the material-technological environment	83
Chapter 4. Two ancient nations — two institutional matrices	89
4.1. Economic conditions	89
4.2. Polity and ideology	94

Part II.

TWO INSTITUTIONAL MATRICES — TWO TYPES OF ECONOMIC, POLITICAL AND IDEOLOGICAL INSTITUTIONS

Chapter 5. Redistributive and market economies, or X- and Y-economies	99
5.1. Two types of economic systems	99
new! 5.2. Basic institutions of redistributive X-economies	106
new! 5.3. Basic institutions of market Y-economies	123
5.4. Dominant and complementary economic institutions' interaction	128
Chapter 6. Unitary and federative political systems	136
6.1. Political institutions	137
6.2. Basic institutions of the unitary political structure in X-matrix	142
6.3. Basic institutions of the federative political structure in Y-matrix	166
6.4. Dominant and complementary political institutions' interaction	175
Chapter 7. Communitarian and individualistic ideology	184
7.1. The notion of ideology	185
new! 7.2. Basic institutions of communitarian ideology in X-matrix	191
new! 7.3. Basic institutions of individualistic ideology in Y-matrix	200
7.4. Dominant and complementary ideological institutions' interaction	208

Part III.

INSTITUTIONAL MATRICES AND INSTITUTIONAL CHANGE

Chapter 8. Sustainability of institutional matrices and revolutions	215
new! 8.1. Path dependence, increasing returns and robustness of institutional matrices	215
8.2. Revolutions as evidences of institutional matrices robustness	224
new! 8.3. X-matrix in land ownership in Russia: illustrative application	231
Chapter 9. The logic of institutional change	243
9.1. Institutional change as a process of institutional forms' development	244
9.2. Sources of institutional change	254
9.3. Searching for institutional balance and the limits of institutional environment conversion	260
Chapter 10. Institutional matrices theory about the past, the present, and the future of Russia	269
10.1. Communality of material-technological environment in Russia	269
10.2. Reconstructing some periods of Russian history	280
new! 10.3. Institutional reforms in post-Soviet Russia and my predictions have come true	286
NEW! Chapter 11. Dynamics of the contemporary world in the mirror of the institutional matrices theory, or X&Y theory	306
11.1. Global institutional cycles and stability of bipolarity	306
11.2. Contemporary nations in institutional balance searching	318

 Chapter 12. Discussion	334
12.1. FAQ: answers to frequently asked questions	335
12.2. Problems with application of the institutional matrices theory and mastering of «methodological institutionalism»	346
Conclusion	356
“Terms Tree” of IMT/X&Y theory	359
Glossary	360
References	382
Summary	423
Summary in English	444
Content in English	465

Научное издание

С.Г. Кирдина

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ
И РАЗВИТИЕ РОССИИ:
введение в X-Y-теорию**

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *И.А. Тимофеев, Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2013. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 37,73. Заказ № 0000
Тираж 000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23